К.Е. СКУРАТ

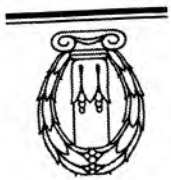
РУССКИЕ СВЯТЫЕ – ИХ НАСТАВЛЕНИЯ

К.Е. СКУРАТ

РУССКИЕ СВЯТЫЕ – ИХ НАСТАВЛЕНИЯ

К. Е. СКУРАТ

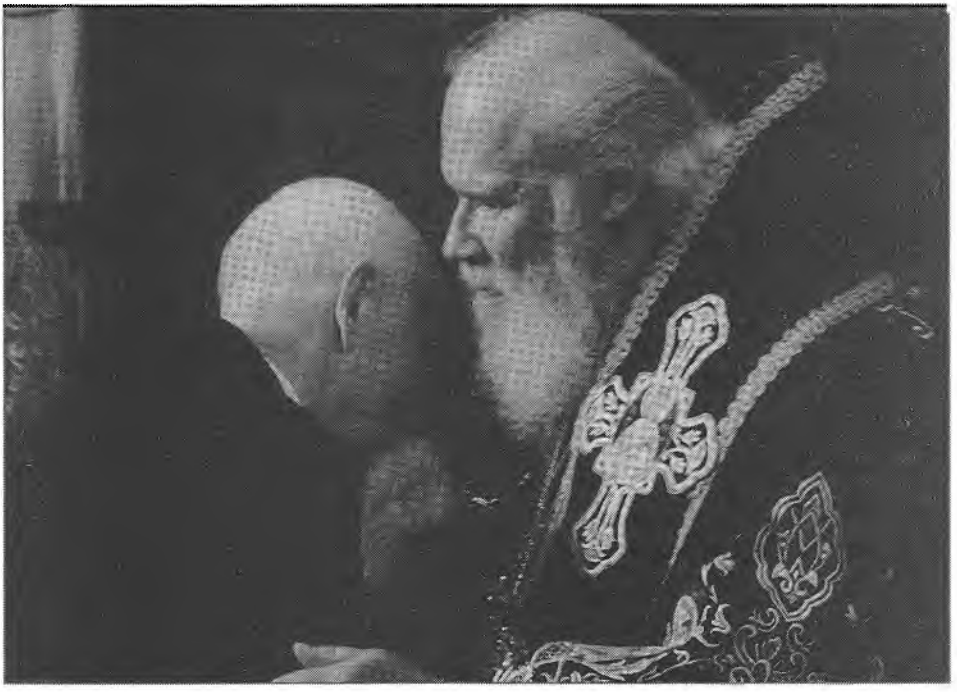
РУССКИЕ СВЯТЫЕ – ИХ НАСТАВЛЕНИЯ



Памяти дорогого нашего Отца и светлого
Великого Первоиерарха
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

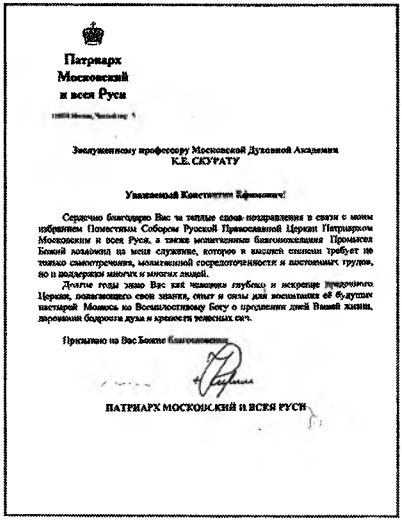
«Божие благословение да сопутствует изданию Ваших, дорогой Константин Ефимович, трудов в 11 томах. Имея огромный богословский, научный и жизненный опыт – очень важно им поделиться с теми, кто будет читать Ваши труды. Надеюсь также быть среди них».

Святейший Патриарх Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ II



В алтаре Успенского собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в день обретения честных мощей преподобного Сергия, игумена Радонежского 18 июля 2008 г.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл
с профессорско-преподавательским составом Московских Духовных Школ
8-го июня 2009 г. в Академическом храме



Патриарх
Московский
и всея Руси

Заслуженному профессору Московской Духовной Академии
К.Е. СКУРАТУ

Уважаемый Константин Ефимович!

Сердечно благодарю Вас за теплые слова поздравления в связи с моим избранием Поместным Собором Русской Православной Церкви Патриархом Московским и всея Руси, а также молитвенные благопожелания. Промысл Божий возложил на меня служение, которое в высшей степени требует не только самоотречения, молитвенной сосредоточенности и постоянных трудов, но и поддержки многих и многих людей.

Долгие годы знаю Вас как человека глубоко и искренне преданного Церкви, полагающего свои знания, опыт и силы для воспитания её будущих пастырей. Молюсь ко Всемилостивому Богу о продлении дней Вашей жизни, даровании бодрости духа и крепости телесных сил.

Призываю на Вас Божие благословение.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«Уважаемый Константин Ефимович!

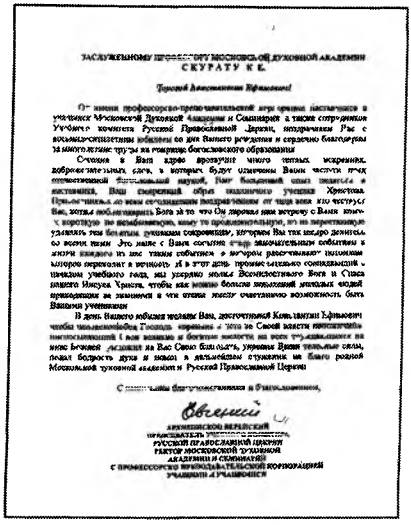
Сердечно благодарю Вас за тёплые слова поздравления в связи с моим избранием Поместным Собором Русской Православной Церкви Патриархом Московским и всея Руси, а также молитвенные благопожелания. Промысл Божий возложил на меня служение, которое в высшей степени требует не только самоотречения, молитвенной сосредоточенности и постоянных трудов, но и поддержки многих и многих людей.

Долгие годы знаю Вас как человека глубоко и искренне преданного Церкви, полагающего свои знания, опыт и силы для воспитания её будущих пастырей. Молюсь ко Всемилостивому Богу о продлении дней Вашей жизни, даровании бодрости духа и крепости телесных сил.

Призываю на Вас Божие благословение.

Патриарх Московский и всея Руси

КИРИЛЛ»



ЗАСЛУЖЕННОМУ ПРОФЕССОРУ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
СКУРАТУ К.Е.

Горячий Константин Ефимович!

От имени профессорско-преподавательской корпорации наставников и учащихся Московской Духовной Академии и Семинарии, а также сотрудников Учебного комитета Русской Православной Церкви, поздравляем Вас с восьмидесятилетним юбилеем со дня Вашего рождения и сердечно благодарим за многолетние труды на поприще богословского образования.

Сегодня в Ваш адрес прозвучит много тёплых, искренних, доброжелательных слов, в которых будут отмечены Ваши заслуги пред отечественной богословской наукой, Ваш бесценный опыт педагога и наставника, Ваш смиренный образ подлинного ученика Христова. Присоединяясь ко всем сегодняшним поздравлениям, от лица всех, кто чествует Вас, хотим поблагодарить Бога за то, что Он даровал нам встречу с Вами: кому-то короткую, но незабываемую, кому-то продолжительную, но не перестающую удивлять тем богатым духовным сокровищем, которым Вы так щедро делитесь со всеми нами. Это наше с Вами событие стало замечательным событием в жизни каждого из нас, таким событием, о котором рассказывают потомкам, которое переходит в вечность. И в этот день, промыслительно совпадающий с началом учебного года, мы усердно молим Всемилостивого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, чтобы как можно больше поколений молодых людей, приходящих за знаниями в эти стены, имели счастливую возможность быть Вашими учениками.

В день Вашего юбилея желаем Вам, досточтимый Константин Ефимович, чтобы человеколюбец Господь, «времена и лета во Своей власти положивый», ниспосылающий Свои великие и богатые милости на всех труждающихся на ниве Божией, умножил на Вас Свою благодать, укрепил Ваши телесные силы, подал бодрость духа и помог в дальнейшем служении на благо родной Московской академии и Русской Православной Церкви.

С наилучшими пожеланиями и благословением,

Архиепископ Верейский Евгений,
председатель учебного комитета Русской Православной Церкви,
ректор Московской Духовной Академии и Семинарии
с профессорско-преподавательской корпорацией учащими и учащимися»

УДК 27-9"00/04"
ББК 86 37-4
С46

Скурат К.Е.
С46 Русские святые – их наставления/К.Е. Скурат
Яхрома: Троицкий собор, 2009 – 852 с., илл.
ISBN 978-5-903-487-03-5

В книгу вошли труды заслуженного профессора Московской Духовной Академии, почетного члена Минской Духовной Академии, доктора Церковной истории Константина Ефимовича Скурата.

Автор тщательно выбирает лучшее из хорошего и таким образом представляет полезнейший материал, нужный для вступающего в духовную жизнь и для возрастающего в ней

Первая часть книги посвящена святому Игнатию Брянчанинову, известнейшему Подвижнику и Святителю Русской Православной Церкви XIX века К. Е Скурат останавливает свое внимание на письмах Святителя Кавказского, в которых столько теплоты, участия, задушевности и мудрых советов. Всѐ это доброе разнообразие, вся глубина и широта наставлений и представлена автором книги

Следующая часть, «К Духовному облику христианина», посвящена письмам и мнениям выдающегося проповедника митрополита Филарета (Дроздова).

Последняя часть книги представляет творения святого праведного Иоанна Кронштадтского, куда вошли. «Духовные размышления и советы» (по «Дневнику» 1856-1858 гг. святого праведного Иоанна Кронштадтского), «Деятельная жизнь православного христианина» (по творению святого праведного Иоанна Кронштадтского «Путь к Богу»), «Благовествует святой праведный Иоанн Кронштадтский (по его беседам, словам, поучениям, речам) Предлагаемый труд представляет собой систематическое изложение бесценного духовного сокровища, оставленного нам для наставлений в православной вере и святой жизни.

Книга предназначена для священнослужителей, богословов, мирян, студентов духовных школ и всех интересующихся трудами святых Отцов Церкви.

ISBN 978-5-903-487-03-5

К. Е. СКУРАТ

РУССКИЕ СВЯТЫЕ – ИХ НАСТАВЛЕНИЯ

Том III

Троицкий собор
Яхрома, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I.
Святитель Игнатий (Брянчанинов)

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ) НАСТАВЛЯЕТ 13
Вместо предисловия 14
I. Догматические темы 15
II Пороки 23
III. Добродетели 38
IV. Духовное устроение православного христианина 53
V. Путь терний 121
VI. Промысл Божий 145
VII. Память о смерти 152
VIII. Опасности на пути спасения 165
IX Духовное руководство 177
X Наставления инокам 184
XI Духовное воспитание, образование 217
XII. Трудность времени 221
Заключение 225

ЧАСТЬ II.
Святитель Филарет (Дроздов)

К ДУХОВНОМУ ОБЛИКУ ХРИСТИАНИНА
(по письмам и мнениям свт Филарета Дроздова) 229

ЧАСТЬ III.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский

«МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ» – ПУТЬ ОПЫТНОГО БОГОПОЗНАНИЯ 249
Вместо предисловия 251
I. Наследие Праведника 252
II. Приоткрытие тайны духовного возрастания святого Иоанна 254

III. Источник духовного возрастания и совершенства – Триединый Бог 257
IV. Бог Творец и Промыслитель 261
V Сын Божий Господь наш Иисус Христос 265
VI. «Ипостасная Сила Божия» – Дух Святой 271
VII «Мати сущи Живота ..» 277
VIII. Ангелы 286
IX Святые 291
X. Ковчег духовного возрастания, спасения – Церковь 297
XI. Молитва 308
XII. «Наше дивное небоподобное Богослужение» 336
XIII. Земной «Ангел Господа». 365
XIV Человек 372
XV. Грехи, борьба с ними 383
XVI Покаяние – очищение от греха 400
XVII Добродетели, их величие и красота 406
XVIII. Образование, воспитание 418
XIX Благодать Божия, Промысл Божий 424
XX. Конечность пути 430
XXI Инославие 433
Заключение 440

ДУХОВНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И СОВЕТЫ
(по «Дневнику» 1856-1858 гг.) 441
Предисловие 442
I К житию святого праведного Иоанна Кронштадтского 444
II. О Триедином Боге 447
III. Поклонение Божией Матери и почитание Святых 456
IV Почитание Святого Креста и святых икон 460
V Чего надо опасаться – избегать 463
VI К чему должно стремиться 481
VII Несчастья «приводят в себя» 512
VIII Что необходимо постоянно 517
IX. Особое знание – чтение Священного Писания 542
X. Советы священникам 545
XI. Советы пребывающим в разных состояниях 557
XII. К размышлению о жизни в Церкви 560
XIII Что полезно помнить всем 563
XIV. Помощь Божия 569
XV Да будет воля Твоя 573
XVI Образы святости 575
XVII. Монологи 576
Заключение 578

ДЕЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА
(по творению святого праведного Иоанна Кронштадтского «Путь к Богу») ... 580
Введение: «Человек... должен достигать совершенства» ... 581
I. Грех ... 589
II Добродетель ... 608
III. Покаяние, причащение, священство ... 621
IV Молитва ... 631
V. Единение с Богом ... 634
VI. «Слава воплощению Твоему, Господи» ... 638
VII. Ветхий и новый человек ... 646
Заключение ... 653

БЛАГОВЕСТВУЕТ СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДСКИЙ
(по его беседам, словам, поучениям, речам) ... 657
Предисловие ... 657
I. Из бесед святого праведного Иоанна Кронштадтского ... 660
II. Важнейшие праздники во славу Господа нашего Иисуса Христа и Божией Матери ... 685
III. Воскресные дни – полный годовой круг ... 725
IV. Дни памяти Святых, храмовые праздники, торжественные дни и разные события ... 790
А. Дни памяти Святых ... 790
Б. Храмовые праздники ... 804
В. Торжественные дни ... 808
Г. Разные события ... 816
I. Слово к учащим и учащимся ... 816
II. В путь всея Земли ... 819
III. Разное ... 822
Заключение ... 831

ЧАСТЬ I

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ)

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ) НАСТАВЛЯЕТ...[1]

«Со вниманием прочитывай мои недостойные письма, не спеши. Моли Бога, чтоб даровал мне слово истинное, духовное, а тебе разумение этого слова. Слово духовное точно невещественное неудобоемлемо, ускользает от ума ветхого. Оттого и случается, что перечитывающий его встречает в нём много нового, ускользающего при первом чтении и чтениях...

Мне хочется, чтоб книга моя была другом, всегда утешительным, никогда не обременительным... Хочу, чтоб книга удобоприступна была каждому, как друг...

Благословен Бог – Отец Света, от Которого всякое даяние благо и всяк дар совершен! Людям, седящим во тьме и сени смертней, свет воссия, то есть Христос в Его истинном учении...»

---

[1] По письмам святителя Игнатия.

Вместо предисловия

Давно мечтал я приступить к изучению эпистолярного наследия святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского († 1867), но житейские заботы уводили меня к исполнению других обязанностей. Год тому назад я уже было начал приводить свою мечту к исполнению, но опять должен был остановиться, а остановка привела ко многим потерям сделанного.

Кроме главной причины, двигавшей меня к исполнению мечты – изучить наставления святителя Игнатия (в письмах они бывают самые живые, тёплые, разнообразные, конкретные...), мне хотелось своим трудом почтить собирателя сих писем, ближайшего друга, известного старца, схиархимандрита Иоанна (Маслова) († 1991), профессора МДА и официального оппонента на мою магистерскую диссертацию, игумена Марка (Лозинского) († 1973). Отец Марк был и моим добрым другом. Царство Небесное и вечная память дорогому отцу Марку!

Святителю Отче Игнатие, помолись у Престола Божия, чтобы Господь помог мне исполнить задуманный труд и достойно пройти завершительную стадию моего жизненного пути!

«О великий и пречудный угодниче Христов, святителю отче Игнатие!.. Ты писаньми твоими сердца человеков глубочайшаго благоговения и покорности пред Всемогущим Творцом исполнял еси... Ты николиже притекавших к тебе отвергал еси... И ныне не остави нас, усердно тебе молящихся и твоея помощи и предстательства просящих»

(Из молитвы святителю Игнатию в конце акафиста).

I. ДОГМАТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

> «Свет от Света – Христос, Который грехи наши омыл и искупил нас от тьмы греховной. Ему сами себя и друг друга вручаем»
>
> *(168)*

Догматическим темам святитель Игнатий уделяет немного внимания. Да и там, где уделяет им внимание, темы эти предстают, в основном, в свете нравственных наставлений. Святитель учит: о Богопознании, о Лицах Святой Троицы, об Ангелах, спасении человека, действии благодати Божией...

1. Богопознание

На первое место в созерцании истин веры святитель Игнатий ставит познание Бога и придаёт этому духовному деланию первейшее значение. «Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир, – свидетельствует Святитель, – говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно полезным во время кратковременной земной жизни, – доколе наша чреда зеленеет – познание Христа, Который и Податель вечной блаженной жизни, и Путь к этой жизни» (435)[1]. «Познание Спасителя, а через то и получение блаженной вечности, есть первое счастие на земли, есть единственное сокровище человека» (577). Это величайшее благо для него. Все прочие блага, по сравнению с познанием Бога, «недостойны называться благами. Оно – верный залог вечного блаженства – и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными,

---

[1] Здесь и дальше в скобках цифры указывают страницы цитируемого текста по изданию: Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского // Составитель *игумен Марк (Лозинский)*. М.; - СПб , 1995. С. 312, 566, 152 Дальше страницы цитируемого текста по этому изданию указаны цифрами в скобках.

оно сохраняет всю свою силу» (453). Благо познания Бога есть величайший, особенный Божий дар (702), который «привлекается» покаянием и исполнением заповедей святого Евангелия. Для его стяжания требуется детская простота и невинность – стать чуждым «ко всему вожделенному и сладостному мира, как чужды его младенцы» (454). А стяжав этот дар, следует «сообщать его ближним» (453). Святитель осуждает тех, которые допускают вольности в своих мыслях о Боге. Он называет их «омраченными сынами мира» и продолжает: «Несчастные! Они не знают, как важны мысли о Боге, как важна в них Истина и ей всегда соприсутствующий и содействующий Дух» (456).

А как же учит сам Святитель о Триедином Боге?

II. Бог, Святая Троица

По Своему существу Бог непостижим. Умы, пытающиеся определить Беспредельного, объяснить Необъяснимого, впадают лишь в суетное шатание, становятся на путь сатанинский. «Именующийся христианином, и не знающий учения Христова! – восклицает Святитель. – Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога, – поди в школу, прислушайся – чему учатся дети! Им объясняют преподаватели математики и теории бесконечного, что оно, как величина неопределённая, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определённые – числа, что результаты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел» (392). Мы знаем о существе Божием лишь то, что Он Сам «благоволил открыть нам!» (393). Когда святой апостол Пётр «исповедал Господа Иисуса Христа Богом и Сыном Божиим, тогда услышал от Господа, что это открыл ему Сам Отец Небесный» (701-702).

Бог исполнен «всякого истинного блага» (341). Он есть *«святяй и освящаяй всяческая»* (341). Он – огнь, от действия которого «постепенно угасает, наконец, совершенно потухает огнь греховный, огнь плотский и душевный. Божественный огнь чист, тонок, светел, – сообщает уму истину, а сердцу чудное спокойствие, чудную хладность ко всему земному, обилие кротости, смирения, благости» (420). Ему

присуща безграничная милость, соединяющая нас здесь, на земле, «в единомыслие», а по завершении земного пути вселяющая «в дом вечный», где неизглаголанное блаженство, «где духовный праздник никогда не умолкает» (351). «Вижу бесконечную ко мне милость Божию, – зрит своими духовными очами Святитель, – вижу цепь беспрестанных Божиих благодеяний. За что излились они на меня? Недоумеваю. Чем заплатил я за них Благодетелю – беспрерывными грехами. Смотрю на грехи мои и ужасаюсь – как бы смотрел я в страшную глубокую пропасть, от одного взора в которую начинает кружиться голова. А что, если смерить эту пропасть?.. И начинаю измерять её скорбию, измерять воздыханиями и рыданиями!.. Ещё рыдаю, – внезапно изменяется в сердце печаль на восхитительную радость, как будто кто-то говорит моему сердцу: "Непостижимый благодетель Бог недоволен Своими благодеяниями; Он ещё хочет ввести тебя в небо, соделать причастником наслаждения вечного". Я верю этому: всякого благодеяния, как бы оно ни было велико, можно ожидать от безмерной благости Божией. Верую, – и в тихое, упоительное веселие погружается всё существо моё» (413). Веруя в милость Божию и зная её спасительность, Святитель скорбит, что встречаются люди, отвергающие её. «Как не остаться грустному впечатлению, – сетует он, – когда я видел, что отвергается милость Божия» (403). Милости и благости Божией не умаляет и наличие зла в мире. «Ужаснейшее зло, в котором страждет род человеческий на земле, – утверждает Кавказский Святитель, – не препятствует Богу пребывать всеблагим» (405).

Святая Троица

О таинственнейшем догмате нашей веры – о Святой Троице – Святитель говорит лишь в одном письме, причём не высказывает своих мыслей, а лишь излагает учение Святой Церкви, прилагая к нему нравственные суждения. В этом усматривается величайшее благоговение святого Иерарха перед Величайшим Бытием, Благом и Красотой. «Святая Церковь, – исповедует он, – в благодатных,

боговдохновенных песнопениях своих называет Духа Святого – Утешителем, называет Утешителем Сына Божия; Утешитель и Отец, непостижимо рождающий Сына и непостижимо испущающий Святого Духа... Троице Святая, Бог, слава Тебе! Слава Тебе, Боже, даровавшему нам бытие, даровавшему нам спасение, дарующему нам, во тьме и сени смертной сидящим, познание истины и утешение, истекающее от веяния на нас Духа Святого Твоего, содействующего Святой Истине Твоей, Которая – Твоё Слово. Познавшие и приявшие Святую Истину вступили под влияние, водительство Святого Духа, суть часть Господня, жребий Его» (378).

«Непостижимый Отец», – Первая Ипостась Святой Троицы – по слову Святителя, есть «Ум Христа» (416).

Слово Божие

Вторая Ипостась Святой Троицы – Господь наш, Иисус Христос, как видно это уже из исповедания святителя Игнатия, именуется им Истиной и Словом. «Истина, – размышляет Святитель, – предстоявшая в смиренном виде Пилату, вопрошавшему о Истине, смотревшему на Неё и Её не познавшему, как и ныне все рабы мира, видяще Её, не видят, и слышаше Её, не слышат, – эта Небесная Истина» (164). Разъясняя наименование Спасителя Словом Божиим, святой Иерарх обращается к суждению о слове человеческом. Последнее подобно Слову Божию: всегда «пребывает при отце своём и в отце своем – уме», с ним оно едино – неотделимо, только ему ведомо, из него рождается и обнаруживает его. «Существование ума без слова и слова без ума мы не можем представить себе. Когда ум захочет сообщиться уму ближних, он употребляет для этого своё слово. Слово, чтоб приобрести способность общения, облекается в звуки или буквы. Тогда невещественное слово делается как бы вещественным, пребывая в сущности своей неизменным. И Слово Божие, – заключает Святитель, – чтоб вступить в общение с человеками и спасти их, вочеловечилось» (118). В названии Сына Божия Сыном Человеческим Святитель усматривает глубокий нравственный

смысл: «Сын Человеческий! Как мне нравится это наименование! Какое прекрасное наименование! Смиренное и возвышенное наименование! Как наставительно и утешительно звучит в ушах моих! Люди не захотели этого наименования, им понадобилось: Высокопреподобие, Высокоблагородие... Какая бессмыслица! И поведение их, подобно именам, сделалось бессмыслицей, карикатурой уродливой, в которой гордое в соединении с глупым. На конверт, позволяю, пиши какую хочешь бессмыслицу, но в письме будь, как человек с человеком, как сердце с сердцем, пред очами Всесвятого Бога. Пусть сердце твоё беседует со мною просто, искренно: каждое слово твоё пусть будет для истины» (271).

Дух Святой

Где есть Христос Господь, там есть и Третья Ипостась – «Дух Его» (416), Дух Святой, Свидетель Истины. «Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательств Истины» (436). Дух Святой – это Светильник, это Дух Истины. Он учит «всякой истине, испытывает глубины Божии, открывает и изъясняет тайны, дарует и вещественные познания, когда они нужны для духовной пользы человека» (426). Он «истинный наставник христиан. Его органами были Пророки, Апостолы и другие угодники Божии: Он говорил ими» (409). Дух Святой «был учредителем и воспитателем христианства!» Он «основал Церковь», поддерживал её «чрез посредство избранных мужей, служивших Духу только орудиями!» (551). Учение Духа Святого – «учение живое», дышащее жизнью и блистающее светом. Учение людей в падшем человеческом естестве не имеет должного света, оно мертво, льстит слуху, страстям, усиливает власть духовной смерти. Иное – «дивное чудо» – там, где действует Дух-Учитель. Там, «произносящий слово Божие и слушающий его, разделяют между собою учение жизни. Вся слава принадлежит таинственному Учителю; произносящий слово ощущает, что он произносит не своё слово, но слово Божие, – слушающий ощущает, что слышит слово Божие; всё внимание его привлечено к оживляющей его духовной

силе... В храме душевном опрокинут, извергнут из него идол «я»; в этом храме, очищенном от скверны запустения, разливается благоухание Святого Духа» (416). В случае непозволительного, гордого отвержения велений Святого Духа и замены их «своими уставами», начинаются бедствия. «Вот где причина всеобщего расстройства, – указует Святитель, – причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство» (454). Потому-то святой Игнатий настаивает: «Желающий непогрешительно последовать Истине, должен пребывать в учении, запечатлённом, засвидетельствованном Духом Святым» (436). «Пребудем в верности Святому Духу. Он Пресвят и Пречист, – почивает в одних чистых и святых, любит смиренных, доказывающих своё смирение не чем-нибудь наружным, но повиновением ума Евангелию и Церкви. Он отвращается от своеразумных, отделяющихся от единства Церкви для какой-нибудь мысли, льстящей уму и сердцу. Он удаляется от них и приступает к ним тёмный дух прелести. „Одна мысль ложная, – сказал некоторый святый Отец, – может низвести в ад“» (456).

Да будет Дух Святой нашим руководителем и да наставит нас *«на всяку истину»*. Мы поступим «под это блаженное руководство тогда, когда будем черпать наставление для своей жизни «единственно из Священного Писания и писаний святых Отцов Восточной Церкви, единой истинной» (409).

III. Ангелы, их природа

О природе Ангелов у Святителя есть своё богословское мнение. Изучая в течение более двадцати лет (с 1843 года) святоотеческие творения, он пришёл к выводу, что понимание духов «бесплотными и невещественными» «поверхностное» (67). «В течение долгого времени, – признается он, – моё понимание духов оставалось очень тёмным и неопределённым» (773). И каков же его взгляд? Святитель считает, что Ангелы имеют некую эфирную природу, имеющую световую оболочку. «Что ж касается до слова эфир, – рассуждает он, – то химия называет этим

словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределённую, вовсе неизвестную человекам. Существование же её признаётся по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле – невеществен Один, необъемлемый пространством – Бог. Духи сотворённые бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределённым для нас по невозможности определить его. Наука признаёт невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу – жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени – решительная нелепость. Всё ограниченное, по необходимости, зависит от пространства» (67-68).

Здесь можно вспомнить, что оппонентом святителя Игнатия по данному вопросу выступил другой известный и весьма почитаемый святитель Феофан (Говоров) († 1894). В 1865 году он писал милостивейшему Архипастырю: «С веществом, как его не утончайте, духовные явления совсем не вяжутся, и нигде мне не случалось слышать такого учения» (842).

IV. Спасение человека

Чтобы знать, в чём состоит спасение и, соответственно, получить его, надо, по слову Святителя, иметь «правильный взгляд на себя и на спасение» (600).

Наша природа повреждена грехом. По причине её повреждённости в нас живёт наряду с добром и зло. Наша «сердечная земля» «не перестаёт производить зло, но и добру не даёт произрастать одному, цельному, лишь всегда с примесью зла. Этот процесс нам естествен не потому, что мы так были сотворены, но потому, что мы произвольно впустили в своё естество яд греха, который уже не можем отделить от своего естества собственными усилиями» (600). Нужна помощь Божия человеку – и она пришла к нему. «Велик Бог наш! – восклицает Святитель, – страшное дело – падение человека! Великое дело – искупление человека Богочеловеком!» (682).

Спасение, как и «разные способы его» – это дар Божий людям (104). Это «не собственное их изобретение и приобретение, и потому оно не может иначе выработаться, как под водительством Бога, – Его милостию и благодатию» (604). Яд греха отделяет от человеческого естества наш Искупитель (600). Но и от нас Он требует «собственных наших усилий к истреблению в себе зла, как деятельных доказательств в истинном приятии спасения, даруемого Богом туне» (600-601). Отсюда ясно, что спасение – это и дар Божий, и наш труд, наш целожизненный подвиг по исторжению зла и приобретению добра. «Спасение и духовный успех – в заповедях Христовых» (836). И если мы таким образом явим нашу верность Господу, «то дар благодати Божией – спасение, таинственно вложенный в нас Крещением и заключающийся в соединении естества человеческого с Божиим естеством и в исцелении первого от прикосновения ко второму, начнёт яснее обнаруживать своё присутствие в нас, доставляя нам более решительную победу над злом, производя в нас глубокий мир и утешая надеждою блаженной вечности» (601).

Желающих спасения Святитель призывает вручить себя воле Божией и молиться, чтобы Господь послал Свой великий дар, указал путь спасения и провёл по нему. Не говори Богу: «Так и так, спаси меня», но говори: «Имиже веси судьбами спаси мя» (709).

«Да дарует Милосердный Господь спасение немощным, – заключает Святитель свои наставления молитвой, – от них же первый есмь аз, которые имеют какое-либо произволение, хотя и самое немощное, спастись» (112).

V. Благодать Божия

Благодать Божия – это та спасительная сила, которая помогает и правильно верить, и по вере правильно жить. «Призываю на вас благословение Божие, – радует христианина Святитель, – призываю благодать Божию, споспешествующую всем святым начинаниям, без которой никакое истинное дело совершаться не может» (310). Она и немощное врачует, и недостающее восполняет. «Немощь священника, как

человека, – утверждает Святитель, – отнюдь не препятствует совершению Таинств, совершающихся по причине благодати священства, которою облечён человек, а не по причине собственных его достоинств, хотя и приятно видеть в одном лице соединение достоинств собственных с дарами благодати» (102).

«Таково в вопросах веры, – закончим словами Святителя Кавказского и Черноморского, – учение Священного Писания и святых Отцов Восточной Церкви, единой святой, единой православной и истинной» (436).

II. ПОРОКИ

> «Человек может быть в трёх состояниях: в естественном, нижеестественном... и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Ещё иначе: пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но ещё не получивший свободы, невидящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощупью. Вышестоящий, есть тот, кого осенил Дух Святый, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего»
>
> *(288)*

В силу того, что наше человеческое естество повреждено грехом, сердце каждого из нас «производит само собою в большом количестве плевелы. И потому, кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь

необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно!» (522). Нет человека без греха. «Неподательность несвойственна человеку на земле – ниже жителю глубочайшей пустыни и уединения. Переменчивость и увлечение действуют непременно в каждом человеке – и в строжайшем отшельнике. Тем более живущему посреди мира, посреди всех соблазнов, невозможно не увлекаться» (369). Сорные травы растут сами по себе, никто их не сажает. «Причина тому – извращённое свойство земли. Безрассудно желать от земли несвойственного ей, т.е. чтоб земля не производила плевелов. Зная такое свойство земли, земледельцы с тщательностию и терпением выдёргивают из земли плевелы по мере, как они показываются, иначе плевелы заглушат собою и уничтожат полезные произрастания. Точно так должно поступать и с проявлением страстей, когда они будут возникать из сердца. Свойственно нашему падшему сердцу рождать из себя разные греховные пожелания. От этого не должно приходить в уныние: должно врачевать страстные проявления и увлечения покаянием и исправлением себя» (548). Грехи, как плевелы, растут и множатся; будучи выполоты, они снова появляются, но, тем не менее, их надо полоть и полоть. «На все есть своё время: есть время обработки земли под посев хлеба, есть другое время для посева, опять другое для жатвы, для молочения, для превращения в муку, для печения, наконец, для вкушения хлеба» (522). Беда, когда человек забывает, что узы греха опасны, поносны и предаётся рассеянной жизни, еще хуже – интригам («выслуживающихся очень много, а служащих очень мало» – 663), или просто полагается на формальное исполнение треб, обрядов (663), ищет «пророчеств», «прозорливостей». «Мы, – заявляет Святитель, – желаем себе и всем, ищущим истины, прозрения на грехи наши... Таковое прозорливство и пророчество могут нам принести существенную пользу» (94).

А грехи сии следующие.

I. Помыслы Началом греха служит порочный помысл. Опрометчиво поступают те, которые мысль считают чем-то незначительным в духовной жизни. «Человек, – говорит Святитель, – непременно водится своим образом мыслей» (435). Мысль управляет им, как руль кораблём. «От небольшого руля, – размышляет Архипастырь, – от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и, по большей части, участь всей огромной машины. «*Помышление преподобное соблюдет тя*» ***(Притч. 2, 11)***, – говорит Писание; оно научает, чтоб самое «начало словес» наших было «истина». Что это за «начало словес», как ни образ мыслей» (436).

Тот, кто сочетавается с недобрыми мечтаниями, сочетавается «с самим сатаной и подчиняется ему», поэтому-то необходимо с ними бороться (239-240). А как? Мечом бодрствования, отсечением их от себя, как лютых врагов. «Не удостаивай врагов твоих не только беседы, ниже слова, ниже воззрения, – учит Святитель. – Только что услышишь глас войны, – вставай на сражение» (300). Не впускай их в душу – в их трясине гораздо скорее можно утонуть, чем «в море скорбей наружных» (200). Не рассматривай их «тонко», а немедленно отвергай и повергай себя в «пучину милосердия Божия» (537, 536). «Один Святой сказал: „Я возложил все немощи мои и погрешности на Господа и на Его Пречистую Матерь“. Так поступи и ты» (537). Надо, чтобы образ мысли твоей проникся Истиной. «Кроме Христа не понимаю, – утверждает Святитель, – и не знаю другой Истины» (435-436).

Борьба с помыслами – проста

Сама борьба с помыслами, как бы они ни были сложны, запутанны, по слову Святителя, должна быть простой, «как проста и вся вера христианская, по простоте своей доступная каждому человеку, а по силе своей удовлетворяющая каждого человека. Боритесь против помыслов и ощущений печали короткими словами:

«Господи! Буди воля Твоя! Благословен и Свят Бог во всех делах Своих!» Произносите эти слова умом, а когда Вы одни, произносите несколько вслух; произносите, не торопясь, с большим вниманием и благоговением; повторяйте эти краткие слова до тех пор, пока не затихнут помыслы и ощущения печали. Когда они снова подымутся, Вы снова употребляйте против них то же самое оружие. Опытом узнаете силу этого оружия, по наружности своей с первого взгляда, столько незначительного. А из состояния борьбы невозможно иначе выйти в состояние спокойствия, как победою. Подчиниться печали – чрезвычайно опасно: когда она усилится в человеке, возобладает им – может убить и тело, и душу. Не торопитесь умереть: и самая долговременная жизнь в сравнении с вечностию – мгновение. Отдайте себя и срок вашего земного странствования в волю Божию, а вы употребите этот срок для того, чтоб приготовить себя как можно лучше к вечности» (467). Вот оружие для борьбы с теми страшными помыслами, которые готовы нас стереть – говори: "Слава Богу за все... Господи! Предаюсь Твоей Святой Воле! Буди со мной Воля Твоя, Господи! Благодарю Тебя за всё, что Тебе благоугодно послать на меня... Достойное по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем". Эти краткие слова, заимствованные из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали. Отцы нисколько не входили в рассуждение с являвшимися помыслами, но только что представал пред ними иноплеменник, они хватались за оружие чудное!.. Оттого они были так сильны... При явлении печального помысла или тоски в сердце, начинайте от всей души, от всей крепости вашей, произносить одно из вышеозначенных предложений; произносите его тихо, неспешно, не горячась, со вниманием, во услышание одних вас, произносите до тех пор, доколе иноплеменник не удалится совершенно, доколе не известится сердце ваше в пришествии благодатной помощи Божией. Она является душе во вкушении утешительного, сладостного мира, мира о Господе, а не от какой другой причины. По времени иноплеменник опять начнет приближаться к вам, но вы опять за оружие» (198-199).

Весьма полезно исповедание своих помыслов. «Положи себе за правило исповедовать помыслы твои, хотя дважды в неделю», – наставляет Святитель (226). А о тех, о ком ты думал плохо, «скажи и повторяй своему помыслу: „Это овцы Христовы, это Ангелы Божии“, – и истребится презорство к ним, еже есть гордыня. Тогда уповаю на милость Божию, мир и любовь внидут в сердце твоё и благодатным действием своим докажут тебе, что ты находишься в искушении, откроют очи твои и ты познаешь твоё настоящее обольщение» (226). Но сердечное исповедание – это дар Божий. Потому Святитель учит: «Умоляй Милосердого Господа, чтоб даровал тебе этот дар – залог спасения», и сам понуждай себя «к откровенности: ибо враг рода человеческого ненавидит этот путь и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость Божию частым исповеданием своих грехов. А для тебя этот путь необходим» (240). Если после исповедания пришло облегчение – значит «твоё спасение заключается в этом делании. Принуждайся со всевозможным усилием исповедываться пред» Старцем или Старицей (241). Твёрдо «держись этого драгоценного жительства» (240). (См. и: IX, 3).

Не надо коснеть в помыслах

Помыслы, особенно хульные (неверия, сомнения...), надо стараться не́ принимать, а тем паче не коснеть в них. Но если они будут навязчиво приходить, то не должно смущаться этим наваждением – оно принадлежит не нам, а злой силе, нашему духовному врагу (633). «О приходящих помыслах неверия и хулы не смущайся. Эта явная бесовская брань, которая случалась со многими святыми и продолжалась весьма долго. Такою бранью томим был в продолжение четырёх лет святой Нифонт. Посмотри на житие его в Четьих-Минеях, 23 декабря. В таких бранях никак не надо смущаться, не надо приходить в отчаяние, но повергаться пред Всевидящим и Всемогущим Богом и, предавая в Его волю душу свою, просить у Него милости. От смущения и отчаяния укрепляется на нас брань вражеская, а если

будем смотреть на эту брань с великодушием, говоря себе: "Что ж? Господь видит эту брань и попускает её – значит такова Его святая воля и мне это на душевную пользу"; тогда брань ослабевает и умаляется» (631). Надо знать ещё и то, что множество помыслов, нас волнующих и вызывающих в душе даже болезненные ощущения, учат очень нужному в нашей жизни – смирению (208). «Когда человека особенно беспокоят помыслы против его воли, это знак, что к тому человеку есть милость Божия. Нечистые духи завидуют такому человеку и стараются смутить его. Таких помыслов не должно разбирать и обращать на них особое внимание, потому что от этого усиливается смущение. Не найти порядка в тех, в которых всё беспорядок. На все смущения должно отвечать краткими словами: „Я отдал себя в волю Божию"» (523-524).

Святитель снова и снова призывает «убивать» нечестивые помыслы, ибо они покушаются заменить небесную награду человека мздой земной (374). Да и тогда, когда помысл кажется благовидным, но если вносит в сердце смятение, нарушает (хотя и «тонко») любовь к ближнему – «он вражеский. Не спорь с ним, не рассуждай, а то уловит и заставит вкусить от запрещённого древа – вооружайся скорее против него, гони прочь от себя оружиями духовными: "Славословием Бога", "благодарением Бога", "преданием себя Его воле", "укорением и осуждением себя", "молитвою". Превосходное оружие при сильной брани: прийти в свою келию, повергнуться на минуту пред Богом с прошением Его помощи и преданием себя Его воле. При сильной брани это повторяется несколько раз в день и – очень помогает» (284). Наконец, «грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни греха истребляются борьбою с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать» (239).

II. Чревоугодие и сребролюбие

О чревоугодии Святитель говорит очень кратко, но и очень сильно: «Чревообъядение предводительствует страстями» (491). Опасно и сребролюбие, поражающее людей, как заразная болезнь. «В наше

время, – свидетельствует святой Иерарх, – страсть к деньгам прокралась во все сословия и саны, заглушила и подавила все благие побуждения и все священнейшие обязанности» (693).

III. Лицемерие и ложь

Оба эти порока, лицемерие и ложь, взаимосвязаны и в равной мере гибельны для поражённых ими и опасны для окружающих.

Лицемерие – это некая «маска, при первом, поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе, увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагорасположение, неблагонамеренность» (51). Постепенно, но непременно маску «распечатывают и прочитывают. Такова судьба всех, носящих маски: нельзя же постоянно быть в маске! По временам маска снимается или спадает, взорам является обнажённое лицо души – и горе, если оно безобразно» (469).

Ложь может достигнуть торжества только на короткое время. Ничего прочно она не утверждает, наоборот, ослабляет дело и даже губит. «Это великая, величайшей важности истина! Её надо начертать золотыми буквами! Ее́ надо знать и знать всякому, кто хочет правильно управлять собою, в особенности, кто хочет правильно управлять людьми и общественными делами. Отчего случается иногда, что люди становятся в фальшивое положение и действуют во вред себе и всем? От принятия и усвоения ложных мыслей и понятий, от действия из области человекоубийственной лжи» (602-603). Носи́тели лжи – это «волки, облечённые в овечью кожу». Они «познаются от дел и плодов своих. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому представлено их руководство и спасение» (602). От них надо бежать – «сущие во Иудеи да бежат в горы» (602).

«О, – восклицает Святитель, – когда бы у нас в России развилось величественное и благотворное для временного и вечного быта человеков правильное понятие о святой Истине! Когда бы вся деятельность и частная и общественная потекли из этого Божественного источника!» (603).

IV. Нерадение и развлечение

Святой апостол Павел заповедует удаляться и от тех, которые погрязают в пороках и нерадят о своём спасении ***(1 Кор. 5, 9-11)***, ибо никто не может так скоро внести расстройство в душу, как «живущий нерадиво» (128). «Нерадение об исповеди», по слову Святителя, «признак гордости» (227).

Нерадивый к духовной жизни ищет развлечений мирских, а последнее приводит к дальнейшему отходу от пути спасения. «Море, взволнованное ветрами, – учит Святитель, – и после того, как ветры утихнут, в течение значительного времени продолжает волноваться. Так и ум, подвергшийся влиянию развлечения, продолжает чувствовать это влияние и по удалении от развлечения в течение значительного времени» (177). Что же делать? «Надобно переносить такое положение благодушно и стараться отвлекать ум от развлечения в памятование смерти и суда Божия» (177).

V. Гордость

Весьма опасным пороком является гордость. Святитель называет её «тончайшей страстью» (227). Ею обманулся светоносный ангел, отпадший от Бога. На ней утверждаются другие страсти, как держатся и строения на скрытых в земле основаниях. Будучи тончайшим злом, она «сама по себе человеку неприметна» (227): вкрадывается к нему незаметно и также овладевает им. «Её посевают способности, пышность, а паче похвалы человеческие. Хотя, по-видимому, мы не принимаем похвал и не соглашаемся внутренне с похваляющими, но тайная печать похвал остаётся на уме и сердце, и когда случится уничижение, то оно бывает тягостно, и тем тягостнее, чем более мы были напитаны похвалами. Этим самым доказывается существование печатей и тайное вселение гордости. Увы нам! Самые благодатные дарования были поводом для людей к гордости» (225-226).

Во избежание этой страшной духовной болезни Святитель указывает её отвратительные признаки: охлаждение любви к ближним и полная потеря её, вслед за чем идёт уничижение,

презрение их. Другим, не менее важным признаком служит «оставление исповеди» (226, 227).

Бороться с тем, что тонко, что неприметно вкрадывается в ум, принимает вид «здравых и праведных мыслей» трудно, но «при свете благодати» возможна и борьба и победа (221).

VI. Честолюбие, тщеславие С гордостью тесно связаны честолюбие и тщеславие, как связаны они и между собой. Оба эти порока характерны высокомерием, жаждой славы, стремлением к почестям, к известности в этом греховном мире.

Честолюбие, по слову Святителя, «точит сердце человеческое», как «ржа снедает железо». Более того, оно разрушает духовную жизнь до основания. «Плющ, обвившись около виноградной лозы, портит плод ее; подобным образом тщеславие ниспровергает труды человека» (491).

Чтобы предохранить от тщеславия, Святитель вспоминает житие преподобного Агафона (V в.). Этот великий угодник Божий, паче всего возлюбивший Бога и ближнего, и уже здесь, на земле, вкусивший плоды Вечной Жизни, тем не менее, перед своей кончиной рассматривал пройденное им и подолгу сидел в безмолвии. И когда ученики, видя это, спросили его: «Или и ты, отче, боишься?» – подвижник ответил: «Я старался по силе исполнять заповеди, но как могу знать, будучи человек, угодно ли моё делание Богу: ибо ин суд Божий и ин человеческий». «Тем более мы, – заключает Кавказский Архипастырь, – недостаточные по всему, должны страшиться и трепетать похвального заключения о наших поступках, опасаясь, чтоб мнимое утешительное чувство не было только тонким удовлетворением тщеславия» (582).

VII. Самообольщение Святитель Игнатий считает, что все мы – путники Земли – находимся в той или иной мере, «больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину; так всегда падаем и ныне» (352).

VIII. Переменчивость Постоянные наши падения в духовной жизни обнаруживают в нас переменчивость. «Оттого в нас такая переменчивость, – свидетельствует Святитель. – Утром я таков, к полудню иной, после полудня ещё иной и так далее. Оба мира действуют на меня, я подчинён обоим им, в плену у обоих их. Мир духов действует чрез помышления и сердечные ощущения; мир вещественный – чрез чувства телесные. Оба манят ко вкушению плода запрещённого» (352-353). Телесным чувствам плод этот представляется прекрасным, а помысл внушает: «Вкуси, узнай!» В нашей душе раздаётся голос обольстителя, тот самый, который услышали прародители в раю: «Будите яко бози». Раздаётся он и соблазняет, убивает (353).

IX. Праздность и рассеянность Святые Отцы Церкви считают праздность матерью всех пороков, а рассеянность – их сестрой, потому настойчиво предохраняют от них. Следуя за святыми Отцами и Святитель учит: «Занятия по дому и хозяйству очень полезны: удаляют от праздности и облегчают уму невидимую его борьбу» (353). «Старайтесь не увлекаться рассеянностию. Если же случится увлечься ею по немощи, сродной всем нам, человекам, не предавайтесь унынию» (369).

X. Осуждение Где праздность, там и осуждение.

Святитель, не вдаваясь в рассуждения об этом широко распространённом пороке, призывает: «Не оглашай твоей кельи осуждениями, пересудами и ропотами; оглашай её благодарением и славословием, и гласами воздыханий о грехах, и гласами молитв твоих» (840).

XI. Отчаяние Среди прочих грехов отчаяние считается самым тяжким и по своему существу, и по вытекающим из него следствиям. «Этот грех уничижает Всесвятую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, отвергает Его всемогущество, отвергает спасение, Им дарованное, – показывает, что в душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение

были чужды ей. Более, нежели от всех других грехов, надо храниться, как от смертоносного яда, как от лютого зверя, от отчаяния. Повторяю: отчаяние – злейший грех между всеми грехами» (385).

XII. Самоубийство

Отчаяние может привести и приводит к самоубийству или к поступкам, близким к этому греху. Это тоже великий грех. «Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения. Святая Церковь не совершает о нём никакого поминовения, не удостаивает отпевания и лишает погребения на христианском кладбище» (385).

XIII. Грехи смертные и не смертные; грехи мысли и слова

Вслед за самоубийством идут подобной тяжести грехи смертные. И Святитель, как бы обобщая всё сказанное о пороках, в одном из писем говорит о разных грехах и по содержанию, и по обнаружению.

К смертным грехам относятся: «...убийство, прелюбодеяние, ересь и другие, подобные им. Эти грехи, хотя и менее пагубны нежели самоубийство и ведущее к самоубийству отчаяние, хотя совершившему их остаётся возможность покаяния и спасения, но называются смертными. Пребывающий в них признаётся умершим душою; пребывающий в них не допускается правилами святой Церкви к приобщению Святых Христовых Таин, к участию в Богослужении. Если смерть постигнет его непокаявшимся в этих грехах, то вечная гибель его несомненна» (385).

О грехах не смертных Святитель ведёт речь так: «Одни из них тяжелее, другие легче. Надо сперва отучаться от грехов тяжёлых, а потом и от лёгких. Например: грех несмертный объядение; также грех несмертный – лакомство. Объядение грубее и сопряжено с более вредными следствиями, нежели лакомство: и потому надо сперва отучаться от многоядения, а потом от сластоядения. Впрочем, и несмертные грехи, каковы: объядение, лакомство, роскошь, празднословие, смехословие и другие, выросши и объявши человека, могут очень близко подойти к грехам смертным» (386).

Грехи мысли также не должны считаться чем-то малым, ибо они загрязняют душу, удаляют от Чистого Бога. А «когда мысль и сердце наслаждаются грехом, любят как бы осуществлять его мечтанием испещренным, украшенным и продолжительным, таковой тайный душевный грех близок к греху, совершаемому самим делом» (387). Ложная мысль пагубна. «Она вводит в душу омрачение; самообольщение, соделывает её пленницею миродержителя. "Истина свободит вы", – сказал Спаситель, очевидно, что ложь лишает свободы, подчиняет области князя века сего. (...) Надо хранить ум! Надо, чтоб он пребывал непрестанно в истине» (428).

Надо хранить и уста от скверного слова. Грехи, совершаемые словом, тоже нельзя «считать маловажными. От слова шуточного до слова преступного – самое краткое расстояние! «*От словес бо своих оправдишися, и от словес своих осудишися*» ***(Мф. 12, 37)***, – сказал Спаситель. Язык совершил великие преступления: произнёс отречения от Бога, хулы, ложные клятвы, клеветы на ближнего. Отречение от Христа и богохульство причисляются к тягчайшим смертным грехам» (387).

XIV. Страсти

Страстью святитель Игнатий называет «грех, овладевший человеком» (386). По святоотеческому слову, «страсть подлежит вечной муке» *(преподобный Нил Сорский)* (386). Но Кавказский Архипастырь учит не смущаться и, тем более, не отчаиваться и тогда, когда восстают на нас страсти, а стараться в терпении им противиться. «Человек, доколе на земле и облечён в бренное тело, дотоле подвержен изменениям, то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстию, то находится в обуревании страстей» (636). Преподобный Макарий Великий говорит: «В каждом из нас бывают перемены, как в воздухе: то стоит ясная погода, то льются дожди, шумит ветер и стоит ненастье...» (697). А преподобный Исаак, объясняя сказанное преподобным Макарием, убеждает: «Заметь слово: в каждом. Оно поставлено не без цели, но употреблено с тою целью, чтоб показать, что все человеки, без изъятия, не только грешные, но и святые, по временам обуреваются страстями. Постоянной непогрешительности и постоянного

душевного состояния нет на земле. Непременяемость есть достояние будущего века» (697). Постоянно происходящие изменения в нашей душе учат нас многому: самопознанию, смирению, обращению к помощи Божией, «которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и совершаем беззакония» (636). Поэтому-то на свои душевные перемены надо смотреть «с благоразумием, как бы показывая и открывая Богу свою греховность и вместе с тем предаваясь Его Святой воле и прося Его милости и помощи» (697).

XV. Прелесть[1]

«Конец страстей, – говорит святитель Игнатий, – почитание себя самого праведным» (491), а это и есть прелесть, иными словами: самовнушение, самообман, самообольщение, принятие лжи за истину. И горе тому человеку, который не способен увидеть этого своего духовного падения. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить ветхозаветного праведника Иова. Этот великий святой был удостоен Богом беседы с Ним ***(см. Иов. 38, 1; 39, 33)***. И что же он сознаёт: «*Сколько у меня пороков и грехов? Покажи мне беззаконие мое и грех мой*» ***(Иов. 13, 23)***. «Вы, – наставляет Святитель, – не должны думать о себе, что в Вас какой-либо порок умалился, напротив, помышляйте, что Вы вместилище всех пороков» (585-586).

Предохранением и врачевством от прелести святитель Игнатий считает глубокое смиренное сознание своего недостоинства и молитву, исполненную покаяния и плача о своих грехах.

Смело сражайся с пороками

С истинно архипастырской любовью и заботой Святитель призывает своё духовное чадо смело и беспощадно сразиться с «исполинами» – пороками. «На бой упорный, постоянный, доколе не увенчает его решительная победа! Лучше смерть в подвиге, нежели жизнь

[1] Здесь говорится о прелести лишь в той мере, насколько это было необходимо показать её место в среде пороков. Более подробное изложение будет представлено в разделе «Опасности на пути спасения» (VIII).

в падении. И что за жизнь – жизнь в грехе? Не стоит она названия жизни... Не убойся твердынь греховного града... Да увижу на тебе венец победы... Умри, умри! – и погребись... чтоб наследовать святое воскресение души Духом Божиим» (281-282). Не теряй мужество, храбрость, стойкость, упорство! «От лености не предавай победы врагу. После поражения – не унывай, снова за меч, и – на сраженье!» (359). Не надо смущаться в борьбе и от борьбы – «человечество никогда не приступало к распятию без борьбы. Доказательством – Сам Богочеловек. Он молился в саду Гефсиманском: *Да мимоидет от Него чаша* и пот Его падал на землю *яко капли крове*» (361). Не должно отягощаться и периодом борьбы со страстями. «Период этот назначается Богом по Его премудрому смотрению. ...Преждевременное освобождение от внутренних браней душевредно» (768).

Целительным средством при врачевании пороков служит покаяние. «Язвы, полученные в бою, цели покаянием, – учит Святитель. – Вот регул для невидимой душевной брани. Кому Господь захочет даровать духовное преуспеяние – попущает брани» (359-360). Но покаяние в смертном грехе может быть истинным только тогда, когда пребывающий в нём «оставит смертный грех». Если же «случится снова впасть в смертный грех, не должно предаваться отчаянию, – должно снова прибегать к Богом дарованному врачевству душевному, покаянию, сохраняющему всю силу и действенность свою до самого конца жизни нашей» (385-386). Не следует пренебрегать и «грехами несмертными». Для очищения от них надо также прибегать к исповеди. «Святая исповедь приносит двоякую пользу: доставляет прощение от Бога в содеянных грехах и предохраняет от впадения вновь в грехи. ...Грехи же неисповеданные удобно повторяются» (386-387). Должно также ежедневно, отходя ко сну после вечерних молитв, «приносить раскаяние пред Богом» во всех грехах, совершённых «делом, словом, помышлением и всеми чувствами». Смертный грех надо исповедать немедленно перед духовным отцом (387). «Очень хорошо, – заключает Святитель, – когда человек постоянно видит и исповедует себя грешным. От такового самовоззрения дух человека пребывает постоянно в смирении и Боголюбезной печали.

Но надобно, чтобы такое самовоззрение было растворено благоразумием и не переходило должной меры» (522).

Помощь Божия

Во всё время борьбы с пороками необходима помощь Божия. Без неё, без благодати Божией, никто не в силах «противостать бореniям невидимым, возникающим в его сердце и производящим душевную бурю» (466). Только Всемогущий и Всемилостивый Господь может укрепить Своих людей, тех Своих людей, «которые сохраняют верность Ему... Вспомните, – увещает Святитель, – что Христос пришёл призвать грешников, а не праведников на покаяние. Встаньте в ряды грешников, припадите в смирении к стопам Христовым, предаваясь воле Его, поручая Его воле ваше настоящее и будущее. А Он прольёт мир и спокойствие в душу вашу, тем самым покажет, что Он близ вас, что Промысл Его бдит над вами. Некоторый святой Отец сказал: „*Блажен человек, познавший свою немощь: потому что праведник, не познавший своей немощи, находится на весьма опасном пути*“» (361-362). Посему восстаньте уснувшие и успокоившие себя! Укрепите себя верой расслабившиеся двоедушием! «Смягчите ожесточённые сердца ваши усердною молитвою и слезами. Приступите к Господу со смирением, и вместится в вас Слово Его, и благодать Его и воскресит мёртвые души ваши!» (595). Раскаивайтесь в своих грехах, исповедуйте их духовнику, «а в рассматривание их не входите». Лучше же остерегайтесь грехов, но «безгрешности от себя не ждите» (755). Наконец, «выслушай и следующее: человеческое повреждение состоит в смешении добра со злом; исцеление состоит в постепенном удалении зла, когда начинает в нас действовать более добро. Совершенное отделение добра от зла, чистое действие одного добра бывает в одних совершенных, и то на время и по временам. Место, где действует одно чистое добро – Небо; на земле – смешение. При наших духовных утешениях продолжает действовать это смешение, только количеством добра превозмогается количество зла, – оттого и утешение» (323).

***

По удалении пороков их место занимают добродетели. «По исправленным чертам, – учит святитель Игнатий, – полагаются святые краски, утешающие взор духовный: благость, милосердие, чистота ума, сердца и тела, живая вера, небрегущая о всём суетном, научающая человека всецело последовать Христу, терпение, несущееся превыше всех временных скорбей, любящее скорби, как участие в страданиях Христовых, – любовь к Богу и ближнему, стремящаяся исполнить все обязанности человека к его Создателю и к созданиям, себе подобным, долженствующим составлять едино в Создателе своем» (432). Поэтому-то дальше будут излагаться наставления святого Архипастыря о добродетелях.

III. ДОБРОДЕТЕЛИ

> «Живи не для себя, а для Господа: живёт для Господа тот, кто живёт для исполнения Его воли; живёт для себя тот, кто живёт для исполнения своих пожеланий. Последний, хотя и кажется для смотрящих одними чувственными глазами живым, но душою он мёртв, вменяется как бы не существующим для Господа, не вписан в книгу живота, имя его внесено в другие книги. ...Первый не умирает: телесною смертию он только переходит в большее развитие жизни»
>
> *(463-464. Ср.: 591)*

Слово Божие, а на основании его и святые Отцы Церкви единогласно призывают: «Спешите делать добро!» К этому же призывает и святитель Игнатий: «Не смущайтесь Вашими заботами о бедных, – учит он, – делайте им возможное добро» (167). Быть добрыми «по естеству» недостаточно – «надо быть добрыми по Евангелию. Естественное добро часто противоречит добру Евангельскому,

потому что наше естество находится не в первобытной чистоте, дарованной ему при создании, но в состоянии падения, при котором добро перемешано в нас со злом. И потому это добро, если не выправится и не вычистится Евангелием, само по себе непотребно и недостойно Бога!» (471). Выпрамляющий свою жизнь по святому Евангелию, любит Спасителя. «Это ясно засвидетельствовал Сам Спаситель: "*Кто любит Меня*, – сказал Он, – *тот Слово Мое соблюдает... Не любящий Меня, словес Моих не соблюдает*"» (512-513). Начав же доброе дело, да продолжит его и совершит! (604). Остановка в духовной жизни, а тем более бездеятельность, опасна. Святитель Игнатий в подобной связи передаёт следующую повесть. К преподобному Пимену Великому пришёл инок и стал жаловаться, что в своих добрых делах он видит и примесь греха. И тогда Старец поведал ему вот какую притчу: в одном селении жили два земледельца. Один посеял хлеб, хотя и нечистый – с примесью, другой по лености ничего не сделал. Когда наступило время собирать урожай, первый собрал достаточно зерна, хотя и засоренного, а второй – ничего. На вопрос Старца: «Который из двух земледельцев будет иметь пропитание?» инок ответил: «Тот, который посеял и собрал немного хлеба, хотя и нечистого». И тогда Старец воззвал: «Будем же и мы сеять понемногу, хотя даже нечистого, чтоб не умереть с голоду» (408). Нравственный закон непреложен: люди пожинают то, что посеяли. Правда, святитель Игнатий вспоминает здесь неограниченную милость Божию и всемогущество, которые «могут изменить или смягчить и законную, логичную последовательность твёрдого нравственного закона» (568).

Рассуждая о добродетелях, святой Игнатий высказывает очень важные мысли для тех, кто намерен их изучать. Суть их такая: надо изучать те добродетели, которые нам доступны, близки. Иначе может быть не польза, а вред. Но лучше послушать самого Святителя, хотя он и пространен, ибо любое переложение что-то стирает! «Изучение добродетелей, несоответствующих образу жизни, – учит он, – делает жизнь бесплодною. И жизнь истощавается напрасно, и пропадают добродетели: душа не может долго удержать их при себе,

должно скоро их оставить, потому что они ей не под силу. Такое, превышающее силы и способности, упражнение в возвышенных добродетелях нередко повреждает душу неисцельно, расстраивает её надолго, иногда на всю жизнь, делает неспособною к подвигам благочестия. Господь повелел *„вино новое“*, т.е. возвышенные добродетели и подвиги, *„вливать в мехи новые“*, т.е. предоставлять подвижникам уже созревшим в благочестивом подвиге, обновлённым и просвещённым благодатию. Он воспретил вливать вино новое в мехи ветхие, чинить ветхую ризу новою заплаткою. Не думайте, что возвышенный подвиг, для которого еще не созрела душа Ваша, поможет Вам! Нет! Он больше расстроит Вас: Вы должны будете оставить его, а в душе Вашей явится уныние, безнадёжие, омрачение, ожесточение. В таком расположении Вы попустите себе большие нарушения закона Божия, нежели в какие впадали прежде. *К ветхой ризе не приставляют заплаты новой, потому что от этого дыра сделается только больше*» (427-428).

«*Не скрый от мене заповеди Твоя, яко пришлец есмь на земли!*» – молил Бога святой Давид, царь и обладатель многих богатств (411). Вместе с ним молился и святитель Игнатий, а со Святителем и мы все. «*Едино же есть на потребу*» ***(Лк. 10, 42)*** – прочее отнимется – всё отнимется – «при смерти и после смерти» (411).

I. Любовь к Богу и ближнему

В нашей земной жизни мы очень много суетимся, куда-то постоянно спешим, что-то приобретаем, собираем, забывая, что она коротка, что всё, приобретённое в ней, оставим при переходе в вечность. Пойдёт с нами туда, по слову святителя Игнатия, одно – «любовь к Богу и любовь ради Бога к ближнему» (132). И все наши дела «по отношению к ближнему, и добрые и злые, Господь будет судить, как бы они были сделаны относительно Его Самого ***(Мф. 25)***» (450). Уже из этих кратких свидетельств Святителя видно, что он, следуя святому Евангелию ***(см. Мф. 22, 36-40)***, ставит любовь к Богу и ближнему в неразрывную связь. И если он где-то рассуждает только о любви к ближнему, то это не значит, что разрывает это единство –

оно всюду предполагается: всё, что православный человек делает для ближнего – делает это по любви не только к нему, но прежде всего, к Богу и во имя Божие. Святитель, говоря о любви к Богу и ближнему, напоминает систему преподобного аввы Дорофея, в которой подвижники уподобляются линиям, идущим от окружности к Центру – к Богу: чем дальше они продвигаются к Центру, тем ближе они становятся и «друг к другу истинной любовью» (429). Святой Игнатий отмечает, что этот путь любви бесконечен. «Мало земной жизни на совершение этого духовного пути! Невозможно довольно насытиться любовию к ближнему в Боге! Напротив того, можно скоро совершить путь, можно скоро насытиться и пресытиться любовию к ближнему, когда предмет любви – только человек. Огнь любви требует много пищи для того, чтоб быть постоянным и умножаться. Когда питает его Бог, он непрестанно усиливается, нет ему предела; но когда предоставлено питать его человеку самим собою, скоро оскудеет пища для огня, огнь потускнеет, угаснет. Любовь должна питаться беспредельным Богом; мало для неё пищи в ограниченных свойствах человеческих, хотя бы и прекрасных» (429-430).

Святую любовь к ближнему твёрдо сохраняет тот, кто общается с ним ради Бога. Но Святитель делает тут же важную оговорку: «Сохраняет эту святую любовь и тот, кто ради Бога удаляется от такового общения. Наше естество повреждено падением: повреждена им и наша естественная любовь. Поэтому, для исполнения условий святой любви надо руководствоваться не сердечными чувствами и влечениями, а велениями Евангелия, всесвятыми заповедями Господа нашего Иисуса Христа. Одна из таких заповедей говорит: *Аще десная рука твоя соблазняет тя, отсецы ю и верзи от себе* ***(Мф. 5, 30)***, т.е. если какой-нибудь человек, столько нужный и близкий тебе как правая рука, приносит тебе душевный вред, – прерви с ним общение. Так велит нам поступать заповедь Законоположителя совершенной любви. А мечты и чувствования нашего падшего сердца легко могут увлечь нас в пропасть!..» (331).

Два рода любви к ближнему

Истинная любовь к ближнему и жертвенна, и строга, «являясь в делах». Она не нуждается в ласковости или льстивости – этих личинах, которыми прикрывается самолюбие и обман (687).

В любви к ближнему можно видеть два рода её: естественную и Евангельскую, «или о Христе». Естественная вложена при нашем сотворении, и потому она есть у всех. Она повреждена грехом прародителей и потому исполнена «порывом мечтательности, переменчива, пристрастна, любит создание вне Бога. Устранен Бог всецело из отношений этой любви, призван к участию в ней грех и сатана» (153, 451). Любовь Евангельская иная – она духовна, беспристрастна, «вся в Боге» (451). Любовь естественная может скоро «насытиться и пресытиться; пресыщенный ею перестает любить, может удобно перейти к ненависти: ибо и излишняя пища может произвести дурноту и обременённый желудок нередко извергает её. Но любовь, которой началом Бог, не имеет ни насыщения, ни конца: потому что её питает бесконечный Бог» (508). Господь наш, Иисус Христос, «исцеляющий все наши недуги дивным образом, исцеляет и повреждённую любовь: заповедует Себя, Господа, любить в человеках. Этим возводит любовь на высочайшую степень горячности, дарует ей чистоту, духовность, святыню» (153). Если мы внимательно рассмотрим себя, то с Божией помощью увидим, «что наиболее имеем любовь естественную, а Евангельскую должны ещё стяжать» (153).

Любовь к ближнему обязывает носить их немощи, угождать им ради Бога, быть ради Христа Спасителя приветливым, учиться полагать за них свою жизнь (327, 328).

Любовь Евангельская объемлет всех людей. Однако Святитель делает здесь важное разъяснение: она объемлет всех, она всех любит, «но и с большим различием» (451).

Друзей святое Евангелие повелевает любить о Христе, «чтобы Христос был любим в ближнем, а ближний был любим, как создание Божие. По причине этой любви в Боге и ради Бога, Святые угодники

Божии имели и равную любовь ко всем, и любили особенно тех, которые проводили жизнь благочестивую, как сказал святой Давид: *Мне же зело честни быша други Твои, Боже.* Наставляемые чувствовали более расположения к тем наставникам, в которых усматривали особое обилие духовного разума и других духовных дарований. Наставники любили более тех духовных чад своих, в которых усматривали особую тщательность к добродетели и особенное действие благоволения Божия» (452).

Высока добродетель любви, когда она проявляется к людям, подвергшимся «согрешениям, нежели когда они проводят праведную жизнь» (671). «Мы, – продолжает Святитель, – живём в страшный век. Неверие охватило и ещё более охватывает землю: соблазны умножились до бесчисленности и ещё более умножаются. Как не поколебаться молодым людям! Призри на них с милосердием и прилежно молись о них Богу, поручая их Богу и отдавая в Его Святую волю» (671).

Высшая любовь

Высшая заповедь – это любовь к врагам. «Отсюда входим в чистоту сердечную, которой является и которою любится Бог» (210). В святом Евангелии ясно сказано об этой любви и о том, в чём она должна выражаться ***(Мф. 5, 44)***: в прощении им «нанесённых ими обид, в молитве за них, в благословении их, т. е. в благих словах о них и в благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благодарении им соответственно силам и духовному преуспеянию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви к врагам явил Спаситель» (451). Святитель Игнатий сознаётся, что хотя исполнение этой заповеди приносит многие плоды, но стяжать её очень трудно. «Молитесь Господу Иисусу, – учит он, – и Он пошлёт в ваше сердце благодатное и разумное чувство, которым возлюбите врагов и обижающих, как орудия правосудия Божия. Ибо Он, Сын Божий, пролил за нас, бывших врагами Его, кровь Свою, предвидя притом, что и по совершении искупления редкие из нас захотят последовать Его

всесвятой воле» (210). «Поминайте в молитвах ваших оскорбивших вас, да исцелеете от страшного недуга вражды к ближнему» (217).

Отмечая высоту заповеди о любви к врагам, Святитель не преминул обратить внимание на то, что в святом Евангелии повелевается и быть осторожными в своих отношениях с ними, «не вверяться им», быть мудрыми в обхождении с ними. «Вы видите, – заключает он, – Евангелие предписывает нам любовь ко врагам не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением. Любовь – свет, слепая любовь – не любовь» (451-452).

Святые Отцы, по слову Святителя, «похваляют любовь ко всем» (449). Следуя им, и святой Игнатий взывает: «Любовь имейте и мир со всеми и с оскорбляющими Вас, без чего невозможно иметь духовного преуспеяния» (215). Умножение любви к ближнему есть «признак принятия семян благодати» (225).

Стяжавший любовь к ближнему стяжал многое. «Любовь к ближнему – величайшее наслаждение! А то утешает меня, – свидетельствует Святитель, – особенно в моих отношениях дружеских, что причина этих отношений – Бог» (341). «Я, – завершим прекрасными словами Святителя, – был нелюбопытен, ко всему холоден. Но на человека никогда не мог смотреть равнодушно! Я сотворён, чтоб любить души человеческие, чтоб любоваться душами человеческими! За то и они предо мной – какими Ангелами! – предстают взорам сердца моего так пленительно, так утешительно!» (345). «Любы не мыслит зла! Там спокойствие, там мысли благие, там постоянство, там святый мир. ...Очи у святой любви – как у орла, как у пламенного Херувима: от них не может скрыться и малейшее греховное движение. Но сама любовь неприступна для греха, всегда пресмыкающегося на земле; она живёт на небе, туда переносит на жительство ум и сердце, соделавшиеся причастниками Божественной любви» (452-453).

- «Погружайтесь в смирение и любовь к ближнему, отрекаясь себя. Таким образом найдете Господа» (584).
- «Желаю, чтоб Вы имели любовь к Господу Богу, любовь живейшую, а к ближним одинаковую и равную, как к образу Божию. Да сподобит Вас Господь узреть в каждом ближнем образ Божий. Святый

Марк Подвижник сказал: „Егда человек человека воспользует словесы или делы, Божию благодать да разумеют оба“» (211).

II. Милосердие

Милосердие неразрывно связано с любовью к ближнему. (Необходимо здесь же, хотя и в скобках, отметить, что и всё прочее отношение к ближнему определяется той же любовью.) Потому-то Господь и сказал, что на любви к Богу и ближнему *«утверждается весь закон и пророки»*. ***(Мф. 22, 40).***

Святитель подчёркивает духовную значимость милосердия. «Рассматриваю милосердие, – говорит он, – заповеданное Господом: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся от взоров» (180). Милосердие – это Истина. Псалмопевец воспевает: «*Милость и Истина сретостеся. Правда и Мир облобызастася*» ***(Пс. 84, 11)***. Делая вывод из этих слов, Святитель говорит: «Значит: где нет „милости“, где „ожесточения“, там нет „Истины“; где нет „мира“, там нет „правды“. А состояние души, чуждое Божественных Истины и Правды, нельзя признать „состоянием от Бога“ (195). Милостыня низводит благословение Божие. Помогает она и усопшим (679). Она есть путь к Богоуподоблению, и, более того, кратчайший путь. „Милостью преподобные Отцы наши уподобились Богу и носили немощи человеческие. Кто хочет достичь Царствия кратким путём, тот да внедрит в сердце своё милость“» (206). Но, будучи кратким, этот путь далеко не лёгкий – он требует большого подвига. Господь дал заповедь: «*Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть*» ***(Лк. 6, 36)***. «Чтобы исполнить эту заповедь, – размышляет Святитель, – надобно сделаться столько милосердным, сколько милосерд бесконечно Милосердый Господь. *“Широка, Господи, заповедь Твоя зело!”* ***(Пс. 118)***. Кто возможет её исполнить вполне самым делом?» (180).

Милостыня действенна – ведёт к Богу тогда, когда она творится бескорыстно, ещё лучше – тайно, когда не ждут каких-либо выгод для себя. «Если ты дал что взаймы ближнему и оного не просишь обратно, то подражаешь свойству Иисуса; если же просишь, то подражаешь свойству Адама; если требуешь лихвы, то это ниже и Адамова свойства» (490).

Особенно неугодна Богу та милостыня, которая соединяется с какой бы то ни было аферой. Рассуждая о благотворительности столичных и провинциальных жителей, Святитель говорит: «Здешние Петербургские так делают добро, по крайней мере, очень часто: увидев нагого, сжаливаются, и, чтоб покрыть его, снимают последнее платье с другого бедняка, не заботясь о том, что он, подобно первому, останется нагим; доброе стремление их сердца удовлетворено, они совершили добродетель. ...В провинциях делают добро проще: делятся своим, а не чужим, и не прибегают к аферам для добродетели» (662).

Принуди себя к милосердию

Из жития святителя Игнатия известно, что он постоянно проявлял милосердие. И когда читаешь его житие, то думаешь: как легко даётся святому человеку творение добра людям. А вот письма показывают иное: святой, или идущий к святости, совершает свой подвиг в немалых трудах и борениях. «Милосердствует во мне тщеславие, – исповедует Святитель, – милосердствует во мне пристрастие; милосердствует во мне корысть, милосердствует во мне плоть, милосердствует во мне кровь; но чтоб подвигла меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая, этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на краткое мгновение и пожелаю быть милосердым сообразно заповеди Христовой, то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие». И дальше: «Я обязан принуждать себя к милосердию сообразно заповедям Евангелия, хотя бы это и было сопряжено с насилием сердца, носящего в себе заразу греха, общую всем человекам» (180-181). Святитель Игнатий «принудил себя к милосердию», устоял в борьбе, победил «заразу греха». К этому он обязывает и всех чтущих его святую память: «Отвергните милосердие, действующее в вас от крови, иначе, от чувств сердечных, вдайтесь в снискание милосердия, возвещённого Евангелием, соделавшего человека Богоподобным» (182). «Преуспевайте, преуспевайте в делах милосердия! Здешняя жизнь – точно

поле, усеянное различными посевами хлеба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди – точно делатели; один способен водиться за виноградными лозами, другой за овощами, иной – сеять хлеб, иной – землю, иной – лишь исторгать терние. Каждый да трудится в том участке добродетелей, к которым он способен, к которым призван Богом... Прекрасен участок, нива милосердия вещественного; делатель его вместе и подвизается и наслаждается. "*Милуяй нищаго,* – утешительно наставляет нас Писание, – *взаим дает Богови, по даянию же его воздастся ему*" ***(Притч. 19, 17)***. Преуспевайте на ниве вашей: сейте милостыню, жните утешение, очищайте от плевелов пшеницу вашу, приготовляйте жертву чистую, чтоб Царь царей, воззрев на неё Своим испытующим и всевидящим оком, признал всю её достойною небесной житницы» (373-374).

III. Прощение и дружба

О прощении других и о дружбе с ними святитель Игнатий говорит кратко, но в этой краткости проявилась вся глубина святоотеческой мудрости: «Лозу, творящую плод, – учит он, – вертоградарь осыпает и навозом, да множайший плод принесёт. Не будете побеждены злом, но добром побеждайте зло» (219). Указуя на всепрощение, Святитель призывает к благоразумию в своих действиях: «По милости Божией желаю всем простить всё, более никого не считать провинившимся предо мною; но действия врагов Церкви и Христа желаю понимать и признавать тем, что они есть. Ведь и антихрист назовёт себя Христом. Ведь и явление его должно признавать справедливым попущением Божиим; но самому лицу и его действиям цена своя» (123-124).

О христианской дружбе Святитель замечает: «Только та дружба истинна и крепка, которую основывает и скрепляет Христос» (656).

IV. Терпение

Ни одна добродетель не совершается без терпения. Да и для удержания приобретённого также нужно терпение. «Добродетель, чтоб пребыть добродетелию, – утверждает Святитель, – нуждается в терпении. Кто не поколеблется

в добродетели, не претерпит в ней до конца, тот теряет свою добродетель. Господь сказал о благоугождающих Ему, что они *"плод творят в терпении" (Лк. 8, 15)*, повелел *"душу свою стяжавать в терпении" (Лк. 21, 19)*, возвестил, что спасётся только *"претерпевый до конца" (Мф. 24, 13)*» (344). Все подвижники врачевали «немощи чувств» именно терпением. Это «общий путь» (151). Правда, Святитель делает оговорку: «Иной... иначе», но тут же добавляет: «Мы должны идти по общему пути» (151). «Все земные занятия пройдут, а терпение, которое окажешь при этих занятиях – то останется с тобою, пойдёт за гроб и оправдает или осудит тебя перед Богом» (629).

Терпение – это, с Божией помощью, твёрдость, постоянство в добродетели, это мужество в перенесении любых невзгод и опасностей за Истину, за Правду.

Сам Господь наш Иисус Христос «заповедал стяжевать душу в терпении» и о служащих Ему сказал, «что они плод творят в терпении» (645). Спаситель не только заповедал нам эту добродетель, но и Сам «одержал победу над всеми скорбями» (636).

Терпение необходимо уже потому, что духовное совершенствование не происходит мгновенно. «Невозможно разом исправиться. Надо терпеть себя – свои недостатки, и мало-помалу, с постоянством, исправлять их, не унывая от падений, свойственных всякому человеку. Святой Исаак Сирский, великий наставник монашествующих, утверждает, что и святые не были изъяты от перемен, что непременяемость и беспогрешность – есть несбыточная мечта. Помни это: такое воспоминание будет воодушевлять тебя твёрдостно и мужественно в деле Божием» (645-646).

Наша земная жизнь складывается из звеньев цепи скорбей, которые заканчиваются смертью, «этой величайшей скорбию для человеков, особливо для забывающих своё назначение истинное, в вечности. Цепь эту надо перебирать с терпением, звено по звену, чтобы кончить с благим упованием» (583). Удары могут идти один за другим. Но терпеливый помнит: «Кого люблю – бью и наказую». «Закалитесь под этими ударами в крепкую сталь, – внушает святой

Архипастырь, – сделайтесь бесценным сокровищем для ближних, которые вас окружат и будут окружать» (357).

Терпение – это не только приобретение подвижника, это и дар Божий. «Терпение выпрашивается у Господа молитвою. Душа входит в дом терпения, когда скажет Богу: "будет воля Твоя"» (583). Потому Святитель и призывает: «Молитесь Господу, чтоб даровал вам терпение» (580).

Духовная польза от терпения во имя Божие велика. В терпении познаётся Промысл Божий, возрастает «вера и верность Богу»; терпящий очищается от земного, греховного, и готовится к небесному – святому (581). «Вы, – говорит Святитель, – переплавливаетесь в любой скорби, как в огне. Претерпите тягость этого состояния; по прошествии его вы ощутите себя перерождённым, увидите себя обогащённым духовными сокровищами, о существовании которых не имеют понятия люди, которых земная жизнь была усыпана одними удовольствиями. Тогда вы узнаете, что благ Господь и в самых скорбях, Им посылаемых: потому что временные скорби приводят к вечным благам тех, которые принимают эти скорби, как должно» (467-468).

Обращая внимание на плоды терпения, святой Игнатий зовёт: «Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры – и Христос приведёт тебя в своё время в покой Свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой временной жизни, великие утешения ожидают тебя в вечной жизни» (466. Ср.: 436). "Смотри, не погубляй этого хлеба насущного (т.е. терпения), который тебе понадобится на дорогу от земли на небо". Точно понадобится!» (629).

Надо с терпением перенести «различные напасти от различных причин, а наиболее от живущего в нас греха, от живущего в нас повреждения падением» (377).

«Бог да подкрепит тебя, да дарует тебе нести крест твой с терпением и надеждою... Отдадим себя в руце Создателя: да творит с нами то, что Ему угодно» (635).

***

Нет возможности, а пожалуй, и необходимости, перечислить все добродетели: они многогранны, многосторонни, разносторонни, разновидны – бесчисленны! «Взгляни, – обращается поочередно к каждому из нас Святитель, – человек, отовсюду ограниченный человек, сколько придумал, сделал вещей для удовлетворения многоразличным нуждам и прихотям своим! Несравненно удивительнее Премудрость Всепремудрого и Всемогущего Бога в уготованных Ею бесчисленных, разнообразных сосудах разумных. Каждый сосуд – с отдельною, ему собственно принадлежащею способностию! Всякий сосуд – вместилище какого-нибудь особенного духовного дарования. Иной способен к служениям, совершаемым телом; иной – к делам милосердия: иной – к молитве и безмолвию; иной – с способностию созидать души словом Истины и Духа; другой со способностию управлять людьми, устраивать их; иной – с способностию доставлять обществу человеков нужное для временного их существования – пищу, одежду, домы и тому подобное. Твой сосуд...» (265).

Но как бы разнообразны ни были добродетели, все они составляют единую лествицу, ведущую от Земли на Небо. На вершине её сияет то, на чём утверждаются Закон и Пророки: «Конец добродетелей – любовь» (491).

Как стяжать добродетель

Но как стяжать добродетели или добродетель? Что обусловливает наш подъём по лествице к Небу? У Святителя есть и на это богомудрый ответ. «Надо, – учит он, – потерять самое понятие о зле, как бы его вовсе не было, иначе понятие о добре не может быть полным, чистым, совершенным. "*Любы*, которая союз совершенства, *не мыслит зла*", – сказал Апостол. Чистые сердцем видят всех чистыми.

Надо столько преуспеть в добре, чтоб тотчас сердечным духовным ощущением познавать приближающееся зло, как бы оно прикрыто и замаскировано ни было, немедленно, с мужественною решимостию отвергать его – и пребывать неизменно благим, благим о Всеблагом Господе, дарующем Свою благость человеку. Для этого нужно оставить земные попечения и самые обязанности, сопряжённые с попечениями и пагубным развлечением» (454).

А если совершение доброго дела даётся с большими трудностями или не получается оно так, как хотелось бы, есть ли какой-либо выход? Есть! «Когда предположенное и предпринятое доброе дело не удаётся совершить с должною точностью, – рассуждает святой Архипастырь, – то пополняется недостаток исполнения смирением. В таком случае надо смириться пред Богом: попросить у Него прощения в увлечении и в недостаточном исполнении доброго дела» (682-683).

Добро человеческое - несовершенно

Нельзя гордиться и тогда, когда нам кажется, что мы осуществили какую-нибудь заповедь Божию или исполнили добродетель. Перед величием, всесовершенством Божиим всё мало. «Перед Его бесконечным добром исчезает добро человеческое, которое так несовершенно, что... его скорее можно назвать искажением закона Божия. И самый добродетельнейший Авраам имеет похвалу за добродетели свои пред человеками, но не пред Богом. Пред Богом вменена ему в добродетель вера в восполняющего недостатки человеческие – Бога. Тогда только приемлет Бог добродетели наши, когда они – свидетели веры; сами же по себе они недостойны Бога. ... Бог, взирая на сердца наши, благоволит об одних сердцах смиренных, исполненных сознания своей греховности, исполненных покаяния, исповедающих ничтожество своего добра... Может человек совершать душевные добродетели собственными силами; а добродетели духовные в человеке – дар в нём Милосердного Бога, подающего этот дар нищим

духом, алчущим и жаждущим правды Христовой» (457). «Хотя и заповедано нам исполнение заповедей, но оно заповедано, как непременный долг наш, как единственное условие пребывания в общении с Богом, а не как заслуга пред Богом или одолжение Богу с нашей стороны: спасаемся все, без всякого исключения, единственно милостию Божиею» (683).

Святитель Игнатий, обращая внимание на милость Божию, снова и снова призывает помнить наш «непременный долг»: «Братия! Будем стараться, доколе находимся в теле, наполнить сосуды наши елеем, по причине коего светильник бы наш засиял, когда будем входить в Царствие. Светлый и блистающий светильник есть душа святая. Ибо душа, блистающая добрыми делами, войдёт в Царствие, душа же, осквернённая злобою, низойдёт во тьму. Итак, бодрствуйте, братия, и прилежите добрым делам: ибо время приближается. Блажен, ведущий себя строго. Уже колосья поспели и настоит жатва. Блажен, сохранивший плод свой, – и приидут ангелы и вложат оный в житницу вечную. Горе унывающим, ибо огнь их пребывает. Наследия мира сего суть злато, и сребро, и домы, и одежды: все они подают причину ко греху, и при всём том, отходя туда, мы должны их оставить. Наследие же Божие безмерно... Оно даруется за хлеб, за воду, за одежды, кои подадим нищим, за человеколюбие, за чистоту тела, за непорочность сердца и за прочие добродетели...» (491).

***

Все добродетели относятся к духовному устроению православного христианина. Более подробно это будет представлено отдельно – в ином месте.

IV. ДУХОВНОЕ УСТРОЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА

«Обновляется человек, юнеет – от благочестия. ...Мне представляется в цвете и красоте юности, истинно – живущим – только благочестивый»

(350)

Духовное устремление православного христианина складывается из многих сторон его жизненного подвига. И хотя святитель Игнатий и утверждает, что «духовный подвиг должен быть как можно менее сложным» (772), тем не менее, он говорит о нём немало – по разным поводам и целям.

Есть три рода подвига: подвиг телесный, подвиг умственный и подвиг веры. Первые два «растят в человеке его ***„я“***». Тщетно думаем ими противостать греху: только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти» (332). Не то подвиг веры: он «умерщвляет» наше ***«я»***, «оживляет» для нас Бога, сокрушает всех наших невидимых врагов (332). Умертвив своё ***«я»***, христианин становится храмом Божиим, вместилищем благодатных даров. Бог, по Своей бесконечной любви, «даровал словесному храму свободу, власть принадлежать или не принадлежать своему Зиждителю, чтобы пребывание Бога в человеке было единственно по любви человека к Богу» (512). Человек может удалить «из себя Бога» и принять в себя грех. Покаянием он властен изгнать грех, а исполнением заповедей Божиих – снова привлечь Бога. «Впрочем, возможность этих изменений продолжается только во время земной жизни, по окончании которой, тот, кто был последним владетелем храма, остаётся его владетелем на всю вечность, и Бог составляет Собою вечное блаженство Своего жилища, а грех – вечное мучение своего логовища» (512). Вечная наша участь зависит от образа нашей кратковременной земной жизни. «Хотите ли быть храмом Божиим? Желаете ли, чтобы сердце ваше было сосудом даров Благодати? Вручаю вам Евангелие, пусть оно будет правилом вашей жизни. Веруйте в него вашими делами, вашею

жизнью» (512). Евангельские заповеди – это свет во время блужданий наших «в нощи земного жития. На них надо неуклонно смотреть, чтобы не сбиться с пути, и по ним выходить на путь, когда собьемся с него» (176). «Стяжи подвиг веры, – взывает Святитель, – и будешь всемогущ, будешь всегда победителем» (332).

Благочестивая жизнь необходима не только для стяжания жизни вечной – она нужна и для временного, земного, благополучия: только благочестие способно остановить человека при пагубных увлечениях, «которыми он вредит себе и потрясает любящих его» (556). С человеком, духовно устроенным, приятно и встретиться, и иметь с ним любое дело. Поистине «утешение на земле! – видеть человека, боящегося Бога, приносящего Ему в жертву полученные от Него жизнь и способности» (362).

Достигнув тех или иных ступеней благочестия, стяжав чистоту сердечную, необходимо сохранять их, оживлять, подыматься всё выше и выше. «Чтоб светил фонарь, недостаточно чисто вымытых стёкол, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча. Так сделал Господь с учениками Своими. Очистив их Истиною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До принятия Духа Святого Апостолы не были способны научать человечество, хотя уже и были чисты» (557). «Мне будьте подобны», – велит Господь. «Нужно мне, – поясняет Святитель, – чтоб Сын Божий признал меня похожим на Него, как похожи на Него все блаженные небожители. Подобие человека Богу, признанное Богом, доставит человеку блаженную вечность; утрата этого подобия влечёт за собою изгнание от лица Божия» (419).

I. Вера в Бога

Наша земная жизнь уподобляется морю, которое бывает тихим и мутным, встревоженным, покрытым седой пеной. «Тишина и буря сменяют одна другую, а время уходит, уходит, стремится погрузиться в бездну вечности. Блажен тот пловец житейского моря, который часто устремляет взоры к небу. По светилам небесным он направляет путь свой, не унывает при бурях, не доверяет и тишине моря: оно – так

изменчиво! Взоры, для которых доступно небо – вера; ею мы усматриваем духовное небо: учение Христово. На этом небе сияет Евангелие, как солнце, Ветхий Завет, как луна, писание святых Отцов, как звёзды» (340-341).

Вера, по определению святоотеческому, есть «око, озаряющее всякую совесть, она сообщает человеку ведение» (*святой Кирилл Иерусалимский*). Следуя этому определению, святитель Игнатий восклицает: «Вера, святая вера! Вера – око, которым одним ум человеческий может усмотреть и зреть Святую Истину!.. Шествие её по пути узкому и прискорбному, ведущему в живот, по пути, почти безлюдному, шествуемому весьма немногими» (648). Она свята и истинна, но только тогда, «когда она – вера в святую Истину, когда она – вера, принесённая на землю вочеловечившейся Божественною Истиною, Господом нашим Иисусом Христом» (461).

Действие веры велико. Она способна поднять с земли, освободить от оков, изъять из среды мучений, вознести к небу, ввести в покой духовный (197). «Вшедшие в этот покой почивают прохладно, наслади тельно на роскошно постланных, драгоценных одрах Боговидения» (197). Взяв человека за руку, вера «поставляет его перед Богом» (343). У неё нет границ – как безграничен и Бог. «Разум, как ни разумен, – ограничен: не годится для дел Божиих. Всё Божие, всякое знамение он встречает отталкиванием: „как?“ „неужели?“ „почему?“ Прочь! Непотребный, отверженный Богом!.. Придите – святая вера и буйство проповеди Христовой – спасите нас!» (194).

О силе веры

В духовной брани со злой силой вера служит непобедимым оружием. «Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными, с духами злобы, тёмными миродержителями, – учит Святитель, – нужно взяться за оружия, подаемые верою, подаемые буйством проповеди Христовой. ...Странными и страшными кажутся для плотского разума стезя и учение веры; но едва увидит человек на самом

опыте, увидит внутренним душевным ощущением могущество веры, – немедленно и радостно предаётся её водительству, как обретший неожиданно бесценного наставника, с презрением отталкивает от себя отверженную Богом премудрость человеческую» (198).

Чтобы нагляднее показать силу веры, Святитель рассказывает один чудесный случай, бывший в древнее время в Египетском женском монастыре. Разбойничий атаман, переодетый в иноческое платье, пришёл в монастырь с целью осмотреть его, чтобы потом привести сюда свою шайку и ограбить. Игуменья и сестры, приняв атамана за старца, оказали ему истинно монастырское внимание: игуменья сама умыла ему ноги, а этой водой потом окропила инокинь. Среди них была и слепая. И как только вода коснулась её глаз – она прозрела. Разбойник, увидев чудо, покаялся и сам ушёл в монастырь. «Так, – заключает Святитель своё обращение к духовному чаду и к себе самому, – ваша вера и многих других, послужив вам во спасение, да послужит и мне возбуждением к оставлению нерадения моего и расслабления» (203-204).

- Вера приносит истинное счастье человеку. «Наружное счастье не может вполне напитать человека; источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует Христианину – вера...» (612).
- Вера порождает смирение – это необходимейшее духовное состояние для спасения, ибо «смирение примиряет приявшую его душу с небом и землею» (832).
- Вера приводит человека ко спасению и спасает его. «Не должно человеку отчаиваться, – учит святитель Игнатий, – как бы велики грехи его ни были: ибо человек спасается не своими добрыми делами, единою верою во Христа Спасителя, а делами должно доказывать свою веру» (629).
- Но чтобы вера имела такое действие, она должна быть живой (832) – «нет Бога для того, кто не верует живой верой в Бога!» (464).

Потому-то Святитель и взывает: «Верою возвеличь в себе Бога и Он возвеличит тебя бесстрастием и духовным разумом» (332). «Киньтесь в спасительную бездну веры, как бы в море – с утёса!» (201).

II. Молитва

Вера в Бога неразрывно соединяется с молитвой к Нему.

Ещё в далёкие годы XIX века святитель Игнатий с высоты архипастырского служения взывал: «В настоящее время – существенная нужда в правильной молитве, а её-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, ищут наслаждения и восторгов, льстят себе, и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она – существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению» (766). Не относятся ли эти слова в той же мере и к сегодняшнему дню?

Принятое определение молитвы – это «Возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» *(святитель Филарет Дроздов. † 1867)*. И святой Игнатий, ещё в бытность мирянином Димитрием, на вопрос: «Что такое молитва?» отвечает: «Молитва есть разговор человека с Богом» (628). Но тут же Димитрий «с горестной откровенностью» признаётся: «...почти всегда язык мой только произносит кое-как молебные слова без всякого участия ума и сердца. Итак, молюсь ли я? Нет, более грешу, чем молюсь; однако, надеюсь на Всемилостивого Господа, что поможет мне некогда вкусить и силу молитвы» (628). Надежда Димитрия оправдалась – Всемилостивый Господь послал ему великий дар молитвы, о чём свидетельствует и святая жизнь его и наставления своим духовным чадам о молитве.

По слову Святителя, истинными признаками истинной молитвы служат: «Непарительность, немечтательность, умиление, любовь к ближним» (208).

Подойти к Богу

Для того, чтобы молитва была услышана Богом, надо подойти к Нему своим жизненным подвигом как можно ближе. Подобно земным правителям, «Царь Небесный наиболее внимателен к Своим приближённым. Тот делается приближённым Богу, кто часто

с сердцем сокрушённым и смиренным молится Богу. Бог вездесущ. Всякое место одинаково близко к Нему, и на всяком месте Он может явиться человеку: место, на котором Он обыкновенно является, есть сердце сокрушённое и смиренное» (670). Занимающийся Богоугодной молитвой должен именно с сокрушением и смирением считать себя недостойным «какого-либо преуспеяния» и всецело полагаться на Бога – отречься от себя, отсечь свою волю (737). «Ты должен, – учит Святитель, – отречься сам в себе от всякого сознания достоинства к преуспеянию и нищете духа (что и есть отсечение воли), во внимании словам и страхе Божием предстоять мысленно Богу, вопиять о помиловании и всего ожидать от милости Божией. Он сотворит с нами по воле Своей и по милости Своей: тогда ясно будет, что благо, дарованное Богом, совсем иное, нежели что предполагал получить человек. Для неотрекшихся от своей воли опасна прелесть» (736). Надо заботиться не о преуспеянии, а о том, «чтобы молитва была совершаема со вниманием» (737), чтобы ум молящегося «сохранял внимание, а сердце содействовало уму чувством покаяния» (534). «Что душа для тела, то внимание для молитвы: без внимания она мертва, не имеет никакого значения» (524). «Внимай себе, т.е. словам молитвы, а не внимай помыслам, приходящим во время её. Не вдавайся в разбирательство себя» (774). Но внимание во время молитвы есть не просто заслуга стоящего пред святой иконой, а, прежде всего, Божий дар ему. «Первый духовный дар есть благодатное внимание при молитве, какового при одном собственном усилии невозможно иметь» (738). Потому-то Святитель советует не смущаться, если при молитве нет должного внимания. «Бог даст внимание в своё время тому, кто постоянством в упражнении молитвою и в понуждении себя ко вниманию докажет, что он действительно желает молиться со вниманием. Один Святой сказал: „Я все мои немощи возложил на Бога и отдал себя совершенно в Его волю“. И ты говори о себе так и успокоишься» (525).

Терпение в молитве

Молитва немыслима без постоянства и терпения. Нетерпеливость губит её нежный цвет, «как иней и ветры сбивают цветы плодовитых деревьев. *"В молитве терпите"* ***(Кол. 4, 2)***, – сказал Апостол, это отличительное свойство упражнения молитвою. Сначала, вводя ум в молитву, приучая к ней, не держи его долго в ней, чтоб он не утомлялся излишне, но зато почаще вводи его в молитвенное занятие. Ах! Требует понуждения это занятие!» (296). Молитва – это подвиг, а подвиг требует труда. И тому, «кто терпеливо молится своею осквернённою молитвою... и не покидает её, наскучив её скверною, Бог в своё время даёт истинную молитву» (774).

Пусть светится молитва в каплях слёз, как светится в каплях дождя радуга, этот «символ мира между Богом и человеками. Разными цветами в молитве да будут: исповедание, сокрушение сердца, раскаяние, умиление, радость. Сейчас, как пишу, пришло мне на мысль, что слово „радуга" происходит от „радости" – это радостная дуга. Такою дугою да будет ваша молитва: один конец её да касается вашего сердца, а другой неба. Свет надежды и упования да светится в душе вашей» (167-168). Но нарочито – специально вызывать слёзы запрещается и запрещается решительно. «Не ударяй себя ни в грудь, ни в голову, – велит Святитель, – для исторжения слёз: такие слёзы – от потрясения нервов, кровяные, не просвещающие ума, не смягчающие сердца. Ожидай с покорностью слёз от Бога. Какой-то святой, невидимый перст, какой-то тончайший помысл смирения коснётся сердца – и придёт слеза тихая, слеза чистая, изменит душу, не изменит лица; от неё не покраснеют глаза, – кроткое спокойствие прольётся в выражение лица, соделает его Ангелоподобным» (286).

Чистая молитва там, где объемлется всё существо молящегося, где умолкает «мнимая сладость», где «человек зрит, что он существо падшее, наставляется покаянию, которое должно объять его, соделать для него возможным очищение, чрез очищение – соединение с Богом» (260).

Какие бывают молитвы

По своему *содержанию* молитвы разнообразны, как сложна и наша земная жизнь.

Есть молитва благодарственная, просительная, покаянная и др. «Вы, – обращается Святитель к духовному чаду, – встретили день вашего Ангела, благодарили Бога, благодарили Ангела Хранителя вашего за прошедшее хранение» (362). А благодаря, молили Бога о будущем, просили Ангела сохранить и в будущее время – до конца земного пути (362). «Кто желает правильно служить Богу: тот должен просить у Бога» (519), чтобы Он дал полезное для души, ибо человек не знает, «что именно полезно для его души» (519. См. и 524). В молитве непременно должно содержаться покаянное обращение к Миру Горнему. «В настоящее время, – свидетельствует святой Игнатий, – существенная нужда в правильной молитве, а её-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, ищут наслаждения и восторгов, льстят себе; и орудием, данным во спасение, убивают свои души» (766). Надо просить Бога о прощении наших грехов (609), со смирением молить Его о помиловании нас, достойных Его гнева. «Такую молитву Бог принимает» (678).

Надо молиться за творящих нам всяческие «напасти», обиды. Молящийся за них «сокрушает бесов, а препирающийся с первыми, сокрушается от вторых» (298, 299). «Поминай в молитвах твоих оскорбивших тебя, да исцелеешь от тяжкого недуга вражды к ближнему» (839). «Молись о всех, приносящих тебе скорби, да совершенно исцелеет сердце твоё от злобы и соделается способным к приятию Божественной благодати. Только что придёт тебе на мысль воспоминание о ком-либо оскорбившем тебя, тотчас молись о нём» (839).

В молитве надо и детей поручать Богу, «и за тем пребывать совестию в спокойствии, не предаваясь тревожному состоянию души. Бог всесилен: по усердной и смиренной молитве родителей Он может даровать детям христианское направление» (673). Даже и тогда, когда родители много заботились о воспитании своих детей,

не должно забывать непреложное слово Божие: «*Аще не Господь созиждет дом* (нерукотворенный, словесный дом Божий есть человек, в особенности же христианин), *всуе трудишася зиждущии*» (673).

Заповедует Святитель и молитву об упокоении: молись «об усопшей... Тогда и печаль будет по Бозе, растворена надеждой и от надежды проистекающим утешением» (609).

В молитве должно происходить единение всех. «Это единение превыше земных ощущений, тут что-то небесное, тут предвкушение будущей жизни, в которой человеков будет соединять Дух» (349).

Недопустимо в молитве оправдывание себя. «*Не уклони сердце в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех*», – молился святой псалмопевец Давид. «*Непщевати вины о гресех*, – разъясняет Святитель, – значит приводить извинения, оправдываться в своих согрешениях. Мысли и слова, в которых изображается это оправдание, названы *„словеса лукавствия“*. Лукаво старается грешник обмануть себя и людей! Лукаво старается он представиться праведником пред собою и пред людьми! Оправдаться пред людьми, скрыть пред ними грех свой заставляет иногда самая необходимость, польза ближнего, которого мог бы соблазнить грех наш. Оправдываться пред собою, обольщать, заглушать свою совесть, – всегда беззаконно, всегда бедственно; усвоившиеся *„словеса лукавствия“* соделывают человека ожесточённым фарисеем, способным на всякое преступление» (417-418).

Как совершать молитву

Святитель указывает и *образ совершения молитвы*. «Читай просто, не спеша, не ищи таинственного смысла и не увлекайся им, если оный представится» (824). Следует читать «даже протяжно, не стремясь к тому, чтоб прочитать за один раз весь акафист, или всё собрание вечерних и утренних молитв, но заботясь о том, чтоб читаемый известный отдел этих молитвословий был прочитан со вниманием, как во уши Господа Бога, а не на воздух» (470). Дыхание должно быть тихим – «дышите тихо при молитве» (207).

Важно не количество прочитанного, а то, как это прочитано. «Не гоняйся за количеством молитвословий, а за качеством их, т.е. чтоб они произносимы были со вниманием и страхом Божиим» (318).

Время молитвы – утро и вечер. «Читай утром и вечером следующие молитвы: „Трисвятое", „Отче наш", „Господи, помилуй" 12раз, Псалом 50-й, „Символ веры", „Богородице" и некоторые поминания; после сего клади 10 поясных поклонов с молитвою: „Боже, очисти мя грешнаго"» (687). Должно молиться перед началом и в конце наших дел. «Всякое дело, хотя и благое, но без молитвы и прошения помощи Божией начатое, не бывает совершенным. И ты убо от молитвы и прошения помощи Божией начни» (611).

Святитель указывает и молитвенное правило – отдельное для начинающих, отдельное для более совершенных и особое для больных.

Указания правил Святитель предваряет весьма важным свидетельством. «Величайшие святые Отцы повелевают, – говорит он, – чтоб правило для христианина было как можно проще и малосложнее. Великий Варсонофий говорит, что врата в Царство Небесное узки и что не надо давать широкого правила для вшествия в них; широкое правило даже может помешать вшествию в них, потому что, гоняясь за мелочами, мы можем упустить важнейшее» (470).

Во всём нужна мера

Новоначальным Святитель рекомендует «заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы. Когда находишься один, молись несколько вслух, чтоб слышать самому себя: это способствует к вниманию. На приходящие мысли, как бы они ни были явственны, не должно обращать никакого внимания» (525).

На первый случай Святитель считает полезным и удовлетворительным следующее молитвенное правило: "Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе"; „Царю Небесный", „Трисвятое", „Отче наш", „Господи, помилуй" 12 раз, „Приидите, поклонимся", Псалом 50-й, „Символ Веры", „Богородице Дево, радуйся" – трижды. После этого 20 молитв:

„Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“; при каждой молитве земной поклон. Затем другие 20 таких же молитв, и при каждой поясной поклон. „Достойно есть, яко воистину“; „Молитвами святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас“. «Это молитвенное правило, – заключает Святитель, – должно совершать утром и вечером. Поклоны должно полагать очень неспешно, с чувством покаяния, как бы стоя пред Самим Господом, припадая к стопам Его и умоляя о помиловании, но отнюдь не воображая Господа, а только веруй Его присутствию и тому, что Он взирает на нас и видит нас… Из прочих молитвословий более других полезен для новоначального акафист Господу Иисусу. Прочитывайте его в неделю однажды, стоя или сидя, как Вам будет удобнее, но непременно со вниманием и неспешно» (526). Рекомендуется также чтение святого Евангелия, прочих Священных книг и творений святых Отцов (в их числе и творения святителя Игнатия).

Для многих считается достаточным вот что:

«Восстав от сна, старайтесь, чтоб первая ваша мысль была о Боге и Его благодеяниях, которые на вас излиты Богом без вашего сведения и желания, по Его единой милости. Особеннейшим же благодеянием почитайте то, что вы просвещены Христианскою Верою, в недре истинной Церкви; потом начинайте правило так:

- 20 земных поклонов; при каждом поклоне молитва: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго“.
- 20 поясных поклонов с тою же молитвою.
- 10 земных поклонов: при каждом поклоне молитва: „Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси меня грешнаго“.
- 10 поясных с тою же молитвою.
- 5 поясных с молитвою: „Ангеле Божий, Хранителю мой святый, моли Бога о мне грешнем“.
- 5 поясных с молитвою: „Все святые, молите Бога о мне грешнем“.

Итого 70 поклонов, из которых 30 земных и 40 поясных.

Если найдёте, что этих поклонов для Вас мало, то можно прибавить соответственно силам Вашим несколько поклонов с молитвою Иисусовою» (514-515).

Это необходимо для того, чтобы тело почувствовало некоторую усталость, что будет способствовать сокрушению сердца. Молитва, в которой «не утрудится тело» станет «отверженной» (204-205). «Возлюби в молитве более поклоны, нежели упражнение в стихословии, т.е. в чтении псалмов и канонов» (205). Но превышать свои силы нельзя. «Не простирай ноги твоей выше силы, чтоб не соделаться совершенно праздным» (205). «Лучше краткая и частая молитва, чем продолжительная с продолжительными промежутками» (205).

После поклонов с молитвой Иисусовой «читаются утренние молитвы, и, если хотите, помянник, который вам нравится по особенным причинам, после помянника читайте Евангелие, главы по две или по три. Когда будете читать о слепых, хромых, прокажённых, беснующихся, мертвых, то думайте, что вы подобны им и молите Спасителя о спасении вас. Затем должны следовать обыкновенные ваши занятия со страхом Божиим, молитвою, полезными мыслями и воспоминаниями... Если в продолжение дня выпадает свободный часок, то можно повторить правило с поклонами, или только положить 20 поклонов земных и 20 поясных с Иисусовою молитвою. Если же не будет свободного времени, то правило оставляйте и пребывайте мирны.

Вечером должно начинать опять с поклонов в выше определённом порядке и числе, после них читать вечерние молитвы и Евангелие. Легши на постель, должно воспоминать о смерти, которой образ – временный сон, и, отрекшись от всех помыслов и мечтаний, засыпать с молитвою Иисусовою» (515-516).

Необходимо постоянство

Должно следить за тем, чтобы правила соблюдались ежедневно одинаково. «Лучше небольшое делание, но постоянное, нежели большое, но в скором времени прекращающееся» (515).

Завершить указания Святителя о совершении молитвенного правила можно его же весьма ценными словами, по своему содержанию напоминающими мысль, которой они были предварены: «Когда найдёте нужным прибавить или убавить что в Вашем молитвословии

и чтении по случаю немощи или встретившихся независимо от Вас других занятий, делайте это, не сомневаясь и не смущаясь. Будьте свободны! Не связывайте себя никакою скрупулезностию. Правила для человека, а не человек для правил. Противным сему пониманием производятся лишь недоумения и расстройства» (534).

Больному даётся особое предписание: ему «полезнее частая молитва, но краткая. Хорошо молиться несколько раз в день по краткому времени. Прекрасны молитвы: „Боже, очисти мя грешнаго“ и „Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас“. Их должно произносить неспешно, заключая ум в слова молитвы, как выражается святой Иоанн Лествичник» (633-634).

При постигающих нас бедствиях Святитель призывает усугубить молитву, как единственное надёжное средство. «Господь заповедал бдеть и молиться с особенным тщанием в эти лютые времена. Самое дело показывает, что нет другого прибежища. Будь семи пядей во лбу – ничего не сделаешь» (684).

Святитель отмечает и некоторые близкие его сердцу молитвы. «С некоторого времени я, – говорит он, – начал часто обращаться воспоминанием к молитве Святых трёх Отроков в пещи Вавилонской: „Согрешихом, беззаконовахом“ и проч. Какое превосходное в этой молитве исповедование своей греховности – и частной, и общественной! Какое оправдание попущения Божия и благоговение пред ним! Какой верный взгляд на современников!» (110-111). «Прекрасно оканчивается одна из монастырских затрапезных молитв: „Да всегда всякое довольство имуще, преизобилует во всякое дело благое о Христе Иисусе Господе нашем“» (658).

Не смотри на своё состояние

А как быть, что делать, если при молитве наблюдается некое «нечувствие»? И это недоумение разрешается Святителем также Богопросвещенно, как и другие. «Иногда, – наставляет он, – молитва сопутствуется обильным умилением, которое приходит человеку независимо от него, а иногда при молитве чувствуется особенная

сухость также без видимой причины. На эти перемены должно смотреть равнодушно, как смотрит на перемены погоды опытный земледелец, зная, что после ненастья бывает ведро, а после ведра – ненастье. Земледелец заботится о том, чтоб успешно произвести сеятву и собрать жатву, хотя бы то было сопряжено с большим трудом и с большими препятствиями от непогоды; так и занимающийся молитвою, заботится о том, чтоб молитва его была правильною и чтоб при возделании себя ею получить от Бога дар спасения, хотя б молитвенный подвиг сопровождался трудом и скорбями, был наветуем разными искушениями. На скорби и искушения он смотрит, как на бури, которые приходят и уходят» (534-535). Искушения занимающемуся молитвой идут от злой силы. Это бывает не без Промысла Божия, «потому искушения вражеские должно переносить великодушно, предавая себя воле Божией. Отцы сказали: „Помолясь, как должно, ожидай противного". Это значит: после внимательной молитвы, когда нам даруется обильное умиление, всегда случается какое-либо смущение или искушение... Нападение на нас греховных помыслов... приводит нас к смирению, к опытному познанию нашего падения, нашей греховности. Отцы признают нашествие греховных помыслов на занимающегося молитвою хорошим признаком: от борьбы с греховными помыслами получаются деятельный разум и твёрдость духа» (535). Нельзя только в этом состоянии борьбы или нечувствия прекращать молитву, а наоборот, надо усилить её – «полезно нудиться к внимательной молитве... творя молитву гласно и неспешно, потому что после нечувствия внезапно прикасается к сердцу благодать Божия и оно приходит в умиление» (768).

«Господи, спаси их! – молится Святитель с сердечной любовью о православных людях. – Господи, благослови их! Господи, управь пути их к истинному благоугождению Тебе!» (179).

III. Молитва Иисусова

Молитва Иисусова – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» – это «таинственное Небо», куда устремляют свой взор чистые сердцем или очищающие его (86).

Установил совершение сей молитвы Сам Господь наш Иисус Христос, когда, наставляя Своих Учеников после Тайной Вечери, «повелел призывать в молитвах Своё Всесвятое Имя» (514). Святые Отцы к призыванию Всесвятого Имени присоединили прошение об отпущении – прощении грехов. Их молитвы были кратки, но Небо отверзающими. Молитва Иисусова стала их непрестанным мысленным – умственным занятием. «Имя Иисусово, – сказал один из них, – да соединится с дыханием твоим» (514).

Поначалу «умное делание» было широко распространено не только среди иночества, но и среди мирян, ещё не подвергшихся тлетворному влиянию тлетворного Запада. «Теперь, – замечает о своём времени Святитель, – всё искоренилось, осталась личина благочестия, сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость какой-либо остаток прежнего» (116-117). (Хотя в скобках спросим: а в наше время?)

Правильно совершать молитву

В годы святительства Игнатия, как он сам свидетельствует, о молитве Иисусовой имелись самые тёмные и сбивчивые понятия. «„Иные“, считающие себя за одарённых духовным рассуждением и почитаемые многими за таковых, „боятся“ этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину „прелесть“ – будто бы непременную спутницу упражнения Иисусовою молитвою, – сами удаляются от неё и других учат удаляться» (248). Среди отвергавших творение Иисусовой молитвы Святитель называет преподобного Макария Оптинского († 1860). Правда, Святитель тут же оговаривает: «...отец Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал по своим понятиям, с целию угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении» (114). Виновником такого противления Святитель считает злую силу, которой ненавистно всемогущее Имя Спасителя. «Другие, занимаясь Иисусовой молитвой, хотят немедленно ощутить её духовное действие, хотят наслаждаться ею, не поняв, что наслаждению, которое подаёт один

Бог, должно предшествовать истинное покаяние. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели явится в душе духовное действие, которое – благодать, которое, повторяю, подаст Един Бог в известное Ему время. Надо прежде доказать верность свою Богу постоянством и терпением в молитвенном подвиге, усмотрением и отсечением всех страстей в самых мелочных действиях и отраслях их» (248-249).

«Непрелестный образ» совершения Иисусовой молитвы состоит в неспешном, «тихом произношении её устами, или и умом, непременно при "внимании" и с чувством покаяния» (249, 247). В начале упражнения может прийти уныние, недоумение, сон и даже отчаяние. Не надо этого опасаться, хотя и надо со всем этим наваждением бороться. «Пользу молитвы, – по слову преподобного Иоанна Лествичника, – можно заметить из бесовских препятствований, возникающих во время собрания», т.е. молитвы. «Вы, – продолжает Святитель, – конечно, помните, что я вам завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву, отнюдь не позволяя себе самочинно вдаваться в художество, описанное в „Добротолюбии", и превосходно сокращённое святым Нилом Сорским в следующие слова: „Во время Иисусовой молитвы тихо дыши, а не сильно: это способствует к собранию ума, что скажет самый опыт"» (205-206).

Желающие научиться правильно совершать Иисусову молитву и утвердиться в ней должны сразу же соединять её с поклонами, увеличивая их или даже сокращая «сообразно силам каждого» (514).

Подобное занятие «молитвой Иисусовой приличествует всем вообще христианам, как жительствующим в монастырях, так и жительствующим посреди мира» (249). Ей можно «упражняться» при рукоделии, в путешествиях «и в других случаях, когда нельзя заняться чтением и псалмопением» (249).

А что рекомендуется, по преимуществу, только инокам? «Стремление к открытию „сердечного духовного действия" приличествует наиболее, почти единственно инокам, – и то познавшим подробно борение со страстями, при удобствах, доставляемых местом и прочими обстоятельствами» (249).

Молитва Иисусова имеет огромную духовную силу. Это «превосходное оружие против всех страстей» (249). Она и открывает страсти, тайно живущие в сердце, она и укрощает их (536). «Моление с заключением ума в слова молитвы есть самое полезное» (765). «Без истинного умного делания монашество есть тело без души» (117).

Не оставлять Иисусовой молитвы

Молитва Иисусова, умная молитва – это рай, а рай должно и хранить и возделывать (833). Потому святые Отцы «советуют желающему преуспеть в молитве заниматься и молением молитвою Иисусовою и чтением правил попеременно. Такое разнообразие облегчает молитвенный подвиг и способствует преуспеянию» (524). И святитель Игнатий призывает: «Молитвы Иисусовой не оставляйте: монашествующий, в числе своих обетов при пострижении, даёт обещание денно-нощно заниматься этою молитвою. У нас Святейший Синод постоянно занимался развитием этого делания, и издавал книги святых Отцов о сем предмете, а в 1857-м году разослал по монастырям книгу преподобного Нила Сорского во множестве экземпляров, дав её в руководство Российским монашествующим и предписав благочинным строго наблюдать, чтоб по монастырям это исполнялось» (217. См. и 838). «Держись решительно заключения ума в слова молитвы... Если будешь заключать ум в слова, то сердце придёт в сочувствие уму» (768). «Не забывай молитвы: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“. Молитва эта может совершаться при всех занятиях, сверх того отгоняет скверные помыслы и разливает в нас веселие» (630).

Показав духовное величие Иисусовой молитвы и призвав крепко держаться её, Святитель не преминул указать и на могущую подкрасться к нам, подойти незаметно к нам опасность, даже при столь важном духовном занятии. «Если же, – предостерегает Святитель, – кто бы то ни был, движимый, по выражению святого Иоанна Лествичника, гордостным усердием, ищет получить преждевременно

сладость духовную или сердечное молитвенное действие, или какое другое духовное дарование... тот неминуемо впадает в прелесть, каким бы образом молитвы он ни занимался, псалмопением ли или Иисусовою молитвою. Это привелось видеть и на опыте» (249).

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!»

IV. Общественная молитва – Богослужение

«Прошу ваших святых молитв, особливо при служении святыя Литургии», – обращался ещё в юности будущий Святитель к некоему игумену. Слова: «...особливо при служении святыя Литургии» убедительно свидетельствуют о том, какое великое значение он придавал молитве Святой Церкви.

Высоко ставя общественную молитву, Святитель заботился о том, чтобы Богослужение совершалось благоговейно, внятно, неторопливо, чтобы в нём не было ничего от театрального. «Украшением хора, – учил он, – должны быть простота и глубокое благоговейное чувство, а не фигурные вариации» (131). Святителя возмущает московское пение, где эти «фигуры» и «вариации» употреблялись и, видимо, довольно широко, иначе он не сказал бы: «...которые в таком употреблении в Москве» (131). «Нам, – повторяет он, – нужна величественная, благоговейная простота и глубокое набожное чувство: этими двумя качествами наше пение становится выше пения Московских монастырей» (130).

Как великий молитвенник, Святитель не мог не обратить внимания своих духовных чад на глубину содержания Богослужения. Особенно его трогают молитвословия Постной Триоди. «Великопостная служба, – размышляет он, – столько заключает в песнопениях своих глубокой поэзии, которою говорит душа, проникнутая святым покаянием, что могла бы быть составлена особенная книга великопостных вдохновений в поэтическом порядке, с поэтическим построением» (308).

В церкви молитва – общая

Сугубое внимание Святитель обращает на поведение молящихся в храме. И здесь, как и в других случаях, он выступает Богопросвещенным наставником, почему я – слушатель этих наставлений – не дерзаю перелагать их своими словами, а допускаю лишь некоторые сокращения. «В церкви, – велит Святитель, – никаких особенных молитв не читайте, а внимайте Богослужению. Хорошо приучиться к молитве мытаря, которая одобрена Господом и которую мытарь, как видно из Евангелия, произносит, находясь в церкви. Эта молитва читается так: „Боже, милостив буди мне грешнику", или „Боже, очисти мя грешнаго". Этой молитве равносильна молитва „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго", или „Господи, помилуй". Читайте из этих молитв ту, которую найдёте удобнейшею для себя. Но читайте непременно, не спеша и со вниманием. Советую держаться второй (т.е. „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго"). ...В церкви иногда внимайте Богослужению, а иногда умом произносите молитву, не преставая внимать и Богослужению. Можно вместе и молиться умом, и внимать церковному молитвословию. Церковную службу, когда остаётесь дома, можно заменить чтением которого-либо из акафистов: акафиста Господу Иисусу или акафиста Божией Матери. В церкви не становитесь на колени и вообще по наружности не отделяйтесь от прочих какими-либо особенностями, но сохраняйте и внутреннее, и наружное благоговение. Поклонов кладите как можно меньше. Земных поклонов полагайте всего два в течение Литургии, в конце её, когда дважды выносят Чашу со Святыми Тайнами. Удерживайте себя от разгорячения и от всех порывов, столько противных смирению. Требуйте от себя тишины и внимания и при молитве, и при чтении, и при всех действиях ваших... Когда найдёте нужным сесть, садитесь, потому что Бог внимает не тому, кто сидит или стоит, а тому, чей ум устремлён к Нему с должным благоговением. Стремление к Богу, благоговение пред Богом и страх Божий приобретаются вниманием к себе» (532-534).

«Боже, очисти мя грешнаго».

V. Пост

"Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом" (Мф. 17, 21), – так Господь наш Иисус Христос слил в единый подвиг молитву и пост. И потому, когда говорится об одном, упоминается и другое. «Милосердный Господь, – размышляет святитель Игнатий, – учредил, при посредстве святых Своих Апостолов и святых Отцов, Святителей и Учителей Церковных различные душеспасительные подвиги, а между ними и пост святой, коим связывается и обуздывается плоть наша» (245-246). Сказав сие, Святитель делает очень важное добавление: «По отношению всех этих подвигов должно помнить, что они для человека, а не человек для них, как и Господь сказал: "суббота бысть человека ради, а не человек ради субботы". Сие должно разуметь и о посте» (245-246).

Как же «разумеет» Святитель пост?

Святитель Игнатий выступает с решительным осуждением соблюдения внешней формы поста при слабом понимании его цели, а может быть, даже и при полном отсутствии истинного взгляда на его сущность. «Церковь, – учит он, – положила в известные времена воздержание от мясной пищи для того, чтоб непрестанно употребляемая мясная пища не разгорячала безмерно тел, чтоб они на растительной пище постного времени прохлаждались и облегчались, а не потому, чтоб употребление мяса заключало в себе собственно какой грех или нечистоту» (647). Преподобный Иоанн Лествичник, великий подвижник VII столетия, вкушал всё, что разрешалось иноческому чину. Так он поступал во имя правильного духовного преуспеяния – «с целью избежать душевных страстей: тщеславия, мнения о себе, человекоугодия, тайноядения, лицемерства, лукавства, лжи, которые часто являются у подвижников по плоти и соделывают для них духовное преуспеяние решительно невозможным» (77). Святые Отцы древних Египетских обителей не считали подвиг таковым, если о нём узнавали люди. «Пост и прочие подвиги благочестия совершались в тайне *(Мф. 6, 4)*» (73).

В подвиге поста должно соблюдать всем «благоразумную умеренность» (76). Пост нужен в той мере, «какая необходима для

обуздания плотских страстей, которая вместе с тем не расстраивала бы тел, но сохраняла их способными к исполнению заповедей Христовых или, проще сказать, к послушаниям и подвигам бдения, молитвы и коленопреклонений, к чему расслабленные тела окончательно не способны» (74). Если бы нам полезно было иметь расслабленные тела, то таковыми создал бы их Бог (74). «Яждь умеренно… и да не простреши ноги твоей выше силы, да не отнюдь празден будеши» (76. Ср. 246), – цитирует Святитель слова преподобного Исаака Сирского и в другом письме как бы продолжает эту же мысль: «Давай телу умеренное количество пищи и сна, храни себя молчанием, вниманием себе, смирением» (232).

Пост для немощных

Для немощных полагается ослаблять пост. Для них недостаточно ограничиваться лишь растительной пищей. «Испытав себя, я убедился, – говорит о себе Святитель, – что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в расслаблении» (72). Немощным разрешается вкушать во время поста рыбу. «Нисколько не усумнитесь употреблять уху из рыбы во время нынешней Святой Четыредесятницы, – учит святитель Игнатий, – ибо уха из рыбы менее даст крепости вашему слабому телу, нежели сколько другому сильному хлеб и вода. Сердцеведец Господь, видящий немощь вашу, не исключит вас из числа постящихся» (246). При болезни же нет запрета и на вкушение мяса. «Удаление от мяса, – говорит святой Архипастырь, – при необходимости и болезни есть грубый предрассудок русского человека, обременившего небесную религию многими своими национальными дебелостями, оцеживающими комара и пожирающими верблюда» (647).

Продолжая развивать последнее утверждение, Святитель высказывает смелые мысли, которые, может быть, и не относятся прямо к посту, но опустить которые я не смог. «В России, – продолжает он, – потому что христианской верой занимаются очень поверхностно и грубо, идут к познанию Христа семинарией и академией,

которых Христос не установил, а оставили очищение себя святыми подвигами, которое Христос установил и заповедал, пребывают вне истинных, живых понятий о вере Христовой» (647-648).

Возвращаясь к размышлениям о посте, Святитель обобщает: «Так поступали многие великие угодники Божии... Воздержанием, несоответствующим силам вашим, вы можете привести себя окончательно в слабость, лишитесь церковной службы и обществу вашему, которому теперь приносите некоторую услугу, будете служить обременением» (246).

Встреча гостя в пост

Может допускаться разрешение на вкушение запрещённых правилами продуктов в постное время при встрече гостя – странника.

В житии святителя Спиридона, епископа Тримифунтского († ок. 348), которого ещё при жизни хорошо знали за святость и дар чудотворений, которого и сейчас весьма почитают в мире православном, особенно на острове Корфу, где почивают его святые мощи, рассказывается следующее. На первой седмице Великого поста к святому пришёл странник. Святой Спиридон велел своей дочери, жившей при нём, угостить посетителя. Но дочь ответила: «Отец мой! Ты не вкушаешь ничего в эту неделю, и я стараюсь подражать тебе: поэтому у нас нет никакой пищи приготовленной, а есть от мясоеду остаток свиных мяс». Епископ велел: «Поставь это мясо на стол и приготовь нам трапезу». Дочь повиновалась, и подвижник пригласил к столу своего гостя, и сел сам с ним, чтоб кушать. Странник, смутившись, сказал: «Я – христианин, и не ем мясного в Великий пост». На это Епископ ответил: «Потому-то что ты Христианин и должен ты есть: мы воздерживаемся от мяса не потому, чтоб оно было нечисто, или чтоб в этом была какая добродетель… но чтоб телеса наши не отягчились объядением и пьянством» (649).

Другой пример, также весьма поучительный. Преподобный Иоанн Кассиан († 435), странствуя по Египту, пришёл к одному

пустынножителю. Последний принял с радушием и угостил странника, отступив от обычной строгости. Уходя от пустынника, преподобный Кассиан спросил его: «Почему иноки в Египте разрешают пост для посетителей?» Пустынножитель ответил: «Пост – моё, когда захочу, могу его иметь, а принимая братьев и отцов, приемлем Христа, Который сказал: "*Приемляй вас, Мене приемлет, – и: не могут сынове брачнии поститися дондеже с ними Жених. Егда же отыдет Жених, тогда постятся*" (650). «Вот, заключает Святитель, – истинное понятие о учении Христовом!» (650).

Опираясь на святоотеческие указания, Святитель делает вывод: «Крайности обою страну равно вредят: и избыток поста, и насыщение чрева, и безмерие бдения и сытость сна, и прочая избыточествования» (236). Употребляй пищу «в лекарства, а не в лакомство. „Научихомся быти страстоубийцы, а не телоубийцы", – сказал Великий Пимен» (236).

VI. Покаяние

Душой поста и молитвы служит покаяние. Без покаяния молитва мертва, наполняется «гордостным и обольстительным» мнением (260). Покаяние и молитва – это вершина горы святой, с которой мы можем зреть «чудеса Божии в земле Египетской... в стране нашего изгнания и плена» (180).

Нет ничего удивительного или необыкновенного в том, что мы постоянно погрешаем – «в нас действует грех» (160). Этим смущаются лишь неопытные в духовной жизни. «Мы все – в падении; зачинаемся уже в беззаконии, уже родимся в грехах. Должно с терпением и долготерпением носить „ярем Навуходоносоров", т.е. действие в себе греха, – и с милостию к себе очищать себя покаянием, повергая немощь свою пред Богом, непрестанно показуя Ему её» (311). Зная нашу немощь, Сам Спаситель дал нам «общее и непрестанное делание – драгоценное покаяние» (263). В него он вложил «и смиренное утешение, состоящее в облегчении совести, в явлении надежды спасения» (263). Тем же, кто постоянно пребывает в состоянии покаяния, утешение умножает, а Своих избранников «запечатлевает Духом Святым и вводит по временам во вкушение будущего

века. Они точно по временам делаются причастниками несказанного духовного утешения» (263-264).

Святитель Игнатий в одном из своих писем свидетельствует, что преподобный Симеон Новый Богослов († 1021), перечисляя благодеяния, полученные им от своего духовного наставника Симеона Благоговейного, выделяет: «Он преподал мне покаяние» (262). О чём это говорит нам? О том, что если нуждался в руководстве тот, кто и своей жизнью, и своими творениями явил сам истинное покаяние, то в какой же мере нуждаемся мы в наставлении?! И святитель Игнатий нужное даёт нам: говорит *о величии покаяния, необходимости, сущности его, образе прохождения* и, наконец, с архипастырской заботливостью призывает сидеть самоотверженно «при дверях покаяния» (300).

Покаянием входим к Богу

Покаяние – это «дивная благодать Божия», бесценный Божий дар, «купленный для нас ценою крови Сына Божия, – этою ценою, выкупающей всякое наше согрешение» (299, 418). Это дверь Божией милости ко всем прибегающим к нему. «Этой дверью мы входим к Божественной милости, к этой милости не войти нам иначе, как только этой дверью. Тщетны, бесплодны, часто душевредны подвиги и самые возвышенные, когда они не растворены чувством покаяния. Покаяние чуждо самообольщения, неприступно для него. В том, что Бог открыл путь покаяния, видна особенная милость Божия, особенный Промысл Божий» к нам (460). Это и наш самый благоприятный дар Богу (307). Покаяние – это Божественная пристань, «Божественная врачебница» (233), «душа всех подвигов, общее делание, которое должно одушевлять все прочие делания. Одни, пребывающие в истинном покаянии, достигли истинного преуспеяния. Оно есть то существенное делание, которое предуготовляет нас к явлению в нас Царства Небесного. Сам Спаситель возвестил это! "*Покайтеся*, – сказал Он, – *приближися Царствие Небесное*". Милосердный Господь уготовал нам дивное, небесное, вечное Царство, указал дверь,

которою мы можем войти в спасительную пажить Духа и Истины, дверь покаяния» (261). Покаянием врачуется грусть (411); от его лица «бежит всякий грех; никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием. Покаяние – евангельская добродетель» (418). Всякая греховная язва, недуг исцеляются покаянием. «Объятия Отца Небесного отверсты для прибегающих в эти объятия блудных сынов. Христос, снисшедший на землю для грешников, а не для праведников, доселе пребывает невидимо, но вполне существенно между человеками, совершая великие знамения и исцеления; будет по неложному обещанию Своему пребывать между нами до скончания века. Доселе раздаётся Его голос, доселе слышатся Его действительные слова, сказанные некогда всеми осуждённой грешнице, осудившей себя глубоким молчанием: *„Аз тебя не осуждаю: иди и отселе ктому не согрешай*". С таким предостережением даётся отпущение в тяжких согрешениях» (233).

Добродетели растворены покаянием

Покаянием умерщвляется греховное влияние телесных чувств (353). При его посредстве переходят «из состояния душевного в состояние духовное… Все добродетели, и самые высшие, должны быть растворены покаянием» (459). Им совершается обновление человека. Когда же «человек обновится покаянием, тогда грехи юности его не препятствуют ему заботиться о душах ближних. Так понимала Церковь издревле, и святой Нифонт, епископ Кесарии Кипрской, по откровению Божию, принял на себя обязанности пастыря, хотя в юности и подвергался тяжким преткновениям. (Житие его 23-го декабря)» (339). Через покаяние обретается «пажить спасительная. Вознерадевший о покаянии чужд всякого блага» (260). В Иерусалим есть врата, но одни – покаяние. «Хотелось бы попасть во врата! Хотелось бы попасть во Святый град! Не хотелось бы остаться вне. Не хотелось бы, чтоб на пути застигла ночь! Ночью вне града скитаются звери хищные! Удобно делается жертвою их запоздавший путник! …Там была сказана

притча о запоздавших юродивых девах. Они остались вне, изнутри только услышали глас: «Не вем вас. Отыдите!» (190). В покаянии залог вечной жизни, «вся тайна спасения» (262). «Убелённый покаянием, да вниду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием. Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Но купец, желающий купить это село, должен продать всё имение своё, чтоб купить село покаяния. Пусть буду этим купцом! Пусть буду обладателем этого духовного дара во спасение моё и ближних! Воздыхает душа моя, жаждет глубокого, ненарушимого безмолвия, вне которого невозможно найти обильного, полного покаяния» (409-410). В одном из писем Святитель воспевает целый гимн покаянию: «Покаяние – вера, покаяние – признание искупления и Искупителя! Покаяние – усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! Покаяние – самоотвержение! Покаяние – признание падения и погибели, объявших весь род человеческий!.. Покаяние восполняет собою недостаток добродетелей человеческих, присваивает человеку добродетели Искупителя!» (383).

Уже в изложенных наставлениях Святителя о величии покаяния виден и его взгляд на необходимость покаяния. Но святой Иерарх подчеркивает это и особо. «Всякое попечение о Небе, – говорит он, – если оно не одушевлено покаянием – мёртво, неистинно. "*Беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем*", – воспевал Богодухновенный Давид» (179). Невозможно душе ощутить духовного действия, если она «не предочистится и не умилостивит Бога покаянием» (261). Пренебрежем им – «без всякого сомнения, останемся вне. Добрые дела естественные, по чувствам, никак не могут заменить собою покаяния» (261-262). Наша земная жизнь скоротечна, и незаметно приблизимся к переселению в вечность – «для каждого из нас и необходимо покаянием омывать наше прошедшее и покаянием же привлекать к себе милость Божию, чтоб в надежде и радости переселиться в вечность» (338). «Время сойти с земного поприща, – размышляет Святитель на закате своих дней (в 1862 г.), – но

неоплаканные грехи приводят к желанию побыть ещё в юдоли душеполезных страданий и плача, чтоб избежать плача и страданий бесполезных и вечных» (111).

В чём сущность покаяния

Но в чём Святитель видит *сущность* покаяния? Какой образ прохождения его он советует?

На первый вопрос Святитель отвечает богопросвещёнными словами преподобного Иоанна Лествичника: «Покаяние состоит в постоянном утеснении чрева и сокрушении духа» (809). Иначе говоря, сущность покаяния – в постоянном воздержании, бодрствовании, в сознании своей греховности, своего недостоинства.

Также и *образ прохождения* покаяния Святитель указывает, опираясь на святоотеческие рассуждения: «Брат спросил великого Пимена: „Что мне делать с грехами?“ Старец отвечал: „Хотящий очиститься от соделанных им грехов, плачем очищается от них, и хотящий сохраниться от впадения в новые грехи, плачем сохраняется от них“. Это путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые говорили: плачьте, потому что другого пути кроме плача нет» (268). Плач – это «сердечное чувство покаяния». Рождается он от зрения своего греховного повреждения, своих немощей. «Плач – *дух сокрушен и смирен*, столько любезный Богу» (431). Естественно, что покаянный плач, плач «*по Бозе*» ***(2 Кор. 7, 10)***, плач о том, что мы недостойно служим Богу и своей жизнью отторгаем себя от Его любви, неразрывно соединён с молитвой. «Скажите, пожалуйста, в какой одежде всего приличнее стоять пред Создателем человеку, сему существу падшему? – спрашивает Святитель и отвечает: – Думаю, что тот одевается прилично, кто в молитвах своих весь одет в покаяние» (508-509). Такой плач служит обнаружением глубочайшего покаяния, охватывающего человека, по образному выражению Святителя, «с главы до ног» (410). «Как же мрачный грешник предстанет лицу великого Бога своего? Разве покрывшись с главы до ног одеянием покаяния. Без этой одежды ему, поражённому от главы до

ног смрадною язвою греха, естественнее, праведнее быть во тьме, в огне ада, нежели пред Всесвятым Богом» (410)... И когда Господь увидит душу, очищающуюся покаянным плачем, «тогда Он начинает мало-помалу, соответственно чистоте её, обновлять на ней Святым Духом черты Своего образа, оттенки и цвета Своего подобия. Прежде всего, запечатлевает её кротостию и смирением» (431). «Счастлив тот, кто в старости своей успеет уронить слезу покаяния на увлечения юности своей» (442).

Весьма полезно все свои внутренние борения раскрыть перед братьями и повергнуть к их ногам, «не различая худых от добрых» (165).

Не нужно углубляться в грехи

Святитель Игнатий, подчёркивая важность глубочайшего познания своих грехов, обращает внимание и на то обстоятельство, что не должно детализировать и подробно рассматривать всякий грех. «Не советовал бы я вам, – учит он, – входить в подробное и тонкое разбирательство грехов и греховных качеств ваших. Соберите их все в один сосуд покаяния и ввергните в бездну милосердия Божия. Тонкое разбирательство грехов своих нейдёт человеку, ведущему светскую жизнь: оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение. Бог знает наши грехи, и если мы будем постоянно прибегать к Нему в покаянии, то Он постепенно исцелит самую греховность нашу, то есть греховные навыки, качества сердца. Грехи, соделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному, а в тонкое разбирательство духовных качеств, повторяю, не должно светскому человеку пускаться» (352). «Это, – добавляет он, – разумеется не о грехах смертных, покаяние в которых принимается Богом только тогда, когда человек оставит смертный грех» (353). «Предметом рассматривания вашего да будут немощи ваши» (165). Но и здесь Святитель делает весьма существенную оговорку: «Будьте снисходительны к душе вашей в её немощах; излишняя строгость отвлекает от покаяния, приводит в уныние и отчаяние» (169).

Прощение грехов совершается в Таинстве исповеди. Святитель выступает решительным противником воспоминания о тех грехах, которые уже были прощены. «Воспоминание прежних телесных грехов очень вредно и воспрещается святыми Отцами. Тут действуют неверие, недостаток уважения к Таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность» (520). Исповедавший свои грехи и получивший прощение через священнослужителя «обязан не повторять этих грехов» (520). И, более того, стараться вовсе не грешить. «Надо знать, что Бог дал покаяние единственно в помощь немощи нашей, – отнюдь не для потачки греху. Дар Божий не должно употреблять во зло, должно обходиться с ним очень благоговейно, благоразумно, осторожно. «Кто в надежде на покаяние повторяет свои грехопадения, – сказал святой Исаак Сирский, – тот ведёт себя лукаво по отношению к Богу, такового постигает нечаянная смерть» [1]. Должно со всею тщательностию храниться от впадения вообще во все грехи, великие и малые, как от выражения вражды на Бога» (384-385).

Успеть покаяться

Святитель Игнатий настойчиво призывает «примириться и соединиться с Богом посредством покаяния» прежде, чем постигнет смерть, «чтоб не услышать на суде Его: "*Не вем вас: отыдите от Мене, называвшие Меня Господом своим и нарушившие Мои заповедания*"» (692). В этом контексте глубокий смысл получают слова Святителя: «Лучше умереть при покаянии и с должным приготовлением молодому, нежели старому без покаяния и без приготовления» (787). Но более безопасно живущему среди мира христианину «сосчитываться ежедневно вечером со своей совестью» (368). А лучше – и вечером, и утром: «Ложась на одр, кайтесь, и вставая, кайтесь; как в цепи звено держится за звено, так в жизни вашей воздыхание да следует за воздыханием. Так проводите дни, месяцы и годы» (165).

---

[1] *Исаак Сирин, прп.* Слово 90 // Творения. Сергиев Посад, 1911.

«Вся наша жизнь должна состоять из покаяния; ибо мы дотоле вне истины, доколе не вполне во Христе, чего ожидать можем только после смерти. Чем больше погружаемся в покаяние, тем более находим, что нуждаемся в нем. Чем более очищаемся, тем более находим, что мы далеки от Пресвятого и Пречистого. Кто весь очернён, тот не видит на себе ни одного пятна» (586).

По пути непрестанного сокрушения духа, в зрении своих падений, «в плаче о них» – по пути покаяния «прошли все Святые от греха к Богу. Этот путь освещён учением Святого Духа, сияющим из Священного Писания и писаний Отеческих» (459). «Подвиг покаяния никогда не может быть оконченным: он приличествует всегда и всем грешникам и праведникам, хотящим получить спасение. Нет того предела, который бы обозначал совершенное исполнение его, потому что совершенство и самых совершенных есть поистине несовершенно. Почему покаяние не может быть определено ни временем, ни количеством подвигов даже до смерти» (459. Ср.: 164). И потому должно всю земную жизнь проводить «в постоянном покаянии, признавая себя грешным во всех отношениях и веруя, что Милосердный Господь всякого, лишь признавшего греховность свою, приемлет в объятия Своего милосердия, в недро спасения» (353). Надо душу свою «очищать непрестанным покаянием, чтоб в нашем Богозданном храме могли слышаться вещания Духа» (508). Если достигнет кто и «значительной зрелости» – «облекается в одежду покаяния и в ней входит во внутреннюю душевную клеть свою» (300). Даже Святые – «все Святые Православной Церкви в течение всей жизни своей неотступно держались покаяния, держались его и тогда, когда благодать Божия действовала на них явно» (549).

«Укрепи брань!»

Если все Святые «держались покаяния», то тем более оно естественно для всех прочих. И потому нельзя предаваться унынию, малодушию и впадать в растерянность в случае греховного увлечения, поражения грехом. «При побеждениях прибегай к Богу

с раскаянием, и простится тебе побеждение твоё: а ты снова за меч, и на сечу: «*Укрепи брань!*» Упорною, постоянною войною возьми град! Господь пришёл призвать грешников на покаяние, а не праведников!» (302). Противоестественно не согрешение, а безмерная о сем скорбь, доводящая до отчаяния. «Последнее, – утверждает Святитель, – отвергается по учению святых Отцов. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердие Божие; должно вместе печалиться и надеяться; печалиться, потому что мы грехами своими прогневляем Бога, удаляемся от Бога; надеяться – потому, что мы имеем Всесильного Врача для грехов наших, Господа Иисуса Христа, пролившего за нас Кровь Свою» (633). Нет такого человеческого греха, даже если бы он и неоднократно повторялся, чтобы его не могла омыть Кровь Богочеловека. Не бывает исцеления только там, где оно больным отвергается. Чтобы нагляднее представить эти мысли, Святитель приводит беседу некоего инока, не престающего впадать в ненавистный грех, со святым подвижником Сисоем Великим († 429). «Брат спросил преподобного Сисоя Великого: „Отец! Что мне делать? Я пал“. Старец отвечал: „Восстань“. Брат сказал ему: „Я восстал, и опять пал“. – Старец отвечал: „Опять восстань“. – Брат сказал: „Доколе же мне будет восставать и падать?“ – Сисой Великий отвечал: „Доколе не будешь взят из этой жизни“» (384). Прекрасным библейским примером служит святой апостол Петр. Он трижды нарушил «клятвенное обещание». И что же? Не впал в отчаяние – «он оплакал свои клятвы плачем горьким; впоследствии, уже водимый Духом и разумом Истины, вкусил смерть за Христа – и с каким смирением! Вкусил её не как приносящий дар Богу, но как приемлющий дар неоценённый от руки Божией, как вполне недостойный такого дара» (311).

***

Раскрыв «тайну спасения» – покаяние (262), Святитель обращает ко всем нам свой вопрос: «Но как поступаем?» Ответ исполнен величайшей горечи: «Оставляем указанное нам Богом спасительное покаяние и стремимся к упражнению в мнимых добродетелях,

потому что они приятны для наших чувств, потом мало-помалу, неприметным образом, заражаемся мнением и, как благодать не спешит осенить, увенчать нас, то мы сами сочиняем в себе сладостные ощущения; сами себя награждаем и утешаемся сами собою!» (262). «Не смешно ли это? Не глупо ли это? Не гордо ли и дерзостно?» – ставит он один за другим вопросы (262). И дальше Святитель, можно сказать, умоляет: «Перестанем шутить с Богом (простите выражение неприличное, которое я не остановился употребить потому, что им в точности изображается наше поведение!), будем жительствовать пред Ним в постоянном покаянии. Время приблизилось, Страшный Суд для нас готовится, на нём будем мы судимы не по мнениям нашим, которыми мы себя льстили, но по Истине. Предупредим страшное бедствие покаянием, отвратим вечный плач – плачем временным. Опомнимся, грешные! Пробил уже единонадесятый час и поприще делания скоро, скоро окончится. Но ещё есть время осудить себя, чтоб не быть осуждённым Богом. Доселе мы себя оправдывали» (262).

Архипастырских призывов к покаянию у Святителя много, как многогранна и его душепопечительность. Их можно свести к следующим:

- «Нарушил верность Богу впадением в грех, – восстанови эту верность, докажи её борьбою с грехом, свержением с себя чрез победу цепей, тех цепей, которыми оковывает грех своих пленников... Ощутишь нашествие силы греховной, не входи в переговоры с супостатами... Беги в келию твою, падай ниц пред иконами, проси помощи против греха, проси победы над ним» (234).
- «Враг льстит, чтоб украсть всё время, данное на покаяние. Но мы, уразумев лесть врага, каждый день должны прибегать к покаянию» (696).
- «Веруйте, с простотой вдайтесь в покаяние» (261).
- «Что вам сказать в напутствие? То, что и себе повторяю непрестанно! Будем погружаться в покаяние, будем пребывать в нём, будем им очищать ризы наши» (190).
- «Стремись узреть грех твой и возрыдать о нём: это твое дело. А Бог сделает Своё дело, потому что Он верен, дал обетование и

исполнит его. Благодать Его! Дать её – Его дело. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовного брачного чертога, сколько б ты их ни обмывал: Судия твой – Бог» (267).

«Господь, пришедый спасти грешников, да отверзет нам отеческие объятия Свои и да приимет нас, как упоминаемый в Евангелии отец принял сына, расточившего имение его. Успокоение сердца нашего да будет для нас извещением, что Милосердный Отец Небесный принимает покаяние наше» (166).

***

Покаянный подвиг и само Таинство Покаяния служат приготовлением к Таинству Святого Причащения.

VII. Причащение Господь наш Иисус Христос воплотился и вочеловечился – сошёл с небес ради нас, ради нашего спасения. И после Своего вознесения Он не оставил человечество, но по великому милосердию сходит к нему «Своим Святым Телом и Своей Всесвятой Кровью» (527). Принимая Тело и Кровь Христа Спасителя, верующие становятся, по слову святого Кирилла Иерусалимского, «стелесниками и единокровными Христу», «Христоносцами, потому что Тело и Кровь Христа сообщены их членам» (Тайноводственное IV, §§ 1, 3). Но чтобы стать стелесниками Спасителя, надо к сему серьезно готовиться – употреблять «все усилия, чтобы воздерживаться от грехов» и приступать к Святым Таинам – к Богочеловеку – с сознанием «своей греховности и немощи» (527). От тех, «которые приступают к Нему без благоговения и без намерения оставить греховную жизнь» Он отвращается. «Такие принимают Святые Таины в осуждение себе» (527). Ввиду такой важности Святого Причащения Святитель считает, что лучше реже принимать Святые Таины, но более достойно, чем часто, но «*не рассуждая Тела Господня*» ***(1 Кор. 11, 29)***. «Не то важно, – размышляет он, – чтоб приобщаться часто, но чтоб приготовиться существенно к Причащению и потому пожать обильную пользу»

(644). Свои рассуждения он подтверждает примером жития преподобной Марии Египетской († 522). Эта великая подвижница провела много лет в пустыне, не приобщаясь. Вся её долгая жизнь «была приготовлением ко Причащению, которого она удостоилась пред концом жизни» (644).

Сознавать свои немощи должно не только перед принятием Святых Таин, но и после – всегда. «Относительно чувств, которые вы имели пред Причащением и после оного, – пишет Святитель, – скажу вам: всегда надо считать себя недостойным Христа и приступать к Нему, как к Врачу душ и телес наших, в числе прокажённых, слепых, беснующихся, потому что мы таковы по душе» (586). Но тут же он делает существенное добавление, которое направлено к поддержанию готовящегося приступить ко Христу Спасителю: «...должно наблюдать, чтоб сердечное сокрушение не переходило в безнадёжие» (586).

С благоговением приняв Святые Таины, с таким же благоговением их должно и носить в себе. «Чем более сокровище, тем более должно бдеть о хранении его. После приобщения Святых Таин, после усердной молитвы, после всякого особенно полезного для души дела нужно, по опытному наставлению Отцов, особенное наблюдение за собою, ибо тогда особенно разжигается враг против нас завистию и злобою, видя, что земля и пепел восходит на небо, откуда он низвержен. Духовный рай, который, по учению Спасителя, внутри нас, должно возделывать и хранить, как это при самом сотворении заповедано Богом, в лице Адама, всем человекам» (579).

«Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный» ***(Ин. 6, 54).***

VIII. Чтение Священного Писания

В XIX столетии, по свидетельству святителя Игнатия, быстро и широко распространялись книги, губившие веру и нравственность (Ср. сегодняшние дни). «Вы видите, – пишет он, – какие расходы делаются на напечатание их, с каким усердием одни стараются распространить их, а другие покупают. Как вы думаете, каково это пред взорами Бога? И чего должно ожидать за это на суде Божием?» (604-605). Перед лицом опасности Святитель учит быть осторожными –

наблюдать за своим сердцем при свете, который излучают «Священное Писание и писания святых Отцов, а отнюдь не при свете, повреждённом падением, заражённом прелестию или при каком-нибудь другом ложном свете» (371).

Ещё в древности было сказано, что наша душа по природе христианка (*пресвитер Тертуллиан*, † после 220 г). Подобное находим у Кавказского Архипастыря, когда он говорит, что «душа, где бы она ни была поставлена, если не убита нечувствием, везде ощущает нужду в слове Божием, везде падение гнетёт её, давит. Произношу Слово Божие в беседах личных, пишу его в беседах заочных... От служения Слову раздаётся в душе моей какой-то неизреченно-радостный голос удостоверения в спасении» (308). Лишающие себя слова Божия лишаются «истинной помощи» и предаются «нравственной смерти» (104). Потому-то Святитель радовался, что переводилось Священное Писание на русский язык и приветствовал это благое дело. «Сердечно радуюсь, – пишет он, – что Слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святый, сообщив Апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всею ясностию указал волю Божию, состоящую в том, чтоб Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках» (57).

Главное – Евангелие

Полезнейшим чтением для всех – иноков и мирян – считает Святитель Новый Завет, особенно святое Евангелие (447). Всесвятая книга Евангелие, «заключающая в себе слова, произнесённые к человекам Самим воплотившимся Богом – всегда присутствует на святом престоле, живо изображая Самого Христа» (446). Сердце человека только тогда обретает мир и наслаждается им, когда в нём действуют евангельские заповеди. Когда же в него вселяется «другая правда» – покой улетает. «Великая и всесвятая книга – Евангелие! В нём изображён новый, богоподобный человек; а какие должны

быть свойства нового человека – это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий. Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми. В этом состоит задача, урок, который должен разрешить, выполнить христианин во время земной жизни своей. Надо изобразить на душе портрет Христов, сообщить ей сходство с её первообразом» (430). Чтение святого Евангелия помогает сличить нашу жизнь со святейшими его заповедями, понуждает нас исполнять их, возбуждает покаянное чувство и спасительный плач (431). Неслучайно поэтому у многих святых Отцов святое Евангелие и Псалтирь были их единственными книгами. «Христос, – сказал один из них, – сокрыт во Евангелии, желающий найти Христа, может найти Его во Евангелии. Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость» (516). Возвышеннейшие духовные наставления содержатся и в книге Псалтирь. «В ней глубоко и подробно описан внутренний подвиг воина Христова... Дух Божий, заповедуя устами Давида совершенную ненависть к невидимым врагам душевным, научающий нас прибегать молитвою к Богу о сокрушении и истреблении их, в то же время требует от нас любви ко врагам нашим – человекам, требует прощения нанесённых нам обид от наших ближних» (298).

Чтение должно быть благоговейным

При чтении Священного Писания должно соблюдать определённые правила. Прежде всего, необходимо иметь благоговение к нему. «Имейте благоговение к Священному Писанию, благоговение, должное для истинного сына истинной Церкви» (447). Некоторые места в нём нельзя понимать буквально. Так, в книге Псалтирь «часто употреблены прообразовательные тени и иносказания, дающие книге таинственность и темноту – (не без причины на ней

завеса!). Не надо принимать её буквально: буквальное разумение Писания убивает душу. Необходимо разумение духовное: оно оживотворяет, поставляет на стези правые, святые» (298). А при чтении таинственной книги «Откровение святого апостола Иоанна Богослова» следует воздерживаться от объяснения её и довольствоваться лишь действием её на душу – приведением к страху Божию (534). «Знай, – предостерегает Святитель, – Божественное Писание, неправильно понимаемое и толкуемое, может погубить душу. Так сказал святой апостол Пётр о Посланиях святого апостола Павла, распространив это замечание и на прочие книги Священного Писания ***(2 Петр. 3, 16)***, что особенно должно отнести к Ветхому Завету, исполненному прообразований, теней, а потому и священной мрачности. Осторожно обходись с мечом обоюдоострым – Писанием» (299). Во всех случаях надо руководствоваться толкованием святой Церкви, проявляя со своей стороны смирение (428). «Также никак не позволяйте себе читать поверхностно и бегло Евангелие и прочие священные книги: читайте их неспешно и со вниманием. При чтении наблюдайте умеренность. Умеренность поддерживает постоянную охоту к чтению, а пресыщение чтением производит отвращение от него» (526). Пресыщенный чтением ум уподобляется желудку, «который, пресытившись, отвращается и от лучшей пищи» (685).

Соблюдая умеренность, Священные книги надо читать и читать ежедневно. «Если мы не будем внимать Слову Божию, то легко можем обмануться, счесть землю вечным жилищем и употребить единственно для земли все силы души и тела, потом внезапно и неожиданно предстать в вечность по призыву Всесильного Бога, между тем, как занятые исключительно временным, мы ничего не сделали для вечности, т.е. вечности блаженной» (567).

Итак, «занимайтесь чтением Нового Завета... Из Писания и живой веры изучите Христа и христианство. Прежде, нежели придёт грозный час, в который вы должны будете предстать на суд пред Богом, стяжите оправдания, даруемые Богом туне всем человекам – при посредстве христианства» (396).

IX. Чтение творений святых Отцов

«Образ мыслей Евангельских» есть и образ мыслей святоотеческих (224). И тот, кто занимается вечностью, «как должно», читает не только Священное Писание, но и творения святых Отцов Церкви, помогающие правильно разуметь Слово Божие (375). «Вы спрашиваете, – пишет Святитель, – почему необходимо чтение святых Отцов? Не довольно ли Словом Божиим руководствоваться, одним Священным Писанием, – чистым Словом Божиим, в котором нет примеси слова человеческого? Отвечаю: непременно нужно при чтении Писания – чтение святых Отцов Восточной Церкви. Вот что говорит святой апостол Петр о Священном Писании: *...Всяко пророчество книжное по своему сказанию не бывает* (русский перевод: *никакого пророчества в писании нельзя разрешить самому собою). Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаеми глаголаша святии Божии человецы* ***(2 Петр, 1, 20-21)***. Как же вы хотите произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование себя. Дух произнёс Священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи – святые Отцы – истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного Писания, необходимо чтение святых Отцов. Если вы ограничитесь чтением одного Священного Писания, то по необходимости должны понимать и объяснять его произвольно. По той же необходимости невозможно вам будет избегнуть заблуждений; потому что *душевен же человек не приемлет яже Духа Божия... и не может разумети, потому что о сем надобно судить духовно. ...Божия никтоже весть, точию Дух Божий* ***(Кор. 2, 14, 11)***» (444-445). Сам о себе Святитель свидетельствует, что он, стараясь вникнуть в учение Священного Писания, принимает его в том содержании, какое представляют ему святые Отцы, святая Церковь, и решительно отвергает иной смысл. «И бесы толкуют Писание на погибель и прельщение внимающим им! Авось при свете, при истинном свете, который издают из себя Евангелие и святая Церковь, сколько-нибудь увижу себя, увижу тьму

мою, увижу слепоту мою!» (371). «Не живые человеки были моими наставниками, – говорит он, – ими были почившие телом, живые духом святые Отцы. В их писаниях нашёл я Евангелие, осуществленное исполнение; они удовлетворили душу мою» (472).

Святая Вселенская Церковь «всегда питала особенное уважение к отеческим Писаниям, этими Писаниями сохранилось единение церковное, для которого необходимо всеми принятое, истинное, благодатное изъяснение Писания. Вселенские Соборы всегда начинались с чтения тех отеческих Писаний, в которых с особенною подробностию излагались догмат или предание, рассмотрение которых составляло предмет совещаний собора. И опираясь на отеческие Писания, собор обличал ересь, произносил православное учение и исповедание. Точно также и в частной жизни святые подвижники первоначально воспитывались отеческими Писаниями, только тогда они переходили к чтению преимущественно Священного Писания, когда уже достигали особенного духовного преуспеяния. «Глубоко море Писания, – сказал святой Иоанн Лествичник, – и не безбедственно носится по нему ум безмолвника: опасно плавать в одежде и касаться богословия страстному»[1]. Эта опасность, это бедствие, очевидно, заключается в произвольном толковании, в ложном понятии Писания, отчего многие иноки впали в гибельное заблуждение» (445).

Чтение творений святых Отцов всегда полезно и особенно необходимо тогда, когда христианское общество обуревается «разными нечестивыми учениями» (605). Святые Отцы верно выразили учение – «оно учение Святого Духа» (421). Написанные ими книги «суть в наше время единственная стезя, по которой можно добраться к истинному свету – Христу» (657). Следовать их учению – значит стать на единственно правильный – «непогрешительный путь ко спасению... при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного – духовным»

---

[1] *Иоанн Лествичник, прп* Слово 27. О безмолвии // Лествица. СТСЛ, 1901

(437). Исходя из подобных мыслей, Святитель советует «заниматься по отношению к религии единственным чтением: святых Отцов, стяжавших очищение и просвещение по подобию Апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновения Святого Духа» (558). «Прибегай больше к чтению святых Отцов; пусть они руководствуют вас, напоминают вам о добродетели, наставляют на путь Божий» (369. См. также: 333, 299...).

Храни свою душу

Напитывая себя «исключительно чтением» творений святых Отцов Церкви Восточной, Святитель напоминает, что эти же святые Отцы советуют тщательно хранить себя от увлечения книгами, написанными вне спасительной ограды истинной Церкви и потому содержащими лжеучения. «Прими „моё“, – велит Святитель. – Не читай никаких инославных сочинителей: у них Дух Святой заменён кровию необузданною, пламенною; они могут завлечь в пропасть – и завлекают туда многих. Духа Святого нет у них; у них свой дух, – мрачный, льстивый дух ереси тёмной и гордой» (286). И ещё более решительно: «Займитесь чтением… святых Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Франциско в и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдаёт за святых); изучите в святых Отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жительство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину» (396). «Переводов с немецкого и французского отнюдь не надо читать, от них можно заразить сердце неисцельною язвою» (623). Сопоставляя святых Отцов Восточной Церкви с мыслителями Запада, Святитель заявляет: «Чтение писателей нашей Церкви сообщает положительное познание отношений человека к Богу, Творцу и Искупителю, и научает приближаться к Нему покаянием, а не льстить себя сладостными

чувствованиями мнимой духовной любви, к чему привлекают сумасбродные Фомы Кемпийские, Франсуа де Саль и тому подобные лжеучители» (642).

Придавая большое значение чтению святоотеческих творений, Святитель заботился о том, чтобы они были доступны верующим. Поэтому он то благодарил издателей за публикацию сочинений святых Отцов (тружеников Оптиной пустыни, – 81-82), то высказывался с одобрением более удачных переводов (книг преподобного Варсонофия Великого и аввы Дорофея), – считая, что за этот общеполезный труд Господь спасет трудящихся (101), – сам занимался переводами (с латинского языка книг святого Исаии отшельника Скитского, преподобного Кассиана Римлянина. – 93-94), восхвалял даже переписывание творений. «Переписывание книг святых, – говорит он, – было рукоделием многих преподобных Отцов, между прочим нашего преподобного Нила Сорского. Таким образом, оно есть делание засвидетельствованное, как делание Угодников Божиих, и не может не быть соединено с обильною пользою» (173). Главное, чтобы библиотека святоотеческих творений «не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми способными заниматься ею» (83). Это сокровище надо распространять, а не приковывать «его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд – в шкаф, и сделаться там пищею моли, мышей, без всякой пользы для людей» (83). Душеполезные книги, исполненные духовности, должны быть известны «дражайшему братству» (84), быть в постоянном обороте (83).

Святитель скорбит, что есть немало людей, одержимых «плотским мудрованием», которые препятствуют распространению святоотеческого учения. Причину их нетерпимости он видит в том, что эти люди, раболепствуя отверженным духам, чужды направлению святых Отцов, «не знают его, не изучали его, нисколько не занялись им» (115, 604).

Что нужно читать

Ценно, что святой Игнатий не только рассуждает о великой пользе чтения святоотеческих творений, но и указывает, какие из них в первую очередь надо читать [1].

Прежде всего, Святитель даёт богомудрый совет читать духовные книги соответственно своему положению. «Старайтесь, – учит он, – читать книги святых Отцов, соответствующие вашему образу жизни, чтоб вам можно было не только любоваться и наслаждаться чтением отеческих писаний, но чтоб можно было прилагать их к самому делу. Христианин, живущий посреди мира, должен читать сочинения великих Святителей, писавших для народа, научающих мирским добродетелям христианским, идущим для тех, которые проводят жизнь среди занятий вещественных. Другое чтение для иноков общежительных: они должны читать святых Отцов, написавших наставления для этого рода жизни. И ещё другое чтение для безмолвников и отшельников!» (427). Тому, кто живёт среди мира, не следует читать то, что было написано специально для иноков. «Какая польза от чтения тех добродетелей, которых нельзя исполнить самим делом? – вопрошает Святитель и отвечает: – Пользы никакой не может быть, а может быть вред, состоящий в том, что в человеке возбудится мечтательность духовного состояния, ему никак не идущего. Эта мечтательность будет временем лестно услаждать воображением высоких добродетелей, временем наводить на душу уныние и отчаяние, когда мы увидим, что не можем исполнить этих добродетелей; всегда и постоянно отвлекать нас от добрых дел, прямо нам идущих, таким образом соделывать жизнь нашу пустою, бесплодною. Христианину, которого жребий – проводить и окончить жизнь среди мира,

[1] Не лишним будет привести следующее мнение Святителя. «Относительно книги для чтения, к сожалению, должно сказать, что у нас удовлетворительно объясняющей христианство – нет. За неимением лучшей, полагаю прислать Богословие Макария, которая много повреждена школьною системой, данною книге. Странно видеть систему, по которой изложены механика, аналитика и прочее тому подобное, приложенною к изучению Бога! Впрочем, эта книга есть наилучшая у нас» (694)

должно читать святых Отцов, писавших вообще для всех христиан» (375-376). Также надо выбирать для чтения творения тех святых Отцов, Богодухновенность которых бесспорна, «переводов же с новейших языков крайне охраняться: они едва ли не все написаны духом лестным» (206).

С чего можно начинать? «Советую вам, – учит Святитель, – сперва прочитать книгу Великого Варсонофия и, если заблагорассудите – списать её. По вашему состоянию книга эта будет полезнее, нежели Исаака Сирина, которою, Бог даст, займётесь в своё время» (157. См. и: 168). Превосходным руководством «для воспитания молодых людей» и для «рассматривания себя» служат творения преподобного аввы Дорофея († 620) (696). Весьма полезны сочинения святого Иоанна Златоуста – вселенского учителя, «который необыкновенною чистотою, ясностию, силою христианского учения возносит читателя превыше всего земного; на высоте заоблачной витает этот духовный орёл и оттуда показывает землю питомцу своему» (357). Рекомендует святитель Игнатий творения святого Марка Подвижника (IV в.), доставляющие «духовное утешение в скорбях», преподобных Исихия, Филофея и Феолипта, учащих молитве (см. Добротолюбие) (149). «Не утомляй себя напрасным исканием наставников, – советует святитель Игнатий. – Наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставниках духовных. Их заменяют писания Отеческие. Таковы: Лествица, сочинения Ефрема Сирского, Патерик Скитский, Добротолюбие и другие» (334).

Для отшельников более свойственно читать преподобного Исаака Сирина (VI в.) и «Цветник». Причём творения преподобного Исаака рекомендуются в переводе преподобного Паисия Величковского – «его никакой другой перевод заменить не может» (175).

Творения русских Отцов

Не преминул Святитель обратить внимание и на творения святых Отцов Русской Православной Церкви, назвав их обильным духовным поприщем, «на котором до насыщения и тучности могут

питаться и словесные овцы Христовы!» (376). Святитель Игнатий неоднократно рекомендует всем читать Четьи-Минеи, сочинения святителя Димитрия Ростовского († 1752), творения святителя Тихона Воронежского († 1783), толкования на Воскресные Евангелия Никифора, архиепископа Астраханского – «писателя очень основательного и с помазанием» (652), особенно письма Задонского затворника Георгия († 1836). «Последняя книжка, – говорит святитель Игнатий, – драгоценна» (623). Она «может быть очень полезною. Она одного духа и направления с сочинениями Святителя Тихона Воронежского. Позволяю себе сказать, что она одного духа и с моими грешными писаниями, которые можно читать все, потому что в них объяснено, что идёт для новоначального и что идёт для преуспевшего» (526-527).

Из своих творений Святитель в целом ряде писем называет как более полезное «Аскетические Опыты» (см.: 540-541, 546, 573, 575, 576, 606-607, 731, 732, 758, 761, 762-763...). «Эта книга, – говорит о своём труде Святитель, – в собственном смысле принадлежит не мне: она вся заимствована из святых Отцов Православной Церкви. Мой труд состоит в том, что в течение всей жизни моей я занимался изучением Отеческих Писаний и сделал из них такое извлечение, какое возможно сделать только по долговременном изучении сих исканий. Учение, принадлежащее святым Отцам, должно принести существенную пользу современным христианам, желающим проводить жизнь благочестивую и богоугодную, но не имеющим возможности основательно и подробно изучить Отеческие Писания. То, что говорю, доказано опытом: многие, читавшие в рукописи наставления о покаянии, молитве, о кратковременности земной жизни, находящиеся в книге моей, почувствовали на себе сильное действие чтения, способствовавшего их духовному преуспеянию. Так и должно быть! «Аскетические Опыты» – книга практическая. Она – единственная потому, что со времени введения в России образования никто ещё не писывал в этом роде» (540-541). Это действительно сборник святоотеческих учений «о главных добродетелях христианских» (541), «о правильной молитве», о духовном подвиге (546).

«Писания мои мне не принадлежат, – исповедует Святитель, – они принадлежат Отцам Православной Церкви» (545). «Аскетические Опыты» – это Божий дар православным христианам (576). Себя же Святитель считает в этом труде «только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении душевного христианского подвига, решающего вечную участь каждого христианина. Очень легко вдаться в неправильный подвиг, а посредством его вполне отчуждиться от Бога» (573). Чтобы не случилось последнего, Святитель в «Аскетических Опытах» даёт доступные практические наставления всем – инокам и мирянам, «которые желают быть христианами на самом деле» (731); «даёт то, что приобретено им самим ценою жизни» (731). Книга, по его слову, «крайне полезна», «крайне нужна» (732). «Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, – учит он, – потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они живут благочестно, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем самообольщении» (732). Книга помогает избавиться от самообольщения и доставляет существенно необходимое – «учение о молитве и прочих, содействующих молитве, христианских добродетелях» (763). И, что также весьма важно, книга, будучи сугубо чисто духовной, должна быть полезной и Отечеству: она «производит сильное впечатление на многих, впечатление, совершенно отдельное от впечатления, производимого современными духовными сочинениями. Она становит внимательного читателя в разряд истинных православных христиан и даёт ему решительное, одностороннее, спасительное направление. От развития идей Православия и от твёрдости в Православии зависит энергия народа нашего, самостоятельность его духа» (761). Это книга великого опытного подвижника, или, как он сам говорит: «Книга мученика! Мученика за грехи свои и от грехов своих, но мученика. Книга легка по духу, но мысли и чувствования в ней глубокие и высокие» (758). Снова сопоставляя изложенное в ней со святоотеческими творениями, Святитель видит: „Опыты“ преподают самое новоначальное духовное делание в разнообразной литературной форме, облегчающей чтение и заинтересовывающей к нему, что для

настоящего христианского поколения крайне нужно и полезно. Отцы, по возвышенности своей, несмотря на простоту слога, мало понятны для этого поколения, в котором христианство до крайности слабо» (758). «Из Бежецка пишут: „Опыты“ приняты с великою любовию, эта книга заменяет „Добротолюбие“ для нас, будучи гораздо понятнее, чем „Добротолюбие“ и содержа всё, о чём говорится в „Добротолюбии“. Такой взгляд очень верен, и на нём я основываю своё мнение, что книга водворится. Её будут читать и перечитывать для питания, поверки и поддержки своего подвижничества» (778).

Характеристику творению святителя Игнатия «Слово о смерти» дал современник Святителя, один из подвижников Сергиевой пустыни, в своём обращении к нему: «Это не вы писали: это Бог дал вам написать». На это обращение сам Святитель ответил: «Очень верно!» (575).

Православие ведёт к покаянию

В наставлениях святых Отцов Восточной Церкви Святитель видит раскрытие внутреннего духовного подвига христианина, ведущего его к осознанию своей греховности, «к покаянию и плачу о себе», в то время как западные писатели ведут «к наслаждению и довольству собою» (607). Изречения первых – «бесценные перлы! Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину: и святые Отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные духовные перлы: христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные, – словом сказать, находили Евангелие» (421-422). И не надо смущаться, если в их выражениях кто-либо находит «недостатки в литературном отношении. Что до того? Часто смиренные пустынники, выходя из пустынь своих, лишь прикрытые рубищем, словом скудным и нескладным возвещали христианскому миру святую и спасительную Истину; напротив того, сколько видим книг, убранных звучными словами, в стройном систематическом поряд-

ке, – а они заключают в себе яд, убивающий души!» (250). Книги подвижников не готовились для выставки на премию и не могут готовиться для её получения, ибо они имеют достоинство не плотское, а духовное – они создавались «благодатью, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слово не имеет внешнего устройства, то он всему ругается: юродство бо ему есть» (84).

***

- «Настанет нужда, – пророчески говорит святитель Игнатий, – чтобы деятельное учение Отцов, нравственное предание Церкви, почти совершенно забытое, было напомянуто» (750). Эта нужда настала! Пришло время напомнить о святых Отцах, ибо именно они «непрестанно напоминают нам Бога, Его благодеяния, наше назначение, будущность вечно блаженную и вечно несчастную, обличают коварство мира, его козни, показывают средства, как избежать этих козней и войти в пристанище спасения» (349).
- Познав и признав эту правду умом и сердцем, «исповедуйте ее устами, дайте обет Богу, что вы будете руководствоваться учением святых Отцов, уклоняясь от всякого учения, не засвидетельствованного Святым Духом, не принятого святою Восточною Церковью. Исповедав правду Божию устами, исповедуйте и делами, дав обет, исполняйте его. Не устрашитесь этого обета! Его обязан дать каждый православный сын Церкви, должен его потребовать у каждого сына Православной Церкви его духовный отец при совершении таинства исповеди» (437).
- «Имейте должную доверенность и благоговение к писаниям отеческим (447).
- «Читайте святых учителей церковных» (447).
- «Умоляю вас, держитесь этого учения! Оно будет руководить вас к блаженной вечности» (421).

X. Отношение к светским писателям

Святитель Игнатий отрицательно относится к переложениям Священного Текста теми светскими писателями, которые водятся «мудрованием и духом мира» (324). Такие писатели, как правило, впадают во «мнение» и святое, духовное переделывают в мирское, чувственное. Душа не может найти в них удовлетворение. «Как прекрасен стих в "Аббадоне" Жуковского! И как натянуто чувство! Очевидно: в душе писателя не было ни правильного понимания описываемого предмета, ни истинного сочувствия ему. По причине неимения истины он... написал ложную мечту» (120). Не нравится Святителю и ода «Бог». «Ода, – утверждает он, – написана от движения крови, – и мёртвые занимаются украшением мертвецов своих!.. По мне уже лучше прочитать, с целью литературною, „Вадима", „Кавказского пленника", „Переход через Рейн", там светские поэты говорят о своём, – и в своём роде, прекрасно... Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они – какое преступление: переоблачать духовное, искажать его, давая ему смысл вещественный!» (325).

Восторгается Святитель лишь методом труда Пушкина – его строгим отношением к своим сочинениям: заменой неподходящих слов, беспощадным удалением излишнего, натянутого, неестественного. От такой «выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слова и ясность смысла. Как они читаются легко! В них нет слова лишнего!.. „Как Ваши сочинения легко читаются!" – сказал Пушкину его знакомый. „От того, – отвечал Пушкин, – что пишутся и вырабатываются с великим трудом"» (120). Ценно здесь добавление Святителя: «Смею сказать, что и я стараюсь держаться этого правила» (120).

Вывод об отношении Святителя к подобного рода деяниям светских писателей можно сделать его же словами: «О духовных предметах надо писать из „знания", содействуемого „духовным действием", т.е. действием Духа. Вот! Этого-то хочется мне дождаться» (325).

XI. Благодарение

Как часто в своей земной жизни мы забываем благодарить Бога за Его безграничные милости к нам. Бог есть любовь, а любовь не знает зла. И, тем не менее, мы это забываем. Не помним также и благодеяний со стороны наших ближних. А ещё хуже, когда мы принимаем их как должное по отношению к нам, и уже совсем плохо, если мы вместо благодарности кичимся, превозносимся, воздаём за добро злом.

Чтобы вызвать в нас христианское чувство благодарности, Святитель показывает её красоту.

По суждению Святителя, благодарение Богу отгоняет худые помыслы. От таких помыслов никакой пользы не бывает: они не только не избавляют от расстройства, но, наоборот, вносят яд в тело и душу. Благодарение же постепенно успокоит сердце, утешит, а потом «принесёт и небесное радование – залог, предвкушение радости вечной. Будете благодарить – венчик примеряете. ...„Благодарение“ из простеньких и немногих слов, а дела делает больше, нежели сделают его тысячи умнейших книг. „Благодарение“ – оружие, завещанное христианам Духом Святым чрез Апостола. „Благодарение“ – Апостольское, Божие учение и предание, благодарение Богу совершает чудеса и знамения! И зрятся эти знамения не очами телесными, – несравненно превосходнейшими их очами душевными – и в душевной клети... Благодарение – сильно Богом всесильным, Которому оно приносится! Благодарение – сильно верою, которая одна, решительно одна, способна воспринять и объять неограниченную силу Божию» (193-194). Именно от благодарения, от славословия «рождается живая вера», от живой же веры рождается «тихое, но могущественное терпение о Христе» (505), а от терпения – «надежда спасения» (791).

За что благодарить

Благодарить надо за всё: за труд и покой (53), за добрую память, вливающую в сердце «чувство сладости райской» (48), за милостивое участие кого-либо в судьбах нашей жизни (50), за «любовь, ласки, гостеприимство...» (89). Постигнут нас искушения – надо видеть

в них Промысл Божий и потому благодарить Бога. «Горе егда вам рекут добре все человецы – это опасно; а потерпеть маленькое поношение весьма спасительно. И потому стараемся предаваться воле Божией с благодарением, а погрешности свои при Всевышней помощи усердствуем по силе исправить» (93). Необходимо благодарить и за немощи наши, которые подчас одолевают нас. «Некоторый преподобный Отец сказал: „За всё слава Богу, – за самые немощи наши, потому что лучше быть грешником и видеть себя таковым, нежели быть по наружности праведником и почитать себя таковым". Эти слова святого Отца крайне утешительны для нас, немощных и грешных, для нашего времени и племени, могущего похвалиться только немощами своими. Они не подают повода грешить произвольно, но утешают таких, которые при некотором внимании к себе ощущают, что души их находятся в невольном плену у греха» (171). Святое Евангелие учит нас благодарить Бога также за все постигающие нас скорби, ибо ничего не бывает без воли Божией. «Тот, кому послана будет болезнь, должен проводить время в благодарении Богу, в славословии Бога. Благодарением душа содержится в терпении и мире и таким образом усугубляет мзду свою на небеси» (578). «С одра болезни приносите благодарение Богу, как приносил его с кучи гноя покрытый смрадными струпами Иов. Благодарением притупляется лютость болезни. Благодарением приносится болящему духовное утешение! Наставленное и услаждённое благодарением сердце обновляется силою живой веры» (432).

Принуждать себя к благодарности

К чувству благодарения иногда приходится принуждать себя – само по себе это духовное чувство может и не прийти. «Если сердце ваше не имеет благодарения, – учит Святитель, – то принуждайте себя к благодарению; вместе с ним внидет в душу успокоение. Не подражайте тем, которые, находясь ради Бога и ради надежды наследовать землю обетованную в пустыне, пожелали возвратиться в Египет, и за это отвергнуты Богом» (209).

Святитель предлагает для стяжания и пребывания в благодарении особый духовный рецепт: «Уединяясь, произносите неспешно, вслух самому себе, заключая ум в слова (так советует святой Иоанн Лествичник), следующее: „Слава Тебе, Боже наш, за посланную скорбь; достойное по делам моим приемлю: помяни мя во Царствии Твоем". Так как сущность этого упражнения заключается в сосредоточенном внимании, то телу надо давать спокойное положение... Лучшее положение – лежащего на одре... С тою же целию удобнейшего внимания повелевается заключить ум в слова молитвы, должно произносить молитву крайне неспешно. Сказав молитву однажды, несколько отдохните. Потом опять скажите и опять отдохните. Продолжайте так молиться минут 5 или 10, доколе не ощутите вашу душу успокоенною и утешенною. Вы увидите: после трёх сказанных таким образом молитв, начнёте чувствовать, что успокоение входит в вашу душу и уничтожает терзавшее её смущение и недоумение. Причина этому ясна: благодать и сила Божия заключается в славословии Бога, а не в красноречии и многословии. Славословие же и благодарение суть делания, преподанные нам Самим Богом» (528-529). И иную молитву благодарения преподает Святитель: «Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, за все, что Ты благоволил послать мне для очищения грехов моих. Буди воля Твоя» (578).

Благодарить Бога подобает ежедневно. «Положите себе за правило, – советует Святитель, – ежедневно благодарить Господа за вашу чашу, т.е. за недуги, за все скорби ваши, за жребий дщерей ваших...» (193). И более того, в течение дня почаще славословить Бога и благодарить. От сего в душу мало-помалу войдёт «спокойствие и утешение, которые будут... залогом вечного утешения» (579).

- «Возблагодарим же Бога, – взывает Святитель, – избравшего нас в служение Себе, несмотря на то, что мы отребие миру», и мир Божий прольётся в наше сердце (209).

XII. Христианская простота

Чем больше мы углубляемся в Священное Писание и святоотеческие творения, чем больше духовно возрастаем, тем больше убеждаемся,

«что приблизиться к Богу невозможно иначе, как простотою, в которой и вера, и чистота совести, и образ мыслей, созданный заповедями Вышнего» (502). Потому-то Святитель и заявляет, что ему очень нравится простота. «Натяжная святость, – говорит он, – как-то мне не по вкусу» (130). «Спаситель мира повелел тем, которые хотят войти в Царство Небесное, быть, как дети, простыми, незлобивыми, верующими, научающими, скоро раскаивающимися в проступках» (360). Дети подсознательно, а, вернее, в силу того, что человек есть образ Божий, а у детей он ещё не омрачен личными грехами после духовного рождения в Таинстве святого Крещения, за краткие младенческие дни своей жизни избегают всего того, «что лишает блаженной вечности, успевают исполнить всё, что доставляет блаженную вечность: омываются от прародительского греха и сочетаваются Христу Крещением, соединяются с Ним воедино приобщением Его Телу и Крови и соединённому с ними Божеству Его» (462). Казалось бы, что потом – с возрастом, с приобретением опыта, со зрелостью, человек должен был бы совершенствоваться – это нормально и это заповедано ему волей Божией. Но что происходит на деле? «Мы, – рассуждает Святитель, – теряем и те достоинства, которые имели, быв младенцами. Наше душевное состояние делается столько неправильным, ложным, сочинённым, что Евангелие, призывая нас к исправлению, называет это исправление обращением, как бы из язычества или магометанства. Оно повелевает нам обратиться и прийти в то состояние, в котором были детьми. *Аминь глаголю вам*, свидетельствует оно: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидите в Царствие Небесное*» (463). Последуйте этому велению Спасителя – «в своё время ощутите блаженное обновление, укрепление души вашей. Оно будет совершаться постепенно, неприметно... Внезапно человек увидит себя изменённым, – и прославит Всеблагого, Всемогущего Бога» (360).

Рождает христианскую простоту вера в Господа нашего Иисуса Христа. «Верующий идёт путём жизни, надеясь на Промыслителя своего, как говорит Писание: “Ходяй просто, ходит надеяся”. Неверующий не видит Промысла, думает, что судьба его зависит

от ухищрения разума его, всё благо полагает в земном; стремясь к нему, лукавствует словом и делом» (502).

Условием для поддержания и возрастания христианской простоты служит «последование закону Божию. Добродетельный и благонамеренный не нуждается представляться таковым; напротив того, кто любит грех, чья воля в грехе, тому нужна личина» (502). Боголюбезная простота не требует, чтобы мы сравнивали себя с кем-либо из ближних, а требует, ни на кого невзирая, жить просто – «для Бога и своего в Нём спасения. При такой простоте все ближние нам начнут казаться лучше нас; а это и нужно, – в этом смирение, это ведёт в любовь к ближним. Святые Отцы сказали, что смирение – сердечное чувство, заводящееся неприметно в душе от делания заповедей Христовых» (643-644). Именно живущие в святой простоте «способны преуспевать духовно, как говорит Писание: в душу злохудожну не внидет Премудрость. Простосердечные подвергаются страданиям, но не без причин. Небесный Вертоградарь отребляет лозы Свои: Он видит способность их к плодоносию. Ветвь бесплодная не привлекает к себе Его внимания и забот до тех пор, как придёт время её отрезать и выкинуть из виноградника; тогда подбирают её нищие земли для топлива своего. Под именем нищих разумею здесь лишённых всякого блага бесов, заботящихся, чтоб их вечная пещь горела жарче» (502).

Как возрастает простота

Где нет христианской простоты, там нет и христианской жизни – истинного христианского чувства. «Роюсь в сердце моём, – свидетельствует Святитель и учит, – хотелось бы усмотреть в нём всё, что скрывается в нём сложного и лукавого, чтоб выкинуть это сложное и быть только добрым. В простоте нет взора лукавого, взора подозрительного, взора, осуждающего ближних! Из простоты глядит чистая добродетель! Из простоты глядит беспримесная любовь. Простота образуется в сердце человеческом учением Евангелия. Отчего она исполнена такой высокой мудрости. Найдёшь примеры и святой простоты, и высокой мудрости в деяниях и наставлениях» (654).

Как бы обобщая свои душепопечительные суждения, Святитель взывает: «Веди себя просто, без принуждения и восторженности, оставляй поступки, резко бросающиеся в глаза, выходящие из обыкновенного круга действий – это вполне достаточная жертва для ближних» (626).

Просто, ясно, доступно, необходимо!

XIII. Смирение

«Бог является простоте», но Он также является и смирению, посему служение Ему невозможно соединить «со служением славе человеческой» (77). Для Бога несравненно приятнее «младенческое лепетание» умалившегося от видения своих немощей, чем «красноречивое витийство» напыщенного самомнения (154). «Для меня, – исповедует Святитель, – предовольно, если я познаю, что я грешник. Довольно мне будет этого знания! Оно, прикасаясь – как жезл Моисеев к камню – к моему ожесточённому сердцу, будет изводить живую струю слёз. Плач мой пред Господом моим предпочитаю всей земной мудрости» (154).

В чём же состоит *смирение*? Как его можно представить, описать? Как приобрести? Каковы плоды его и необходимо ли оно? Эти и подобные им вопросы волновали духовных чад Святителя, почему он и понуждался отвечать на них.

Смирение – это не безволие перед греховной властью. Здесь оно выступает как великая сила – непобедимая. Оно безволие, но только перед волей Божией. Один святой Отец Церкви сказал так: «Смирение есть полная преданность Богу при полном недоверии к себе» (697). Это безраздельная вера в Бога, в Его Промысл (829). Смирение умеет «претерпевать выговоры и оплевания» (328), спокойно, безмолвно, переносить всевозможные укоры. «Если кто укорит тебя за что, тобой сделанное или не сделанное, – наставляет Святитель, – а ты промолчишь, то уподобляешься Иисусу; если будешь отвечать, возражая: "Что я сделал?", то ты уже не подобен Ему; если же воздашь равным за равное, – то совершенно не подобен… Смирение не имеет даже языка сказать о ком, что он нерадив, или презорлив; не имеет глаз для зрения чужих погрешностей; не имеет ушей для

слышания того, что не может принести пользы душе; наконец, оно не имеет никаких забот, кроме забот о грехах своих. Оному свойственно со всеми сохранять мир, не по причине дружбы, но ради заповеди Божией» (490). Смиренный держится «за обвинение себя, как упавший в воду держится за кинутую к нему веревку» (328). Некий инок Нитрийской пустыни свидетельствовал: «Нужнейшее душевное делание инока – непрестанно обвинять себя» (330). Смиренный не позволяет себе «ожидания благодати: это – состояние и учение находящихся в самообольщении, отпавших от Истины» (267). Святое смирение требует «признать себя хуже всех... Апостол не просто сказал, что он – первый из грешников, а был убеждён в этом» (285). Смирение там, где признают себя достойными того положения, в котором находятся, и недостойными лучшего, высшего, «даже в духовном отношении»; где покорно предают «себя воле Божией» (666). «Надо сказать самому себе: я недостоин лучшего положения, в сравнении с тем, в котором нахожусь; а в то положение, в котором нахожусь, поставил меня Бог по великой Своей премудрости и милости, соответственно моим недугам» (831). Когда одного авву – руководителя до десяти тысяч безмолвников Нитрийской горы – спросили, что он нашёл особенно важным на пути иноческого жительства, духоносный старец ответил: «То, чтоб во всём обвинять себя и непрестанно укорять себя» (270, 172). И сам святитель Игнатий так говорил о себе: «Я не доверяю никому так мало, как самому себе; не страшусь никого более, как самого себя. Кто я, чтоб вести к Богу душу человеческую... Моя душа заблудилась в пустыне... На заботы о ней нужно мне употребить краткое время моего земного странствования. Таков я пред моими очами» (287)... Смирение и там, где без ропота, терпеливо переносят скорби, считая их попущением Промысла Божия. *...Достойная бо по делом наю восприемлева (**Лк. 23, 41**)*, – исповедовал «благоразумный разбойник, и за осуждение себя удостоился высших разумений и ощущений, за которыми следует Царствие Небесное» (634).

Как приобрести смирение? «Здесь, – учит Святитель, – предлежит работа и труд. Бог да дарует и мне, и тебе совершить его» (285).

К смирению ведёт познание существенно нужного для христианина – «познание немощей своих» (581). «Кому Господь восхощет даровать Свой разум, тому Он открывает особенно его немощи» (581). Самые грехи наши, «когда мы сознаёмся в них и раскаиваемся, способствуют к смирению» (667). «Осуждать себя полезно: это приводит к смирению» (762). К тому же приводит – и более всего – исполнение заповедей Христовых. «Точно, тогда открывается нам сколько мы слабы, сколько повреждены падением, когда начнём принуждать себя к исполнению евангельских заповедей» (431).

Каковы плоды смирения

Плоды смирения неизмеримы. В смиренном сердце «Бог изливает из Себя любовь к Себе». А эта любовь «поставляет человека в правильное отношение ко всем и ко всему. Она в святом мире, и мир в ней. Она в святой чистоте, и чистота в ней» (564-565). Все добродетели определяются смирением – оно «предводительствует добродетелями» (491). Им «уничтожается высокоумие, тщеславие, гордость житейская, словом всё, что человека, попросту сказать, с ума сводит» (353). Со смирением приходят молитва, безмолвие, в сердце мир (295). «Одни смиренные, одни нищие духом найдут покой свой и временный, и вечный» (459). Преподобный Пимен Великий говорил: «Если человек во всяком обстоятельстве будет обвинять себя самого, то везде устоит» (268). Познавший смирение приблизился «к опытному познанию Искупителя» (337), а это значит – приблизился к своему спасению. «В наше время, – размышляет Святитель, – Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига: ныне при умножившихся немощах подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя; а смирение – всегда непадательно» (666). «Хотите пожать обильный плод духовный, то унизьте себя пред ближним в сердце вашем и скажите сами себе: „В том, что это дело не устроилось, я виновата по недостатку духовного разума и терпения, которыми стяжавается ближний“» (171).

Плоды смирения указывают на его важность и необходимость. Но Святитель говорит о сем и отдельно. Смирение, по слову Святителя, «есть основание в здании добродетелей» (583). Оно ставится почти рядом «с подвигом, т.е. оно доставляет почти тот же успех, каковой доставляется подвигом. Смирение и одно, само по себе, полезно, а подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, напротив того – приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних» (666). Преподобный Пимен Великий называет смирение «сваей (бревном, вбиваемым в землю), к которой привязывают ладью душевную во время бури» (270). А святитель Игнатий называет его «якорем», удерживающим душу «от потопления» (831). Когда некий инок сказал преподобному Сисою Великому: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога», Преподобный ответил ему: «Это – не велико; велико будет то, когда ты сочтёшь себя хуже всей твари». «Высокое занятие – непрестанное памятование Бога! – восклицает святитель Игнатий и продолжает: – Но эта высота очень опасна, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения. Смотрите – как Писание говорит: "*Всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*". Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной... Без этого они отвергаются Богом. Также мне очень нравится изречение Великого Пимена: "Если всегда и во всём будем обвинять себя, – сказал он, – то везде найдём покой". Другой Отец сказал: "Мы составили лёгкое бремя, состоящее в обвинении себя и взялись за тяжкое, состоящее в обвинении других". Такие изречения стоят целых книг!» (422). В необходимости смирения крепко-накрепко убеждает уже одно то, что даже великие подвижники, люди святые, никогда не превозносились – «присно зрят делание своё недостаточным, и, как некто из них сказал, вменяют себя не исполнителями, а сквернителями святейших заповедей Господних; сего ради, егда искушение придёт, радуются, яко скорбию невольною пополняется недостаточество их деяния, и убеляются их ризы для непостыдного вшествия на брак духовный дверию смерти» (79). Что же остаётся говорить о нас?!

Нам, прежде всего, «нужно смирение и очищение» (215). «Подобает смириться под крепкую руку Божию, и смиренномудрствовать, подражая смиренномудрию трёх Отроков, которых религиозное положение очень схоже на положение религии современное» (126).

«Стяжите мытарево смирение, то сердце сокрушенное и смиренное, которое Господь не уничижит. Не обвиняйте в немощах ваших никого, ни даже обстоятельства и развлечения, в которые вы поставлены. Обвиняйте единственно себя... Укоряйте себя... В обвинении себя найдёте утешение. Обвините себя и осудите себя, и Бог вас оправдает и помилует» (172).

«Будьте буи!.. Чтобы стяжать истинную премудрость – смиренномудрие, в котором обилие духовного разума» (154).

"Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное" ***(Мф. 5, 3)***.

XIV. Единодушие

Единодушие о Господе лежит в основе всего душеполезного, всего доброго. Там, где есть это начинание, там есть и милость Божия (71). Оно несет подлинное – «истинное утешение для души, странствующей в этом кратковременном и суетном мире» (247).

Признаком единодушия служит любовное и смиренное несение тягот друг друга, или, что то же, «исполнение закона Христова» (285). Где единодушие, там нет места каким-либо раздорам, а тем более судебным тяжбам. «Опытнейшие старцы, – напоминает Святитель, – весьма здраво советуют оставить земные хлопоты и тяжбы судебные, в кои, когда увидит сатана впадшего монаха, то вельми о нём радуется, яко о презрителе Заповеди Христа Спасителя, Который чрез Апостола Своего вопиет: *"Уже убо отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте; почто не паче лишени бываете"* ***(1 Кор. 6, 7)***» (78).

Что касается различия характеров, то это не должно смущать христианина – «единомыслие о Христе не только двух иноков сильно соединить, но в первенствующей Церкви весь верующий народ соединило в сердце и душу едину» (163). Такое крепкое душевное соединение совершается не только усилиями христианина, но,

несомненно, и милостью Божией. «Господь, сказавший Своим ученикам в окончательные минуты Своего земного странствования: *"Мир Мой даю Вам, мир мой оставляю Вам"*, силён и нам даровать Свой мир, если мы будем учениками Его, стремясь исполнить Его волю, а не свою» (71).

На этом камне мира, «который сам утверждается на камени заповедей Христовых», подобает всякому христианину утверждаться в единодушии (71).

XV. «Не пецытеся убо на утрей...» (Мф. 6, 34)

Слова Христа Спасителя, сказанные Им во время Нагорной проповеди, нашли своё яркое выражение также в кратком, но многозначительном совете святителя Игнатия: «В своё время Бог устроит всё; наилучшее – предаваться Его святой воле и не думать о завтрашнем дне, когда нет особенной причины думать о нём. А то многие живут в будущем мечтами и заботами своими, а настоящее выпускают из рук» (136).

XVI. Удаление от развлечений

Совет об удалении от развлечений направлен к молодому иноку, но имеет то же значение и для живущего в миру. В лаконичности этого совета заключена глубокая духовность. «Удаляйся от излишних знакомств вне и внутри монастыря, – учит Святитель, – и от всего, что приводит в развлечение: развлечение, подобно инею, уничтожает все младые прозябения иноческих добродетелей. Развлечение – начало всех зол для инока: так назвали его святые Отцы. Ограничься знакомством, необходимым для твоих нужд, душевных и телесных» (333-334).

XVII. Ответственность за слово сказанное и написанное

Слово есть величайший Божий дар человеку. Им человек уподобляется Богу Отцу, имеющему Своё Вечное и Равное Ему Слово. Господь наш Иисус Христос, говоря о значении слова, строго сказал: *"Глаголю же вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный" (**Мф. 12, 36**).*

Размышляя над этим предупреждением Спасителя, святитель Игнатий сказал всё, что необходимо знать христианину о своём – человеческом – слове. «При основательном взгляде на слово человеческое, – пишет он, – делается понятна и причина строгого приговора Господня, которым определено и возвещено, что человеки дадут отчёт в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях – наставление и спасение человеков. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!.. Подвергните строгой критике писания ваши, и, при свете совести вашей, просвещенной молитвою покаяния, извергните беспощадно из ваших сочинений все, что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову. *"Горе смеющимся ныне!"* Это слова Христовы! Это определение, исшедшее от Бога! Невозможно устранить их никаким словоизвинением. Судя себя и рассматривая себя, вы увидите, что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладёт на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души миродержцу. Необходимо в таких словах, исторгнутых увлечением и неведением, покаяние... Врачевать немедленно покаянием» (118-119).

*"Положи, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устнах моих" **(Пс. 140, 3)**.*

XVIII. «Не клятися всяко...» (Мф. 5, 34)

Клятвы с призыванием имени Божия, особенно если они ложны или потом нарушаются, запрещаются Самим Спасителем ***(Мф. 5, 33-37)***. Запрещает их и святитель Игнатий. Обращаясь к некоему брату с наставлением в духовной жизни, он пишет: «... нехорошо только то, что ты в порыве горячности давал слово пред Крестом. Отчего бы не дать этого слова со страхом Божиим и смирением, как велит в таких случаях поступать святой апостол Иаков; он завещевает говорить так: *Аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно **(Иак. 4, 15)***. Не думаешь ли, что обещание от клятвы и порыва получается твёрдым? Нет! От них-то оно и делается хилым. Давал святой апостол Петр на Тайной Вечери клятвенное обещание

умереть со Христом, и какое же было последствие этой клятвы?.. Господь встретил клятвенные обещания, – сказал, что «*они от неприязни*». Точно, «они от неприязни»! В них – самонадеянность, устранение Бога, оживление самости, плотское мудрование! В них, как замечает святой апостол Иаков, гордыня, хвала, т.е. самохвальство! Да стяжут слова наши твёрдость от крепкого Господа! Да будут они тверды, как основанные на камени заповедей Евангельских» (310-311).

"Буди же слово ваше, ей, ей: ни, ни..."

XIX. Самоанализ – познание себя

Суть наставления святителя Игнатия о познании себя можно свести к следующему: это познание должно быть направлено на самоанализ, на узрение – видение своих согрешений с тем непреклонным намерением, чтобы освободиться от ветхого человека и облечься в нового, «*обновляемого в разум, по образу Создавшаго его*» ***(Кол. 3, 9-10)***. Знание это и весьма высоко и весьма полезно. «Менее полезно узнать подробно небо и землю, – размышляет Святитель, – чем познать свои недостатки и согрешения. Это последнее знание столько полезно, вместе столько высоко, что оно есть дар благодати, ниспосылаемой Богом, и испрашиваемый молитвою. Человек собственными усилиями не может войти в это знание. Собственное усилие нужно, как свидетельство искренности желания получить от Бога знание» (584-585).

Подчёркивая спасительную ценность самопознания, Святитель требует: «Нам надо внимать себе, своему спасению» (732).

XX. Страх Божий

Страх Божий – это не то же, что боязнь перед людьми. Это глубочайшее благоговение перед величием Божиим, это искреннее желание достойно служить Ему, это и опасение вызвать своей неосмотрительностью гнев Божий, который воспринимается как величайшее несчастье для любящего Бога и стремящегося к Нему. «Боящийся Бога прилежен, – свидетельствует святитель Игнатий, – не боящийся Его предаётся нерадивости» (490).

Велико расстояние, отделяющее нас, тварей, от Бога, Творца. Это сознание необъятности Бога понуждает христианина приступать к Нему со страхом и совершать своё спасение с трепетом ***(Флп. 2, 12)***. «Необъятное Его величие естественно наводит благоговейный страх на всех приближающихся к Нему, на всех, и самых приближённейших к Нему. Сказал святой пророк Давид: "*Бог страшен всем окрестным Его*", преславным серафимам и пламенным херувимам, которые, не терпя зреть славу, превосходящую силы тварей, закрывают крыльями огненными лица, и в непрестанном вечном исступлении вопиют: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!.."» (410).

Бог «умалил Себя для нас, приняв зрак раба» – совершил Он это по неизреченной Своей любви к нам, и «мы не имеем права забываться пред Ним» (410).

XXI. Принадлежность к Святой Православной Церкви

Духовное становление и устроение православного христианина совершается во Святой Православной Церкви. В её ограде – «истинный законный подвиг во Христе Иисусе и Святом Духе» (421). Здесь «сияние Святого Духа» – блистающий светильник. Потому Святитель призывает не устремлять своих взоров к чему-либо другому. «Один путь святой истины ведёт во спасение; прочие пути все ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, спасены будут только „подвизающиеся законно"» (421). Эта «законность» именно в Православной Церкви. Хотя в ней есть и «изнеможение» верующих, но в ней же действуют «Истина и Святый Дух в сосудах, приспособленных к тому правильным, по возможности человеческой, жительством христианским» (549). В ней вступают «в общение с Духом Божиим посредством Истины» и достигают спасения (549).

«Ты принадлежишь этой Церкви? – вопрошает Святитель и, предполагая положительный ответ, продолжает: – Твоя обязанность узнать её как должно» (402). А узнать её можно из Священного Писания, из правил святых Апостолов, Вселенских и Поместных Соборов, из святоотеческих творений, из Церковных уставов. Твой

долг это узнать и свято сохранить как бесценное сокровище, пребывая в строгом единстве с ней – с духовным телом, членом которого ты являешься. Но в суждение о догматах, по причине немощи, не вдавайся – «это глубокая пучина, опасное море; в нём потонули многие пловцы неискусные и самонадеянные. Безопасно, с надеждою обильной духовной корысти могут плавать, носиться по чудным волнам богословия только те, которых кормило – ум в деснице Духа. По совету святого апостола Павла низлагай всякое помышление, взимающееся на разум Христов. Не входи в спор, ниже в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай главы этих змей, едва они выставят эти главы из своего логовища!.. Со смирением преклони выю благому игу; веди жизнь благочестивую; ходи чаще в церковь… благотвори ближним: в своё время божественное Христово учение, из которого дышит святыня и истина, усвоится душе твоей. Тогда не будут приступать к ней никакие сомнения. Христово учение вышеестественно как божественное: оно приступно для ума человеческого при посредстве одной веры. Безумное начинание – объяснить вышеестественное человеческим рассуждением, очевидно немогущим выйти из общего, обыкновенного, естественного круга» (401).

Признак истинных сынов

Отличительным признаком истинных сынов Церкви служит их «точное послушание» ей. «Водимые истинным смирением, они отрекаются от разумений своего падшего естественного разума и от всех разумений человеческих, как бы они по наружности ни казались возвышенными и привлекательными. Чтоб сохранить верность Богу, они не стыдятся, что мир называет их безумными. Не только терпят они великодушно гонения от мира, но и сами себя подвергают различным лишениям, и тем сохраняют в себе „мертвость Иисусову и живот Его“. Это значит: „погублять душу свою в веке сем, чтоб приобрести её для вечности чрез оживление Духом“» (455).

Святитель сетует, что отступничество от православной веры приняло широкий размах и «начало действовать с необыкновенной энергией» (603), что вообще падает вера в народе, а её место занимают равнодушие, нигилизм, нравственное расстройство (124), сеяние плевел. О последнем Святитель говорит: «Эта сеятва называлась громким именем Православия, подобно тому, как и другие многие подобные действия уже облекались и прикрывались великолепными наименованиями Христианских добродетелей» (111). «Достойное горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чём состоит христианство!» (388). Как ни странно, а первый вопрос, который ставится исповедающемуся, гласит так: «Рцы, ми, чадо: аще веруеши, яко Церковь кафолическая, апостольская, на востоце насажденная и возращенная, и от востока по всей вселенной разсеянная, и на востоце доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи?» (437). Святитель опасается, как бы «христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий» (555). И потому он возвышал против духовно гибельных направлений свой голос, который громко звучал в XIX веке и так же звучит сегодня: «Нам должно обращать взоры ума на себя и умолять Господа, чтоб Он сохранил нас в верности Православной Церкви» (603).

XXII. Инославие и иноверие

О католиках и протестантах Святитель говорит в своих письмах немного (в других творениях значительно больше). «У западных верований, – пишет он, – остались лишь буква и самообольщение» (549). В другом письме он более конкретно показывает основное заблуждение одних и других: католики верят в папу как в Бога; протестанты сомневаются во всём Предании, а значит, протестуют против всего благовестия Спасителя. «Достигши такого „совершенства“ и римлянин, и протестант пишут многотомные сочинения; их творения грузятся в пароходы, едут в Россию искать читателей» (403). Сказав сие, Святитель со всей архипастырской властью велит: «Не читай того, что написали эти люди, сами не понимая, что пишут. Ты так мало

знаешь, по общей нынешней моде, христианскую религию, что очень удобно можешь усвоить себе какую-нибудь ложную мысль и повредить ею свою душу» (403).

Более обстоятельно пишет святитель Игнатий об иноверцах и сектантах – принадлежащих к разным ересям.

К Святителю обращались с самым насущным и всегда злободневным вопросом о возможности спасения еретиков и иноверцев. Спрашивали: «Отчего не спастись язычникам, магометанам и, так называемым, еретикам? Между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да, это противно даже здравому разуму человеческому! А еретики – те же христиане. Считать себя спасёнными, а членов прочих верований погибшими, это – безумно, и крайне гордо!» (388). И вот какой он дал ответ (приводится в сокращенном виде с перестановкой параграфов): «Христиане! Вы рассуждаете о спасении, а не знаете, что такое спасение, почему человеки в нём нуждаются... Вот истинное учение об этом предмете Святой, Вселенской Церкви: Спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев... Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета... Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтоб восстановить общение человека с Богом, иначе, для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого... совершено было Самим беспредельным Богом...» (388-389). Одно средство спасения – Искупитель... Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера – «но вера – дело» (389). Вера должна быть живая, утверждаемая делами «нового человека», а не добрыми делами «падшего естества» (390). «Всмотритесь в Новый Завет и вообще во всё Священное Писание: вы найдёте, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая; без них она мёртвая, как лишённая всякого движения» (390). При вере и добрых делах необходимо участие в Святых Таинствах Церкви (389). Так ответив, Святитель

делает вывод: «Если праведники, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как вы хотите, чтоб язычники и магометане, за то, что они кажутся вам добренькими, не познавшие и не уверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю вам, средством, – верою в Искупителя? Христиане! Познайте Христа! Поймите, что вы Его не знаете, что вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа, отрицается Христа, и, может быть, не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства» (389-390).

Что такое ересь

Святитель Игнатий, опираясь на учение Вселенской Церкви, даёт чёткое определение ереси и также чётко показывает её пагубность: «Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, заражённый страшным недугом ереси, мёртв душою, чужд благодати и спасения, в общении с диаволом и его погибелью. Ересь – грех ума. Ересь – более грех диавольский, нежели человеческий; она – дщерь диавола, его изобретение, – нечестие, близкое к идолопоклонству. Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь – злочестием. В идолопоклонстве диавол принимает себе божескую честь от ослеплённых человеков, а ересью он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха – богохульства. Кто прочитает со вниманием „Деяния Соборов“, тот легко убедится, что характер еретиков – вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, – увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности, видна их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви... Ересь сопряжена с ожесточением сердца... Трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь

содержит в себе хулу на Духа Святого: она или хулит догмат Святого Духа, или действие Святого Духа, но хулит непременно Святого Духа. Сущность всякой ереси – богохульство» (393-394). Святитель призывает изучать деяния Вселенских Соборов: «Ничто другое, как подробное изучение Вселенских Соборов, не показывает столь ясно тягости смертного греха ереси» и добавляет: «...изучение их очень утверждает в Православии» (825).

Все древние ереси искажали, главным образом, учение о Второй Ипостаси Святой Троицы, Сыне Божием, отвергая Его Божество и неправильно понимая догмат Боговоплощения. Новейшие ереси «наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную Литургию, все Таинства, все, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святого Духа. Они назвали это установлениями человеческими... Конечно, в ереси вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно потому не считаете её грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святый – только! Принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство, не разбойничает, не крадёт, даже делает добрые дела естества падшего – он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!.. Вся причина недоумения, так как и всех прочих, – глубокое незнание христианства!» (395).

Ересь ядовита

Чтобы убедительнее выявить богохульство еретиков, Святитель указывает на отношение к ним святых Мужей, верных Истине христиан. «Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении» (393). Верные святой Истине христиане всех веков «со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они неотступно держались догматического и нравственного Предания Церкви. Не только веровали православно

в Святую Троицу, но и жизнь свою, и подвиги свои, и нравы направляли по Преданию Церкви» (438). Святитель Игнатий считает тяжёлым грехом даже слушание слов еретиков и чтение их книг (437-438).

Святитель предостерегает и от лжепророков, которых немало в среде отщепенцев. «Такие господа говорят и предсказывают иногда удачно с той целью, чтоб завладеть доверенностью людей и тем вернее вредить им. Так наставляет преподобный Антоний Великий. Бог изменял Свои определения, объявленные и чрез святых Пророков, как то пророчество пророка Ионы о ниневитянах, Илии об Ахаве ***(3 Царств. 21, 29)***, Исаии о Езекии ***(4 Царств. 20, 1-11)***; тем удобнее не сбыться предсказанию лжепророков, если б оно и имело какое основание. Кто предал себя и всё воле Божией, тому ничего не нужно знать вперёд. Над всеми нами да будет воля и милость Божия» (776).

Показав невозможность спасения еретиков и иноверцев, Святитель, можно сказать, вопиет: «Не играйте вашим спасением, не играйте! Иначе будете вечно плакать» (396).

XXIII. Действие благодати Божией

Духовное устроение христианина и заповеданное совершенство возможно лишь при помощи Божией – при действии благодати Божией. «Если при жизни по заповедям Христовым благодать Святого Духа прольётся в сердце ваше, – размышляет Святитель, – и будет ознаменовывать своё присутствие в нём различными духовными плодами, как то: необыкновенным миром, кротостию, благостию ко всем, терпением: тогда будете сосудом благоприятным Богу, сосудом спасения. Если же захотите быть совершеннее, то после полного самоотвращения, погрузитесь в глубину смирения. Тогда благодать может вам преподаться обильнее, тогда можете ощутить вселение Христово, соделаться храмом Божиим; опытом узнаете, что такое Христианское совершенство на земле, называемое Апостолом: „совершенство отчасти“» (517).

Итак, личный подвиг и действие благодати Божией – вот те величины, которые ведут человека от земли к Небу. «На пути благочестивой жизни руководитель – Бог» (587). «*Никтоже может приити ко Мне*, – учит Господь, – *аще не Отец, пославый Мя, привлечет его* ***(Ин. 6, 44)****. Без Мене не можете творити ничесоже»* ***(Ин. 15, 5)*** «душам вашим полезного и Богу приятного» (517).

***

Итог рассмотрению духовного устроения православного христианина можно подвести опять-таки словами святителя Игнатия: «Мы научаемся наставлением великого Антония допускать только те поступки в круг нашей деятельности, кои имеют свидетельство от Священного Писания и святых Отцов» (204).

V. ПУТЬ ТЕРНИЙ

> «Проведши всю жизнь в страданиях, почитаю сострадание страждущим священным моим долгом»
>
> *(146)*

Земная жизнь сравнивается святыми Отцами с плаванием корабля в море. «Доколе ты в море, – говорит святой Варсонофий, – жди ветров и бурь; редко бывает там тишина или вполне попутный ветер» (719). Кораблю невозможно вступить в тихую пристань без многотрудного плавания в необозримом море. «Точно так и человеку, доколе он находится среди людей, невозможно не подвергаться многоразличным напастям, возникающим из мира и из собственного падения, доколе Бог не приведёт его в тихое пристанище» (705). Значит, «нельзя и не должно требовать от сердца постоянного пребывания в святых ощущениях: и то хорошо, что эти ощущения даются хоть на некоторое время, оставляя потом сведение в душе о своём существовании» (719).

Сколько в нашем житейском море «подводных камней! Какими ветрами различными, действующими по различным направлениям, оно обуревается! И на нём ещё, кроме опасностей ему природных, на нём ещё привитают разбойники! Эти разбойники невидимы для телесных очей, а наветуют они и тело и душу; и тело и душу стараются увлечь в бездну греха и потопить в ней навеки!» (247). Скорби могут идти одна за другой, или, по слову Святителя, передавать «нас одна другой, как жестокий господин продаёт невольника другому господину, столько же или более жестокому. И когда уже душа и тело истончатся скорбями, соделаются слабыми, ничтожными, подобно паутине, – принимает нас гроб!» (344). О себе святитель Игнатий свидетельствует, что он не раз подвергался «лютости тяжких обстоятельств... И не подумайте, чтоб затруднительное положение продолжалось какое-нибудь краткое время. Нет!.. Едва проходила одна скорбь, едва начинало проясняться для меня положение моё, как налетала с другой стороны неожиданная, новая туча» (146-147).

Земной путь христианина – это «цепь страданий» (555). Ему приходится «*многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие*» ***(Деян. 14, 22)***, пройти «сквозь огнь и воду» прежде, чем быть «введену в покой» (321). Святые Отцы говорят, что путь христианина – это повседневный крест. Говорят они так, «руководясь словами Самого Господа Иисуса Христа, Который повелел желающему совершенства, взять крест свой и последовать за Ним» (216). Или: «Кто последует Христу, как верховный Пётр и первозванный Андрей, тому предназначен крест. Кто обращается ко Христу, как разбойник, того удел – опять крест. В первом случае крест соделывается венцом, во втором он бывает лествицею. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, к какому бы образцу мы ни подходили, – невозможно быть Христовым без креста, „еже есть, – говорится при пострижении в монашество, – готову присно быти к подъятию всякой скорби, которую Промыслитель нам попустит“» (173). Крестоношение – это и признак христианина, и его венец – вечная радость (504). Потому-то Святитель и убеждает христианина: «Готовься и приготовься ко всякому поношению, ко всякой досаде, поруганию и

укоризне от всех. Прими всё это с радостию, как точно достойный того. Претерпи с благодарением Богу всякую болезнь, скорбь и беду от бесов, которых волю ты совершал. Претерпи всякую нужду и горести естественные!» (269). Многомилостивый и Премудрый Господь «попускает тебе сперва потрудиться в волнах, чтоб ты утомился, умучился в борьбе с ними, – дал цену пристани. Человек не даёт должной цены тому, что достаётся ему ценою слишком дешёвою» (273). Пристани же, где чинится душевный корабль, где находят покой суть: «Молитва в сокрушении духа, чтение Священного Писания и Отеческих книг, совет ближнего, если этот ближний способен дать совет о Господе. Успокойся... Прошедшая буря пусть послужит для тебя предуготовительным, опытным учением к перенесению будущих бурь... А бури последуют непременно. Премудрый Господь установил так, чтоб многими скорбями входить нам в Царствие Небесное, которое мы потеряли, теряем чрез безвременное и незаконное стремление к наслаждению... Скорбь действует противоположно наслаждению, – а потому противодействует нашему падению, способствует нашему восстанию. По этим свойствам своим скорбь необходима нам ко спасению. По причине необходимости её, Спаситель повёл стезёю скорбей Своё святое стадо в страну блаженства вечного. Тому, кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: "*Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин*"» (188-189). Всеведущий Бог знает «сколько человека должно продержать среди волн и бурь житейского моря, и когда ввести его в тихое пристанище неразвлекаемого волнами покаяния... Почему все, желающие непогрешительно спастись, должны предать себя с полною верой Всесвятой воле Божией и молить Бога, чтоб даровал им спасение, ибо спасение не есть человеческое начинание или человеческое дело, но дело Божие и дар Божий человеку» (705). Всё происходящее надо понимать духовно – во всём видеть действия Промысла Божия, дающего нам «земное странствование по пути тернистому, а не по пути тленных преуспеяний, почти всегда очень вредных для души» (664). Бог не казнит нас, а воспитывает. «Иногда Он посылает в утешение благодатные

ощущения, а иногда попускает для смирения взволноваться страстям и подвергнуться нападению духов: то и другое делается по великой милости к нам, с целью существенной пользы нашей» (537). Нам необходимо всё это уразуметь, увидеть, и «видя наступление бури, видя самую бурю, не должно смущаться, приходить в уныние и отчаяние, – должно противоборствовать волнам, ветру противному. Иначе корабль душевный может подвергнуться сокрушению, даже – потоплению. Если во время бури случится чему сломаться или повредиться в корабле душевном – опять не должно унывать, не должно смущаться. Надо высмотреть благонадёжную пристань, войти в неё, починить и поправить поврежденное, потом продолжать далее плавание в надежде на Всемогущего Бога… Самые бури послужат в пользу верному рабу Христову: они соделают его искусным плавателем» (188).

Поистине, путь земной жизни «устлан тернием! Но по такому пути Господь ведет избранников и любимцев Своих! Не могут отвориться очи душевные, не могут они усмотреть благ духовных, подаваемых Христом, если человек не будет проведён по пути терний. Христос с тобой. Он да дарует крепость и мне и тебе» (140).

Это и есть образ и мыслей и действий, успокаивающих «сердце верой в Бога», действующих «превыше самых мудрых соображений человеческих» (664).

***

На земном пути – пути терний – бывают искушения, скорби, болезни, печали... Всё должно перенести с терпением и надеждой на помощь Божию – утешение придёт!

I. Искушения

Искушение – это особое испытание, допускаемое Промыслом Божиим для нашего очищения от греховной грязи и для утверждения в Истине. И если мы в молитве Господней просим: «Не введи нас во искушение», то это не

значит, что мы просим об избавлении от всякого искушения, а от того, которое может привести нас к падению.

Ветхозаветный праведник Иов, подвергавшийся многим искушениям, вот как сказал о них: «Вся наша земная жизнь есть искушение для человека» (670).

В нашей духовной жизни искушение имеет немалое значение. Прежде всего, оно тесно связано с действием благодати Божией. «Посещению благодати, – говорит Святитель, – обыкновенно предшествует или последует искушение» (539). Далее: брани попускаются для духовного преуспеяния. «Душевное искушение выминает, усмиряет человека, как коня – гонка на корде. Победителю дозволяется вход на вечерю благодати. И входит он, и вкушает, и наслаждается за вечерею Господа своего, как воин на пиру у царя, воин, доказавший преданность свою царю постоянством, мужеством, самыми язвами, победою» (360). Эти брани весьма полезны, ибо они формируют духовное устроение человека. «*Муж неискушен, – неискусен*, – говорит Писание; а искушённый примет венец жизни и стяжает дар помогать искушаемым» (127). Святитель заявляет ещё более решительно: «Без искушения приблизиться к Богу невозможно. «Неискушённая добродетель, – сказали святые Отцы, – не добродетель!» Если видите кого-нибудь, величаемого от людей православных добродетельным, а он живёт без всяких искушений, преуспевает в мирском отношении, – знайте: его добродетель, его православие не приняты Богом. В них зрит Бог нечистоту, ненавистную Ему! На нечистоту человеческую Он взирает снисходительно, врачует её различными средствами! В ком увидит нечистоту бесовскую, от того отвращается» (376).

Попускаются искушения по воле Божией. Бог попускает их тем людям, которых любит «и вслед за искушениями дарует избавление от них» (127). «И то надо знать, что людям, боящимся Бога и чтущим Его, хотя и попускаются на время искушения, но после того непременно следует и избавление от искушений» (670). «Утешаемые искуплением, мы прибегаем молитвою к Богу, а получая избавление от искушения, стяжаваем веру в Бога, веру, – не мёртвую, теоретическую, но живую, практическую» (127). Если Богу угодно, то

искушения непременно придут, возникнут оттуда, откуда их вовсе не ждут и откуда их ожидать, казалось бы, невозможно (143). «Господь помянул вас, – пишет Святитель своему духовному чаду, – и послал вам искушение, для вашего очищения и умерщвления миру, а потому для вашего преуспеяния. Я, окаяннейший грешник, благоволю о искушении, вас постигшем. Благоволят о нём Ангелы Хранители ваши, видя в нём залог спасения вашего. Помяните меня грешного в молитвах ваших! Говорит святой Исаак Сирин, что человек до вступления в искушения молится Богу, как чужой Ему, а подвергшись ради Его искушениям, молится Ему как свой, и как бы имея Его – Бога – должником себе» (216).

Бог даёт силы для борьбы

Следует помнить и верить, «что Бог не попускает искушения паче силы: почему, пред посылаемым искушением надо смирять свою выю» (213). Последняя мысль указывает на то, как правильно подобает встречать искушения и как их побеждать – «...смирять свою выю». Это значит: в случившемся искушении «не должно скорбеть, но отдаваться на волю Божию, которая спасает всех спасаемых многоразличными» способами (214). Великое нравственное дело в пришедшем искушении признавать себя заслужившим – достойным его. «Это очень помогает и при страхованиях. Признание себя достойным всякого наказания, и даже явного бесовского, приводит к самоотвержению и к преданности воле Божией. От самоотвержения и преданности воле Божией уничтожается страх, наводимый бесовским искушением. Диавол ничего не может сделать без попущения Божия; он находится постоянно во всемогущей руке Божией и имеет не иное значение в этой руке, как значение бича, который, сам по себе лишён всякой способности к действию» (538-539). Придёт искушение – нельзя искать причины его. Преподобный Марк Подвижник учит так: «Когда придёт искушение, то не ищи, отчего и для чего (как и от кого) оно пришло, но ищи того, чтоб перенести его

с терпением и благодарением» (828). Сие Святитель поясняет: «Воспрещённое преподобным Марком разбирательство приводит только душу в смущение и способствует насеяться в ней семенам ненависти и памятозлобия к ближним, а благодарение Бога за посланное искушение вводит душу в пристанище веры, мирит с ближними и служит причиною духовной радости» (707). «Советую тебе держаться этой спасительной простоты, не вдаваясь в мнения и соединённые с ними смущения» (828). Не надо и бояться искушения. «Будь великодушен: все искушения только пугалы, чучелы безжизненные, страшные для одних неверующих, для смотрящих одними плотскими глазами. Будь осторожен, благоразумен пред ругателями, подражай Христову молчанию – и ничего не бойся, влас главы твоей не падет» (141). Должно всё перенести с молитвой за оскорбляемых, а не бояться искушений, «ибо Тот Бог, Который нам их попускает, Тот нас в них и хранит. К искушениям надо иметь расположение и горячность; ибо ими изображается на душах наших Крест Христов, ими предохраняемся от пороков, ими сохраняемся в добродетели, и при них только даётся благодать» (211). На одном должна быть сосредоточена забота – «на том, чтоб плод искушения был обращён в пользу» искушаемого (748).

«Прими же с радостью, – взывает Святитель, – эти горькие врачевства: пусть сии потрясут тебя немного – и ты впоследствии усладишься» (269). Не предавайся «печали и безнадёжию, но из среды самого искушения с верою молитвенно» вопий к Богу и ожидай Его помощи (670-671). «Веруй, что власы наши изочтены у Бога, – тем более пред очами Его все случающееся с нами. Плыви... в вере в Бога, в терпении, и в страхе Божием... Гляди вверх, на небо, на Промысл Божий, и не закружится у тебя голова, не впадёшь в смущение и уныние, которые приходят оттого, когда глядишь вниз, т.е. когда вместо молитвы и веры, вдадимся в свои рассуждения и захотим всякое дело решить одним собственным разумом» (127-128).

Нужен труд, подвиг, «нужна борьба с самим собою, чтоб возвратиться к добру! И снова нужен труд, и снова нужна упорная кровавая борьба, чтоб устоять в верности к добру! Древний искуситель...

непрестанно предлагает вкушение плода запрещённого» (458). Как только человек «вступил в служение Богу, начинаются искушения особенные. „Отдай долг страстям, – сказал святой Исаак Сирский, – борьбою с ними“» (770).

II. Скорби

Раскрывая земной путь – путь терний, Святитель более всего говорит о скорбях. Суть всех его наставлений по этой теме можно свести к словам апостольским: «*Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие* ***(Деян. 14, 22)****. И вси же хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут*» ***(2 Тим. 3, 12)****.* (См.: 228, 242, 379, 531, 828...).

В нашей земной жизни много различных скорбей, разнообразных страданий. Земная жизнь – их достояние и достояние, обрушивающееся на всех – «и избранных, и приготовляемых быть избранными» (506). «*Многими скорбями*, не малыми, заметьте, но многими и разнообразными – *подобает нам внити в Царствие Божие*. Так определило Слово Божие» (531). Многими скорбями, но какими именно и кому – «то распределяет Бог» (828). Сам Господь Спаситель, святые Апостолы и «все святые провели жизнь свою в многоразличных скорбях» (213. См. также: 632-633). Многими скорбями, по примеру всех Святых «от века» (228), «да умертвится наш ветхий человек со страстьми и похотьми его, и да соделается сердце способно к принятию Божественной благодати» (242-243).

«Скорби, – свидетельствует Святитель, – по преимуществу, удел наших дней, которым не даны ни мученичество, ни подвиг монашества». Наша участь – скорби, но какие – ведает Бог. «Пред Ним, на Его весах всякая скорбь ничтожна, всякая скорбь маловажна, как бы велика она ни была, потому что осенение Его силы и благодати может обратить величайшую скорбь в величайшее наслаждение» (379). «Кто из плывущих по житейскому морю не орошается его волнами?» (85) – вопрошает Святитель и отвечает: «Нет рода жизни без своих скорбей» (53). «Нет возможности приступить к Богу иначе, как по тернию скорбей» (382).

Земная жизнь – это скоротечный путь к блаженной вечности. Измеряется он «не расстояниями, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день» (468). Но известно лишь, что «дни наши суть дни скорбей, а утешение наше – Крест Спасителя. Когда сыны Заведеевы просили у Господа престолов славы, тогда Он обещал им чашу скорбей, без которой невозможно получить престолы вечной славы» (580).

Постигающие нас – малое стадо Христово – на житейском пространстве скорби «очень различны». Сперва христиан гнали и предавали мученической смерти – все ближайшие Ученики Спасителя, за исключением святого апостола Иоанна Богослова, окончили жизнь мученически. Потом стали требовать от христиан не отречения от Христа Спасителя, «а принятия ереси, столько же душепагубной, как и отречение, т.е. требовать не прямо нечестия, но злочестия. Далее, гонение сделалось ещё тоньше: оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто жительство по заповедям Христовым» (518). В результате благовестие Слова Божия стало явлением редким. «Глад слышания Слова Божия – вот бедствие, несравненно тягчайшее, бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан» (518). Но и среди этого молчания возгремели в наставление нам слова Господа к Пилату: «*Не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше*» ***(Ин. 19, 11)***. «Какое глубокое и обширное, – восклицает Святитель, – наставление для страждущих о Христе, научающее их смотреть на своих Пилатов, как бы на бездушное оружие Промысла, подающего возлюбленному своему чашу Христову, залог блаженства вечного со Христом» (503).

Какими бы тяжёлыми ни казались нам скорби, как бы ни разнообразны они были – «земная жизнь наша коротка – точно обман: её скорби, по самой вещи, ничего не значат – имеют столько значения, сколько им даём его» (295).

Скорби – полезны

В устроении духовной жизни скорби *полезны* – душеспасительны (213).

Скорби служат признаком «призвания Божия во спасение» (660). Тому, кому посылаются скорби, «есть часть Божия, а кому идёт всё как по маслу – тот часть диавола. А когда Господь восхощет взять его из части диаволовой, то взимает посланием скорбей. Скорби – чаша Христова на земле. Кто на земле участник чаши Христовой, – тот и на Небе будет участником этой чаши» (135). «Кому попускаются скорби, тот, значит, помянут Богом в Царствии Его, а кто живёт бесскорбно, тот забвен Богом» (99). От Креста Христова в душу изливается «свет и утешение» (151). Золото выходит «чище и ценнее» из горнила (148), а люди – из принимаемых скорбей (553). Нашему телу подобает «истончиться, как паутине, пройти сквозь огнь скорбей и воду очистительную покаяния, и войти в покой духовный – в духовный разум или мир Христов, что одно и то же» (142).

Сама добродетель тесно соединена со скорбями. «Какие бы добродетели ни были совершаемы Святыми, они считали их неполными и недостаточными, если их не увенчал Крест Христов, не запечатлела, не засвидетельствовала печать Христова. Те только пройдут путь, стрегомый херувимом, которые будут иметь при себе рукописания, запечатлённые печатию Христовою» (397). «Добродетель, – сказал некоторый отец, – не сопровождаемая скорбью, не есть добродетель» (738. Ср.: 169). И более того, сделанное без скорби бывает непрочно – «что посеешь, да слезами не польешь, то худо всходит» (92).

Скорби помогают «устремиться к исканию Бога» (148), делают путь Божий «яснее, ближе» (376), «отчётливее» готовят к вечности (683), учат «уповать на Бога, а не на себя» и стяжать «бесценное сокровище – веру в Бога, веру деятельную, живую» (668). «Все, – говорит Святитель, – приблизившиеся и усвоившиеся Господу достигли этого многими скорбями, по свидетельству Священного Писания… Напротив того, те, которые чужды скорбей, признаются забытыми Богом» (470-471).

Скорби формируют человека «на пути прямом, чистом» (137), обучают, укрепляют (756). «Беда – когда человек формируется на кривых путях: во всю жизнь свою будет смахиваться в шельмовство» (137).

Скорби – это «благовременное приготовление» к вечности (177), к спасению (175, 176). Нет скорбей – «нечем спастись» (786). «Без скорбей сердце не может умереть для земли и ожить для Бога и вечности» (624). В рай один путь – «крест и распятие» – другого нет (200). Не причастившийся чаши скорбей «не способен наследовать вечное блаженство» (433). Потому-то Святитель, видимо, для большей убедительности цитирует слова великих подвижников: «Пей поругания на всяк час, яко воду живую, а кто отвергся правильного, или неправильного выговора, тот отвергся своего спасения» (*прп. Иоанн Лествичник.* 216). «Блажени препоясавшиеся по чреслем своим к морю скорбей, простотою и неиспытным образом, любве ради, яже к Богу, и не давши плещи. Сии скоро к пристанищу Царствия спасаются, и почивают в селениих добре потрудившися, и утешаются от злострадания своего, и радуются во веселии надежды своея» (Некий «советник». 54).

Сказав о полезности скорбей, Святитель завершает: «Сколько спасительных уроков преподают нам эти скорби: не дают привязываться к земле, возводят к нему, воспоминают нам Бога» (611-612).

Скорби необходимы

Без скорбей невозможно получить вечный венец (99) – значит: Господь «*кого любит, того и наказывает*» ***(Притч. 3, 12)***. Все постигающие нас скорби надо видеть в Промысле Божием – в бесконечной любви Божией к нам. Бог ведёт нас «путём скорбным, скорбями отрешая от мира и приводя к Себе». Потом избавляет от скорбей, чтобы «зрели Его всеблагий Промысл и стяжали веру в Него» (698). Тот, кто наносит скорбь, «только орудие во всемогущей деснице Божией» (148). Кого Господь избрал «в ближайшее служение Себе, в сосуд духовных дарований, тому посылает скорби» (148). Хочет приблизить к Себе – попускает скорбь (382). Едва открылся Он

святому апостолу Павлу, «как уже определяет ему в удел страдания, возвещает о них. "*Аз бо скажу ему, елика подобает ему о имени Моем пострадати*" ***(Деян. 9, 16)***, – говорит Господь о вновь избранном Апостоле!» (148). Христова печать, знак Божия избрания – крест. «Этой печатию запечатлевает Христос своих! Этот знак изображают на возлюбленных Божиих ангелах Бога Вседержителя! "Если ж ты видишь кого, – сказал преподобный Марк Подвижник, – проводящего жизнь бесскорбную, в постоянном благоденствии, – знай, его ожидает по смерти суд немилостивый". Все Святые признавали за непреложную истину, что тот, который проводит жизнь бесскорбную, – забыт Богом. "Не ищи, – говорит один из них, – совершенства христианского в добродетелях человеческих – тут нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом!" (397). Знамение избрания – скорби (598). И Святитель снова и снова повторяет: «Мы… заботимся наиболее об устроении нашего земного положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное наше положение не было потрясаемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что всё временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. Писание говорит: "*Господь, его же любит, наказует.*" Скорби вразумляющие посылаются от Бога тем, которых Он хочет помиловать, а отверженным посылаются скорби сокрушительные и решительные, наиболее на самом конце жизни, как то: или скоропостижная смерть, или лишение рассудка и тому подобное» (553). Кого Господь возлюбит и захочет сделать Своим, избрать для вечности, «тому посылает непрестанные скорби, в особенности, когда душа, избираемая, заражена миролюбием. Действие, производимое скорбями, подобно действию, производимому ядом. Как тело, принявшее яд, умирает от естественной ему жизни, так и душа, вкушающая скорби, умирает для мира, для плотской жизни, родившейся из падения и составляющей истинную смерть. Посему кто отказывается от скорбей, тот отказывается от спасения» (594. См. и: 660). «Что было бы с вами, если б Бог не обучал вас скорбями? – ставит вопрос святитель Игнатий и отвечает: – Вы бы пожертвовали и всем временем вашим,

и всеми способностями вашими суете, и вступили бы в вечность недостойною никакой награды, – напротив того, достойною полного наказания за пренебрежение Христом, Спасителем мира, Сыном Божиим, принесшим Себя в жертву за вас с тем, чтоб вы принесли себя для собственного вашего блага в духовную жертву Ему» (471). Кого любит Господь, того наказует для его же усовершения (665, 98), «тому посылает скорби, и они умерщвляют сердце избранника Божия к миру, приучают его витать близ Бога» (433). Эти наставления святителя Игнатия показывают, что наказание Божие – это не то же, что «наказание человеческое!.. Гнев Божий – не гнев человеческий! Господь наказует, – любит! Он призывает в ближайшее познание Его. Короткое знакомство с великими земли доставляет временные почести и мнимое богатство; подобное познание Бога доставляет блага вечные, зрение славы Божией, участие в этой славе» (398). Существенной особенностью попускаемых Богом скорбей является и то, что среди них же Господь даёт и утешение. «Я, – размышляет Святитель, – уверен, что это утешение приносит вашему сердцу от Престола Божия святый Ангел Хранитель ваш: потому что истинное утешение может низойти от одного Бога. Земные развлечения только заглушают скорбь, не истребляют её: они умолкли и снова скорбь, отдохнувшая и как бы укреплённая отдохновением, начинает действовать с большею силою. Напротив того, утешение от Бога уничтожает печаль сердечную в ее корне – в мрачных помыслах безнадёжия. Оно приносит человеку благие и смиренные помыслы покорности Богу, помыслы, полные живой веры и кроткой сладостной надежды. Пред взорами ума открывается неизмеримая вечность, а жизнь земная начинает казаться кратким странствованием, её счастие и несчастие начинают казаться маловажными и ничтожными, потому что все неровности земной жизни сглаживаются, уравниваются созерцанием вечности» (468). То, что за скорбью следует утешение, укрепляет веру у скорбящего и утешённого, а к миру «мертвость» (343).

«Вижу, – заключает Святитель свои рассуждения о скорбях, как проявлении особой любви Господней, – Божие благодеяние к себе; исповедую дар свыше, за который я должен благодарить Бога более,

нежели за всякое видимое мною в других земное, мнимое счастие. И это мнимое счастие, как ни низко (оно плотское!), – могло бы быть ещё завидным, если б было прочно и вечно. Но оно превратно, оно мгновенно, – и как терзаются при его изменах, при потере его, избалованные им. Оно непременно должно разрушиться, отняться неумолимою и неотвратимою смертию» (150).

Все рассуждения святителя Игнатия о скорбях, особенно последнее, ведут к тому, что скорби надо и *принимать*, и *переносить* правильно. Всеведущий и Всеблагой Господь, избравший «тебя в число Своих, – учит Святитель, – попускает тебе различные скорби... Это благой знак – прими его с великодушием и верою. Когда осыпают ругательствами и стараются уловить тебя в чем словами, – помяни, что то же делали со Христом – и вкуси благодушно чашу чистительную» (141). Скорби – это дар Божий, и не просто дар, а великий, «который даётся избранным рабам Божиим, предуготовленным к вечному блаженству» (236), посему его подобает принимать с благоговением (333).

Скорби есть дар Божий

К скорби надо быть готовым – принимать её с покорностью и глубокой верой в Христа Спасителя. «Уготовьтесь на скорби, и скорби облегчатся» (166). «Через мрачную, глубокую пропасть скорби, внезапно открывшуюся пред нами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте волн недоверчивою стопою размышления человеческого, идите смело по ним мужественными шагами веры – и обратятся под ногами вашими мягкие, влажные волны в твёрдые мраморные или гранитные плиты… Призывающий вас ходит по морю скорбей... Христос знаменует “Своих” печатью страданий!» (196).

Переносить скорбь подобает с терпением и покорностью воле Божией. «Надо помнить, что *“претерпевый до конца, той спасен будет”*, и претерпеть всё встречающееся, причиною ли мы того или причина не от нас. Христос с тобою. Побеждай терпением и упованием на Бога все скорби и брани» (828). Переноси скорби безропотно,

без жалоб (213), помня, что вся наша земная жизнь «сплошное искушение. Когда так определено Богом, то мы должны с покорностию переносить скорби от постигающих нас искушений, вразумляться ими для дальнейшей нашей деятельности» (745).

За посылаемые скорби должно благодарить Бога, славословить и просить только о том, чтобы Он «даровал покорность Ему и терпение» (554). Преподобный Марк Подвижник советует при скорбях не искать виновников их – «откуда и чрез кого пришли» они, а заботиться о перенесении их с благодарением (236). «Великая мудрость и великий источник утешения, – размышляет Святитель, – благодарить Бога за все земные скорби, как ниспосылаемые нам самим Промыслом Божиим во спасение душ наших. Кого Господь любит, того наказует. Пожелай мне не забывать этого святого образа мыслей и не уклоняться от него по поводу различных самооооправданий, которые все – ложь и самообольщение, и слепота и гордыня» (626-627. См. также: 379, 471, 553...).

Скорбей не надо бояться, ибо «они попускаются нам Промыслом Божиим, а Промысл Божий, попуская нам их, по существенной необходимости и пользе их для нас, неусыпно бдит над нами и хранит нас. Так врач для исцеления больного даёт ему горькие, отвратительные и мучительные лекарства и в то же время тщательно ухаживает за ним» (531). Скорби были всегда «достоянием спасающихся, особливо же они свойственны нынешнему времени, когда человеки ослабели к совершению добродетелей. Итак, не малодушествуй, но в терпении и смирении предавай себя воле Божией и благодари Его Святый Промысл за всё, тебе посланное» (634). Как бы ни тяжела была скорбь, она соответствует крепости страдающего. Нужно только «облечься во всеоружие живой веры, вдыхающей в сердце твёрдость, мужество, смирение, покорность определениям Божиим» (397). Бог один «знает, что нам полезно, и устраивает наши судьбы для вечных польз наших, попуская в здешней временной и кратчайшей жизни поскорбеть, соответственно нашим силам, дабы души наши не прилепились к земле, а постоянно отторгались от неё различными скорбями и обращались, теснимые отовсюду, к Господу Богу нашему» (698).

Мы достойны наказания

Очень важно при скорби смириться «и нашедшую скорбь встречать исповеданием: достойная по делам нашим приемлем, помяни нас, Господи, во Царствии Твоем!!! Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!» (669). Все мы перед Богом грешны, а «грешник не должен считать странным, когда ему посылается наказание. Нет! Он должен открыться пред Богом, признавать себя достойным посланной на него скорби и радоваться, что в земной жизни приемлет наказание за согрешения в ведении и неведении и тем избавляется от вечных мук» (632). Так поступающий – «обвиняющий себя», смиряющийся – «устоит во всех напастях! Какая скорбь может сокрушить того, кто признал себя достойным всякой скорби? Того, кто всякую приходящую скорбь встречает словами блаженного разбойника: *"Достойное по делам моим приемлю; помяни меня, Господи, во Царствии Твоем!"* Какой скорби устрашится тот, кто верует, что на него неуклонно взирает око Божие, что никакая скорбь не может прикоснуться к нему без попущения или мановения Божия?» (328). «Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями, которые из среды скорбей своих исповедаются Богу. *"Достойное по делом нашим приемлем! Помяни нас, Господи, во Царствии Твоем*!"» (805. См. также: 213).

Послал Господь скорби – пошлет и утешение – и среди них же (290, 468), «поэтому в скорбях надо благодушествовать, возлагая судьбу свою на волю Божию» (665).

Если же кто, угнетаемый скорбями, страдает от уныния, от сознания некоей оставленности, – и для него есть спасительный совет Святителя: «...приглашаю войти в мою пристань, в пристань Божественных помышлений и чувствований» (473). Здесь отдых, спокойствие, утешение... (473). И ещё: «Воспомяни праведного Иова, лишённого чад своих и всего имения, покрытого смердящими струпами, сидящего на гноище и говорящего: *"Господь даде, Господь и отъя, буди имя Господне благословенно отныне и до века"*. Воспомяни пророка Иону… прославляющего правосудие Божие. Воспомяни трёх

отроков, из сердца пещи благословляющих Бога. Воспомяни всех святых и путь, коим они достигли спасения. Не тесный ли и прискорбный путь искушений ввёл их в обитель живота? Воспомяни всё это и поревнуй жребию святых, скажи твоим малодушным помыслам: "И власы все главы моей изочтены у Бога, то как могу я унывать?" "*Не пошлю*, – обещает Он мне устами Своего Апостола, – *искушения выше меры твоей*; но в самом искушении сокровенно дарую тебе избавление от искушения. Нарочно тебя... поражаю напастями, чтоб ты не пристрастился к чему-либо суетному, но в сокрушении сердца поискал прилепиться ко Мне, Создателю твоему исполнением Моих заповедей, и стяжал Меня в себе, а когда стяжешь Меня в себе, тогда взыграют все уды твои нескончаемым веселием: ибо Я есмь Сама – благость и Само – блаженство неоскудеваемое и непременяемое"» (638-639).

***

Как бы завершая свои суждения о скорбях, Святитель делает вывод:

- «Во всех скорбях... следующие врачевства приносят душевную пользу и отраду: преданность воле Божией, благодарение Богу, укорение себя и признание достойным наказания Божия, воспоминание, что все святые совершили путь земной жизни в непрестанных и лютых страданиях, что скорби – чаша Христова» (433).
- «Сколько спасительных уроков преподают нам эти скорби: не дают привязываться к земле; возводят к небу, воспоминают нам Бога» (611-612).
- «Примите эти строки из страны страданий, в которую я поселился очень давно» (197).

III. Болезни

Болезни, как и скорби, помогают человеку задуматься над смыслом своей земной жизни и поднять очи к Небу, ибо недуги – это вестники, возвещающие «приближение разлучения души с телом» (220). «Со мной, – замечает

Святитель, – часто беседуют о смерти мои недуги. Назидательна эта беседа! После нее мир со всеми его событиями представляется совершенно в ином виде. Око странника смотрит иначе, нежели око постоянного жителя» (62). Болезнь – хороший учитель, многому доброму она наставляет и «сверх того, – говорит святитель Игнатий, – она – послание Божие взамен и пополнение наших недостаточных подвигов» (787).

Попускаются или посылаются болезни Богом, «Который наказует всякаго, его же приемлет» (527). Посылаются они, прежде всего, для предохранения от грехов или для покаяния. «Справедливо и богоугодно рассуждаешь, – отвечает духовному чаду Святитель, – говоря, что болезненность и сопряжённые с нею тесноты посланы тебе Богом для охранения от грехов и греховных соблазнов, которыми ныне преисполнен мир» (521). «Бог устроил тебе на старости лет поболеть и в келии посидеть, чтоб грехи юности помянуть и в них принести Богу покаяние, а от Бога получить прощение. Слава Богу, устрояющему нам спасение Его премудрыми судьбами» (791). Именно болезни, потрясая душу человека, помогают ей прозреть и увидеть Бога «в Его Промысле» (321). Болезни препятствуют гордыне, «которая часто развивается от успешной деятельности» (788). Они же удаляют и избавляют «от отвратительного многословия, долженствующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно учению Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей Кротчайшего Господа Иисуса Христа» (51). Поистине болезни очищают тело и душу «от греховного тления» (208).

Одр болезни часто бывает «местом Богопознания и самопознания. Страдания тела бывают часто причиною духовных наслаждений, и одр болезни орошается слезами покаяния и слезами радости о Боге» (433). «Подобает тому, кто хочет приблизиться к Богу, пройти душою и телом сквозь многие скорби и болезни» (585).

Болезни всегда на пользу

Болезни приносят пользу всем – и тем, кто ещё не начал жить по-христиански, и тем, кто уже достиг достаточно высоких ступеней совершенства. «Подвижникам, занимающимся умственным подвигом, попускаются преимущественно пред телесными подвигами болезни и другие скорби: от действия их подвижник по необходимости должен возлагать надежду на Бога. От усиления надежды на Бога слабеет самонадеянность; с уменьшением самонадеянности уменьшается самомнение. С ослаблением этих недугов начинает зарождаться в душе истинное смирение, на котором основаны правильность и прочность всякого подвига» (554).

Последнее суждение Святителя показывает, какое должно быть отношение наше к болезням, как их надо понимать и воспринимать. Но Святитель говорит об этом и специально: «Святые Отцы в своих Боговдохновенных писаниях изображают наказание Господне или предваряющим болезнь врачевством, или последующим за болезнью для исцеления её; но они никогда не признавали этого наказания отмщением или воздаянием, разве только в упорных врагах Божиих, уже не по немощи погрешающих против заповеданного непрестанного покаяния, но отвергших оное по произволению и лжеименному разуму» (828).

Чтобы болезни приносили те плоды, о которых было сказано, должно их переносить по-христиански – правильно. «Болезнь сопричисляется к тем подвигам, которыми израбатывается наше спасение. От всякого подвига требуется, чтоб он был правилен. Тогда подвизается человек правильно в труде болезни своей, когда благодарит за неё Бога» (527-528). Посему при болезни «сперва надо себя принудить к благодарению Бога, когда же душа вкусит сладость и покой, доставляемые благодарением, – сама спешит в него, как бы в пристанище. Спешит она туда от тяжких волн ропота, малодушия, печали» (433). Болезни, сопровождаемые благодарением Богу, святые Отцы сравнивают с иноческим подвигом безмолвия и послушания (528).

Болезнь – это «готовое спасение, когда больной удаляется от дурных слов, помышлений и мечтаний, когда благодарит за болезнь, удаляющую его от мира; чего бы он не сделал единственно по собственному произволению» (521).

Молитва утешает в страдании

Огромное значение при болезни (впрочем и всегда) имеет молитва. «Тогда вы, – учит Святитель, – ощутите спокойствие и утешение страданий, когда от сердца сокрушённого и смиренного, из глубины ваших болезней, будете взывать молитвою ко Господу, тогда Он невидимо приидет и поможет вам» (208-209).

Восполнится подвиг болезни, если болящий «предаётся воле Божией» (521), если он, «взирая на грехи свои, счёл себя достойным вечных мук, радуется, когда ему приключатся болезни в этой жизни. После такого рода болезней обыкновенно чувствуется особая лёгкость по телу и душе» (208). Много соберёт подвигов болящий, если сам себе скажет: «Не без Промысла же Божия случается со мною то, что случается. Буди имя Божие благословенно от ныне и до века!» (195). К сему святитель Игнатий добавляет: «Да не очень заглядывайся на обстоятельства жизни: не стоят они, – идут, быстро мчатся, сменяются одни другими. И сами мы мчимся к пределу вечности! А кто заглядится на обстоятельства, кому они представятся недвижущимися, – удобно впадает в уныние. Кто же видит, что все летит, и сам он летит, тому легко, весело на сердце» (195).

Тернистый путь болезней – залог нашего вечного спасения, «почему их должно переносить с терпением, а терпение тогда изливается в душу человека, когда человек за свои скорби благодарит и славословит Создателя. Мы здесь на земле – странники: и хорошее и худое положение человека мимоидет яко сон. Сокровище наше – Господь» (637).

«Услышьте то, – взывает Святитель, – что и мне доставляет особенную пользу: услышьте слова Спасителя, предложенные Им для

общего сведения, назидания, подкрепления всех странников земли: *"В терпении вашем стяжите души ваши" (Лк. 21, 19)*. Ах! Нужно нам помнить это наставление Спасителя, нужно держаться за него непрестанно, как держится слепец за руку путеводителя» (344). Претерпите «с благодарением всякую болезнь» (269). Говорите своим болезням: «Приидите, Богом посылаемые, помучьте грешное тело, пожгите его, потерзайте его за те беззакония, коих жилищем оно было!» (585). И завершает: «К правилу безмерно не нудьтесь во время болезни: взамен его приносите Господу жертву хвалы и благодарения» (585).

(*Примечание*: писал сие во время болезни 13 января 2003 г. – Промыслительно?!).

IV. Надежда на Бога

Все искушения, скорби, болезни истинный христианин переносит с надеждой на Бога – его надежда во Христе, а не «во плоти» (162). «Вся надежда наша на милосердие Божие, а не на правду нашу» (589).

Для того чтобы победить зло, нужна помощь Божия – надежда на эту помощь. Когда она нам содействует, мы побеждаем; когда удаляется – терпим поражение и чувствуем нашу немощь. Промысл Божий так устроил, «чтоб подвижники Божии не всегда находились в состоянии радости, торжества и победы. Таковое непрестанное состояние могло бы породить в них лютую гордость: не видя никогда на опыте побеждения своего в немощи, они возомнили бы, что состояние непрестанного торжества над грехом принадлежит им самим, а не является даром Божиим. Потому-то Бог растворил для них, как говорит преподобный Исаак Сирский, «утешение и нашествия, свет и тьму, брани и заступления, короче сказать, утеснение и пространство. И это признак, что человек преуспевает при помощи Божией»[1] (458).

---

[1] *Исаак Сирин, прп.* Слово 78.

Уповая на Бога, должно полагать «начало пути, исполненного крове», отвергнув двоедушие и сомненье (55). И продолжать сей путь необходимо с той же надеждой и верой в своем сердце, «яко милостив есть Господь, и взыскающим Его даст благодать яко мздовоздаятель, но не по деланию нашему, но по усердию душ наших и вере. Глаголет бо: "*Яко же веровал еси, буди тебе* [1]"» (55).

«Как совершишь ты путь по морю житейскому? Как спасёшься от волн, от ветров, от подводных камней, от разбойников, от плена, от смерти? – вопрошает Святитель и отвечает: – Не иначе, как Христом, Он сотворит силу, Он вознесёт мя. Он крепость моя и пение моё и будет мне во спасение» (247-248). Господь по нашей надежде будет нашей крепостью и спасением (166).

Нельзя терять надежду

«Засуждающий себя» при жизненных «преткновениях» отчаивается, «а надеющийся на Христа приносит покаяние и исцеляет себя им» (238). Покаянный плач, растворённый надеждой на Бога, «утешает душу, смягчает сердце, отверзает его ко всем святым, духовным впечатлениям. Печаль, не соединённая с упованием, чужда благих плодов... От неё рождаются уныние, отчаяние, смерть телесная и смерть душевная!» (380). Нет! Христианин не впадает в такую печаль: его «держит сильная десница Божия». Она вводит его «в дни сетования», но для того, чтобы омыть его «святым омовением – слезами» и чрез них вознести к Небу (380). Утешение там, где Господь наш Иисус Христос. «Это утешение не от мира сего, который иначе не может утешать в скорби, как отъятием скорби. Христос действует иначе: Он не снимает тернового венка с возлюбленного Своего, потому что так венчаются в цари Небесного Царства, но посылает в душу благодатную сладость, залог предвкушения вечного блаженства, – и пред лицом сей сладости исчезают временные скорби – по крайней мере много притупляется острие их» (505). Без Христа

[1] *Исаак Сирин, прп.* Слово 58.

Спасителя утешение не обретается. Святитель по этому случаю рассказывает следующее: «Недавно случилось видеть в скорби одного умного и учёного мужа, много занимавшегося философиею, изобретенною падшим и омрачённым от падения умом человеческим. Каким же оказался философ пред лицом скорби? Слабым, изнемогающим, не видящим Промысла Божия, не ведающим Креста Христова, ищущим на земле правды человеческой и не могущим найти правды Христовой в смирении и терпении. Поучительное зрелище, на которое нам дозволено смотреть не с тем, чтоб осуждать ближнего, но чтоб видеть нашу мертвость, когда бываем без Христа» (506-507).

Показав спасительность надежды на пути терний, Святитель обращается с целым рядом весьма содержательных призывов:

- «Претерпи с упованием на Бога лишение телесных потребностей, долженствующих чрез краткое время превратиться в гной. Подклони выю всему этому в надежде на Бога, не ожидая ни от кого другого избавления или утешения, но возверзи на Господа попечение твоё и во всех искушениях осуди себя самого, как причину их» (269).
- «Меньше думай. Надейся на Бога. „Ходяй просто, – сказали святые Отцы, – ходит надеяся“. И Бог тебя покроет» (646).
- «Плыви бестрепетно по волнам житейского моря, не доверяя тишине его, не страшась бурь его. Не думай о завтрашнем дне, не утомляй себя никакими предположениями, никакими мечтаниями, не истрачивай на них времени и сил твоих. *“Довлеет дневи злоба его”* – сказал Бог твой. Веруй!.. Плыви, несись по волнам!.. Жизнь земная – обман. Не увидишь, как уже пред тобою – пристанище гроба. Где вера, там нет ни печали, ни страха; там мужество и твёрдость, ничем неодолимая» (355).
- «Плыви и переплывай о Господе бурную пучину. Повреждения, которым нельзя не случаться, исправляй покаянием. Веруй и никак не расслабляйся. При этом непременно спасёшься. Ибо Бог никак не оставляет того человека, который сам не оставляет Бога... Такового Бог приведет непременно к спасению. А указывать Богу: так и так меня спаси – невозможно. Потому что спасение, как дар Божий, выше постижения человеческого. Почему желающий

спастись должен просить себе спасения у Бога, как неизреченной милости Божией, предавая себя вполне воле Божией» (704).

Обрати свои взоры к Богу, повергни к Его ногам «воздымающиеся и мятущиеся помыслы», скажи с благоговейной покорностью: «Да будет воля Твоя!» (149).

***

Итогом к изложению пути терний может служить наставление святителя Игнатия:

- «Уклонитесь от пути широкого, по которому почти все шествуют! Изберите для себя скорби, посылаемые вам Промыслом Божиим! Возлюбите теснины, по которым премудрый Промысл… проложил стезю для земного вашего странствования! И скорби, и теснины ваши, и стезю тернистую жизни земной сделайте для себя приятными, сладостными. Каким способом это сделать? Предаваясь воле Божией, славословя Промысл Божий, признавая эту волю и этот Промысл во всём, случающемся с вами, благодаря Бога за всё случившееся с вами, и скорбное, и радостное. Время – начать жительство истинно-христианское, сопряжённое с распятием всех ощущений, пожеланий, мыслей на кресте заповедей и учения Христова. Скоро, скоро промчится земная жизнь! Уже готова каждому человеку вечная мзда его за кратковременную жизнь его, за дела его, за образ мыслей его, за чувствования его» (429).
- «Слава Богу за всё! И за то, что пришлось всю жизнь поболеть» (673).
- «Вам говорит это тот, кто всю жизнь провёл в скорбях, кто сам весь в ранах, – и радуется им, и благодарит за них Бога. Развевается знамя креста над письмом моим: всегда слово моё выходит под этим знаменем! Слово моё – и возвещение мира и провозглашение войны, призывает к храбрости, победе, завоеванию мира» (357).

VI. ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

«Вы пишете мне решительно: „Я отъезжаю в среду“. Хотя бы прибавили Вы: “если Бог велит”»

(580)

I. Общее понятие о Промысле Божием

Промысл Божий – это постоянное попечение Бога о Своих творениях – сохранение их и направление к добру, к благим целям. Это звезда, хранящая человека при его земной жизни. «Звёзды усматриваются ночью на чистом небе; при наступлении дня они, оставаясь на своих местах, делаются неприметными по причине появившегося преимущественно света, развиваемого солнцем» (529-530).

Промысл Божий бдит над всем: над судьбами всего мира, над судьбами Своей Церкви, над каждой личностью (788). Недремлющее Око постоянно бдит, Премудрый Ум управляет, Всесильная Десница охраняет (148) – «хранит всех, невидимо держит за руку Своих искренних служителей, наставляет их на путь Своих Святых хотений» (190).

От зрения Промысла человеческое сердце наполняется глубоким миром «к обстоятельствам и людям. А мир сердца – свидетель святой Истины!» (52). Но иногда Промысл Божий скрывается. И в этом его действии Святитель видит особую заботу Божию: «Временем скрывается Промысл Божий, – как будто его нет, – чтоб мы поуходились, поумучились, поутомились; потом является в полном свете с обильными благодеяниями...» (645).

Бог управляет всей тварью, всем миром. «У Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, и она – грех, беззаконие, падение. Бог установил Свою всесвятую правду, правду Креста, – Ею отверзает нам небо» (274). Из своего уединения Святитель смотрит на окружающий мир, «как на корабль, плывущий вдалеке», и исполняется «желания, чтоб он плавание своé совершал под покровом милости Божией. О! Да не предаст она нас водительству лжеименного разума, – этого источника бедствий человеческих» (59).

Промысл ведёт человека

Под особым водительством Промысла Божия находится человек. «Вы меня не осудите, – пишет святитель Игнатий, – если скажу, что вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога, Спаса своего: "*Судьбы Твоя помогут мне*", – воспел Боговдохновенный Давид» (50). В глазах Святителя действует лишь Промысл, а люди только его орудия (52, 202). «Людей, – пишет он, – оставьте в стороне, как орудия Промысла! Эти орудия – слепые, сами по себе не имеют никакой силы, никакого движения! "*Не имаши власти ни единыя на Мне*, – сказал Господь Пилату – *аще не бы ти дано свыше*" ***(Ин. 19, 11)***, хотя Пилат, водимый суждением человеческим, признавал и утверждал (а в этом, без всякого сомнения, согласны были с ним и все водящиеся таким суждением!), что он имеет власть распять предстоящего ему Узника, и власть отпустить Его» (201).

Проявляется Промысл Божий, и проявляется непрестанно, во всей жизни человека, даже в ее деталях – чем-то, казалось бы, незначительном. Изъясняя слова Спасителя: "*Вам же и власи главни́и вси изочтени суть*" ***(Мф. 10, 30)***, святитель Игнатий наставляет: «Так бдителен, заботлив до мелочной подробности Промысл о нас Всеблагого Бога нашего! Бог, столько о нас заботящийся, имеющий на счету все волосы наши, – смотрит: первомученика Стефана побивают камнями, – и не препятствует убийству. Зрит: Апостолы умирают ежедневно, страдают непрестанно, оканчивают земное течение своё насильственною смертию. Взирает: и тысячи тысяч мучеников претерпевают отсечение, строгание, ломание членов, продолжительное заключение в смрадных и душных темницах, убийственные работы в рудокопиях, сожигание на кострах, замерзание в озере, потопление в водах. Он смотрит: иноки совершают невидимое мученичество в борьбе с плотию и кровию, с нечистыми духами, с людьми – любителями мира, с бесчисленными лишениями телесными и душевными. На всё это Он, Человеколюбец и Всемогущий взирает.

От всех скорбей Он мог избавить избранных Своих, но не делает этого; возвещает рабам Своим: "*В терпении вашем стяжите души ваши (**Лк. 21, 19**)... Претерпевый же до конца, той спасется (**Мф. 24, 13**). Кто ж поколеблется, о том не благоволит душа Моя" (**Евр. 10, 38**)*» (276).

Промысл Божий возвышает человека и низводит, ставит на свещнице и убирает свещницу... Дело человека – и это весьма важно – почувствовать и правильно понять своё призвание. Вот как писал об этом святитель Игнатий другому великому Святителю Русской Православной Церкви Феофану (Говорову) († 1894): «Если Промысл Божий поставил вас на свещнике, – зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, в своё время откроется это призвание! Может быть, все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставите мирно кафедру вашу, тогда уйдёте мирно в келию – преддверие вечности. Пребывая в келии, не будете тревожиться мыслию при келейных искушениях, что эти искушения последовали за предупреждение воли и указаний Божиих» (68).

Бог ведёт к себе через скорби

По мановению Промыслителя касаются христианина различные искушения и страдания (69). Особенно познаётся отличительный «Промысл Божий над человеком, когда этому человеку пошлются непрестанные скорби» (277). Скорби – это признак «особенного Промысла Божия. Бог хощет соделать тебя участником вечного блаженства и подаёт тебе чашу спасительную скорбей. Успокойся и молись» (631). Трудностями образуется разум и душа. «Вижу, – пишет Святитель, – над тобою особенный Промысл Божий: Бог полюбил тебя и ведёт к Себе. А потому показывает тебе мир во всей наготе его, показывает, как в нём всё тленно, всё пусто; как все его занятия и хлопоты крадут у человека время и отводят от благочестивых занятий и добываемого ими блаженства вечного. Всё это надо увидать ощущением души; а в книге не вычитаешь, доколе не отверзутся душевные очи. Возложись на Господа: в терпении твоём

стяжевай душу твою. Терпение подаётся верою, а вера зависит от произвола человеческого, потому что она естественное свойство нашего ума. Кто захочет, тот тотчас может её иметь в нужной для него мере» (137-138). Значит, если христианину будут попущены беды, болезни, скорби, он должен, помня Промысл Божий, «несомненно веровать, что эти скорби попущены ему Самим Всеблагим и Премудрым Богом, Который предвозвестил Своим возлюбленным: *"В мире скорбни будете"*. Итак, не должно считать странным, видя себя в скорбях, не должно предаваться унынию; напротив того, должно благодарить Бога за скорби, как за знак избрания к блаженной вечности. От благодарения не только притупляется лютое жало скорби, но и вселяется в сердце благодарящего небесное, духовное утешение. Благодарить можно словами праведного Иова» (632). Так поступающему Промыслитель пошлёт Свою небесную помощь. «Гордый разум человеческий признаёт себя правителем мира, потому что не видит Бога, правящего миром, и потому при скорбях, превышающих постижение человеческое, впадает в уныние и безнадёжие. Но кто признает Бога правителем мира, тот в затруднительных обстоятельствах обращается к Нему и сверх чаяния получает помощь» (571). Господь изъемлет его из беды, явит ему Свою неизреченную любовь и милость, а сеть врага будет расторгнута, «как бы некая паутина» (746). «Милость Божия и Промысл Божий могут даровать способ спасения тем христианам, которые желают истинно спастись, а не стремятся к земному преуспеянию, прикрываясь личиною благочестия» (780), кажутся благими лишь по наружности (86).

Духовная гибель настигнет тех, которые больше думают о «руке человеческой», а не о попечении Божием. «Неужели вы думаете, что рука человеческая, как-либо утаившись от Промысла Божия, могла что-либо с вами сделать? – ставит вопрос Святитель и продолжает: – Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное, на покаяние нам данное, всуе изнуряем; сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. А смертный час вблизи от нас!» (79).

Иное придёт христианину, предавшемуся в руки Божии. «Такой душе Бог дарует на время земного странствования тесный путь, состоящий из различных скорбей и лишений, потому что по широкому пути невозможно придти к Богу» (523). На этом пути с ним будет неотлучна постоянная помощь Божия.

II. Всё совершается по воле Божией – ей покорность

Всё, происходящее с нами или вокруг нас, совершается под постоянным взором Всемогущего и Всеблагого Бога, одно по Его воле, «другое по попущению» (112). Всемогущий Бог «неусыпно бдит» (603), и без Его всесвятой воли «быть ничего не может» (127).

Всё совершается по воле Божией, и всё должно ей покоряться.

Покорение воле Божией необходимо «в самых попущениях Божиих» (601). Пришла печаль – «*возверзи* её на Господа, и *Той Тя препитает*» (96). Промысл не «престал бдеть» (95). Постигла скорбь – прими её «как от руки Божией, со благодарением и славословием» (69). «Если вы скорбите, то недалече стезя ваша от стези угодников Божиих, кои, шествуя посреди многих скорбей и окровавляя ноги свои, достигли Града Небесного Иерусалима, в коем не слышатся воздыхания скорбящих, но раздаётся глас непрестанного радования Наследников Царствия Небесного, наследовавших оное скорбями многими» (69). Начала одолевать грусть одиночества – опять-таки надо опереться на десницу Божию. Грусть – «состояние почти всех. 38 лет лежал расслабленный в притворе Соломоновом среди многолюднейшего Иерусалима, но когда подошёл к одру его вочеловечившийся Господь, то он принёс Ему жалобу: "*Человека не имам*". Расслабленный не мог завестись человеком в продолжение 38 лет! И в этом случае надо положиться на Бога: Он попускает человеку потомиться голодом, чтоб человек дал должную цену пище в то время, когда она будет ему предложена. "*Душа сытая*, – говорит Писание, – *сотом рыгается*"» (696).

Мы не знаем, что грядущий день нам готовит, потому лучше положиться на волю Божию. «Мы не знаем наверно, где встретит нас

душевная польза и где встретит душевный вред» (695). Будущего мы не знаем и «судим сообразно своей недальновидности, а потому в решении дел должны полагаться на Бога» (715). Надо Ему постоянно молиться, «чтобы Он, по бесконечной Его благости, премудрости и силе, наставил нас на путь спасения и устроил нам его» (695).

А достойны ли мы благословения Божия? «Не забывайте, – пишет Святитель, – непрестанно предавать себя воле Божией и благодарить Бога за все Его благодеяния, сделанные вам. Все мы должны быть уверены, что не заслуживаем тех Божиих благодеяний, какие имеем, что мы заслуживаем несравненно большие неприятности, нежели те, какие встречаются нам» (527). При таком суждении ясно становится, почему нередко происходит в нашей жизни вопреки нашей воле. «Хотя, – говорит Святитель, – не исполняющаяся воля наша и представляется нам обер-святою, но если б она была точно таковою, то неужели Всеблагий Бог не исполнил бы её? "*Волю бо боящихся Его творит*". И отчего не сотворит её, когда Ему всё, и большое и малое, одинаково возможно! В отсечении нашей воли, оком веры усматриваем, что наша воля, по причине её несовершенства, недостойна быть исполненною» (831-832). Всевидящий Господь всё знает и «не дает нам того, что мы признаём за необходимое для нас добро, и что, будучи само по себе точно добрым, нам не дается, потому что для нас оно может иметь другие последствия. Предайся воле Божией и будь мирен» (716).

Если мы предадим себя в волю Божию, то Господь, по Своему премудрому смотрению, может что-либо вещественное, временное отнять у нас, а вместо сего даровать «нравственное и духовное, вечное. А люди, привязанные к веществу и временной жизни, скорбят, не понимая, что они возводятся к бесценным, высшим благам» (798).

Всё в воле Божией

В покорность воле Божией подобает приводить себя верой в то, что всё происходит по непостижимым для нас судьбам Божиим – будет ли это проявление милости Его или попущения. «Святые три

отрока в пещи Вавилонской исповедали Бога, исповедали, что все гражданские и духовные бедствия, попущенные на них и на Израильский народ, попущены по праведному суду Божию» (749).

Такие воззрения, и подобные им, привлекают в душу мир, помогают пребывать в нём с благодарностью Богу, «не попускают увлекаться разгорячением, направляют зрение ума к вечности, доставляют терпение в скорбях, которые представляются кратковременными, ничтожными случайностями и мелочами» (749. См. и: 527). «Преданность воле Божией и благодарение Бога за всё случающееся услаждают всякое положение и научают извлекать из него душевную пользу» (666. См. и: 798). «Это я говорю, – заключает Святитель, – по своим частым опытам, но уверен, что и опыты каждого человека подтвердят то же, если он настроит себя по духу святых Отцов» (798).

Если же при наших жизненных невзгодах начнём унывать, а тем более роптать, то нам будет грозить великая опасность «сделаться богоборцами», «как явно вооружающимися против попущений Промысла Божия, к нашей великой пользе и врачеванию попущающего нам искушаться» (69). «Обретаю покой только тогда, – говорит святитель Игнатий, – когда предам себя всецело воле Божией. Когда же забуду славословить Господа за все благодеяния Его и предавать себя Его всесвятой воле и Промыслу, – тогда паки поднимается буря и душа опять находится в опасности потопления в волнах малодушия и боязни» (69).

Выводы святитель Игнатий делает такие:

- «Надо, чтобы мы поступили по воле Божией, а не по чувствам обманчивой и пагубной нежности; остальное Бог устроит судьбами Своими» (754).
- «Надо предаваться воле Божией и все помыслы – непокорства – смирять, сколько бы раз эти помыслы ни восставали» (699).

И призывает:

- «Предавайтесь воле Божией. Бог ведает, что творит и всё, что ни творит, творит по великой благости Своей, по премудрейшим и неисследимым судьбам Своим. Говорите чаще себе: “Буди воля

Божия". В сию успокоительную и священную мысль да погружается ум ваш и сердце. Да удовлетворяются они ею. Бог вас да благословит и да даст вам разум истины и покорность Его святой воле, отчего прозябает мир душевный» (597).

- «Будем предаваться воле Божией и делать сами то, что зависит от нас» (599).

Святитель советует молиться и сам молится:

- «Господи! Ты, Всесильный, всё это видишь; да будет воля Твоя, да совершаются недомыслимые судьбы Твои. А я кто – пылинка, чтоб мне вмешиваться в Твоё непостижимое управление!» (278).
- «Да совершается воля Божия!» (112).

VII. ПАМЯТЬ О СМЕРТИ

> «Довольно, довольно о земном попеклись, довольно времени утратили, – нынешний день единонадесятый час для приготовления к вечности употребим»
>
> *(79)*

Память о смерти – это Божий дар. Тем не менее, к получению его полезно себя понуждать и молиться: «Господи, даждь ми память смертную» (152). К этой молитве не трудно себя приучить, если вспомнить, кто такой человек и что такое смерть. Человек – это путник. Смерть – событие, с которого «начинается наша действительная жизнь. Продолжительно странствуя в этой тьме ночной, посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры, мы достигаем, наконец, до той грани, которою отделяется свет от тьмы. Счастлив человек, бывший истинным христианином» (628)… Придёт смерть и призовёт «к жизни без призраков; на это приглашение, как бы оно горько ни было, никто не может сделать отказа. Идут цари, не свершив огромных предположенных планов, от исполнения которых

могли бы благоденствовать миллионы народа; идут гении, покинув начатое для удивления потомства; идут законодатели, не достроив законодательных сводов; в одно мгновение отлагаются знаки отличия и громкие титулы, на приобретение коих употреблена вся жизнь. Богатые верою, напротив, становятся ещё богаче; ибо смертию вступают в существенное обладание тем, чем до смерти обладали только верою» (478-479).

Обозревая окружающее и видя беспечность земных путников, Святитель обращается к ним со словом, исполненным подлинно архипастырской любовью: «Как верно то, что мы все должны умереть! Что эта жизнь в сравнении с вечностью – ничего не значащее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем живём, как бы бессмертные; мысль о смерти и вечности ускользает от нас, делается нам совершенно чуждою. Это – ясное свидетельство, что род человеческий находится в падении; души наши связаны каким-то мраком, какими-то нерушимыми узами самообольщения, которыми мир и время держат нас в плену и порабощении» (348). А ведь «смерть грешников люта не по причине тяжести телесных болей её сопровождающих, но по причине её внезапности, неожиданности, по тому переходу от земного благоденствия к страшным, невообразимым вечным мукам, которые вслед за смертию ожидают нераскаянного грешника. Удивительно, как мир обольщает и ослепляет человеков. Не требующая доказательств истина, что все умрём. Но редкие из человеков являют из жизни своей знание этой истины; большая часть ведет себя так, как бы им никогда не умирать» (674). «Нужно усилие, постоянное усилие, борьба с собою, чтоб выплыть из ужасной тёмной пропасти» (348). «Великое дело помнить смерть, и понимать её значение» (674).

Все земные заботы, дела проходят, как тени. «Уже время престать гоняться за ними, как гоняется мальчик за мотыльком златокрылым, бегая по испещрённому цветами лугу! Время подумать, подумать основательно о существенном, вечном!» (375).

I. «Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши» (Сир. 7, 39)

Святой мученик III столетия Тивуртий о земной жизни судит вот как: «Мнится быти, и несть», а о небесной: «Мнится не быти, и есть». Соглашаясь с этим суждением, Святитель подтверждает: «Точно! Земная жизнь будто и перед глазами, и в руках, а всё ускользает». Будущая: «Точно, когда здесь живём, то представляется, что и всегда здесь останемся жить; будущая жизнь представляется несуществующею. Но нет! Не видать, как наступит, и наступит непременно» (804-805).

Земная жизнь – это школа, в которой готовятся для жизни вечной (605). О своей духовной дочери Святитель писал: «Уповаю на милость Божию, что она выздоровеет. Жизнь ей нужна по той же причине, по которой нужна и мне, – для приготовления к вечности» (780-781).

Нельзя забывать и юному, и старому, что «всякий человек родится с тем, чтоб умереть; и сей общей чаши никто из нас избежать не может» (609). Отсюда вывод, имеется ввиду правильный, один: о кончине «всегда памятствовать и часто размышлять должно. Таковое размышление побудит нас к делам добрым, необходимым для вечного блаженства и отвратит нас тех злых дел, на которые бы мы решились в забывчивости о смерти» (609). «*Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши*» – «ни ропотом на блаженное иго Христово, ни изнеможением в вожделенном и преславном иноческом подвиге» (191). От этого памятования «может совершенно измениться жизнь человека и соделаться Богоугодной» (674). Когда человек часто возвращается к мысли, «что всé земное временно, непременно кончится смертию, – опять что смерть сия придёт неизвестно когда: чрез многие ли годы или завтра, или чрез неделю, тогда рождается в человеке забота о приуготовлении себя к вечности: в числе сих приготовлений есть и молитва» (622). Память о «последнем» «не приближает к смерти, а только приготовляет к ней, располагая к покаянию» (786).

При приближающейся смерти всё земное, все приобретения земные «теряют всякое значение» (729). Ведь все земные «сиятельства» своим чередом уйдут «во мрак могилы забвения: только служение

Богу и покаяние пред Ним будут иметь вечную цену» (786). Если перед лицом смерти ничто земные блага, то, тем более, всевозможные лишения. «У кого пред очами смерть и вечность, – непременный, неизбежный удел каждого человека, – тот посмеивается и скорбям, и сладостям земным» (191). Он знает и помнит, что «над попущением скорбей бодрствует Промысл Божий, который попускает каждому делателю поскорбеть столько и так, чтоб дело Божие было совершено с великим смирением и очищено было от примеси тщеславия и превозношения» (750).

Польза памяти смертной

Память о «последнем» помогает человеку избавиться от смертного греха – уныния. «Враг мой, – говорит (в Лествице) уныние, – есть память смертная» (157).

Полезно и слышание о смерти знакомых – это слышание напоминает нам о нашей временности (805). Святитель отвечает своему духовному чаду: «Благодарю за уведомление о почившем епископе и об отходящем. Такие вести поучительны: и нам предстоит путь туда же. Надо приготовиться. И Господь приготовляет судьбами своими тех, кто по силе сам приготовляется» (791).

Чтобы мы не согрешали, Промысл Божий сокрыл от нас и образ нашей кончины и час её. «Не избрать человеку, какою ему болезнию умереть: умереть тою, какую Бог пошлёт. Святитель Тихон, новоявленный Угодник Божий, заболел от удара параличом. У меня, – свидетельствует святитель Игнатий, – начали делаться припадочки паралличного свойства» (808). «Час призыва в вечность для каждого из нас неизвестен, но непременно будет, и по большей части подкрадывается, яко тать в нощи» (792). «Надо помнить смерть, устрашать себя неизвестностью её часа и грозным истязанием, вслед за нею ожидающим каждого человека» (698-699). Выразив строго свои мысли, Святитель и утешает: «Надо знать, что по уверению святых Отцов внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались

своими немощами, но Правосудный и Милосердный Бог даст им кончину, сообразную их намерениям» (699).

Святитель Игнатий призывает внимательно заняться заботой о своей душе: «Вспомните, что и вам надо выйти дверью гроба из этой жизни, предстать на суд пред Господа, на суд, страшный и для Святых Его, и для тех, которые провели всю жизнь в благоугождении Ему. Там будут судимы не только грехи, но и правды человеков; там многие правды их осудятся правдою Всесовершенною. Это засвидетельствовал Сам Спаситель. "*Аще правда ваша*, – сказал Он, – *не избудет паче правды книжник и фарисей, не внидете в Царство Небесное*"» (347).

II. «Дни мои быстрее гонца...» (Иов. 9, 25) «проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89, 10)

На земле мы гости, а гости долго не задерживаются. «То и дело, что кто-либо отъезжает в дальнейший путь. Очень хорошо сравнивает Георгий Затворник жизнь нашу с пребыванием заключённых в темнице, из которых то тот, то другой требуются к суду и окончательному приговору» (170). Все мы видим, как быстро улетают дни нашей жизни – мы легко можем их исчислить. «Скоро пробежала мимошедшая жизнь! Скоро пробежит для тех, которым суждено ещё повитать на земле, их будущая земная жизнь» (465). «Я отживаю, – свидетельствует святитель Игнатий в 1866 г., за год до своей блаженной кончины, – и утвердительно могу сказать, что всё временное и земное срочно, что срок, на который оно даётся, очень короток» (576). И тут же делает необходимый вывод: «Нужно быть очень осторожным и не допустить временному и срочному обмануть себя». А оно это творит. «И как? Представясь вечным и неотъемлемым» (576). Земная жизнь дана нам не для того, чтобы мы попусту теряли дни, а для того, чтобы приготовиться к вечности (523), «иначе неприметным образом подкрадётся смерть и восхитит на суд Божий неприготовленными» (710).

В данном контексте глубоко назидательны следующие думы Святителя: «Недавно я размышлял о краткости земной жизни чело-

веческой. Внезапно жизнь представилась мне уже так краткою, что остальное время моей земной жизни представилось мне уже прошедшим. Буду ещё жить – и что увижу на земле? Ничего: те же добродетели и те же страсти, которые до сих пор являлись предо мною в разнообразных костюмах и действиях, будут являться и впредь; точно так же добродетель будет тихо пробираться между людьми, не примечаемая, гонимая ими; точно так же порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их. Двухлетняя жизнь и столетняя жизнь одинаково малы, ничтожны пред вечностью. Обыкновенно людям только будущее время представляется продолжительным; прошедшее кажется им так коротким, мгновенным, как бы сон минувшей ночи. Уединение, соединённое с вниманием в себя, соделывает и будущее время коротким. Коротко прошедшее, коротко будущее! Что же земная жизнь? Путь к вечности, которым надо воспользоваться, но на котором не надо заглядываться в стороны. Этот путь надо совершать умом и сердцем, не числом дней и годов. Ум, озаряясь учением истины, может сохранить сердце в мире, кротости, благости, терпении, короче, в свойствах Нового человека. Для этого и пустыня, и безмолвие, и монастыри! Для этого и душеназидательная беседа, и духовный совет! Для этого чтение святых Отцов! Для этого молитвы! Все христиане обязаны так жить, хотя так живут очень редкие. Если не можете вполне так жить, живите так отчасти» (434).

Нельзя забывать о вечности

Когда человек начинает свою земную жизнь, то будущее ему представляется «необозримым поприщем деятельности», а когда, заканчивая её, оглянётся, «то непременно увидит в протекшей деятельности своей много пустоты» (679). «То, что все мы, любезнейший князь, – пишет святой Игнатий князю Николаю Николаевичу Хемшиеву в ответ на полученное известие о кончине его супруги, – кратковременные странники на земле, – есть осязательная истина.

То, что мы обращаем так мало внимания на вечность, забываем её – есть верный признак нашего падения не только в теле, но ещѐ более в уме, в сердце. Глядя в себя, мы в себе увидим, что нам нужно спасение, нужен Спаситель. Познание Спасителя, а чрез то и получение блаженной вечности – есть первое счастие на земли, есть единственное сокровище человека» (614).

Всё земное кратковременно, непрочно, превратно. Вдруг неизвестно откуда может подняться туча и разразиться гром; радость и горе – земные минуты, «яко сон обманчивый, преходят и не возвращаются» (790).

Кто же с отрадой на душе, с миром плывѐт в своей ладье по неспокойному житейскому морю? «Хранящий в душе своей сокровище веры и почерпающий в ней утешение» (640).

Вывод: «Скоро, скоро буду лежать на одре, не для того, чтоб дать преутруждённому телу временное отдохновение, но чтобы сложить его с себя в гробовой ковчег, в недра земли, из неяже взят есмь, до будущего общего воскресения. Помяни мя Господи во Царствии Твоем: ибо душа моя в язвах, а тело запечатлено грехом. По этому состоянию моему всего приличнее для меня было оставить всё, и вне всего предаться неутешному плачу; когда всѐ утрачено, не утратить по крайней мере раскаяния» (220). «Будем приготовляться к Суду, чтоб приговор был для нас благоприятный. Праведные представят свои правды, как жертву тучную пред Престол Судии, а мы, грешные, принесём туда хотя покаяние и слёзы!» (170).

III. Суетность земная

Путь земной жизни труден, исполнен многих забот, нередко – и страданий, скорбей. И если человек, пройдя значительную часть его, оглянётся и посмотрит на него здравым оком, то увидит, что «всё приятное земное, к которому он стремился с жадностью», на что были потрачены и силы, и время – суета, а то и просто пустота (642). Если всмотреться в жизнь, по мысли Святителя, то она опытно докажет «о себе каждому, что она суетна, что все земные приобретения должно оставить на земле, и уйти в вечность с одними делами» (683).

В летах юности человек часто не замечает мирской суетности – он весь занят устройством себя в жизни: изучает разные языки, изящные искусства, науки математические, исторические, философские... Но когда он начинает склоняться к старости, приближаться ко времени, «в которое, – по слову Святителя, – должна отпасть шелуха, остаться покрываемый ею плод (шелухою называю тело, плодом – душу), когда он приготовляется вступить в неизмеримую область вечности, область духа, тогда предметом его исследования делается уже не вещество переменчивое, обречённое концу и разрушению, но дух пребывающий, бесконечный. Что до того: так или иначе звучит слово, когда все звуки должны престать... Что до того: та или другая мелочная мысль, когда ум готовится оставить многомыслие, перейти в превышее мыслей видение и молчание, производимое неограниченным Богом в существах ограниченных, окрестных Его. Изучение духа даёт человеку характер постоянный, соответствующий вечности. Горизонт для него расширяется, взоры его досягают за пределы вещества и времени, оттуда приносят твёрдость неземную» (356).

Можно и в юности, и в старости жизнь растратить без прибыли, как тратится и имение. Но можно и должно употребить её для стяжания вечности. «Спасение – дело простое; только эта простота недешево достаётся» (645). И чтобы оно нам досталось, Святитель призывает: «Не потеряем, по крайней мере, остальной жизни нашей принесением оной в жертву суете; познакомимся с вечностью не по романтическим иностранным книжонкам, ведущим в непременное самообольщение читателей своих, но по руководству Святых писателей нашей Церкви, в которых нет ничего романтического, мечтательного, льстящего и обманывающего ум и сердце» (642).

IV. В вечер жизни...

Вступив в вечер своей земной жизни, Святитель вслух думает о переходе из временного бытия в вечное.

Мы все временны здесь на земле. «Умереть каждому из нас непременно надо» (720). О себе Святитель говорит, что ему осталось «уже недолго странствовать на земле» (это сказано за пять лет до кончины).

И потому, обращаясь к духовному чаду и к себе самому, исповедует самое необходимое: «Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии; это великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу судьбу в вечности» (719). Поскольку «благовременное приготовление» к кончине «есть драгоценный дар Божий», то невидимые враги наши стараются отнять его у нас, и Святитель подымает свой молитвенный взор к Небу: «Милосердный Господь да упразднит их, послав нам правильный взгляд на временную и вечную жизнь, чтоб мы, для снискания блаженства во второй, должным образом употребили первую, которая сама по себе, как быстропреходящая, не имела бы никакого значения, если б не решала нашей вечной участи. Святителя Тихона, когда он оставил епархию и поместился в монастырь, представляя ему, что он может быть полезен среди мира, лукавые помыслы в течение года выманивали из монастыря. Когда Святой понял, что это козни вражеская, покушающаяся, под благовидным предлогом, похитить у него данное Богом время на покаяние, тогда он успокоился и обратил всѐ внимание на то, чтоб воспользоваться даром Божиим» (720). И перед своей кончиной святой Тихон особенно благодарил Бога за этот великий дар. «Точно, – утверждает святитель Игнатий, – при кончине именно скажется вся драгоценность этого дара. Так мы рассуждаем, и так должны молиться» (719).

О себе Святитель пишет: «Постепенно приближаясь к исходу из гостиницы земли, постепенно теряю сочувствие к временной расстановке в ней человеков и стремлюсь соединиться духом воедино со всею о Христе братиею» (111-112). Видя «противоположный берег» земного пути, святой Игнатий радуется, что Господь спас его от многих волн, сильных ветров, подводных камней... «Уверяюсь, что вёл меня странными и трудными стезями непостижимый Промысл Божий; уверяюсь, что Он бдит надо мною и как бы держит меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! Пусть ведѐт меня куда хочет; пусть приводит меня, как хочет, к тихому пристанищу, "*идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание*"» (147). Ведомый Промыслом Божиим, он не смущается тем, что скажут другие – «пусть

говорят, что хотят, а мне крайняя нужда подумать о будущей жизни и скором в неё переселении, обещаемом преждевременною моею старостию и слабостию, произведёнными долговременными болезнями. Мне нет возможности тянуться за людьми и угождать людям, вечным на земле, или по крайней мере считающих себя вечными» (143). Последние – «вечные» – вступают в общение с отверженными духами и будут по смерти к ним же отчислены (573).

Своим словом, духовно сильным, Святитель указует: «Бог не остаётся в долгу у тех, которые с юности посвящают себя Его служению, хотя и попускает им разные скорби во время их земного странствования для их же духовного образования, но вместе с тем и преисполняет их неизреченными, вечными благами. К концу земной жизни, пред вступлением в вечность, служитель мира и впереди и позади себя видит пустоту, а служитель Божий впереди видит благонадёжное пристанище вечного блаженства, а обращая взор на проведённую им земную жизнь, видит поприще служения Богу, поприще, на котором он потрудился не напрасно, но благовременно усвоился Богу» (675-676).

И завершает: «Оканчивая моё земное странствование, обращаюсь с приветом любви ко всему человечеству, желая всем всех истинных благ. С особенною благодарностию обращаюсь к тем немногим, которые оказывали мне особенную любовь» (575).

V. Размышление о тихой вечности

В минуты духовного умиления святитель Игнатий размышляет о тихой вечности, где нет ни болезней, ни печалей, ни воздыханий.

Святитель пишет своим духовным чадам: «Еще надо бы вам пожить, пожить для того, чтоб ближе ознакомиться с вечностию, чтоб пред вступлением в неё стяжать для души вашей красоту Небесную» (473). «В вечность! В вечность! Идём, мчимся путём жизни! Всё, и сладкое и горькое, остаётся за нами. Бывшее – как бы никогда не бывало. Одно вечное не подлежит времени, не подлежит переменам, должно быть признано существенным, достойным всего внимания, всех забот: потому что остаётся навсегда» (191). Там тихий, счастливый,

неутекающий, неумаляющийся один день. «Там неизменяющаяся радость, там неумолкающий праздник, там пир, уготованный от века и на веки Царём царей – Богом... Земля – страна плача; небо – страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, посеваемых на земле. Эти семена: молитва и слёзы» (372-373). В вечность утекло всё предшествовавшее. В ней скрылись миллионы людей. Пред её взорами многие цветущие царства превратились в пустыни, а пустыни соделались цветущими... На всё это смотрела и смотрит вечность. «А на вечность смотрит, засматривается в безмолвии, в тишине своего уединения, отшельник. Наставленный этим зрелищем, он признаёт, называет всё временное, как учит называть его Святое Писание, суетою; он убеждается, что назначение человека – не для земли, а для Неба. И Небо открыло нам, в Евангелии, каковы должны быть небожители. С этим законом Бога Вышнего справляется ежечасно Его истинный служитель; справляется, не уклонились ли ум и сердце куда в сторону, не исполняют ли какую другую волю, волю мрачную, волю злобную, волю тленную... При такой жизни Небо нисходит на землю, а вместе с ним нисходит в эту юдоль тьмы, скорбей и плача – утешение, блаженство Небесные» (365-366).

Голос Вечности вещает нашей бренности и зовёт к заблаговременному приготовлению. А как странники земли слушают его? Немногие – с радостной надеждой, для большинства – он грозен (624). «Увы, – мало внимают Тебе в шумной земной гостинице! То младенчество наше препятствует внимать Тебе; то заботы, развлечения житейские препятствуют внимать Тебе. А ты – не умолкаешь: говоришь-говоришь, – и, наконец, чрез посланника своего – смерть, требуешь и внимательного, и невнимательного слушателя к отчёту в внимании святым словам вечности, святым словам Бога» (618).

И Святитель взывает:

- «Отторгнем от земли мысль нашу, прилепившуюся к земле, подумаем, поверим, что есть вечность, перед которой наше земное странствование кратче, нежели минута, сравненная с столетием! Рассудим, что здешняя жизнь нам дана единственно, как приготовление к вечности! Познаем, что род человеческий находится

в состоянии падения из того самого, что мы не хотим и думать о вечности. Живём на земле, как бы вечные на ней. Обратим взоры ко Христу, Спасителю нашему! Что представится тогда нашим мысленным взорам? Необыкновенная благость Божия» (590).

- «Стяжите вечность блаженную вниманием, послушанием всесвятым словам и заповеданиям Всесвятого Бога» (619).
- Читайте «Слово о смерти» (688).

Но должно помнить, и это весьма важно, при размышлении о том, что нас ждёт после кончины, нельзя терять надежду на тихую вечность и впадать в уныние. «Воспоминание о смерти, о суде Божием, о вечных муках – хорошо, но когда при этом приходит безнадежие, уныние, отчаяние, то надо знать, что тут есть и примесь бесовская, которая прогоняется верою. Священное Писание называет Бога верным, а человека – ложью. Бог верен и никак не лишит спасения того человека, который желает спастись; также не пошлёт преждевременной и безвременной смерти такому человеку, но даст ему все время на приготовление» (524).

***

Земная жизнь – путешествие, не прекращающееся ни на одну минуту. Бывает, что человек во время своего странствования заглядится на что-либо, и ему покажется, что «шествие его к вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идём и идём, – не останавливаемся ни на минуту» (347). И внезапно перед нашим взором откроются «врата вечности». Увидев за ними невообразимое пространство, мы можем растеряться (343). Чтобы нам не оказаться в растерянности, надо заранее посмотреть на себя: правильно ли, благополучно ли совершаем мы земное странствование? (347). Приближаемся ли мы к вратам тихой вечности в мире, спокойствии, «с благословенной надеждой в сердце» или с безумным мирским весельем (345). «Страннику земному на трудном пути его, чтоб он не заблудился, воспевается духовная песнь. Содержание её: „Воля Божия, святейшие заповеди и веления Божии“» (348). В прежнее

время в лесистых местах России, когда кто заблудится, звонили во всех соседних сёлах и по звону колокола выходили из леса. «А что? Обширный, многолюдный город имеет в некотором отношении сходство с обширным лесом: в нём, как в лесу, можно заблудиться» (348). И Святитель свой голос сопоставляет со звоном: пусть он будет «подобен благодетельному звону колокола церковного... да услышит его душа ваша!» (348).

Святитель замечает, что дни земного бытия стали как бы короче, и мы стали быстрее приближаться к вечности: «Мне представляется, что время сделалось торопливее! Спешит, спешит!.. Остановись! Дай нам вглядеться в себя, и подробнее узнать волю Божию, приготовить себя к вечности, как к вечности! Не внимает неумолимое! Не удостаивает умоляющих его – ниже взгляда! Летит!.. Человеки! Вам заповедал Бог: *Бдите!*» (370). «Быстро, быстро промчится время и наступит и для вас час переселения в вечность» (578). И потому неотложно «употребите земные дни ваши на приготовление к ней (578. Ср.: 615). «Совершим наше земное странствование, неся светильник веры правой, веры живой. Этот светильник введёт нас в вечное Царство Божие, пред входом куда снимается одинаково и рубище и пышный наряд. И самый пышный наряд в сравнении со светлою одеждою духовною – не что иное, как презренное рубище» (346). «Все мы – кратковременные странники на земле! Всем нам предлежит отшествие отсюда! И неизвестен час, в который востребует нас Бог из нашей гостиницы. Употребим земную жизнь на приготовление себя к вечности; приготовим себе блаженную вечность. Вечная судьба наша в наших руках, потому что Бог воздает каждому по делам его» (373).

VIII. ОПАСНОСТИ НА ПУТИ СПАСЕНИЯ

> «Вы нисколько не ошибётесь... если всю жизнь уподобите продолжительной войне. Каждому из нас предназначено взять у иноплеменников свой Иерусалим и свой Царьград. Слава на Небе ожидает победителя и завоевателя, – бесчестие вечное ожидает решительно побеждённого, допустившего себе падение, из которого нет восстания. Не желайте, прежде решительной победы, ни мира, ни отдыха. Сражайтесь!»
>
> *(563)*

Много путей ведёт в Царствие Божие, но немало на этих путях встречается и опасностей, могущих увести путника с прямой дороги. И что же? При встрече с опасностью не надо падать духом или страшиться её, а смело идти вперёд и, с Божией помощью, преодолевать препятствие. По мере побед духовные враги будут отступать, а дорога становиться чище, светлее...

I. Соблазны

Самой распространённой опасностью, с которой встречаются почти все люди в подвиге духовной жизни – это соблазны.

Сам Господь наш Иисус Христос сказал: *"Горе миру от соблазнов" (Мф. 18, 7). "Надобно придти соблазнам" (Мф. 18, 7). Надобно,* ибо соблазны есть следствие злоупотребления свободой воли (112). И действительно, мир наполнен греховными соблазнами. И более того: соблазны множатся, возрастают, «делают спасение более и более затруднительным» (462). Вспоминая свою юность и юность духовного чада, к которому обращается, Святитель пишет: «В молодость мою и Вашу было много соблазнов для юности, а ныне соблазны до бесконечности умножились, увлечение ими сделалось почти всеобще, а сопротивления им почти не видно; по этой причине современная юность меньше подвержена осуждению, и заслуживает большее сожаление и снисхождение. Весь мир как бы единодушно

устремился на встречу какого-то особенного лица... Это очевидно. Лицо так будет замаскировано, что масса признает его Мессиею: что же дивного, если пророки его явились в образах пророков Мессии. Предуготовляется путь, путь мысленный для входа действу льсти *(см. 2 Сол. 2, 11)* в умы и сердца» (105).

При всех обстоятельствах не должно терять надежды на милость Божию и изнемогать. «Старайтесь, – советует Святитель, – не быть побеждёнными на самом деле и обучиться со временем к победе» (563).

II. Опасности в духовном подвиге инока

Инок – это особый служитель Божий, ставший на путь спасающихся. А там, где обретается спасение, собираются и силы зла, чтобы разрушить его. Потому от инока требуется постоянная бдительность (хотя в скобках, но надо отметить: не только от инока). «Точно! – восклицает Святитель. – Нужны нам большая осторожность, большая осмотрительность, более благоразумия: примеры святости, средства к достижению святости уменьшились, – примеры соблазнительные, средства расстроить себя грехом умножились. Беда и в пустынях, беда и в городах! Но есть ещё спасающиеся и спастись ещё возможно по неизреченной милости Божией» (333).

Поставленный «в страну духа» обязан «удвоить бдительность над собой» и во всех деяниях быть предельно осторожным. Хотя обновляющийся Духом Божиим чувствует «в себе обновление живой веры», разумение Священного Писания, облегчение в несении крестного подвига и некую «сладость» в страданиях, но всё это «совершающееся с тобою, – пишет Святитель, – есть действие только отчасти духовное, а не вполне. Возьми свои предосторожности» (229). Может то или иное деяние показаться благим, духовным, а таким вовсе и не быть, а происходить «от крови», от нашего падшего естества. Познаётся такое деяние по тому, «что порывисто, горячо, нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир... Всякое разгоряченное чувство – кровяное! Не сочти его усердием, ревностию по благочестию, любовию к Богу и ближним. Нет – это движение души, произведённое в ней нервами, кровию.

А кровь приводится в движение душевными страстями, которые – орудия и цепи миродержца, его скипетр, – держава» (229-230).

При совершении молитвы, келейного правила может прийти на инока «страхование». Сего не надо бояться и даже дивиться сему, ибо злой дух, который и пытается смутить подвижника, ничего не может сделать без воли Божией – он «весь во власти Божией и только то может сделать – и делает, что Бог ему попущает для нашей пользы» (207). И Святитель рассказывает один поучительный случай. Одна девица шла по уединённой дороге. И когда она переходила мост, из-под моста выскочил разбойник и закричал: «Убью!» Девица оградила себя крестным знамением и сказала: «Если есть на то воля Божия – убивай». Страшилище тут же исчезло. «Это пишу вам, – заключает Святитель, – дабы вы мужались и страхом Божиим побеждали страх бесовский. У нас, с кем случится страхование, тот приходит и сказывает, и страхование уничтожается благодатию Божиею» (207). Страхование овладевает только теми, кто поддаётся ему, «таковой будет пугаться всяких пустяков. Прочитайте в святой Лествице статью о страховании. Никаких заклинательных молитв не нужно: они прочитаны над каждым при святом Крещении. Нужно предаться воле Божией, и признать себя достойным всякого человеческого и бесовского наведения, тогда страхование пройдёт само собою. Оно ни от чего так не истребляется, как от глубокого сердечного сокрушения» (216-217).

И ещё делает Святитель одно, также важное, предупреждение начинающему подвижнику – не брать на себя не свой крест: «„Все, что превыше меры, – от бесов“. Познаётся же приносимое бесами по смущению – этому непременному и неизбежному плоду их действия. В умном делании, в самом покаянии, должно избегать чрезмерности. Надо делать в великой тихости. Правильность такого делания свидетельствуется миром, приносимым душе» (773).

Итак, «храни себя в глубоком мире, и отвергай всё, нарушающее мир, как неправильное, хотя бы оно имело наружность правильную и праведную» (230).

III. Явления истинные и ложные

Подвижнику молитвы могут быть разные явления. К ним надо относиться осторожно – с духовной рассудительностью, ибо они могут быть истинные – от Бога и ложные – от искусителя. Святые Отцы учат, «с одной стороны, не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой – никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа, старающегося обольстить и обмануть подвижника, с целью повредить или погубить его. По миновании явления, иногда через значительное время, является в сердечном чувстве объяснение, которое должно дать явлению. Вообще замечено святыми Отцами, что тех, которых Бог посетил истинным явлением, сатана начинает искушать явлениями ложными. На это тебе нужно обратить особенное внимание для предосторожности» (547).

Надо быть осторожным и при предсмертных явлениях. Следует помнить, что «если бы Богу было угодно показать что-нибудь с ясностью, то оно и было бы так показано. Все человеки, без исключения, вступают смертью в мир духов. Иным этот мир открывается раньше, другим позже» (717). Иногда чудо явления посылается даже неверующим людям, и они продолжают оставаться в своём ожесточении. Пути Божии неисповедимы (717).

Для правильного, безошибочного восприятия явления следует признавать себя недостойным видения святого (547).

IV. «Не ищите наслаждения в восторгах»

Прочность духовного пути проверяется и утверждается душевным миром и спокойствием в сердце, а не восторженно-возбуждённым состоянием. «Не ищите наслаждения в восторгах мечтательности, которые возбуждаются иностранными писателями. Отрекитесь от них» (516). «Нашедший Божию Премудрость нуждается ли в премудрости человеческой? Не уничижите Премудрость Божию за то, что наружность её так проста и смиренна. Оставьте, повторяю вам, все иностранные молитвы и чтения, которые вам так нравились, казались так прекрасными... Когда сердце ваше очистится вкушением

истинно Святого и Духовного, тогда оно получит отвращение к поддельно-духовному, тогда возрадуетесь и возблагодарите Бога, что уклонил вас от челюстей лжи и прелести, которых не могут понять обманутые и омрачённые ими. Вспомните слова Христовы: "*Узки врата и тесен путь, ведущие в жизнь и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные*"» (516).

Мудро! Просто!

V. Прелесть

Первые вопросы, которые встают при слове «прелесть», как только мы его произносим, такие: что это за состояние? Как его определить? Как прелесть приходит? Какие причины появления её?

Определяя прелесть, Святитель говорит: «Мнение – прелесть» (322). «Мнение есть самообольщение или прелесть» (286). В Священном Писании она называется "*лжеименным разумом*" ***(1 Тим. 6, 20)***... Падший человек, с повышенным чувством своего достоинства, талантов, выделенности из общей среды – короче, заражённый болезненным самомнением (впрочем, самомнение никогда здоровым не бывает), начинает думать, что он заслуживает – и даже уже заслужил – особой награды Божией. В результате он впадает в самообольщение, попадает под действие силы злой – происходит замена действий благодати Божией действиями бесовщины: обольщённый может пребывать в некоем удовольствии, восторженности, слышать голоса якобы святых, разговаривать с ними и даже их видеть, якобы непогрешимо вещать, открывать «истину», считать себя идущим по исключительному – избранному пути. Вот что о таком говорит святитель Игнатий: «Путём особенным, по особенному избранию и призванию Божию, может идти угодник Божий, что случается очень редко. Наиболее путём особенным идут или находящиеся в самообольщении, или направившиеся к самообольщению. Нам должно держаться вдали и в осторожности от всех, идущих путём особенным, загадочным» (774). «Гласы» и «явления», бывающие обольщённому, Святитель считает бесовскою прелестью (230). «Многие, – говорит он, –

из святых и искусных Отцов, были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму признаками истины и света: тем удобнее могут быть обмануты ныне и непонятнее» (230).

«Видения», «явления» могут быть и от чрезмерных подвигов. И хотя в основе лежит здесь добро, тем не менее, они могут быть ложными, ибо чрезмерность Законом Божиим не утверждается – правильно подвизается тот, кто несёт свой крест, а не чужой. «Этих видений, – учит Святитель, – достигают не только люди подвижнической жизни, но и многие порочные, пришедшие каким-нибудь образом в изможднение плоти. Телесные чувства их достигают какой-то особенной тонкости, – и они начинают видеть духов, слышать гласы, обонявать благоухания и зловония. Это состояние опасно, и многие пришедши в него, впали в прелесть» (231).

Лекарство от прелести

Иное состояние – зрение своих грехов, своего недостоинства. «Некоторое утешение, вами ощущаемое, – пишет своему духовному чаду Святитель, – не есть прелесть, но обыкновенное следствие пути вашего или, правильнее сказать, пути Божия. Начало просвещения души есть зрение грехов своих и своей ничтожности. Поскольку же это есть плод благодати, данной нам при крещении, то оно сопровождается сладостию, утешением, слезами, в которых печаль смешана с радостию, слезами, совершенно другими, нежели каковы слёзы людей века сего. *"Вкусите и видите, яко благ Господь"*. Вкушение это отверзает очи и рождает веру живую, ясновидящую, совсем противную той, которую называют слепцы истинною, которая поистине слепа и мертва, – существует только на краю языка» (583-584).

Впрочем, все эти определения не дают исчерпывающего понятия о прелести. И сам Святитель чистосердечно признаётся (это великое достоинство): «Я познавал обман по совершении обмана; познавал прелесть, будучи обольщен и повреждён ею. Теперь боюсь предпринять что-либо особенное самовольно, хотя бы и почитал это душеполезным» (220).

Каковы причины падения в прелесть? Как она приходит? «Причина прелести – не молитвословие, не псалмы, не каноны и акафисты, не молитва Иисусова, – нет! Сохрани Боже всякого от такового богохульства! Гордость и ложь, которых виновник – диавол. Он... дерзостно и богохульно оклеветал Иисусову молитву... Ныне многие хлопочут, остерегаются и других остерегают от молитвы Иисусовой, утверждая, что должно от неё удаляться, как от причиняющей прелесть, а о диаволе, настоящем виновнике прелести, ни слова, – совсем забыли» (250). Отвечая некоему брату, начавшему при чтении Священного Писания воображать, какое впечатление производили на святого Иоанна Богослова и Жён-Мироносиц звуки ударов в гвозди при распятии Христа Спасителя, святитель Игнатий пишет: «Пойми: потрясены были нервы. Таковые действия отвергаются в духовном подвиге, называются "прелестными", т.е. происходящими от самообольщения и приводящими к нему: потому что они не от благодати Божией, а собственное состояние человеческое, свойственное естеству нашему падшему, до которого дойдено напряжением воображения и чувствительности. Неопытные в духовной жизни приписывают такие состояния свои действию благодати; от сего является мнение о себе» (286).

Прелесть является там, где нет самоотвержения, где действуют лишь по влечению чувств, движению крови, осуществляют своё «я», восхищаются собой и своими делами. «Таковой, думая – преуспевает духовно, преуспевает лишь в лютом падении. Тёмная прелесть овладевает его душею; чуждый духовного жительства и разума, он погружается глубже и глубже в лжеименный разум и тёмную прелесть. Прелесть – справедливая награда того, кто возлюбил и почитал падшее своё «я», не восхотел благочестно умертвить себя, не восхотел состояния, о котором говорит святой Апостол: "*Не ктому живу аз, но живет во мне Христос...*"» (182-183).

Сопутствует прелести ложь. В этом случае прелесть выступает в бесчисленных разнообразных видах, «по степени, по роду принятых человеком ложных мыслей и ощущений за истинные» (456). И сие потому, что отец лжи – злой дух. «Ложь – диавольское свойство.

Усвоивший себе мысли ложные усвоил себе свойства диавола, вступил в сродство с отверженными ангелами, сделал для себя соединение с Богом несродным, неестественным. Чуждый Бога – чужд спасения и жизни духовной» (456).

Впадает в прелесть – «бесовское обольщение» – тот, кто «сам сочиняет себе наслаждение» (264). Подобное довольно широко распространено среди западных христиан. «Оживить чувства, кровь и воображение старались западные, – свидетельствует святитель Игнатий. – В этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения. Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине – Христу» (322). Особенно тлетворно действует чтение книги западного монаха Фомы Кемпийского «Подражание Христу»; оно навевает на сердце «страшную тишину» – «бедственное гибельное наслаждение» (358). Само же «обольстительное наслаждение питается самомнением, которое рождается от тонко действующего тщеславия, ослепляющего ум и сердце; оно любит высказать себя, оно позволяет себе отклоняться от точного повиновения святой Церкви» (358).

Как сохранить душу от прелести

Дальнейшие вопросы, не менее важные, это: как отличить состояние прелести от истинных духовных видений и ощущений? Как, наконец, предохранить себя от впадения в прелесть и избавиться от неё?

Всякий православный христианин идущий по пути в Царствие Божие, обязан «приучить ум и сердце к отличению добра от зла» (230). Иначе путь его приведёт в тупик или уведёт в «страну далече» и то и другое опасно для спасения: из тупика трудно выйти, а из «далека» – вернуться. Но как не заблудиться в земных лабиринтах, как не запутаться в сетях зла? Стяжанием «духовного чувства», что достигается долговременным подвигом – «временем и опытом» (230). «Истинные духовные видения и ощущения принадлежат тому

веку, вполне невещественны, не могут быть объяснены в стране чувств, словом вещественным; таков верный признак истинно Духовного. Глас Духа – невещественен, он вполне явствен и вполне невещественен, он – умственный глас. Также все Духовные ощущения – невещественны, безвидны, не могут быть истолкованы, ясно переданы человеческим вещественным словом, и вместе с тем, они ощутительны, сильны, одолевают все другие ощущения, соделывают их бездейственными, как бы не существующими, а кто имеет Духовное чувство, тому это чувство объясняет то, что необъяснимо словом вещественным» (231).

Хотя ум человеческий и играет некую роль в различении прелести и истинного духовного мира, но безошибочный суд, по своей немощности, не может вынести. «Различать добро от зла принадлежит сердцу, – его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного» (359). Святая истина познаётся сердцем, извещается ему «тишиной, спокойствием, ясностью, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадёжию на себя, к утешительной надежде на Бога. Ложь, хотя бы и облеклась в личину добра, познаётся по производимому ею смущению, мраку, неопределительности, переменчивости, развлечению, мечтательности; или же она только обольщает сердце, – льстиво приносит ему довольство… какое-то неясное, мутное наслаждение. И это наслаждение обольщённого сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого, тёмного омута, – жилища чудовищ» (358).

Чтобы предохранить себя от впадения в прелесть и избавиться от нее, «святые Отцы заповедали, чтоб новоначальные не вверялись никаким гласам и явлениям, – но отвергали их и не принимали их, предоставляя дело суду и воле Божией, а для себя, признавая смирение более нужным всякого гласа и явления. Глас Христов – Евангелие» (230). И сами святые Отцы, исполненные смиренномудрия и духовного рассуждения, когда вдруг замечали в себе какое-либо духовное дарование, «молили Бога, чтоб Он отнял от них это

дарование, бывшее им не под силу» (232). Ибо злой дух способен «подменить Истину чем-либо своим, придав этому своему личину Истины, – и неисцельно повредить душу» (232). Безопаснее и спасительно видеть «глубину падения и высокое таинство Искупления, погружаться при посредстве Духовного, невещественного действия в бездну смирения, в море благоговения и удивления Богу» (232). «Ощутивший грехи свои, – учит преподобный Исаак Сирин, – лучше воскрешающего мёртвых молитвою своею... Воздыхающий в душе своей лучше пользующего весь мир видением своим. Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов; потому что у второго отверзлись чувственные очи, а у первого – душевные» (232). Грех, прелесть не терпят смертоносного для них, «убийственного благоухания, которое издают из себя покаяние и его плод – смирение» (358). Если Бог дал дарование за добрые дела, то, по слову преподобного Исаака Сирина, надо просить Его, чтобы Он дал и «разум, как смириться, или чтоб поставил стража при даровании, или чтоб взял дарование, чтоб оно не было причиною погибели, потому что не все могут безвредно обладать этим богатством» (232).

Не принимать отца лжи

Действенным средством к избавлению от прелести служит самоотвержение, «отречение от своих мнений, от своей воли, от стяжательности, от кровяных движений, от чувств – словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обнявшей всего человека, все части его, всё существо его» (323. См. и: 322).

Для избежания прелести следует также «держать себя в состоянии ревности, тишины, спокойствия», удаляться от всего того, что производит разгорячение «крови и нерв» (286).

Если же кто утвердится в прелести, приняв «отца лжи» за светлого Ангела и под действием его притворного услаждения ощутит проявление якобы благодати Божией, такого может спасти от гибели только Сам Господь, только милость Божия – «человеками таковой неизлечим. И подлинно, согласится ли принять духовный совет от

ближнего тот, кто думает (если и не говорит сего), что благодать его наставница? Натурально ли, чтоб сознался в невежестве, в прелести тот, кто думает, что он все видит ясно и здраво и в душе своей ощущает горнее утешение?» (476).

Зная опасность прелести и показав пути ухода от неё, Святитель взывает: «Будем сохранять себя от мыслей ложных и истекающих от них сердечных ощущений» (456). «Стяжем истинное познание о Боге, чуждое заблуждений и умствований; оно сияет из Священного Писания и писаний святых Отцов, как свет из солнца, ярко блестящего в час полуденный с лазуревого безоблачного неба» (456).

VI. Ложное направление подвижников Западной Церкви

Подвиги аскетов Западной Церкви, по мнению святителя Игнатия, приближаются своим характером к состоянию прелести, и потому не столько учат тому, каким должен быть воин Христов, сколько тому, каким он не должен быть.

Примечательно, что ложность направления подвижников Западной Церкви показывается Святителем в сопоставлении – в сравнении с подлинно духовным учением Восточных святых Отцов об очищении себя от всякой греховной скверны и стяжании Духа Божия. Таким методом Святитель достигает одновременно и выразительности, и убедительности, и действенности – одним следовать, а от других уклоняться.

1. Западные подвижники, разгорячённые мечтательностью, «влекутся и влекут читателей своих к высотам недоступным для новоначального, заносятся и заносят... Эта мечтательность признана ими благодатию» (423).

   Восточные святые Отцы приводят христианина «к рассматриванию греха своего... к плачу о себе пред милосердием Создателя». Сначала они учат обуздывать нечистые стремления тела, а потом выправляют образ мыслей, изменяют навыки сердца. «Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко сбрасывает старую, легко усвояет себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование

другим чувствованием, чувствованием противоположным, это – труд, это усильная продолжительная работа» (423-424).

2. Тщеславие западных «стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек ещё неспособен по нечистоте своей, за недостижением истины – сочиняет себе мечты» (424), вслед за которыми идут «ложные утешения, наслаждения и упоения» – состояние самообольщения. В этом состоянии писалось на Западе множество книг (424).

   «В святых Отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождением крови, часто на Западе искал пролития крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святого Духа, мертвящее страсти» (424).

3. Сочинения западных писателей, написанные в самообольщении и исполненные «смертоносного яду», переводятся на русский язык и распространяются (425).

   «Сочинения святых Отцов забыты!» (425).

   Вывод:

«Тщетны покушения тех, которые, вопреки учению Апостола, вопреки учению Церкви покушаются войти в премудрость Духа премудростию мира. И *"запинаются премудрые в коварстве их" **(1 Кор. 3, 19)***, преткнулись; пали падением страшным. Они захотели "духовное" объяснить темным душевным разумом, – и это "духовное" в писаниях святых Отцов показалось им странным, противоречащим Священному Писанию. (...) *"Душевен же человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть и не может разумети, зане духовне востязуется" **(1 Кор. 2, 14)***. Последние слова в русском переводе Нового Завета читаются так: *потому что о сем* (о духовном) *надо судить духовно*» (425).

VII. «Не ошибитесь»

Раскрыв перед своими духовными чадами опасности на пути спасения, святой Игнатий взывает:

«Не ошибитесь! Человеческого разгорячения не сочтите действием Божественного огня. Многие ошиблись и впали в пагубное самообольщение. Из состояния разгорячённого возникли бесчисленные заблуждения и наполнили лжеучениями землю. За этими мрачными облаками скрывается от мира Солнце Правды. "*От плод их познаете их*", – сказал Спаситель о лжеучении и лжеучителях. Где разгорячение, – там нет истины, оттуда не может произойти ничего доброго, ничего полезного: тут кипит кровь, тут дымится и строит воздушные замки лжеименный разум. Кротость и смирение, которых действие сопровождается каким-то тонким хладом, но потом является в бесчисленных благих плодах, – свидетели неподдельного, истинного, божественного добра» (420-421).

Самое надёжное средство для ограждения себя от уклонения с истинного – спасительного пути – это послушание «Восточной Церкви, единой святой, единой истинной» (359). В сем повиновении – блаженная свобода. От него «рождается истинное смирение, от смирения – истинное духовное рассуждение или разум» (*преподобный Иоанн Лествичник*). Если нет «неуклонного послушания Церкви – нет ни истинного смирения, ни истинного разума» (359).

IX. ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО

> «Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только пред духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им»
>
> *(441)*

Предшествующий VIII раздел закончился указанием на самое надёжное средство в шествии на пути к Вратам Вечности. Это – послушание Святой Церкви. Но как понимать сие? А вот как:

должно следовать тому, чему учат Священное Писание, основанные на Священном Писании правила святых Апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов, святоотеческие творения... Носителями же сего учения, его хранителями и выразителями являются добрые, истинные, верные служители Святой Церкви. И Святитель рисует образ носителя и выразителя Истины – духовного руководителя.

Духовник – это не какой-то «умник», прославляемый и выставляемый миром за святого, а служитель Истины, знающий дело (539), «живой Сосуд Святого Духа» (733). «В духовнике, по моему мнению, – пишет святитель Игнатий, – великое достоинство – простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований. Есть строгие, есть умные, но строгие и умные по-своему, никуда не годятся для душевного назидания. И строгий, и умный, и милостивый, и снисходительный, и простосердечный, но верный сын Церкви, могут быть одинаково полезны» (686-687).

Найти истинного духовника нелегко. «Какие времена! – восклицает Святитель. – Не к кому обратиться с доверенностью» (733). «Наставников нет!» (766. См. и: 305-306). О себе святитель Игнатий говорит с горечью: «Я в юности моей не нашел старца, который бы удовлетворил меня» (116). Но тут же и оговаривает, утешая и себя, и других: «...это можно ещё приписать и тому, что я не искал, как должно, не умел искать, не имел достаточных средств на то. Удовлетворительнейшее лицо, с которым пришлось встретиться, был монах Никандр, просфирник Бабаевского монастыря, муж благодатный. С ним беседовал я в 1847 году. Он достиг высшего преуспеяния в умной молитве, проходил этот подвиг очень просто, естественно, не был в славе у человеков» (116). «Лучшие, сколько известно, наставники Оптинские» (766).

Дальнейшее изложение наставлений Святителя, думаю, покажет более ясно истинного духовного руководителя и образ его отношения с верующими, что должно помочь последним обрести первого.

I. Истинный духовный руководитель

Первым – важнейшим и отличительным признаком истинного духовного руководителя служит его неуклонное следование во всём указаниям святых Отцов Восточной Церкви. Их наставлениями он «свидетельствует и запечатлевает своё учение» (438). «При управлении братством, – утверждает Святитель, – в духовно-нравственном отношении, всего полезнее руководствоваться второю половиною книги Великого Варсонофия, начиная с ответов авве Дорофею» (104). Если же кто начинает и продолжает «руководить ближних из начал премудрости земной и из начал падшего разума, как бы он ни был блестящ, тот самый находится в самообольщении и последователей своих приводит к самообольщению» (438).

В принятии своих решений истинный духовник проявляет степенность и осторожность. «Я, – говорит о себе святитель Игнатий, – несколько наученный 23-летним настоятельством моим, не спешу увлекаться направлением братии... Надо время и время, а потому в человека надо вглядываться и вглядываться, а потом уже составлять о нём решительное мнение. Особливо в наш век, при усилении соблазнов, надо очень поддерживать людей» (102-103). Достойный руководитель не возлагает «тяжкие бремена на рамена ближних», а учит и помогает носить их (334). Советы он даёт «со страхом Божиим, с крайнею осторожностию и умеренностию. Не доложить бремя на ближнего – не беда; переложить – и ближний удобно может повредиться неисцельно, на всю жизнь сделаться ни к чему не способным» (377). «Приходящих к вам за советами, – обращается Святитель к духовному руководителю, – принимайте со страхом Божиим и, при каждом приходе их, моля Бога, чтоб Он давал вам сказать ближнему слово полезное. Обращаясь с молитвою к Богу пред каждою беседою с ближним, вы будете очищать ваши беседы от тщеславия. Говорите с осторожностью, не вдаваясь в многословие. Пустых, любопытных вопросов приходящим не делайте, и от разговора о делах монастыря и о всех делах мира сего старайтесь уклониться. Если же увлечётесь и скажете что-либо не по совести, т.е. с нарушением написанных здесь правил, то мысленно укорите себя и раскайтесь пред Богом» (336).

В правильном руководстве не бывает замены Бога личностью духовника для прибегшей к нему души. «Последуй, – указует Святитель, – примеру святого Предтечи: единственно ищи того, чтоб возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится, – ты умалишься: увидев себя умалившимся по причине возраставшего Христа, исполнись радости. От такого поведения чудный мир будет навеваться на сердце твоё: в себе увидишь исполнение слов Христовых: "Смиряяй себе, вознесется"» (449). Подобного наставника спасает Сам Господь, а «им живут и дышат братия и посетители!» (100).

А как отличить добрый – спасительный совет от худого? И на этот вопрос есть богомудрый ответ святого Игнатия: «Руководствуйтесь вашей совестью… Рассмотрите, какое ощущение будет в душе вашей. Если прольётся в неё мир и спокойствие, то знайте, что сказанное вам, сказано о Господе; совесть ваша будет свидетельствовать, что сказанное о Господе должно исполнить, хотя бы исполнение сопряжено было со скорбью» (169).

Святитель призывает «найти хорошего, добросовестного духовника» (334), а найдя, избрав себе старца, стараться иметь с ним личные встречи, беседы (305) и непритворно повиноваться ему (87-88).

Счастлив тот, кто может сказать: «Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моём поведении» (54).

II. Ученик исповедует – наставник «измеряет»

Святитель Игнатий устанавливает чёткое, ясное правило взаимоотношений ученика и наставника: «Ученик для чистоты своей совести должен с точностию и подробностию исповедывать свои помышления, но наставник не должен руководствоваться этою исповедью в суждении о душевном состоянии ученика; он должен духовным ощущением проникать, измерять его и поведать ему незримое им состояние души его. Так действовали святые наставники... Феодору Освящённому говорили ученики: „Отец! Обличи меня", – и он, движимый Святым Духом, являл каждому сокровенные в нём душевные недуги» (441-442).

У отдельных старцев могут быть некоторые особенности в их духовном руководстве. Если эти особенности не противоречат святоотеческим установлениям, то они не должны смущать учеников. «Состоящие под руководством старца не должны выходить из его системы наставления. Этого и я требую от тех, которые руководствуются моими советами, особливо в отношении чтения книг, даже отеческих» (769).

(О книгах отеческих, хотя и в скобках, следует заметить: в их чтении требуется некая последовательность – младенцам предлагается молоко, а взрослым – твёрдая пища).

III. Открытие старцу помыслов

«Твой путь, – пишет некоей инокине Святитель, – всё открывать старице» (241). Должно понуждать «себя к простоте и откровенности пред старицей» (или старцем) (242). «Понуждай себя и паки понуждай; за твоё постоянное понуждение к откровенности Господь даст тебе в своё время силу открываться с лёгкостью. А твоё спасение – единственно от твоей откровенности пред старицею. Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребудешь плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет благодать Божия. Не принимай никакого вражеского осуждения, или смышления, или подозрения на твою старицу. Не ищи её любви, но ищи своего спасения... При решительном откровении согрешений делами, словами и помышлениями, можно в один год преуспеть более, нежели при посредстве других подвигов, самых многотрудных, в течение десяти лет. Оттого враг и борется так сильно против этого спасительного делания» (242). Пред другими же не подобает открывать свои внутренние брани, ибо подобное открытие может принести вред и им и самому пребывающему в борении – не всем «полезно слушать о твоих бранях» (242).

Если кто не исповедует «своих помышлений старцу», а действует по «самоволию и самосмышлению», тот в искушении падает, попадает под влияние духа зла, «показывающего ему в старце такие недостатки, коих в нём вовсе нет» (243).

- «Хранись от подозрений на старицу» (или старца), – взывает Святитель (245).
- «Побеждай ложный срам на земли, и не постыдишься на небеси» (241).
- «Мужайся. Благословение Божие да будет над тобою, и благодать Божия да осенит тебя» (242). (См. и: II. 1).

IV. Берегись слепого вождя...

Найти и узнать истинного духовного руководителя необходимо уже потому, чтобы не попасть под влияние слепого вождя, с которым легко упасть в яму ***(Мф. 15, 14)***. Но не следует спешить выносить свой суд и последнему, чтобы в поспешности не допустить ошибки. «Видеть, – говорит Святитель, – настоящее положение духовных руководителей необходимо, чтоб охраниться от обмана; вместе должно очень остеречься от осуждения их, непрестанно обращаясь ко вниманию себе» (547).

«Недостаточный наставник» опасен и для обучения новоначальных «благим нравам» и ещё более опасен для желающего совершать умную молитву, ведущую «христианина к сокровенному, вместе существенному и вполне ощутительному соединению с Богом» (87).

Куда же обратить свой взор ведомому? На слово Божие. «Нам даны в руководство Священное и Святое Писание: это прямо говорят святые Отцы позднейших времён. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются Писаниями Отцов» (442-443).

V. При отсутствии руководителя – читай творения святых Отцов

По причине появления множества лжеучителей и по недостатку истинных наставников следует «обращаться к чтению отеческих писаний, удаляться от чтения книг, написанных вне недра Православной Церкви» (439). «Советуйся, – рекомендует Святитель своему духовному чаду, – с книгами Святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних – Златоуста» (687).

Оскудение числа правильных руководителей приводит к тому, что почти единственным надёжным руководством ко спасению остаются творения святых Отцов Церкви. «Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасённым; кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим» (440).

Как бы подводя итог всему сказанному о духовном руководстве, святой Игнатий даёт весьма ценные указания:

«Сердце ваше да принадлежит Единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку – страшно. "Не бывайте раби человеком", – сказал Апостол.

Всегда трогали меня до глубины сердца слова святого Иоанна Предтечи, произнесённые им относительно Господа и себя, сохранённые нам в Евангелии Иоанна...

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благости Его и силе, пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно Великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признаёт себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспеяния. Доколе плотское чувство преобладает в учениках, – велик пред ними наставник их; но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своём только благодетельное оружие Божие.

Охранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остерегались и впали вместе с наставниками своими в сеть диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным вихрем или заглушаемое вонею смрадною. Не давайте в сердце вашем места никакому кумиру» (448-449).

X. НАСТАВЛЕНИЕ ИНОКАМ

«Будьте раздаятелями хлеба и вещественного, и духовного! Тех и других нищих много»

(492)

Почти половина всех писем святителя Игнатия направлена к монашествующим. Естественно, что в этих письмах он рассматривает иноческий подвиг со всевозможных сторон. Но необходимо сразу оговорить, что многие наставления Святителя, обращённые к инокам, касаются в большой мере и мирян, поэтому они были представлены в изложенных выше разделах. Здесь же будет идти речь преимущественно о том, что относится к житию, по святоотеческому слову, «Ангелов земли».

I. Монашество – «барометр» духовной жизни народа

Монашество, хотя и не от мира сего, но тесно с ним связано, ибо то или иное состояние его определяет и нравственное состояние общества. И наоборот: мир, в свою очередь, может оказывать влияние на жизнь монастырей. «Многие ныне, – свидетельствует Святитель, – жалуются на монашество, видя или отыскивая в нём разные недостатки; но монашество – барометр, который, стоя в уединённой комнате, со всех сторон замкнутой, с точностию показывает состояние погоды на улице» (60). «Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровенно, и сказать, что христианство становится анахронизмом. Смотря на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит христианству, и вступает в отношения к нему самые враждебные» (56-57).

Подвиг иноческий нелегок, ибо он требует постоянного бодрствования и неослабной борьбы с силами зла. «Монастырская жизнь, – пишет святитель Игнатий, – дело мудреное: на ней враг старается

уловить и повредить подвижника своими непотребными правдами. Познаётся же действие вражеское по отъятию у сердца спокойствия и по состоянию недоумения, в которое приводится человек. "*Трезвитеся, бодрствуйте*, – говорит святой апостол Петр, – *зане супостат ваш диавол яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*". Диавол действует именно против желающих спастись, а не против преданных греху и суете, яко самоуловленных. Бог же попускает всё это для нашего смирения, чтобы мы видели, как легко бываем поруганы невидимым врагом и как удобна для него погибель наша по причине нашего скудоумия и нетвердости в вере» (746).

Всякое дело во Святой Церкви, когда оно совершается «с целью угождения Богу, преблаженно» (178). Всякий, где бы он ни был, живущий по заповедям Божиим и руководящийся Священным Писанием, «живёт в преддверии к вечному блаженству» (544). Любой православный человек, исполняющий веления Спасителя, а при нарушении их кающийся, – спасётся (254). Но есть ещё и особая дорога, идти по которой «в особенности назначаются иноки». Конец её – достигаемый и не достигаемый – «христианское совершенство. Путь к этому совершенству есть очищение себя заповедями Нового Завета, Евангелием, руководствуясь которым сын ветхого Адама может усыновиться Новому Адаму» – отсечь в себе свойства падшего естества и привить «к себе свойства естества обновлённого Христом» (254).

О монашеской жизни Святитель говорит как о христианском совершенстве, как о Божием даре, который надо возделывать (133). В монастырь идут «и избирают скорбную жизнь для того, чтоб жизнь весёлая не развлекала и не привела в забвение Бога, а не для того, чтобы вместе с суетным оставлять и законное, святое» (624). Пребывание в монастыре приносит огромную пользу труженику. «Школа сообщает знания, которые принимаются умом к сведению, и только монастырская жизнь сообщает деятельные христианские знания, которые непременно производят спасительное влияние на направление, настроение, деятельность читателя. Святой Исаак Сирский уподобил первого рода занятия источникам вод и плодам,

изображенным на стене живописью, на них можно с приятностию поглядеть, если они хорошо написаны, и только. Познания второго рода этот Святой уподобил самым источникам вод, самым плодам, могущим служить к питанию человека» (570). Потому-то Святитель и восклицает: «Блаженны те, которые вдали от мирского шума и житейских попечений могут посвящать всё свое время на служение Богу, на приготовление себя к вечности. Господь назвал такое положение человека благой частью» (599).

Монашество установлено Богом

Монашество – это не человеческое изобретение, а Богом установленный подвиг, «при посредстве которого христианство достигает своего высшего развития» (104, 753). О себе и избранном им служении Святитель размышляет: «Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспламеняюсь сердечною ревностию достигнуть той цели, для которой Дух Святый установил в Церкви монашество. Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нём отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя царей – когда Он призовёт человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святого Духа освободит его от насилия страстей и введёт в предвкушение вечного блаженства» (688-689). Чтобы ярче подчеркнуть важность монашества, происходящего от Бога, святитель Игнатий противопоставляет ему живущих в мире: «Что приобрели прочие люди, гонявшиеся за суетою в течение всей своей земной жизни? Ничего. А если и приобрели что временное, то оно отнято у них неумолимою и неизбежною смертию, которая милостива к тому человеку, которого сердце не вполне прилепилось к земле призванием Божиим: *"Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших"* ***(Евр. 3, 7-8)***» (689).

Как к установленному Богом подвигу – монашеству – и призываются к нему Самим Богом – чудным действием Божиим. Зов этот надо услышать – встать и мужественно пойти на него, преодолевая по дороге все препятствия и не оглядываясь назад. «Одни позваны к этой жизни святой из предварявшей ее святой жизни среди мира, – другие призваны к ней с распутия, с халуги, – из мрака и пропасти беззаконий. Откуда бы кто ни был призван, будь послушен Призывающему, иди на призывный Голос! Благословен всякий, грядый во имя Господне, призванный Господом! И если ему на пути к Господу надо сразиться с возбраняющим блаженное шествие грехом, – да сразится мужественно, да станет до крови, да восхитит победу, и да сопричислится к Патриархам, Пророкам, Апостолам, Мученикам, Исповедникам и прочим Святым, которые многими скорбями и смертьми наследовали Небо» (233-234). Тот, кто придёт «в монастырь не от нужды», а по зову Божию, «по собственному избранию и увлечению», «не ветрено», а по-серьезному рассмотрению, скучать, по милости Божией, не будет (138). «Оставил я мир, – говорит о себе святой Игнатий, – не как односторонний искатель уединения или чего другого, но как любитель высшей науки; и эта наука доставила мне всё: спокойствие, хладность ко всем земным пустякам, утешение в скорбях, силу в борьбе с собою, – доставила друзей, доставила счастие на земле, какого почти не встречал. Вы знаете, как я живу в монастыре! Не как начальник, а как глава семейства» (472). Поступление же в монастырь и пребывание в нём «без искреннего желания вести жизнь монашескую... может служить только вредом и поведёт насилуемого к такой жизни к самым печальным последствиям» (752-753). Правила «этого Божественного установления» требуют, чтобы монашество принимали «люди с истинным произволением и подвергали это произволение прежде принятия обетов строгому рассмотрению и испытанию. Имеющим холодное и колеблющееся произволение строго воспрещено вступление в монашество» (753).

Правильное начало подвига

Переход от жизни светской к житию иноческому должен быть постепенным. К тому же святые Отцы рекомендуют вступающему в монастырь избирать тот образ жизни, который бы соответствовал «его духовной цели и вёл к ней» – правильно полагать начало подвига (714). По слову преподобного Исаии Отшельника: «Как полотно сохраняет признак той краски, в которую оно было окрашено в первый раз, сколько бы его после не перекрашивали: так и монах сохраняет в себе на всю жизнь отпечаток того направления, которое он получил первоначально, вступая в монастырь» (799-800).

Приняв иноческий постриг, «иные находят, что уединение – ближайшее средство к духовному успеху, а другие говорят, что приводит в духовный успех – любовь к ближнему. Моему сердцу, – отмечает святитель Игнатий, – более нравится последнее, потому что любовь к ближнему – непременный долг каждого, а к безмолвию – способны немногие» (151-152). Для стремящихся к уединённому жительству Святитель рекомендует Оптинскую пустынь Калужской губернии (689). Но столпом монашества служат общежительные монастыри, «где при телесном труде особенное внимание обращается на очищение души и благоуправление её частым исповеданием помыслов и сердечных браней, частым советом, с искусным исследованием писаний отеческих, – и, наконец, множеством Божественного славословия» (91). Ещѐ в V веке преподобный Пимен Великий († 450) сказал: «Всего важнее хорошее общество» (690). А в VII веке преподобный Иоанн Лествичник († 649) подтвердил: «Горе единому, а где два или три собраны о Господе, там и Господь среди них» (190). Особенно акцентирует свое внимание Святитель на тех монастырях, которые воздвигнуты со слёзными молитвами и смирением. «Преподобный Антоний Печерский, – пишет он, – говорил, что многие богатые князья и бояре с чувством самонадеянности и тщеславия выстроили монастыри и храмы на своё иждивение, беструдно; но храмы и монастыри, выстроенные иноческими слезами, молитвами их и усердием лиц, имевших смиренное положение в мире, оказались много

превосходнейшими первых. Бог не любит разгорячения и не любит, чтобы дело Ему благоугодное делалось с разгорячением, а любит, чтоб оно делалось с упованием на Него, Всемогущего и Всеблагого, с терпением и смирением, с благоразумием» (759). Тем не менее, Святитель рекомендует для окончательного решения об избрании себе места иноческого жительства вспомнить Евангельский совет (***Лк. 14, 28***) – прежде взвесить, «вычислить» свои силы и душевные и телесные. «Тот же Бог, Который спасает в пустыне, спасает и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыне. Почему городской ли, пустынный ли монастырь изберёшь в место жительства соответственно твоим силам, помни Бога, держись близ Его, удаляйся от греха, от всех поводов ко греху, – и Бог будет с тобою» (333).

Что есть инок

Как вести себя иноку? На этот вопрос частично уже дан ответ в словах только что изложенной рекомендации Святителя. Более решительно отвечает другой подвижник, сподобившийся озарения Духом Божиим: сняв со своей головы камилавку перед вопрошающим, «положил под ноги, стоптал, смял её ногами и говорит: „Так если не сотрётся человек, – не может быть монахом“» (191). Жительство в монастыре есть зрение своих немощей и возложение всего упования «не на себя, но на Искупителя» (176).

Принимая во внимание трудности иноческого пути, Святитель не всем желающим вступить в монастырь советует сие делать. Так даже о своей сестре говорит, что она «не способна к монашеской жизни», ибо не имеет достаточно нравственных и телесных сил для борьбы с могущими быть «монастырскими искушениями», которые при должном к ним отношении «приносят большую душевную пользу» (657). Нет у неё и необходимых простоты и прямоты ума. «Её ум наполнен самомышлениями и подозрениями! …Таковые да спасаются в обществе людей вещественными добрыми делами» (658). А в ответ на выраженные мысли брата об уходе в монастырь, святитель Игнатий напоминает: «Господь, благословивший и установивший такое

удаление, вместе с тем заповедал сперва сосчитать имение своё, – достаточно ли оно для созидания этой высокой жизни, – количество сил своих для борьбы с силами противными. Советую тебе сводить этот счёт молитвою, отдаваясь на волю Божию. ...Не достаточно, чтоб хотели: надо, чтоб воле Божией сообразно было наше хотение. Мы хотим теперь, а Бог уготовляет иногда это же самое чрез многие годы» (686).

Ещё есть одно весьма важное обстоятельство для достойного служения инока – принятие им священного сана. Вот как сообщает святитель Игнатий о своём пострижении в инока и посвящении в иеромонаха: «Совершилось! Я пострижен и посвящён во иеромонаха. Когда меня постригали, казалось мне, что я умер; когда посвятили, – казалось – воскрес. Живу какою-то новою жизнью; весьма спокоен; не тревожит меня никакое желание; во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, ощущаю, что получаю более, нежели сколько бы мне пожелать... Я счастлив!» (813).

***

И опять Святитель возвращается к свидетельству о состоянии монашества и ставит его в связь с общенародной жизнью. «Положение монастырей, – пишет он, – подобно весеннему снегу в последних числах марта и первых апреля: снаружи снег как снег, а под низом его повсюду едкая весенняя вода... Человеки делаются непотребными для Бога, как Бог объявил допотопным прогрессистам» (113). «Я, – говорит он о себе, – принадлежу к ревностнейшим монахам и признаю монашество учреждением Божественным. Что ж делать, когда человеки переделали его по своему плотскому мудрованию» (743).

Восстановить во всех монастырях святой подвиг иноков можно, только «для этого нужны мужи духоносные» (116).

«При всём том, – как бы завершает свои суждения Святитель, – благодарю Господа – я довольно счастлив, весьма счастлив, не по грехам моим счастлив. Первое же условие сего есть то, что я Христианин и монах, хотя и недостаточный» (608).

II. Отречение от мира и всего, яже в мире

Взоры подвижника, его мысли, его сердце обращены «в вечность! В вечность!» (53). На земную жизнь он смотрит как на нечто мимолетное, и на счастье – как самообольщение, «которое не остаётся собственностию человека на вечность» (796). Вся его забота – как спастись?

Когда этот же вопрос был поставлен одним братом перед преподобным Сисоем, последний отвечал: «Если хочешь угодить Богу, – отступи от мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись с Богом посредством молитвы и плача, и найдёшь покой в этом и будущем веке» (267). Подобный глас – «вещий глас» – слышал и святой Арсений, причём слышал дважды: «Бегай людей, и спасёшься!» «Бегай человек, и спасёшься!» (290). Значит: «Желающий стяжать Христа, должен отречься от всего: нельзя работать миру и вместе Богу» (514).

Отречение от мира непонятно тем, которые пленены им, погружены в него, в его наслаждения и умом, и телом. Извлекает из мира благодать Божия через оставленные Святой Церкви посредства: Священное Писание, святые Таинства, учение святых Отцов... Она «зовёт в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в её неизмеримые области» (55). «Почитайте книгу святого аввы Дорофея, – советует Святитель, – и, если произволение ваше шествовать по стези отсечения воли не прекратится, но возгорится ещё сильнее, и пламень небесных желаний обымет вашу душу, то благоволите приехать, дабы пространнее услышать учение о пути этом» (163).

Ушедшие из светского мира и переступившие порог святой обители тем самым, по слову Святителя, «предначали нашу смерть по плоти и жизнь о Христе. Бывают кончины скоропостижные, бывают кончины при продолжительных болезнях. Мы с того времени, как оставили мир, умираем ежедневно, по свидетельству святого апостола Павла. В этой смерти видим непременное условие истинной жизни. Минута переселения нашего с земли, рождения нашего в вечность, для нас не так странна и чужда, как для тех, которые живут посреди мира, оглушены его шумом, пригвождены к нему умом и

сердцем, забыли, что есть смерть, не думают о вечности, долженствующей непременно быть и их уделом» (162). Всё прошедшее отсекается – не оставляется места для расспросов и вопросов (748). О себе святой Игнатий говорит: «Решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения, напротив, должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всём блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединённую келию, то село, на коем скрыт бесценный бисер!» (43).

Инокам заповедуется удаляться даже от родителей, если они пытаются привязать их к миру. Но когда родители «содействуют нашим благим намерениям, когда они больны, беспомощны, нуждаются в руке нашей, тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служение им причисляются к иноческим добродетелям, одобрены и похвалены святыми Отцами» (304).

Вступивший на путь к вечности отрешается от всего преходящего, яже в мире. Оно его не прельщает и не удовлетворяет. Если же и пытается казаться таким, он видит своими духовными очами во всём «мирском» тленность, мимолётность, лесть. Оно «недолго будет льстить, обманет, ускользнет, исчезнет, – оставит человека во всех ужасах нищеты и бедствия. Божие – положительно, вечно. В начале оно, подобно малейшему зерну, появляется в сердце в виде малейшего благого влечения, желания, потом начнёт возрастать мало-помалу, обымет все мысли, все чувствования, обымет и душу и тело; сделается подобным древу, великому и ветвистому. Птицы небесные, т.е. ангельские помышления и созерцания, придут витать на ветвях его. Это должно совершиться над христианином во время земной жизни. Над кем оно совершается, тот при вступлении в вечность увидит себя гобзующим духовными сокровищами, – залогами нескончающегося блаженства. Такое состояние – уже здесь, на земле, вечное блаженство, прежде явного вступления в вечность смертию тела. Такая жизнь – уже отселе вечная жизнь» (460-561).

Одним словом, инок «мертвец» для земного мира, «живой мертвец» со словом живым. «Слово его из другого мира!» (399). Оставляя бурное мирское и отрекаясь от него, он входит «в тихое монастырское пристанище» (637).

«Прошу ваших святых молитв, – скажет вместе со Святителем ищущий иноческого жития, – чтобы Милосердный Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к вашему Богоспасаемому стаду, если есть на то Его Святая воля» (82).

III. Отречение от себя – самоотвержение

Отречение от мира и его благ – высокое нравственное деяние, но отречение от себя, «пожертвование собою Богу, Которому мы и без того принадлежим, несравненно превосходнее» (692). Спасение – в самоотвержении (417). Кто не отвергается себя, а живёт «по влечению чувств сердечных, от движения крови, тот непременно осуществляет своё „я", видит добро в своих движениях, в своих действиях оживляет собственно себя, стяжавает мало-помалу высокое о себе мнение», а сие ведёт к духовной гибели (182).

Страшно самоотвержение только «при первом, поверхностном взгляде на него. Но только что человек решится на него, как и ощутит в духе необыкновенную лёгкость и свободу: лёгкость, свобода – свидетели истины» (418). Потому-то Святитель решительно призывает покорить свой ум Христу Спасителю (417). «Решитесь, – учит он, – сначала, хотя по уму, отречься себя ради Христа, лишите ум ваш пагубного, бестолкового самовластия, подчините его заповедям Христовым, подчините его Евангелию. Начало самоотвержения – в уме: покорившись Христу, он постепенно приведёт к этой блаженной покорности и сердце и тело» (418). Покорится ум Христу – прекратится самооправдание, а «когда оправдания оскудеют у сердца, – оно приходит в состояние смирения и умиления. "*Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*"; а оправдания – ужасная греховная смерть» (417).

Принявшему схиму рекомендуется как непременное постоянное духовное устроение – «иметь мысль, средоточенную в себе:

первоначальное расположение духа, воспринятое по пострижении, будет действовать на всю остальную жизнь» (790).

IV. Уклад иноческого жития

В монастыре, как правило, восходят от силы в силу, подымаются по ступеням духовного восхождения. Но бывает здесь и иное: от монастырского жительства могут проснуться зародившиеся ещё в миру «и восторженность, и раздражительность» (212). И одно, и другое способны увести подвижника на путь греха, духовной гибели. Чтобы сего не случилось, Святитель намечает штрихи подлинного иноческого жития – уклада, устроения подвига.

Глубоко изучив состояние монашества в XIX веке, святитель Игнатий становится, по преимуществу, глашатаем внутреннего – духовного подвига инока. Именно в нем, а не в телесном подвиге, он усматривал преуспеяние монаха. «Уважение к телесному подвигу, – пишет святитель Игнатий, – когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновалось. Миновалось оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного отчёта в монашеской жизни ни себе, ни братиям своим, живущим посреди мира. Притом, занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Занятие это уже не воспроизводит атлетов, которые возбуждали бы удивление к себе, обнаруживая что-либо сверхъестественное» (46). Обращающие внимание на телесное «чужды духовного делания, всё их внимание устремлено на благовидность наружного поведения и на телесный подвиг. Известно, что таким жительством вводится в душу самомнение и развиваются душевные страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения: ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов, и наружных дел» (110). Тем не менее, Святитель не исключает при подвиге духовном подвиг телесный: говорит об одном и другом. «Милость да дарует Бог всем рабам

Своим, – молится он, – работающим Ему и телесным и душевным подвигом». Но тут же оговаривает: «Только без душевного подвига к разуму Божию приближаться невозможно» (110).

С чего начать обновление

Подобает начинать обновление с внутреннего устроения – с сердца. «Сердце – корень. *"Аще корень свят, то и ветви"* ***(Рим. 11, 16)***. Этот образ подвига установлен Самим Спасителем. *"Очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда,* – сказал Он, – *да будет и внешнее има чисто"* ***(Мф. 23, 26)***» (296). Подвиг духовный образует примерных – истинных иноков. «Он, один он, может ввести в монастыри и поддерживать в монастырях строго нравственный порядок, доставляя братству точные, правильные, глубокие понятия о христианстве, доставляя братству разумную свободу, соединённую с разумным духовным подчинением, образуя в братстве духовную силу и связь. Он, один он, может облечь монаха во всеоружие для отрешения современных, враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой. Он вводит монаха в правильное самовоззрение и истекающее из этого самовоззрения сознание своего падения и необходимости в Искупителе» (46-47). Внутреннюю жизнь подвижника святые Отцы уподобляют погоде, которая бывает и ясной, и пасмурной; или сравнивают с урожаями хлеба – то обильными, то скудными. «Люди опытные не надеются на постоянство хорошей погоды и не приходят в смущение от погоды дурной, зная, что одна постоянно сменяется другою. Также при хорошем урожае они не полагаются на него и не престают от труда, и при худом урожае не впадают в уныние и равным образом не престают от возделывания земли. Таков закон природы. Подобен ему и закон подвижничества. Иногда бывает посещение благодати, и душа утешается, а иногда восстают волны искушений, и она поставляется в затруднительное положение» (538).

Не лишён внутренней силы и телесный подвиг, если он приводится «к нормальному значению своему подвигом духовным» (47). В этом случае он также действует благотворно, чего чужд, когда применяется один (47). Не описывая подробно телесный подвиг, Святитель отсылает подвижника к чтению соответствующих творений. «Прочитай, – советует он, – книгу "Цветник". Там много сказано о телесных подвигах; в них явлено самоотвержение, что вполне справедливо, истинно» (318).

Связь души и тела

Взаимная связь душевного и телесного подвига, равно и значение их обоих, прекрасно выражены Святителем в следующем суждении: «Иные так устроены Создателем, что должны суровым постом и прочими подвигами остановить действие своих сильных плоти и крови, тем дать возможность душе действовать. Другие вовсе не способны к телесным подвигам: все должны выработать умом; у них душа сама по себе, без всякого предуготовления, находится в непрестанной деятельности. Ей следует только взяться за оружия духовные... Душевный подвиг может и один, без телесного, совершить очищение; телесный же, если не перейдёт в душевный, – совершенно бесплоден, – более вреден, чем полезен: удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит к высоте мнение о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам. Впрочем, подвиг телесный, совершаемый с истинным духовным рассуждением, необходим для всех одарённых здоровым и сильным телосложением, с него надо начинать общее правило иноческое» (319).

Имеет значение в укладе иноческого жития и определённая субординация – подчинение младших старшим или благоразумное сохранение в благоприличных «пределах необходимой для инока скромности» (59).

Подобный уклад жития был свойственен всем Святым. Они сами так подвизались и другим повелевают поступать так же – покорно подчиниться «закону подвижничества, установленному Самим

Богом для странника земного. От постоянно ясной погоды высыхает земля и заводятся во множестве черви и прочие вредные насекомые. Подобно этому действует на душу продолжительное спокойствие, даже производимое благодатию: в душе зарождается высокоумие, самомнение, самонадеянность, презрение к ближним, уничижение и осуждение их и тому подобные недуги духа человеческого, самые опасные и самые страшные» (538).

Размышляя о душевном и телесном подвигах, святитель Игнатий указует некоему брату, занимающемуся умной молитвой (с ним объединяет и себя): «Нам надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять сил телесных, которые недостаточны для несения общих подвигов иночества. Всё внимание наше должно быть обращено на ум и сердце: ум и сердце должны быть исправлены по Евангелию. Если же будем изнурять телесные силы по пустой, кровяной ревности к телесным подвигам, то ум ослабеет в брани с духами воздушными, миродержителями тьмы века сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными с неба. Ум должен будет ради немощи тела оставить многие, сильные, существенно необходимые ему оружия, – и потерпеть безмерный ущерб. Говорю тебе испытанное на самом деле, познанное на горьких опытах» (320).

V. О молитвенном правиле

О молитвенном келейном правиле Святитель считает нужным сказать следующее: должно читать кафизмы, каноны, молитву Иисусову, причём – произносить «слова помедленнее, напрягая большое внимание, чтоб ни одно слово не было произнесено без внимания» (161).

Поклоны полагать подобает так: после вечерних молитв 10 земных поклонов с молитвой Иисусовой, потом отдельно 30 молитв Иисусовых – «неспешно, со вниманием, шёпотом», – ещё 5 земных поклонов с молитвой: «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грешную» (или грешного), по 3 поясных поклона Ангелу Хранителю и всем Святым (240).

Для новоначальных считается более полезным чтение акафистов и канонов, чем Псалтири (299).

В соблюдении правила допускается определённая свобода – не произвол, а свобода, о чём Святитель говорит неоднократно. «Относительно правила молитвенного, – пишет он, – знайте, что оно для вас, а не вы для него, но для Господа» (158). «Не человек для правила, а правило для человека» (206). Посему «при немощи» следует убавить правило, а «при силе» – прибавить. Но то и другое применять надо «с умеренностью и осторожностью» (158). «Когда замечаете, – учит святой Игнатий, – что немощь естественная, происходящая от занятия с посетителями или от недуга, обнаруживающегося уменьшением аппетита, бессонницею и тому подобным, тогда полезно послабить телу, дабы оно до конца не изнемогло и не повредилось, будучи понуждено сверх сил. Тогда поклоны оставьте, и прочитав сообразно немощи сполна, или не сполна вечерние молитвы, пребывайте мирны» (206-207). Молитвенное правило с поклонами предписывается здоровым, «а не больным». «Впрочем, – оговаривает Святитель, – если хочешь, клади утром, среди дня и вечером по двенадцати поклонов поясных с молитвою: „Боже, очисти мя грешную". Потом твори пятьдесят этих молитв каждый раз, после поклонов» (243).

При любом правиле – большом или сокращённом – весьма важно постоянное сохранение качества молитвы, чтобы ни уменьшение, ни «умножение количества не уменьшало качества» (161). И снова Святитель напоминает: «Будьте свободны, зная, что правило для человека, а не человек для правила» (161).

Молиться должно как дома, так и за Божественной Литургией о всех православных христианах. Но иное указуется (некоей инокине) в отношении к еретикам: «О еретиках воспрещено молиться, как бы о членах, принадлежащих к Церкви, почему и вынимать о них частицы, как изображения участия в Церкви – не должно, молиться же о обращении их – можно» (159).

VI. Иноческие обеты: нестяжание и послушание

При своём пострижении в монашеский чин инок даёт перед Богом, перед Святой Церковью, перед братией определённые

обеты. Двух из них – нестяжания и, особенно, послушания – касается и святитель Игнатий в своих письмах.

По слову Святителя, «нестяжание – то же, что и умерщвление ко всему», содержание в свободе ума «от всего земного» (294) и, более того, презрение «к земным вещам» (491). Святитель Игнатий весьма высоко ставит нестяжание. Ссылаясь на сказание Скитского Патерика, он сводит – «сокращает» – всю монашескую жизнь в два слова – нестяжание и молчание. Скитский подвижник «великий угодник Божий старец Даниил, – свидетельствует Святитель, – велел написать ученику своему следующее: „Если желаете спастись, – держите нестяжание и молчание: потому что в этих двух деланиях – всё монашеское жительство". Написал ученик сказанное ему старцем и отдал одному из братий, который прочитал это братиям Египтянам. Все пришли в умиление и начали плакать» (293).

Высота нестяжания сама собой определяет и необходимость его.

Также необходимо и послушание. «Вам, – пишет иноку Святитель, – надо совершить послушание ваше, иначе не будет духовных плодов» (95).

На вопрос: «Что значит иноческая добродетель – послушание? – Святитель отвечает: – Она – признание разума человеческого падшим и потому – отвержение его буйством веры» (439). Послушание истинное – в уме, в сердце. Всё духовное совершенствование состоит в том, «чтобы сердце, отрекшись переменчивых законов… приняло законы Евангелия, всюду подчинялось им» (304). Духовное преуспеяние именно «в отсечении своей воли. Это дело умерщвляет страсти и изводит, как из ада, из плотского мудрования. В отсекающем свою волю действие молитвы является само собою... Если предварительно не очистится человек отсечением воли, то истинного молитвенного действия в нём никогда не откроется. Когда же откроется молитвенное действие, тогда сделается ясным, что оно – не что иное, как полное отвержение своей воли ради воли Божией» (734).

Послушание уверенно ведёт ко спасению – «особенно способствует спасению» (187). Оно – «спасительнейший подвиг. Сила и жизнь всех страстей человека сосредоточены в его испорченной воле:

послушание, связывая и убивая волю, связывает и убивает совокупно все страсти» (531). А убивая страсти, послушание соединяет со стяжанием добра – «от послушания – смирение, от смирения духовный разум, который – извещенная вера» (439).

О пользе послушания

Святитель Игнатий считает послушание самым полезным подвигом – полезнейшим «всех произвольных подвигов» (532). Чтобы ярче раскрыть эту мысль, Святитель рассказывает вот какой случай. В Египетском Скиту – месте подвигов великих Святых – жил молодой инок Захария со своим родным отцом, который был и его духовным наставником. За святость жизни Захария удостоился осенения благодати Божией, отчего пришёл в особое состояние. Родитель счёл это за следствие самообольщения и начал даже наказывать сына. Тогда Захария пошёл за советом к одному из святых Отцов – и вот какой получил совет: «Твое состояние от действия Божественной благодати, но иди и пребудь в повиновении у твоего старца» (532). Святитель Игнатий поясняет: «Очевидно, что святой Отец оставил за Захариею положение, положение послушания, на котором, как на основании, воздвиглось его душевное преуспеяние. С отъятием основания могло бы рушиться и воздвигнутое на основании» (532).

Иноческое послушание есть не только приобретение подвижника, а, прежде всего и главным образом, дар Духа Святого. «Послушание – чудо веры! Совершить его может один Бог. И совершили его те человеки, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что даётся единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны; тогда они подобны упоминаемым в Евангелии создателям столпа, начинающим здание без средств к совершению его. Все мимоходящие, т.е. бесы и страсти, посмеиваются им, потому что по наружности они будто совершают добродетель, а в сущности, находятся в горьком обмане, слепоте и самообольщении, подчинены страстям своим, исполняют волю бесов. И многие думали проходить послушание, а на самом деле

оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением» (442).

Послушание неотделимо от жительства «по совету», что присуще было всем святым инокам, достигавшим сначала очищения от греха, а потом и дарований благодати Божией. «Горе же единому, – сказал святой Иоанн Златоуст, заимствовав слова эти у Екклезиаста. – Вифсаидский расслабленный, хотя и лежал посреди множества других больных, однако жаловался на своё одиночество, говорил пришедшему к нему Спасителю мира: "*Человека не имам*". Подобно этому и состояние тех иноков и инокинь, кои, живя посреди многолюдного братства, не имеют к кому прибегнуть для совета, во время душевной напасти. Совет же тот только может преподать, кто в душевных искушениях советовался с искусным, и ощутил облегчение в душевных болезнях… Посему благо вам будет, если вникните в наставления святого аввы Дорофея, превосходно описывающего путь этот и доказывающего, что им шествовали все святые иноки, и что кроме его спасение крайне затруднительно» (202).

Высоко оценивая послушание, как и нестяжание, Святитель призывает: «Старайтесь преуспевать в послушании разумно и благочестно и благодарите Бога, даровавшего вам этот подвиг» (532). «Распнись на кресте послушания, творя единственно повелеваемое тебе, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущениями и рассуждениями, хотя бы они, по-видимому, и казались бы добрыми и хорошими. Начни же со следующего: просишь благословения моего на участие в пожертвовании на обновление церкви? Не благословляю… Не думаю, что в этом начинании действует в тебе доброе побуждение. Нет! Тут суетное и кичливое горячение крови, возбуждаемой тщеславием и человекоугодием» (238).

VII. Молчание, безмолвие

Молчание и безмолвие – понятия очень близкие, но по своему содержанию они имеют отличия, и в духовной жизни не могут быть взаимозаменимы. Молчание – это как бы ступень к безмолвию: где есть безмолвие, там непременно присутствует и молчание, но

где блюдется молчание – безмолвия может и не быть. Молчание – это предпочтение слову воздержание языка, это мудрая осторожность в употреблении слова, это полное отрицание многоглаголания... Безмолвие – это обет перед Богом, перед людьми о полном молчании. Безмолвник мёртв ко всем действиям на него мира и всего, что в мире.

Любящий молчание и бережно хранящий его во имя духовных целей предпочитает всему быть в храме Божием и в келье, где «разгибать книгу души своей и читать в сей книге назидательнейшие истины» (496).

О великой пользе молчания святой Игнатий говорит кратко и потому особенно выразительно: «Будешь молчалив – найдёшь покой везде, где бы ты ни жил» (268). «При этом жительстве рождается в нас множество слёз и видение чудное. Велик человек, имеющий в душе обычай молчания» (268).

Молчание не приходит само собой – его надо приобретать (как, впрочем, и все доброе). Вот что говорит святой Игнатий о преподобном Арсении Великом (V в.): «Не подумай, что поведуемое молчание дивного Арсения было следствием его свойства естественного. Нет! Он сперва понуждал себя к молчанию» (268). «И ты, – обращается Святитель к духовному брату словами святых Отцов – преподобного Иоанна Лествичника († 649) и преподобного Исаака Сирского (VI в.), – затворяй дверь келии для тела, дверь языка для разговора, и внутреннюю дверь для духов лукавых» (268). «Более всего возлюби молчание, потому что оно приблизит тебя к плоду» (268). И от себя добавляет: «Возлюби молчание... Умолкни и умолкни! Сдружись с покаянием, которое без молчания состояться не может» (840).

Молчание ведёт к безмолвию – «вспомоществует безмолвию» (268), «очень много способствует безмолвию» (290).

Что такое безмолвие

Безмолвие – это своего рода обнаружение образа Божия в подвижнике. «Хотя все человеки созданы по образу Божию, но в этом отношении безмолвник есть особеннейший, точнейший образ

Божий. Посмотрите, – что говорит Евангелист Иоанн о Боге: "От вечности Он довольствовался единым Своим Словом!"» (152). Безмолвник – это тот, кто должным образом готовит себя к переходу от земли в вечность (177).

Святитель яркими красками рисует состояние – «духовное созерцание» – безмолвника. «Оно делает жителя безмолвной келии жителем, можно сказать, рая – вводит его в новый мир, пред которым здешний мир очень тесен, ничтожен. В тишине безмолвия душа плавает как бы в каком необъятном пространстве, смотрит на минувшее, на настоящее, на землю, на небо, на время, на вечность. Так в ясную погоду гуляет орёл в недосягаемой высоте, в прозрачной лазуревой бездне» (363).

Достигается безмолвие сознанием своего недостоинства – постоянным самоукорением. «Желающему благочестно и успешно безмолвствовать, – учит Кавказский Архипастырь, – надобно в основание жительства своего положить постоянное самоукорение» (177). Также готовит к безмолвию и перенесение бесчестий. «Этому не должно удивляться: каждый, желающий спастись, подвергается разнообразным искушениям – и блажен он, если за скорби свои благодарит Бога» (660). Учиться безмолвию лучше, более надёжно, не в затворе, а среди людей. «Не подумай, что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредстве душевного подвига... Подвижник, воспитанный между людьми силою невидимого внутреннего подвига, бывает прочен, богат знанием и опытностию духовною, исполнен смиренномудрия, для ближнего – пристанище, сокровище. Он подобен древу, выросшему на открытом холме, подвергавшемуся ветрам порывистым и всем другим непогодам; такие древа глубоко пускают в землю корни, бывают особенно сочны, полны жизни и силы. Напротив того, питомец затвора и уединённой пустыни подобен цветку и древу, воспитанному и возлелеянному в оранжерее. Ему свойственна пагубная изнеженность: при малейшем ненастье он уже страдает; ненастье – немного посильнее – он умирает» (270). Но это не значит, что безмолвие лучше достигается

в шумном мире. Нет! Под людьми, о которых говорит Святитель, скорее всего, имеются в виду не люди мира светского, а иноки, подвижники, проходящие своё высокое служение рядом с ищущим безмолвия. К такому заключению приводят следующие слова святителя Игнатия: «Христианам, живущим посреди мира, не должно касаться возвышенных иноческих деланий, особливо безмолвнических» (367).

Безмолвие – путь ко спасению

В духовной жизни безмолвие весьма важно – многому учит и многое даёт для домостроительства нашего спасения. «Кто освободился от плена греховного и получил обручение Духа, того душа пройдёт по разлучении её с телом беспрепятственно и безбедственно мытарства воздушных истязателей. Всему этому, и многому другому, необъяснимому земным словом, научается человек в безмолвии: Дух Святый проникает к безмолвствующему правильно, соприсутствует ему, возвещает тайны Царствия Божия, чтоб обильно напитался знанием и ощущением духовными сам безмолвник и напитал ими алчущую и жаждущую братию свою. Учение Духа – учение живое» (415-416).

Чтобы как можно более убедительно выделить важность безмолвия, Святитель предлагает одну «глубокой древности повесть» о трех добродетельных иноках, избравших для себя разные благочестивые занятия. Один стал примирять поссорившихся, другой – служить больным, а третий предался безмолвию. Первые два скоро ослабели в избранном ими подвиге и решили поведать о своей скорби третьему, а также узнать, что он приобрёл в безмолвии. Безмолвник налил в чашу воды и велел посмотреть в неё пришедшим. Сначала они ничего не увидели, а когда вода устоялась, то хорошо разглядели свои лица. Тогда безмолвник сказал: «Живущий в бурном волнуемом мире не видит своих пороков, а пришедший в безмолвие видит живущий в себе грех» (411-412). К этой повести Святитель добавляет: «Надо сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне с извещением совести. Зрение

своих согрешений – не так легко, как может показаться по наружности, при первом поверхностном взгляде… К такому зрению приводит истинное безмолвие. Оно доставляет душе устроение, подобное чистым зеркальным водам; в них видит человек и своё состояние и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних» (412-413).

Преподобный Макарий Великий († ок. 390) – основатель Египетского Скита – постигнув на личном опыте величие безмолвия, имел обыкновение повторять всякий раз после Божественной Литургии: «Бегите, братия». А когда старцы спросили его: «Куда нам бежать далее этой уединённой пустыни?» Великий молитвенник показал им перстом на уста и повторил: «Бегите, братия» (291).

VIII. Уединение

Святитель придаёт большое значение как безмолвию, так и уединению, тем более, что уединение часто соединяется с безмолвием. О том, что святитель Игнатий высоко оценивает уединение, свидетельствует уже то, что он неоднократно выражает своё горячее желание уйти от всего и остаться с Одним Богом. «Имею давнишнее желание, – пишет он о своём стремлении, – окончить дни свои в уединении» (799), «искренно желаю где-либо в уединении и неизвестности окончить дни свои во внимании себе и покаянии» (796). «Взоры мои ищут отрады, утешения – и внезапно они обращаются к пустыне, к уединению!.. Там, там всего безопаснее!.. Туда стремись – душа моя!.. Беги!.. Если ноги недостаточны для быстрого течения, возьми крылья! Несись!.. Лети!!! Спасайся от челюстей зверя: мира! Будь подобна блаженной жене, побежавшей, улетевшей в пустыню, – той жене, которую видел зритель духовных тайн – Иоанн» (364). «Люблю уединение», вожделенно оно мне (419, 453) – вот подлинное устроение святой души Кавказского Архипастыря. Ещё в 1847 г. за 20 лет до своей блаженной кончины святой Игнатий писал одному из присутствовавших в Святейшем Синоде архиепископу: «...имею непременное намерение уклониться от должности в безмятежное уединение. С той целью оставил я мир, с этой постоянной целью совершаю двадцатый год

в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его, признавая себя несозревшим к нему, боялся самочинно вступить в него. Но когда указуется оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне!» (52). Святитель Игнатий глубоко духовно, а потому весьма назидательно, объясняет причины своего тяготения к уединению. «Из него, – размышляет он, – можно пристальнее смотреть в вечность, – высмотреть, что там нужно, – приготовить это нужное заблаговременно, прежде исхода души из тела» (419). С помощью уединения «желалось бы мне очистить мои ум и сердце, очистить их так, чтоб они соделались живыми скрижалями живого Божия слова, чтоб оно изобразилось на них ясно, светло, чтоб из живого Божия слова истекало обильное спасение, проливалось в душу мою и в души возлюбленных моих о Господе» (453).

Уединение – смерть прежде смерти

Что такое уединение? Как его понять человеку мира сего? Ответ на поставленные вопросы можно найти в «маленьком отчёте об уединении» святого Игнатия «К некоему семейству». «Это – тихая, мирная смерть прежде смерти, которая – непременный удел каждого человека, которая для грешников, для рабов мира – люта. В уединении сглаживаются постепенно с ума человеческого впечатления, начертанные на нём предметами мира – и ум постепенно теряет своё общение с миром. Он глядит на мир как бы из страны загробной, как бы с того света… Все живущие в мире представляются ему не как постоянные жители, а только как путешественники. И точно! Живём: путешествуем. Одни идут скромно пешком, другие скачут на конях, иные несутся на быстрых колесницах; конец – один для всех» (364-365).

Неоценим – велик мир Христов, истекающий от действия благодати Божией. «Кто может противостать его влечению? От лица его бежат страсти, от действия его ум и сердце переселяются на небо. Человек примиряется ко всему в Боге. Он начинает как бы плавать в неизмеримом пространстве духовного мира и познаёт, что заповедь Божия *"широка есть зело"*. Мир Христов совершил мучеников

и преподобных: он выводит христианина из-под власти плоти и крови, исторгает страну греховную из души и тела, уничтожает насильственное влияние демонов на душу и тело, вводит в христианина свойства Христовы, кротость, смирение, благость. Душа, ощутив эти свойства, начинает вкушать чудный покой – залог и начало вечного покоя праведных в селениях вечного блаженства» (420). А этот мир Христов, это благодатное действие вызывает и сохраняет уединение христианина. «Чтоб сохранить мир Христов в себе, чтоб вкусить его обильно, чтоб измениться им из ветхого в нового человека – необходимо уединение» (419-420).

В уединении можно свободнее «предаваться странствованию в областях духовного мира», переселяться туда с земли и мыслью, и сердцем. Переселённые же мысль и сердца глядят «на землю, как странники на чужбину. Побывав в чудной области нерушимого, в области блаженного благодатного мира и света, они отвращаются от страны мрака, от страны распрей, ссор, непрестанного смятения, от страны, где всё добро смешано со злом!» (414).

Уединение укрепляет душу, «вдыхает в неё какое-то мужество, какое-то презрение к миру, чего в соприкосновении с миром ощутить невозможно» (363). В то время как церковная служба – Богослужение – питает душу, «уединение чрезвычайно способствует к рассмотрению себя и покаянию. Потому-то многие святые Отцы удалялись в глубокие пустыни и на многие годы лишали себя Церковной службы» (644).

Уединение блаженно

Естественно, что, сравнивая уединённую жизнь с шумной городской жизнью, Святитель отдаёт предпочтение первой. «Тихая жизнь в уединении блаженнее шумной и светской жизни многих в столице». Первая – полна. Вторая – пуста. «Множество развлечения рождает множество грехов по причине множества встречающихся случаев ко греху; от таких встреч огражден уединённый. Недаром один Великий Отец сказал: „Начало зла – рассеянность“» (664-665).

Примечательно, что святитель Игнатий ставит в тесную связь с уединением «ученость» – она «даёт возможность сохранить в монастыре уединение при келейных занятиях и может сделать инока полезным обществу в нравственном отношении» (689).

Но есть и опасности на пути к уединению и в самом подвиге уединения. На пути может появиться двоедушие и, как результат его, откладывание доброго стремления на неопределённое время. «Если же, – учит Святитель, – поколебаться от двоедушия и благое намерение удаления для покаяния отлагать день за день, к чему лестью влечёт враг спасения нашего, под различными предлогами благовидными, то можно в таком двоедушии и нерешительности провести всю земную жизнь и быть застигнутым смертию в неготовности» (799). Во время несения подвига уединения может придти другая опасность – «скука, называемая унынием в монашеской жизни» (685). Что рекомендуется делать в этом случае? «Полезно заняться молитвою при каком-либо самом машинальном рукоделии, которое не отвлекало бы к себе ума или отвлекало наименее. При таком рукоделии надо произносить неспешно молитву так: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго“. Надо заключать ум в слова молитвы, по выражению и наставлению святого Иоанна Лествичника, то есть произносить молитву с крайним вниманием. При ком другом молитва произносится одним умом, а наедине шёпотом, устами и языком, так, чтоб слышать самому себя» (672). При этом также должно «вспоминать покойников, кто как умер, и что мы умрём непременно» (685), а вслед за смертью вступим в вечность – будущую жизнь (672).

***

Поразмыслив о пользе уединения, Кавказский Архипастырь заключает: «Уединение всегда было полезно, когда, по духу времени, в обществе было много благочестивых людей; а ныне при общем распространении разврата, уединение и удаление от знакомых и знакомств есть необходимое условие к спасению» (519).

Завершает свои суждения он выражением того же желания, что и вначале с полной покорностью воле Божией: «Как бы и мне желалось, при преклонных моих летах и слабости здоровья, приютиться в какое-либо уединённое, неизвестное миру, место. Но до сих пор не вижу к этому никаких средств. Буди воля Бога моего, Который знает, что мне полезно» (665).

IX. «Не советую искать перемены монастыря»

Жизнь ради Бога, во имя Бога «на всяком месте бесценна». Особенной важности никакое место не имеет (304). Везде можно спастись и в любом месте – остаться ветхим человеком. Куда бы мы ни пошли по нашей земельке – повсюду будем гостями, странниками, пришельцами, «повсюду на время. Оное же всегда ожидает нас в вечности; там всегдашняя радость или всегдашняя мука» (78). Так размышляя, Святитель, тем не менее, утверждает: «В избрании монастыря должно быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным» (117). А после избрания монастыря – оставаться в нём всю жизнь. Перемена обители допускается лишь в случаях исключительных. «Не советую тебе, – пишет Святитель одному иноку, – искать перемены монастыря, доколе сам Промысл Божий не укажет тебе на такую перемену, сделав её возможною и удобною» (237).

Переход, а тем более частый, духовно вреден для инока. По слову святых Отцов, «и многосочные древа, часто пересаживаемые, теряют от пересадки свою силу, а сидящие в грунте постоянно и переносящие терпеливо ветры глубоко пускают в землю свои корни» (103). Пересаживаемое всегда находится в опасности погибнуть, и уж непременно теряет «значительную часть силы своей» (157-158). Преподобный Иоанн Лествичник считает легко решающихся на перехождение с места на место неискусными, «ибо ничто так не делает душу бесплодною, как нетерпение... Преходя, ты можешь потерять то искупление, которым тебя искупит Христос» (157). И святитель Игнатий снова повторяет: «Не даю вам совета к прехождению... Помыслы ваши о прехождении ничто иное, как злохитрое советование бесовское» (158). Весьма поучительно в этом плане свидетельство

святителя Игнатия о Задонском Затворнике Георгии. Этого великого Подвижника в продолжение двух лет преследовали помыслы об оставлении Задонской обители. Ему казалось, что надо перейти в более уединённое место, где можно будет совершеннее продолжать затворничество. И вот когда Георгия в очередной раз начали беспокоить подобные помыслы, к нему явился некий странник от преподобного Серафима Саровского и возвестил: «Отец Серафим велел тебе сказать, что стыдно тебе, Затворнику, дозволять бесовским помыслам такое долгое время беспокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтобы ты жил здесь» (155). Обличенный в своих тайных помыслах, Затворник тут же послал келейника вернуть странника, но его нигде не нашли. «Кто он был? – вопрошает Святитель и отвечает: – Не будем об этом любопытствовать» (155). Злой дух «даёт совет: „перейти с места твоего жительства в другое, там найдёшь желанное спокойствие“. Таков его совет, под личиною которого скрыт другой: „сниди со креста“» (156). Подлинное спокойствие, к которому стремится сердце верующего, которого жаждет, ищет – «в кресте Христовом». Искать его в чём-либо другом – напрасный труд (155-156). Потому-то святые Отцы не просто говорят, а «повелевают выдерживать брани, не оставляя места, в особенности если в нём нет явных поводов ко греху. Монах, оставляющий по причине душевной брани место своего жительства, никогда не возможет стяжать духовных плодов. Стойкость – одно из первых достоинств воинства и земного и духовного. Опытные в битвах ратники почитают признаком храбрости отважное нападение на строй неприятельский, но несравненно большим – безмолвное стояние с угрюмою твёрдостию под ядрами и картечью неприятельских батарей, когда этого требует общий план военачальника. На таковых-то воинов наиболее он может положиться. На таковых воинов наиболее полагается наш подвигоположник Иисус Христос и венчает их душевными венцами» (156).

Всё делать со смирением

Если же от пребывания в том или ином монастыре брани настолько усиливаются, что насельник становится не способным противиться им, в таких обстоятельствах благословляется «исход» из обители и «вход» в иную, дабы «обрести "пажить" спасительную». Но этот исход должен быть «о Господе» – со смирением, сознанием своих немощей, укорением себя, что не смог «поступить так, как святые Отцы признают за лучшее, т.е. выдержать и победить душевные брани на месте» (159). Только при таком чувстве вход «в иную обитель может привлечь на себя благословение Господа, „не уничижающего сокрушенных и смиренных сердцем", а „гордым противляющегося!"» (159-160). Если намерение совершается «с миром и смирением» – да благословит его Бог, и «я, – говорит Святитель, – благословлю благословением от Господа» (160).

Вся суть наставлений Святителя по рассматриваемой теме может быть сведена к следующим его словам: «Воздадим благодарение Милосердному и Премудрому Промыслителю, остановившему вас в перемещении вашем... Если вы рассмотрите мои письма к вам, то увидите, что я был вполне против вашего перемещения; наконец, видя непреклонное намерение ваше переместиться, желая, чтобы вы его совершали по крайней мере со смирением, осуждали себя. Нет ничего лучше мысли о распятии себя. Ибо таковы – Христовы!» (161-162). «Гораздо душеспасительнее выдержать монашеские брани на одном месте... Выдержи себя на одном месте, и как мой совет ни кажется жестоким, но на самом деле увидишь его пользу» (827). Оставаясь навсегда в избранном монастыре, приведи сюда и своих детей. «Два венца ожидают тебя: один – за собственные скорби, другой – за детей. Хороши венцы блаженства! Не угодно ли примерять их!.. В полное владение они даются в той жизни, – а примерять их можно и здесь» (193).

Как бы завершая свои суждения о любви к монастырю, к его насельникам, Святитель обращается с истинно отеческим призывом: «Трудись с терпеливым постоянством в жребии блаженной Марфы,

удостоившейся приготовлять и поставлять пищу для Спасителя, ожидай с верою награды от Господа. Он скажет служившим братии на Страшном Суде Своём: "*Аминь глаголю вам, понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе*" ***(Мф. 25, 40)***. И введёт Господь усердно послужившего братии в вечный покой и наслаждение рая. Помни, что чаша холодной воды не лишится мзды своей на Небе, и не упускай случаев увеличить мзду твою. Имей мысль, что служишь не человекам, а Ангелам – и усладится тебе служение твоё. Оказывай любовь и услугу ближним ради Бога, а не по сердечному чувству, влечению, избранию, тем менее пристрастию, – и очистится от нечистоты служение твоё, – будет жертвою, благоприятною Богу… Преуспевай, мужайся в этом служении, веруй обрести посредством его спасение души своей. Остерегайся уязвлять ближнего! Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближних – наша жизнь и смерть: если упокоим брата, – Бога упокоим. А если оскорбим брата, то согрешаем против Самого Христа». И так убойся оскорблять братию! И услугу, и оскорбление, сделанные ближнему, принимает Христос, как бы они сделаны были Ему – Господу. Когда должно отказать в чём брату, – откажи с тихостию и вместе твёрдостию, объяснив невозможность исполнить его желание. Если же когда увлечёшься и согрешишь в чём по свойственной всем человекам немощи, – не предавайся унынию. Напротив того, немедленно прибегай с раскаянием к Господу, моли Его, чтоб простил тебя – и простит тебе. Христос с тобою» (187).

X. Сверхсильный подвиг

О подвиге, превышающем силы, святитель Игнатий говорит кратко, но, как и в иных наставлениях, мудро, глубоко. «Подвига как телесного, так и умственного, превышающего силы твои, отрицайся. Господь любит смирение, а безумной ревности к сверхсильным подвигам, каким бы то ни было, не приемлет: потому что в стремлении к сверхсильному подвигу – гордость и самомнение. Подвиг сверх силы, по учению святых Отцов, очень вреден и приносит или смущение, или самомнение, или то и другое попеременно, что и служит доказательством, что

в сверхсильном подвиге нет истины, но есть ложное состояние души» (244). «Остерегись от сети диавола, который внушает непременно человеку приняться за жительство и подвиги, превышающие силы его: диавол делает это с тем умыслом, чтоб истощить преждевременно силы человека и сделать его не способным ни к какому душеполезному занятию» (334).

XI. Советы настоятелю монастыря

Сущность служения настоятеля монастыря определена так: «Мы, настоятели – не более как орудия Промысла Божия. Мы сами по себе ничего не значим, и, без особенной помощи Божией, не можем окормлять не только ближних, но и самих себя» (334).

Служение настоятеля – особое служение, и не всякий может быть допущен к нему. «Тебе (наместнику иеромонаху Игнатию. – *К.С.*) очень полезно настоящее твоё положение, хотя оно и сопряжено с некоторыми неприятностями… То время, которое ты будешь управлять монастырем, подвинет тебя и в опытности, и в духовном успехе и привлечёт к тебе расположение братства, которое ты можешь иметь по самому природному твоему свойству» (131). Но в ином случае Святитель высказывает иное пожелание: «Почитают за великое – игуменство и прочие земные приобретения, но узнавшие Христово учение, считают все земные приобретения потерями, как отвлекающие от того, что едино на потребу. Я вам не желаю игуменства, как ввергающего в земные попечения, наполняющего сердце брёвнами, кирпичами, известкою, а что ещё хуже – гордостию, сварами, и прочим Господу противным» (210).

Быть настоятелем нелегко. Вместе с братией руководитель должен делить радости и печали, проливать слёзы и даже кровь. «Что уж делать? Такова судьба настоятелей» (92).

Характеризуя своё настоятельское служение, святитель Игнатий сознаётся: «В последнее время у меня очень было на совести, что я мало занимался братиею, то есть назиданием их. Это занятие намереваюсь возобновить, когда Милосердный Господь возвратит меня с обновлёнными силами» (136-137).

Настоятель обязан с большой осторожностью принимать в монастырь – тщательно проверять, с каким устроением идут сюда из мира. «От печали, – говорит Святитель, – не должно идти в монастырь, в который можно вступать только по призванию. Все, сколько их знаю, поступившие в монастырь по каким-либо обстоятельствам внешним, а не по призванию, бывают очень непрочны и непременно оставляют монастырь с большими неприятностями для монастыря и для себя» (134).

Насельников обители подобает руководить с пастырской любовью, а более всего – усердно молиться о них. «На ближних сильнее действует молитва о них, нежели слово к ним, потому что молитва вводит в действие Самого Всесильного Бога, и Бог творит с созданием Своим всё, что Ему благоугодно. Он отверзл сердечный слух для внимания словам Павла; а в тех случаях, когда не действовал перст Божий на слушателей, слова самого великого Павла оставались бесплодными» (335).

О строптивых, непокорных, «не внимающих слову спасения не надо очень печалиться; но, сказав им подобающее, предавать их воле Божией, которая может их обратить на правый путь чрез другие орудия и средства, которых в деснице Его бесчисленное множество. К несчастию нашего времени... многие, вступая в монастырь, занимаются одним земным и пребывают чуждыми монашеской цели и монашеского направления; сверх того, примером своим и влиянием потрясают и других неутверждённых. Что ж делать? Такое положение очень бедственно; но и это бедственное положение должно возлагать на волю Божию, и от души признавать, что мы не заслуживаем другого положения, а если б заслуживали, то Правосудный и Милосердный Бог непременно даровал бы оное» (335).

Даёт Святитель и весьма нужное предупреждение: «Сохрани Боже делать что-либо для наказания глупого характера» (143).

Всё настоятельское служение подобает проходить в терпении и смирении. «В терпении вашем стяжевайте душу вашу и души словесных овец ваших, предавая их умственно воле и Промыслу Божиим» (334). «Вы мечтаете о себе много, вы приписываете себе много, а вы –

немощные люди! Вы почтены самовластием, а вместе с тем не престаёте быть орудиями, слепыми орудиями, вполне орудиями! И того даже вы не видите и не ведаете, что вы орудия!» (201).

Такое размышление и духовное устроение доставит благо обители и сердцу руководителя её спокойствие (335).

«Будем, – завершает Святитель, – пасти вверенных нам овец прилежными и многими о них молитвами, верою, смирением, терпением, душеназидательным посильным и умеренным словом, чтоб слово учащаемое не произвело, по замечанию некоторого великого Отца, отвращения к слову в слушателях. И Бог да покроет нас» (335).

XII. Образ инока-подвижника

Всё изложенное (в X разделе) рисует образ инока с разных сторон его подвижнического жития. Как бы в дополнение к сему Святитель приводит и обобщённые свидетельства о том, кто такой инок-подвижник.

Образ инока-подвижника во многом напоминает образ христианина первых времён. Первые «христиане жили, как приговорённые к смерти, не зная, в который час Жених придёт, – приготовлялись к смерти, расточая тленное имущество нищим, пребывая непрестанно в молитвах и сердцем живя более на Небе, нежели на земле. Весьма многие проводили жизнь девственную, подвижническую – все. Не было мысли о забавах, роскоши, стяжании, своеволии. Можно сказать, все были монахами» (481-482).

Телесный подвиг у православного инока непременно соединяется с глубокой любовью и сокрушённым сердцем. Без сего он становится кимвалом, звенящим тщеславием, и медью, звенящей «от пустоты своей» (486). Не имея христианской любви, он отделяет себя от братий, остаётся один. «Горе единому, – говорили святые Отцы, – брат же от брата укрепляем, яко град утверждён» (747).

Наглядными, живыми представлениями облика истинного инока служат примеры самих подвижников времени святителя Игнатия. Так, о преподобном Макарии Оптинском († 1860) сказано: «Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врождённые, образование себя чтением Отеческих книг» (729). «Вот духовный

писатель, ушедший далеко от всех духовных писателей нашего времени, – читаем о Задонском Затворнике Георгии. – Дворянин, воин, он сложил оружие вещественное, чтобы вступить в поприще брани духовной, провёл в неисходном затворе семнадцать лет и скончался в 36-м году, будучи 47-ми лет от роду, духовным успехом заменив лета многа. Писал он многим, к нему расположенным особам, письма, которые по смерти его собраны, сколько можно было собрать, и напечатаны. С пера его текут струи благодатные, недостаточество внешнего образования заменяется обильным достоинством духовным» (480). А о Харьковском епископе Иннокентии сообщается, что внешне он не показывает святости и «не претендует» на неё, «а расположен более всех делать добро, более и толковее всех занимается религиею, любит истинное монашество» (145). Это те светлые Личности, которые не только являют образ истинного подвижника, но «благородством жития» своего и обличают «невоздержных… разрешённых чувствами» (230).

Сопоставляя подвиг иноков древнего времени с подвигом монахов последних лет, святой Игнатий утверждает, что первым даны были огненные крылья, на которых они словно «молния перенеслись чрез море страстей». Вторым же не дарованы были такие крылья, а некие слабые, и, тем не менее, они, хотя и с большим трудом, многими усилиями, бедствиями, но также «перелетели через море». А посему: «Не будем унывать! Не будем безрассудно стремиться к блестящим подвигам, превышающим наши силы, примем с благоговением смиренный подвиг, очень соответствующий немощи нашей, подаяемый как бы видимо рукою Божиею. Совершим этот подвиг с верностию святой Истине – и среди мира, шумною, бесчисленною толпою стремящегося по широкому, пространному пути вслед своевольного рационализма, пройдём к Богу по стезе узкой послушания Церкви и святым Отцам. Не многие идут по этой стезе? Что до того! Сказал Спаситель: “*Не бойтеся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство...*“ ***(Лк. 12, 32; Мф. 7, 13, 14)***» (443-444).

«На всём, что ни предпримешь с благою целию, буди благословение Божие» (306).

***

Итог всему изложенному можно подвести Богодухновенными словами святого Игнатия: «Послушай, что Господь сказал… *"Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровену на селе, еже обрет человек скры: и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то" (Мф. 13, 44)*. Что за сокровище? Дух Святый, вводящий в душу Отца и Сына. Какое село, на котором скрыто это сокровище? Покаяние. Как это село обретается? Живою верою. Что значит радость? Разженная ревность к делу Божию, рождающаяся от живой веры. Что знаменует: «скры? – Молчание и безмолвие. Что значит: „вся елика имать продает и купует село?" Нестяжание… О! Когда бы Всесвятая Троица призрела на нас бедствующих в волнах невидимого моря, даровала бы нам, мне и тебе, самоотвержением наследовать страну покаяния, соделалась бы нашим сокровищем, богатством неизмеримым и неисчислимым» (294).

XI. ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ

> «Новый человек, описанный, изображенный в Евангелии, да снидет мало-помалу из Евангелия в твою душу, да изобразится в душе твоей. Да изгладятся из неё черты человека ветхого»
>
> *(330)*

Воспитание молодежи и духовное образование стоят друг с другом в тесной связи. Их неразрывность чётко показана Кавказским Архипастырем: по его мнению, духовное образование без воспитания недопустимо. «Недаром один святой Отец говорит, что сеятель сеет сряду, а неизвестно, которое зерно взойдёт и который участок земли даст обильнейший урожай» (132). Чтобы зёрен взошло побольше – лучше, чтобы все взошли – и был снят хороший урожай, необходимо духовное воспитание.

I. Духовное воспитание

Святитель Игнатий, видя духовную беспечность молодежи, по-отечески скорбит о сем и всей своей чистой душой сожалеет о том, что она, сама того не сознавая, несётся в бездну греха и вечной гибели. «Как посмотришь на нашу молодежь, – рассуждает он, – то нельзя не пожалеть ее! Как она ветрена! Как не думает ни о чём, кроме удовольствий, расстраивающих и нравственность и здоровье, приготовляющих самую печальную будущность. Мне кажется, что всему этому причина – неправильное воспитание, дающее молодым людям неправильный взгляд на себя и на жизнь. Конечно, и при самом тщательном воспитании из дитяти глупого или с дурным характером ничего особенного ожидать нельзя; но где человечество, там и зло – без него человеческому обществу обойтись нельзя – однако же правильное воспитание, при многих исключениях, может дать и много прекрасных результатов» (675). Хорошие результаты могут быть достигнуты лишь тогда, когда и сами молодые люди задумаются над смыслом своей жизни, и когда им чаще будут напоминать о сем родители, воспитатели. «Ныне необходимо, – замечает Святитель, – каждому молодому человеку образовать себя удовлетворительно в юности, чтоб быть полезным существенно Отечеству и доставить себе хорошее положение» (675). Родителям он строго велит: «Охрани сына от ядовитых еретиков. Нареканий от него за недостаток погибельной, излишней светскости – не бойся: убойся того грозного наречения Господня, которое ожидает родителей на Страшном Суде Христовом за воспитание детей для вечной погибели: убойся тех отчаянных и бесполезных слёз и проклятий на родителей, которые тогда произнесут дети, воспитанные для ада» (696).

Святитель радуется, что есть и добрые ростки: «Многие помещики переходят от роскошной тщеславной пустой жизни к жизни скромной и трудовой. Эта жизнь доставит больше счастия, нежели сколько доставляла прежняя жизнь. Молодые баричи поймут, что нужно основательно образовать себя, чтоб сделаться членами нужными для общества» (676).

II. Духовное образование

Неоценимое значение в деле духовного воспитания имеет духовное образование. Потому Святитель решительно настаивает на том, чтобы прежде всего и главным делом – образовывали бы не столько ум, сколько сердце.

Рассуждения Кавказского Архипастыря по указанной теме настолько глубоки, что их можно и должно привести дословно. «Искренне желаю, – заявляет он, – чтоб реформы по духовным училищам достигли благих результатов. Весьма полезно воспитанников духовных училищ удалять, по возможности, от соблазнительных впечатлений мира и самому образованию дать характер более сильный и определённый, чтоб образование действовало не только на ум, но и на сердце, чтоб образованный в духовном училище воспитанник получал решительный характер православного христианина, приготовившегося служить Церкви от всей души. У нас выходит воспитанник с каким-то неопределённым направлением: он желает получить священническое место, если оно выгодно; если, по случаю, представится более выгодное место в приказных, то он нисколько не останавливается принять его. При беседах всегда слышишь на первом плане мысль о выгоде. Необходимо подробное преподавание Церковной Истории, чтоб воспитанники имели понятие о характерах исторических служителей Церкви. От преподавания, действующего исключительно на ум, происходит холодность к Церковному делу и является по преимуществу материальное направление. По причине этой холодности у нас почти нет монашествующих из воспитанников семинарий. Нейдут в монастыри! Не ощутили расположения к самоотвержению, к духовному развитию. От этого монастыри в большом упадке, будучи пристанищем для одной неграмотной ревности. Если б воспитанники семинарий шли в монастыри, они были бы совсем в другом положении. Буди воля Божия!» (63-64).

В следующем за сим письме Святитель продолжает развивать подобные мысли: «Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей

положительности ***(1 Сол. 5, 3)***. Есть много ведущих Бога и угодных Богу по свидетельству человеческому, но трудно найти засвидетельствованного Богом Боговедца и Богочтеца. Свидетельство Божие ясно, как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетворяться. Как хорошо поступали наши древние Отцы Церкви Православной! Они, обучившись наукам человеческим, воспринимали на себя иго Христово и на поприще самоотвержения, под руководством Креста Христова, научались Божественной Премудрости, и соделывалась для них человеческая учёность уничиженною рабою, которую они употребляли в услужение Божественной Премудрости для преподавания этой Премудрости своим ближним. Книжник, научившийся Царствию Небесному, может износить из себя и ветхое и новое, покорив ветхое новому и приспособив к нему; а ненаучившийся, очевидно, может износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производит и на ближних свойственное себе впечатление, хотя бы и говорили им о Боге... Спаси нас, Господи! Гибнем от себя, возлюбив собственные свои учения и отвергнув или мало ценя учение, ниспосланное нам Богом» (64-65).

Учителя, занимающиеся духовным образованием, только тогда исполняют и исполнят свои обязанности, «когда они ищут, чтоб в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, тогда эти Наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют» (258).

XII. ТРУДНОСТЬ ВРЕМЕНИ

> «За денежными выгодами не гонюсь, а если какие будут, желаю, по обычаю моему, употребить в пользу человечества и христианства. Моя единственная цель: не скрыть то, что может быть полезным для многих»
>
> *(571)*

Святой Игнатий в довольно тёмных тонах изображает состояние общества и светского, и, что ещё печальнее, церковного или считающего себя церковным. Подчас краски становятся настолько тёмными, что бывает трудно поверить – как могли так низко опуститься люди в то время, когда можно было подымать, звать, вести!.. Нелегко это и излагать!.. Поэтому здесь будут даны самые краткие сведения, в той уверенности, что Святитель говорит о всём с болью, и не просто для того, чтобы обнажить язвы, а чтобы встряхнуть пребывающих в спячке.

***

Наступило время, по мысли Святителя, сложное – «мудрёное». Всюду верх берёт зло, «а благонамеренные люди находятся в угнетении» (133). Дни утекают неприметно, быстро. Старое направление «уступает место направлению новому; новое ещё не определено. Не знаешь, что делать и как быть» (711). Все стонут под тяжестью духа времени (337).

В народе наблюдается отступление от православной веры – «кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индефферентист, кто раскольник» (765). Соблазны расширяются, козни так умножаются, что «даже в недре святых обителей каждого желающего спастись объемлет страх и недоумение» (787). Лжеименный разум жестоко волнует мир. «Все обычаи мира, прежде основывающиеся на законе Христовом, ныне основываются на нарушении этого закона. Прежде, при праотцах наших, целомудрие было

общею принадлежностию и девиц и юнош. Новейшая образованность лишила юнош, почти совсем лишила, целомудрия, а девицам еще оставляет целомудрие тела, довольствуясь развратом их ума и сердца» (827). Чиновники, кончившие разные университеты, «верują, кажется, в одни деньги; на корне зла вырастают все ветви зла. Что из этого будет? По всей вероятности, такие, кончившие курс в университетах, вскорости сделаются правителями и руководителями всего простого народа» (65). Крестьяне, простые люди «пропились и обнищали донельзя, что этого тока ничем нельзя удержать, потому что вдавшиеся в пьянство будут пить водку и тогда, когда бы вздумали повысить на неё цену. Это доказано опытами» (763).

Горестно положение Святой Церкви. «Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ, и все страны, в которых доселе держалось Православие. В особенной чистоте оно было сохраняемо в Молдавии, Валахии, Сербии» (775). Охлаждение к Церкви, к духовенству явилось вместе с разгульной жизнью. «Кутилы из крестьян кутят и впали в индифферентизм по отношению к религии; некутилы обращаются в большом количестве к расколу. Дворянство бедно и не может помогать церквам и духовенству, как помогали прежде. Содержание духовенства скудеет и скудеет» (763). Религиозное состояние крайне неутешительно: раскол, вольнодумство, огромных размеров отступничество, общая безнравственность... (682, 763). Невозможно найти таких, кто стал бы глашатаем Истины Христовой. «Науки есть, Академии есть, есть Кандидаты, Магистры, Доктора Богословия (право – смех, да и только); эти степени даются людям. К получению такой степени много может содействовать чья-нибудь б... Случись с этим „Богословом“ какая напасть – и оказывается, что у него даже веры нет, не только Богословия. Я встречал таких: доктор Богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не быль ли, подобная мифологической!!!» (133-134).

В монастырь идут из мира

Еще страшнее то, что греховная скверна прокрадывается в монастыри. «С сердечным сожалением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства. Кто приходит в монастырь?» – вопрошает Святитель и отвечает: «Замечают, что ныне стало поступать в монастыри из мира очень-очень мало благонамеренных, неиспорченных людей» (781, 337). Почти все приходящие в монастырь «уже расстроили свою нравственность среди мира. Нет условий в самом народе для того, чтоб существование монашества продлилось; так в высохшем дереве нет условий, чтоб оно давало лист и плод! Сверх того бури извне усиливаются сорвать его с лица земли» (781). Святой Игнатий свидетельствует, что во время своего «новоначалия» «не мог найти монаха, который был бы живым изображением аскетического учения Отцов Православной Церкви. Желание последовать этому направлению, по причине сознания правильности его, поставило меня в положение оппозиционное по отношению ко всем и ввело меня в борьбу» (114). Нет истинных подвигов, нет примерного монашества, нет искусных духовных руководителей – «одни скорби заменяют собой всё» (786). Монашеские уставы, написанные велением Божиим, «потрясены установлениями плотского разума человеческого; духовное преуспеяние исключительно какого-либо лица опасно; потому что непременно влечёт имеющего его к превозношению и уничижению ближнего. По сим причинам осталось израбатывать спасение одним крестом. Таков удел ныне спасающихся» (829). Да и можно ли что «требовать от монастырей, когда мир доставляет им людей испорченных, когда они повсюду окружены безнравственностью, когда сверху гнетёт их безнравственность? Язва, которая исцеляется одною смертию» (777).

Невзирая на все трудности времени, Святитель верит в то, что всемогущая десница Божия не оставит тех, которые возложили своё упование на Бога «при посильном служении Ему» (781). «Велик Российский Бог. Молить должно Великого Бога, чтоб Он сохранил духовно-нравственную силу нашего народа – Православную веру»

(122). «Святые Отцы Церкви Православной, – свидетельствует святитель Игнатий (тоже святой Отец), – предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество. Это чувствуют и иностранцы. Недавно один Английский государственный человек, в собрании, в котором рассуждали, что бы предпринять против Русских, воскликнул: „Оставьте в покое этот народ, над которым особенная рука Судьбы, который, после каждого потрясения, способного, по-видимому, погубить его, делается сильнее и сильнее“. После Севастопольской катастрофы, стоившей России 250 тысяч народа убитыми, в ней прибыло народонаселения более 6 миллионов. Эти миллионы разместились во все дома, между тем как Франция и Англия свои избытки должны постоянно выселять. Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль предвещает их и ясно обнаруживает, что народ может, и должен, соделаться орудием гения из гениев» (107-108). Но должно вернуться к святоотеческим правилам (777), «потрудиться вместе для пользы христианства и человечества, иначе для пользы Церкви Православной и тесно связанной с нею пользы Отечества» (699).

«Прошу ваших святых молитв, – обращается Святитель к современникам, а теперь и ко всем нам, – о всём православном народе нашем» (122). Исполним же эту задушевную просьбу Святого Божия Служителя – и благословение Господне, которое он призывал на своих современников, почиет и над нами!

Заключение

Познакомившись с наставлениями святителя Игнатия, загляните в своё сердце, осяжите его! «Не раздаётся ли в нём чувство легкости, свободы, радости, извещения? Такие бывают ощущения в душе, когда она получит дар свыше» (308-309). И если этот дар сошёл и принят «рукою веры» – начинайте «наследовать землю обетованную! ***(Втор. 2, 31)***» (309). Познав путь спасения, «не останавливайтесь вступить на него. Заключите блаженный завет, союз со святою Истиною, положите в душе вашей пребывать верным во всю жизнь Истине. От одного этого благого намерения прольётся в ваше сердце лёгкость, радость, сила – свидетели принятой святой Истины» (441). «Веруйте Всемогущему Богу, надейтесь на Него, живите терпеливо и постоянно, живите в простоте, в покаянии и смирении, предавайтесь воле Божией, когда случится сбиться с правого пути, – снова на него направляйтесь, – и спасетесь» (354).

Какая мысль сопутствовала читателю писем святого Игнатия на протяжении всего этого отрадного занятия? Та же, что и Великому святому автору их: дал бы нам Милосердный Господь видеть друг друга со всеми родными, близкими, дорогими «в селении вечном, полном света и радости, полном славословия Богу» (351).

***

Святая Православная Церковь свои многочисленные и разнообразные молитвы завершает словами: «Сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим!» Заключим и мы с Вами, дорогой Читатель, этими словами наставления Кавказского и Черноморского святого Отца.

«Слава Богу за всё!» (706).
«За всё слава Богу!» (790).
«Слава Богу за всё! Да совершается Его всесвятая воля над нами, а нам да даруется благоговение и покорность, которые мы обязаны иметь к судьбам Божиим» (744).

ЧАСТЬ II

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ (ДРОЗДОВ)

Святитель Филарет (Дроздов)

К ДУХОВНОМУ ОБЛИКУ ХРИСТИАНИНА
(по письмам и мнениям святителя Филарета Дроздова)

«Радуйся, святителю Филарете, Церкви Русския похвало и утверждение»

Из акафиста святителю Филарету (для келейного чтения)

«Отторгнемся на время от всего земного и преходящего, к которому привязаны – то по необходимости, то по воле, – и свободно и неразвлечённо воззрим к Небесному и Вечному. Се из тридневного Гроба восходит Свет жизни вечной. Одни видят и веруют, другие не видят и веруют: и все блаженны тем, что веруют»

Святитель Московский Филарет

«Митрополит Филарет! Это имя, блиставшее в истории Российской Церкви и Российского государства на протяжении многих десятилетий, сиявшее всё более и более ярким светом, ни на мгновение не померкнувшим, „имя, грозное для лжи, неправды, зла и мрака, – и любезное, честное святое для истины, правды, света, добра“ [1]. Это имя является теперь синонимом закона, правды, мудрости, непререкаемости. И теперь нет и в будущем, надеемся, не будет главы, которая бы не склонилась в благоговейном безмолвии пред этим великим и славным именем». Так писал в самом начале XX века иеромонах Алексий (Симанский), будущий Патриарх Московский и всея Руси (1945-1970) [2]. И мы сегодня склоняем пред этим Святителем (1782-1867) – уже прославленном (4 декабря 1994 года) в лике Святых – свои головы, как мудром святом Учителе, постоянно зовущим нас своими Богопросвещенными словами к правде, свету, добру – к духовному преображению.

Наставления святителя Филарета широки и глубоки. В данном сообщении будет представлена лишь частичка его богатейшего духовного наследия [3].

---

[1] Памяти Филарета, Митрополита Московского. «Душеполезное чтение». 1868. Ч 1 С. 27.

[2] *Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский).* Митрополит Филарет о господствующих в современном нравственно-правовом сознании понятиях. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 8.

[3] Использованы только следующие издания:

1. *Святитель Филарет (Дроздов)* Избранные труды. Письма, Воспоминания. М., Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2003. С 990.

2А *Филарет, Митрополит Московский и Коломенский.* Творения. Составление и вступительная статья священника Максима Козлова. Издательство «Отчий дом», 1994. С. 478.

2Б *Святитель Филарет, Митрополит Московский.* Избранные творения. Издание второе. М., храм святой мученицы Татианы при МГУ, 2004. С. 440. (То же, что и № 2 А, кроме раздела : «Молитвы», который имеется лишь в первом издании).

3. *Святитель Филарет, Митрополит Московский* Мнения, отзывы и письма. М., 1998 С. 369 + XII.

4 *Святитель Филарет (Дроздов).* Избранные творения. Акафист Составитель Александр Яковлев. М., Паломник, 2003. С. 320.

***

Духовный облик христианина – это нечто и данное и заданное; это то, что и Господь вложил в него и то, что он должен развить до высочайших свойств Творца; то, что определяет его внутреннее величие – и красоту выражения его; его душевный склад – и его действия… Святитель Московский Филарет весьма лаконично, но и весьма поучительно, точно говорит и о первом, и о последнем.

Во всей силе духовная красота является в христианине тогда, «когда Господь Иисус Христос есть его сердце и его жизнь» (2 А: 247; 2 Б: 318 [1]). А для сего требуется «*веровать, исполнять заповеди, очищать сердце*» (2 Б: 319).

Компасом в духовном пути служит упование на Господа. «Бог, – пишет святитель Филарет, – хочет терпения и надежды, если подвергает душу лишению для её испытания и очищения» (2 Б: 319).

Славнейшая и необходимейшая добродетель есть *любовь*. «Не любим, сказано, словом или языком, но делом и истиною… Сердца чувствительного и любящего не браню, – продолжает размышлять Святитель, – ибо лучше ли холодное и каменное? Каменное надо разбить, холодное согреть, чувствительное и любящее надобно возвысить от любви естественной к духовной» (2 Б: 324, 325).

В духовной жизни и для духовной жизни важна *молитва*.

Господь не требует от нашей немощи «суровой пищи, жесткого ложа и подобного сему… но тихой молитвы» (1: 682). «Молитва приближает к Богу», вводит молящегося в «средоточие» духовных существ. Душа его горит тихим и чистым огнём, «но не пригорает, кипит, но не выкипает, изливается, но не истощается» (2 Б: 320); «кипит огнём Божественного желания» – и этот духовный огонь «служит ей в одно время и силой для действования, и бронёй для защиты» (2 Б: 328). Душа усиленно молящегося входит «в общение с тем, за кого молится», простирает «ток силы к тому, кто ждёт помощи» (2 Б: 320).

---

[1] Сноски ставятся в скобках в тексте. Первая цифра указывает порядковый номер книг, перечисленных выше. Цифры после двоеточия указывают страницы данной книги.

В молитве надо стараться быть «постоянну и непоколебиму нечаянностями, также надобно в ней быть тиху и смиренну и не давать дерзновения воображению» (2 Б: 320).

Молиться подобает и наедине, и в семье, и в храме Божием… «И в семейной жизни можно находить и отделять время для молитвы и молчания, – учит Московский Архипастырь. – Домашнюю молитву Господь примет вместо церковного Богослужения, когда в сем участвовать нет удобства. Двум господам работать никто вам не советует. Но работать Господу можно и в уединении, и в семье. Если же точно видите препятствие в сем последнем положении, останьтесь в первом». При невозможности посещать храм Божий – не принимать сие со скорбью, а пребывать в мирном послушании воле Божией. «Имя Господне да обитает в сердце вашем, и фимиам молитвы да восходит горе́ от души вашей, и тогда вы не чужды храма Божия» (2 Б: 321). Но, сказав так, Святитель подчёркивает спасительность Богослужения. «Услышав благовест, приходите мыслью в церковь, припоминайте себе тамошнее действие и молитесь». Подчеркнув сие, он заповедует строго соблюдать в пении благоговение молитвы: «Надобно поговаривать поющим, что пение искусное приятно людям на краткое время, а пение благоговейное угодно Богу и людям полезно, вводя в них дух, которым оно дышит. Пения по нотам я не запрещаю, но пения партесного никогда в женских монастырях не находил порядочным, и потому никогда не одобрял. В нём более труда, нежели пользы, более тщеславия мнимым искусством, нежели назидания и помощи молитве» (2 Б: 341).

Святитель сетует, что «православное Богослужение – древнее, мудрое, полное благодати и назидательности – мы исполняем слабо, спешим, сокращаем и ещё стесняем оное новосоставленными песнопениями, подражая одному или двум истинно церковным, во внешней словесной форме, немного заботясь о том, ясен ли в них дух жизни». Так поразмыслив, святой Филарет вопрошает: «Что же нужнее: стараться ли дать большую силу существующему Богослужению или усложнить стесняющую его силу?» и

предостерегает от употребления широко распространяемых новоявленных акафистов. «О акафистах моя мысль, чтобы употреблять древние Иисусу Сладчайшему и Божией Матери, а не вводить новых, которые дозволено напечатать, но которые не получили еще полного характера церковного. Всем новым творцам акафистов надобно пожелать, чтобы их акафисты были произведением духа, а не произведением литературы, чтобы они читающего возводили к созерцанию или погружали в умиление и питали назидательностью, а не осыпали градом хвалебных слов, с напряженным усилием отовсюду собранных. Святой Григорий Богослов не написал акафиста святому Василию Великому. Не излишне было бы рассудить – полезно ли для Церкви печатать новосоставленные службы и акафисты, в которых много слов и мало духовных мыслей и назидательности, и занимать сим неразборчивых, тогда как не находят довольно времени и усердия в точности исполнить Богодухновенными Отцами переданные существенные службы» (2 Б: 342-343).

Если во время молитвы придут слёзы, надобно возблагодарить всемилостивого Бога «и пользоваться ими для очищения души. Но как ничего не должно быть чрезмерно, то и слезам иногда надобно поставлять предел, чрез обращение ума к другому доброму занятию» (2 Б: 321).

Когда молящийся почувствует «несовершенства» своей молитвы – должен, по возможности, исправлять их, а не унывать от них. «Надобно различать дело молитвы от услаждения в ней. Дело делает человек, и должен делать постоянно и неослабно по правилу и порядку, а утешение дарует Бог по благодати, когда то нужно для привлечения или подкрепления человека, и когда человек оное принять может» (2 А: 330; 2 Б, 320). Тоже постоянство и неослабность требуется и при возникновении любых препятствий к творению молитвы. «Вы, – пишет Святитель одной игумении, – жаловались, что Вам препятствуют молиться. Вы бы вспомнили авву, который, пришед в царский дом, в ожидании царя стоял в углу и читал про себя часы» (1: 688).

При совершении молитвы должно хранить благоговение. Да и не только при молитве – «благоговение к святыне надлежит обретать постоянное, по возможности, а не на короткое время возбуждающееся. Если трепет пред святынею приходит и проходит, надобно, чтобы оставалось в душе смиренное и умиленное желание общения с Господом» (2 Б: 320). Церковные служения утверждаются «на благоговении и страхе Божием» (2 Б: 346).

Действенной молитва бывает тогда, когда она возносится в смиренном сознании своего недостоинства, в сокрушении о своих грехах. Святые Отцы говорят: «Если нет сокрушения и умиления, должно подозревать, нет ли тщеславия» (1: 675). Именное *смирение* вносит в душу тот мир, без которого молитва – пустой колос. «Душа несмиренная, непрестанно порываемая и волнуемая, мрачна и смутна, как хаос; утвердите силу её в средоточии смирения, тогда только начнёт являться в ней истинный свет и образовываться стройный мир правых помыслов и чувствований. Гордое мудрование, с умствованиями, извлечёнными из земной природы, восходит в душе, как туман, с призраками слабого света; дайте туману сему упасть в долину смирения, тогда только вы можете увидеть над собою чистое высокое небо. Движением и шумом надменных и оттого всегда беспокойных мыслей и страстных желаний душа оглушает сама себя, дайте ей утихнуть в смирении, тогда только будет она способна вслушаться в гармонию природы, ещё не до конца расстроенную нынешним человеком, и услышать в ней созвучия, достойные премудрости Божией. Так в глубокой тишине ночи бывают чутки и тонки отдаленные звуки» (2 Б: 325). Звёзды можно увидеть и днём, но только из узкой и крутой глубины. То же и в мире духовном: «Чем глубже человек в смирении, тем лучше видит Небо» (2 А: 328).

Величайший пример смирения показал Богочеловек – Господь наш Иисус Христос. «Слава Христу Богу, явившемуся в смирении естества нашего, да явит нам образы смирения. Он явился в вертепе, чтобы мы довольны были не красною келией, – в яслях, чтобы мы не требовали мягкого одра, – в пеленах, чтобы мы любили

простую одежду, – в несловесности младенческой, да будем яко дети простотою и незлобием и да не разрешаем своего языка на празднословие» (2 А: 328-329). И добрый Архипастырь призывает учить богомольцев: «Надобно сказывать им, чтобы со смирением избирали место в церкви, что и удобно, потому что тесноты в пост не бывает» (1: 704).

Яркими чертами в духовном облике вырисовывается «мир Господень» (1: 686), «мир окрест, наипаче же внутри» (1: 749). Для чего он нужен нам? «Для чего Сам Господь наш Иисус Христос повелевает призывать его? – вопрошает Святитель и отвечает: – Без сомнения, или для того, что имеем в нём недостаток или несовершенно им обладаем, или обладаем не без опасности нарушения и утраты оного. Так бывает со всем во времени: неизменное, ненарушимое, безопасное принадлежит вечности» (1: 682-683). Мир, спокойствие духа – это лекарство, которое мы можем сами принимать «и которое важно не менее внешних врачебных средств и для тела, много же паче для души» (1: 685). Человека немирного к начальнику «боюсь, – говорит святой Филарет, – хотя причина сего иногда может быть и в начальнике, но сыны мира и с немирным начальником умеют сохранить свой мир в терпении» (1: 701; 2 А: 350). Потому-то Святитель велит: «Имейте мир со своей стороны и не судите строго, если с другой стороны не довольно явственны выражения мира» (2 Б: 322). С упованием на Бога несите трудности и сохраняйте мир, «хотя бы не встречали его со стороны других. Ибо речено: с ненавидящими мира бех мирен. Да дарует же Господь и им возлюбить мир» (2 Б: 323).

Где мир, там и *прощение*, и *милость*, и *неосуждение*.

«Дар прощать, – размышляет Московский Святитель, – выше дара исправлять наказанием. Успевает тот, кто берется за дело своей меры» (2 Б: 337). Особенно ценно смиренное заблаговременное – не в последние дни жизни – прошение прощения пастыря у паствы. «Так христианин всегда готовится к смерти: она страшится тех, которые видят её… Я желаю вам видеть её и не быть от неё видимым» (1: 638).

«Вам, – напоминает Святитель, – сказал Сын Божий: "От сущих творите милостыню". Исполняйте сию заповедь и спасайтесь ею. А для того, нужно ли кого очистить бедностью, Бог не попросит у вас помощи. Если хочешь сделать добро и искушаешься помыслом тщеславия и если дело терпит время, не спеши делать и укроти помысл тщеславия. Но если надобно накормить голодного – поспеши накормить, и также поспеши осудить и попрать твоё тщеславие» (2 Б: 329). Святитель понимает милость не только как накормить голодного или одеть нагого, но и как снисхождение. «Миловать и тайно врачевать – бесспорно хорошо, когда так приемлется врачевание. Но когда явен проступок и явное неповиновение исправлению, и когда человек стремится далее на стропотный путь, не знаю, довольно ли сказать: "Поди с миром". Надобна некоторая осторожность, чтобы своеволие и худой пример не являлись побеждающими и торжествующими… Снисхождение к преткнувшемуся и падшему надобно иметь, но снисхождение к небрежному и закосневающему в падении имеет в обществе неблагоприятное действие, охлаждая ревность и распространяя небрежение. Надобно беречь каждого, но ещё больше беречь дух всего общества» (2 Б: 337). Тем не менее, в строгости надо быть весьма и весьма осмотрительным. «В строгости остерегаться надобно, да не преломится сокрушённая трость» (2 Б: 538). И святой Филарет с архипастырской любовью призывает: «Помянем пред Господом друг друга, да помянет нас, и примем милость и благодать обрящем» (1: 663).

С той же святительской заботой святой Филарет учит *не осуждать* друг друга, «*Не судите, да не судимы будете*, – повторяет он слова Христа Спасителя и продолжает: – Хотя бы показалось, что и не без причины осуждаете, потому что ближний своему Господеви стоит или падает. А ещё хуже, если судите, как судят судии помышлений злых. Вы думаете, что люди празднословят, а они говорят о пользе души и о делании добра» (2 Б: 323). По своему произволению не надо обличать человека, «разве сам он подаст случай сказать ему истину. Обличать за себя трудно, чтобы не примешалось

самооправдание. Притом обличение может обратиться в неприятность другому человеку, чрез которого перешли речи. Не лучше ли помолиться только, чтобы Бог вразумил каждого смотреть на дело ближнего простым оком, без осуждения и подозрения» (2 Б: 321). Ещё менее надобно не впадать в осуждение «по слухам» (1: 703). Правильно поступим, если будем «намерение и сердце ближнего понимать в хорошую, а не худую сторону», тогда мы будем «безопаснее от вредной погрешности, и он удобнее сделается лучшим» (2 А: 334). Человек духовный «никогда не осуждает, а винить невинного и мирские не почитают добродетелью» (1: 680)... Богомудрый Святитель чётко и предельно ясно указывает верный путь к неосуждению: «Надобно учиться постепенно сперва осуждать себя за осуждение ближних, потом удерживаться от осуждения словом, когда мысль на то подвигнется, далее удерживать самую мысль. Кто довольно знает и судит себя – тому недосужно судить других» (2 Б: 322).

Если осуждения надо избегать, то говорить правду «дело хорошее, когда нас призывает к тому обязанность или любовь к ближнему, но сие делать надобно, сколь возможно, без осуждения ближнего и без тщеславия и превозношения себя, как будто лучше другого знающего правду. Но притом надобно знать людей и дела, чтобы вместо правды не сказать укоризны и вместо мира и пользы не произвести вражды и вреда» (2 Б: 323). Истину, какой бы она ни была (может быть печальной), следует «видеть и показывать, и учиться от неё, чтобы не дожить до истины более горькой, уже не только учащей, но и наказующей за невнимание к ней» (2 А: 337).

Одной из важных сторон духовного облика христианина служит мужественное *крестоношение*, терпеливое перенесение скорбей, спокойное шествие по узкому пути.

Ещё в древности беседовали Египетские святые Отцы: «Что сделали мы?.. – Мы исполнили заповеди Божии... Что сделают те, которые будут после нас? – Они будут исполнять делание вполовину против нас... А что сделают те, которые будут после них? ...Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им

попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших»[1].

Святой Филарет учит, что нам надобно так подвизаться, «чтобы от памяти и любви Божией никакая скорбь не отлучала нас и на краткое время» (1: 690). Более того, на скорби должно смотреть как на посещения Божии по праведным судьбам. «Они должны побуждать иных к терпению, иных к исправлению, иных к благотворению, а посвятивших себя Богу наипаче к углублению молитв о наших грехах и о людских неведениях» (2 Б: 324). В болезни правильно и полезно «испытывать чувство отрешения от мира, чтобы и после болезни придерживаться сего чувства. Неудивительно, если чувство сие не так легко приходит после болезни, как во время болезни; в болезни Бог дарует оное на потребу немощному, а в здравии требует, чтобы он подвизался обрести оное» (2 Б: 327). Если помощь приходит не скоро – унывать не надо, а продолжать стучать в дверь милосердия Божия, «возводить взор к милующему Богу» (2 Б: 331), подвизаться, «чтобы удерживать неблагоприятные движения сердца и воли» (2 Б: 326). Жаловаться на тягость жизни нельзя – «Бог даёт и продолжает её для нашего спасения; следовательно, это дар. Дарующего благодарить должно, а не жаловаться» (2 Б: 331). Сильнейшее чувство благодарности должно быть тогда, когда скорби постигают безвинно. «В слове „безвинно" есть сильное врачевство против скорби» (2 Б: 328). Дело христианина нести возлагаемые на него кресты с любовью, с «детским смирением и христианским терпением, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях, а бодрствовать над собой и крепиться, дабы, изнемогши, не лишиться уготованной награды» (2 Б: 328). Правда, иногда бывает полезно вспомнить, «что не один ты несчастлив. Если бы ты мог видеть вдруг море всех человеческих бедствий, ты совсем бы не приметил волны, которая

---

[1] Жизнеописание протоиерея Валентина Амфитеатрова. «Я плакал о всяком печальном». Составитель *Г. Александрова.* М., 2005. С. 163-163.

угрожает теперь погрузить тебя в отчаяние» (1: 656). Также Святитель советует: «Если терпишь искушение и скорбь от ближних, упражняй себя в терпении и в прощении оскорбляющих. Так за динарий искушения можно купить сокровище добродетели» (2 А: 339).

Мера крестоношения, терпения наполняется «водою *кротости*» и возливается «на огнь ревности, чтобы он горел тихо и не разгорался без нужды до пожара, могущего, сверх опасения, повредить мирные скинии любви, снисхождения и смирения». И опять-таки Святитель советует: «На порицание лучше отвечать кротостию, нежели порицанием. Чистою верою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь» (2 Б: 322). «Только спокойные и кроткие обличения вразумляют людей, жестокие более раздражают, нежели пользуют» (2 А: 369)... Облик кроткого Святитель явил в своём описании последних дней земного бытия Митрополита Михаила Десницкого († 1821): «Смерть его честна. Обыкновенная кротость его в последнее время наипаче в нём просияла. Несколько последних дней ежедневно приобщался Святых Таин. Последние сутки были тяжки телесно; впрочем и сие страдание было тихо. 24-го дня прошедшего месяца (марта. – *К. С.*), после вечерни, когда в домовой церкви его пропели: „Ныне отпущаеши раба Твоего", он предал дух. Я видел его в самые лёгкие и в самые трудные часы его болезни, в сии последние особенно можно было чувствовать себя у предела вечности. Оплакан он усердно, погребён благолепно» (1: 662).

В духовный облик входят, как его составляющие, *радость* и *печаль*, но не земные, а небесные. «Радость земная проницается печалью, потому что душа сокровенно чувствует неудовлетворительность земного и потребности лучшего» (2 Б: 326). На земле есть печальные и утешенные. Первые, к сожалению, «не растворяют своей печали» духовным утешением. Вторые – «не примешивают к своему утешению несколько печали, которая происходила бы от любви и смирения. Есть люди, для которых невидимое как будто не существует». Но есть и такие, «которые силою воли сделали...

пролом в духовный мир, или думают, что сделали, и стараются удержать его открытым» (2 А: 335). Земная печаль может быть справедливой, «но никогда не должна быть чрезмерна. „Печаль многи уби, – говорит опытный мудрец, – и несть пользы в ней“» (2 Б: 327). Даже плач святых о лишениях временных «не назван благоприятной жертвой Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не Богоугодно, но даже бывает грешно. Нам сказано: *„Не скорбите, якоже и прочии не имущии упования“*» (2 Б: 328). Печаль никогда не должна превышать веру в Бога и надежду на Него. «Что бы ни произошло, надобно веровать в Его милосердие и надеяться на помилование от Него». А для сего должно «отвлекать мысль от предмета печали и занимать ум и сердце молитвою. Не должно смущаться тем, что в сих обстоятельствах молитва несовершенна. Приносите Богу намерение молитвы – Он призрит и даст молитву молящемуся» (2 Б: 328). Печаль же «о Господе проницается радостью, потому что душа предчувствует то, что сказано Апостолом: *“Печаль, яже по Бозе, спасение соделовает”*» (2 Б: 326; 1, 686). Может утешить, и утешить истинно, один Бог, «и тогда как дарует, и тогда как отъемлет» (2 Б: 328). «Радуйтесь Ему с трепетом, – зовёт Святитель и учит: – Хорошо, если радуемся Богу, Помощнику нашему. Но, когда к радости о Боге присоединяется радость о дарах Его нам, не всегда приметишь, как примешается сюда радость о себе, и сие примешение лишит радость Божественной чистоты, ей свойственной. Потому очень надобная осторожность присоединять к приятному пряное – к радости о Боге трепет о своём недостоинстве, которое может и чистый источник возмутить излишним движением, и свет затмить или превратить в поверхностный блеск и призрак» (1: 679). Итак, «да взыщем радости, в которой бы не скрывалось жало печали. Да не страшимся и печали, которая в радость будет» (2 А: 337).

В рассматриваемых творениях святой Филарет, хотя и мимоходом, но указывает и то, *что следует читать* и что не следует. «Для сего мало нужны и Апологеты, и западные отцы. Писания восточных Отцов суть достаточная сокровищница догматов и духовного учения

и для богословов и для народа. Западные более нужны для справок и выписок учёным» (3: 327-328).

Добрые дела, как весьма важные и нужные, надо стараться «*вести с осторожностью*, чтобы впереди их не шли наше мудрование и наша воля». Этот совет Святитель даёт дважды (см.: 1: 677 и 2 Б: 322). «Там, где дело идёт о целой жизни, несколько лет нерешимости простительнее, нежели минута опрометчивости» (1: 642).

Также требуется в поступках *умеренность* и *предусмотрительность*, «чтобы и строгость и снисхождение вели к улучшению дел и людей» (2 Б: 337). Истинная обязанность начальника и его помощника состоит не в том, «чтобы с завязанными глазами ходить между подчинёнными, а в том, чтобы, узнав претыкание брата, не думать, что мы лучше его, и чтобы действовать в отношении к нему так же безгневно, как и прежде сего сведения» (2 Б: 338). И Святитель ставит вопрос: «Как можно отказаться от обязанности знать истинное положение человека, который в нашем близком подчинении, который, следовательно, нам поручен и за которого мы должны будем дать ответ?» (4: 278).

Недопустимы в духовной жизни *леность, холодность, раздражительность, гнев, зависть* и проч.

«Если жалуемся на леность и холодность, – размышляет святой Филарет, – надобно поискать – не впал ли в душу какой из тех помыслов, кои тяготят душу, а не воспаряют горé, а это помыслы, в коих что-либо присвояется или приписывается себе» (2 А: 347).

Неполезны также раздражительность и гнев. Гневом можно «только произвести или увеличить раздражение другого, а привести в лучшее расположение можно только терпением и миром. Духовный закон говорит, что надобно помочь ближнему, и притом не оскорблять другого» (2 Б: 323). «Утишает нервы, – гласит он, – тишина духа» (1: 669). В минуты раздражения, гнева, негодования «не надобно позволять себе говорить и действовать, а надобно взять время, утишить страсть рассуждением и молитвою, и потом с умеренностью произвесть обличение и со снисхождением определить наказание согрешившему. “*Плод же правды в мире сеется творящим*

мир"» (2 А: 336). Обуздывать невежество «безумных человек» надобно «только с правдою и с умеренностью, а не с гневом, ибо "*гнев бо мужа, правды Божией не соделывает"*» (1: 663-664).

Уводит от правды Божией и уводит далеко *зависть*. «Отцы учат нас, – напоминает святой Филарет, – не останавливать мыслей наших на тех людях, которые занимают лучше нас положение, хотя, по-видимому, не больше – или не меньше – имеют на то права, но лучше смотреть на тех, которые не менее или не более нас имеют права на положение приятное, но находятся в более неприятном, нежели мы. Первое ведёт к ропоту или зависти, а последнее располагает быть довольным нашим положением» (2 Б: 331).

Общее правило или *«верховный закон» духовной жизни* гласит: «Не делать ближнему того, чего себе не желаем» (2 Б: 338). С этим законом неразрывна покорность воле Божией. «Мы должны взирать на волю и устроение Божие, и где Провидением Божиим поставлены, там по возможности трудиться и действовать» (2 Б: 339).

Примечательно, что Святитель не советует брать на себя самовольно, без должной подготовки те *подвиги*, которые превышают наши силы – *непосильные*. Вот его суждения: «Невидимые, но подлинные грехи видеть иногда препятствуют человеку видимые, но мнимые добродетели. Иной, например, без истинной надобности по собственной воле и выдумке обременяет тело своё веригами и вздумает, что он уже вступил в истинный чин Христовых крестоносцев и по духу, а не примечает, что на внутренней стороне вериг написано: "*...в самовольней службе и смиренномудрии непощадении тела*" ***(Кол. 2, 23)***. Сие, впрочем, говорю не против вериг, для которых есть люди, и времена, и причины» (1: 675).

Священнослужителям и инокам даются также весьма ценные и особые *указания*. Впрочем, некоторые из них могут в полной мере быть отнесены и к христианам-мирянам.

Рекомендуется, прежде всего, простота и доступность. «В служении нужна простота, естественность и внятное слово, без поспешности, но и без косности» (4: 284). «Обхождение простое, мирное, спокойное, как без изысканной ласки, так и без ухищряемой

холодности, полезно в отношении к немирным и не повредит мирным» (2 Б: 323). В ином состоянии – «с оком подозрительным можно дойти до человеконенавидения; кто хочет иметь любовь к ближнему, тот должен иметь око простое» (2 Б: 323)… При обличении заблуждений и заблуждающихся нужно иметь «терпимость, спокойствие, кротость, снисхождение; осторожность также нужна, как и ревность» (2 Б: 348)… Даётся особое указание – как подобает относиться к вышестоящим: «По уважению и любви к высшим не очень удаляйся от них, но и не очень приближайся к ним, чтобы не случилось быть им в тягость» и не подать «повода к смущению и соблазну» (2 Б: 348, 349)… Долг священнослужителя «говорить признаваемое по совести справедливым, и при малой надежде услышания. Ибо нам, – пишет Святитель, – сказано: если укажешь путь уклонившемуся, и он послушает, то спасёшь его и себя; если не послушает, то спасёшь, по крайней мере, себя; а если не укажешь, то приготовишь беду ему и себе» (3: 273). Для большей действенности слова Святитель советует прибегать к аналогиям: «Проповедовать без аналогий я бы не советовал» (4: 284)… Напоминается соблюдение определённых правил в отношении к церковному имуществу: «Трудно выговорить, чтобы облачение приобщить к наследству, ибо по древним церковным правилам церковная собственность всегда отделялась от личной; и не слыхано, чтобы омофор переходил к наследникам или наследницам» (4: 284)… Поучительно рассуждение Святителя об общественном служении пастыря: «Опасно искать общественного служения, когда знаем свои недостатки, препятствующие проходить оное с успехом, но и того, думаю, остерегаться надобно, чтобы не оставить служения, к которому призваны… Надобно в сем испытать себя, прежде нежели оставим своё место. Если же точно видим, что способности и силы наши не позволяют нам исполнить, чего требует служение наше, можно решиться оставить оное, чтобы не быть виною ущерба общего блага, и на сей конец представить начальству, какая способность или сила наша по примечанию нашему не соответствует потребности, и ожидать с послушанием, решится ли оно ещё

терпеть наши недостатки или признает нужным занять место наше иначе» (1: 669)… Московский Архипастырь, наставляя священнослужителя, одновременно и предостерегает его от возможных опасностей при различных искушениях. На вопрос: «Как враг имеет коснуться служителя алтаря?» он отвечает: «Так же, как дождь сквозь худую кровлю проходит в алтарь и в комнату, как ветер сквозь скважину задувает свечу в алтаре и в комнате. Алтарь и служение остаются святыми, а небрегущий о целости своей храмины обличается последствиями сего небрежения, малого или великого, и побуждается поправить кровлю, заградить скважину, чтобы предупредить больший вред» (1: 679-680).

Касаясь духовного облика иночества, Святитель пишет: «Монашество сделано на то, чтобы шли служить Богу и Церкви с пожертвованием всего» (2Б: 345)… Важнейшим в иноческом послушании является нестяжание. «„Монаху надобно, не откладывая, отдавать излишнее Богу или бедным“ (1: 703), учиться приносить в жертву Богу всё, что как-нибудь занимает» (1: 670). Так сказав, Святитель заключает: «Вот это дело! Да дарует Вам (отцу архимандриту. – *К. С.*) Бог успех!» (1: 670)… Греховна и потому губительна самонадеянность. «Берегитесь самонадеяния, – взывает святой Архипастырь, – берегитесь поступать по первым движениям собственной воли, рассуждайте о всяком деле со вниманием; очень мало дел, которые безопасно было бы делать как случится, советуйтесь часто со старшими и благонамереннейшими из братии, любите слушать правду и умейте не гневаться за правду грубую» (2 Б: 343)… Недопустим произвол – даже в том деянии, которое внешне выглядит вполне приемлемо. «Не надобно по лености делать меньше, нежели требуют, но не надобно делать и больше по произволу. В келии можно молиться сколько угодно, для церкви есть порядок более строгий. Как могут спросить: “Зачем не молятся?” Так могут спросить: “Зачем молятся?”» (2 Б: 344)… Не рекомендуется выходить из монастыря без видимой нужды. «Пчёлы улетают из улья и возвращаются, принося мёд, монахи выходят из монастыря и часто возвращаются, потеряв немало мёда и принося что-нибудь не столь

хорошее, как мёд» (2 Б: 344)… Хотя безмолвие и не отвергается, но вот как преподаётся: «Безмолвие, конечно, вещь хорошая. Но думаю, кто призван послужить в обществе, не должен уходить от сего без особенного указания от Провидения Божия» (2 А: 359)… Административную должность следует принимать со смирением, как послушание. «Торжествовать вступление в должность благочинной угощением, – пишет Святитель инокине, – значит провозглашать по-светски свой чин, которого ещё не дано, а не вступать в дело послушания с тихостью и смирением» (2 А: 359)… Чтобы изжить возможное преслушание в монашеской среде, «надобно внимание во время представления к пострижению. Кто только наружно стеснял себя, чтобы пролезть сквозь сию дверь, тот, прошед, скоро расплывается, а извергнуть за ограду труднее, нежели не принять в оную» (2 Б: 346)… Также необходимо выдерживать возраст: «Древним правилам не противно, а с обстоятельствами настоящего века сообразно не постригать женский пол ранее 30-летнего возраста» (2 Б: 346)… Как бы обобщая свои размышления об иночестве, Святитель сообщает: «Когда мне случалось говорить с пишущими устав монастырский, я всегда советовал умеренность законополагать для всех, чтобы исполнение было вернее. А ревнующие могут втайне приносить особые добровольные жертвы, под особым руководством» (2 Б: 346).

***

Действенным средством к стяжанию того доброго, что определяет духовный облик христианина, служит *память смертная* – память о конечности земного пути и последующих судьбах. Эта память помогает сердцу дать «уму движение к Богу» (1: 686), видеть в Едином Боге – «источник блага» (1: 690), «ходить путями правды» (2 Б: 327), – «веровать, исполнять заповеди, очищать сердце…» (1: 713). А как бывает в нашей жизни? Даже в благочестивом христианском обществе (в ином – избегают бесед о смерти) нередко можно

слышать разговоры о месте погребения, о памятнике, ограде или гадания о времени кончины… «Не полезнее ли, – заключает Московский святитель Филарет (а вместе с ним завершается и данное сообщение) – заботиться о том, как встретить кончину с миром и благой надеждой, нежели о выборе места в земле для земли, непременно такого, какое нам пришло на мысль, и готовить памятник, и сочинять надгробие?» (2 Б: 331). – «Да, полезнее пещись о приготовлении к будущему, нежели гадать о времени перехода. Всегдашнее внимание к приготовлению делает оный благим. Рано ли, поздно ли, любопытство не сделает оный лучшим. И когда напоминают о времени, возбуждают к приготовлению. Да поможет Вам Бог непрерывно пожити в ожидании блаженного упования Господа нашего Иисуса Христа и в очистительном приготовлении к принятию обетования сего верно и невозбранно» (1: 678). «Мир Господень, превосходяй всяк ум, да соблюдает сердце ваше и разумение ваше: сердце – в преданности воле Его, разумение – в послушании веры» (1: 686).

ЧАСТЬ III

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Что я принесу, или что воздам Тебе, Господи? Ничего у меня нет своего доброго, всё – Твоё. Научи меня горячо любить Тебя, Господи Боже мой!»

Святой праведный
Иоанн Кронштадтский

«МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ» СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО – ПУТЬ ОПЫТНОГО БОГОПОЗНАНИЯ

«Испытай себя чаще: куда зрят очи твоего сердца – к Богу ли и к жизни будущего века, к премирным, блаженным и светоносным Силам небесным и Святым, водворённым на небесах или – к миру, к земным благам: пище, питью, одежде, жилищу, к людям грешным и суетным их занятиям? О, если бы очи наши были устремлены выну к Богу!»
(*Св. праведный Иоанн Кронштадтский. М 1: 100*[1])

---

[1] *К.С.:* Мной приняты в сносках следующие условные сокращения творений святого праведного Иоанна Кронштадтского:

1 Д (Дневник отца Иоанна Кронштадтского. Моя жизнь во Христе. Бесплатн приложение к журналу «Русский Паломник» за 1903 г Книги I-III С. 800)

«Помни, что Господь в каждом христианине.
Когда приходит к тебе ближний, имей к нему всегда великое уважение, ибо в нём Господь, Который чрез него часто выражает волю Свою… Не жалей для брата ничего, как для Господа, тем более, что ты не знаешь, в ком Господь приходит посетить тебя»

(Он же. М 1: 107)

---

2 П (Правда о Боге, мире и человеке. Моя жизнь во Христе. СПб., изд. П Сойкина. С. 168).

3. М (Мысли о Богослужении Православной Церкви. Моя жизнь во Христе СПб., изд. П. Сойкина. С. 262).

4. Д 1 (Дневник св. правед. Иоанна Кронштадтского. Том II 1859-1860. Богопознание и самопознание, или внутреннее священнонаучение от Святого Духа. М., 2003. С. 808).

5. Д 2 (Дневник. Последние записи. – По материалам ж. «Православная жизнь», Джорданвилль, 1956. М., 2003. С. 128).

6. М1 (Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Том 1. М., 1899. С. IV + 398 + X).

7. М 2 (Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге. Том 2. М., 1899. С. II + 426 + X).

8. М 3 (Моя жизнь во Христе. ИМКА-ПРЕСС. Париж, 1984.С. 126).

9. Х (Мысли христианина. 1903.С. VI + 430. Дефект. экз.).

Стоящая после двоеточия цифра (или цифры) указывает страницу отмеченного творения св. Иоанна.

Сноски на другую литературу ставятся внизу под чертой.

Вместо предисловия

«Моя жизнь во Христе» – это своеобразный дневник великого русского Пастыря, святого праведного Иоанна Кронштадтского (1829-1908). Сам Батюшка так определяет его содержание: «В нём есть не что иное, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы».

Предлагаемый труд заслуженного профессора Московской Духовной Православной Академии, доктора Церковной истории Скурата Константина Ефимовича представляет собой систематическое изложение бесценного духовного сокровища, оставленного нам для наставлений в православной вере и святой жизни.

Надеемся, что сердечный голос дерзновенного Молитвенника и любвеобильного Печальника Российской земли пожелают услышать многие.

I. НАСЛЕДИЕ ПРАВЕДНИКА

«Господи! Да не будут дары Твои, духовные и вещественные, в нас и у нас праздны; даждь им движение спасительное и полезное. Сотвори сие во всех. Да умножатся таланты Твои, Господи, собственной деятельностью каждого из нас»

(М 1: 328)

«Оставим равнодушие и холодность, будем духом горящим работать Господу»

(М 2: 121)

Приведённые слова святого праведного Иоанна Кронштадтского, исполненные великой верой в бесконечную милость Божию и наполненные глубочайшей любовью к людям, имеют двоякое значение: свидетельствуют о постоянном труде Великого Угодника Божия и одновременно призывают человеческие души к прилежному приношению духовных плодов – «обратиться в огонь духовный» (М 2: 122).

Праведный Иоанн оставил нам богатейшее духовное наследие. Автор, прежде чем приступить к его изучению, собрал до 30 томов творений Батюшки в разных изданиях. Поначалу была мысль читать их все подряд, чтобы затем представить в привычной системе – по разделам: житие, творения, богословие (учение догматическое, нравственное, литургическое…). Но скоро автор почувствовал, что это потребует много времени, а им он уже (по библейскому возрасту) не располагает и потому решил несколько ограничить свой труд, остановив своё внимание на весьма ценном творении Праведника: «Моя жизнь во Христе». Если же Господь даст сил, то дальнейшая систематизация наставлений Великого Праведника будет продолжена. (Слава Богу! Труд продолжается).

По изданию «Русского Паломника» за 1903 г. и П.П. Сойкина творение «Моя жизнь во Христе» состоит из трёх неравных частей: «Дневника» (800 с.), «Правды о Боге, мире и человеке» (168 с.) и «Мыслей о Богослужении Православной Церкви» (262 с.). К сему автор присоединил ещё впервые опубликованный объёмный «Дневник» отца Иоанна за 1859-1860 годы (808 с.), последний «Дневник» (128 с.) и другие издания «Моей жизни во Христе», т.к. шрифт их более крупный и потому легче читаемый.

***

Все творения отца Иоанна исполнены горячей веры в Триединого Бога и призыва свято жить по вере, побеждать пороки и стяжать добродетели, сохранять сыновнюю преданность Святой Православной Церкви, как единой истинной и потому спасающей. «Моя жизнь во Христе» – это своеобразный дневник, по глубоко духовному своему содержанию, нисколько не уступающий сочинениям Вселенских Отцов и Учителей Церкви. В нём – в этом бесценном духовном сокровище – находим необыкновенно ярко выраженное свидетельство того, какие были у святого Батюшки времена духовного созерцания, благоговейнейшего чувства и душевного покоя в Боге, как духовно жил и как учит всех нас жить, чтобы не просто называться христианами, но таковыми быть. В нём, скажу словами отца Иоанна (так намерен говорить и дальше), «сердечный голос души моей к моему возлюбленному и любящему Творцу и Промыслителю и к добрым христианам» (Д 2: 3). «Всё содержащееся в нём есть ни что иное, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы… Содержание книги весьма разнообразно… Системы в книге никакой нет, но в этом и заключается, между прочим, особенность её… Для меня самого, признаюсь, книга моя всегда поучительна и назидательна» (М 1: факсимиле вместо Предисловия).

II. ПРИОТКРЫТИЕ ТАЙНЫ ДУХОВНОГО ВОЗРАСТАНИЯ СВЯТОГО ИОАННА

«Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою»

(М 1: 1)

Тайна духовного состояния отца Иоанна, как и его восхождения по ступеням духовной лествицы, довольно широко открывается в его книге «Моя жизнь во Христе». Подобное находится и в описаниях его жития, – подробных, обстоятельных. Достаточно вспомнить здесь огромный труд митрополита Вениамина (Федченкова) (1880-1961)[1], – этот, можно сказать, свод известной литературы о святом Иоанне, растворённый личным повествованием, – чтобы исключить надобность повторять здесь описание жизненного подвига Святого.

***

Схематично выглядит житие отца Иоанна так:

Родился будущий самоотверженный пастырь 19 октября 1829 г. в селе Сура Архангельской губернии в семье бедного псаломщика Илии (1808-1851) и Феодоры (1808-1871). Ещё в детстве узнал

---

[1] *Митр. Вениамин (Федченков).* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб. Кронштадт, 2000. С. 952.

Здесь же имеется краткая автобиография отца Иоанна, написанная им в 1888 г. (См. с. 250-252). Следует указать ещё один труд также современника св. Иоанна, хорошо знавшего его, редактора и издателя журнала „Кронштадтский маяк“ Н.И. Большакова († 1910) „Источник живой воды. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского“. СПб, 1910. С. 856. (Репринт. СПб., 1995. Издательство „Царское Дело“).

безотрадность нищеты. Грамота давалась ему плохо, и мальчик стал возносить горячие молитвы к Богу о ниспослании благодатной помощи. И Архангельское приходское училище он окончил одним из первых по списку, а Архангельскую Духовную Семинарию – первым и в 1851 г. был принят на казённый счёт в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Через четыре года (в 1855) он ее закончил со степенью кандидата богословия. Ещё в бытность студентом Академии он мечтал посвятить себя миссионерскому подвигу среди жителей Сибири и Северной Америки. Но Промысл Божий призвал его на пастырское служение. По завершении курса Академии он вступил в брак с Елизаветой Несвитской – дочерью настоятеля Кронштадтского Андреевского собора и 12 декабря 1855 г. был рукоположен во священника к данному собору, где и остался на всю свою неописуемую по величию и значимости жизнь. Брак был фиктивным – отец Иоанн жил с Лизой (так он её называл) как брат с сестрой.

Кронштадт был местом ссылки разных ослушников и преступников, нарушителей законов и государственных, и нравственных. Более того, здесь немало было чернорабочих, ютившихся в жалких лачугах. Вот к ним-то и пошёл молодой, исполненный духовной ревности и силы, добрый Пастырь. Отец Иоанн всеми доступными ему мерами старался облегчить участь отверженных и обездоленных. Он отдавал им всё, что имел – часто возвращался домой даже без одежды и сапог. Необычный пастырский подвиг вызвал было глумление над Божиим служителем, но вскоре оценили его, и на смену пришло прославление. Открылся в Друге обездоленных дар чудотворений, что сделало имя его известным всей России. В Кронштадт потекли людские потоки, а вместе с ними и многочисленные пожертвования, на которые не знавший стяжания Пастырь кормил и одевал тысячи нищих, устроил в Кронштадте «Дом Трудолюбия», – где могли учиться и грамоте, и ремеслу, – сам долгое время был законоучителем, основал в своём родном селе женский монастырь, большой храм в Санкт-Петербурге и женский Иоанновский монастырь на Карповке, где нашёл и своё вечное упокоение.

Почил самоотверженный Служитель Божий 20 декабря 1908 г., собрав у своей гробницы такое количество молящихся, какого Санкт-Петербург ещё не знал.

В июне 1990 года в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры состоялся торжественный чин канонизации Батюшки. На этом празднике, по милости Божией, верю – и по молитвам отца Иоанна, – присутствовал и автор. Помню, после окончания Богослужения тогда я сказал: «Давнишняя сокровенная мечта моя исполнилась! Слава Богу! Теперь и умирать стало менее страшно!»

***

Схематичное представление жития отца Иоанна мало говорит об образе его подвигов. Взглянуть на внутреннюю сторону жития помогает сам Батюшка. «Только молитвой я и живу, – раскрывает он свою душу. – То и жизнь моя, когда молюсь» (Д 1: 386). Вот сущность подвига истинного пастыря. А о чём молился – о широте его молитвы – свидетельствует читавшееся им в дополнение к принятым тайным молитвам священнослужителя во время совершения Божественной Литургии. Так, после Херувимской песни отец Иоанн добавлял: «...сподоби нас обрести благодать пред Тобою, вселитися Духу благодати Твоея благому в нас и... на всех рассадницех юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужеских и женских, градских и сельских, и на всем неучащемся юношестве; – на всех рассадницех духовных, монашеских – мужских и женских, – на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, – на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, – от недорода хлеба и глада, – на всех заповедавших мне недостойному молитися о них и на всех людях Твоих, яко вси Твои суть...» (М: 84). После тайного прочтения Символа веры: «...утверди в вере сей и верою сею сердце моё и сердца всех православных христиан... соедини в вере сей вся христианские великие общества, бедственно отпадшии от единства Святыя Православныя Кафолическия и Апостольския Церкви... низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им

сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоея и нелестно ей соединиться; совокупи святей Твоей Церкви и недугующих невежеством, заблуждением и упорством раскола... К сей вере привлецы вся языки, населяющие землю... в сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, бесстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования и сорадования» (М: 85). По возгласе: «Изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Присноде́ве Марии», помянув Святых, отец Иоанн продолжал: «...помяни, Господи, всех православных епископов... носителей ума Твоего и сердца Твоего... всякое пресвитерство... да будет оно достойно своего звания... помяни и во Христе диаконство... служащее пренебесным тайнам...» (М: 88). «Когда причащаюсь Святых Таин... говорю тайно: Господь во мне лично, Бог и человек...» (М: 89).

***

Святой Иоанн знакомит читателя лишь с «некоторыми» своими «тайными молениями» (его свидетельство), которые он совершал в дополнение к принятым по чину. К тому же здесь из них сделаны лишь выборки (см. полный текст: М: 84-89). Но и они помогают приоткрыть тайну духовного возрастания Батюшки – она в силе горячей молитвы.

III. ИСТОЧНИК ДУХОВНОГО ВОЗРАСТАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВА – ТРИЕДИНЫЙ БОГ

> «Забуду ли я Тебя, Господи, невидимый, непостижимый Господи, исполняющий присно сердце моё жизнью, светом, миром, радостью, силой, терпением, Тебя, Который бываешь для меня всяким благом в моей жизни и Един составляешь жизнь мою? О, не дай мне забыть Тебя!»
>
> *(М 2: 237)*

Все возносимые нами молитвы «предполагают великую бедность и нищету нашего падшего естества» (М: 308). Но главное не в этом, а в том, что они выражают нашу уверенность в бытии Всемогущей Силы, в том, что есть «Господь, приснотекущий Источник всякого совершенства, всякого блага, что Он есть наше Сокровище неистощимое» (М: 308). Он есть невидимая Рука для нашей души. «Всё – небесное и земное, горнее и дольнее – приводится ко Единой Всемогущей Силе, производящей всякую силу – на небе и на земле» (Д 1: 192). К этому Источнику и должно прилепиться – пред этой Силой и должно смиренно склониться. «Господи! – молится отец Иоанн. – Да прилепится к Тебе, Единому, сердце моё и ни к чему земному да не прилепляется, ибо в прилеплении к земному – скорбь, теснота, муки; ничто да не будет дорого для сердца из земного, но Единого Господа да ценю паче всего и всё небесное и созданную по образу Его душу бессмертную, разумную, словесную, свободное дыхание уст Божиих. Да не будет земных идолов для сердца: денег, яств, одежд, чинов и знаков отличия…» (М 3: 107-108).

Наш Бог есть «Бог любви; Царство Его – Царство любви» (Д 1: 215). Он есть Трисиятельная Благость (Д 1: 282), «Троичность, чуждая всякой сложности. Единое Существо, Единый Бог» (Д 1: 701). Тайна бытия Святой Троицы открыта Сыном Божиим, и долг христианина «только благодарить за это, нисколько не ослабляя веры в Пресвятую Троицу» (Д 1: 289) и не дерзая испытать сию тайну. «Помни, – учит Батюшка, – своё ничтожество, свою ограниченность. – Довольно для тебя знать, что Бог Отец привёл тебя из небытия в бытие чрез Сына во Святом Духе; что Сын Божий сотворил и искупил Тебя, а Дух Божий – животворит ***(Ин. 6, 63; 2 Кор. 3, 6)***, научает всему доброму и полезному» (Д 1: 607).

По Своему Существу «Бог есть Чистейший Дух» (Д 1: 472), обладающий высочайшими свойствами: вездеприсутствием и всеведением – «наполняет всякое пространство и всякую минуту времени» (Д 1: 301); «у Господа Бога такое зрение – тысячами тысяч раз светлее и яснее нашего: и Он видит до последнего движения, незаметного даже для нас, наши мысли и сердца, даже то, что мы вперёд по известным обстоятельствам будем мыслить, чувствовать и делать;

пред Его Лицем душа наша со всеми её мыслями, желаниями, словами и делами – так, как пред нашими глазами какой-либо предмет, ярко освещённый солнцем, даже несравненно яснее, потому что при солнце мы все же не видим, что внутри предмета, а Господь испытывает наши *сердца и утробы*» ***(Ср.: Пс. 7, 10)***» (Д 1: 300); слышит каждый наш глас, «каждое движение нашей души, выражаемое и даже не выражаемое никаким звуком» (Д 1: 303). Господь знает «совершеннейшим образом» и знает во всякое мгновение «о существовании и качестве каждого существа» (Д 1: 41).

- *Бог всемогущ.* «Ты не можешь справиться с собою, со своим языком, с одним членом твоего тела, – рассуждает Праведник. Посуди, поэтому, каков Тот, Кто правит целым миром, Кто держит его в таком изумительном порядке, Кто управляет всем родом человеческим, злобным, развращенным, готовым всегда к тому, чтобы истреблять друг друга и между тем более благоденствующим под Его державою, чем бедствующим» (Д: 93).
- *Бог премудр.* «Размышляй чаще, – вразумляет святой Отец, – чья мудрость проявилась в устройстве твоего тела, постоянно поддерживает его в бытии и отправлениях? Кто предписал законы твоей мысли, и она доселе следует им у всех людей? Кто начертал в сердцах всех людей закон совести, и она доселе у всех людей добро награждает, а зло наказывает? Бог Всемогущий, Премудрый и Всеблагий» (Д: 68).
- *Бог правосуден.* Не было и нет такого мгновения, «когда бы Он не бдел над законами Своими… когда бы Он не наказывал за всякое противное Ему движение сердца и недобрую мысль или не награждал за благоразумное движение сердца и добрую мысль» (Д 1: 301).
- *Бог неизменяем.* «За что стоит Господь Бог, наказывая в нас каждый грех, каждое греховное движение? – вопрошает Кронштадтский святой Пастырь и отвечает: – За Свою неизменяемость, за Своё постоянство в правде и святыне. Ведь наша душа – образ Божий; как же Господу терпеть ржавчину греха на Своём образе? – Слава Божией неизменяемости, слава любви Его!» (Д 1: 246)…

Свойственное в равной мере всем Трём Ипостасям Триединого Бога существует при имеющихся личных действиях. «Веселюсь и восхищаюсь бесконечным совершенством Божества, – радуется добрый Пастырь. – Веселюсь и восхищаюсь, что Божество в Трёх Лицах и каждое Лицо самоипостасно и есть Бог всесовершенный – един в Трёх: что всемогущ Отец, всемогущ Сын, всемогущ и Дух Святый; вездесущ Отец, также Сын и также Дух Святый; жизнь Отец, жизнь Сын, жизнь и Дух Святый; любовь Отец, любовь Сын, любовь и Дух Святый... Радуюсь, что каждому из Трёх Лиц Божества, как Богу, усвояются и особенные господственные действия: Отцу – измышление и благоволение, Сыну – осуществление Отеческой мысли и благоволения, Духу Святому – совершение и оживление» (Д: 725-726).

Открытие нам свойств, имён Триединого Бога возлагает на нас определённые нравственные обязанности. «Господь твой есть Любовь, – наставляет отец Иоанн, – люби Его и в Нём всех людей, как чад Его во Христе. Господь твой есть Огнь – не будь холоден сердцем, но гори верою и любовью. Господь твой есть Свет – не ходи во тьме и не делай ничего в темноте разума без рассуждения и понимания или без веры. Господь твой есть Бог милости и щедрот – будь и ты для ближних источником милости и щедрот» (Д: 156). «Господи! – в молитвенном одушевлении восклицает Батюшка. – Имя Тебе – Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека. Имя Тебе – Сила: подкрепи меня, изнемогающего и падающего. Имя Тебе – Свет: просвети мою душу, омрачённую житейскими страстями. Имя Тебе – Мир: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебе – Милость: не переставай миловать меня» (М 3: 107).

IV. БОГ ТВОРЕЦ И ПРОМЫСЛИТЕЛЬ

«Кто из смертных достоин Владыки? – Тот, для кого все ничтожно, кроме Творца, для кого Творец – всё. О, человек! Да не будет сердце твоё привязано ни к чему, кроме Творца»

(М 2: 418)

«Верьте, что Спаситель всегда на вас призирает и видит вас всех – со всеми вашими думами, скорбями, воздыханиями, со всеми вашими обстоятельствами, как на ладони. "*Се на руках Моих написах стены твоя и предо Мною еси присно*", – говорит Господь ***(Ис. 49, 16)***. Как много утешения, жизни в этих словах Вседержавного Промыслителя!»

(М 1: 12-13)

Всесовершенно Сущий от века, вера в Которого служит источником жизни для души (Д: 778), есть Творец и Промыслитель – «имя Его славно по всей земле» (Д 1: 163). Он Творец всякого вещества, всякой плоти, Творец всех духов, которые, в свою очередь, как Его «образ и подобие» «сами обладают даром творчества (Ангелы творят себе на время плоть; люди – творят многое)» (Д 1: 61). Окружающий нас мир, как произведение премудрого живого Бога, есть его «воплотившаяся Премудрость» (Д 1: 280) и наполнен жизнью. «Везде и во всём жизнь и премудрость, во всём видишь выражение мысли – как в целом, так и во всех частях. Это – настоящая книга, на которой можно, хоть не так ясно, как из Откровения, учиться Богопознанию. Прежде чем стал мир, был только живой, беспредельный Бог; когда мир стал, из небытия воззвал к бытию, (тогда) Бог, конечно, не сделался ограниченным – вся полнота жизни и беспредельности осталась при Нём; но эта полнота жизни и беспредельности выразилась в тварях, которых безмерно много и все одарены жизнью» (Д 1: 593).

Одарённые жизнью находятся под действием непрестанного Промысла Божия. «Смотря на комнатные цветы летом, я, – размышляет Батюшка, – удивляюсь, как они без всякого постороннего деятеля образуются так прекрасно, великолепно и роскошно, и думаю: ведь прозябание всех растений возможно под одним условием – под условием вездеприсущего Божия Промысла» (Д 1: 130). «По чьим уставам и законам совершается зачатие, образование и возрастание тела человеческого в утробе матери, созревание его и выход в свет? По чьим уставам совершается питание тела нашего? – ставит один за другим вопросы святой Пастырь. – Кто измыслил и создал такое дивное разнообразие бесчисленных плодов земных, мудро, изысканно устроенных и приготовленных в пищу и наслаждение наше? По чьим уставам вырабатывается кровь в теле нашем, без которой невозможна жизнь человека? Кто устроил внутреннего и внешнего человека? Не величайший ли Мудрец и Художник Всесовершенный, Безначальный, Всемогущий Господь Бог наш» – Творец и Промыслитель? (Д 2: 35).

Промысл Божий действует везде – «во всех законах природы» и всё – «на каждом шагу» живит. «Нет места, где бы Он не был» (Д 1: 54). Обращая свой взор на Вселенную и восторгаясь красотой мироздания, мудростью сохранения и направления к достижению определённых целей, отец Иоанн ставит ряд вопросов, которые звучат как песнь славы Творцу и Промыслителю: «Откуда этот порядок изумительный в бездушном веществе и в неразумных животных? Откуда эта красота, это чудное превращение вещества безобразного и безжизненного в прекрасное и жизненное? Откуда это приспособление к тысячам разнообразных целей и такое мудрое, при простых средствах, достижение целей вещами, которые сами не могут иметь известной цели, ни достигать её? Кто этот невидимый Повелитель вещества? Кто этот Ум, являющий Свою предивную премудрость в веществе и в разных одушевлённых тварях? Кто этот присный Художник и Ваятель, в глазах наших невидимо производящий Своё искусство?» – И Батюшка отвечает: «Един Сый – Творче всех, Господи! Тебя я созерцаю очами сердца моего на каждой линии

пространства, – Ты невидимо всё доселе делаешь с Сыном Своим и Духом Своим Святым» (Д: 245-246). Подобно тому, как кокош укрывает своими крыльями птенцов, так под крылом Промыслителя пребывает весь мир – видимый и невидимый – «все Ангельские Соборы, все человеки, все неразумные животные, все вещественные миры. Всех и всё Он просвещает – одних умным, других вещественным светом, всех согревает – одних духовною, других вещественною теплотою, и как кокош слышит пискания и вздохи находящихся под ним птенцов, так Господь слышит и наши тайные вздохи, наши молитвы, наши славословия, видит все наши нужды» (Д 1: 86-87). Как душа наша носит тело, так и Бог-Промыслитель носит Вселенную, «только душа ограничивается телом, хотя и несовершенно, потому что может носиться везде, а Дух Господень не ограничивается миром и не заключается в мире, как в теле» (М 1: 18). «Имя Тебе – Вседержитель, Господи, – обращает своё слово святой Пастырь к Промыслителю, – яко не точию небо и землю, но и весь род человеческий, жизнь каждого человека, сердца всех в руце Твоей держиши, и не только жизнь каждого человека, но и каждого животного, каждой птицы, рыбы, насекомого, червя, пресмыкающегося и незримой глазом инфузории» (Д: 261).

Бог промышляет о всём мире, но особенно о Своём высшем создании – о человеке (Д 1: 592). Для него Он дыхание, жизнь, освящение, сила, укрепление, свет, пища, питие, одежда, жилище, покой, радость, всякое благо – всё (Д: 318-319; 330-331). «Как мать бывает всем для младенца – и умом, и волею, и зрением, и слухом, и вкусом, и обонянием, и осязанием, и руками, и ногами, – так Господь всё» для преданного Ему (Д: 331). «Согрешил ли я, – исповедует отец Иоанн, – Господь очищение моё, уныл ли, мрачен после греха, от оскорблений врага – Господь уничтожение уныния моего и оживление дерзновения моего. Всё для меня Господь. О, воистину Сый Владыко, слава Тебе!» (Д: 469). В людях Он являет и Свою правду, и Свою милость (Д 1: 667). Но особенно Промысл Божий простирается на христианина. «И вот в чём торжество христианина – подвижника Христова: он – живой присно предается в смерть духовную или

телесную и всегда всемогущею силою Божиею исхищается из самых челюстей смерти в жизнь – для того, чтобы он многочисленными опытами Божия всемогущества в его собственной жизни непоколебимо убедился в благопромыслительной благости и всемогуществе Господа и совершенно положился на Него во всём как на Всеблагого и Всемогущего Помощника» (Д 1: 599). Бог – наш верный Попечитель и Помощник, «Который ежедневно и ежечасно говорит нам: *"Не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити"* ***(Евр. 13, 5)***» (Д 1: 648).

Убедись же каждый человек и «убедись всем сердцем, – взывает святой Пастырь, – что верен Господь Сам Себе в Своём Промысле о всякой, даже малейшей Своей твари» (Д 1: 592). Склоняя свою главу пред величием Божественного Попечения, Батюшка прославляет Божий Промысл: «Слава всеблагому, премудрому и всемогущему Промыслу твоему, Владыко небесе и земли! Вседержавный Владыко! Ты и ад весь с сатаною и несметными его полчищами содержишь в руце Твоей и только по попущению Твоему, для вразумления и наказания нашего, сатана и ангелы его строят над нами козни» (Д: 261).

Творец и Промыслитель, оказывая Свою милость человеку – Своему образу, требует и от него определённых действий – как бы взаимодействий. «Тебе, человек, – напоминает Кронштадтский святой Учитель, – каждый день, час, минуту Господь, Творец твари, – всячески угождает: и солнышком тебе светит, ласкает тебя, и тихим светом месяца ясного, и воздухом живительным и приятно освежающим, и огнём, и водою на всякую потребу твою, и зерновыми, и древесными, и корнеплодными, и на земле лежащими плодами, – и в каком бесчисленном множестве разных приятных вкусов… а тканей, тканей-то сколько тебе Господь даровал для покрова и одеяния твоей плоти или для украшения твоего, сколько металлов, – а камней-то драгоценных – для твоего и святых храмов украшения! Так тебе Бог всем угождает, к твоему благобытию… Не обязан ли и ты Ему угождать для твоего же блага, – жить по совести и Закону Божию, заповедям и заветам Его, по Евангелию Его, по указанию

твоей духовной матери – Церкви Божией?.. Хотя Он и не нуждается ни в чем твоём, а требует угождения Ему для тебя самого, – потому что в этом угождении жизнь твоя, покой твой, свет твой, сила твоя, радость твоя, блаженство твоё. "*Оставьте неразумие, и живите*" ***(Притч. 9, 6)***» (Д 2: 28-29). «Я, – говорит святой Иоанн от своего лица и от всех нас, – должен всегда помнить свои отношения к Богу, как твари к Творцу, как образа к Первообразу… как спасаемого к Спасителю, как облагодетельствованного к Благодетелю, как подзаконного к законоположнику… как невесты к Жениху, как члена… гражданина горнего града к Начальнику его, как чающего будущего века к Отцу этого века» и, вообще, как сын к Отцу (М 3: 111). Последнее святой Иоанн особенно настаивает усвоить своему сердцу, ибо Отец Небесный постоянно окружает нас Своей любовью, попечением и не напрасно им называется. «Отец – это не имя без значения и силы, а имя в полном значении и силе» (Д: 236).

«Пади же пред Творцом и Промыслителем ниц, – призывает Праведник, – благодари, благоговей пред Ним, люби Его, но и бойся Его, если не творишь волю Его, не повинуешься Ему» (Д 2: 35).

V. СЫН БОЖИЙ ГОСПОДЬ НАШ ИИСУС ХРИСТОС

> «В Боге должна быть Ипостасная Премудрость или Ипостасное Слово Отца»
>
> *(Д 1: 688)*

> «Христос – упование наше, очищение и освящение, воскресение, живот и покой – есть единое на потребу всем нам»
>
> *(Д: 569-570)*

Господь наш Иисус Христос есть Сын Божий, Слово Божие, Ипостасная Премудрость, Премудрость Отца, Личная, Живая, воплотившаяся ради нашего спасения (Д 1: 296, 688). «Как… в Боге не быть

Премудрости Само-Личной… как Ему не иметь Своей Живой Самосущей Премудрости? Посмотри ты на всё в мире – как всё премудро! Как во всём самомалейшем видна изумительная премудрость, удивительное выполнение всепремудрой Мысли с изумительной точностью, чистотою безукоризненною!.. Как Бог, создав множество разумных, личных, мудрых живых существ, а Сам – не родил из Себя Личную Премудрость? Лепо ли это? Возможно ли это? Сообразно ли это с совершенствами Творца? Так, в Боге должна быть Ипостасная Премудрость или Ипостасное Слово Отца» (Д 1: 688).

Божество Господа нашего Иисуса Христа показывается и доказывается многочисленными Его чудесами, а также «силою Креста, животворящего мертвых по душе и телу, попаляющего и прогоняющего демонов, укрощающего страсти, исцеляющего болезни, как свидетельствует о том история Церкви и наши собственные опыты» (М: 212). Как Бог Христос Спаситель Божественной властью поставляет пастырей Своей Церкви и чрез них совершает все святые Таинства: обновляет водой и духом в Крещении, преподаёт Духа Святого в Миропомазании, претворяет хлеб и вино в Своё Тело и Кровь в Причащении, отпускает грехи в Покаянии, благословляет союзы мужей и жён в Браке, врачует болезни духовные и телесные в Елеосвящении. «Этой всесильной властью сохранил Он Церковь Свою в первые века её существования, века страшных гонений и мучений Его последователей, укрепив и сделав непобедимыми Святых Своих всеми муками и чудно прославив их – и хранит доселе и будет хранить до скончания века. Этой всесильной властью Он ныне защищает и избавляет каждого из нас от грехов и врагов видимых и невидимых» (М: 12-13). Его власть, Царство и Держава «велики: Его – небеса и Его есть земля… Ему надо быть и строить везде» (Д 1: 213).

Что для нас сделал Владыка нашей жизни? Сошёл с неба, облёкся в нашу плоть, сотворил многие чудеса, пострадал – излиял всю Свою кровь, «умер, во ад сошёл, сатану связал, ад разрушил, узников ада связанных разрешил и на небеса возвел, из мёртвых воскрес, да нас воскресит с Собою» (Д: 381). В воплощении, жизни на земле и учении нашего Спасителя, в Его страданиях, крестной смерти,

вообще в домостроительстве Божием о нашем спасении – выразилась осязательным образом вся благость, правда, премудрость и всемогущая сила Божия – в примирении согрешившего человека с Богом, в победе Господа над врагами нашего спасения, в упразднении праведного проклятия Отца Небесного, изречённого в начале нашим праотцам и всем человекам, – в даровании благословения и всех сил к животу и благочестию; в основании Церкви и победе её сынов и дщерей над всеми кознями ада, которому попущено от Бога до времени вести войну с членами Царствия Божия; – в чудесных, бесчисленных и страшных, спасительных силах Божиих, укреплявших мучеников и мучениц и все соборы преподобных, в содеянии их спасения и прославления, в содеянии сего спасения и доселе – и в дивных, всемощных победах благодати Божией над борющими человека силами ада, в дивном долготерпении и милосердии Божием к утопающему во грехах человечеству, в благодатном очищении, освящении, укреплении и обновлении его в святых Таинствах Церкви единой и единоспасающей. Ад доселе борется с небом, по допущению правды Божией, долготерпящей и увенчивающей подвижников и победителей; но придёт время, когда враги видимые и невидимые «*будут окончательно побеждены и положены все в подножие ног* Спасителя и Бога и верных его рабов – и *последний же враг исправднится смерть* ***(1 Кор. 15, 25, 26)***» (П: 115 – 116). Для того сошёл на землю Господь наш Иисус Христос, чтобы явить во всём Свою великую благость – наградить за подвиги и добродетели их хранителей и борцов против всякого зла «и да получат Патриархи, Пророки, Апостолы, Мученики, Святители, Преподобные и все Святые блистательнейшие венцы славы за свою веру и благочестие; да восторжествует святость, правда и любовь, милосердие, воздержание, чистота и целомудрие, мужество, терпение за веру в Подвигоположника и любовь к Нему» (П: 109). Через Своё воплощение Господь открыл нам тайны веры, которые мало были известны или не были известны ветхозаветному человеку; нас, грешных, удостоил вкушения Его Пречистых Тела и Крови и, таким образом, вхождения в самое тесное единение с Ним и сопребывания с Ним. «Через воплощение

Его Пресвятая Дева Богородица сделалась всеблагомощною нашею Заступницею и покровом от грехов, бед и напастей, день и ночь за нас молящеюся, Царицею и Владычицею нашею, пред силою Которой никакие враги видимые и невидимые устоять не могут, и самою Матерью нашею по благодати, согласно словам Господа на кресте ученику Своему Иоанну: "*Се Мати твоя*, – а Ей: *Се сын твой*" ***(Ин. 19, 26, 27)***» (Д: 222).

Святая Церковь учит, что Бог сошёл на землю, «да нас на небеса возведёт» (из 8-го кондака акафиста Пресвятой Богородице). Отец Иоанн велит запомнить это, ибо если Христос Господь сошёл к нам, чтобы возвести нас на небо, то, тем паче, «мы должны заблаговременно чаще возноситься туда мыслями и сердечными желаниями и отрешаться душами своими постепенно от всего, что привязывает нас к земле – к этой стране изгнания (к этой гостинице), в которой так много искушений, бедствий, болезней, скорбей, где при всей скоротечности земной жизни видишь одни грехи и соблазны, и смерть со всеми ужасами» (Д 1: 326). Размышляя над тайной Боговоплощения, святой Пастырь строго и участливо вопрошает и отвечает: «Человек! Куда вознесено естество твое в лице Иисуса Христа – Богочеловека? – На Престол Божества. Куда вознесено естество твоё в лице Богоматери? – Превыше Херувимов и Серафимов. Для кого? – Для тебя, чтобы тебя, освободив от тли похотей, сделать причастником Божественного естества. Как ты отвечаешь на эти намерения, на эти дела Божества, на это всеблагое промышление Владыки? Тебе даны все Божественные силы к животу и благочестию – как ты ими пользуешься? Не пренебрегаешь ли ими? Не прилепился ли ты весь, как улитка, к земле» (Д: 612).

Воплотившийся Господь есть Начальник нашей веры ***(Евр. 12, 2)*** (Д 1: 222), наше здоровье, наша жизнь (Д: 733), всегдашний свет (Д: 138), «воздух для души» (Д 1: 244), покой, радость для сердца (Д 1: 209), полнота всяческих благ (Д: 413), «дороже всего для нашей души, как её Творец и Творец всего что ни есть» (Д 1: 652). Христос всех «призывает и влечёт к вечному животу» – Он наш Спаситель (Д: 415, 138).

Второе пришествие Христа Спасителя будет грозным для грешников. «Роскошным Он скажет тогда: *"Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти; возжадахся, и не напоисте Мене; странен бых, и не введосте Мене; наг, и не одеясте Мене... "**(Мф. 25, 42-43)*** и прочее. *Идите от Мене проклятии во огнь вечный... **(Мф. 25, 41)***». Святой Иоанн объясняет причину строгости Судии: «Человек роскошный и бесчувственный (а у роскошных редко можно найти чувствительность: доказательством служит евангельский богач) ***(См.: Лк. 16, 19-31)*** увеличивает, и может быть, ежедневно, число несчастных, изнемогающих от голода, жажды, недостатка одежды и жилища. Если бы не было роскошных, безчувственных людей, тогда несравненно меньше было бы неравенства между людьми в материальных средствах жизни, несчастные бедняки уменьшились бы десятками тысяч» (Д 1: 722).

На Страшном Суде Господь будет всех судить «от совести каждого, ибо это означают слова: *"От слов твоих сужду тя"*. Люди осудят сами себя или уже из этой жизни отходят осудивши или оправдавши себя» (Д 1: 691). Ничего не будет забыто, что сделано для Владыки из любви к нему и ближнему (Д 1: 202). Верующему сердцу отрадно сознавать, что Господь благоволит более всего открываться как Благость (Д 1: 642).

В будущей жизни – жизни вечной – всё несовершенное упразднится, придёт одно совершенное (Д 1: 393). «Людям избранным» откроется бесконечное множество духовных благ – вся их полнота (Д 1: 230). Посему при переходе истинного христианина, доброго сына Небесного Отца, из сей жизни в иную надо радоваться – «он переходит в жизнь совершеннейшую, блаженнейшую или в жизнь истинную, так как эта жизнь есть жизнь вещественных образов и теней, предызображающая будущие блага» (Д 1: 393).

В Царство Небесное ведёт узкий путь. Он подобен неширокому мосту, гладкому, покатистому, скользкому с разными крутизнами. Святому Иоанну было явлено: «Многие шли по нему, и одни переходили на другую сторону реки, а другие – крайне затруднялись и были угрожаемы опасностью низвергнуться в реку; я лежком пополз, но едва не свернулся в реку, да и другие сзади мне препятствовали, по

причине тесноты множества людей, свободно переправиться. Я едва не висел уже телом над пучиною; сердце уже замирало; наконец, каким-то счастливым случаем я попал на узенький мост, где было весьма мало идущих, и здесь я беспрепятственно и быстро перелетел почти чрез единственную доску, составляющую мост: очевидная опасность и боязнь утонуть в бездне придали мне силы. Узкий мост – узкий путь к Царствию Небесному» (Д 1: 57-58). Добрые, благочестивые христиане войдут в Царство Небесное; злых – ждёт иная участь. Рассуждая так, святой Иоанн напоминает притчу Спасителя о закинутом в море неводе и захватившем всякого рода рыб – хорошие из них были собраны в сосуды, а худые выброшены вон ***(Мф. 13, 47-50)***. При этом Батюшка отмечает, что слово Господа «всё равно что самое дело». «Видите, братия, – заключает он, – что ожидает весьма многих из нас: выбросят вон из апостольского или церковного невода и "*ввергнут в пещь огненную*". Итак, никто не хвались, что ты крещёный человек, что ты содержишь христианскую православную веру: что в том, если у тебя сердце развращённое, скверное, всякой мерзости исполненное и ты не заботишься об исправлении его; что в том, что ты православный христианин, когда нет у тебя дел христианских, когда ты в церковь редко ходишь, а и когда придёшь, стоишь рассеянно, когда ты на исповедь иногда несколько лет сряду не ходишь, Святых Христовых Таин не приобщаешься, которые смыли бы разом всю нечистоту твоего сердца, если бы ты как должно исповедался и достойно их приобщился? Смотри: под большим сомнением спасение твоё» (Д 1: 100-101).

Чтобы не быть выброшенными из «апостольского невода», а войти в Небесное Царство, в вечную жизнь, необходимо подражать Христу Спасителю, показавшему «в Своей плоти… пример победы над плотью» (Д 1: 320). Кто хочет и здесь, на земле, жить в радости духовной и в мире ином быть в вечном блаженстве, тот должен крепко верить в воплотившегося Сына Божия, постоянно носить Его в своём сердце, как Мир, Кротость, духовный Свет, Истину, Любовь, и исполнять то, чему Он учил – угождать Ему, «живя по Евангелию Его» (Д 1: 175-176; Д: 733).

«Поистине, для Господа, оставившего для меня небо и положившего за меня душу Свою, я должен оставить всё и вслед Его, Сладчайшего, идти не задумываясь» (Д 1: 620).

VI. «ИПОСТАСНАЯ СИЛА БОЖИЯ» – ДУХ СВЯТОЙ

> «В Боге должна быть Ипостасная Премудрость или Ипостасное Слово Отца, равно как и Дух Животворящий, от Бога Отца исходящий, на Сыне почивающий»
>
> *(Д 1: 688)*

Со Словом Божиим, вечно рождающимся от Бога Отца, вечно «исходит Дух Отеческий и подаётся или сообщается повинующимся Слову Божию» (Д 1: 263). Он есть Дух Животворящий, Сила Вышнего (Д: 158), с Отцом и Сыном спокланяемый и сславимый (Д: 768), дышет, где желает (Д: 120). Он может всё «оживить и одухотворить… Так Он творит из хлеба и вина самое Пречистое Тело и самую Пречистую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, выну во Отце и Духе сущего. Как Дух есть прост, несложен, всесовершен, то Он, как мысль, единым мгновением, и быстрее того, вселяется в человека или во что Ему благоугодно, и нет столь малой вещи или атома, который был бы слишком мал для Него: для Него и бесконечно великое и бесконечно малое в творении – равно ничтожно» (Д: 768). Дух Святой есть «Премудрый Художник», веселящийся «полнотою радости в тварях» и являющий «бесконечную премудрость Свою в делах рук Своих» (Д: 710). В день Пятидесятницы Он сошёл видимо на святых Апостолов в образе «огненных языков, в знамение всесожжения грехов их и грехов верующих во Иисуса Христа, кающихся, в знамение воспламенения любовью к Богу и ближним душ их и всех верующих» (М: 191).

Дух Святой пребывает везде. Некоторым подобием сего может служить воздух: *"Глас* (дуновенение) *Его слышиши"* ***(Ин. 3, 8)*** (Им окружённый со всех сторон), в Нем живёшь, движешься… но не видишь Его. Дух Божий не напрасно явился Илии пророку *"во гласе хлада тонка"*» (Д 1: 377). Благодатные веяния Его наполняют всю Вселенную, всё оживляют и всем неоскудно изливают Свои дары (Д 1: 252). Наполняя Вселенную, Дух Божий Своим Божественным дыханием содержит «в порядке все её части» – и великие, и малые – «самомалейшие» (Д 1: 608).

Дух Святой есть источник духовной жизни. Он есть и источник чудес – «все силы и чудеса совершает Дух Святой» (Д: 318). Пути вхождения Его в нашу душу многочисленны: есть путь искренней веры, есть – сердечного смирения, путь сердечной любви к Богу, к ближним… (Д: 90). Необходимейшим путём служат святые Таинства Церкви. «Будьте внимательны, – призывает святой Отец, – и благоговейте, братия, к живущему присно в вас Духу Святому и помните, что тайна и чудо воскресения нашего из мёртвых совершится тем же Духом, Который ныне живёт в вас, по благодати и дару Христа, ради Крещения водою и Духом, ради Покаяния и особенно Причащения Животворящих Таин Его» (Д: 651). Сын Божий подаёт «Ипостасного Духа» людям достойным (Д 1: 273), и Дух Святой являет в них Свою силу и крепость (Д: 170). Дух Божий – Сокровище благих – «помазует истинного христианина духовным помазанием благости, мудрости, кротости, смирения, чистоты, святости, воздержания, терпения, послушания» (П: 25).

Образ посещения нас Духом Божиим может быть различен. Мы, по свидетельству отца Иоанна, можем, усердно молясь, стоять, сидеть, ходить, лежать – и вдруг услышать глас Его, почувствовать, что Он проникает в нашу душу, в наше сердце, «как Господь прошёл сквозь стены дома к Апостолам по воскресении и действует вдруг, как электричество и быстрее всякого электрического тока: и тогда тебе делается необыкновенно легко, потому что вдруг разрешается твоё бремя греховное, посещает тебя дух сокрушения о грехах, умиления, мира, радости. Смотри, как Ангел является к запертой

темнице ночью для освобождения Петра: двери заперты, стражи стоят у дверей, но вот Ангел вдруг предстал и во мгновение свет воссиял в храмине ***(Деян. 5, 19)***. Так Дух Божий посещает мгновенно храмину души нашей – тело, и свет воссиявает в ней» (Д: 652-653). Посещая храмину души нашей и пребывая в ней, Он оживляет её и укрепляет. Со всеми верующими – кроткими, смиренными, добрыми, простыми душами – «Он бывает один дух» и «всё для них: свет, сила, мир, радость, успех в делах, особенно в благочестивой жизни – всё доброе… Все благочестивые люди – напоение единого Духа Божественного, подобно напоенной губке» (Д: 205).

Святой Иоанн указывает убедительные признаки присутствия Духа Святого в человеческой душе. «Когда в душе твоей мысли добрые – тебе благо, легко, – рассуждает он. Когда в сердце спокойствие и радость, тогда в тебе дух благий, Дух Святый… Дух благий есть дух несомненной веры, дух добродетелей, дух свободы духовной и широты, дух мира и радости. По этим признакам знай, когда в тебе – Дух Божий… и как можно чаще возвышайся благодарным сердцем к Всесвятому Духу, оживотворяющему и освящающему тебя» (Д: 108-109).

Дух Святой укрепляет силы молящегося, веру и надежду на получение просимого, воспламеняет любовь к Богу. «Он навевает на душу мысли светлые, благие, укрепляющие ум и сердце. Если человек совершает различные дела, Он укрепляет сердце его сознанием важности и необходимости труда его и терпением несокрушимым, которое все трудности преодолевает. Он, при обращении с людьми разных состояний и обоих полов, вдыхает в него уважение к лицу человека, который есть равно – образ Божий, кто бы он ни был, искуплённый кровью Христа Бога, и отвлекает его сердце и внимание от его… неблаговидной внешности тела и одежды, его грубости в слове и обращении. Он-то соединяет всех нас любовью, как чад Отца Небесного и во Христе Иисусе учит нас молиться: "*Отче наш, Иже еси на небесех…*"» (Д: 141). Он не только укрепляет в вере, но и подаёт её – «вера подаётся человеку Духом Святым, – оттого "*никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым*" ***(1 Кор. 12, 3)***» (Д: 728, 718).

Божий Дух поставляет пастырей Святой Церкви, наставляет их на всяку истину и проявляет Себя в совершении ими Богослужений. «Посмотрите, – призывает отец Иоанн, – как Он устроил Богослужение нашей Церкви; как оно прекрасно, величественно, премудро, поучительно, умилительно, назидательно! Посмотрите, как трогательно, торжественно, возвышенно совершается воспоминание величайшего, поразительнейшего в мире события воплощения, жития, учения, страдания, смерти, воскресения и вознесения Иисуса Христа, Сына Божия, Его тайной спасительной Вечери, которая и теперь совершается и будет совершаться до скончания века, имея истинное Тело и Кровь Спасителя» (М: 113). «Хотите слышать как Дух Святый ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными, да исправимся все и спасёмся – ходите ежедневно в церковь и слушайте чтение и пение церковное, особенно стихиры и каноны, целый год и вы увидите это дивное, любвеобильное ходатайство Утешителя и исполнитесь величайшей надежды на милость Божию и утешения неизреченного… Грешники! Притекайте чаще в храм, как во врачебницу, и уврачуетесь и спасётесь» (М: 158). Особое действие Духа Святого совершается в Светлую седмицу. «Блаженны посещающие Богослужение светлой седмицы. Дух Божий – Всеблагий, Всесвятый, Животворящий, Всемощный, особенным обилием благодати почивает в это время на святом престоле: на Воскресшем Жизнодавце Христе» (Д 1: 185).

Как в разговоре между людьми посредником бывает воздух, так и в общении с Миром Горним посредником бывает Дух Святой. «Не понимаем вполне, как чрез посредство воздуха слова наши слышат другие, иногда на далёком расстоянии, однако же знаем, что слышат; не понимаем также, как слышат в Духе Святом святые Ангелы и человеки вопли сердца нашего, а знаем, что слышат. Как там удостоверяемся в слышании другими нашей речи из ответов, так и здесь удостоверяемся из ответов. Там мы видим очами телесными лицо, с которым говорим, здесь очами сердечными: глазу представляется образ, оку сердца – лицо невидимое или дух невидимый. Для телесных существ есть расстояние, для Святого Духа оно не существует» (Д: 712-713).

Зная о великих дарах Духа Святого, не почитать Его – тяжкий грех. «Как грешно не знать и не чтить должным поклонением Всесвятого Духа: Он живит, утешает, исполняет Миром сердца наши, молится с нами, святыми совершает нас» (Д 1: 603). Противящимся Духу Святому и хулящим Его святой Иоанн говорит: «Худо будет вам и может быть очень скоро» (Д: 718). «Кто отвергает личное бытие Духа Святого, особенно же, кто причастником был Духа Святого много раз, тот хулит Его, и если не исправится от хулы, не будет прощён ни в сей век, ни в будущий. Душе Святый, животворящий, Душе благодати, помилуй нас!» (Д: 724).

Святой Иоанн живо, наглядно противопоставляет Духа Утешителя и духа уныния. Утешитель – это мир, радость, бесконечное блаженство. Его действия на душу уподобляются заботам любящей матери. Дух уныния – это зло, леность, сомнение, маловерие, неверие. Например, «вы в церкви у Богослужения: и вам скучно, тяжело, лень, – на вас напало уныние. Отчего? Оттого, что над вами коварствуют злые духи уныния и лености. Или вы принимаетесь за сочинение духовное, например, за проповедь: и в вашем сердце, в вашем уме – мрак, холод, а во всём теле – расслабление. Отчего? Оттого, что в вас коварствуют невидимые враги… Потому Дух Святый совершенно необходим всем нам во всех благих делах наших: Он есть наша сила, крепость, свет, мир, утешение» (Д: 714). Батюшка прямо называет уныние хулой на Духа Святого (Д 1: 100). По слову отца Иоанна, в нас резко различаются, «с одной стороны – дух благий, дух мира, спокойствия, радости, света, дух животворящий, с другой – дух злой, дух тесноты, томления, уныния, мрака, дух, убивающий душу нашу. Первый – Дух Божий, Коим живём, дышим духовно, двигаемся и существуем; второй – дух злой, сатана» (Д: 563).

Чтобы не лишиться бесценных сокровищ Святого Духа, должно соблюдать величайшую осторожность – бодрствовать над своим сердцем: хранить кротость, «удерживаться от раздражительности и движений самолюбия, привязанности к земному, от нечистых восстаний плотских». Если мы будем вести себя иначе, то Дух Божий оставит нас, и из сердца исчезнет ангельски-духовная лёгкость души,

«исчезнут реки воды живой», а душу нашу наполнит мучительный палящий огонь – «чувство скорби и тесноты» (Д: 159).

Долг христианина – привлекать к себе Духа Святого. По слову отца Иоанна, для верующих сие нетрудно. «Духа Святого, – говорит он, – так же легко верующему привлекать в себя, как воздух; подобно воздуху, Он всё наполняет и всё проникает. *"Везде сый и вся исполняяй"*. Кто усердно молится, тот привлекает в себя Духа Святого и молится Духом Святым» (Д: 591).

Святой Иоанн указывает как надо молиться – с каким расположением – о ниспослании Духа Святого и как молиться Святому Духу. «Когда молишься о ниспослании тебе Святого Духа и о вселении Его в тебя, тогда имей совершенное твёрдое упование, что ты просишь у Господа самого обыкновенного у христиан дара Господня, как насущный хлеб и вода, не смущайся от величия Духа Господня, Животворящего, дышущего, идеже хощет ***(Ср.: Ин. 3, 8)***, и веруй от всего сердца, что Он придёт и вселится в тебя ради того, что ты – член Христов, искуплённый Его Кровию и освящённый принятием в сердце своё Пречистых Таин Его Тела и Крови. *"Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?"* ***(1 Кор. 3, 16)***» (Д 1: 106-107). А вот что надо помнить, приступая к молитве Святому Духу: «Когда начинаешь молиться молитвою к Духу Святому, знай и помни, что Дух Святый вошёл в мир по заслугам Господа Иисуса Христа и действует в мире, наипаче в Церкви Своей, и совершает наше спасение. Святый Дух все Таинства совершает, освящает, просвещает, укрепляет, возбуждает к молитве, производит умиление в душах, источает слёзы покаяния, благодарения, славословия, обращает души, спасает, животворит, возводя от смерти духовной к жизни, дарует мир, свободу духа, благодать сыноположения, вопия в сердцах верных из глубины души: *"Авва Отче!"* Вот почему мы начинаем молитвы свои молитвою к Духу Святому. Слава Тебе, Всесвятый Душе, Источниче жизни нашей, равнодетельный Отцу и Слову!» (М: 34-35).

Праведный Батюшка сам молится Богу и тем самым даёт всем нам образ молитвы о пленении Духом Святым: «Плени меня, Владыко, в сладкий плен Духа Твоего Святого, да *«яко потоки югом»* потекут

слова мои в славу Твою и во спасение людей Твоих! Даруй мне это сладкое и могущественное внутреннее побуждение излагать свободно на хартии полноту духовных видений и чувств! Да будет язык мой *"тростию книжника скорописца"* – Духа Всесвятого!» (Д: 733).

VII. «МАТИ СУЩИ ЖИВОТА...»

> «Нравится мне называть Пресвятую Деву Богородицу – Матерью Жизни»
>
> *(Д 1: 679)*
>
> «Пресвятая Богородице! Опять я должен сегодня Богохвалить Тебя. Ты опять и сегодня, по молитве моей, избавила меня, недостойного, от тесноты сердца моего. Слава Тебе!»
>
> *(Д 1: 315)*

Все наставления святого Иоанна исполнены подлинно пастырской теплоты, но преимущественно эта теплота чувствуется в его размышлениях о Божией Матери. В сем можно видеть особенную близость его к Ней. Последнее подтверждается чудесным событием в житии святого Праведника – явлением ему Богоматери. Вот как рассказывает Батюшка: «В день Успения Божией Матери – 15 августа 1898 г. – предстала явственно – „лицом к лицу" „во сне" Царица Небесная и ободрительно возгласила: „Милейшие вы чада Отца Небесного", – тогда как я, – продолжает Батюшка, – сознавая своё окаянство, взирал на пречистый лик Её с трепетом и с мыслью: не отринет ли меня от Себя с гневом Царица Небесная! О лик, пресвятый и преблагий! О очи голубые и голубиные, добрые, смиренные, спокойные, величественные, небесные, Божественные! Не забуду я вас, дивные очи! Явление продолжалось недолго, всего минуту. Божия Матерь неторопливо ушла. Сначала я видел Её как бы на иконе, ясно, а потом Она отделилась от ней, сошла и подвиглась в путь». Святой Иоанн добавляет, что он накануне до двух часов

ночи писал проповедь на день Успения, а за Всенощной с умилением прочитал канон и акафист празднику.

Святой Иоанн с благоговением произносит имя Матери Господа нашего Иисуса Христа и говорит, что чрез Неё мы сподобились от Бога «бесчисленных благ: прощения грехов, освящения, просвещения, обновления, избавления от вечной смерти, возведения на небеса, усыновления Богу, обожения и вечной жизни» (Д: 503). Усваиваемые им и православной традицией Божией Матери многочисленные имена подчёркивают это благоговение к Ней и постоянное Её участие в нашей духовной жизни. Она называется:

- Пресвятой и Пречистой, ибо «стоит на высочайшей степени уподобления Богу» (Д 1: 62);
- Царицей и Матерью всех по благодати, ибо «какая мать, яко Матерь Божия, может любить нас так горячо, так чисто, так сильно, действенно?» (М: 167, 97-98);
- Благосерднейшей Владычицей «всех сынов и дщерей человеческих, как Дщерь Бога Отца, Который есть любовь» (Д: 285);
- Бездной, Пучиной благодати, ибо все повергаются в Её благость и милосердие «и для всех достаёт Её Материнской благости» (Д 1: 649, 275);
- Свидетельницей нашей жизни и Недремлющим Оком, ибо постоянно взирает с неба на нас, все наши входы и исходы, видит всю нашу душу – не только дела, предприятия, но и все мысли, чувства, намерения – всё нравственное состояние – и недостатки, и добродетели, – «все вздохи, слёзы, всё благоговение; слышит благодарение, славословие, все тайные и явные молитвы» (М: 235, 233);
- Помощницей в борьбе со злой силой (П: 22);
- Солнцем Красным, ибо вся «светла, и ни единого тёмного пятна» нет в Ней (Д 1: 376);
- Светоприемной Свечой, «ибо вжигая невещественный огонь в сердцах всех, наставляет к познанию Божию» (М: 24);
- Зарёю, ибо просвещает ум (М: 24);
- Синаем Духовным, ибо, как и ноги Господа на Синае, оставляет «также след всякий духовный свет» (Д 1: 261)…

Имена Божией Матери можно было бы продолжать – все они показывают высоту Царицы Небесной и одновременно близость Её к нам – как и исповедуем мы в молитве к Ней: «Царице моя Преблагая!»

Согласно общему святоотеческому учению величайшим свойством, показывающим истину духовного устроения, является смирение. Также рассуждает о нём и святой Иоанн, обращая внимание на смирение Божией Матери. «Чем больше смирения в человеке, – говорит он, – тем он чище и угоднее Богу – и тогда дальше всего человек от возможности пасть, потому что от него дальше всего тогда диавол. Смирением угодили Богу все великие святые. Сама Пренепорочная Матерь Божия указывает на смирение в Себе, как на приятнейшее Богу благоухание духовное, как на прекраснейший, благоуханнейший цвет человеческой души» (Д 1: 556).

Рядом со смирением стоят кротость и благость. Поэтому Батюшка и молит: «Владычице Богородице! Даруй мне погружаться сердечными очами в пучину Твоей кротости и смирения и Твоей благости, да и сам вынесу из этой пучины некие капли дарований духовных» (Д 1: 609).

Божией Матери присущи многие совершенства – Она честнейшая и славнейшая Херувимов и Серафимов. Святой Иоанн сближает Её с Триединым Богом: «Молясь Богу, помните, что Бог есть три Лица, а как Он есть Лицо и Лица, то Он в бесконечности имеет все совершенства, какие мы можем вообразить в совершеннейшем какомлибо, по благодати Божией, человеке, например, в Пресвятой Деве Марии» (Д: 175). По благодати Божией Она «едино с Богом» (Д: 397). «Какая безмерная заслуга Её по благодати Божией, – размышляет Батюшка, – что Она стала Матерью Самого Бога, плоть взаимодавши Ему пречистую и всеосвящённую, питая Его млеком, на руках нося, одевая Его, всячески сохраняя Его юность, лобзая многократно, лаская Его» (Д: 397). Она болела и скорбела о Нём, проливала слёзы – «всю жизнь жила для Него, только для Него одного, вся была погружена в дух его и была одним сердцем, одной душою с Ним, одною святынею с Ним! О, превысочайшее единство любви и святыни Пречистой Девы Марии и Божественного Сына Её, Господа Иисуса Христа!» (Д: 407-408). «Господи! – восклицает Праведник. –

Кто опишет величие Девы Богородицы?» (Д: 397). Какой великой святости, каких примерных добродетелей исполнил Её Сын и Бог, какими чудными дарами украсил, «какой премудростью, красотой небесной, каким нетлением, благоуханием, каким величием почтил Её! Какой любовью, кротостью, долготерпением к грешникам Она исполнена, по подражанию Сыну Своему!» (М: 257). «Торжествуйте и молитесь Ей, – призывает Батюшка, – да научит Она вас и чад ваших чисто проводить житие в этом тлетворном, полном соблазнов веке. За Её чистоту, смирение и все добродетели и за то, что Она сподобилась быть Матерью Бога Слова, мы приносим Отцу Небесному благодарность, принося бескровную жертву, и говорим: "*Изрядно о Пресвятей... Богородице*", т.е. приносим Ей словесную службу, славу, благодарение» (Д: 405).

Божия Матерь возвеличена и возвеличилась для нашего спасения. Она получила все Божественные дары и есть чудо Божиих совершенств. И святой Иоанн снова называет Её разными именами: «...солнце всемирное, благоухание святыни всемирное, благость на всех верных преизливающая, сила недомыслимая, мудрость неизреченная, любовь чистейшая, пламенная, всеобъемлющая, быстропослушная» (М: 123). Ум наш и наше сердце не могут созерцать «безмерно великое таинство» служения Пресвятой Девы воплощению Бога – «сколько в нём любви, величия, премудрости, красоты, сладости, сколько в нём святыни, света, правды, сколько неописанного могущества и силы!..» (М: 126).

Отношение Владычицы Богородицы к людям, наипаче христианам, характеризуется великой любовью, бесконечно превосходящей любовь всяких родителей к детям, «всякой нежнейшей жены» (Д: 178). Ярким образом выразилась и выражается эта любовь в самом главном для нас – дело нашего спасения всегда близко Её сердцу, – «как Спасителю близко дело нашего спасения, так и Ей» (Д: 397). «Дивно спасение Владычицы, так оно и льётся тебе в душу, как целебный бальзам или как ароматический живительный воздух, или как успокаивающая вода, только воззри на Неё очами сердечными с упованием на Её благость и благомощие» (Д: 314).

Преблагосердная Госпожа Богородица – наша пребыстрая Заступница. «Слава Тебе! – воспевает Владычицу Батюшка. – Не заставляешь Ты долго ожидать от Тебя небесной Твоей помощи» (Д 1: 359).

Неоскудевающа благодатная помощь Владычицы Богородицы. О себе святой Иоанн рассказывает: «Ощущал я тысячекратно в сердце моём, что после причастия Святых Таин или после усердной молитвы домашней, обычной или по случаю какого-либо греха (страсти, и скорби, и тесноты), Господь, по молитвам Владычицы, или Сама Владычица, по близости Господа, давали мне как бы новую природу духа, чистую, добрую, величественную, светлую, мудрую, благостную, вместо нечистой, унылой и вялой, малодушной, мрачной, тупой, злой. Я много раз изменялся чудным, великим изменением, на удивление самому себе, а часто и другим» (Д: 450). Вместе со Святой Церковью Батюшка напоминает, что Божия Матерь на небе непрестанно молится о нас (М: 8), «ревнует и молится о мире всего мира, паче же – всех христиан» (Д: 296). «О, если бы мы слышали и видели молитву о нас и о мире Пресвятой Девы Богородицы» и других небожителей, «мы бы ужаснулись и устыдились своей лености и небрежности в молитве; мы не только днём, но и среди ночи восстали бы на молитву и славословие Господней благости, Божия долготерпения, Божия величия, Божией премудрости и силы всемогущей» (М: 236).

Нам, действительно, надо «восстать» на молитву к Божией Матери.

Приступать к молитве Пресвятой Богородице должно с твёрдой уверенностью в получении от Неё милости. Такая уверенность достойна Её. «Она Всемилостивая Матерь Всемилостивого Бога-Слова и о Её милостях, неисчетно великих и бесчисленных, возглашают все века и все Церкви христианские; Она точно есть «бездна благостыни и щедрот», как говорится о Ней в каноне Одигитрии. Потому приступать к Ней в молитве без такой уверенности было бы неразумно и дерзко, а сомнением оскорбилась бы благость Её, как оскорбляется благость Божия, когда приступают в молитве к Богу и не надеются получить от Него просимого. Как спешат за милостью к какому-либо высокому и богатому человеку, милости коего все знают, который милость свою доказал многочисленными опытами? Обыкновенно

с самой покойной уверенностью и надеждой получить от него, чего желают. Так надо и в молитве не сомневаться, не малодушествовать» (Д: 116-117). Призывать Её – то же, что и призывать Бога, «Который в Ней обитель Себе сотворил; да Она и Сама во всём подобна Господу, есть чистейший образ и чистейшее подобие Божие» (М: 171). Будем мы молиться Ей – и Она, Всеблагая и Всенепорочная, будет молиться о нас. «Мы прославляем Её, Высшую всякой славы, – и Она уготовляет нам самим вечную славу. Мы говорим Ей часто: "Радуйся", – и Она у Сына Своего и Бога просит: "Сын Мой возлюбленный, дай им вечную радость за приветствие Меня радостью"» (Д: 178).

В ежедневных записях отца Иоанна приводится молитва к Пресвятой Богородице, которую, надо думать, он неоднократно повторял. Эта молитва настолько глубока по своему содержанию (раскрывает и Лик Царицы Небесной и учит нас образу молитвы), что её, невзирая на объёмность, следует привести полностью. Вот она: «Владычица всех Ангелов и человеков, Всеблагая и Всеблагомощная, как грозная повелительница, прогонительница и пламень всех сопротивных сил, как удобно могущая разрушать с быстротою молнии все многообразные козни злых духов, избавь нас от всякого греха и укрепи нас силою Твоею на всякую добродетель; сообразными нас сотвори Сыну Твоему и Богу нашему и Тебе, Пресвятой Деве, Матери Господа нашего, ибо мы нарицаемся именем Христа, Сына Твоего, как члены Его. Да не будет наше название христианин пустым звуком, без силы, но да будем все мы подражателями Христу, "Начальнику нашей веры", и Тебе, "Начальнице мысленнаго наздания". Да будем все мы, "как камни живые, созидающиеся в храм духовный, святительство свято, возносити жертвы благоугодны Богови". О, Владычице, Владычице! Да не вотще и всуе мы нарицаем Тебя Владычицей: яви и являй присно над нами Твоё святое, живое, действительное владычество. Яви, яко всё можеши во благое, яко Мати Всеблагая Всеблагого Царя; разгоняй мрак сердец наших, отражай стрелы лукавых духов, льстивно на нас движимые. Мир Сына Твоего, мир Твой да царствует в сердцах наших, да все присно радостно восклицаем:

"Кто после Господа, яко Владычица наша, Всеблагая, Всеблагомощная и Пребыстрая Заступница наша?" На то Ты возвеличена, Владычица, на то обилие несказанное Божественной благодати Тебе дано, на то неизреченное дерзновение и сила у престола Божия и дар всемогущей молитвы даны Тебе, на то Ты неизреченною святостию и чистотою благоукрашена, на то Тебе могущество бесприкладное от Господа дано, чтобы Тебе сохранять, защищать, заступать, очищать и спасать нас, наследие Сына Твоего и Бога, и Твоё. Спасай же нас, о, Пречистая, Всеблагая, Премудрая и Всеблагомощная! Ты бо еси Мати Спаса нашего, Который из всех имен благоволил более всех называться Спасителем, как и самое имя Его есть Иисус или Спаситель. Нам, странствующим, в житии сем свойственно падать, ибо мы обложены плотию многострастною, окружены духами злобы поднебесными, прельщающими ко греху, живём в мире прелюбодейном и грешном, соблазняющем на грех; а Ты, превыше всякого греха, Ты Солнце пресветлое, Ты еси Пречистая, Всеблагая и Всеблагомощная, Тебе свойственно очищать нас, осквернённых грехами, как мать очищает детей своих, если мы воззовём к Тебе смиренно о помощи; Тебе свойственно подымать нас, непрестанно падающих, заступать, охранять и спасать нас, наветуемых от духов злобы, и наставлять нас шествовать по всякому пути спасительному» (Д: 623-624).

Видимо, для более немощных Великий Праведник указует другой, сокращённый, образ молитвы: «Преукрашенная Божественными благолепотами Владычице, помилуй мя. Преисполненная благости, милосердия, кротости, смирения, Солнце света и чистоты, не оставь меня!» (Д 1: 230).

Для священнослужителей же святой Иоанн открывает суть своей молитвы перед совершением Божественной Литургии: «Владычице моя, Пресвятая Богородице! Тебе я молился пред Литургиею, да испросиши мне благодать совершить её с силою многою, во славу Божию, во спасение мира и моё собственное! Ты всё устроила во благо. Благодарю Тебя, Всеблагая Помощница, Скоропослушница, упование непостыдное!» (Д: 439).

Глубоки и поучительны по своему содержанию похвалы и прославления Божией Матери:

«Свете тихий от святыя славы бессмертного Сына Твоего и Бога, святого блаженного Иисуса Христа, о, Пресвятая Дева Богородице, поём Тебе: достойна бо еси во вся времена пета быти гласы преподобными, яко Мати Божия и жизни Ходатаица; тем же род христианский непрестанно Тя славит» (М: 215).

«Воспеваю благодать Твою, Владычице Богородице, ею же Ты совершенно избегла и отчуждилась всякого греха, и усовершилась во всякой добродетели в несравненном превосходстве не только над всеми Святыми человеками, но и над Святыми сонмами Ангельскими; и Святыня Твоя несравненна, и благость Твоя превосходит всякую тварную благость в Ангелах и человеках; и благостью Твоею Ты совершила бесчисленные благодеяния и чудеса в православных людях всех веков и мест земного Твоего владычества, чудеса, о коих свидетельствуют история Церкви всеобщая и, в частности, русская и многообразные именования святых Икон Твоих» (П: 35).

На вопрос: «Почему требуется непрестанное восхваление Владычицы Богородицы?» – святой Иоанн отвечает: «Потому, что мы должны хотя бы отчасти воздавать славу Её величию, святыне, правде, изумительной чистоте, смирению, любви к Богу и к нам, недостойным, Её непрестанному ходатайству о нас»; потому, чтобы не забывать великие блага, излитые на нас от Господа чрез Неё; наконец, потому, что похвалой мы противостоим духу злобы, «клевещущему на всё святое и любезное Богу» (М: 138).

Святой Пастырь сознаётся, что человеческий язык не может достойно восхвалить Пресвятую Деву Марию: «...мало всех похвал, ибо Она удостоилась быть Матерью Божией, и чрез Неё Бог соединился с человеками и обожил их» (М: 10).

Совершенства Пречистой Девы напоминают нам о необходимости уподобляться Ей. «Молясь Владычице, – размышляет отец Иоанн, – ты называешь Её бездной благости и щедрот. – Уподобляйся же Ей и сам по своим силам в благости и щедротах тем, которые имеют нужду в твоей благости и щедрости, не озлобляйся на них, не

презирай их, но тем больше возлюби, чем больше они в тебе нуждаются. Рассуждай светло и здраво, евангельски о их положении, поставляя чаще себя на их место, и Владычица умножит в тебе милости Свои» (Д: 216).

Награда прославляющим Божию Матерь – и словом и жизнью – велика. «Кто искренно славит Божию Матерь и Святых, тот по закону Правды Божией будет иметь участие в их славе в будущем веке... Кто искренно приносит Богородице ангельское приветствие: "*Радуйся*", – тот будет сам вечно радоваться» (Д 1: 91). Но горе поступающим иначе – в них вселится дух зла, клеветы и хулы «на всё святое» (М: 139).

Глубоко почитали Божию Матерь на Руси во все времена. Пред Её Всесвятым Именем с благоговением преклонял свои колени и низко склонял голову русский человек, а он был православный, и Царица Небесная постоянно оказывала Свою небесную помощь. Сколько раз Она спасала наше Отечество, наш народ, грады, веси и отдельных лиц «от всяких бед и зол». «Славен был Карл XII, как полководец, – свидетельствует святой Пастырь, – славен был Наполеон; велики были их полчища и хорошо обучены, – а что сталось с ними! Сильны были в своё время татары, поработившие нас; но они побеждены помощью и заступлением Богоматери» (П: 127-128). Святой Иоанн пророчески предостерегает: «Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, дотоле она будет могущественна и непоколебима, ибо от начала и доселе она выходила из всех бед, укрепляясь и расширяясь заступлением и помощью Богоматери во всех войнах и ратных, бедственных обстоятельствах – и Российские князья, цари, императоры и христолюбивое воинство всегда усердно чтили Приснодеву и Матерь» (П: 128).

Поразмыслив о Матери Жизни, святой Кронштадтский Пастырь вопрошает нас и как бы завершает свои наставления: «Всегда ли с искренней верой и усердием, с дерзновением и любовью прибегаешь ты к Владычице и Матери по благодати – к Пречистой Богородице во всех обстоятельствах жизни?.. Величайшая для тебя потеря, если

ты не научился... со смирением... прибегать во всех скорбях и радостях к Матери Живота... О, чаще взирай, христианин, на светлый, материнский лик Преблагословенной и поучайся, и спасайся. "*Се Мати твоя*" ***(Ин. 19, 27)***» (М: 222).

- «Молитесь, братья мои, Матери Божией, когда буря вражды и злобы восстанет в доме вашем. Она, Всеблагая и Всеблагомощная, удобно и преудобно может умирить сердца человеческие» (Д: 297).
- «Да притекаем все с дерзновением и упованием к чудному и всеблагомощному, и пречистому покрову Девы» (Д: 455).
- Да будем святы – подобны Владычице! (Д: 461).

VIII. АНГЕЛЫ

> «Необходима сердечная вера в бытие мира духов: тогда искренняя будет вера и в бытие "*Бога духов и всякия плоти*" ***(Числ. 16, 22)***, и в существование по смерти душ человеческих»
>
> *(Д 1: 200)*

Ангелы Божии – это сотворённые духи, обладающие разумом и свободой. Святой Иоанн именует их дыханием Божиим – «оттого-то Ангелы и называются духами, или, что то же – дыханиями Божества» (Д: 176). Ангела можно представлять «в образе человеческой души». Потому они и «являются в человеческом образе», что имеют подобную человеческой душе природу, «только безгрешную, святую и высшую» (Д: 713). Их сущность – «святость и благость, по благодати Иисуса Христа» (Д: 467). Они исполнены чистоты (Д 1: 478), мира нерушимого, «вечного мужества и силы, неизреченной красоты, света, высокого ума, чистейшей к Богу и к людям любви, взаимного дружества, озарения и просвещения» (Д: 690-691).

Вышние премирные Силы составляют девять чинов: Херувимы, Серафимы, Престолы, Господства, Власти, Силы, Начала, Архангелы и Ангелы (Д 1: 85). Среди них – в их невидимом добром и светлом мире – «кипит совершеннейшая блаженнейшая жизнь» (Д 1: 31).

Созданы Ангелы с целью показать превосходство благости Божией – «и да не победит вольная злоба тварей Его безмерной благости и человеколюбия» (П: 109). Бытие их обуславливается Промыслом Божиим и требованием человеческого разума. Между Богом и людьми должны быть посредники, которые руководили бы ими, вели их к Миру Горнему. В Божиих творениях царит «изумительная постепенность и порядок» – всё низшее управляется высшим. В этом и зрится необходимость Ангелов для людей, искупленных страданиями Господа. Кроме сего, «Ангелы сами исполнены любви к нам и радуются об обращении одного грешника; а любовь деятельна, и этой их благородной и полезной деятельности Господь и дал всю свободу» (Д: 687-688). И само достоинство христианина, как члена Церкви – тела Христова и как храма Святого Духа, «непременно требует нахождения при нём Ангела Хранителя, как старшего собрата нашего и друга, который руководит нас к общему всех Владыке в Царство света и блаженства. Если *"радость бывает на небеси пред Ангелы Божиими о едином грешнике кающемся" (**Лк. 15, 7, 10**)*, то нужно судить по сему, какое сильное участие принимают в нашем спасении Ангелы Господни» (Д: 688-689).

Подлинно, Ангелы весьма близки к искренне верующим и благочестивым – «благоволительны к ним, принимают ближайшее участие в их жизни» (М: 210). При каждом «правоверующем христианине» есть добрый Ангел (П: 8. Ср.: Д: 722). «При мне, – свидетельствует святой Иоанн, – есть постоянно добрый Ангел, мой Ангел Хранитель». Он присно предлагает человеку спасительное (Д 1: 673). Что мать есть для детей или добрая жена для мужа, то для христианина в его духовной жизни Ангел Хранитель (Д 1: 156). «Всегда твёрдо помни, – увещает святой Пастырь, – что добродетели в сердце нашем не насадятся и страсти не искоренятся без усердной молитвы о том к Богу, без молитвы о предстательстве Божией Матери, Ангела Хранителя» (Д 1: 181).

При нашей молитве Богу святые Ангелы предстоят и внимают нашим словам, как это бывает и в обычной беседе людей – одни говорят, другие слушают. «Бог всегда лицом к лицу с нами… Как в семействе доброго отца, все дети всегда с ним, все друг друга любят и друг о друге заботятся, так и у Отца Небесного Ангелы и человеки всегда пред Его лицом, друг друга любят и друг о друге заботятся, сильные о немощных, совершенные о несовершенных» (Д: 634-635).

Святые Ангелы непрестанно молятся за нас на Небе (М: 8), также здесь, на земле, рядом с нами, помогают нам – пребывая в вечном свете, они видят всю нашу жизнь и «радуются, когда мы единодушно творим волю Божию на земле. Как они тогда особенно готовы помогать нам во всём благом! С какой радостью возносят молитвы наши к Богу и ходатайствуют за нас!» (М: 211, 194).

Святые Небожители необходимы нам при нашей земной жизни, также необходимы они при нашей кончине и после неё – «„по исходе из жизни“ они служат свидетелями наших добрых дел» (Д 1: 588).

Изложив эти мысли о святых Ангелах, отец Иоанн ставит ряд вопросов, имеющих огромное значение в нашей духовной жизни: «Призываете ли вы их, как своих хранителей, на помощь, чтите ли их, любите ли их, даже – верите ли, что они есть, от всего сердца? Если вы не знаете их и не хотите знать, за что же им покрывать вас от вражиих нападений здесь? За что же им встречать вас после смерти в другом мире? А есть нарочито составленные молитвы и похвалы Ангелу, хранителю человеческой жизни. Видите, как вы невнимательны к существам Горнего Мира, не думаете нимало освоиться с ними чрез веру здесь – на земле, а ещё ожидаете, как христиане, страшного второго пришествия Господа с небес с Ангелами Своими, а ещё ожидаете „жизни будущаго века“, в котором Ангелы – всегдашние жители?» (Д 1: 486-487).

Почитание святых Ангелов – обязанность, право исповедующего христианина. Почитая их, «мы сродняемся с тем животворным для жизни убеждением, что есть другой мир разумных существ, совершенно чистых, простых, бестелесных, и что, значит, существование души нашей по смерти – есть дело не только возможное, но и

действительное, существующее… Почитание Ангелов (как и Святых. – *К.С.*) не отзывается никаким многобожием, совершенно в нашей природе и ведёт к существенной душевной пользе» (Д: 687).

Почитая святых Ангелов, необходимо призывать их в своих молитвах. «Призывайте несомненно, в простоте сердца, – учит святой Пастырь, – Ангелов и Святых, которые, по благодати Божией и по общению или единению с Богом и простоте своего существа, чрезвычайно быстро, наподобие молнии, и слышат, и исполняют, по воле Божией, наши молитвы» (Д: 489).

С почитанием святых Ангелов неразрывно связано подражание им. «Христианин! Ты совокупишься с Ангелами, Архангелами, всеми небесными Силами: подражай Ангелам, презирай земное, возлюби небесное, вечное, духовное, удаляйся пристрастий житейских, не порабощайся чреву, демону сребролюбия, будь незлобив, кроток, тих как Ангел, чист как Ангел, прост, свят как он» (Д: 691).

Наряду с добрыми Ангелами действуют и злые, в мире которых «кипит злобнейшая жизнь» (Д 1: 31). «Если первые принимают великое участие в спасении людей… так другие всячески стараются погубить человека – и весьма часто погубляют невнимательных и преданных душой какому-либо пороку, нерадящих о своём спасении. Многие несчастные примеры между людьми, преданными страстям, объяснить можно не иначе, как участием – и самым сильным – злых духов. Апостол предостерегает и говорит: *"Трезвитеся, бодрствуйте" **(1 Петр. 5, 8)***» (Д 1: 484). Злой дух заметные следы оставляет «в младенцах некрещёных: лишь поднесёшь крестное знамение, он тотчас дико устремляет глаза, блуждает странно, раскрывает рот, плачет от действия сокрытого в сердце диавола, не терпящего крестного знамения и принуждённого выйти от страшного для него знамения Креста» (Д 1: 77). И святой Иоанн вслед за святым апостолом Петром также предостерегает: «Ведайте, работающие Господу, и твёрдо помните, что диавол постоянно *"яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити" **(1 Петр. 5, 8)***. Замечайте за собою, трезвясь и бодрствуя умом и сердцем, и вы увидите, что лукавый едва не безотходно стоит пред дверьми вашего сердца, если вы ещё не отворили их для него,

и с наглостью усиливается отворить их и войти в дом души вашей, всевая в ваш ум и сердце свои адские плоды – по виду всегда почти благовидные, чтобы если мы примем их, и самому ему удобно было пристать к своему произведению», потому что если бы в нас он ничего не имел, как в Боге, то и не смог бы войти. «Внимайте: то он внушит вам из-за ничтожных предлогов чувство ненависти к кому-либо», то будет подстрекать позавидовать кому-либо, представляя его состояние «в самых радужных чертах, а ваше – в самых мрачных»; то представит, что у вас уходят деньги «нипочём, между тем как вы достали (их) трудами и потом, и смотришь – всеет в ваше сердце преступную, жгучую любовь к ним, лишив вас надежды на Всеблагого Бога» (Д 1: 647-648). «Горе побеждаемому и коснящему восставать от поражения!» (Д 1: 409).

Познаются козни злой силы без особого труда. «Вы заметите их, – учит Батюшка, – по потере вашего душевного спокойствия, этого драгоценнейшего сокровища нашей жизни, по беспокойному томлению вашего сердца и какой-то болезненной туманности и тупости вашей головы: словом, вы заметите, что вы запутались в каком-то лабиринте, откуда не знаешь как и выйти» (Д 1: 649).

Святой Иоанн указывает и победоносное оружие в борьбе со злой силой: Имя Господа нашего Иисуса Христа и Его Крест. «Слава имени Твоему, Господи, великому, сильному и грозному, бесов прогоняющему и исцеляющему сердца наши от лютых мучений, страстей! Слава и Кресту Твоему Честному, именем Твоим изображаемому! Он также силен и грозен именем Твоим» (Д 1: 46). Сильным средством к отгнанию «убийственной тяжести» действий злого духа служат Святые Таинства и особенно Святое Причащение. «Принятые внутрь Таины Твои (Животворящий Владыко!) мгновенно прогоняют его и омывают грехи наши, *"паче снега"* убеляя души наши и предавая грехопадения забвению Божию. О чудеса чудес Таин Твоих! И всё это туне, единственно по вере нашей! О! Как велики, бесконечно велики, как Ты бесконечно Велик, – милости Твои нам, недостойным!» (Д 1: 30). Приходит на помощь борющемуся и Пресвятая Богородица. «Нет смущения (сатанинского

смущения) и скорби душевных, от которых бы не избавил меня Господь молитвами Пречистой Своей Матери. Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Богомати!» (Д 1: 352). Скоры на помощь и Ангелы-Хранители. Если бы они не охраняли нас от козней злых духов, то мы оказались бы в их власти, подверглись бы мучениям с их стороны, часто падали бы во грех. «Да, Ангелы мира, верные наставники, хранители душ и телес наших всегда с нами, если мы добровольно не отгоняем их от себя мерзостью плотоугодия, гордости, сомненья, неверия. Как бы чувствуешь, что они покрывают тебя крылами невещественныя своея славы, и только не видишь их. Мысли, расположения и дела добрые – от них» (Д: 286).

Обязанности христианина ясны: «Чтить Ангелов добрых и горящих к нам, бренным, любовью и всячески ненавидеть злых духов и всех дел их, „отрицаться сатаны и всех дел его“» (Д 1: 484-485). «Не бойся, что тебя пересилит сатана. *“Болий есть, иже в вас, нежели, иже в мире” **(1 Ин. 4, 4)***, то есть сатана. Помни слова Спасителя в молитве Господней: *“Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого” **(Мф. 6, 13)***, и далее – что? „Яко Твое есть Царство и сила (а не диавола) и слава во веки. Аминь“» (Д 1: 412).

IX. СВЯТЫЕ

> «Почитая Святых, привыкаем к той мысли, что есть жизнь для нас после смерти; что добродетель и святость по смерти награждаются, – значит, если и мы будем жить добродетельно, то будем также награждены»
>
> *(Д: 687)*

Святая Православная Церковь смотрит на святых угодников Божиих, как на ярко горящие светильники, светящие людям и согревающие их, ходящих во тьме страстей и хладе жизни. «Справедливо

пред иконами их горят свечи и лампады. Горящие свечи напоминают нисшествие Святого Духа *во огни* на Апостолов и то, что *"Святые суть светильники горящие и светящие" **(Ин. 5, 35)***» (М: 24).

Святые велики своей крепкой верой в Бога, твёрдой надеждой на Него и горячей любовью. Ради служения Ему они отказались от всех прелестей мира – презрели их. «Велики они по своим подвигам воздержания, бдения, поста, непрестанной молитвы, упражнения в слове Божием, в Богомыслии» (Д: 391). В них почивает Святая Троица, сияет «неприступным светом совершенств Своих», их освящает (Д: 142, 457). В них Она прославилась и прославляется (М: 240).

Ради нашего спасения Святые возвеличены множеством чудес, которые, как реки живых вод, истекают «от чрева их» и наполняют «вселенную нетлением их останков – и опять для твоего спасения и возвеличения» (М: 11). Возвеличены они и в многообразии подвигов. «Ты Един, – исповедует Батюшка, – ведаешь заботы, труды и поты Святых Твоих, для очищения их, для угождения Тебе, Отцу всех, Ты веси Святых Твоих» (Д: 410).

Одни возвеличились подвигом борьбы с ветхим человеком – победили «своё сердце, которое часто всеми силами противится собственному благу и не возносится искренно к Богу» (Д 1: 173).

Другие явили стойкость в вере, в любви к Богу вплоть до мученического венца – «с радостью исповедали Христа, когда вели их на огненные костры или сажали на огненные решётки, когда строгали их тела железными когтями» (Д 1: 444, 180, 199).

Третьи изумили мир своей святостью, праведностью и уже здесь, на земле, «как бы слышали *"празднующих глас непрестанный"*, в вечности раздающийся» и предощущали «бесконечную сладость зреть *"неизреченную доброту"* лица Господня» (Д: 123)…

На почётное место святой Иоанн выдвигает великих святых Отцов Церкви. «Ты, – говорит он евангельскими словами, – *недостоин* отвязать *ремень* сапог их ***(Мк. 1, 7)***». Их писания Богомудрые и Богопросвещённые – они говорили Духом Святым (Д 1: 54, 456). Многие из них, имея просвещённые очи сердца и ясно созерцая трудности нашей земной жизни, научили нас образу молитвы –

составили множество молитв. «О, как хороши эти молитвы! Мы иногда не чувствуем и не знаем цены их, между тем как прекрасно знаем цену пище и питию, цену модной одежде, хорошо меблированной квартире, цену театрам, цену музыке, цену светской литературе… и увы! Драгоценнейший бисер молитвы попираем ногами своими; и тогда, как всё светское находит просторный приют в сердцах большей части, молитва – увы! – не находит и тесного уголка в них, не вмещается в них. А когда она попросится к нам и взойдёт хотя одной ногой, её тотчас выталкивают, как нищего, как человека, неимеющего одеяния брачного» (Д: 301).

Святые Божии люди во внутреннем делании своём предстают «внимающими внутреннему их Посетителю и Деятелю – Господу, благоговеющими пред Ним, от внутренней сладости и неги улыбающимися и вкушающими пренебесный покой» (Д: 247). Писания их, творения – «фотография их душ святых, или точнее, фотография великого духовного Света – Бога» (Д 1: 343).

Заслуги Святых пред Богом неисчислимы. Святые с помощью благодати Божией и «своими подвигами, постом, бдением, молитвой, непрестанным вниманием к себе, Богомыслием, поучением в слове Божием, самоумерщвлением, подвигами мученическими – превозмогли силу греха, очистились от всякой скверны плоти и духа и стали чистой пшеницей Божией или чистым златом Божиим» (М: 22).

Также неисчислимы добродетели Святых. Отец Иоанн утверждает, что Святые Божии Люди обогатились «всеми добродетелями: кротостью, смирением, воздержанием, терпением, богатой верой, надеждой и любовью. Оттого мы и просим их святых молитв, как нищие богатых, чтобы они научили нас молиться и преуспевать в христианских добродетелях, чтобы они, как имеющие дерзновение пред Богом, молились об отпущении наших грехов и предохранили нас от новых» (Д: 745. Ср.: М: 23-24).

Наипаче стяжали Святые смирение. Этой добродетелью, по слову Батюшки, «угодили Богу все великие святые» (Д 1: 556). Другой характерной добродетелью для всех Святых была глубочайшая любовь к Богу и ближнему. Яркое выражение получила она в торжестве над

врагами. «О! – восклицает святой Пастырь. – Если бы ты знал, какое торжество, какое блаженство – любить врага и делать ему добро!.. Так Сын Божий во Святой Троице восторжествовал и торжествует Своей любовью над неблагодарным и злонравным родом человеческим; так Святые Божии торжествовали над врагами своими, любя их и делая им добро» (Д 1: 228).

За свою чистую жизнь Святые стали храмами благодати Божией (Д 1: 86) и приняты в ближайшее общение с Ним (Д 1: 587).

Живя в Мире Ином и находясь в лучах Божественного Света, Святые «близки к верующим сердцам и, как самые искренние и добрые друзья, в минуту готовы на помощь верным и благочестивым, призывающим их верой и любовью» (Д 1: 666). Именно: «верным и благочестивым», посему святой Иоанн как бы добавляет: «Если мы будем иметь живую, деятельную связь с членами Христовыми здесь, будем любить их делом и истиной, то и с нами будут иметь живой союз все Святые Божии Человеки, и о чём бы мы ни попросили их, они исходатайствуют нам сие у Христа Бога, для Которого они всем, что было для них дорого, пожертвовали» (Д: 383).

Постоянным выражением союза Святых с нами служат наши молитвы, в которых мы их призываем на помощь, и молитвы их о нас. К этой теме святой Иоанн часто возвращается и раскрывает её в разных местах своего «Дневника». Суть его данных наставлений можно выразить его же словами: «Если Святых мы будем призывать с верой и любовью, то они тотчас услышат нас: соединяющее начало с нашей стороны есть вера, а с их, вместе и с нашей стороны, – любовь, ибо и они в Боге, и мы в Боге, Который есть любовь» (Д: 515). Они услышат нас и помолятся о нас. «На каком основании мы просим молитв за себя Святых, и действительно ли они молят за нас, и действительна ли их молитва за нас? – вопрошает Батюшка и отвечает: – Сам Бог прямо изъявил Свою волю некоторым людям, не имевшим к Нему близости, людям грешным по преимуществу, чтобы они просили о себе помолиться людей Божиих». Например, царю Авимелеху было сказано просить молитв Авраама; праведный Иов молился о помиловании своих друзей; молились за других все пророки;

Сам Господь молился об апостоле Петре и всех Своих учениках. «Святые заслуживают быть ходатаями о нас к Богу по своим добродетелям, по своим заслугам, как угодники Его. Если на земле справедливость требует, чтобы известный человек, близкий к Богу, помолился о других (например, священник о людях), то отчего и не на небесах? Все Святые живы у Бога и для нас; видя в Боге наши нужды, сочувствуют нам и готовы, по нашим молитвам, а не иначе? Для того, чтобы нас же утвердить в вере и подвиге молитвенном. Да ещё: для чего и живые хотят, чтобы другие, нуждающиеся в их помощи, просили их?» (Д: 727).

Небожители участливо взирают на нас из Мира Иного. «Они, – свидетельствует святой Иоанн, – всё видят! Видят, как я молюсь, видят, что я думаю, чувствую, желаю, намереваюсь, делаю; как обращаюсь с другими; на какие хожу удовольствия; что особенно люблю; к чему пристрастен – всё видят» (Д 1: 80-81). «Как Святые видят нас и слышат? – ставит вопрос Батюшка и, как всегда, отвечает: – А как ты видишь мысленно, например, своих родителей и мысленно беседуешь с ними? Это – в теле, а они – без тела» (Д 1: 391). В другом случае святой Праведник делает весьма поучительное сравнение. Вот оно: «Пусть вы перенесены на солнце и соединились с солнцем. Солнце освещает лучами своими всю землю, каждую песчинку на земле… Так и душа святая, соединяясь с Богом, как с духовным Солнцем, видит чрез посредство своего духовного Солнца, освещающего всю Вселенную, всех людей и нужды молящихся» (Д 1: 410-411). Святой Иоанн, подчёркивая участие Святых в нашей жизни, называет их трубами, проводящими нам «из океана благодати Бога милость Божию» (Д 1: 391).

Почитание Святых естественно – необходимо в духовной жизни. В Божиих угодниках «мы чтим образы и подобия Божии, высокое достоинство человеческой Богообразной природы, веру, святость, правду, верность, преданность Богу, упование, любовь, самоотвержение, ради угождения Богу». В их лице мы приветствуем исполнение их стремлений, чаяний, «получение бессмертной жизни, чтим и ублажаем их подвиги», подъятые во время земной жизни, «их

добрую молитву о нас по успении их; ежедневно поучаемся от них жить по-христиански для Бога и для вечности, в которую они перешли и в которой наслаждаются предощущением вечных благ и блаженствуют» (М: 210).

Чтобы неукоснительно вступать в молитвенное общение со Святыми, в их память устанавливаются особые дни. Святой Иоанн дважды в своём «Дневнике» делает запись – одну для себя, другую – для всех: «Отдавай должную память Святому или Святым каждого дня и для этого справляйся ежедневно с уставом. И тебя Святые вспомнят: они не любят оставаться в долгу» (Д 1: 459. Ср.: Д 1: 196).

Святые – свет миру, «светильники, горящие и светящие людям» (М: 24). Им надо подражать. В них нам даются примеры: и горячей любви к Богу, и послушания Ему, и преданности, «и доказательство того, что, если только мы захотим, мы можем угодить Богу и спасти себя и других» (М: 19). «Научи нас, – молится Единому Батюшка, – подражать им в житии нашем, да будем и мы в соединении со всеми любовью» (Д: 410).

Святой Иоанн со скорбью говорит, что есть «плотские люди», которые не понимают высоты и достоинства Святых «и считают их людьми обыкновенными, не заслуживающими поклонения и призывания на помощь» (М: 18). Поступая так, они «оскорбляют и Господа, их прославившего, и их самих» (М: 24).

Обобщая свои наставления об угодниках Божиих, святой Иоанн даёт урок всем нам: «В конце домашних утренних и вечерних молитв призывай Святых: Патриархов, Пророков, Апостолов, Святителей, Мучеников, Исповедников, Преподобных, Воздержников или Подвижников, Бессребренников, – чтобы, видя в них осуществление всякой добродетели, и самому сделаться подражателем во всякой добродетели. У Патриархов учись детской вере и послушанию Господа; у Пророков и Апостолов – ревности о славе Божией и о спасении душ человеческих; у Святителей – ревности проповедывать слово Божие и вообще писаниями содействовать к возможному прославлению имени Божия, к утверждению веры, надежды и любви в христианах; у Мучеников и Исповедников – твёрдости за веру и благочестие пред

людьми неверующими и нечестивыми; у Подвижников – распинанию плоти со страстьми и похотьми, молитве и Богомыслию; у Бессребреников – нестяжательности и безмездной помощи нуждающимся» (Д: 237-238).

X. КОВЧЕГ ДУХОВНОГО ВОЗРАСТАНИЯ, СПАСЕНИЯ – ЦЕРКОВЬ

> «Наша вера в Церковь подобна почтеннейшей святой, богомудрой, твердейшей, нестареющейся старице, – в которой всегда живёт юный, живой и оживляющий верных чад её дух»
>
> *(М 1: 146)*

Святой Иоанн Кронштадтский даёт самое широкое определение Церкви. По его слову, Святая Церковь есть премудрый и благостнейший «Богоучреждённый союз, соединённых между собой верой, учением, священноначалием и Таинствами». Это Христово духовное ополчение, владеющее сильным оружием против сил зла. Это духовная Врачебница, в которой исцеляются от греховных язв. Это купель очищения и возрождения; святилище Божие, всех приходящих освящающее через Таинства и Богослужение. «Это – духовное солнце в мире, просвещающее и оживотворяющее всех во тьме и сени смертней седящих и умерщвлённых грехами» (П: 77-78). Это тело Христа Спасителя. «Все православные христиане… возглавлены во Христе во едино тело» (М: 219). Церковь – Дом Божий, в котором «все близки между собой», как друг другу члены (М: 10). Церковь – земное Небо, «Царство Небесное на земле» (М: 160). Здесь лики Спасителя, Божией Матери, Ангелов, Святых, престол Божий, Животворящий Крест, святое Евангелие – «этот глагол Божий, коим всѐ

сотворено… Это истинное Небо земное: тут сознаёшь и чувствуешь себя действительным членом тела Христова» (Д: 488-489). Святой Иоанн задумывается над этим понятием и делает глубочайший нравственный вывод, над которым полезно задуматься всем: «О, как же я должен жить, мыслить, чувствовать, говорить, чтобы достойно быть в этом земном Небе! Я должен жить достойно столь великого звания, в которое я призван милостью Великодаровитого Бога. Как я должен жить, с какой кротостью, незлобием, смирением, чистотой, воздержанием, чтобы достойно именовать своей Владычицей Пресвятую Богородицу, своим Владыкой Господа славы! Господи, удостой меня такого жительства!» (Д: 489).

- Церковь – это «общество спасаемых» (М: 17);
- великое семейство, «в котором Бог – Отец» (Д: 402);
- училище покаяния и спасения – оставленное нам Святыми «духовное наследие» (П: 80);
- надёжный путь к вечной жизни (М: 566);
- сокровищница спасения («Где средства… ко спасению? – В Церкви, и нигде больше» П: 6, 74).

Короче, «Церковь есть чистая мать всего человечества, право верующего во Христа, самый верный друг христиан. Она сочувствует и отвечает всем существенным потребностям души и тела христианина деятельным пособием или подаянием помощи силой Господа Иисуса Христа и Духа Святого, Которым всяка душа живится» (Д: 186).

В Церкви созерцается Вечный в Своих неописуемых совершенствах (М: 232) – Ему воздаётся непрестанная хвала (М: 231). Здесь средоточие истинной духовной жизни, «средоточие святыни, правды Божией, премудрости, силы, мира Божия, истинной свободы» (М: 17). Здесь царство чудес – «чудо воплощения Божия, вочеловечения Бога Слова, и чудо рождения безмужной Матери, родившей Богочеловека, и Её превознесение выше всех тварей, выше пресветлейших Херувимов и пламеннейших Серафимов» (М: 16).

Основана Церковь Самим Господом нашим Иисусом Христом, от Которого и получила всё Божественное к своему служению (М: 243). Поэтому «христианская православная вера и Церковь есть здание не

человеческое, а Божие» (М: 129). Всё имеющееся в ней установлено с соизволения её Основателя и Главы – «Господа Иисуса Христа и Кормчего её – Духа Святого. Он поставляет пастырей её на всякую истину. Он – Виновник всего благоустройства» (М: 17). «Что же неблизко нам при такой Главе? И как близок к нам Сам Глава, чтобы всегда слышать нас? И опытом уверяемся, что слышит» (Д 1: 86).

Свойства Церкви святой Иоанн рассматривает с нравственной стороны, как, впрочем, и другие темы. Церковь единая, ибо она «единый дом Божий, одно тело», имеет одну Главу, а душа её – «Сам Дух Святой, одушевляющий, просвещающий, очищающий и укрепляющий всех подвизающихся на земле членов сего великого Тела». Эту утешительную истину христианину не следует выпускать из виду, ибо она оказывает спасительное влияние на его дух, на всю его жизнь, служа «источником спасительных чувств и добродетелей» – искреннего доброго отношения к людям. «Живое убеждение, что я член Церкви, что в этом живом теле – постоянное взаимодействие членов одних другим, совершенных – слабым, сильных – немощным, при жизни и по смерти, по ту сторону гроба, – служит для меня величайшим утешением, ободрением, подкреплением в скорбные часы жизни» (М: 7-8)… Святость Церкви Батюшка видит в том, что она непорочна, с чистым смыслом, наша мать, близкая к Богу «и имеет к Нему великое дерзновение – она может во всём умолить Его: всякая молитва её исполняется Богом» (М: 27)… Из других свойств отец Иоанн упоминает соборность и апостоличность, добавляя к ним ещё «общечеловечность и общежительность» (М: 177). «Соборность Церкви в Богослужении её выражается в ектениях, в коих возносится моление о всём мире, в молитвах о всех людях во всём мире, особенно в совершении Литургии» (М: 177)… Если не свойством Церкви, то признаком, и весьма важным, является взаимная любовь её членов – это самый верный признак Христовых учеников и членов Его Церкви. «Без любви нет Церкви. Сию любовь насади в нас, Господи, да не мыслим зла!» (М: 14).

В Единую Церковь входит Церковь земная и Небесная. Последнюю составляют Ангелы и усопшие члены Церкви земной. Между

ними есть подлинная любовь и тесная связь как по отношению к Главе, так и друг друга. «Как слышат меня на молитве Пресвятая Богородица и Святые? – ставит вопрос Батюшка и отвечает: – Они в Боге и един дух с Ним, а Бог – везде. Кроме того, я член Церкви немощной земной, а Она и они – члены Церкви благородные – Небесной; Глава у всех один – Христос – Бог Вездесущий» (Д 1: 140). Какая великая любовь у Церкви Небесной и земной! «Смотрите, – обращает наше внимание отец Иоанн, – она непрестанно воспоминает, призывает в молитвах и прославляет за подвиги на земле, ради Бога подъятые – Церковь Небесную; молится непрестанно за Церковь земную и ходатайствует за умерших в надежде воскресения, жизни вечной и общения с Богом и со Святыми. Необъятная любовь, величественная, Божественная любовь!» (Д: 619).

Дух Церкви – это дух святыни, мира, жизни, спасения, «а это свойственно только Духу Святому» (Д: 633). «Помни, – внушает Батюшка, – что в досточтимом теле Церкви ты немощной орган и всё получаешь от Главы Тела и Его Святого Духа. Помни, что в теле Церкви есть миллионы членов сильных, получивших от Духа Святого великие и многоразличные дарования духовные, каждый по мере своего достоинства и приемлемости» (Д: 799).

Чудно духовное богатство Церкви: вера, упование, любовь, благость, милосердие, премудрость Божия, «богатство чудес, очищения прегрешений, освящения, просвещения, утешения, мира и свободы духовной!» (М: 35). В ней небесная жизнь, святыня, правда – «совокупность всех добродетелей Божественных», спасительные Таинства, «дивное собрание всех Святых», угодивших Богу своими добродетелями, «весь Ангельский мир». Именно «в ней непрестанная, чудная проповедь спасения» (М: 5-6). Что прежде всего и постоянно нужно человеку? То, что особенно подаётся в Церкви – «милость, очищение и освящение» (М: 11-12).

Носителями «Духа Церкви», как и его глашатаями, служат священнослужители, наипаче иерархи (М: 34). «Синод и епископы – великие люди у Бога, и высокое их назначение, они *"право правят слово истины"* Христовой ***(2 Тим. 2, 15).*** Ах! Что было бы с христиа-

нами, если бы не было епископов? Мы влаялись бы "*всяким ветром учения, во лжи человечестей*" (как лютеране и раскольники) ***(Еф. 4, 14)***. Посмотрите на раскольников, что они без этих правителей истины? Овцы заблудшие, запутавшиеся *во лжи человечестей*. Только тень слова истины осталась у них, а дело, сущность – ложь» (Д 1: 205-206).

Истина сохраняется в Церкви – она её верная хранительница. Всё, что в ней имеется – «от слова Божия до самой краткой молитвы» – истина. Церковь – «столп и утверждение истины, как основанная на краеугольном камне – Христе, Который есть Истина, и одушевляемая и руководимая во век Духом Святым, Который есть Дух истины» (Д: 566).

Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, по слову святого Иоанна, «имеет ум Христов», поэтому «все её молитвы, возгласы, песнопения, уставы, обряды и прочее имеют особенно высокое, достойно уважаемое значение и силу» (М: 37). Имея «ум Христов», она является источником мудрости. «Мудрости в нашей святой вере и в Церкви столько, такая бездна, что всем мудрецам мира с избытком достало бы оной для рассуждения, удивления, прославления. Но её утаил Господь от премудрых и… надменных,.. и открыл её… простым, незлобивым и смиренным людям» (М: 28).

Благотворное значение Церкви огромно. Опытно познав её блага, святой Иоанн воспевает гимн в её славу: «Святая Церковь – наша мать, ходатаица, питательница, просветительница, нежная попечительница, успокоительница, наша заступница и стена нерушимая, наше очищение, освящение, наше истинное облагорожение, утверждение, наша путеводительница, наше обожение, наша слава. Она вместе и наш духовный воздух: ею дышат наши души, – её живительным, здоровым, ободряющим воздухом» (М: 28). Она наша жизнь, исцеление, сила, наша «живая вода, бьющая непрестанным ключем из приснотекущего источника Духа Святого…» (М: 20); наше «ближайшее общение с Главой Церкви и членами Его небесными и земными… – и происходящее отсюда непрестанно спасение, оживотворение и обновление благодатью Христовой»; наши защищение, «мир, спокойствие духа, помощь во всех делах спасения… твёрдая,

совершенная надежда на благодать, приносимую откровением Иисуса Христа,.. надежда вечной жизни; уверенность, что мы всегда находимся под особым покровом Божиим, Божией Матери, святых Ангелов и Святых, если только живём по вере, в покаянии и добродетели; участие в чудесах спасения, совершаемых посредством Таин Христовых и вообще в чудесах промышления Божия о нас, в Церкви совершающихся» (М: 15-16). В ней все наши высочайшие – вечные интересы. «О, какое благо – Церковь! Слава Господу Церкви, изливающему на неё Свои дары в безмерном множестве! О, веруйте, веруйте не словами только, но делами – во Святую, Соборную, Апостольскую Церковь или общество спасаемых во Христе, украшаясь всякой добродетелью» (М: 20).

Святая Церковь, как любвеобильная мать, носит в своём сердце своих чад, о всех заботится, болезнует, желая всех возродить и обновить (М: 34). Только в ней – «и нигде больше» – все средства ко спасению (П: 74). Она якорь спасения (П: 49). Она указует, уравнивает «верный путь ко спасению», отсекает ереси и расколы; она «мужественно… боролась со всеми гонителями» и отстояла «царский путь святой истины… в жизнь вечную», сохранила Богоустановленные Таинства, учредила Боголепное Богослужение – «Ангельское на земле служение», ежедневно в Божественной Литургии напоминает всю земную жизнь Спасителя, прославляет подвиги Святых и указывает в них «живые примеры веры, надежды и любви к Богу». Она возрастила святых Отцов и Учителей, творения которых – «душеспасительные словеса, оставленные нам в наследие, как бесценное духовное сокровище…» (Д: 592).

Всегдашняя забота Церкви – врачевание душ. «Здесь, – наставляет Батюшка, – врачевство для всякой болящей грехами и скорбями души… Здесь исцеляется душевная слепота… *"Вся силы к животу и благочестию положены"* в Церкви ***(2 Петр. 1, 3)***. Чудно устроено всё суточное, недельное и годичное Богослужение» (М: 26).

Церковь – как общество всех Святых на небе и православных подвизающихся на земле – имеет величайшую духовную силу, которая может победить всякое зло, разрушить всякие козни, только «нужно

всегда веровать в Господа, во всесильное ходатайство Божией Матери и в ходатайство всех Святых», да к тому же «жить достойно своего великого звания» (М: 18-19). Эти суждения приводят к оправданию и необходимости молитв Церкви и молитв в Церкви. Святая Церковь многократно обращает наш взор «к ходатайству Божией Матери и всех Святых, внушая предать себя, друг друга и весь живот Христу Богу» (М: 19). Как и земной Церкви предстательство Церкви Небесной «есть величие, сила и спасение» для ревнующих жить по вере в благочестии. «Без этих молитв мы погибли бы» (М: 182). «Церковь – это неодолимая всеми силами крепость!» (М: 19).

Через святые храмы, через всё то, что с ними соединяется – Богослужебное чтение, пение, поучение, фимиам, звон, прикладывание к Евангелию, кресту, иконам – Церковь воздействует на всего человека: на слух, обоняние, на чувства, ум, волю. Несомненно, это действие имеет благое – воспитательное влияние (Д: 588-589). «Святая Церковь есть первая и самая законная воспитательница христианских душ. Нет важнее дела, как дело воспитания христианского. Посудите и поймите сами, как дороги для Бога эти разумные души бессмертные, искуплённые Кровью Самого Сына Божия, призванные от тьмы неведения к свету Боговедения Самим Господом!.. Как дорого спасение этих душ, которым Он предлагает в пищу и питие Своё Пречистое Тело и Пречистую Кровь, – которых Сам взялся духовно воспитывать чрез эти Дивные, Страшные, Животворящие и Благотворящие Таины!» (П: 98). Святой Иоанн приносит сыновнюю благодарность Матери Церкви, спасительно руководствующей во временной жизни и воспитывающей для небесного гражданства. «Благодарю её, – продолжает он, – за все чины молитв, Богослужения, Таинств и обрядов; благодарю её за посты, столь для меня благодетельные в духовном и телесном отношении… Благодарю непорочную матерь мою, Церковь Божию, восхищающую меня небесным служением своим, восторгающую горе́, к небеси, дух мой, просвещающую ум мой небесной истиной, указующую мне пути живота вечного, избавляющую от насилия и бесчестия страстей, делающую жизнь мою блаженной» (Д: 478).

В Церкви утверждается, как единое целое, бесконечная милость и правда Божии. Проявилось сие в воплощении Сына Божия. Вся жизнь Его, от рождения до вознесения, доселе непрестанно воспоминается, проповедуется и прославляется «в Церкви, в научение, назидание и спасение верующих» (М: 6). Милость Божия призывает к милости и чад Святой Церкви. И действительно, «никто сильнее и искреннее не поболит с тобой, как Церковь: её лучшие чада испытали всё то, что ты испытал, немощствовали как и ты, согрешали как и ты. Она не таит от тебя, что язва греха лютая всех коснулась, уязвила, растлила: и все они плакали, молились, страдали, скорбели, подвергались великим искушениям, и тебе легче будет скорбеть, терпеть» (М: 15).

Короче, Святая Церковь носит и греет своих чад «день и ночь» (М: 16). В Церкви, как в доме Божием – небесном и земном, придёт духовно на помощь любой призываемый из Церкви Небесной по присущей ему благости – проси его о чём угодно, «особенно относящееся к Царствию Божию и правде Божией, и он сделает для тебя угодное по тесному общению его с Богом – Источником благости и силы» (Д: 304).

Цель всех действий Церкви на земле определяется святым Иоанном кратко и точно: «Примирение с Богом, совершение Таинств, очищение и освящение христиан, возведение к христианскому совершенству, спасение» (М: 30. См. и М: 247).

***

Хотя отец Иоанн, когда говорит о Святой Церкви, почти всегда касается обязанностей, налагаемых на человека принадлежностью к ней, но рассуждает о последнем и отдельно. Примечательно, что благостный святой Пастырь, в основном, представляет обязанности в форме вопрошаний: «Веруешь ли, что все христиане православные… должны *"блюсти единение духа в союзе мира"* ***(Еф. 4, 3)***, должны беречь друг друга, заботиться друг о друге, помогать друг другу? Веруешь ли, что святые угодники также члены единого тела

Христова, т.е. Церкви, и наши братья, ходатайствующие пред Богом о нас на небе? Уважаешь ли всякого христианина, как члена Христова, как брата Его по человечеству? Любишь ли каждого, как самого себя, как свою плоть и кровь? Прощаешь ли великодушно обиды? Помогаешь ли в нужде, если сам имеешь достаток? Наставляешь ли невежду, обращаешь ли грешника от заблуждения пути его? Утешаешь ли печального? Всё это внушает тебе, обязывает тебя делать вера в Церковь Святую, Соборную и Апостольскую и за всё это обещана тебе великая награда от Главы Церкви – Господа Иисуса Христа» (Д: 573). «Ты принадлежишь к Церкви Божией или обществу верующих во Христа; эта Церковь есть единое Тело Христа, и Христос Бог есть Глава. Достойный ли ты член, свято ли живёшь, каешься ли всегда, исправляешь ли сердце и жизнь свою, нравы свои, помыслы, чувства, намерения, стремления, всё поведение своё? Живой ты член, или мёртвый? Примут ли тебя Святые, когда ты перейдёшь от этой жизни временной в вечную? Не отвергнут ли тебя, как гнилой член, смердящий, непотребный? Не будет ли твоя участь с отверженными от Бога? Спеши поправить дела, исправить всё своё поведение. Тебе дано на то время» (П: 59. То же: 81-82).

Церковь должно почитать и повиноваться её велениям. Как пред старцами мы с почтением склоняем свои головы, «уважая их седины и мудрость», опытность, высоко ценим их советы и стараемся приложить их к своей жизни, тем паче мы обязаны почитать Церковь, благоговеть пред её святостью, твёрдостью, древностью, Богопросвещённой мудростью и глубокой духовной опытностью, перед её заповедями и определениями, перед её Богослужением. Как можно не почитать её уже за одно то, что она несметное число своих чад спасла – переселила в место вечного покоя и радости?! «Где вы найдёте более признательного друга, более нежную мать? Итак, да прилепляются христиане сердцами своими к Церкви Христовой, да утверждаются в ней непоколебимо до скончания временной их жизни, да ревнуют все об исполнении всех ее заповедей и уставов и да обретают в ней спасение вечное о Христе Иисусе Господе нашем» (М 1: 146-147).

Повиновение Церкви начинается с совершенного доверия «её молитвам, Таинствам и обрядам» и заканчивается «исполнением на деле всех её законоположений» (Д: 701). Действенным средством в стяжании повиновения Церкви служит частое посещение храма Божиего – «этим ослабляется сила диавола над нами, побеждаются страсти, наклонности и поползновения греховные, и человек поучается святыне и правде чрез всё время своей жизни и таким образом угождает Богу и сподобляется нетления. А это цель всей жизни» (М: 201).

***

Представив глубоко духовное учение о Святой Православной Церкви, святой Пастырь не преминул отметить:

«Православная Церковь превосходит все церкви неправославные во-первых, своей истиной, своим православием, соблюдённым и завоёванным кровью Апостолов, Иерархов, Мучеников, Преподобных и всех Святых; во-вторых, тем, что вернейшим образом руководит ко спасению (ровным, прямым и верным путём); что верным образом очищает, освящает, обновляет посредством иерархии, Богослужения, Таинств, постов; в-третьих, что наилучшим образом научает угождать Богу и спасать душу свою, наилучшим образом руководствует к покаянию, исправлению, молитве, благодарению, славословию. Где есть такие молитвы, славословия, благодарения и прошения, такое чудное Богослужение, как в Православной Церкви? Нигде!» (М: 37).

Не забыл Батюшка сделать весьма ценное сопоставление Церкви и мира – Неба и земли:

- «В мире мы умираем грехами – в Церкви оживаем благодатью чрез покаяние;
- в мире подвергаемся скорбям, печалям, напастям, болезням – в Церкви освобождаемся от них, врачуемся, утешаемся, облегчаемся;

- в мире ходим во мраке страстей, не знаем, что делаем и куда стремимся, ибо тьма греховная ослепляет очи – в Церкви просвещаемся сердечными очами и ясно видим свет;
- в мире оскверняемся – в Церкви очищаемся и освящаемся;
- в мире впадаем в бессилие душевное и телесное – в Церкви получаем крепость души и тела. От Церкви исходит прощение, жизнь, сила, святыня, правда, свет, дерзновение духа, утешение и радость. Слава и благодарение Богу, заключившему столько благ небесных в Церкви Своей на земле!» (М: 7).

***

Казалось бы невозможно восставать против Церкви – Святой, Истинной, Спасительной, имеющей своей Главой Самого Господа, одушевляемой Духом Святым, утверждаемой и продолжаемой духоносными Апостолами и их святыми преемниками! Но врагов у Церкви – видимых и невидимых – было много: лжеучители, еретики, раскольники… Все они «были побеждены твёрдостью её сынов и дщерей». Бороли враги Церковь, борют и будут бороть – и все, с Божией помощью, потерпят поражение… От истинной христианской веры отошли католики «с своим мнимым, якобы непогрешимым главой, а от тех лютеране и реформаты, а у нас разные раскольники. Но самый дух их учения и жизни свидетельствует, что они идут по ложной дороге… Мы же непрестанно пользуемся спасительным руководством Церкви истинной… и спасаемся, чувствуя себя блаженными, как на руках доброй, нежной матери своей. Слава о сем Господу нашему во веки!» (П: 76-77).

***

Значение Святой Церкви для человека велико. Она показывает ему его происхождение, достоинство, назначение, падение, средства к восстанию для вечного блаженства, ежедневно наставляет, «руководит

к Богу и правде Его», очищает, укрепляет, «обоготворяет»... «Ходи в церковь к Богослужению, и всё это испытаешь на деле» (М: 177).

О характере веры в Церковь святой Иоанн говорит пространно. Кратко сие выражается в выводе: «Если ты на земле живёшь жизнью церковной, если стараешься жить жизнью небожителей, свято, в мире, то ты веруешь в Церковь» (М: 40).

«Твёрдо держись, – заповедует святой Пастырь, – собора Богомудрых отцов или Святой Церкви Божией: она *"есть столп и утверждение истины" (1 Тим. 3, 15)*» (Д 1: 88).

Святой Иоанн сетует, что немало есть равнодушных христиан, не понимающих значения Церкви – её смысла, духа, цели, – редко посещающих Богослужения или вовсе не бывающих за ними, затянувшихся в житейские пристрастия. И добрый святой Пастырь снова и снова возвышает свой голос: «Ходите в церковь, слушайте со вниманием глубоким Богослужение, песни, каноны, чтения, и вы привыкнете к Церкви, полюбите её: вы увидите, убедитесь, сколько в ней задатков жизни, мира, утешения; сколько в ней света, силы, святыни, правды» (М: 95).

Нам остаётся лишь последовать этому спасительному совету!

XI. МОЛИТВА

> «Родители приучили меня к молитве и своим религиозным примером сделали из меня религиозно настроенного мальчика»
>
> *(Из автобиографии святого Иоанна Кронштадтского)*

Едва ли не больше всего, не чаще всего святой Иоанн рассуждает о молитве. Он даёт разносторонние определения молитвы, подчёркивая её силу, величие, значение и посему говорит о побуждениях

к ней и необходимых условиях её успешности, представляет ее во всём многообразии как по содержанию, так и по форме – выражению, и проч.

***

Каждый из нас совершает молитву дома, ходит в храм Божий и, вероятно, думает, а может быть, и уверен, что выполняет своё земное призвание. Так ли это? Слушаем, что говорит святой праведник Божий Иоанн Кронштадтский: «Молитвой часто называют то, что вовсе не есть молитва; сходил в церковь, постоял, посмотрел на иконы или на людей, на их лица и наряды, – говорит: "помолился Богу"; постоял дома пред иконой, покивал головой, проговорил заученные слова без понимания и сочувствия, говорит: "помолился Богу", хотя мыслями и сердцем вовсе не молился, а был где-либо в другом месте, с другими людьми и вещами, а не с Богом» (Д: 625).

А что же есть молитва?

Святой Иоанн даёт на этот вопрос глубоко пастырский ответ: «Молитва есть всецелое возношение ума и сердца к Богу, созерцание Бога»; «созерцание в себе, в людях и в природе дел премудрости, благости и всемогущей силы Божией» (М 3: 69), «дерзновенная беседа твари с Творцом; благоговейное стояние души пред Ним, как пред Царём и Само-Животом; забвение для Него всего окружающего нас; пища души, воздух и свет; животворная теплота её, очищение грехов, благое иго Христово, лёгкое бремя Его. Молитва – постоянное чувство (сознание) своей немощи… освящение души, предвкушение будущего блаженства, блаженство Ангельское, небесный дождь… сила и крепость души и тела, освежение и очищение мысленного воздуха, просвещение лица, веселие духа, златая связь… бодрость и мужество… светильник жизни, успех в делах... утверждение веры, надежды и любви… Молитва – исправление жизни, мать сердечного сокрушения и слёз; сильное побуждение к делам милосердия; безопасность жизни; уничтожение страха смертного, пренебрежение земными сокровищами, желание небесных благ, ожидание

Всемирного Судии… усиленное старание избавиться от вечных мучений; непрестанное искание милости (помилования) у Владыки; хождение пред очами Божиими; живая вода души. Молитва – вмещение в сердце всех людей любовью; низведение неба в душу; вмещение в сердце Пресвятыя Троицы, по сказанному: *"К нему приидем и обитель у него сотворим"*» (Д: 625-626).

Молитва – не только беседа с Богом, а и с Царицей Небесной, Ангелами, Святыми, от века угодившими Богу (Д: 617). Это средство единения Церкви земной и Небесной (Д: 381-382). Молитва – «дыхание Духа Святого», «дыхание духовное – молясь мы дышим Духом Святым» (Д: 290). Молитва – «жизненная стихия души, в которой, как рыба в свежей воде, как птица в воздухе, душа истинно живёт, покоится, наслаждается, укрепляется, играет и веселится, где „и верится, и плачется, и так легко, легко!"» (М: 218). Молитва – орудие против злой силы (Д: 759), средство против греха – «предостерегает, хранит и избавляет» от него (Д: 125), в случае совершения греха – омывает от духовной нечистоты (Д: 677). «Молитвой мы отмаливаем грехи свои» (Д: 661).

Основание у молитвы крепкое – «стремление образа к Первообразу, как подобного к Подобному» (Д: 669). «Я верю, – исповедует святой Иоанн, – что есть Бог, пред Которым соплетаю свою молитву; есть Вседержитель, держащий дланью всю тварь; я надеюсь, что молитва моя доходит до Него, или – точнее сказать – прямо от сердца переходит в уши Его» (Д: 672).

Цель молитвы указуется святым Праведником кратко и предельно ясно: «Хотя Бог знает наши нужды, но молитва нужна для очищения и просвещения нашей души. Хорошо стоять на солнце: и тепло, и светло, – так и на молитвах пред Богом – нашим духовным Солнцем, и согреваешься, и просвещаешься» (Д: 677).

Беседовать с Богом, Существом Всемогущим, «непрестанно на нас взирающим, непрестанно нам внемлющим и неусыпно испытующим наши сердца и утробы» – дело великое (Д: 374). Потому и сила молитвы велика. «Сила молитвы, например, отворять и затворять небо, прелагать огонь в росу. Чья молитва особенно сильна?

Молитва Божией Матери… и Святых на небе; на земле – молитвы священников, как Самим Богом поставленных у самого Его престола – для молитвы о себе и людях; молитвы преподобных, отшельников…» (Д: 653-654).

Значение молитвы определяется её поучительностью. «Молитва, – размышляет отец Иоанн, – доказательство моей разумной личности, моей богообразности, залог моего будущего обожения и блаженства. Я из ничего создан, я ничто пред Богом, но я, по милости Его… имею разум, сердце, волю свободную, и при своём разуме и свободе» могу умножать дарованное Им, черпать «из Него, как из приснотекущего Источника, всякое благо духовное и телесное…» Молитва внушает мне, что я, как образ Божий, умножая духовные Божии дары, могу до бесконечности совершенствоваться. «О! Молитва есть знак моего великого достоинства, которым почтил меня Создатель». В то же время она «напоминает мне о моём ничтожестве» – ничего своего не имею и потому о всём прошу Бога (Д: 650-651). Последние суждения отца Иоанна приводят к мысли о побуждениях к молитве. «Ты, – говорит он, – существо добровольно падшее, растленное грехом: вот где сильнейшее побуждение для тебя к молитве; ты получаешь ежедневно величайшие милости от Бога: вот где сильное побуждение к благодарению Бога; ты ежедневно созерцаешь дела всемогущества, премудрости и благости Божией: вот где побуждение к ежедневному славословию» (Д: 526). Чувствуешь себя падшим, недостойным и потому не хочешь приступить с молитвой к Владычице, – «но потому-то и помолись усердно, что ты сознаёшь себя таким грешником, не лежи в тине греховной, приди к Владычице, стань пред образом Её в чаянии, что Она Сама тут… – и не постыдишься. Всеблагая не презрит тебя» (Д: 608).

***

Чтобы молитва имела силу – была действенной, необходимо знание и соблюдение определённых условий: что должно присутствовать при совершении молитвы и что не должно иметь места.

На первое место условий действенности молитвы ставится вера. «Если хочешь молитвой испросить себе какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия» (Д: 70). При молитве «требуется сердечная уверенность, что Бог слушает нас». В ином случае молитва будет совершаться «только по должности, не от сердца, по привычке, небрежная, недостойная». Как наставники читают, когда знают, что ученики не слушают их? «По должности, по привычке, неохотно. Этого не нужно и доказывать» (Д 1: 659). «Искренне веруй, что всякое даяние благо и всяк дар совершен от Бога исходит, а не от людей, не от случая, не от обстоятельств, не от судьбы, – что видит и слышит Владыка каждую твою нужду, каждое движение твоего сердца и твоих мыслей, что Он всеблаг, всемогущ, премудр, – и всё удобно во мгновение, единым движением мысли Своей, чрез Сына в Духе Своём Святом, может совершить для тебя потребное, – и всё получишь» (Д: 324-325). Сказанное с верой слово не вернётся «к нам без того, чтобы не напоить нашей души». Это «так же естественно, как естественно дождю поить и питать землю и растения и способствовать их произращению» (Д: 539). О себе Батюшка говорит: «Сколько раз я ни молился с верой, Бог всегда слушал меня и исполнял молитвы мои» (Д: 702).

С верой неразрывна надежда: «Молись и надейся» (Д: 696). «Грешники! Молитесь с надеждой: *"Яко у Господа милость, и многое у Него избавление: и той избавит* нас *от всех беззаконий"* наших ***(Пс. 129, 6)***». (Д 1: 105). Если сомневаетесь в получении просимого, то вспомните, хотя бы о том, как даже вы, будучи скупы и злы, не богаты и не всемогущи, подаёте нуждающимся, просящим – и даже прежде их прошения, зная их нужду. *Кольми паче Отец ваш Небесный,* Всеблагий, Всебогатый, Премудрый, Всемогущий, *даст блага просящим у Него, **(Мф. 7, 11)*** (Д: 537). Предметом особого памятования на молитве должно быть: «...если Бог для нас грешных Сына Своего Единородного не пощадил, но за нас всех предал Его, то как с Ним не даст нам всего, всякого блага, о каком только мы можем помыслить, потому что, если бесконечное, великое благо дано, то

меньшие блага ужели не будут даны? Во Христе Отец Небесный дал и подаёт нам всякое благо» (Д: 537). А предметом особого внимания во время молитвы должна быть забота о том, чтобы изгнать всякое средостение, могущее стать между нами и Небом – «ни лукавого сомненья, ни лености и холодности, ни зла на ближнего, ни пристрастия житейского, но чтобы душа находилась к Богу лицом к лицу, без малейшего средостения греховного» (М: 259).

Молиться подобает «духом и истиною» – не просто «языком или телом», а душой (Д 1: 209). Если мы молимся всем сердцем – «говорим каждое слово от души, истинно», – ничто не пропадёт: «Человеколюбивый Владыко с благоволением выслушает каждое слово и, чего просим, непременно дарует, преимущественно же блага духовного Царства, так как Он есть духовный Царь, Царь правды и мира» (Д 1: 244). Как бросаемые камни или что-либо другое непременно упадёт на землю, так и «слова молитв непременно доходят до Бога, если от сердца они произносятся» (Д: 226-227). Чем искреннее, сердечнее молитва, тем больше от неё плода – «каждое слово, как зёрнышко, принесёт тебе плод духовный, как зрелый колос. Кто из молящихся не испытал этого?» (Д: 539).

Необходимое условие молитвы – простота (Д 1: 285). «Когда молишься, – учит Праведник, – говори себе: просто, т.е. я верую во всё, просимое в простоте сердца, и прошу всего просто, а твоё, враже мой, лукавство, твои хулы, мерзости, мечты – отвергаю» (Д: 371).

Во время молитвы следует отрешиться от всего земного – «всё сердце твоё да будет в Боге и отнюдь ни к чему земному ни на мгновение не прилепляется; имей также пламенную любовь к душам человеческим, любве ради Божия и ревности о их спасении: молись о них, как о находящихся в великой беде» (Д: 420).

При молитве может настигнуть «убийственный мрак» и сердечное «стеснение». Происходит это от «неверия сердца» (неверие и есть мрак). Святой Иоанн велит не падать духом и сохранять доброе настроение: «Не малодушествуй в эти минуты, но вспомни, что если пресёкся свет Божественный в тебе, то он сияет всегда во всём блеске и величии в Боге, в Церкви Божией, Небесной и земной…

Не обращай внимания на этот сатанинский мрак. Прогоняй его от сердца знамением Животворящего Креста» (Д: 78-79).

Молиться подобает «с охотой, с энергией, не очень долго», но от сердца, горячо (Д 1: 249). «На молитве надо всего более стараться о горячности духа, о горячности и искренности раскаяния во грехах» (Д: 741). С молитвами «продолжительными и однообразными» «бывает то же, что с множеством принятой в желудке пищи: пища отягощает желудок и не переваривается в нём; так и молитва однообразная и продолжительная не обращается в жизнь души, в питательные соки для ней и только тяжестью ложится на сердце» (Д 1: 210-211). Этими суждениями святой Иоанн не исключает повторения молитвословий. Повторяются они «для того, чтобы твёрже, искреннее, сильнее и действеннее были молитвы, прошения, благодарения, славословия, и принесли бы большую пользу молящимся и немолящимся ради молящихся» (М: 223).

Читать молитвы надо с таким чувством, как будто бы «они были составлены самим молящимся человеком в крайней нужде» (Д 1: 123). Сему помогают стоящие перед молящимся иконы. Молись пред ними, «представляя изображённых на них и исполняйся к ним верой, упованием и любовью» (М: 171). Икона помогает ощутить близость Неба к молящемуся, как и наоборот, а сие «главное в молитве» (Д: 94).

Большое значение для успешности молитвы имеют обряды. Так, поклоны «пробуждают энергию душевную и телесную, смиряют душу, возбуждают её к размышлению и чувствованию великого множества грехов наших, повинности нашей пред Богом»; прогоняют холодность души, согревают её, возбуждают Божий страх. А крестное знамение приводит к мысли о важнейших истинах нашей веры и величайших милостях Божиих к нам – «Единого от Троицы – Господа Иисуса Христа», за нас пострадавшего на Кресте и Своими страданиями спасшего нас «от греха, проклятия и смерти, даровавшего нам благословение, возрождение к новой жизни, сыноположение, воскресение из мёртвых, вечную жизнь и в Кресте даровавшего нам сильное оружие на диавола и на страсти». Крестное знамение

напоминает нам и о Святой Троице, и о двух естествах во Христе Спасителя (сложенные вместе пальцы – три и два), «и главнейшей заповеди закона Божия – любить Бога всем помышлением (знамение на челе), всем сердцем (на сердце) и всей силой (на обоих плечах). А в этом всё существо христианской веры» (М: 236-237). Стояние во время молитвы объясняется тем, что «Иисус Христос говорил ученикам: *"Восставше молитеся, да не внидете в напасть"*» (М: 108). К тому же стоячее положение подчёркивает большее усердие к молитве. В нём лучше проявляется наш подвиг понуждения и принуждения себя. «Учитесь молиться, – призывает Святой, – принуждайте себя к молитве: сначала будет трудно, а потом, чем более будете принуждать себя, тем легче будет; но сначала всегда нужно принуждать себя» (Д: 726).

Весьма важным условием, обеспечивающим услышание молитвы, служит наше нравственное исправление. «Как человек недобрый, приходя с просьбой к человеку доброму, кроткому и смиренному, для лучшего успеха своей просьбы, сам старается уподобиться ему, так христианин, приступая с молитвой к Господу или Пречистой Его Матери, или Ангелам, или Святым – для успеха своей молитвы должен уподобиться, по возможности, Самому Господу или Пречистой Его Матери, или Ангелам, или Святым. И вот в этом-то и состоит тайна приближения и скорого услышания молитв наших» (Д: 85).

Как бы обобщая всё то, что надо иметь для правильной молитвы, святой Иоанн говорит: «В молитве требуется, во-первых, чтобы предмет молитвы был высказан определённо, или, по крайней мере, в сердце было ясное сознание и желание его; во-вторых, чтобы это желание было высказано с чувством и живым упованием на милость Владыки или Божией Матери; в-третьих, нужно твёрдое намерение впредь не согрешать и творить во всём волю Божию: *"Се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет"* ***(Ин. 5. 14)***» (Д: 638-639). «На молитве нужно иметь три крепких убеждения: а) что Бог есть, б) что Он – всеблаг и в) что Его слух и сердце всегда отверсты к слушанию нас. *"Лице Господне на праведныя и уши Его в молитву их"* ***(Пс. 33,16)***. *"Вероватн же подобает приходящему к Богу, яко*

*есть, и взыскающим Его Мздовоздаятель бывает" **(Евр. 11, 6)***» (Д 1: 223). «Господу угодна молитва тёплая, покойная, твёрдая, сознательная, уверенная» (Д 1: 295).

А чего надо избегать, от чего должно освобождаться, чтобы не повредить действенности молитвы? Почему иногда человек молится, и кажется, усердно, а молитва не приносит ему «покоя и радости сердца о Дусе Святе»? (Д: 192). Причин много!

Остаётся сердце пустым, «бессильным» (Д: 404) оттого, что человек, повторяя готовые молитвы, «не каялся искренно в тех грехах, которые он учинил в тот день, которыми осквернил своё сердце, этот храм Христов, и коими прогневал Господа… В молитвах церковных есть перечисление грехов, но не всех, коими мы связали себя; надо непременно самому перечислить их на молитве с ясным сознанием их важности, с чувством смирения и с сердечным сокрушением. Оттого-то в молитвах вечерних и говорится при перечислении грехов: или то-то, или это сделал худого, т.е. представляется на нашу волю упоминать те или другие грехи» (Д: 192).

Недопустимы при молитве сомненье и неуверенность. «Если я – весь Божий и всё у меня от Бога, то как же мне не надеяться быть услышанным от Того, Кто каждую минуту благотворит мне?» – вопрошает святой Пастырь (Д 1: 620).

Не слышит Бог также молитвы равнодушные, холодные, читаемые лениво, невнимательно, нерадиво, поспешно… Такие молитвы сам человек не слышит, как же можно думать, что их будет слушать Существо Чистейшее? (См.: Д 1: 437, 446; Д: 399-400; М: 166…). «Велики наше нерадение и леность на молитве: мы всегда склонны молиться и молимся часто кое-как, лишь бы скорее кончить свое дело, торопимся, по верхам скачем, а в глубину сердца не заглянем. Оттого и молитва-то наша как ветер: пошумит, пронесётся, да и всё тут» (Д: 795).

Мешают подлинной молитве всякие житейские мысли. «На молитве да отложит человек всякое житейское попечение и о спасении души своей токмо да печётся» (Д: 722)

Не угодны Богу молитвы лицемерные. Святой Пастырь подмечает, что многие молятся лицемерно, даже не замечая своего лицемерия

или не желая замечать его, а если кто «дерзнёт» сказать им о сей «несообразности», то гневаются. «До лицемерия человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, – так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к коему надо всегда принуждать себя, – …он начинает молиться больше устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче… Сохрани Боже всех нас от такого» состояния! (Д: 552, 553).

Чуждо истинной молитве стыдиться пред людьми или перед Господом слов молитвы, вяло – «не от сердца» – произносить их. «Надо попрать этот богопротивный, человекоугодливый, диавольский стыд и страх, и произносить молитвы от души и громогласно, в простоте сердца, представляя пред собой Единого Бога и всех считая как бы несуществующими» (Д: 784-785).

Искушением может быть – и бывает – усталость. «Говорят: мы скоро устаём молиться. Отчего? – Оттого, что не представляете пред собой живо Господа, – яко одесную вас есть. Смотрите на Него непрестанно сердечными очами, и тогда ночь целую простоите на молитве и не устанете. Что я говорю – ночь! Три дня и три ночи простоите и не устанете. Вспомните о столпниках. Они много лет стояли в молитвенном настроении духа на столпе и превозмогали свою плоть, которая, как у тебя так и у них, также была склонна к лености. А ты тяготишься несколькими часами молитвы общественной, даже одним часом!» (Д: 220).

Обобщением размышлений Кронштадтского Учителя о препятствиях к действенной молитве могут служить его же слова: «Молитва есть возношение ума и сердца к Богу (святитель Филарет Дроздов. – *К.С.*). Отсюда очевидно, что молиться не может тот, кого ум и сердце крепко привязаны к чему-либо плотскому, например, к деньгам, к чести, или кто имеет в сердце страсти: ненависть, зависть к другому, потому что страсти обыкновенно связывают сердце, как Бог расширяет его, доставляет ему истинную свободу» (Д: 86).

Чистая молитва, с горящим духом «достигается, как и всё великое, трудами… и великим терпением. *"Скорбь соделовает терпение, терпение же искусство" **(Рим. 5, 3- 4)***» (Д 1: 236).

***

Так какая же молитва истинная и каковы признаки её успешности?

«Бог есть Свет – и молитва моя должна быть приносима во свете ума и сердца; Бог есть Огнь – и моя молитва, как и жизнь, должна быть пламенна; Бог всесвободен – и моя молитва должна быть свободным излиянием сердца. Какое богатство духа человеческого: только помысли он сердечно о Боге, только пожелай сердечного соединения с Богом, и Он сейчас с тобой; и ни стены дома, никакие заклёпы темниц, ни горы, ни пропасти не воспрепятствуют этому соединению. Бог сейчас с тобой; так и Ангелы, и Святые: с Богом они все пред твоими глазами, у твоего сердца, как самые близкие друзья, как присные тебе. О, богатство духа человеческого!» (Д: 652).

А признаком милости Господа к нам или Его Пречистой Матери во время молитвы или после неё есть сердечный мир. По нему «и по какой-то святой неге сердечной, мы легко можем узнать, что молитва наша услышана и благодать просимая подана. Успех молитвы узнаётся ещё по силе духовной, какую мы внутренне воспринимаем к деланию дел нашего звания, и по внутреннему свету, явно приходящему в душу» (Д: 676).

Итак, для Богоугодности молитвы, а значит и успешности, необходимы следующие условия:

«1) чтобы разумом ясно понимать значение и силу каждого слова молитвы;

2) сердцем сочувствовать тому, что говорится или отвращаться с негодованием греха; словом – охотно и непринуждённо молиться;

3) волей стремиться всеусиленно к избежанию греха или к деланию добродетели, т.е. к отсечению своей грешной, растленной воли и к исполнению воли Божией, и

4) чтобы в сердце не было лукавства, двоедушия, какой-либо страсти или пристрастия, например, злопамятства, корыстолюбия; словом, – молиться чистым сердцем. Такая молитва есть Богоугодная молитва» (М: 227-228).

В другом месте, как бы продолжая раскрывать те же мысли, святой Пастырь заключает: «Молясь Господу, Божией Матери или Святым, всегда помни, что Господь даёт по сердцу; …каково сердце, таков и дар; если молишься с верой, искренно, всем сердцем, нелицемерно, то сообразно вере твоей, степени горячности твоего сердца, подаётся тебе дар от Господа. И наоборот, чем хладнее твоё сердце, чем оно маловернее, лицемернее, тем бесполезнее твоя молитва, мало того, тем более она прогневляет Господа, Который есть Дух и ищет Себе поклоняющихся духом и истиной. Поэтому призываешь ли Господа, Божию Матерь, Ангелов или Святых – призывай всем сердцем; молишься ли о ком из живых или умерших – молись о них всем сердцем», произнося их имена тепло, сердечно; «молишься ли о даровании себе или другому какого-либо блага духовного» или об избавлении от какого-либо бедствия – «молись об этом от всего сердца, желая всем сердцем себе или другому просимого блага, имея твёрдое намерение отстать… от грехов» самому и освободиться от них другим – «и дастся тебе от Господа дар по сердцу твоему» (Д: 315-316).

***

Молитва бывает общественная – церковная и частная – домашняя, личная.

Церковная молитва – «образец наших молений» (Д 1: 133).

Святой Иоанн благоговеет даже пред двумя-тремя вместе молящимися, ибо Сам Господь обещал быть среди них. «Тем паче, – продолжает он, – благоговею пред многочисленным собранием. Благоуспешна, многоплодна соборная молитва, если она дружна, единодушна» (Д: 348). Общественная молитва именно тем и сильна, что в ней происходит единение «любви нашей между собой» и единение «любви Святых с нами», их общее ходатайство пред Богом о нас и наше ходатайство друг за друга (М: 173). «Церковь, вместе молящаяся, есть великая сила Божия, побеждающая полки демонские и могущая испросить у Бога всякий дар совершенный, всякую

помощь, всякое заступление, избавление и спасение» (М: 45). О сем свидетельствуют многие примеры истории Христианской Церкви, о сем повествует и Священная История. Так, «прилежная молитва Церкви об апостоле Петре тотчас проникла к престолу Божию, и Господь послал Ангела Своего чудесно освободить Петра из темницы, коего хотел убить Ирод. Дружная молитва апостолов Петра и Силы низвела к ним небесную чудесную помощь от Святого Духа» (Д: 348). Посему святой Иоанн отмечает, что необходимо с усердием посещать Богослужения в храме, как необходимо для горения лампады подливать елей. «Я, – свидетельствует он о себе, – угасаю, умираю духовно, когда не служу в храме целую неделю, и возгораюсь, оживаю душой и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действительной, духовной, искренней, пламенной» (Д: 570).

Святой Иоанн ублажает тех, кто искренно приходит в церковь, вникает в дух православного Богослужения и искренно молится. А оставляющим церковное собрание он говорит: «Горе удаляющимся от Церкви: их совсем обуяет дух мира, дух злобы» (Д: 589). «Горе оставляющим собрание церковное: с ними диавол, уловивший их в свою волю» (М: 45).

Чтобы жизнь христианина постоянно горела огнём молитвы – «не угасала», необходима не только общественная молитва, но и частная – домашняя (Д: 570). Кронштадтский Пастырь, ставя высоко молитву общественную, не умаляет и значения молитвы частной: «И на частные сердечные молитвы нисходит милость Неба, – свидетельствует он. – Где пламенная молитва – там Небо и там Бог с небесными Силами и со Святыми Своими» (Д 1: 95).

Чему учит нас Церковь, что она «внушает нам, когда и на домашней молитве, и в церковной влагает в наши уста молитвы от лица всех, а не от одного лица? Внушает нам непрестанную взаимную любовь, чтобы мы всегда и во всём – на молитве и в житейском обращении – любили друг друга, как себя, чтобы мы, подражая Богу в Трёх Лицах, составляющих высочайшее единство, и сами были едино, из многих составленное» (Д: 375). Общая молитва учит нас с любовью делиться с нашими братьями тем, чем можем, что мы

имеем, употреблять свои способности и применять свой талант во благо других. «Мудр ты – дай совет немудрому; образован – научи невежду; силён – помоги бессильному; богат – помоги бедному» (Д: 375-376).

***

По своему содержанию молитвы разнообразны. Святой Иоанн говорит о молитвах благодарственных, просительных и покаянных. Сам он неоднократно, завершая то или иное высказывание, наряду с благодарением воздаёт и славу Богу.

Вот как благодарит Бога и одновременно славословит Его святой Иоанн за соделанное нравственное обновление: «Слава, Господи, изменению, соделанному во мне десницею Твоею, благодарю Тебя, яко отъял еси от мене терние жгучее страстей моих и тесноту мою, и срамоту мою, и немощь мою, и даровал еси мне мир, тишину, свободу, силу, дерзновение. Утверди же, еже соделал еси во мне. Слава силе веры, силе молитвы: вся бо, елика прошу у Тебя в молитве верующе, приемлю по слову Твоему. Благодарю Тебя, Господи, яко от мёртвых мя толикократно восставляеши и смертное, греховное царство во мне разрушаеши» (Д: 472). А вот какой образ молитвы славословно-благодарственной представляет Батюшка исцелённому от болезни: «Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначального Отца, Едине "*исцеляяй всякий недуг и всякую язву в людях*" ***(Мф. 4, 23)***, яко помиловал мя еси грешного и избавил еси мя от болезни моея, не попустив ей развиться и умертвить меня по грехам моим. Даруй мне отныне, Владыко, силу – твёрдо творить волю Твою во спасение души моей окаянной и в славу Твою, со Безначальным Твоим Отцем и Единосущным Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь» (Д 1: 233).

В молитвах просительных святой Иоанн учит испрашивать у Бога, прежде всего, благ духовных.

Неподражаема по глубине своей духовности молитва, предлагаемая святым Иоанном священнослужителю о даровании благодатной

помощи при совершении Богослужения: «Святейшая, Всемогущая, Всеблагая Глава Церкви Своей, Господи Иисусе, Альфа и Омега, начало и конец, даждь мне благодать всегда от начала до конца благополучно, свято, мирно, пламенно совершать всякое Богослужение, при всяких обстоятельствах, при многом и малом народе, в праздники и будни, в храме и вне храма! Даждь мне, даждь благодать сию – и очисти сердце от всякия страсти, скверны плоти и духа, избави от всякого навета вражия; воспламеняй небесным огнём во время моего служения и сердца всех предстоящих и молящихся; смиряй сердца богатых и знаменитых, учёных или мудрых века сего, обуяя их мудрость и покоряя умы и сердца их слову Твоему; смягчай сердца закосневших в страстях, воссозидай, обновляй люди Твоя. Аминь. Я немощен, но да совершается сила Твоя в немощах моих. Я грешен и прегрешен, но *„идеже умножися грех, там преизобилует благодать“*: так и во мне да будет» (М: 133-134)… Несомненно, эту молитву читал сам Батюшка, когда готовился предстать у престола Божия.

Желающему испросить духовные дарования святой Пастырь рекомендует вспомнить, что человек есть образ Божий, что всё его подлинное богатство в Боге, как неисчерпаемом Сокровище, и молить Господа: «Мой ограниченный дух изшел от Твоего беспредельного всесовершенного Духа; вот я беден, Владыко мой, премудростию и разумом или верою, надеждою и любовию, кротостию и смирением; призри на желание сердца моего и даруй мне Твою премудрость, „веру непостыдну, надежду известну, любовь нелицемерну“» (Д: 700-701).

О поспешении в спасении отец Иоанн предлагает предельно краткую молитву, но и предельно выразительную, напоминающую всем хорошо известную молитву Иисусову: «Утверди, Боже, укрепи, Боже, помоги, Боже! – „О Господи, спаси же! О Господи, поспеши же“» (Д: 764).

Особые молитвы предлагаются о помощи в стяжании добродетелей и утверждении в них. «Господи! Се сосуд твой есмь: наполни мя дарованиями Духа Твоего Святого, без Тебя я пуст всякого блага, или паче – полн всякого греха. Господи! Се корабль твой есмь:

исполни мя грузом добрых дел. Господи! Се ковчег Твой: исполни его не прелестию сребролюбия и сластей, а любовию к Тебе и к одушевленному образу Твоему – человеку» (Д: 612). Получив доброе направление, необходимо утвердиться в нём, и отец Иоанн учит просить о сем Господа – Всемогущую Силу: «Утверди немощную душу мою во всякой добродетели! На недвижимом камени заповедей Твоих утверди слабое для всякого добра сердце моё! Господи! И я ежедневно опытно познаю, что без Тебя я ничто; что без Тебя не могу творить никакого добра; без Тебя одно зло во мне в разных его видах; без Тебя я сын погибельный. О, пренеизреченная Благостыня! Исполни благостию Твоею сердце моё! Паче же всего молю: даруй мне любить Тебя всем сердцем моим и ближнего моего, яко себе. Да не буду я злобен, горд, презорлив, непокорен, но да буду незлобив, смирен, почтителен с нежностию и послушен» (Д: 342).

Уже в содержании последней молитвы видно, что утверждение в добродетелях неразрывно соединяется со служением ближнему, с заботой о нём. Но святой Иоанн говорит о сем особо и довольно много.

Хорошо, когда молимся и молимся искренно за всех, «ибо молитва сродняет нас, объединяет» (М: 167). Отчего такая молитва имеет немалую силу? Оттого, что человек во время молитвы «прилепляется» к Богу, делается с Ним «един дух», а через Него соединяется и с теми, за кого молится, потому что Дух Божий действующий в молящемся «действует в то же время и в них, яко вся исполняяй» (Д: 606). Христианин должен молиться за всех православных христиан «как за себя» по христианской любви, которая видит в них своих членов и членов Господа Христа, «общего всех Спасителя, желает им того же, что себе, равно как и всеми мерами усиливается делать им то же, что себе» (Д: 569). Надо помнить, что все «мы друг для друга члены» и потому обязаны молиться о всех (Д: 705). За других надо стараться молиться больше, чем за себя, и молиться тепло, так, чтобы их немощи, болезни, скорби стали как бы нашими. «Такую молитву с великим благоволением принимает Отец Небесный – Этот общий всех Всеблагий Отец» (Д: 540). Особенно надо молиться за кого-либо,

если нас попросят – похвалить веру просящего и произнести: «Буди благословенна вера ваша, по вере вашей да даст Господь исполнение моей недостойной, маловерной молитве и да приложит мне веру» (Д: 295). Молись и так: «Господи! Возможно Тебе сделать то и то рабу Твоему сему; сотвори ему это, ибо имя Тебе – благий Человеколюбец и Всемогущий. «Аще мы, лукави суще, умеем даяти даяния блага» не токмо чадам, но и чужим, «кольми паче Ты даси» всевозможные «блага просящим у Тебя» ***(Мф. 7, 11)***» (Д: 302). Если будешь так молиться за других и помнить, что все мы составляем одно тело Христа Спасителя, то «и Ангелы святые будут молиться за нас, как члены одного Царствия Христова, одной Церкви, одного тела. "*В нюже меру мерите, возмерится вам*" ***(Мф. 7, 2)***» (Д: 705). И более того – «за тебя всё Небо будет ходатайствовать» (Д: 404).

Очень важная указуется молитва о даровании вообще любви к ближнему: «Даждь мне, Господи, любити всякого ближнего моего как себя, всегда, и ни из-за чего на него не озлобляться… Даждь мне распять моё самолюбие, гордость, любостяжание, маловерие и прочие страсти. Да будет нам имя: взаимная любовь; да веруем и уповаем, что для всех нас всё Господь; да не печёмся, не беспокоимся ни о чём; да будешь Ты, Боже наш, единым Богом сердца нашего и кроме Тебя ничто. Да будем мы между собой в единении любви, якоже подобает, и всё разделяющее нас друг от друга и от любви отлучающее да будет у нас в презрении, как прах, попираемый ногами. Буди! Буди!» (Д: 416-417).

Молиться надо о прощении грехов другим, причём так молиться, «как молишься об оставлении своих согрешений». И о спасении их так же молись, как и о своём собственном. Если такая молитва обратится в навык, «то получишь от Господа обилие даров духовных, даров Духа Святого, Который любит душу, сочувствующую спасению других, потому что Сам Он, Всесвятый Дух, всячески хочет спасти всех нас, только бы мы не противились Ему, не ожесточали сердец своих» (Д: 100)… Не только о прощении других подобает молиться, но и об уменьшении числа грешников, об их вразумлении. «Кто любит Бога, тот сильно желает, чтобы меньше было грешников;

тот всегда молится Богу, чтобы число их было как можно меньше; тот всей душой заботится об исправлении заблуждающихся» (Д 1: 574). «Когда видишь в ближнем недостатки и страсти, молись о нём; молись о каждом, даже о враге своём». Видишь гордого – молись, чтобы Господь «согрел его сердце», видишь злобного – «молись: Господи, блага сотвори раба Твоего»; видишь сребролюбца – молись, дабы познал «лесть богатства, и яко вся земная – суета, сень и соние»; видишь завистливого – молись, чтобы Господь просветил его ум к познанию бесчисленных даров Божиих; видишь пьяного – молись, дабы он познал «сладость воздержания и поста»; видишь «страстного к брашнам» – молись, дабы он очистился «от скверны чревообъядения». «Так или подобным образом, молись о всех согрешающих и не дерзай никого презирать за грех его или мстить ему, ибо этим увеличились бы только язвы согрешающих» (Д: 136-137).

За болящих следует молиться сердечно, чтобы Господь исцелил их, умножил им лета жизни, «да имеют и ещё время, по милости Божией, для покаяния и благотворения и уготовления себя к исходу из здешней жизни, чтобы предстать Судии Праведному всей земли» (П: 108).

Трудно молиться за ненавидящих и презираемых тобой, «но потому-то и молись, что не хочется, потому-то и прибегай к Врачу, что ты сам болен духовно, недугуя злобой и гордостью… Молись о том, чтобы незлобивый Господь научил тебя незлобию и терпению, чтобы Он научил и укрепил тебя любить врагов, а не доброжелателей только, чтобы Он научил тебя искренно молиться за недоброжелателей так же, как за доброжелателей» (Д: 258).

Возносит Церковь молитвы о христолюбивом воинстве, «как о защитниках государства, веры, Церкви, престола» (М: 28).

Особая молитва об усопших. «Когда я, – говорит о себе Батюшка, – мучусь от соделанного греха, развивающегося и свирепеющего разрушительным пламенем во внутренностях моих, я думаю: что, если мучатся и будут мучиться так все грешники после смерти? И страшно мне становится и за себя и за других, молюсь я тогда

усердно об упокоении всех усопших – родных, знакомых и всех православных христиан» (Д 1: 693). «Когда будешь молиться об упокоении души усопшего, принудь себя помолиться о нём от всей души, памятуя, что это существенный долг твой, а не одного священника и клирика» (Д: 750).

Итак, когда становишься на молитву, тщательно наблюдай за собой, чтобы всё твоё сердце было отдано молитве – горячо, искренно, доброжелательно к тем, «о ком и за кого молиться просят тебя или о ком ежедневный долг заставляет тебя молиться», например: о властях – церковных и гражданских, «о всей во Христе братии, о воинстве, о мире всего мира, о входящих в храм и о прочих, и о всём прочем – о благорастворении воздуха и изобилии плодов земных и т.д.; молись спокойным духом, бесстрастно, мирно» (М: 219).

Хотя почти во всех молитвах присутствует выражение покаянного чувства, святой Иоанн указует и специальные молитвы к любвеобильному Господу и Всемилостивой Владычице о прощении грехов и помиловании кающегося: «Господи! Не лиши меня небесных Твоих благ, ибо Ты Господь, и можешь сие сотворить, если восхощешь; Господи, избави мя вечных мук, ибо Ты Господь, и это можешь также удобно сделать, если восхощешь; Господи, умом ли или помышлением, словом или делом согреших – прости мя, видя немощь души моея! Так, Ты Господь, и всё можешь сделать для меня, кающегося и просящего благ Твоих. А Ты, Владычица всех Ангелов и человеков, Всеблагая и Всеблагомощная, как грозная Повелительница, Прогонительница и пламень всех сопротивных сил, как удобно могущая разрушать с быстротою молнии все многообразные козни злых духов, избавь нас от всякого греха и укрепи нас силою Твоею на всякую добродетель… Да не будет наше название “христианин” пустым звуком, без силы, но да будем все мы подражателями Христу… и Тебе… Спасай же нас, о, Пречистая, Всеблагая, Премудрая и Всеблагомощная! Ты бо еси Мати Спаса нашего, Который из всех имён благоволил более всех называться Спасителем… Нам, странствующим в житии сем, свойственно падать, ибо мы… живём в мире прелюбодейном и грешном, соблазняющем на грех; а Ты

превыше всякого греха, Ты Солнце пресветлое… Тебе свойственно очищать нас, осквернённых грехами,.. если мы воззовём к Тебе смиренно о помощи» (Д: 623-624).

***

Рассмотренным не исчерпывается содержание молитв, их разнообразие – многие из них обращены к определённым Лицам, другие имеют особый целенаправленный смысл.

Во время молитвы, по свидетельству святого Иоанна, в человеке пребывают Отец, Сын и Дух Святой – «в тебе и ты в Них» (Д: 780). И Батюшка приводит текст молитвы ко Святой Троице о ниспослании дара Её прославления: «Даждь мне, Господи, Боже Отче, созерцати любовь Твою неизреченную в мире, даровавшую нам Сына Своего Возлюбленного, Единородного. Даждь мне Боже, Сыне Божий, созерцати истощение Твоё в мире и на Кресте нашего ради спасения; даждь мне Боже, Душе Святый, созерцати благодать Твою, преизобильно излившуюся и изливающуюся на мир ради заслуг Господа Иисуса Христа, исполняющую столь часто и мое окаянное сердце; Троице Святая, даждь мне славити Тя непрестанно сердцем и устами, а паче делами» (Д: 493).

Чтобы не подвергаться «стужениям» злой силы, «Надо, – учит Праведник, – постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: "Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя. Против невидимого – Невидимый, против крепкого – Крепчайший"» (Д 1: 251)… «Помоги мне, – обращается к Спасителю отец Иоанн словами другой своей молитвы (текст пространный), – близка и скора без Тебя погибель моя на всякий час» (Д: 403).

К Третьей Ипостаси святой Иоанн подымает часто свой молитвенный взор – и всегда он светит и согревает: «Душе Святый, животворящий и объединяющий всё создание, паче же разумные создания, сила всего создания – помилуй мя!» (Д: 722). «Почему мы начинаем свои молитвы молитвой Царю Небесному – Духу Истины? – вопрошает Батюшка и отвечает: – Потому, что Он

Учитель молитвы и Податель молитвы, Он пребывающий с нами ввек и действующий в мире» (Д: 569).

Божией Матери, святым Ангелам и всем Святым подобает так же молиться, «как Самому Духу Святому, паче же как Святой Троице, их освящающей и в них почивающей» (Д: 457).

«Пресвятой Богородице, – учит Праведник, – молитесь так: „Спаси нас, род Твой, Владычице! Спаси нас, Мати Живота и Мати всех нас, хотя мы и недостойны называть Тебя Материю своею! Очисти, освяти, утверди и спаси нас молитвами Твоими“» (Д: 452). «Благая Владычица! Яви и являй владычество Твоё надо мною и людьми Твоими, Богобоящимися и благонравными – избавлением нас, по молитве нашей, от скверных, лукавых и хульных помышлений, от всех грехов и страстей и от всех козней демонских, яко благая Мати Божия» (Д: 457).

Об образе молитвы святым Ангелам – Небесным Силам, святой Иоанн говорит, что их не надо представлять недоступными, грозными или немилостивыми. Нет – это существа доступные, кроткие и любообщительные. «Их свойство – любовь к единению со всеми христианами чрез молитву веры. Ещё, когда молишься Небесным Силам – презирай всё земное, как тленное, и всем сердцем люби жизнь небесную, духовную и стремись к ней. Им весьма приятно видеть наше истинное любомудрие, наше желание – сделаться их согражданами, к чему мы и призваны по благости Иисуса Христа в Пребожественной Троице» (Д: 629).

Подобно говорит Батюшка и о молитве Святым: «Молись им чистым сердцем и чистыми устами, не небрежно, не рассеянной мыслью, но с благоговением, неспешно. Они словесные небеса» (Д: 495).

Особый смысл имеют молитвы утренние, вечерние и при разных обстоятельствах нашего земного пути.

Утром молитва должна быть самая искренняя и горячая, чтобы весь день провести «совершенно, свято, мирно и безгрешно» (Д 1: 469). Святой Иоанн советует вот какую утреннюю молитву (записана она дважды в разных местах «Дневника»): «Боже! Творче

и Владыко мира! Призри милостиво на создание Твое, украшенное Твоим Божественным образом, в сии утренние часы: да оживит, да просветит Твоё око… мою душу тёмную и умерщвлённую грехом. Отыми от меня уныние и леность, даруй же мне веселие и бодрость душевную, да в радовании сердца моего славлю Твою благость, святость, Твоё беспредельное величие, бесконечные Твои совершенства на всякий час и на всяком месте…» (Д 1: 577. См. и: Д: 91-92).

Вечерние молитвы также должны быть сердечными – они принесут лёгкость и спокойствие всем душевным силам (Д 1: 127). Перед сном непременно надо искренно покаяться в совершённом дневном грехе. «Если случится кому-либо из Богобоязненных людей отойти ко сну не раскаявшись в том грехе или в тех грехах, которые сделаны днём и мучили душу, то мучение это будет сопровождать человека и на целую ночь – дотоле, пока он сердечно не покается в грехе и не омоет своего сердца слезами (это опыт). Мучение греха будет пробуждать его» от сна, ибо душа его связана грехом. А если человек умрёт во сне? «Не явно ли, что душа отойдёт в тот век с мучением, и так как после смерти нет места покаянию, то она будет мучиться там, смотря по мере своих грехов» (Д 1: 668).

Необходимо всегда читать молитвы перед принятием Святых Таин и после Причастия. Пусть это будет прочитано «две-три» молитвы, но «самые сильные». «Ужели мы, священники, думаем, что во многоглаголании только будем услышаны? – вопрошает Батюшка и сам отвечает: – Нет. Не буди тако» (Д 1: 203. Ср.: 726). Хорошо, когда молитвы по причащении читает сам причастник. «Сам пользуешься Святыней неоценённой и всеблаготворной, а благодарит другой – нехорошо. Ты лишаешь себя чрез это многих даров Владыки, Который даёт их нам, соразмеряя их со степенью нашего чувства, нашей благодарности к Нему» (Д 1: 684).

При входе в свой дом – своё жилище говори: «Покой дух мой, Господи, на месте благословения мне Твоего, и да бежат далече от крова моего все страсти. Аминь» (Д 1: 246).

А вот что советует святой Пастырь помнить священнослужителю при совершении святых Таинств: «Когда ты читаешь молитвы при

совершении Таинств, то касательно совершения действий, о коих говоришь в молитвах, не заботься – предоставь всё Всесильному» (Д 1: 224).

На жизненном пути человека нередко встречаются трудности, усугубляемые падениями – грехами. В эти часы земным путником овладевает уныние, а иногда и отчаяние. Любвеобильный святой Пастырь и здесь приходит на помощь – указывает, какую надо творить молитву. «Скажи, – велит он, – от глубины души с Метафрастом: „Знаю, Владыко мой, что беззакония мои превзыдоша главу мою, но безмерно множество щедрот Твоих, неизреченна и милость незлобивой Твоей благости, и нет греха, побеждающего Твое человеколюбие. Удиви же, пречудный Царю, незлобиве Господи, и на мне грешном милости Твоя, покажи благости Твоея силу, и яви крепость благоутробного милосердия Твоего и прими меня, обращающегося к Тебе грешника…“» (См.: 4-ую молитву ко святому Причащению. Д 1: 538-539).

***

О кратких молитвах святой Иоанн говорит немного, но, как всегда, тепло и глубоко: «Краткие молитвы: „Господи помилуй, Святый Боже, Пресвятая Троице, Отче наш“ и другие – напоминать должны нам о том, что мы, люди, – существа падшие, грешные, осуждённые, достойные всякого наказания и муки, и только верой в Сына Божия, за нас пострадавшего и умершего, избавляемся от осуждения в геенну, и от праведного осуждения; должны жить всегда в покаянии, в смирении, а не возношении, и во всяком исправлении и добродетели, чтобы сделаться достойными Господа нашего Иисуса Христа, своего Искупителя и Спасителя» (М: 219-220).

Подобно и часто повторяемая молитва: «Подай, Господи», внушает нам, что своего мы ничего не имеем, а всё получаем от Бога по Его бесконечной милости, потому о всём мы должны смиренно просить Его и за всё благодарить. «А слова: „Тебе, Господи“, после выражения: „Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим“, внушают нам всегдашнюю и совершенную преданность Иисусу

Христу во всей жизни нашей, во всех нуждах, искушениях, лишениях, обидах от людей» (М: 152).

С особой теплотой и глубокой поучительностью говорит добрый Пастырь о молитве Господней:

«„Отче наш, Иже еси на небесех!“ Какое высокое, трогательное, духовное зрелище, когда эти слова в многочисленном церковном собрании или в кругу членов семейства, или в собрании питомцев, или в собрании воинов произносятся от души, истинно единым сердцем и едиными усты! Какое высокое зрелище, когда видишь, что эти слова оправдываются и в самой жизни людей, когда все имеют друг к другу чувства братской любви, живут мирно, повинуясь младшие старшим, менее умные более умным, друг другу отдавая должное, друг друга уважая, „честию друг друга больша творяще“... Что если бы такой образ мыслей и желаний имели все! Но когда-нибудь и будет это, ибо придёт время, когда все живущие на земле будут единым стадом под единым Пастырем» (Д: 221-222).

***

По своему выражению молитва бывает внутренняя и внешняя. Хотя Батюшка и говорит о необходимости одной и другой, но из-за опасения лицемерного совершения молитвы, что бывает, когда «сердечное расположение» отрывается от слова – уста говорят, а мысли куда-то улетают, – подчёркивает преимущественное значение внутреннего расположения духа. «Когда человек молится наружно, вслух, – размышляет отец Иоанн, – тогда ему не всегда можно уследить за всеми движениями сердечными, которые слишком быстры, так что ему по необходимости надо заняться выговором, внешней формой слова. Таким образом, у многих причетников, бегло читающих, образуется совершенно ложная молитва: устами они как будто молятся, по всему зришь их аки благочестивых, а сердце спит и не знает, что уста говорят. Это происходит оттого, что они торопятся и не размышляют сердцем о том, что говорят. Надо молиться о них,

как они для нас молятся; нужно молиться, чтобы их слова доходили до сердца их и дышали его теплотой. Они для нас молятся словами святых людей, а мы об них» (Д: 154-155).

***

Время молитвы – «преблаженное», самое спасительное. Доколе мы молимся, «дотоле и спокойно, и тепло, и легко, и светло на душе; оттого, что тогда мы с Богом и в Боге, а как с молитвы долой, так и пошли искушения, разные смущения» (Д: 334).

Для священнослужителя время молитвы при Литургии «есть время Божие, которое должно всецело принадлежать Богу и душе, и сокращать это время ради человекоугодия или из-за мирских выгод, есть тяжкий грех. Священнику во время Богослужения надо сознавать своё высокое, небесное достоинство, как служителя Божия, и как совершителя пренебесных Таин, и не раболепствовать людям ради суетной славы или житейских выгод, не страшиться лица человеческого, этой травы, сегодня зеленеющей, а завтра увядающей» (М: 132).

Святой Иоанн настоятельно заповедует молиться всегда и везде, во всякое время и при любых обстоятельствах – «ходя, сидя, лёжа, собеседуя, занимаясь…» (Д 1: 254). «Непрестанно молись, призывая имя Живоначальныя Троицы, да не сразит твоей души внезапно какая-либо страсть, гордость или зависть, или злоба и ненависть, или скупость, или сребролюбие, или чревоугодие, или гнев и раздражительность, или осуждение и презорство, или ложь и клевета и подобное… Да будут настороже каждый час, каждую минуту сердечные очи твои; да будет сердце твоё бодрствующим не только днём, но и ночью, по Писанию: *"Аз сплю, а сердце мое бдит"* ***(Песн. Песн. 5, 2)***» (Д: 339-340). И отец Иоанн свидетельствует, что искренние христиане так и поступают – молитва у них всегдашняя, постоянное благодарение, «потому что ежедневно, ежеминутно получаем новые милости Божии, а и старых без числа много; славословие всегдашнее, потому что всегда видим славу дел Бога нашего в нас и в мире, особенно славу его бесконечной любви к нам» (Д: 741-742).

***

Чтобы мы правильно возносили свой ум и сердце к Богу, знали, о чём надо молиться, святые Отцы, руководимые Духом Святым, составили многие прекрасные молитвы, приспособленные к нашим духовным потребностям. «Какие дивные молитвы! – восклицает святой Пастырь. – Как они верно изображают всю внутреннюю жизнь человека, всё его состояния внутренние, всю греховность, всё растление, всю немощь, всю беспомощность, если человек не обращается искренно к Богу! Как прекрасно они научают нас каяться, благодарить Бога за бесчисленные Его милости, славословить Его за Его Божественные совершенства, просить Его о разных нуждах!» (М: 165). Вырабатывались, вынашивались эти молитвы в подвиге, в скорбях, в борьбе со своими греховными наклонностями и с действиями злой силы. «Потому надобно, – учит отец Иоанн, – глубоко ценить их произведения как произведения испытанных в горниле искушений и бед душ, подобно злату просиявших, как чистых храмов Духа Святого, благоволившего обитать в их чистых душах и телах» (Д 1: 70). Надо учиться духовному искусству переводить «душевные качества и расположения святых», отпечатлённые в составленных ими молитвах, в свою душу (Д 1: 196-197).

Повторяя святоотеческие молитвы, христианин должен иметь свою основу – сердечную веру, сердечное зрение. «Без своей основы молитва не молитва, потому что говорить чужими словами – не значит молиться. Если чужие слова молитвенные, как на нитку бисер, навязываются на нашу основу – на сердечную веру: тогда и молитва будет наша, хотя слова и не наши» (Д 1: 651). Допустимы и даже желательны в молитве и свои – собственные слова. «Последуем святым Отцам искренно, – призывает Праведник, – а иногда и сами, движимые Духом Святым, воспоём своё краткое славословие и благодарение: *“ибо комуждо же дается явление Духа на пользу” **(1 Кор. 12, 7)***» (М: 165-166). «Хорошо иногда на молитве сказать несколько своих слов, дышащих горячей верой и любовью ко Господу. Да не всё чужими словами беседовать с Богом, не все

быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, отрыгнуть от сердца и своё слово благо, притом же к чужим словам как-то привыкаем и хладеем. И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца – пересказать нельзя: надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует. Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и искренно произносимых» (Д: 198-199).

***

Ценность молитвы следует из определения понятия о ней. Сие же видно и в плодах её – какие она приносит.

Великие и богатые милости ниспосылаются Богом усердно молящимся: «Помилование, оставление грехов… освящение, избавление от скорбей, умирение душ и утверждение в вере и добродетели» (М: 47). Лицо молящегося облагораживается и становится, словно, лицом Ангельским (М: 166). Как воздух освежает тело, так молитва «освежает душу и оживляет её: в ней бодрее и веселее чувствуешь себя, подобно тому, как прогулявшись на свежем воздухе, чувствуешь себя и физически и душевно бодрее и свежее» (Д: 726). Молитва животворит человека (Д: 664), одухотворяет его (Д: 759), укрощает раздражительность и злобу – «злодышущее разжение сердца» (Д: 204). Молитва «упокоевает душу и тело: она упокоевает не только душу самого молящегося… но и часто души преставльшихся праотец, отец и братий наших» (Д: 165). Она изводит «из самого чрева адова» (Д 1: 362). За постоянную усердную «молитву Господь сподобляет молящихся Ему умереть на молитве и воспарить душами прямо к Его Престолу» (Д 1: 320). Все блага – и «духовные и необходимые вещественные» можно получить молитвой от Всеблагого Бога, «только бы искренне было желание этих благ и горяча молитва» (Д: 257). «Разве мы всуе ежедневно читаем по несколько раз

"Трисвятое" и "Отче наш" и прочие молитвы утренние и вечерние? Разве не очищаемся посредством их от грехов наших, скверн наших, разве не избавляемся от искушений, бед и обстояний? Разве всуе остаётся изображение крестного знамения? О, нет: оно непрестанно действует благотворно на нас и на тех, на ком с верой изображаем оное, особенно священническое благословение» (Д: 476-477). Не пропадает даром перед Богом «ни одно слово искренней молитвы,.. но приносит плод добрый, ибо чистая молитва есть великая сила, преклоняющая благость Божию на милость и щедроты» (М: 172).

***

«Итак, – завершаются наставления святого Пастыря о молитве, – когда творишь молитву, молитвенное правило, особенно по книге, не спеши от слова к слову, не прочувствовавши его истины, не положивши его на сердце, но сделай и постоянно делай себе труд чувствовать сердцем истину того, что говоришь; сердце твоё будет противиться этому… – не будь самолюбив, побеждай сердце твоё, дай его Богу в жертву благоприятную… – и твоя молитва сроднит, соединит тебя с Богом и со всем Небом, и ты исполнишься Духом и плодами Его… Тебе хочется скоро кончить молитвенное правило, чтобы дать покой утомлённому телу? Сердечно помолись и заснёшь самым спокойным, тихим и здоровым сном. Не поторопись же помолиться кое-как: выиграешь на полчаса молитвы целых три часа самого здорового сна. На службу или на работу торопишься? Вставай раньше, не просыпай – и помолись усердно – стяжешь спокойствие, энергию и успех в делах на целый день. Рвётся сердце к делам житейской суеты? Преломи его; пусть будет сокровище его не суета земная, а Бог; научи сердце своё более всего прилепляться чрез молитву к Богу, а не к суете мира, да не посрамишься во дни болезни твоей и в час смерти твоей, как богатый суетой мира и нищий верой, надеждой и любовью. Если не будешь так молиться, как я сказал, то не будет у тебя преуспеяния жития и веры, и разума духовного» (Д: 236-237).

XII. «НАШЕ ДИВНОЕ НЕБОПОДОБНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ» (СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ)

> «Как влечет к Себе Господь чрез Богослужебные песни, стихиры, каноны и весь состав Богослужения и до скончания века будет привлекать избранных верующих, любящих службу Божию! Какое богатство горячего покаяния, сердечного умиления сокрыто в нашем Богослужении!»
>
> *(Д 2: 84)*

Само слово «Богослужение» предполагает служение человека Богу. Святой праведный Иоанн Кронштадтский, принимая это определение, расширяет его и углубляет. Богослужение, по его слову, «значит то, что Бог служит человеку и взаимно человек служит Богу: Бог – подаянием Своей благодати, святости, силы, спасения, избавления, очищения, мира, утешения, просвещения, чистой любви, подаянием Самого Себя в пищу и питие, подаянием Духа Святого (в Крещении, Миропомазании и прочих Таинствах); человек – своим постоянным взиранием к Богу, как к своему Первоначалу, Первообразу, Первоисточнику, своим рачением к избежанию всякого греха и к совершению всякой правды и добродетели, ко всегдашнему покаянию, славословию и благодарению Господа Творца, Промыслителя и Спасителя, к благоговейному принятию Таинств – Покаяния, Причащения и проч., и, таким образом, к постоянному хождению пред Господом в страхе Его и "*во святыни Духа*" ***(2 Сол. 2, 13)***» (М: 195-196). Богослужение есть выражение нашего благоговения перед Творцом и Промыслителем, прославление Его с воспоминанием чудесных дел Его «при посредстве освящённых служителей алтаря Господня», изъявление благодарности Богу за Его бесчисленные милости, смиренное выражение наших многих нужд (М: 99), непрестанное общение членов земной Церкви с Главой

Церкви, а вместе и со Святой Троицей, с Божией Матерью, со святыми Ангелами и угодниками Божиими (М: 205), райское жительство, предначатие вечного славословия, прославление Святых, принятие в молитве и в Таинствах высшей благодати, сраствореніе с Богом, обожение, «училище благочестия» (М: 135). «В Богослужении выражается вся судьба человечества, от начала его до скончания века; в нём выражается, с одной стороны, всё величие образа в человеке, с другой – всё его растление греховное, все немощи его, сознание им этого растления и этой немощи» (М: 99); в нём – очищение, освящение, примирение, обновление (М: 205).

Церковное Богослужение внушает христианину высокое понятие о нём самом – он есть рождение, словесная овца единого Пастыреначальника, имеет единую Главу – Самого Господа Христа и единую Царицу и Матерь по благодати – Пресвятую Деву Марию (М: 97-98. См. то же: М: 148).

Святой Иоанн чётко указывает цель Богослужения: она состоит – в удовлетворении высших потребностей «души человеческой, созданной по образу Божию, но подвергшейся великим бедствиям грехопадения», в восстановлении её от падения, обновлении, просвещении, очищении, освящении, утешении, питании и укреплении; в сообщении ей сродного течения истинной, святой и Божественной жизни; в соединении «её с Богом, с Первоначалом и Первообразом» (М: 144). Наряду с этим Богослужение изображает «всё течение домостроительства нашего спасения от начала мира и… до скончания века»; изображает бесконечные совершенства Бога во всех Его делах, касательно человека, созданного по Его образу» (М: 103). На вопросы: «Что значит Богослужение и для чего оно? Что значит служить Богу?» – святой Иоанн отвечает: «Значит обращаться и прилепляться образу к Первообразу; малой капле жизни – к бесконечному Источнику жизни; созданному в преподобии и правде – к Источнику правды вечной; созданному во святыне – к Источнику святыни; созданному с свободной силой – к источнику свободы; одарённому разумом – к Источнику премудрости и разума. Служить Богу – значит причащаться святыни и правды Его: ибо Бог есть Любовь и

Благость бесчисленная; мира Его, свободы Его, премудрости и силы; света и благоухания Его». И тут же Батюшка ставит условие: «Всё это только под тем условием, если приступающий к Богу человек приступает с верой, любовью, смирением, усердием, с покаянием нелицемерным, с крайним желанием быть тем, чем всякий человек должен быть, по намерению Божию. Служить Богу – есть блаженство всякого человека. Служение Богу – есть непременная обязанность всякого человека, особенно христианина, ибо Господь Сам служит ему, его спасению, дивным Своим смотрением, или промыслом, домостроительством» (М: 200).

Альфой и Омегой всякого Богослужения является Сам Господь наш Иисус Христос, единый «милостивый и верный Первосвященник пред Богом за нас, и – вместе с Ним… – Бог Отец и Дух Святой, Троица Единосущная и Нераздельная» (М: 146). Основой же, «на которой покоится Богослужение» – устанавливается «связь людей с Богом», – есть образ Божий в человеке, «по коему человек – свой Богу, родной, близкий, друг, т.е. праведно живущий. На этой основе покоится всё Богослужение, все Таинства…и величайшее таинство воплощения Сына Божия, жизни между человеками, страданий, смерти, погребения, воскресения, вознесения, второго пришествия и окончательного суда» (М: 97).

По своему содержанию Богослужение дивно. С одной стороны, оно живописует совершенства Божии, с другой – в нем «изображаются и прославляются разнообразные подвиги святых угодников Божиих с прошением о ходатайстве за нас пред Богом». Изображается также вся жизнь «человека-грешника» – от его падения до восстания (М: 100). В Богослужении заключена «вся догматика, вся церковная история» – вся «цельность домостроительства человеческого спасения» (М: 92).

Главным образом, в Богослужении проводится та мысль, что Триединый Бог «есть и Творец и Промыслитель мира, и что Христос – наш Искупитель, Спаситель, Помазанник, Царь и Судия всего человеческого рода, Которого мы должны благодарить, прославлять, просить о своих нуждах, Коему должны всегда каяться во грехах,

Коего должны умилостивлять жертвой бескровной (принесением Тела и Крови Иисуса Христа), Коим должны освящаться, утверждаться, и от Коего должны ожидать вечной жизни» (М: 146). «Всякое Богослужение посвящено Святой Троице, потому слышим на всякой службе славословие Святой Троице – и в алтаре и на клиросе» (М: 160). В нём также проводится учение о единстве верующих (они члены единого тела под единой Главой), о взаимной любви, взаимопомощи как в молитве, так и в жизни, «о взаимном мире ("мир всем"), о святости и спасении по душе и по телу, о покаянии, о мирном исходе из этой жизни, о будущей жизни, о Страшном Суде и добром ответе нашем на нём, о единстве Церкви Небесной и земной» (М: 128).

Богослужение возбуждает всех к молитве, указывает её предметы, славословит и воспевает Бога, благодарит Его во Святых за неизреченные благодеяния. «Оно, по Апостолу, возбуждает "*молиться за вся человеки" (1 Тим. 2, 2)*» (М: 104). Все молитвы – выражение хвалы Богу, Пресвятой Богородице, Святым и сокрушения о грехах своих. «Много в них утешения, учения, назидания» (М: 109-110).

Вечно живущая и вечно спасительная в Богослужении – это «дивная… любовь Божия к людям, и любовь, и преданность разумных смиренных людей Богу Спасителю, любовь Церкви ко всем членам своим и ко всем людям» (М: 94). Входя в храм во время Богослужения, верующий входит как бы в мир иной; время для него исчезает – начинается вечность: он слышит хвалу Вечному Существу, «да и священник тайно, в каждой молитве, возносит хвалу Предвечному» (М: 95).

Идеал Богослужения – достижение человеком возможного для него совершенства – «уподобления Богу чрез различные добродетели. Чудный идеал! Соответственно высокой цели, идеалу и предмету Богослужения должно оно и совершаться величественно, стройно, прекрасно» (М: 102).

Величию идеала соответствует и форма общественного Богослужения – разговорная. Она выражает общительность и единодушие как у клира, так и у мирян. «У первых христиан, пастырей и паствы, – замечает отец Иоанн, – были сердце и душа едины. Это единодушие

выражалось как в жизни – взаимной любви, в общении имений, в страдании за веру, так и в Богослужении» (М: 133). Таким образом, в диалоге усматриваются прямые отголоски Апостольской древности.

Какие же свойства присущи Богослужению Святой Православной Церкви? Отвечает святой Иоанн: «Божественная святость, истина и правда, премудрость, жизненность, сердечность, умиротворение, сладость духовная, неотразимое действие на сердце благочестивое (если служба совершается в порядке и по чину священно- и церковнослужителями благочестивыми и благоговейно), умилительность, словом, – всякая Божественная благодать» (М: 236). Все церковные молитвословия во все века и для всех людей имеют неотъемлемые свойства – совершенную истину, правду, животворность, просветительность, умилительность… «Скольких людей они обратили к Богу, заставили воздыхать и плакать о грехах, преобразовали из грешных и окаянных во святых! Сколько людей подвигли и подвизают на всесердечное благодарение и славословие Всетворца, Промыслителя и Спасителя Бога в Троице! Сколько они сделали подражателями добродетелям святых угодников Божиих! Всё церковное – сладость, свет, сила, правда животворящая» (М: 221).

Поистине, «дивно, прекрасно и разнообразно составлено Богослужение в нашей Церкви! Тут вся душа человеческая, со всеми её немощами, грехопадениями, со всеми чувствами любви, благодарения, удивления Создателю, Промыслителю и Спасителю своему, со всеми своими нуждами» (М: 104).

***

По утверждению святого Пастыря, «программу Богослужения» Святой Православной Церкви дал апостол языков – святой Павел. В своих посланиях он начертал «главное содержание его, состоящее в поучении, псалмах, пениях и песнях духовных». К сему присоединяются славословия и различные обряды, «особенно при совершении бескровной Жертвы, которую установил и узаконил Сам Начальник и Совершитель веры, Господь Иисус Христос» (М: 139).

Это утверждение святого Отца даёт основание говорить о том, что главнейшее место в Богослужении занимают Святые Таинства и, прежде всего, Таинство Святой Евхаристии.

Всего Таинств семь. «Вера наша, – учит Батюшка, – вино доброе, старое, пробованное, дознанное, седмью печатями запечатанное – семь Таинств» (Д 1: 257). Все их надо принимать и почитать как неоценимую – величайшую милость Божию к нам, и присутствовать при их совершении со всем вниманием и благоговением, ибо через них подается Божественная, оживотворяющая благодать. «Вслушивайтесь в молитвы, при этом читаемые священником, и в действия, им совершаемые, – внушает святой Отец, – и если не знаете, спрашивайте об их значении» (Д 1: 19).

Видимым совершителем Таинств является священник, а невидимым – Сам Господь. «Священник по готовым молитвам молится и совершает известные действия, а Господь… Своим всемогуществом и Своей безмерной любовью… творит» (Д 1: 96). Обращаясь к священнику, отец Иоанн напоминает ему: «Таинства своей Божественной, Всемогущей силой действуют, а не твоей слабой, не твоей немощью» (Д 1: 358). И даже если нет «нашей искренней и твёрдой веры», чудеса Таинств совершаются, «ибо тайна Божия всегда совершается, хотя бы мы были маловеры при её совершении или неверны; "*неверие наше Божией веры не упразднит*" ***(Рим. 3, 3)***, и злоба наша не одолеет неизглаголанной Божественной благости и милосердия, наша глупость – Божией премудрости, наша немощь – Божия всемогущества» (Д: 322).

***

Таинство святого Причащения совершается на Божественной Литургии – Вечери, Трапезе. Потому-то «нет ничего на земле святее, выше, величественнее, торжественнее, животворнее Литургии» (Д: 574). «Совершаемая благоговейно и чистым сердцем Литургия… всесильна, вседейственна»: чрез неё испрашивается всё нужное и для наших душ, и для наших телес – «оставление грехов, здоровье и

спасение и во всём благопоспешение живым», а преставившимся в вере, покаянии и уповании на вечную жизнь – милость Божия, «оставление грехов и упокоение со Святыми», «ибо, – останавливает внимание читателя отец Иоанн, – вообразите, какая жертва на ней приносится? Сам Единородный Сын Божий... Итак, священники Святой Православной Церкви, твёрдо знайте и помните, какое в руках ваших средство к умилостивлению Бога о всех людях, о всём мире, ибо это – жертва всемирная, и старайтесь совершать всегда Литургию горящими духом, горним умом и сердцем, отложив всякое житейское попечение. О, какую бесценную, страшную, небесную и пренебесную Жертву вы приносите, дивную и страшную самим небесным Силам. Молите крепко Господа, чтобы вам достойно совершать это чудное Таинство» (М: 65-66).

В Литургии участвуют все Лица Святой Троицы: «Дух Святой, Сын Божий Иисус Христос и Вина и Источник Их – Бог Отец» (М: 63-64). Также участвуют в служении со священником «все Святые и все Ангелы» (М: 69).

Благодеяния Божии, подаваемые в Литургии – неисчислимы. Кто может постичь их величие? Никто, «ни даже ум Ангельский, ибо благодеяние это беспредельно и необъятно, как и Сам Бог, Его благость, премудрость и всемогущество. Какая любовь к нам грешным ежедневно сказуется в Литургии! Какая близость Божия к нам!» (М: 76). «Кто, – восклицает Батюшка, – не получил великой душевной пользы, мира и сладости в душе от одного благоговейного присутствования при Божественной Литургии!» (Д: 324).

Ввиду особой важности Литургии её должно не только благоговейно совершать, но и достойно готовиться к ней. «Литургия, – размышляет отец Иоанн, – самый лучший пробный камень душевного нашего состояния: живы ли мы или мертвы, – что в нас гнездится, какие страсти, какие немощи душевные? О, с какой тщательностью надо всегда готовиться к совершению этого Пренебесного, Страшного, Животворящего Таинства, этой всемирной жертвы, жертвы о небесных, земных и преисподних!» (М: 82). Нельзя приходить к ней с рассеянностью, суетностью, нарядами, с житейскими

расчётами (М: 61-62). Стоять во время Литургии надо благоговейно, внимательно и сосредоточенно (М: 574).

Совершителю Литургии Батюшка внушает: «Нужно всегда иметь цельное о ней, ясное и разделённое представление; особенно же – чистое сердце, исполненное любви ко всем нелицемерной, всеобъемлющей, наипаче любви к Богу, Всетворцу, Промыслителю и Искупителю мира. Крайне нужно опасаться и избегать земного пристрастия, неприязни, озлобления, корыстолюбия, сластолюбия и славолюбия» (М: 240-241).

Никого не должно смущать, что Литургия совершается однообразно – «в ней всегда одно и то же, но да вникает каждый православный христианин устами и сердцем в глубину содержания Литургии, – в высоту, глубину, широту и долготу любви Божией, явленной миру грешному, погибающему во грехах; да помышляет о бесконечности великой жертвы, которую принёс Иисус Христос в лице Своём Отцу Небесному, за грехи мира; да чувствует, как возлюбил Бог мир, дав Сына Своего Единородного; да удивляется чуду воплощения Сына Божия, обожения нашего чрез Него, и да пребывает вечно благодарен Господу, и на любовь да отвечает любовью пламенной, твёрдой, как Апостолы, Иерархи, Мученики, Преподобные» (М: 59).

Во время Божественной Литургии хлеб и вино претворяются в истинное Тело и истинную Кровь Христа Спасителя «и имеют чудные, Божественные, животворящие, очищающие, освящающие и обоготворяющие человека верующего свойства» (П: 65). Претворение происходят «при посредстве священника» (Д 1: 497), но «одним повелением Божиим» (Д 1: 408). «Знай, – учит отец Иоанн, – что в пресуществлении хлеба и вина действует то же всесильное слово Творца, которое в начале вызвало из ничтожества мир и доселе вызывает тварей из небытия к бытию» (Д 1: 497). Виды хлеба и вина остаются «неизменными», но это «только одни виды… – в них сокрыты „Дух и живот“ Бога Спасителя» (Д 1: 121, 241).

Нет ничего дороже, как «от Единого Господа ниспосылаемые дары – в Святых Таинах» – Теле и Крови Христа Спасителя. Эти

Дары неразлучны «с Самим Господом, то есть с этими Дарами непременно входит в душу Сам Господь» (Д 1: 660). Входя в нас с Господом, Святые Дары животворят нас, «оживляют душу, которая сама оживляет тело» (Д 1: 278), вселяют в нас мир. Мы горды и раздражительны, а они производят в нас «необыкновенную кротость и смирение» (Д 1: 628). «В существе Тела и Крови Христовой – спасать от грехов, покоить, услаждать сердце» (Д 1: 212). Святые Таины бывают «или огнём, животворящим в устах и в груди, или огнём, попаляющим в сердце» (Д 1: 690), истребляющим гнездящуюся в нём стихию зла (Д 1: 703), исцеляющим от болезней и духовных и телесных. «Некто, – рассказывает Батюшка, – был смертельно болен, никакие лекарства ему не помогали. Но как только причастился утром Животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твёрдой верой» (Д: 326). Вкушающий Святые Дары не только прикасается Спасителю (Д 1: 94), но и соединяется с Ним, в результате чего ощущает состояние блаженства (Д1: 638), некий «избыток жизни сердца» (Д 1: 276). По достойном принятии Святых Таин явно ощущается «облегчение тяжестей грехов; и мир, и радость происходят после причащения» (Д 1: 517). Без Христовых Тела и Крови «нет жизни». "*Аще не пиете Крове Его, живота не имате в себе*" ***(Ин. 6, 53)***. «Господи, помилуй!» (Д 1: 237).

Но подобно тому, как лекарство становится действенным, если больной соблюдает определённые условия, так и Животворящие Таины имеют «спасающую, животворящую и очистительную силу, если есть со стороны больного душой условия». Это – «вера, признание своей греховности и ненасыщенный желудок» (Д 1: 269). Если же кто приступает к святой Чаше со «злобной горячностью и раздражительностью» – причащается недостойно. «Сохрани, Бог!» (Д 1: 165).

В зависимости от того, с каким духовным устроением принимают Святые Дары, бывают и их плоды. «При достойном причащении Христос входит в сердце человека и приносит с собой все… добродетели и мир, и спокойствие всех душевных сил». После же недостойного причащения «Он выходит из сердца его, а за Ним, как тень за

телом, выходят все добродетели из сердца человеческого, все дары благодати Божией, и дом душевный остаётся пуст». А в праздный дом тотчас входит всякое зло – «безверие, уныние, нетерпение, склонность к вражде со всеми», жгучее стремление и привязывание к земным стяжаниям. «Вообще – весь человек делается жалким существом. Страшно и странно смотреть на него… Он молится – и молитва его не слышится… Так человек наказывается за недостойное принятие Святых Таин: и поделом, потому что уничижил Тайну Божию – великую и спасительную Тайну Тела и Крови Сына Божия, которой освящался и оживотворялся многократно, уничижил после того, как вкусил и видел много раз, что в них существенно находится Сам Христос. Это взято с опыта» (Д 1: 177-178).

Принимать Святые Таины должно с несомненной уверенностью, «что вы принимаете Тело и Кровь Христову, как нимало не сомневаетесь, что вы каждую минуту дышите воздухом. Говорите про себя: как несомненно, что я вдыхаю постоянно воздух, так несомненно, что я теперь вместе с воздухом принимаю в себя Господа моего Иисуса Христа, дыхание моё, живот мой, радование моё» (Д: 671).

Обязанность причастника Божественных Таин определяется святым Иоанном словами Священного Писания: он «должен *мудрствовать горняя, идеже есть Христос одесную Бога седя*» ***(Кол. 3, 1-2)***, а не мудрствовать о земном» (Д: 421).

Приобщаться Святым Таинам следует как можно чаще. В Дневнике святого Иоанна есть такие высказывания, которые можно понять, как совет к ежедневному принятию Святых Таин. «Тебя, – говорит он, – Бог ежедневно питает Плотию и Кровию Своею, ты ли откажешь в ежедневном питании брату твоему?» (Д 1: 395). О себе он свидетельствует: «Господь… ежедневно питает меня Плотию и Кровию Своею» (Д 1: 278). Редкое причащение ведёт к духовной гибели. «Отчего люди стали так испорчены? Оттого, что редко и недостойно причащаются Таин, а только Таины „обновляют растлевшее грехом естество наше". Нет противодействия, значит, человеческому растлению» (Д 1: 729).

***

О Таинстве Крещения как первой ступени, ведущей в Небесное Царство, святой Иоанн говорит: "*Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся*" ***(Гал. 3, 27)***. Какое богатство, какая сила в этих словах, какое утешение! Крестившиеся во Христа облеклись в Него, в Его святость, правду, лепоту, силу, любовь, мудрость, в Его кротость, сострадательность и милость, в Его терпение, снисхождение, в Его вечную жизнь» (М: 121).

Облекшись во Христа Спасителя, должно в чистоте хранить эту духовную «одежду». «Братья и сестры! – взывает святый Пастырь. – Вы родились снова (после рождения от родителей) водою и Духом, вы стали тогда чадами Божиими, – скажите, достойно ли такого высокого звания вы живёте? Так ли вы живёте, как должно жить чадам Божиим? Видно ли из ваших поступков, что ваше "*житие на небесех есть*" ***(Флп. 3, 20)***? Видно ли, что вы ожидаете паки с небес Господа своего, как Он обещал нам это в Своём слове? Презираете ли дольнее, стремитесь ли всем сердцем к горнему? Не любите ли вы мир прелюбодейный и грешный?.. Мир этот распял и доныне распинает Сына Божия. Братья и сестры! Смотрите за собой, живёте ли по Евангелию?» (Д: 451-452).

***

В Таинстве Миропомазания подаются благодатные дары Духа Святого, укрепляющие в духовной жизни. И святой Иоанн свидетельствует: «Всесвятый Дух постоянно оживляет душу мою и укрепляет силы её... Слава Тебе, благодарение Тебе, Всесвятый Душе, Ипостасная Сило Вышнего! "*Духом владычним утверди мя*" ***(Пс. 50, 14)***» (Д 1: 218).

***

В наставлениях о Таинстве Покаяния святой Пастырь обращает своё слово и к его совершителю, и к самому кающемуся. Священнику: «Только тогда ты будешь совершать достойно Таинство Покаяния, когда будешь не корыстолюбив, а душелюбив, когда будешь терпелив, а не раздражителен. О, какая великая любовь нужна к душам ближним, чтобы достойно, не торопясь и не горячась, с терпением, исповедывать их! Исповедующий священник должен помнить, что *"радость бывает на Небеси о едином грешнице кающемся" **(Лк. 15, 7)***. Как же он должен стараться возбудить покаянные чувства в кающихся, которые не ведят, в чём покаяться, якоже подобает. Ещё должен священник помнить, как Апостол день и ночь поучал каждого из новопросвещённых христиан, поучал со слезами ***(Деян. 20, 31)***... Спрашивай о грехах и поучай с твёрдостью и искренностью, а не вяло и раздвоенным сердцем; твёрдое слово вызовет твёрдое покаяние» (Д: 533)... Кающемуся: «Да оставит нечестивый советы свои, сребролюбивый – сребролюбие своё, обманщик – обманы свои, пьяный – пьянство, чревоугодник – чревоугодие своё, блудный – своё блудодеяние, гордый – гордость свою, тщеславный – тщеславие своё, завистник, ненасытный – зависть и ненасытимость свою, нетерпеливый и ропотный – нетерпение и ропот свой; и да научатся все делам любви христианской, особенно же – *"немощи немощных носити" **(Рим. 15, 1)***» (Д: 154).

Кроме исповеди перед священнослужителем, святой Иоанн учит и ежедневной исповеди во время вечернего молитвенного правила: «При исповедании грехов на вечерней молитве не ослабевай духом, не льсти языком – так, чтобы язык твой высказывал грехи, а сердце тому не сочувствовало, – но искренно, с горячим духом исповедай их, и если в молитве нет тех грехов, сам прибавь; ты не дитя, чтобы всегда твердить только чужие слова. К прежним грехам прибавишь новый – притворство, двоедушие пред Богом, если не будешь искренно каяться в сделанных тобой грехах в продолжение дня, а

вечерние молитвы для того, между прочим, и положены, чтобы принести Богу покаяние в содеянных днём грехах. Употребляй же во благо души своей великое благодеяние Церкви» (Д 1: 289-290).

***

«Брак да бывает о Господе, то есть для христианского рождения и воспитания детей и для того, чтобы иметь в жене подругу и помощницу» (Д 1: 518-519).

Примечательно наставление святого Пастыря всем присутствующим при совершении Таинства Брака: «Во время Таинства Брака не обращайте исключительного испытующего внимания на жениха и невесту, а стойте лицом к святым иконам, зная, что церковь – не зрелище; а то вы ради жениха и невесты забываете Бога и оскорбляете Его своим невниманием и пренебрежением в самом доме Его, где Его сердце и очи – всегда» (Д 1: 19).

***

Рассуждения о Таинстве Елеосвящения сводятся отцом Иоанном, в основном, к нравственной стороне. «Когда зовут тебя, – говорит святой Пастырь священнику, – к бедному больному соборовать, не думай про себя, тем более – не скажи: "Обойдётся и так – без соборования, довольно ему Таинства Покаяния и Причащения", но иди немедленно и не пренебрегай больным за его бедность; для Господа нет различия между богатым и бедным... Пришедши же в дом для совершения Таинства и видя в нём (в доме) следы нищеты, не говори в сердце своём: "...Я могу совершить Таинство поскорее..." ибо Господь наш тут и Ангелы... Смотри же, они будут пред Богом свидетелями твоих тайных мыслей и твоего небрежного совершения Таинства» (Д 1: 422).

***

Насколько велика, спасительна, чудесна благодать Таинства Священства, как основы всех прочих Таинств, святой Пастырь учит так: «Чрез священство Господь совершает в людях великие и спасительные дела; очищает и освящает людей, животных, все стихии, избавляет людей от злодейства бесов, возрождает в бане пакибытия, обновляет, укрепляет; претворяет хлеб и вино в Пречистое Тело и Кровь Самого Богочеловека, совершает Брак и делает его честным и даже – нескверным, разрешает грехи, исцеляет болезни, примиряет правосудие Божие с грешниками кающимися, обращает землю на Небо, созидает рукою человеческою храмы, обращая их в селение Господа Вседержителя, соединяет Небо с землёй, человека с Богом; делает один собор из Ангелов и человеков; утешает печальных, немощных укрепляет и делает сильными на дела благие, и низводит преизбыток благодати там, где умножился грех» (П: 87-88).

***

Немало рассуждает святой Пастырь об отдельных церковных молитвословиях. В Богослужении Святой Православной Церкви, в каждой части его много пищи для души. Ектении, молитвы, песнопения, чтения Священных Книг Ветхого и Нового Заветов – «неистощимое сокровище для ума высокого, сердца прямого… Ектении – Божественные ектении, Богом вдохновенные, в них дышит любовь чистая, святая, всеобъемлющая, разум Божий; в них обозначены все наши действительные нужды… В молитвах, тайно или вслух читаемых священником, – также дышит любовь Божия, тот же ум Божий… В песнопениях мудро воспеваются все великие дела Божии, особенно дела любви к роду человеческому… В чтениях из Священного Писания излагаются все откровения, пророчества, прообразования, догматы и нравственные правила» (М: 110-111).

Весьма мудро в начале Всенощной поётся псалом «Благослови, душе моя, Господа...» «во славу Господа Иисуса Христа, сотворившего мир и человека и воссоздавшего его Своим пришествием в мир, учением, страданием, смертью и воскресением» (М: 195). Надо отметить, что псалмы вошли в обширное употребление при Богослужении. Они «богословствуют, пророчествуют, прославляют и благодарят Бога, утешают верные души, учат покаянию, молитве, терпению, великодушию и мужеству, правде и святыне, милосердию, незлобию, кротости и смирению, упованию на Бога» (М: 257). «Почему поются часто на наших церковных службах псалмы Давида? – вопрошает Батюшка и отвечает: – Потому что они превосходное руководство к молитве и прославлению Бога; потому что они – вещания Духа Святого и прекрасно способствуют исполняться нам Духом Святым; потому что они служат подтверждением истины нашей веры, содержа многие пророчества о Начальнике нашей веры Господе Иисусе Христе, сбывшиеся на Нём; потому что славимый нами Господь есть тот же Бог отцев наших, Который глаголал отцам в Ветхом Завете, Который чудодействовал во времена патриархальные и подзаконные» (М: 91-92).

Пение «Хвалите имя Господне» и совершаемое при этом каждение вызывало у отца Иоанна возвышенные мысли и сердечное умиление: «Как Господь помиловал человечество, как спас, исхитив из тления, мерзости греха и вечной погибели! Как почтил, облагородил, облагоухал Собой нашу растленную, смердящую грехами природу, как просветил, обожил её, вознёс на небо и посадил на престоле Божества!» (М: 161).

Антифонное, попеременное пение, как бы воскрешает древних пророков, говоривших о грядущем Мессии, и одновременно – святых Апостолов, церковных песнописцев... Все они «как бы становятся в храмах наших вместе и соотвечают друг другу, одни пророчествуя, другие указуя на исполнение пророчеств или вообще попеременно воспевая» (М: 137).

Во время Великого входа на Божественной Литургии, символизирующего шествие Христа Спасителя на добровольные страдания,

поётся: «Иже Херувимы тайно образующе...» Чем мы «образуем» Херувимов? «Пением их священной песни – „аллилуиа“ и... тем, что подъемлем, как и они, Господа славы и носим в себе чрез причащение Его, носящего *"всяческая глаголом силы Своея"* ***(Евр. 1, 3)***. Потому мы и должны отложить «всякое житейское попечение», чтобы возлюбить Его всей полнотой сердца, пламенной любовью, как любят Херувимы» (М: 189). Воздеяние рук священником при Херувимской песни «означает и Троицу, и страсть крестную – единого от Троицы – Христа, по Его человечеству: ибо в это время воспоминаются Его страдание, смерть и погребение (М: 243).

За молебнами молятся о живых, «как членах Христовых и наших собственных» (М: 219); за панихидами – «об умерших в вере и благочестии: они также члены Христовы, члены тела Церкви Его и наши члены, храмы Духа Святого» (М: 219). Особенно горячо подобает молиться за живых и усопших во время Божественной Литургии «и преимущественно после пресуществления Святых Даров» (М: 219)... Возгласы священника на панихиде или отпевании, возвещающие и внушающие то, «что Господь наш Иисус Христос есть воскресение и живот и покой умершего, вливают великую отраду в души скорбящих ближних о кончине умершего и поучают смотреть на смерть без особенного страха, как на сон: ибо умерший называется усопшим (уснувшим), да и в часто повторяемых припевах: „Упокой, Господи...“ умерший также называется усопшим» (М: 199). Наипаче отраден отпуст панихиды, в котором от лица Церкви выражается «обетование, что Господь, по молитвам Пречистой Своей Матери и всех Святых душу усопшего учинит в селениях праведных, упокоит в недрах Авраама и причтет с праведными», а нас помилует «яко Благ и Человеколюбец» (М: 199). Слова отпуста напоминают, что Господь, по Своей великой благости «за одну нелицемерную веру простит нам наши согрешения, вменив веру в правду нам, не имеющим дел праведных, – упокоит в недрах Авраама, отца верующих, которому тоже вменена вера в праведность, и с праведными причтет, не по беззакониям нашим, а... по вере Христовой, которую имел и Авраам, провидев Искупителя задолго до Его пришествия» (М: 128-129).

В храме часто слышится возглас: «Мир всем». Это для напоминания, «что ты находишься в храме Бога мира и что ты должен быть в мире и с Богом, и с людьми, и с самим собой: с Богом – через покаяние и соблюдение заповедей, с людьми – чрез целомудрие, правду, милосердие, кротость и терпение, с собой – не позволяя себе ничего противозаконного и не насилуя своей совести» (М: 108).

Слышим также призыв: «Премудрость, прости». «Не ошибимся, – размышляет отец Иоанн, – если объясним эти слова так: премудрость христианина состоит в простоте сердца. „Прости услышим": в простоте послушаем; „прости приимше": в простоте, искренно принявши Святые Таины» (М: 110).

Многому и важному учат православного христианина и слова: «Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Они означают: всецело покоримся Всемогущему Спасителю и Судии; также – «не станем мстить за себя, не будем худо думать о ближних» (М: 125).

Глубокий смысл имеют повторения одних и тех же молитвословий. «Одно и то же повторяем потому, что часто просимые предметы нам крайне нужны, а мы их не имеем или часто теряем, или забываем» (М: 143).

Каждое Богослужение заканчивается отпустом. И это имеет значение – оно как бы подводит черту под церковной молитвой. «На отпустах церковных служб, Таинств и молитвословий – священник обращается лицом к людям, со словом милости и спасения от Господа – спасения столь нужного и утешительного для нас, достойных по грехам нашим всякого наказания. Это слово и этот обряд внушают нам благую надежду» (М: 137).

***

В соответствии с «течением природы» в Церкви есть круги Богослужения: суточный, недельный и годовой. К ним еще присоединяется Богослужение в особенные дни, связанные с важнейшими для Церкви событиями» (М: 131).

Если кратко определить смысл всех кругов, то следует сказать, что наряду с молитвой, в них предстоит вся история домостроительства нашего спасения – от творения мира до «совершенного освящения и вечного блаженства» (М: 163-164).

Освящение дней седмицы Богослужением и смысл сего освящения состоит в следующем: в воскресенье прославляется Святая Троица («канон Святой Троице»), Христос Воскресший и Его чудесное домостроительство нашего спасения; в понедельник прославляется Господь и приносятся «Ему молитвы покаяния, прошения, благодарения и хвалы», прославляются также Пресвятая Дева Мария и Небесные силы – испрашивается у них ходатайство и заступление; во вторник – Предтеча Господень; в среду прославляется Крест Господень и более всех спострадавшая Господу Его Пречистая Матерь; в четверг – наши величайшие благодетели и просветители – святые Апостолы и чудотворец Николай; в пятницу – «страдания и смерть Господа» и снова Пречистая Богородица; в субботу прославляются все Святые и возносится молитва об «упокоении душ прежде почивших праотец, отец и братий наших» (М: 93).

Совершаемые ежедневно Богослужения (вечернее, утреннее и около полудня) имеют «общение и ликование Церкви земной, воинствующей с Церковью Небесной, Торжествующей» (М: 142), а также напоминают нам о великих Божиих делах. На вечернем Богослужении вспоминается сотворение мира и человека, пребывание его в раю, падение, обетование о Спасителе и Его пришествие – «отпустительная песнь Симеона Богоприимца», узревшего Обетованного. В конце поётся приветствие Божией Матери, «родившей Спаса душ наших» (М: 161-162).

Утреннее Богослужение начинается славословием Ангелов родившегося Божественного Младенца. Затем читается шестопсалмие, изображающее беседу верующих с Господом. Снова раздаётся радостная весть о явлении Спасителя. Во время пения хвалебного псалма отверзаются Царские врата – «как врата Царствия Небесного, отверстого явившимся Господом». После чтения Евангелия поётся и читается канон, в котором говорится о плодах воплощения Христа

Бога или о добродетелях Святых, память которых совершается. Завершается молитва первым часом, в первом псалме которого «изображается вечность Божия» (М: 162-163).

В круге годичном Богослужения изображается вся история, жизнь Святой Церкви – её догматы, нравоучения, все жития, подвиги, страдания как Самого Пастыреначальника, Его Пречистой Матери, так и всех Святых. Своим Богослужением Святая Церковь «поучает всех христиан молитве, славословию и благодарению Бога; сама молится за всех, всех утешает, располагает к покаянию во грехах, к умилению, исправлению и добродетельной жизни, требует плодов покаяния, напоминает о смерти, о Страшном Суде; представляет наше… греховное растление, от которого невозможно избавиться без Спасителя, без врачевства веры, без Таинств, без подвигов… – Богослужение научает и утешает» (М: 141).

Праздники – во славу Божию, во славу Божией Матери, всех Святых – и, естественно, совершаемые в них Богослужения полезны и нужны «для утверждения нашей веры, надежды и любви, для духовного воспитания, для всегдашнего научения догматам веры, различным добродетелям: верности, мужеству, терпению, кротости, незлобию, смирению, нестяжательности, воздержанию, чистоте и целомудрию и прочим добродетелям, ибо жизнь Господа и Пречистой Его Матери, равно как и Святых, представляет образцы всяких добродетелей, исполняя которые человек удобно может угодить Богу и спасти и свою душу, и души братий своих» (Д: 576-577).

Особое Богослужение полагается в Четыредесятницу, так как это время подвигов и борьбы с грехами, страстями, наветами злой силы. Одновременно это и недели приготовления к достойной встрече праздника праздников – Воскресения Христова (П: 58,73).

***

Святынями Православной Церкви, неразрывно соединёнными с Богослужением, являются храм и ему принадлежащее.

Храм – особое место для молитвы – здесь «очи и сердце Господа» (Д 1: 65). Для христианина храм своего рода стихия – как рыба без воды, так он без храма (М: 48). Для него это – духовное сокровище, ибо отсюда освящение, сила, слава, честь. Короче – «из него вечная жизнь» (М: 49). Здесь подлинная сладость молитвы. «О, храм святый! – восклицает святой Пастырь. – Сколь благо, сладостно в тебе молиться! Ибо где пламенная молитва, как не в стенах твоих, пред престолом Божиим и пред лицом Седящего на нём! Поистине душа тает от умиления молитвенного, и слёзы по ланитам струятся, как вода. Сладостно молиться за всех» (Д: 444). Служение в храме есть приготовление «к служению Богу на Небеси. Я, – говорит о себе святой Пастырь, – буду славить Господа во веки веков, а здесь во времени предначинаю славословить державу Его» (М: 47).

В храме везде символы любви и Сама Воплощённая Любовь (Д 1: 215). Храм воистину есть «небо, особенно алтарь, и священник должен в алтаре оставить всякое земное пожелание, которое убивает в нём жизнь духа и отрывает от Христа, от благодати Его, от дела Его спасения, от всего домостроительства Его, от любви к Нему и к спасаемому Им человечеству» (М: 56). Что символизирует собой алтарь? «Небо, Царство Небесное, рай, который был закрыт некогда для земнородных грехами, и в последнее время отверст Крестом Сына Божия» (М: 57). Посредине алтаря стоит престол. Что это такое? «Это новый Синай Богоявления, на который восходит истинный Законодатель и Судия мира… Это Божественная Голгофа, на которой распят и умер за грехи мира Агнец Божий… Это престол Царя царствующих и Господа господствующих, с которого Он отдаёт Свои повеления верным. Это престол Судии… Это кафедра Божественного Учителя, вещающего *"глаголы живота вечного"* ***(Ин. 6, 68)***». Виден престол для собрания молящихся через Царские врата. А что они означают? «Врата Царства Небесного, врата Неба, врата рая». На них изображается благовещение Пресвятой Богородицы – «как начало нашего спасения, как причина отверзения нам врат Царства Небесного», как свидетельство о Воплощении, соединившем Небо с землёй. Изображаются на Царских вратах и Евангелисты «как провозвестники нашего

спасения» (М: 57-58). Сколько здесь величественного, назидательного и утешительного! «Архангел благовествует Деве о воплощении от Неё Сына Божия, а значит – о преискреннем соединении Бога с человеками, о спасении человечества, об освящении и обожении его, о посаждении его на престоле Божества! Величайшая, необъятная честь сверх всякого ожидания!» (М: 119). В иконостасе, отделяющем Алтарь от средней части храма, видим в первом ярусе – ряду, иконы двунадесятых праздников. «На какие прекрасные, возвышенные мысли и чувства наводят они размышляющего благочестивого христианина!» (М: 120). Вот, например, икона Крещения Господня. «Смотри: для кого стоит в струях иорданских Бог вочеловечившийся? – Для тебя, человек! Чью скверну Он очищает в Иордане? – Твою! О, какое снисхождение! О, какое дивное о тебе промышление! А ты не хочешь и немного позаботиться о твоём спасении! Ты нерадишь о нём! Устыдись иконы; устыдись таинства безмерного снисхождения Божия для тебя и живи для Бога» (М: 120).

Храм – это Источник Вечной жизни, – приходить в него должно с верой, благоговением, смирением, с искренним сердцем, со страхом Божиим и с тем же чувством стоять в нём, пребывать (М: 50, 46).

***

Символом любви в храме является Крест. «Крест без любви нельзя мыслить и представлять: где Крест – там и любовь; в церкви вы везде и на всём видите Кресты – для того, чтобы все напоминало вам, что вы в храме Бога любви, в храме Любви, распятой за вас» (Д 1: 504). Где Крест, там Христос и Дух Святой (Д 1: 241). Крест – «друг верных христиан» (Д 1: 452) и благодетель. «Говорим это искренно, – добавляет отец Иоанн к своим размышлениям, – с сознанием всей истины и силы своих слов» (Д 1: 440). Естественно, что требуется особо благоговейное отношение ко Кресту. Священнику святой Пастырь велит: «Пред Крестом Господним, особенно когда держишь его в руках, держи себя с крайним благоговением, как пред Самим распятым Господом, и не дерзай расслабевать душой до смеха: этим ты уничи-

жишь страдания Господа за грехи твои. При виде Креста время только молиться и плакать. Имей всегда в памяти бездну грехов своих и всегдашнюю повинность свою пред Божественным Правосудием» (Д 1: 287). Ему же в другой раз советует: «Когда изображаешь знамение креста на себе или на другом ком, или на другом чём – будь всегда мысленно, в сердце своём, ниже его и благоговей пред ним, как пред силой Божией, которая и тебя самого хранит, и даёт свою дивную и великую силу твоим слабым силам и прогоняет из души твоей или других сопротивные, враждебные силы и освящает всякого, кто с верой изображает или кто с верой принимает его от священника» (Д 1: 106). А обращаясь ко всем верующим, святой Иоанн предупреждает: «Крест во время молитвы лучше употреблять реже, но с собранной в сердце верой: бросать его как попало, без сознанья, грешно, как грешно употреблять "*всуе имя Божие*" ***(Исх. 20,7)***» (Д 1: 682).

С Крестом, с благоговейным совершением крестного знамения соединяется великая Божия сила (Д 1: 129). Если найдут страсти – ухватывайся с живой верой за Крест – «и страсти непременно утихнут. Так я, – говорит о себе Батюшка, – сегодня только вспомнил с искренностью при изображении крестного знамения, куда меня влечёт он, какие блага исходатайствовал мне, – и страсть, давящая и жгущая, прошла, Я вышел на свободу, как птица, избавленная от сети ловящих» (Д 1: 696).

Крест и неразрывно соединенное с ним крестное знамение имеют «многоразличный смысл». Они напоминают о том, «что Единородный Сын Божий душу Свою за нас положил на Кресте, чтобы искупить нас от греха и вечной смерти»; напоминают «каждому из нас об обязанности полагать душу свою по братии своей»; значит – напоминают и «о бесконечной любви Божией к нам и о долге нашей любви к Богу и между собой». Также напоминают о скоротечности – «ничтожестве всего временного, тленного и о величии благ, уготованных нам на Небе любовью Распятого за нас». Напоминают «о единстве всех христиан», как искуплённых Крестом; о всемогуществе Распятого, непрестанно свидетельствуемом непобедимою, непостижимою Божественною силою Честного и Животворящего Креста. Наконец, напоминают

«о несомненном исполнении всех обетований Искупителя… – постоянно Верный и Всемогущий ныне, будет таким же и в бесконечные веки» (Д 1: 234-235).

***

Много говорит святой Иоанн о святости, чудотворности икон, наполняющих храм Божий (см., напр., Д: 616), о том, что в ликах икон присутствуют «Сам Господь и Сама Пресвятая Богородица Своей благодатью» (Д 1: 321); что нельзя смущаться, а тем более пренебрегать даже такими иконами, которые не отличаются «художественностью или написаны не соответственно понятиям этих людей о лице изображённом» (Д 1: 118-119) и т.д. …Но, вероятно, будет достаточным привести обобщающие слова святого Пастыря: «Всякая икона в церкви безмолвно научает, без слов, говорит внятно сердцу христианина, как учёного, так и неучёного, безграмотного, духовному разуму и ведению и – спасению. Так икона каждого Святого научает, что и мы можем благодатью Божией сделаться святыми, если будем иметь веру и добрые дела и если будем непрестанно подвизаться против греха и искоренять его в себе. Икона Святого говорит, что он сделался другом Божиим, потому что возненавидел грех – и ты будешь другом Божиим, если победишь грех; что Святые сподобились обожения от Бога – и ты можешь достигнуть того же навеки, только всели в себя Бога» (М: 121).

***

Сильна молитва в храме перед святыми иконами. Не менее сильна она и перед другой великой святыней – перед святыми мощами Божиих Угодников. «Призываемые с верой и усердием Святые, пред Мощами их, – свидетельствует святой Иоанн, – скоро являются на помощь, то в чудесных знамениях от Мощей… то самим лицом своим духовным, из невидимого делающегося видимым… то в даровании помощи, мира, радости, утешения духовного. Примеры бесчисленны» (М: 181). «Как благоухают кости Святых! – восклица-

ет святой Пастырь. – Какие чудные ароматы Мощи Угодников Божиих! Сколь великое благо стяжать нетленную, благоухающую благодать Духа Святого и с ней жизнь вечную! Что мы гоняемся за тлением? Что возлюбили смрад грехов, страстей ядовитых?» (Д: 502).

***

С благоговением подобает относиться ко всем священным предметам, хранимым во святом храме. К ним относятся:

- святая Чаша (лобызать её надо при отсутствии в сердце всякой страсти. Д: 696);
- свечи и лампады («Видя свечи горящие и лампады в церкви, восходи мыслью от огня вещественного к невещественному огню Духа Святого» Д: 475);
- кадило (его благоухание напоминает: «...наши нерукотворённые храмы – души и тела – должны благоухать непрестанно благодатью Святого Духа и добродетелями» М: 48);
- колокола (гласы их поведают «всю славу Божию, славу любви Его к роду человеческому». Д: 156);
- просфоры («...изъемля частицы... помни, какая тесная связь между нами и Святыми, и умершими во Христе, и всех возлюби...» М: 83);
- облачения священнослужителей («Епитрахиль... есть символ благодати Божией, вся покрывающей». М: 127; «Орарь... – знамение молитвы». М: 123).

К священным предметам относятся и Богослужебные книги. О них святой Иоанн говорит: «Если вы хотите видеть во всём небесном свете образ православия нашей Церкви, прочитайте весь круг наших Богослужебных книг, и вы увидите, какое это чудное учреждение на земле, не человеческое, а Божественное!» (М: 94). Сюда относится, конечно, и Священное Писание – Новый Завет, закон Моисея, пророки и псалмы... Псалмы «как жилы и кости в теле... проходят во всём Богослужении, составляют его основу, связывают Ветхий Завет с Новым, ветхозаветное пение с новозаветным, пророческое с апостольским и святоотеческим» (М: 97).

***

В духовно-нравственной жизни человека большую роль играет образность или символика, выражаемая действиями или предметами. Она наглядно показывает весьма многое из духовного мира. Потому-то Божественный Учитель часто поучал притчами. Потому-то и в православном храме принято многое представлять взору молящихся образно. Отсюда – «поклоны, главопреклонения, падение ниц (мы пали глубоко чрез грех)» и проч.

Обряд стояния во время Богослужения означает, «что мы предстоим Царю царей, как рабы Его, готовые исполнять волю Его. Обряд сидения означает милость Господа к бдящим и ожидающим Его, Господа своего» (М: 109).

Коленопреклонение – имеет для себя основу, что Господь наш Иисус Христос *"поклонь колена, моляшеся" (Лк. 22, 41)* (М: 109).

Воздеваются священнослужителем руки перед престолом «в напоминание и изображение молитвы Богочеловека в Гефсиманском саду пред самым предательством Его Иудой и в изображение Голгофского распятия» (М: 184).

Крестные ходы выполняют миссионерскую задачу – призывают «благовествовать в руках с крестом о том, что „сего ради высокий Бог на землю сниде, да нас на небеса возведѣт" и что не должно привязываться ни к чему земному, что надо дорожить временем для приобретения вечности, очищать сердце своё от всякой скверны страстей и делать добрых дел как можно больше» (Д: 781).

Облачение означает «новую одежду… – одежду правды» (М: 109).

Короче, обрядность, образность «много влияет на душу человеческую, на творительную или деятельную её способность… Говорят, если мать во время чревоношения часто смотрит на лицо или образ любимого мужа, то младенец рождается очень похожим на отца, или если смотрит на портрет прекрасного дитяти, то у ней рождается прекрасный младенец; так если христианин часто, с любовью и благоговением взирает на образ Господа Иисуса Христа или Пречистой Его Матери и Святых его, то и его душа приемлет духовные черты любезно зримого

лица (кротости, смирения, милосердия, воздержания). О, если бы мы чаще взирали на лики и особенно на жизнь Господа и Святых Его, как бы мы изменились, восходили от силы в силу!» (Д: 581).

***

Богослужение Святой Православной Церкви есть не только славословие, благодарение и прошение, совершение спасительных Таинств, «но и училище веры и благочестия». Потому-то оно «составляет самую разнообразную, премудрую, живую и наиприятнейшую ткань Духа Божия: оно научает, просвещает, исправляет, очищает, врачует, обновляет, укрепляет, возвышает, оживляет, обожает, утешает и, вообще, чудно воспитывает благодатью Духа Святого души христианские во всякой добродетели, руководствуя их к вечной жизни и сообщая им дар сынотворения. В писаниях Ветхого и Нового Заветов, в священных чтениях и песнопениях, особенно в канонах и житиях Святых, Церковь представляет живые образцы всех добродетелей, которые радуют души слушателей и сильно располагают к подражанию» (М: 130-131).

Сила и секрет православного Богослужения «в том, чтобы молящиеся – и пастыри, и церковнослужители, и миряне – возвышались всегда до идеала христианской молитвы: молитвы горящей, всех объемлющей любовью; чтобы молящиеся горели любовью к Богу Триипостасному, к Богоматери, ко всем силам Ангельским, ко всем Святым, на Небеси со Христом царствующим, чтобы были в искреннем, молитвенном общении с ними; чтобы человек познал и возлюбил первоначальную и первообразную красоту Божию, красоту образа Божия в Богоматери, святых Ангелах небесных, во Святых и вообще в человеке, созданном по образу Божию, и старался освободиться чрез искреннее покаяние, от безобразия страстей… и украсил себя всякой добродетелью» (М: 204-205).

При Богослужении благодать обильно истекает и напояет души верных. «Воинствовать вместе лучше, сильнее, искуснее против невидимых врагов и против грехов, снедающих и губящих нас, нежели бороться одному» (М: 143).

Грех отчуждил человека от Бога, положил «крепкое средостение» между ним и Богом. «Чрез Богослужение мы вступаем в тесный союз с Богом, присвояемся Ему» (М: 93).

Православное Богослужение есть выражение всего христианства: здесь и в словах, и в действиях, и в лицах открывается «Божественная премудрость, доступная простым, верующим, любящим сердцам» (М: 98-99).

В Богослужении происходит теснейшее духовное единение всех молящихся – и клира, и народа. «Вот это единение, – замечает святой Пастырь, – нужно иметь постоянно в виду при Богослужении, к нему всех понуждать и поощрять. Ещё из Богослужения, из устройства его, – продолжает Батюшка, – видно, что священнослужители есть посредники между Богом и людьми по благодати, дару и власти Иисуса Христа, ходатайствующие о людях, приносящие пред Бога прошения, благодарения и славословие людей, их покаяние, – что они совершители Таин Божиих» (М: 114-115).

Святая Церковь в Богослужении «начертала главнейшие судьбы мира и человека» (М: 6) или судьбы «Церкви Божией, от начала мира… до наших дней, если взять во внимание прославление вновь Угодников Божиих и составленные им службы… Хотите знать… чудное, премудрое, всеблагое домостроительство нашего спасения во Христе Иисусе – проследите разумно и внимательно наше Богослужение» (М: 237-238). И изобразила она сие для того, «чтобы люди, – столь склонные к забвению Бога и спасения душ своих и всего того, что Бог сделал для нашего спасения, вечной радости и блаженства, – постоянно имели… пред глазами и как бы под руками все великие, премудрые и благие дела Божии касательно нас, непрестанно возбуждали себя к покаянию, исправлению и спасению и бегали суеты мира, тленного и скоропреходящего» (Д: 571).

Богослужение здесь, на земле, «есть приготовление к вседостойнейшему служению Богу на Небесах» (Д: 493), есть предначатие на земле жизни Небесной. «Мы на земле, – говорит святой Пастырь от лица священнослужителей, – предначинаем вечную жизнь (во святых Тайнах) и вечное славословие Творцу – Троице. Мы служители

Воскресшего и всех руководствуем к воскресению духовному и к блаженному воскресению тел в последний день мира. Получивши в удел такое служение, мы… должны попирать славу мира сего благопротивную, богатство неправедное» – тленное, преходящее – «презирать, довольствоваться тем, что Бог дал; благотворить сколько и кому можем» (М: 156-157).

Глубокие чувства внушаются Богослужением молящимся – благодарность Богу, взаимная «любовь друг к другу, кто бы другой ни был, и сознание наших бесчисленных согрешений, и непрестанное покаяние в них, с произношением часто молитвы мытаря в кратком виде: „Господи, помилуй!“» (М: 107).

Одним словом, в Богослужении Православной Церкви дано нам от Господа «бесценное благо» (М: 104).

Присутствовать за Богослужением подобает с чувством безусловной доверчивости. «Будь доверчив, – учит Батюшка, – как дитя по отношению к своим родителям. Помни, какие великие отцы, какие светила вселенские, Духом Святым озарённые, руководят тебя! Как дитя будь прост, доверчив, не сумнителен в деле Божием. Всю печаль возверзи на Господа, а сам будь совершенно беспечален» (Д: 276-277).

Великая польза Богослужения указует на его неотложную нужду. Это же указует и Сам Господь наш Иисус Христос Своим примером. Наш Спаситель Сам нередко воспевал «со Своими Учениками псалмы и песни духовные. После Тайной Вечери в горнице Иерусалимской, послужившей первой новозаветной церковью, Он Сам установил Таинство Причащения, а ранее – тайну Крещения, Сам крестившись от Иоанна, не имея нужды» (М: 98). А святой апостол Павел заповедует новопоставленному им епископу Тимофею *“творить молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки: за царя и за всех, иже во власти суть” (1 Тим. 2, 1-2)*. Это и «совершается доныне при всяком Богослужении» (М: 98).

Спрашивается: можно ли сокращать Богослужение и следует ли сожалеть, когда бывают сокращения? «Свари (вмести), – велит святой Пастырь, – в сердце то, что поют и читают. Когда вместишь и

сваришь хорошо это, тогда требуй большего, а если нет – нечего желать большего и беспокойно говорить всем, что служба коротка и много опускается. Немощь людей заставляет нас сокращать службу». Только монахи, укреплённые «постоянным Богослужением и молитвой», как правило, ничего не сокращают (Д 1: 90).

Святой Пастырь скорбит, что многие не ходят к Богослужению. Причину сего он видит в том, что они не знают богатства, величия, мудрости, сладости и животворности Богослужения, а когда узнают – никогда с ним не расстанутся – «так оно привлекательно, питательно для души» (М: 143-144).

Всех православных христиан Батюшка призывает быть внимательными к Богослужениям, сердечно принимать – «умом и сердцем» – ектении, молитвы, песнопения, а священнослужителей увещает достойно – и только достойно – совершать молитву, тем паче, что «благоговейный священник, (достойно) совершая службы, Таинства, молитвословия... приобретает для себя величайшее наслаждение и блаженство» (Д: 516). «Между тем, – замечает он, – что же делают многие из нас? – Совершают службу и Таинства, молитвословия неохотно, вяло, небрежно, торопливо, с пропусками, желая скорее кончить святое дело да поспешить на житейскую суету. Какое страшное обольщение и какой тяжкий грех! Невольно при этом вспоминаешь грозный глагол Господа нерадивым исполнителям Его дел: *"Проклят всяк творяй дело Господа с небрежением" **(Иер. 48, 10)***» (Д: 518).

Закончить размышления святого Пастыря о «дивном небоподобном Богослужении» можно, – вероятно, так лучше, – его же наставлением: *«"Бяху выну в церкви, хваляще и благословяще Бога" **(Лк. 24, 53)***. Вот урок для христиан, если они хотят быть искренними христианами! Они должны быть, как можно чаще, в церкви и хвалить, и благословлять Бога, – как и установила это Церковь, и как делают это истинные христиане, каждый день бывая в церкви на славословии Божием» (М: 201).

XIII. ЗЕМНОЙ «АНГЕЛ ГОСПОДА»

«Ты, иерей Божий, служитель Всевышнего Творца»
(Д 2: 72)

Священство – установление Божественное. Сам Бог через святительское руковозложение ставит священнослужителя. «Если ты его презираешь, – замечает святой Иоанн Кронштадтский, – то презираешь не его, а рукоположившего его Бога» (Д 1: 526). В день своей хиротонии он получает благодать Божию – великую, чудесную, прекрасную и спасительную (П: 88); становится её хранилищем. «Священство или вообще Святые – суть священные водоёмы, из которых благодатная вода сообщается прочим верующим» (Д: 323).

Кто такой священник? «Разве ты не знаешь, что такое священник? – вопрошает святой Пастырь и отвечает: – Ангел Господа» (Д 1: 526). «Но кто этот Ангел, предстоящий престолу Господню? Ибо Ангелам свойственно служить непрестанно Господу и предстоять престолу Его. Это ходатай о людях, носящий образ Ходатая, Богочеловека Иисуса Христа; это – один из человеков, поставленный на службу Богу ***(ср. Евр. 5, 1)***, как говорит апостол Павел, но его служение Ангельское. Он посредник между Богом и людьми, близкий друг Его, по слову Господа: "*Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам*" ***(Ин. 15, 14)***; это как бы бог для людей, со властью вязать и решить грехи человеков, священнодействовать для них Животворящие и Страшные Таины; это второй новозаветный Моисей, руководствующий сонм Божий по пустыне мира сего в землю обетованную; это Илия новозаветный, питающий братию свою Хлебом Небесным во время духовного глада греховного. Это – священник» (М: 106-107). Священник друг Божий и одновременно «слуга Божий, облечённый Его властью и силой (в покаянии); сила крестная – священническое благословение» (Д: 741). Бог Сам действует через него ради «спасения народа. Если для народа Он говорил чрез ослицу и Валаама, человека нечистого ***(Чис. 22)***, то тем более – чрез священника» (Д 1: 526). Священник – свидетель на Страшном Суде «пред

Спасителем о покаявшихся грешниках, что они раскаялись или не раскаялись в тех или других грехах, и покаявшиеся будут прощены. Но для чего Богу свидетели, когда Он всё знает Сам?.. – Богу не нужны, но нам они нужны; нам приятно будет видеть, как священники засвидетельствуют о нас, пред Ангелами и человеками, что мы покаялись в грехах своих, осуждали себя, выражали отвращение ко греху, принимали твердое намерение не грешить» (Д: 349).

Из сказанного нетрудно сделать вывод: звание священника высоко (М: 107). «Велика, спасительна и чудна благодать священника» – так сколько же «досточтим сан священника!» (П: 87). «Велик и прекрасен сан священника: он предстоит ежедневно престолу Божию на земле, как Ангелы на небесах: приносит Богу благодарственную жертву за всех Святых; ходатайствует о всём мире, за всех живых и умерших в вере и надежде воскресения, совершает пренебесные Таинства: Крещения, Миропомазания, Покаяния и проч.; непрестанно беседует с Богом, как доверенное лицо, славит, благодарит, умоляет Его, приносит Ему покаяние своё и верных, проповедует слово Его, обращает заблуждающихся, вразумляет, убеждает, утешает, наказует духовно» (М: 159). Священник – «едино со Христом и Спасителем – Богом (чрез Святые Таины)» (Д: 371). Обращаясь к самому священнику, святой Пастырь велит: «Помни величие своего служения… Вся жизнь твоя есть служение Богу, тогда как другие самым званием своим и привычками поставлены так, что жизнью своей служат тленному телу своему, а Богу уделяют из своей жизни – только самую ничтожную часть» (Д 1: 279).

Высота священного сана требует от священника подобных высоких качеств и определяет всё его спасительное служение.

«При нашем высоком служении Богу и человечеству, – учит святой Пастырь, – нам особенно нужно всегда гореть духовно» (Д: 194). «Ты представитель веры и Церкви, о иерей, ты представитель Самого Христа Господа; ты должен быть образцом кротости, чистоты, мужества, твёрдости, терпения возвышенного духа. Ты делаешь дело Божие, и ни пред кем не должен упадать духом, никому не должен льстить, раболепствовать, и считать дело своё выше всех дел человеческих»

(Д: 428-429). Как врач душ, священник должен быть сам «свободен от душевных недугов, т.е. от страстей, чтобы врачевать других; как пастырь должен быть упасён на пажитях злачных, евангельских и святоотеческих, чтобы знать, где пасти словесных овец; сам должен быть искусен в борьбе с мысленными волками, чтобы уметь прогонять их от стада Христова; должен быть искусен и силен в молитве, воздержании; не должен быть связан житейскими похотями и сластями, особенно любостяжанием, славолюбием, гордостью; словом, – должен быть сам светом, чтобы просвещать других, солью духовной, чтобы предохранять других от душевного растления и сам быть свободным от растления страстей. В противном случае ему всякий больной духовно может сказать: "*Врачу, исцелися сам*" ***(Лк. 4, 23)*** наперёд, а потом я дам тебе лечить меня» (Д: 426). Как «Ангел Господа Вседержителя» священник должен быть выше всех земных суетных пристрастий или страхов и «быть весь в Боге, Его одного любить и бояться. Боязнь человеческая означает, что он не прилепился к Богу всецело» (Д: 572).

Святой Иоанн чётко определяет задачу любого священника – приблизиться сердцем к Богу и искренно Его возлюбить, «Коему служит, – Божию Матерь, небесные благие Силы, всех Святых, коих просит молитв Бога о нас, коих прославляет и благодарит; далее приблизить к сердцу и возлюбить искренно всех живущих на земле, за коих молится, и в особенности своих по вере, также и умерших в вере и надежде воскресения, за коих приносит ежедневную жертву или молитву домашнюю или общественную» (М: 124). Православная Церковь есть лучший друг верного христианина – «священник должен быть носителем и выразителем её духа для всех мирян. Церковь есть наилучшая духовная нежнейшая мать наша – священник должен быть носителем и выразителем духа матерней любви к мирянам, почему и называется отцом. А их называет чадами» (М: 17-18).

Весьма важным в служении священника является проповедь. «Бесчинно поступают те пастыри, которые всё читают и читают слова и писания других, а сами ничего не говорят народу; они уподобляются бездонным сосудам, в которые сколько ни лей воды, она все поглощается этими сосудами и возврата её не дождёшься. Между

тем им необходимо было бы «отрыгать от сердца» своего и самим *"слово благо" (Ср.: Пс. 44, 1)* – в научение и назидание верующих. Итак, пастыри Христова стада, читайте да и сами говорите, сами пишите. Вы должны, как пчёлы, со всех произведений ума человеческого собирать мёд, то есть извлекать полезное и удобоснедомое для ваших овец» (Д 1: 425).

Много терпения и мудрости требуется в духовничестве. «При исповеди, – велит святой Пастырь, – не жалей себя, не торопись, не горячись, не озлобляйся на приходящих детей. Говори себе: это моё удовольствие – подробно исповедывать моих духовных детей, овец Господа моего. Этим я приношу приятнейшую жертву Господу моему, положившему за нас душу Свою, и приношу великую пользу самим духовным чадам, да и себе, потому что добровольно исполняю своё важное дело и имею спокойную совесть» (Х: 234). То же необходимо и во время посещения больных. «Не скорби и не досадуй по лености и суетности мирской, – учит Батюшка, – когда тебя приглашают часто к больным со Святыми Дарами – для причащения Святых Таин, но радуйся и благодари Бога, что тебе Он посылает случай послужить ближнему – и иди к больному тем охотнее, что несёшь ему неоценимый дар – Самого Господа в Его Пречистых Таинах; помяни, какое благо чудное эти Святые Таины для тебя, частого причастника, как они для тебя животворны, необходимы, и значит, как они спасительны, утешительны для больного человека. Спеши к больным с радостью, как спешишь к добрым и гостеприимным людям» (П: 91). При встрече со страждущими, печальными должно стараться «утешением веры обратить ложе печали страдальца-христианина в ложе радости», суметь «сделать его из несчастнейшего, по его мнению, человека, человеком счастливейшим в мире» (Д: 67).

Священник – апостол в своём приходе, и потому ему должно «ходить по домам», благовествовать Царствие Божие, невежд наставлять, нерадивых и беспечных возбуждать к христианской жизни, благочестивых – ободрять и поощрять (Д: 781).

Особое служение священника – это совершение Божественной Литургии.

Литургия есть наглядное изображение в различных действиях всей земной жизни Христа Спасителя – от пророчеств о Нём до славного воскресения и вознесения. Но самое главное то, что «во время Литургии Он Сам невидимо присутствует. Сам действует и всё совершает чрез священника и диакона, которые только орудия Его» (Х: 222). Какая же требуется возвышенность души, отрешённость её от всего житейского и искренность сердца, чтобы быть «орудием» в самих руках Спасителя?! «Когда идёшь служить Литургию, – учит Батюшка, – справься предварительно: владеешь ли ты своим сердцем, можешь ли ты свободно обращать его в молитве? Не овладел ли им враг? Худо, если владеет, поселившийся в нём; если не выгонишь его, то, верно, недостойно совершишь Литургию и причастишься Животворящих Таин в суд и муку себе» (Д 1: 205). «Где, – вопрошает святой Пастырь, – найти такого достойного иерея, который бы, подобно Серафиму, горел духом, любовью, славословием, благодарением пред Господом за такие чудеса Его, к нам и в нас, благости и премудрости?» (Х: 221). И даже о себе он свидетельствует: «Я первый из грешных недостойно совершаю это пренебесное Таинство, ибо имею всегда нечистое сердце, связанное похотями и сластями. Господи, Ты зриши глубины сердец наших… „Аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно, и аще праведнаго спасеши, ничтоже велие, но на мне грешнем удиви милость Твою“ *(святой Иоанн Дамаскин)*» (221-222).

С Литургией – центральным Богослужением – тесно связаны и требы. При их совершении также требуется благоговейная осторожность. «Везде, – учит святой Иоанн, – где ты служишь молебен или другую какую требу совершаешь – Господь тут посреди вас, непременно, неотложно. Как же должно осторожно вести себя при всех требах!» (Д 1: 311). Нельзя их совершать, если в сердце вкралась страсть. «В состоянии страсти не совершай, – требует отец Иоанн, – ни одной требы: ты будешь богопротивно совершать Божественное дело, в суд себе… Когда в сердце страсть, тогда нет в нём Духа Божия, нет тогда достойного служения Богу» (Д 1: 611).

Господь даёт священнику вместе с благодатью и власть, «силу Свою, самим обновиться и просветиться, и укрепиться в новом

житии – и других обновлять, освящать, руководить со властью Божией, со властью духовной» (П: 85-86). «Укажу тебе, – беседует Батюшка с мирянином, – на власть вязать и решать, данную мне Господом ***(Ср.: Мф. 18, 18)***; не хвалюсь этой властью, но скажу тебе, что могу я сделать с тобой данной мне на созидание, а не на разорение, этой властью. Я свяжу твою душу – и ты "*стеня и трясыйся будеши на земли*" ***(Быт. 4, 12)*** весь век свой, если не обратишься от пути своего лукавого; мало того: если умрёшь, не разрешённый мной, то отойдёшь связанным и в тот век. Да, я свяжу тебя на земле, и ты будешь связан и на небе; если разрешу на земле, будешь разрешен и на небе» (Д 1: 356-357).

Обращает внимание святой Пастырь и на негативные явления, могущие быть в священническом служении. «Камень претыкания для иного священника, – говорит он, – приглашение со стороны прихожан со Святыми Таинами к больному человеку, особенно к бедному, да ещё часто приглашающему: иерей смущается, раздражается, иногда приказывает привезти его в церковь, ленясь ходить к нему в жилище его убогое. Между тем, по Евангелию, священнику надо усердно желать послужить охотно больному или бедному, искать случая послужить ближнему с радостью, как Самому Христу… Отчего происходит такое поведение священника? От его самолюбия, гордости, плотоугодия, самоугодия, сытости, любостяжания, корыстолюбия, лицеприятия, лености, духовного несмыслия. Должно немедленно покаяться в такой апатии, в таком несочувствии к лицу ближнего и к делу пастырских обязанностей – и заставить себя всегда служить охотно, с усердием и радостью» (П: 90). Или другое искушение: «Когда мы в церкви служим, тогда мы благоговейно служим; когда же в простых домах и у простых людей служим – небрежно, торопливо и бессердечно служим, как будто не Тот же Бог Сердцеведец, великий и страшный и в церкви, и на всяком месте. Исправимся и будем везде искренни и благоговейны» (Д 2: 6). Опасным пороком является также богатство, особенно, если оно не растворено «елеем милостыни». «Богатые священники, получающие щедрое вознаграждение за свои труды молитвенные… должны подавать богатую

милостыню, да не осуждены будут с Иудою предателем, продавшим за сребреники Господа Славы» (Д: 477-478).

И уж совсем недопустимы для священника плотские наслаждения. «О! – восклицает святой Пастырь. – Как должен священник удаляться от плотских наслаждений, да не соделается плотью, в которой не пребывает Дух Божий… Сердце, любящее плотские удовольствия, не верно Господу» (Д: 323, 324). В той же мере недостойно и раболепство священника пред людьми – сильными мира сего (М: 132).

Всё своё служение священник должен совершать спокойно, неторопливо, тепло. Святой Иоанн учит: «Служи все службы и совершай Таинства с крайним спокойствием. Смущение и боязнь означают уже расстройство душевных сил, а Богу надо служить благоустроенной, мирной душой» (Д 1: 275). «Не торопись ни в чём; закон действий Божиих – постепенность, медленность: и за то – дивная твёрдость! Диавол тороплив, потому что не имеет в себе покоя и поспешностью склоняет ко всякому греху; потому что в поспешности нет премудрости» (Д 1: 75). Очень ценна теплота чувства – «нежность сердца» священника как при совершении Богослужения, так и при общении с пасомыми. «Надобно, чтоб каждое слово вылетало, окружённое… тёплой, сердечной атмосферой, – для того, чтобы оно удобно дошло до сердец людей, среди которых мы, – говорит от лица священнослужителей Батюшка, – действуем: сердца, как средоточие жизни – теплы и любят теплоту, потому холодное слово, не от сердца сказанное, не доходит до сердца, а сказанное от сердца к сердцу и идёт. На это должен обратить внимание всякий священник, диакон, причетник, особенно – священник» (Д 1: 705-706).

Девиз священника: "*Се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом*" ***(Мф. 19, 27; Мк. 10, 28)*** (Д 1: 11).

Наконец, самое главное в наставлениях отца Иоанна священнику: покажи «на деле, что ты сам первый слушаешься повелений Господних… Смотри… как ты исполнишь Божию заповедь – так и они… У разумных овец есть какое-то чутьё: исполняет пастырь сам то, о чём проповедует или нет» (Д 1: 34).

Господи! Умножь число земных Ангелов!

XIV. ЧЕЛОВЕК

«Помни, что человек великое, дорогое существо у Бога, но это великое создание, по падении в грех, есть немощное создание, подверженное тысячам слабостей; люби его, почитай его, но и вместе переноси его немощи»

(М 2: 424)

Человек – лучшее создание Божие, прекраснейшее, драгоценнейшее, чудесное, некая «престройная… и великолепная пальма» (Д: 393, 511).

Созданный «по образу Первой Вины», человек есть «святыня», храм Божий, селение Божие (Д 1: 462, 258, 23). «Кто построил себе дом, тот, по всему праву, и жить должен в нём» (Д: 465). «Размышляй чаще: Кто предписал законы твоей мысли, и она доселе следует им – у всех людей? Кто начертал на сердцах всех людей закон совести, и она доселе у всех людей добро награждает, а зло наказывает?.. Зачем мне ходить далеко искать следов Твоей благости, Твоей премудрости и Твоего всемогущества? Ах! Следы эти так явственно видны во мне! Я, я чудо Божией благости, премудрости и всемогущества. Я – в малом виде – целый мир» (Д 1: 442).

Наделённый образом Божиим и возможностью бессмертия, человек явился «дыханием уст Божиих» (Д: 567), «как бы другом Божиим и сыном Божиим» (М: 203). Но больше всего привлекает внимание в человеке, вызывает благоговение и благодарение это то, «что он может уподобляться своему Создателю – Богу, что он предназначен к бессмертию, к вечному блаженству в Боге и с Богом, что он некогда просветится, как солнце, в Царствии Отца своего Небесного!» (Д: 511-512).

Поистине назначение человека великое – всеблаженное. «Ты, – обращается к каждому из нас Праведник, – после подвигов очищения от греха и по освящении благодатью Святого Духа, имеешь наследовать вечную жизнь в Боге и с Богом; причащаясь святыни Его,

неизреченного блаженства Его, неизглаголанной красоты и сладости Его, заступишь место отпадших ангелов. Не забывай своего назначения и всеми силами стремись к побеждению греха и к достижению правды и святыни в сердце и во всём житии; да и других к тому же побуждай усердно, а Бог готов помогать тебе» (М: 222).

Цель нашей жизни – найти невидимого, но рядом с нами пребывающего Бога, осязать Его, соединиться с Ним. В этом и состоит «верх нашего блаженства на земле, потому что Бог весь – Блаженство. Кто нашёл Бога, кто испытывает постоянно Его животворное к себе прикосновение, тот ни на что на свете не променяет счастья иметь Его в сердце своём и ищет всячески случаев, в которых Невидимый соприкасается с нашим духом» (Д 1: 607, 502).

Ещё в Ветхом Завете Псалмопевец воспевал: *"Мне же прилепляти́ся Богови́ благо есть" (Пс. 72, 28)*. То же подтверждают и другие благочестивые люди. «То же – и я грешный, – говорит о себе Батюшка. – Заметьте: ещё здесь – на земле, *прилепляться Богу благо*, хорошо… Как ни благо будет соединиться с Богом там – на небе? А блаженство прилепления Богу здесь – на земле, есть образчик и залог блаженного прилепления Богу после смерти в вечности. Видишь, как благ, милосерд, истинен Творец: чтобы уверить тебя в будущем блаженстве, происходящем от соединения с Ним, Он даёт тебе испытывать начаток этого блаженства здесь – на земле, когда ты искренно приступаешь к Нему. Да, невидимая душа моя, действительно, ещё здесь упокоевается в невидимом Боге, значит, тем больше, по отрешении от тела, она упокоится в Нём» (Д 1: 627).

Образ стремится к Первообразу, как подобное к Подобному, и в Нём находит своё призвание (Д 1: 63).

***

Человек состоит из тела и души – и одно, и другое есть творение Божие. «Вы привыкли смотреть на тело своё как на свою неотъемлемую собственность, но это крайне несправедливо; помните, что ваше тело – Божие здание» (Д 1: 519).

«Ничтожная паутина» для Бога мир, а между тем он сотворён премудро – «всё премудрость, в каждой точке вещества» (Д: 339). Премудро сотворено и тело человека. «Благодаришь ли ты Премудрого, Всеблагого Благодетеля за то, – спрашивает святой Пастырь, – что он подарил тебе твоё прекрасное, премудро, всемогуще устроенное тело? Благодаришь ли ты Его ещё за чистые, величайшие наслаждения ума и сердца, за их стройную, услаждающую земную жизнь твою, деятельность? Благодари» (Д 1: 89-90).

Для тела нужно немного, но требуется им много. «Грешное тело моё! Как немного нужно для тебя, чтобы напитать тебя, прилично прикрыть наготу твою, защитить тебя кровом от непостоянства стихий – и как многого ты требуешь!» (Д 1: 602). Сколько внимания уделяет ему человек! Какое большое значение придаёт ему (Д 1: 241). А ведь оно земля и в землю уйдёт. «Оно тлеет… обращается в… землю, песок. Что бывает с твоим зрением, с твоим слухом – с этими великанами между чувствами твоего тела, на которых так много ты основываешься в познании предметов мира вещественного? Они становятся часто ничто по выходе души из тела, как всякая земля» (Д 1: 241). Но это «ничто» призвано к высочайшей цели – к воскресению, и потому его должно сохранять в чистоте и святости. «Будущего воскресения тел, – учит Батюшка, – ожидай как самого обыкновенного события. Род наш и в начале был создан бессмертным и, если бы не оказал преслушания *"Начальнику жизни"* ***(Деян. 3, 15)*** и не внёс семян смерти в свою душу и тело в начале, то был бы бессмертен и по душе, и по телу. Но ныне по благодати искупления путь к бессмертию и вечной славе пролегает чрез долину смертную, за которой несомненно блещет несказанный свет бессмертия вечного» (Д 1: 119-120).

***

На вопрос: «Что такое душа?» – святой Иоанн отвечает: «Это – дух животворящий для тела, это некоторым образом творец или художник тела, как Животворящий Дух Бога Всемогущего есть Творец и Художник всего» (Д 1: 241). Душа есть «Божественное начало»

(Д: 691). Все люди – Божии дыхания, и «человеческие духи» именуются душами, «потому что сии произошли от дыхания Божественного и дышут Богом. "Святым Духом, – сказано, – всяка душа живится и чистотою возвышается" (Степ. 4 гл., антиф. 1 „слава")» (Д: 176). Душа наша – это «отражение лица Божия; чем яснее, больше это отражение, тем она светлее, покойнее, чем меньше – тем темнее, беспокойнее» (Д: 88). Она – сила свободная, ибо «может сделаться или доброй, или злой силой, смотря по тому, какое ты сам дашь ей направление» (Д: 341-342). По своей природе она невидима (Д 1: 266) и бессмертна (Д 1: 569). «Тлеет от времени… одежда тела: одна душа наша вечна; одни дела её, добрые или злые – вечны» (Д 1: 592-593).

Святой Иоанн описывает свойства души в первобытном состоянии человека и после грехопадения. Творец даровал ей высочайшие достоинства и честь: «Ей были врождены святость и свет, правота, простота, благость, кротость, смирение, незлобие, духовность, бодрость, молитва, любовь к Богу пламенная; Бог Сам обитал в первых человеках до их постыдного и пагубного падения; Дух Святый украшал их, просвещал, утешал. Чрез падение душа совершенно изменилась: стала грешна, мрачна, лукава, самолюбива, а не Боголюбива, плотоугодлива, горда, зла, завистлива, непослушна, нелюбовна, корыстолюбива, блудлива. Но ей предоставлено покаяние, как обольщенной, окраденной от павшего человекоубийцы диавола: и она может светло восстать от своего падения благодатью и щедротами Божиими» (П: 91-92).

Какая великая благость Божия проявилась в создании души! «О! – восклицает святой Пастырь, – как высоко, велико, важно в нас то, что по образу Божию, т.е. душа», ради которой воплотился Сын Божий, существует видимый мир с его разнообразием, множество событий Ветхого и Нового Заветов – древних и последних. «Что Творец мог дать больше творению Своему того, что Он дал ему, сотворив его по образу?» (М: 202). «Душа моя! – снова восклицает святой Иоанн. – Помни своё небесное достоинство и не возмущайся из-за вещей тленных и ничтожных. Уважай и в других людях небесное их достоинство и из-за чего-либо тленного не дерзай оскорблять или

ненавидеть их. Всей силой возлюби духовное и небесное и презирай вещественное, земное» (Д: 133-134).

Чрез душу сияет свет Умного Солнца – Бога. «Я, – говорит отец Иоанн, – замечаю, как входит и сияет мысленное Солнце – Бог в душе моей, ибо тогда мне бывает легко, и тепло, и светло, и как удаляется из нее – оставляет её во мраке и страданиях». Как в окружающей нас природе причиной темноты служит закат солнца, так и в природе духовной вслед за уходом Мысленного Солнца душу охватывает окаянная тьма. И надо опасаться, чтобы тьма не объяла нас совершенно (Д: 132-133).

Душа может жить настоящей жизнью только тогда, когда в ней дышит Дух Божий (Д 1: 363). Она и называется душой потому, что «дышит Духом Божиим, т.е. она так называется от Духа Животворящего» (Д: 740). Для души Святой Дух – воздух, а Спаситель – животворящая пища – «впрочем, нераздельно». А Бог Отец чрез Сына и Духа Святого «действует начально и благоволительно, как Их Начало и Вина» (Д: 649). Есть истинная пища для души и в Церкви. Это: Божие слово, Таинства, Богослужение – чтение, пение, священные обряды…» «В мире вы, – учит нас святой Пастырь, – питаетесь постоянно только тлением: ваше зрение, ваш слух, вкус, обоняние, осязание, разум, память, представление, воображение, все чувства питаются тлением. В Церкви всё нетленно» (М: 19).

От того или иного направления – возвышения горе́ – к Богу, или ниспускания в вещественность – и состояние души бывает разное. «Иногда душу нашу окружает и проникает дыхание лёгкое, приятное, согревающее, оживляющее – чувствуешь себя легко, спокойно; а иногда прикасается к сердцу дыхание тяжёлое, убийственное, сопровождающееся совершенным мраком душевным. Первое – от Духа Божия, второе – от диавола. Нужно привыкать ко всему: как в первом случае не зазнаваться, так и в последнем – не упадать духом, не приходить в отчаяние, но усердно прибегать к Богу» (Д: 281).

Непременная обязанность души – служить Богу – «Существу высочайшему, всесовершенному, от Которого она получила: жизнь, дыхание, ум, свободную волю, сердце; в этом её жизнь, её совершенство,

её сила, наслаждение, блаженство. В противном случае, она будет служить духу злобы и лукавства или своим похотям и страстям, ибо она не может оставаться в бездействии, как существо духовное, деятельное, и будет служить на погибель себе, на уродование себя, на вечное мучение себе» (М: 50). Потеряв веру в Бога и любовь к Нему как своему источнику, душа духовно умирает – «что для растения – земля, то для души – Бог» (Д 1: 260-261). Посему – «или Богу служи, или, если не хочешь сего, будешь неизбежно служить греху: диавол не дремлет» (М: 50). Слушай, душа: Господь высоко поднял тебя и удостоил тебя Своей величайшей любви – обручил с Собой «обручением нетленным, духовным, непорочным, вечным, блаженным, и ты должна пребыть Ему верной всякий день и час, до последнего издыхания твоего на земле; а там, в вечности, ты пребудешь во веки безопасна и неотпадна, неотступна. Век здешний короток, им искупается вечность. Не дремли, не расслабевай, не изменяй Богу, не оскверняйся страстями земными, плотскими. Молись, постись, твори дела благие» – светись добродетелями (П: 92). Если же душа не светла добродетелью и лицо – внутренним светом, «что – в светлой и богатой одежде?» (Д 1: 263).

Так как уязвиться грехом душе можно «во мгновение ока» – от нехорошего помысла, от страстного пожелания, – то должно постоянно стоять «на страже сердца», дабы не уклониться «в словеса или помышления лукавства», но дабы пребывать «всегда в простоте и чистоте Божией, в любви Бога и ближнего» (Д: 424).

Забота о душе должна быть особая. Святой Иоанн спрашивает: «Обращаете ли достаточное внимание на состояние своей души: здорова ли она и, поколику она жива, прочна ли её жизнь, и если благополучна здешняя временная жизнь, то обеспечена ли чем-либо вечная жизнь, вечное благополучие, – например, верой, – есть ли в душе твоей вера живая в Бога, в Спасителя, в Церковь, – делами добрыми, кротостью, смирением, незлобием, правдолюбием и честностью, воздержанием, целомудрием, милосердием, терпением, покорностью, трудолюбием и проч.? В противном случае, вся работа твоя суетна» (Д: 422). Необходимо хранить себя не только от всякого греха, но и от всего того, что может вызвать грех: «Не смотреть

с пристрастием на чужую красоту», наряды, богатые доходы, убранства домов, «на чужие сокровища и богатство» – всё это прах и прахом пойдёт, а чистота души может быть загублена; гнать злопамятство, нехорошее воображение, рисующее грех в привлекательном виде; не смотреть на нескромные картины и статуи; не читать соблазнительных книг; удаляться от легкомысленных собраний, «где грех ни во что вменяется» – вообще хранить себя от поводов ко греху. «Почему? – Потому, что драгоценна душа человеческая для Бога, Который не пощадил для её спасения Сына Своего, она дороже всего мира» (П: 147-148). И еще: подобает молиться о спасении души. «Кто искренно наблюдает за собой, тот замечает непрестанно, что душа наша погибает в грехах различных; замечает и усердно воздыхает и молится ко Господу о спасении душ, искуплённых бесценной кровью Христовой» (Д: 510). Душа благочестивого человека исполнена духовным богатством. «Вот где истинное сокровище. Оно совсем не то, которым дорожит свет» (Д: 740-741).

Душа чистая не только не нуждается в каких-либо доказательствах бытия Божия, но сама ощущает сие Бытие и, более того, – как часть мира духовного – является свидетелем сего Бытия. «Невидимый, всеисполняющий Бог часто и ощутительно касается невидимой души моей, которая от его прикосновения вкушает чудное спокойствие и небесную радость. Не глаза передают мне весть о моём Боге… не слух только посредством слов и звуков голоса доносит до меня вещание о Непостижимом, но сама душа… сраствоpяется с Богом» (Д: 93). «С каждой мыслью доброй или недоброй, желанием, намерением, словом или делом происходят соответствующие перемены в сердце – спокойствие или беспокойство, радости или скорби – и это вследствие действия на неё Бога духов и всякия плоти, Который отражается в благочестивой душе, как солнце в капле воды; чем чище эта капля, тем лучше, яснее отражение» (Д: 73).

Между душами, живущими на земле и ушедшими в мир Иной, существует общение. «Есть какое-то средство сообщения наших душ между собой, кроме телесных чувств» (Д: 108). «Между душами человеческими находится слишком тесная внутренняя связь и сообщение.

Поэтому-то добрые, благочестивые, сердечные расположения сообщительны душам других, особенно же добрые дела» (Д: 189). Основу для такой связи святой Иоанн видит в том, что «Бог и сотворённые духи и души усопших людей, как и живых, – суть существа мысленные, а мысль быстра и некоторым образом вездесуща. Помысли от всего сердца о них, и они присущи тебе, – Бог всегда и необходимо, а другие – по дару и власти Божией» (Д: 662).

Сказав о душе и теле, святой Пастырь проводит параллели: «Таинства – тело и душа, обряды – тело и душа, слово – тело и душа, молитва – тело и душа – все в параллели с телом и душой человека. Как же некоторые хотят, чтобы не было обрядов, или форм Таинств, или внешнего Богослужения? Они отнимают тело у человека» (Д 1: 157).

Отводя подобающее место телу, святой Иоанн предпочитает ему душу: «Не на лицо телесное засматривайся, а смотри пристальнее внутренним оком на лицо души своей, каково оно: не обезобразили ли его страсти; истребляй это безобразие молитвой и слёзным покаянием. Не на одежду красивую засматривайся: она – тлен, а на одеяние нетленное души своей, каково оно: не гнусно ли и нечисто по причине частых грехопадений, тайных и явных, и стяжи одежду души в нетленной красоте кротости, смирения, целомудрия и чистоты, милосердия, правды» (Д: 572-573).

***

Душа человека, по слову святого Иоанна, «находится в самой середине его существа – в сердце, почему и называется часто душа сердцем, а сердце – душой» (Д: 95). Сердце наше есть «седалище нашей души» (Д 1:26). В нём средоточие нашей жизни, или сама жизнь наша (Д 1: 381).

В плане духовной жизни – сердце является барометром, показывающим наше возвышение или падение. «Его можно назвать и компасом, коим мы руководимся в плавании по морю этой жизни. Он показывает, куда мы идём: к востоку ли духовному – Христу или

к западу – к темной державе имущего державу смерти – диаволу. Только смотри со вниманием на этот компас – не обманет и укажет истинный путь» (Д: 150).

Святой Иоанн прилагает к сердцу разные названия, показывающие его многогранность:

- «Сердце – око человека; если это *око просто* и чисто, всему человеку светло ***(Мф. 6, 22)***: он ходит *во свете* ***(1 Ин. 1, 7)*** – все вещи видит в надлежащем их свете и значении, употребляет их сообразно с их значением; всех людей видит также в надлежащем свете и свои отношения к ним имеет или старается иметь всегда правильные» (Д 1: 346).
- «Сердце – термометр: если тепло верой и любовью, значит – Бог в нём; если холодно по причине маловерия и недостатка любви – нет Бога; сердце определяет степень приближения и удаления нашего от Бога» (Д 1: 398).
- «Сердце – герольд». Оно даёт «знать, в какой момент молитва угодна Богу и в какой – нет» (Д 1: 392).
- «Сердце человека – сущность его, а прочее всё – вид его» (Д 1: 245); оно – главное в человеке, «самый человек. Потому кто не молится или не служит Богу сердцем – тот всё равно, что вовсе не молится. Потому что тогда молится тело его, которое само по себе, без души – то же, что земля» (Д 1: 424).

Сердцу усваивается разумение, «как главному в нашей природе» (Д 1: 656) – оно «важнее ума» (Д 1: 729).

Но в нём же могут действовать две противоположные силы: одна – Свет и Жизнь, другая – мрак и смерть. «Потому, Боголюбец, если ты иногда замечаешь в уме и сердце крайний мрак, скорбь, тоску и тесноту, и неверие как силу, крепко противящуюся вере Божией, тогда знай, что в тебе сила, враждебная Христу, – диавол… Но этим-то она и доказывает, что есть противная ей, державная сила Христа – Бога, к которой она не допускает нас чрез мерзость неверия» (Д 1: 46). «Сердце – это сокровищница человека, в которой заключается доброе или худое богатство человека. Хорошо, если она наполнена добром: в таком случае "*человек от благаго сокровища сердца*

*своего износит благое" **(Лк. 6, 45)*** на пользу и спасение других; но горе, если в ней – только зло: в этом случае "*человек от злаго сокровища своего износит злое" **(Лк. 6, 45)*** во вред и погибель других» (Д 1: 487-488).

При наличии блага и зла первейшая задача человека – «очистить своё сердце», дабы «соединиться чистым сердцем с Господом» (Д 1: 498). «Сердце своё, братья, очищайте всю жизнь вашу, чтобы оно, или – душа ваша, было способно потом зреть Бога» (Д 1: 523). Наше сердце – это заросшее сорной травой поле и потому не могущее произрастить жизненной пшеницы – «плодов веры и добродетели». Надо постоянно вырывать сорняки и непрестанно «очищать сердце» вниманием к своим мыслям, «самоиспытанием, самоосуждением, самоудручением, самобичеванием, слезами, упражнением во всякой добродетели, особенно в молитве усердной – день и ночь, чтением Священного Писания, пением псалмов, писаний святых Отцов. Святые всю жизнь трудились над очищением сердца и очистились от всякой скверны и сделались храмами Святого Духа, и благоухают самые тела их нетлением и ароматами Духа Святого. Что же ты спишь, душа моя, и не очищаешь себя на всякий день? Воспряни, делай даже до конца» (П: 63). Помни, человек, что тебе следует «употребить все усилия, чтобы с верой призывать Христа Спасителя» (Д 1: 46), чтобы сердце твоё было занято Им Одним – твоим истинным покоем (Д 1: 265). «Помни также, что связи сердца с миром и его похотью время от времени крепнут всё больше и больше. Не пропускай времени к разорванию их. Пропустишь: наготовишь себе бездну труда и изнуришь себя бесполезно» (Д 1: 265).

Следить за своим сердцем, присматриваться и прислушиваться, что препятствует его соединению с Богом, наука нелегкая – «наука наук», – но при помощи Божией её можно познать (Д 1: 400-401). «Труден подвиг очищать сердце, потому что соединён с большими лишениями и скорбями, зато награда велика. "*Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят" **(Мф. 5, 8)***» (Д: 464).

***

Всё плохое, что может быть в человеке, соединяется в одном понятии – плотской или ветхий человек, а доброе – в понятии, духовный или новый человек:

«В человеке-христианине живут совместно и борются два человека: ветхий – Адамов и новый – Христов, или лучше – два направления ума, сердца и воли: земное, греховное, страстное, смертное, а другое – небесное, святое, мирное и животворное; разумное и мудрое и – безумное или глупое; целесообразное и – чуждое всякой благой цели; сообразное с волей Творца и Его благами, премудрыми намерениями и – совершенно противное им, а угодное только злым и лукавым, гибельным намерениям диавола» (П: 40).

«Плотский человек свободу христианскую считает неволей, например: хождение к Богослужению, посты, говенье, исповедание, причащение, все Таинства, а не знает того, что всё это есть требование его природы, необходимость для его духа» (Д: 242).

«Духовный человек погружается умом и сердцем в Бога и в Нём находит сокровище знаний и премудрости, "*правды, мира и радости о Дусе Святе*" ***(Рим. 14, 17)***» (Д: 741).

***

«О, честнейшее, долженствующее быть неприкосновенным ни для чего нечистого, создание Божие, как образ Самого Бога, досточтимый храм Самого Бога! Да бежат от нас все скверные, лукавые и хульные помыслы и помыслы сомнений. Мы – Божии чада; мы – святы во Христе; да держим, да храним сердце своё во святыни; нас, как одушевлённых Божиих кивотов, наших помыслов и сердец, да никако же коснется рука скверных и лукавых духов! Вочеловечивыйся нас ради Слове Божий и Боже! Сохрани нас во Твоей святыни! Святейшая Глава наша! Не предай сердца наша и телеса наша скверному велиару, да не сквернит их помыслами, но пребуди присно с нами и соблюди нас чистыми и непорочными. Даждь нам, Господи, всегда

имети с Тобой, Пребожественной Главой нашей, живую связь, яко членам тела Твоего, – связь в мыслях сердечных, в молитве и в делах. Отпадение от Тебя сердец наших есть тьма и смерть, Господи, есть скорбь и теснота, стыд и уничижение, и мерзость духовная, с Тобой же нам свет, жизнь, мир, радость, простор сердцу, дерзновение и величие, и святыня» (Д: 393).

«Помоги, Владыко Господи!» (М: 222).

XV. ГРЕХИ, БОРЬБА С НИМИ

> «Как противен грех, какой бы то ни был, Всесвятому Господу! Это – мерзость, которая разлучает от Него душу согрешающую»
>
> *(Д 2: 91)*

В нашей суетной жизни нередко бывает так, что мы мало обращаем внимания на совершаемые нами грехи, а подчас и вовсе не придаём им какого-либо значения. Все, мол, грешим и потому грех как будто бы явление естественное и ничего страшного в нём нет. Не так смотрит на грех Великий Праведник, святой Иоанн Кронштадтский. «Никто да не думает, что грех есть нечто маловажное; нет, грех страшное зло, убивающее душу ныне и в будущем веке» (Д: 102). Это зло «и духовное и телесное» (Д 1: 214), болезнь души (Д: 505), злокачественная, застарелая, которая «может на веки бесконечные погубить душу бессмертную, если оставить без врачевания» (П: 54). Это проказа, поражающая наше сердце (Д 1: 340), моль для него (Д 1: 206). Грех есть «тьма – адская тьма!» (М: 54) – измена Богу. «Каждый день изменяю я Господу Богу моему, – говорит от лица каждого из нас святой Пастырь, – и бываю неверен Ему в помыслах, чувствах, вожделениях, в словах и делах. Где строгость к себе? Где уважение, благогове-

ние к закону Божию? Где соблюдение во святости сердца своего? О, кто даст очесам моим источник слёз, да плачу день и нощь о грехах моих!» (П: 12). Грех – это дыхание и наука падших духов, измысливших её и создавших «по злобе своей на Бога и по зависти к человеку», сотворённому по Божию образу (П: 10-11). Это их старая и безумная песнь, но люди прислушиваются к ней, подпевают им «в унисон, скачут и пляшут» по их «дудочке и уродуют себя на все манеры, безобразят, губят себя, Господа прогневляют. От чего это безобразие, это бессмыслие? От неверия, духовного невежества, невнимания к себе, самоволия, самолюбия, плотоугодия, гордости ума» (П: 14-15). Это диавольский сор, забивающий душу» (Д: 215), мерзость его (Д 1: 316), в которую вовлекает он обманом. «Чрез обман он усыпляет людей и не даёт им видеть вещей в настоящем их виде: диавольское покрывало лежит на весьма многом» (Д 1: 690). «Грех – величайший и единственный злодей: он разлучает нас от Бога, Источника жизни, лишает душу мира и всех благ духовных и ввергает её во всякое зло. Он один – всякая мука наша, вся погибель наша» (Д 1: 279). Это наша величайшая ежедневная беда (Д: 389).

Итак, грех есть величайшее зло и величайшая глупость, ибо противится заповедям Божиим, а они – «премудры, святы, благодетельны и животворны». Грех есть лишение Божественного, Животворящего света; есть «величайший прелестник и насильник, ибо не имеет в себе никакой правды и истины» – берёт в плен человека лестью и насилием. «Грех – величайший мятежник и тиран лютейший, и убийца душ и телес» (П: 14). Грех – это восстание против Творца и его премудрых, вечно живых законов бытия и блаженства. «Что же сделал бы земной царь, как бы наказал такого подданного, который стал бы открыто восставать против его указов и постановлений и посмеиваться над ними к соблазну всех подданных? А грешник именно так и поступает относительно Господа Бога, презирая Его праведные и премудрые законы и посмеиваясь над ними самым делом» (П: 55). Грех есть извращение порядка бытия как в мире духовном, так и физическом – безумство, бессмыслие, бред, духовный плен, дым и пар исчезающие… (П: 13).

Свойства греха определённы: «Ужасная придирчивость, ужасная алчность, блазнённость» (П: 28), низость, нечистота (Д 1: 520). Заключаются они в мыслях, словах и делах. «Грехи помышления в христианине – немаловажное дело, потому что всё угождение наше Богу заключается, по свидетельству святого Макария Египетского, в помышлениях, ибо помышления суть начало, от них происходят слова и деятельность; слова потому, что они или дают благодать слышащим, или бывают словами гнилыми и служат соблазном для других, растлевают мысли и сердца других; дела тем более, потому что примеры сильнее всего действуют на людей, увлекая к подражанию им» (Д: 155).

Грех подобен огню, так как калит душу (Д 1: 197); вину, отягощающему своими парами тело и волнующими кровь (Д 1: 435); змее, которую как только тронешь – зашипит и станет язвить… (Д 1: 472).

Отвратительность греха усугубляется ещё и тем, что «склонности и расположения» передаются от родителей к детям (Д 1: 206). «Бойтесь, – взывает святой Пастырь, – предаваться страстям особенно потому, что страсти свои, если вы супруги, передаёте своим детям. Если вы были склонны к пьянству, к прелюбодейству, к объяденню, скупости – это передадите вы и детям. Примеры исторические и наблюдения показывают, что это бывает так почти всегда. Пожалейте же своё будущее племя; не приготовляйте им заблаговременно или погибели, или сильной борьбы со страстями, вами им переданными, помните, что во чреслах ваших есть зародыши будущих живых существ, во всём подобных вам, которые существуют теперь только в возможности бытия» (Д 1: 17-18).

Чем прельщает злая сила человека и берёт верх над его душой? «Воображаемой сладостью, удовлетворением самолюбию, честолюбию, гордости, зависти, алчности, страстью к обладанию, довольству, покою: "*Имаши многа блага на лета многа: покойся, яждь, пий, веселись*"», – говорит любитель мира земного и угодник плоти (П: 144). Или: быстротой нападения, настойчивостью и постоянством, а подчас понуждением и насилием. «А потому христианину, – предупреждает отец Иоанн, – нужно постоянное к себе внимание,

покаяние, смирение, молитва, воздержание, ибо род бесовский, смущающий нас непрестанно разными грехами, и "*исходит только молитвой и постом*" ***(Мф. 17, 21)***» (П: 143-144). Человек должен бдительно стоять на страже своих мыслей и дел и при появлении малейшего пятна скверны немедленно смывать его. Если же «грех так спешит производить себя в действие, то и правда должна в человеке непрестанно производить себя в дело, а не быть только в одних помыслах и добрых намерениях» (П: 144).

Яд греха подпускается бесплотными врагами стремительно (П: 11), но семя его «внедряется в душу и растёт постепенно», пока не становится, наконец, великим древом, «падающим на человека всей своей тяжестью и убивающим его временно и вечно. Хорошо, если ещё такой человек вразумляется Божиими посещениями, но горе, если не вразумится. Пример Иуды. Страсть сребролюбия в Иуде росла постепенно в продолжение трёх лет нахождения его со Христом, пока, наконец, не созрела до последней степени и не разразилась предательством Господа. Говорится, что "*вниде* в него *по хлебе сатана*" ***(Ин. 13, 27)***. Сатана и прежде всегда находился при нём и раздувал пламя страсти, а он не хотел быть внимательным к себе, противиться ей и слагался с сатаной душевно "*Един от вас диавол есть*" ***(Ин. 6, 70)***» (Д 1: 387-388).

Последствия греха пагубны. Грех препятствует соединению с Богом (Д: 86), оскорбляет Его (Д 1: 568), прогневляет Его, ненавидящего беззаконие; мертвит нашу душу – духовно убивает её, ибо делает нас рабами человекоубийцы – диавола, «и чем больше мы работаем греху, тем труднее наше обращение, тем вернее наша погибель» (Д: 65-66). Грех всё ставит вверх дном – всю нашу жизнь переворачивает наизнанку, извращает всего человека, «искажает, омрачает, дурачит, гадит, позорит, мучит – жизнь одиночную, семейную и общественную» (П: 15).

Грех отравляет нашу жизнь (Д 1: 261), рвёт сердце, приводит к смерти. «Человек страстный чрез страсть хочет распространить свою жизнь – и умирает от неё. Опыт тысячелетний!» (Д 1: 520). Меняется даже лицо грешника – на его лице «отражаются страсти и безобразят» его (Д 1: 516).

Лучше всего усматривается пагубность греха на примерах. Пьяница заболевает, допускает различные «непотребства», за которые бывает стыдно ему самому – «и однако же продолжает пьянствовать». Чревоугодник чувствует тяжесть в желудке и иногда замечает, что по нраву он становится звероподобен, ибо дышит злобой ко всем просящим у него хлеба, «подвергается тесноте и скорби, лишается мира и спокойствия, делается неспособным к горнему мудрствованию или быть истинным христианином, жить для высшей цели бытия» – и, тем не менее, продолжает объядение. Прелюбодей оскверняет и бесчестит свою природу, подвергает ее болезни, испытывает позор, отвергает установленный Творцом порядок – и продолжает совершать свой грех. Сребролюбец в своём ненасытном стремлении к стяжательству лишается духовной свободы и превращается в раба «золотого тельца», уходит от Бога и от ближнего, теряет покой – и «однако же продолжает собирать большие богатства и прибавлять себе большую тяжесть, пока, изнурённый заботами, не заболеет и не умрёт, отщетив душу свою чрез приобретение богатства» (Д: 432). Подобное наблюдается и в других грехах.

Сопровождающие страдания рабски увлеченного грехом – неизменный закон правды Божией. Уже здесь, в земной жизни, грешники страдают, и чем больше грешат, тем сильнее и страшнее становятся следствия «сладостного» греха. «Что же будет в жизни загробной с грешниками нераскаянными, когда всякая отрада и всякое утешение, бывающие здесь и у грешников, будут совершенно отняты и на всю вечность? Ведь сердце содрогается от одной мысли искренней о том» (П: 55).

Грех приносит мучения, и временные и вечные. В будущем веке грешника свяжут по рукам и ногам, ввергнут в кромешную тьму, полностью лишат свободы – и он, созданный для свободной деятельности, окажется в некоей убийственной бездеятельности. «К этому прибавьте страшное мучение от самых грехов, от сознания безрассудства своего во время земной жизни, от представления прогневанного Творца. И в нынешнем веке грех связывает и убивает душу; кто из Богобоящихся не знает, какая скорбь и теснота поражает их душу,

какой мучительно палящий огонь свирепеет в груди их, когда сделан ими какой-либо грех? Но связывая и убивая душу временно, грех убивает её и вечно, если мы здесь не раскаемся от всего сердца в наших грехах и беззакониях. Вот и опытное доказательство того, что грех убивает душу временно и вечно» (Д: 102-103). «Блаженству моему, покою моего сердца препятствуют исключительно грехи мои. Но Господь мой спасает меня каждый раз, как я воззову о спасении от грехов моих, и каждый раз в Нём едином нахожу я покой сердечный» (Д 1: 611).

Существование грешника вызывает в сердце верующего человека глубочайшую скорбь. Грешник, по мысли Батюшки – великое безумие, ибо он презирает себя, отвращается от порядочного общества, которое для него становится тягостным. Сам мир – обширный Божий мир – делается для него тесным, ибо «мир – дело Всесвятого и Праведного Бога, а грешник, не повинующийся законам Божиим, законам любви и мира, есть изверг Божия творения, которому не место в мире. Вот отчего ему тесно: его преследует Бог, его собственная совесть, преследует всё Его творение» (Д: 123-124).

«Жалкие мы невежды, – говорит о всех нас святой Пастырь, – учёные и неучёные, богатые и бедные, знатные и простые; потому что не считаем святыню души нашей первейшей потребностью жизни нашей и не стараемся всеусильно всякий день и час достигать её и, достигши, всем сердцем держаться её: грехи стали как бы нашей природой и собственностью, и неотъемлемым достоянием, и жизнью нашего ума и сердца, и предметом всех стремлений. Ух, как всё уродливо и наизнанку! Все силы души получили превратное направление. Потому в Писании и сказано, чтобы мы умертвили ветхого человека» (П: 23-24).

***

Грехи многочисленны и многообразны.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в своём творении «Правда о Боге, мире и человеке» почти на двух страницах перечисляет «все

грехи наши» (П: 52-53), «тьмочисленные страсти» (П: 41). Назвав их, Батюшка делает от имени всех нас вывод: «Вот какое я чудовище нравственное! Какой я отвратительный, скверный человек! Правда, я плачу, часто плачу о грехах моих и примиряюсь с Богом и с своей совестью, – и *нога моя* нередко *стоит на правоте* ***(Пс. 25, 12)***, по словам Давида, но надолго ли? До случая, до искушения: и я опять согрешаю теми же грехами; правда, я берегусь от скверных, грубых, наглых грехов, но кто знает: не пал ли бы и ими, если бы представился мне удобный случай, от которого один Бог бережёт меня в премудром Своём о мне промышлении? А наклонностей ко всякому греху во мне много-много. *"Господи, от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба твоего"* ***(Пс. 18, 13-14)***» (П: 41-42).

***

Опаснейшим грехом является гордость. Её опасность усугубляется тем, что она поражает от «млада до велика».

Гордый человек думает только о своих «достоинствах» и не может терпеть, чтобы кто-либо затмил его. «Гордый человек, в то время, как другие рассказывают о добродетелях какого-либо человека, лукаво боится, как бы этот человек не был выше его» (Д: 242). Сам он любит делать замечания, но не терпит наставлений других – «ты не терпишь наставленья, ты – горд» (Д 1: 645). «Злой и гордый человек готов видеть в других только гордость да злобу, и рад, если о ком-либо из его знакомых, особенно счастливо, богато живущих, говорят другие худо, а он совершенство пред ними и готов видеть в них только одно зло… О, злоба! О, гордыня! О, отсутствие любви! Нет, ты отыщи и в злом человеке что-либо доброе и порадуйся об этом добре и с радостью говори об его добрых качествах. Нет человека, в котором бы не было хотя какого-нибудь добра; зло же в нём находящееся, покрывай любовью и молись за него Богу, чтобы Бог «лукавыя благи сотворил благостию Своею». Не будь сам злой бездной» (Д: 464-465).

Святой Иоанн глубоко психологично представляет появление и развитие гордости ещё в юности. Начинается она от чрезмерных похвал родителей, родственников, наставников и поначалу обнаруживается в самоуслаждении хвалимого, потом вырастает в презрение менее способных, в пренебрежительное отношение к ним и к другим и, наконец, выливается в самомнение о своём превосходстве над всеми – велик он один. «Здесь-то ожидает человека падение страшное, и дай Бог, чтобы Господь не допустил до этого никого, но горькими приёмами наказаний душевных или телесных изгнал изнутри духа гордости» (Д 1: 388).

***

Неразрывно с гордостью самолюбие – есть первое, присутствует и второе. Самолюбивый человек думает только о себе, жалеет только себя. «И гортани ему жалко для научения других, если он учитель; и всего сердца ему жалко, потому что он… от полсердца служит ближним, а часто и вовсе без сердца; и сил физических жалко. Он боязлив как заяц, и боится, как бы не заболеть от трудов, и покоится» (Д: 778). Особенно предосудительно самолюбие у священника. «Долг священника – молиться о всех. Священнику неизвинительно много раз предаваться движениям самолюбия и своекорыстия – он должен быть самоотвержен: *"Да отвержется себе" **(Мф. 16, 24)***, – говорит Спаситель, – то есть для исполнения воли Спасителя отвержется от своей плотской воли» (Д 1: 71-72).

***

Самолюбивый, как правило, и скупец. Дабы избавиться от «находа» сей страсти святой Иоанн учит молиться: «Боже, Боже наш! Небесный Хлеб – пищу всему миру Господа нашего и Бога Иисуса Христа пославый, Спаса и Избавителя и Благодетеля, благословяща и освещающа нас, – Сам благослови и укрепи мене не щадити никоегоже брашна людем Твоим, Кровию Твоего искуплённым и

напоенным, да щедростию моею прославлю Твои неизглаголанные щедроты к нам, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь» (Д 1: 216).

***

Жестока страсть корыстолюбия и сребролюбия.

Святой апостол Павел считает сребролюбие корнем всех зол ***(1 Тим. 6, 10)***. Из-за пристрастия к богатству, к деньгам человек чаще всего отпадает и от веры в Бога, и от любви к ближнему. «Корыстолюбец питает в себе змия сребролюбия и златолюбия, лелеет его в себе, не ради любви к Богу и ближнему, и тогда, как он скопляет у себя множество богатства, множество бедных едва не на глазах его страдают и умирают от голода и холода, разных недостатков и болезней; он им не сочувствует, потому что страсть заглушила его чувства сострадания» (П: 42). У сребролюбца нет доброго сердца или «высоких чувств – веры, благодарности и любви» (Д 1: 698). Он готов «всех и всё переделать, превратить в деньги, всех и всё продать и перепродать» (П: 29). Он обратил бы в деньги, если бы можно было, «даже – небо и Царство Небесное, не говоря о земле, и сидел бы при грудах злата и сребра, отказавшись, если бы и это можно было, от пищи и питья. Что это за человек? Это – изверг, это – чудовище!» (Д 1: 698). Вся отвратительность корыстолюбца выявляется в его отношении к просящему. «Из-за пристрастия к деньгам – человек, просящий… помощи, делается неприятным, противным человеком, презираемым, ненавидимым, ни за что ни про что, за свою лишь бедность и за свою злополучную долю, за неимение места службы или разные житейские невзгоды и неудачи в жизни» (П: 28).

«Сребролюбец! – с пастырской болью обращается к нему святой Пастырь. – К чему приложишь ты любовь сердца своего, когда со смертью обладание и услаждение деньгами твоими и разными сокровищами прекратится? Душе, существу духовному, тогда эти сокровища будут не нужны, они будут ей противны, как яд, как ржа и тля, тлившие её при жизни и удалившие её от Бога, лишившие её нетленного сокровища – Бога» (Д: 580).

И ко всем: «Потому надо с корнем вырвать из сердца корыстолюбие и сребролюбие и – быть нестяжательным и щедрым, – развивать в сердце любовь и сострадание к бедным и нуждающимся, и быть снисходительным к слабостям и погрешностям людским, памятуя свои великие слабости и недостатки» (П: 28).

***

Безумна и нелепа зависть. Как всякая страсть, зависть слепа, губительна. Вот, например, человек богатый, казалось бы, всем обладающий, вдруг увидел у соседа некую красивую вещь, которой у него самого нет. И берёт его зависть, а вслед за ней вражда и ненависть… И чему мы только не завидуем, «едва не каждый в своём кругу, в своём звании, состоянии?!» (П: 44, 45). «Какая нелепость, какая слепота, какое безумство, какая нелюбовь к ближнему и любовь и страсть к вещи! Что достойнее любви: человек – существо разумное, нравственно-свободное, с бессмертной душой по образу Божию, – или бездушная, мёртвая – вещь, хоть и полезная, но тленная, которую можно самому приобресть, и без которой, во всяком случае, можно обойтись и быть покойным, как и действительно завидующий легко обходился доселе и был покоен, доколе не увидел её у ближнего?..» (П: 44). Святой Пастырь призывает: «Да бережёмся же зависти, и будем довольны тем, что имеем, благодаря Бога, Подателя благ, и сознавая, что мы недостойны пользоваться и тем, что имеем по Его милости, и стараясь иметь в себе единое на потребу – любовь к ближнему и доброжелательность к нему, всегдашнее попечение о его благополучии и довольстве, или о его благочестии и спасении души его, существа бессмертного» (П: 44).

***

«Сёстры» зависти – злоба и ненависть. Их свойства святой Иоанн описывает так: «Злой человек ко всему готов придраться в своих домашних или подчинённых и слугах: взглянул он – неладно, ска-

зал – неладно, сделал – неладно, повернулся – неладно, поёт – не так – все и всё не так; ко всякому слову, взгляду, мигу, поступку, одежде, ко всякой мелочи придирается злой человек; и сам себя мучит, и других» (П: 29).

Злоба Богу противна, как «любящему создание Своё», а душе и телу – «крайне убийственна: …палит, давит, мучит. Никто, связанный злобой, да не дерзает приступать к престолу Бога любви» (Д 1: 416).

Внушается зло тёмной силой, а изгоняется крестным знамением. «Сделайте с верой крестное знамение на злом своём сердце и на том месте, где особенно чувствуете адский огонь, – учит святой Пастырь, – и он сейчас погаснет, восстановится спокойствие и лёгкость на душе» (Д 1: 483). Также, когда увлекает к ближнему чувство ненависти, Батюшка рекомендует противопоставить ему вот какую молитвенную преграду: «Господи, даруй мне любить, как себя, образ Твой, хотя он и носит „язвы прегрешений". Его прегрешения суть вместе и мои прегрешения; даруй мне видеть в брате моём меня самого, в его прегрешениях мои прегрешения» (Д 1: 586).

Люди, проникнутые к нам злобой, ненавистью, коварством, лестью, по слову святого Пастыря, «достойны особенного сожаления и любви нашей, как больные и погибающие, сделавшиеся орудием злобного врага нашего,.. который учит нас всякому злу, который ищет чрез подобных нам сделать нам какое-либо огорчение и беду. Но эти огорчения и беды бывают для нас же очень, очень полезны, открывая нам наши язвы сердечные, которых мы не видели и не чувствовали» (Д: 403-404, 388-389).

***

Распространённый порок – пьянство. Укоризненно, по слову святого Иоанна, не вообще вино, а неумеренное употребление его (Д 1: 364). Грех этот святой Пастырь называет бешеным и так характеризует заражённого им: «Пьяница готов всё превратить в любимую им водку, всё бы продал, променял на водку, а в случае недостатка её не брезгает всяким, даже прямо ядовитым, смертельным напитком:

один пьяница за недостатком водки употребил керосин и, конечно, умер от него. Боже! Помилуй нас, падших и поруганных от диавола и от собственного невнимания, маловерия, неверия, лености» (П: 29).

***

Также беснованием святой Пастырь именует плотские пороки – блуд и прелюбодеяние, которыми попираются Божия святость, премудрость, благость, законы Вечного и Вседержавного (Д 1: 383).

Свойства сладострастия таковы: «Чрез зрение, осязание, слух, чрез воображение, мышление, воспоминания человек страстный готов на всякий блуд» (П: 28).

Участь «беснования» определена: «Пролез в свет, не увяз прелюбодей при рождении и не задохся – не пролезет в будущую жизнь, но увязнет в муках вечных при втором рождении – при воскресении мёртвых» (Д 1: 384).

***

Диавольский грех, и потому особенно страшен, – уныние. Святой Иоанн прямо заявляет, что оно «происходит от врага нашего бесплотного, который везде ищет нас поглотить, яко лев рыкающий, и нудит нас ко всякой неудаче, ко всякому греху» (Д: 419).

Святой Пастырь видит два пути избавления от уныния: один – иллюзорный, второй – спасительный. «Есть, – говорит он, – средство избавиться от вражия уныния – пространный путь мира: только предайся удовольствиям света, и оставит тебя уныние, по крайней мере на время удовольствий; а потом повлечёт тебя к этим удовольствиям, и они сделаются для тебя потребностью, ты будешь находить в них и только в них одних отраду и веселье; но сохрани Бог всякого христианина от того, чтобы таким средством избавиться от диавольского уныния. Лучше идти тесным путём, терпеть уныние и искать частой помощи и избавления у Господа Иисуса Христа, веселящего трудящихся Его ради над спасением своим, нежели сойти на

пространный и гладкий путь мира и там удовольствиями плоти купить свободу от духа уныния. Враг духом уныния многих согнал с тесного и спасительного пути на широкий и гладкий, но гибельный путь» (Д: 211). Случится неудача – не надо унывать, а надо постараться увидеть свой грех, свою немощь, смириться пред Богом, «отвергнуть своё самолюбие и, не стыдясь, признаться в своём грехе и в своей неосмотрительности, в лености или слабости; и грех свой повергнуть в бездну милосердия Божия, прося Его милости и помощи на будущее время к доброму и успешному совершению своего дела» (Д: 419).

***

Оскорблением Бога и даже хулой на Него, ругательством – «дерзкой ложью сердца» – есть сомненье, маловерие и неверие (Д 1: 370). «Сердце, сомневающееся в том, что Бог может сделать просимое, наказывается за сомненье – оно болезненно томится» (Д 1: 370). Нет ничего более безотрадного и мучительного «для сердца человеческого, как неверие» (Д 1: 580).

«Против сих „наваждений" скажи сам себе, – учит святой Пастырь, – знаю я свою духовную нищету, своё ничтожество без веры; скажи: я так немощен, что именем Христовым только и живу, и упокоеваюсь, и веселюсь, распространяюсь сердцем, а без Него – мёртв душевно, беспокоюсь, стесняюсь сердцем; без Креста Господня я давно был бы жертвой самой лютой скорби и отчаяния. Христос меня держит в жизни; Крест – покой и утешение моё (Д 1: 419). В вере в Бога и во всё открытое Им – «упокоение и сладость наших сердец, и свет для наших умов, свет для всех отношений наших с людьми. Как дико, безобразно, безотрадно, близоруко смотрит неверующий на всех и на всё… О, будем стараться не допускать до себя сомненья и неверия даже и на минуту: оно противно Богу, Который есть Истина: "*Аще усумнится человек,* – говорит Господь, – *не благоволит душа Моя о нем*" ***(Евр. 10, 38)***» (Д 1: 580).

***

«Царство Жизни и царство смерти идут рядом – говорю: идут, потому что они духовные. Начальник первого, то есть Царства Жизни, есть Иисус Христос, и – кто со Христом, тот, несомненно, в области жизни; начальник второго, то есть царства смерти, есть *князь власти воздушной* ***(Еф. 2, 2)***... с подчинёнными ему духами злобы, которых так много, что далеко превышают число всех людей, живущих на земле. Эти чада смерти, подданные князя воздушного, – в постоянной, упорной войне с силами Жизни, то есть с верными христианами, и всеми мерами хитрости стараются склонить их на свою сторону чрез какой-нибудь грех: "*Похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую*" ***(Ср.: 1 Ин. 2, 16)***; ...тех же, для коих грехи составляют как бы ежедневную потребность, кои "*пьют беззакония, как воду*" ***(Иов. 15, 16)***, они не беспокоят, потому что они – их собственность, пока они живут беспечно касательно своей души, но обратись только они к Богу, сознай свои грехи, вольные и невольные, – и война запылает: полчища сатанинские поднимутся и поведут непрерывную брань. Поэтому-то... видите, братия, как необходимо искать Христа как „Начальника Жизни", Победителя ада и смерти» (Д 1: 540-541).

***

Как бы завершая обозрение различных грехов, святой Иоанн обобщает: «В настоящем состоянии человек проникнут весь гордостью, лукавством, маловерием, сомненьем, неверием, непослушанием, легкомыслием, злобой, блудом, завистью, любостяжанием, скупостью, леностью, иногда малодушием, унынием, татьбой, ложью, хулой. Какой великий труд предлежит каждому человеку – христианину – очищать себя от скверны и тли страстей» (Д: 416).

***

Легко и быстро совершается грех. На него нет мастера – «всякий, даже ребёнок, умеет быстро согрешить и скоро научается греху» (П: 13). Но какой предстоит великий труд каждому, желающему очистить себя «от скверны и тли страстей!» (Д: 416). «Распять плоть со страстьми и похотьми, – свидетельствует отец Иоанн, – не легкое дело, а претрудное и прискорбное. Не напрасно сказано – распяша. Как распятие на Кресте соединено с великими мучениями душевными и телесными – так и распятие плоти с её страстями, вкоренившимися глубоко в существо человека и составляющими… его существо» (Д 1: 229). «Кто не знает, как трудно без особенной благодати Божией обратиться грешнику с любимого им пути греха на путь добродетели! – восклицает святой Пастырь. – Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всём существе его корни свои, как он даёт грешнику своё зрение, которое видит вещи совсем иначе, чем как они есть в существе своём, представляясь ему в каком-то обаятельном виде» (Д: 98). Потому-то святой Иоанн с пастырской любовью взывает: «Принеси Богу в жертву сердце своё, отдай его всецело Вседержителю, отвергнись себя, всех греховных движений», непрестанно понуждай себя к благости – кротости, смирению, доброжелательству, щедрости, нестяжанию, воздержанию, целомудрию, праведности, труду, послушанию… – и даже тогда, когда тебя оскорбляют и озлобляют. Бороться со страстями и побеждать их нелегко, «но при внимании к самому себе и при усердной непрестанной молитве с воздержанием, с помощью Божией возможно побороть и искоренить их» (Д: 347-348).

Вера православная даёт великие благодатные силы в борьбе с грехом, со страстью и победе над ними. Это, прежде всего, Святое Причастие и домашняя молитва. «В дни моего служения, – свидетельствует о себе Батюшка, – сила моя против страстей – Пречистые Таины, а в дни неслужебные – усердная домашняя молитва. Так и для всех других моих собратов должно быть» (Д 1: 704).

Прогоняется зло молитвенным воспоминанием Предтечи Господня – мужа большего между рождёнными. Имея в виду сей светлый пример, «гони им, – учит святая Церковь, – прочь мрак страсти от сердца твоего. Силён пример для нас человека, о коем засвидетельствовал Сам Господь наш, как о самом великом человеке» (Д 1: 594).

Воплотившийся Христос Спаситель преподал всем верующим благословение, испросил им и кающимся прощение грехов, основал Свою Святую Церковь – нашу учительницу и врачебницу, «даровал и Своих врачей – Апостолов, архиереев и священников с диаконами» (П: 54).

Особенно совершается очищение грехов в святом храме. Святой Иоанн призывает благоговеть перед сим святым местом, где происходит примирение с Богом, где подаётся истинная жизнь духа. «Сколько раз Господь подавал мне, – говорит он о себе, – здесь очищение грехов моих, без которого я не мог бы наслаждаться дарами Божиими: величайшим даром жизни, дарами мира и радости, и благами вещественными! Слава Тебе, Иисусе, Сыне Божий!» "*Ты очищение о грехах наших, не о наших же точию, но и всего мира*" ***(1 Ин. 2, 2)***» (Д: 129).

Указывается святым Иоанном и ряд других средств, разрушающих дела тьмы: чистое исповедание веры, все Святые Таинства, чтение Священного Писания и святоотеческих творений, беседы со священником, милостыня… Ещё – «истинное покаяние и подвиги благочестивые кающихся грешников» (П: 18-19). Надо также крепко держаться святой Церкви и учения её Главы, «внимать себе непрестанно, трезвиться и бодрствовать, и поборать свои страсти и греховные привычки и наклонности» (П: 20), – распять, умертвить ветхого человека с его делами и облечься в человека нового, по образу Создавшего ***(Кол. 3, 9, 10)***. «Без умерщвления плотского ветхого человека нет истинной жизни, нет блаженства вечного. Чем сильнее и мучительнее умерщвление ветхого человека, тем совершеннее обновление и перерождение его, выше очищение его в будущем веке. Умерщвляй себя и оживёшь» (Д: 770-771).

Но «умертвить» ветхого человека возможно не только старанием не совершать грех, но и возненавидев его: «Положи в душе своей

твёрдое намерение крепко ненавидеть всякий грех – мысли, слова и дела, и когда будет искушение ко греху, противостой ему мужественно и с чувством ненависти к нему; только остерегайся, чтобы ненависть твоя не обращалась на лицо брата твоего, подающего повод ко греху; грех ненавидь всем сердцем, а о брате жалей; вразумляй его и помолись о нём пред Вышним, видящим всех нас и испытующим сердца и внутренности наши… Без утвердившейся в сердце ненависти ко греху нельзя часто не впадать в него» (Д: 285-286).

Важно в борьбе с грехами не допускать даже в мыслях поползновений к ним (Д 1: 239). «Человек! Храни сердце своё от первых поползновений ко греху: не будешь хранить тщания, оно легко будет всегда склоняться ко всякому греху и мучения тебе большие в жизни принесёт» (Д 1: 514).

Также важно не скрывать от себя свои грехи, не таить их, а обвинять себя, обличать, укорять во всех своих греховных привычках и наклонностях. «Говорите: я гордый, лукавый, злой, завистливый, корыстолюбивый, скупой, жестокосердый, алчный, сластолюбивый, небратолюбивый, коварный, льстивый, ленивый, недружелюбный, лицеприятный, мздоимный. Говорите о себе всегда правду, хотя она неприятна для вашего самолюбия; оставьте неправду и творите всегда правду» (П: 59).

Есть особый ряд грехов, о которых можно сказать – так называемые грехи, ибо они не вменяются в вину, за них Господь не наказывает и в них нет нужды каяться. Но и здесь требуется бодрствование. «Тот грех, на который ты не соизволяешь, не вменяется тебе; например, невольное преткновение на молитве, помыслы скверные и хульные, непроизвольная злоба, с которой мы усердно боремся, скупость, которой мы отвращаемся – это всё нападения злого духа. Наше дело терпеть, молиться, смиряться и любить» (П: 622).

С грехом должно вести борьбу и борьбу решительную, постоянную, целенаправленную, а вот к грешнику надо проявлять доброе внимание, терпение и даже любовь. «Всякий человек, – наставляет отец Иоанн, – делающий какое-либо зло, удовлетворяющий какой-либо страсти, достаточно наказывается совершаемым им злом, той

страстью, которой он работает, а главное – тем, что он отступает от Бога и Бог от него отступает, потому питать зло к этому человеку было бы крайне безумно и в высшей степени бесчеловечно; это значит – топить человека уже утопающего, толкать в огонь уже пожираемого пламенем. К такому человеку как погибающему, надо показывать сугубую любовь и с усердием молиться за него Богу, а не осуждать его, не злорадствовать о его беде» (Д: 254-255).

«Не унывайте же, подобные мне грешники, но только веруйте в Сына Божия. Уважайте друг друга, грешники, и не презирайте никакого грешника, ибо все мы – грешники, и всех пришёл спасти, очистить и до небес вознести Сын Божий» (Д: 408).

Итак, затмевается ли сердце враждой или гордостью, тщеславием, раздражительностью, завистью, скупостью, сребролюбием, немиролюбием, унынием, отчаянием, неверием в откровенные истины, леностью ко всякому благому делу – говори: «Это сор диавольский, это мрак адский. При вере и надежде на Господа, при постоянном трезвении и внимании к себе, можно, с Божией помощью, избегать адского сора и мрака. *"Рожденный от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему" **(1 Ин. 5, 18)***» (Д: 215).

XVI. ПОКАЯНИЕ – ОЧИЩЕНИЕ ОТ ГРЕХА

> «Нужно непрестанное покаяние, непрестанное к себе внимание в духе веры… непрестанное исправление, непрестанное подвизание себя вперёд, непрестанное совершенствование себя»
>
> *(П: 80)*

Человек, заражённый грехом и окружённый миром зла, но, оставаясь образом Божиим, стремится вырваться из этих оков. Его христианская душа «жаждет покаяния, как врачевства, как мертвая –

жизни, как палимая зноем грехов – прохлады, как больная – врачевства и исцеления» (П: 49).

Покаяние, данное нам, нашей немощи, безмерным человеколюбием Божиим – «есть отрицание, осуждение греха, война с грехом от всего сердца и помышления, словом и делом,.. отвращение от него, попрание всей прелести и привлекательности его, глубочайшая ненависть к нему, как к безобразию, смраду, безумию и нелепой вражде против Бога и против себя, против собственного блага» (П: 56).

Важной составляющей частью покаяния является исповедь – «сердечная, глубокая, полная» (Х: 284). Тот, кто даёт полный отчёт о своих мыслях и делах на исповеди, не устрашится держать ответ и на последнем всеобщем Суде Христовом. Таинство Покаяния для того и установлено Спасителем, чтобы чрез него – это земное «судилище» – очиститься, исправиться и таким образом подготовиться к непостыдному, доброму ответу на Небесном Страшном Суде (Х: 284).

Исповедь может быть трудной, жгучей операцией, но именно она пролагает путь к здравию. А это значит, что на исповеди надо «без утайки все свои срамные дела духовнику открыть, хотя и больно, и стыдно, позорно, унизительно. В противном случае рана остаётся неизлечимой и будет болеть и ныть, и подтачивать душевное здравие, закваской останется для других душевных немощей или греховных привычек и страстей. Священник – врач духовный; покажи ему раны, не стыдись, искренно, откровенно, с сыновней доверчивостью: ведь духовник – твой отец духовный, который должен любить тебя больше твоих родных отца и матери, ибо Христова любовь выше плотской, естественной любви, – за тебя он должен дать ответ Богу. Отчего жизнь наша стала так нечиста, исполнена страстей и греховных навыков? Оттого, что весьма многие скрывают свои душевные раны или язвы, оттого они и болят, и раздражаются, и нельзя к ним приложить никакого врачевства» (Х: 285-286).

Чтобы быть духовно здравым, надо «выплакать» или «выстрадать» свои грехи (Д 1: 239). Если этого не сделаешь «не выплачешь своего греха или не раскаешься в нём – …в сердце возникает нудящее стремление ко всем страстям; беды окружат тебя со всех сторон»

(Д 1: 246). Грех не только поражает духовно, но убивает «и физическую жизнь». Кто из плакавших о своих «грехах не замечал, – ставит вопрос Батюшка, – что до плача во время греха они страдали душевно и телесно, лицо их испадало и внутренности были как бы пробиты гвоздями, а после плача, после слёз, с которыми выходят обыкновенно скверны сердечные, тело было свободно и легко, как перо, а лицо цвело румянцем радости и спокойствия?» (Д 1: 664).

Тайна очищения от грехов особенно совершается и ощущается в храме Божием. «Благоговей же к месту, где совершается очищение твоих душевных скверн, – призывает Батюшка, – где ты примиряешься с Богом, где получаешь истинную жизнь духа. Сколько раз Господь подавал мне, – свидетельствует он о себе, – здесь очищение грехов моих, без которого я не мог бы наслаждаться дарами Божиими – величайшим даром жизни, дарами мира и радости и благами вещественными. Слава Тебе, Иисусе, Сыне Божий, Ты – *"очищение о гресех наших" **(1 Ин. 4, 10)***, не о наших же точию, но и всего мира!» (Д 1: 306).

От тлеющего во грехах человека требуется постоянное внимание к своим помыслам и волевым движениям, вера в скорослышащего Спасителя и надежда на его милость, «неотпадающая» – крепкая любовь к Нему, борьба с врагами спасения, а при борьбе непрестанная молитва. И Господь, видя немощь кающегося, но и его устремление к всесильному Небесному покровительству, поможет, защитит, помилует и спасёт (П: 51, 56-57).

Каяться нужно во всяком грехе и каяться часто – после всякого падения. «Кто не кается и не радит о покаянии, тот крайне запускает своё сердечное поле и даёт усилиться в нём всяким греховным плевелам, закосневает во грехах, трудным делает себе покаяние и исправление» (П: 58-59). Пал – восстань – и спасёшься. «Какая благость Господня безмерная! – восклицает отец Иоанн. – Какое беспредельное милосердие! Какое удобство ко спасению! Владыка не отвергает грешника до последнего издыхания. Знает Господь нашу немощь, поползновенность ко всякому греху с самого младенчества; знает и злоухищрение врагов бесплотных, прельщающих нас

ко греху и долготерпит нам, ожидая покаяния, борьбы и исправления, и дел благих. Не вознерадите» (П: 57-58). Расскажите Всеблагому Господу о своих греховных язвах и недугах, вспомните их и просите у Него «озарения сердечного, просвещения, познания их, воздыхания, слёз» – и получите «богатство милости исцеления, здравия, мира, тишины и свободы, и благодерзновения, ибо Врач Небесный всегда готов миловать и врачевать нас, смягчать и обвязывать раны наши душевные» (П: 59).

К кающимся в Великом посту святой Иоанн обращает особое слово: «Сегодня день покаяния, царский смотр; Господь будет осматривать Своё духовное воинство, то есть нас, Его воинов; нужно духовно омыться, очиститься, осмотреться, оправиться, ободриться. Завтра Царь Небесный позовёт нас на Свою трапезу духовную, великолепную, на которой предложит в пищу и питие Свой чудный, небесный хлеб жизни, Пречистое Тело Своё и Своё бессмертное питие, бессмертную жизнь дающее, Пречистую Кровь Свою. Омойтесь же все слезами покаяния, очистите скверны душевные и телесные, да будете достойны сей Тайной Вечери» (П: 53).

Созданы мы были Богом непорочными, но не сумели сохранить этот великий Божий дар и потому теперь – по изгнании из рая, покаяние «заповедано каждому» (П: 58). «Бог создал тебя, человек, – обращается к каждому из нас святой Пастырь, – не козлом, а ты сам делаешься козлом бодливым и вонючим, смердящим грехами; сотворил тебя не змеёй, а ты сам делаешься змеёй злой, коварной, уязвляющей; создал тебя не лисицей, а ты сам делаешься лисой – лукавой, хищной, похищающей чужую честь, невинность, достояние; ты сотворён не собакой, а лаешь часто напрасно на ближнего и кусаешься; ты не осёл и не конь, а лягаешься и иногда лягнёшь так ближнего, что на всю жизнь сделаешь его больным; ты не волк, а увлекать в погибель души человеческие, да и самые тела – готов; ты не конь, а похотствуешь, как он. Так мы заняли у животных бессловесных, по невниманию и нерадению, многие их качества, будучи сотворены разумными и словесными и со способостью на всё честное, святое, доброе, благородное, похвальное» (П: 55-56).

Нельзя откладывать покаяние на другой день. Это опасно. «Бесплотный враг все силы свои употребляет на то, чтобы воспрепятствовать истинному покаянию и свести человека во ад» (Д 1: 175). В подтверждение сей истины святой Иоанн ссылается на свой духовный опыт: «Я до последней недели отложил говение, и пред покаянием враг связал мои душевные силы» (Д 1: 175). Нужно каяться в продолжение всей жизни (Д 1: 232) и как можно чаще повторять сердцем и устами слова Псалмопевца: *Боже, Боже спасения моего (Пс. 50, 16)* (Д 1: 103). Именно здесь, на земле, надо искренно – «из глубины души» – покаяться и исправить свою жизнь (Д 1: 197). Есть страшная истина: «Нераскаянные грешники после смерти теряют всякую возможность изменяться к лучшему, но остаются неизменными и, значит, преданными вечным мучениям (грех не может не мучить)». Правда, молитвы Церкви имеют огромную силу, но они действуют лишь «на раскаянных грешников… на тех, у которых есть приемлемость в душах, свет добрых дел, унесённый ими из этой жизни, к которому может привиться благодать Божия» (Д 1: 653).

Какой бы грех ни совершил человек, не должно отчаиваться в возможности прощения и спасения. Отец Иоанн учит священника: «Как диавол не отчаивается в чьей погибели, так ты не отчаивайся ни в чьём спасении» (Д 1: 669).

Власть прощения принадлежит одному Богу. Но Господь, «чтобы почтить высокие добродетели Святых – особенно Своей Пречистой Матери, – которые суть Его друзья, до последних сил угождавшие Ему в земной жизни… принимает и их молитвенное предстательство о нас, недостойных», если только грехи людей «не превосходят меры Божия долготерпения» (Д 1: 64).

После прощения греха, после победы над ним наступает тишина и лёгкость души. Это тишина Божественная – «благое и лёгкое иго Христово» (Д 1: 277). Эта тишина, это иго Христово достигают своего зенита в принятии Святых Таин после достойного покаяния. «Вместо древа жизни – Хлеб жизни; вместо плодов древа познания добра и зла – тот же Животворящий Хлеб жизни. Тогда сказано: *"Не прикасайтесь, да не умрёте"*, ныне сказано: *"Вкусите, и живи будете"*. Тогда

поверили Ева и Адам обольстителю и умерли; ныне, напротив, мы веруем словам Господа жизни: "*Сие есть Тело Мое, сия есть Кровь Моя*" – и оживотворяемся: чем пали, тем и восстали; пали неверием Богу, непослушанием – восстали послушанием веры. Там мы согласились с диаволом против Бога и соединились с ним – лжецом – на смерть себе – ныне всем сердцем соглашаемся с Самой Истиной – Богом – Спасителем, и истинствующим сердцем соединяемся с Ним – на жизнь себе, на покой и радость» (Д: 678).

***

Раскрыв сущность истинного покаяния, святой Пастырь взывает: «Взирай ко Господу в молитве покаяния… и не смотри пристрастно ни на что житейское, как тленное и преходящее; ни к чему не прилепляйся сердцем. Смотри, как жили и подвизались Святые, как для любви Божией они отрекались всякой житейской любви, всякой собственности, даже любви к родителям по плоти, любя их духовно в Боге и для Бога» (П: 57).

Святой Иоанн напоминает слова Предтечи Господня: "*Ему же лопата в руце его, и отребит гумно свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим*" ***(Мф. 3, 12)***, и объясняет: «Не простая лопата, а Божественная, которая чудесно, в совершенстве разлучает пшеницу от плевел или сорной травы и собирает пшеницу истинной веры и добродетели в небесную житницу на вечное блаженство, а отруби безверия, маловерия и греха всякого рода предаёт на сожжение в неугасающем огне. Грозные, истинные слова самой небесной Правды и Истины. Внимайте же, земнородные, слову великого Предтечи Господня Иоанна и очищайте себя покаянием, пока есть ещё время для покаяния, пока еще можно отделить от себя плевелы и избавиться от них чрез веру, молитву всегдашнюю, воздыхания и слёзы, и чрез милостыню к бедным и другие добрые дела; кайтесь усердно, ибо уже "*секира при корени древа лежит: всяко убо древо, не творящее плода добра, посекается и бросается во огнь геенский*" ***(Лк. 3, 9)***» (П: 50).

***

Закончить данную главу хочется также словами святого Иоанна, перефразировать которые автор, как и в других случаях, не дерзает: «Блаженны мы, что принадлежим к Святой Православной Церкви, непрестанно молящейся о нас действенно и спасительно... Даруй мне, Господи, исполнить Закон Твой, который есть любовь во всей силе, во всей обширности, во всей глубине» (П: 57).

XVII. ДОБРОДЕТЕЛИ, ИХ ВЕЛИЧИЕ И КРАСОТА

> «Мало называться христианином, но надо делать дела, заповеди, которые заповедал Христос»
>
> *(П: 80)*

В земной жизни человек находится под действием двух невидимых противоположных сил – доброй и злой, силы Божией и силы лукавого! Он стоит как бы между двумя огнями – животворным и огнём палящим. Долг человека – возбудить в себе Божественный огонь веры, любви и прочих добродетелей (Д 2: 91). Вырвав корни страстей, нужно вспахать землю сердца и «насадить на ней пшеницу добродетели» (Д 2: 96). Но чтобы не случилось беды – не возомнили бы мы в своих духовных успехах и не поставили бы себя выше других, при духовном возделывании должно сразу же запомнить: все наши добродетели есть дело Божией благодати. «Моё, – говорит святой Пастырь, – только желание, даже и желание подаёт благодать Божия, потому что *"Бог бо есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти о благоволении" **(Флп. 2, 13)***» (Д 1: 614).

На вопрос: «В чём состоит истинное богатство человека?» – святой Иоанн отвечает: «Не в землях, не в деньгах, не в разного рода земных познаниях и искусствах или не в имении разного рода, не во множестве слуг, не во множестве одежд, вообще, благ земных, ибо

всё это тленно и временно». Богатство человека – «добродетель, святыня, смирение, незлобие, воздержание во всём, вера, надежда и любовь» (Д: 400-401). Великое благо быть добродетельным человеком. «Добрый человек и сам покоен, и Богу приятен, и людям любезен. Добродетельный невольно привлекает на себя взоры всех. Отчего? Оттого что благоухание невольно заставляет остановить на себе внимание и подышать им. Посмотрите на самую наружность добродетельного, на его лицо. Что это за лицо? Это – ангельский лик. Кротость и смирение разлиты по нему и пленяют невольно всех своей красотой. Обратите внимание на речь его: от неё еще больше благоухания; тут вы как бы лицом к лицу с его душой – и таете от его сладкой беседы» (Д: 89). Чтобы убедиться в величии и красоте добродетели, достаточно открыть жития святых и взглянуть на их подвиг. Они явили миру образ непрестанного воздержания, бдения, молитвы, Богомыслия, чистоты. «О, какой Божественный мир, какую свободу духа имели они, удаляясь чревоугодия, любостяжания, нечистоты, злобы, этого, почти общего, недуга живущих в мире людей, коим и мы все недугуем. Какая полнота духа в них! Какой свет! Какая любовь пламенная к Богу и ближним!» (М: 23-24)… Подобным может стать, с Божией помощью, всякий. Потому святой Пастырь призывает: «Будь христианином в сердце, то есть будь всегда искренен на молитве, в обращении с ближними, всегда верующий, уповающий, кроткий, незлобивый, ко всем доброжелательный, справедливый, нелюбостяжательный, сострадательный, милостивый, воздержный, целомудренный, терпеливый, покорный, мужественный» (Д: 427).

В совершении добродетелей весьма полезно, даже необходимо, прибегать к помощи, к опыту тех, кто их стяжал. Как в миру бедные обращаются с просьбами к богатым, так и «в духовном порядке» духовно бедным подобает обращаться за советами к духовно богатым, сияющим верой и благочестием. Их-то и надо просить научить «нас духовной мудрости, как побеждать грехи, как полюбить Бога и ближнего». Важна здесь и молитва о помощи Святых (Д: 387-388).

Мгновенно стяжать добродетели невозможно – растут они постепенно. «Добродетель, – свидетельствует Батюшка, – растёт незаметно,

пока, наконец, бывает древом великим, в ветвях которого вселяются птицы небесные» (Д 1: 389); растёт и благоухает (Д 1: 515).

Примечательно, что задатки к тому или иному духовному устроению дети получают по наследству. «Сердечные склонности и расположения, добродетели и пороки передаются детям. Так, Божия Матерь родилась от укрепившихся скорбями в вере и благочестии родителей. Дети в полах получают от родителей своих природу и душу и тело; только степень способностей Господь увеличивает или уменьшает... Делимости опасаться тут нечего» (Д 1: 206-207).

***

Началом для всех добродетелей служит вера в Бога, в Небесный Мир и во всё то, что нам Небом открыто.

Вера, по определению святого Иоанна, есть «уверенность в духовной истине, в Сущем или в Боге, в существовании мира духовного с его свойствами, подобно как мы уверены в бытии мира вещественного и его принадлежностей» (Д: 691). Она – ключ к Божией сокровищнице и обитает в добром, простом, любящем сердце. «Вера – духовные уста: чем свободнее они раскрываются, тем большим потоком входят в них Божественные источники» (Д: 275).

Должна быть вера несомненная и сердечная. «Несомненная вера, – учит святой Пастырь, – вкорени эти слова в сердце и покажи в жизни» (Д: 758). «Сердечная вера необходима человеку, потому что светоч ума нашего очень ограниченный, немного вмещает в себе света умного, а Господь Бог есть беспредельный Свет, и мир есть бездна Его всемогущества и премудрости» (Д: 135). Такая вера живит душу, радует её. «Вера должна доходить до сердечного зрения. Это значит, что душа должна стать как бы выше чувственности, выше телесного, мрачного естества своего и проникнуть собой – возможно чистым зрением сердца – в мир духовный. Тут-то ей будет хорошо, тут-то её истинная жизнь, её успокоение и радость. Опыт» (Д: 115-116).

Цель веры, конечная цель, – вечная жизнь (М: 238). «Но кто теперь, – скорбит Батюшка, – заботливо вопрошает учителей церковных: "*Что сотворю, да живот вечный наследствую*?" ***(Мк. 10, 17)***. Очень, очень немногие. Большая часть людей погружена в суету мира, многие не веруют и в бессмертие души человеческой, земная жизнь для них всё, начало и конец, альфа и омега; или многие мечтают совместить здешние блага, здешнее довольство, здешнюю весёлость, богатство, здешние страсти с будущим блаженством, забывая, что сказал Господь о тесном пути, вводящем в живот, о самоотверженном ношении креста скорбей, лишений, болезней, мучений, о делах мудрых и юродивых, о богатом человеке с богатой нивой и множеством всякого достояния земного» (М: 238).

Сила веры неизмерима, а потому и блага её велики. Верующему всё возможно, ибо он един дух с Богом (Д: 783). «Чудно могущество веры! Живая мысль о Боге, сердечная вера в Него – и Он со мной; сердечное покаяние во грехах с верой в Него – и Он со мной; добрая мысль – и Он со мной; благочестивое чувство – и Он со мной» (Д: 658). Отмечая блага веры, святой Пастырь говорит, что она побеждает врагов невидимых и видимых, отгоняет страсти, отвращает скорби, даёт мужество при нападении уныния. «Всё с верой возможешь победить и самое Царство Небесное получишь. Вера – величайшее благо земной жизни: она соединяет человека с Богом и в Нём делает его сильным и победоносным: "*Прилепляйся же Господеви, един дух есть с Господем*" ***(1 Кор. 6, 17)***» (Д: 119). Для большей убедительности святой Иоанн делится своим опытом, свидетельствуя, какие великие блага приносила ему вера: «Сколько благодеяний доставляла мне доселе вера Христова! Не говоря о бесчисленных других благодеяниях, скажу об одном: сколько душевных возмущений, страстей она прогоняла и умиротворяла меня! Сколько исправила кривых стремлений сердца! Сколько раз грехи очищены и душа спасена была от духовной смерти! И как близок Господь наш к верующему! Он, как воздух, как дыхание уст наших, дыхание сердца нашего, души нашей» (Д: 439).

Чтобы получить блага веры, её должно возгревать. Если этого не делать, то от нерадения она может совсем погаснуть, и само

христианство со всеми его Таинствами как бы умереть. «Враг о том только и старается, чтобы погасить веру в сердце и привести в забвение все истины христианства. Отсюда мы видим людей, которые только по одному имени христиане, а по делам совершенно язычники» (Д: 67).

Учит вере – живой вере – Сам Господь. Подобно тому, как мать, уча младенца ходить, поставит его, а затем зовёт к себе и простирает ему руки, так и Господь на время оставляет христианина Своей помощью, а когда наступит крайняя нужда, и сам христианин почувствует свою немощь и бессилие без Небесной помощи – в ответ на проснувшуюся веру простирает «руку помощи, как бы берёт на руки и прогоняет врагов, и чувствует христианин, что попал на руки к Самому Спасителю» (Д: 117-118).

Имея веру, не надо стыдиться её, а дерзновенно исповедывать. «Дерзновение… – великое сокровище души! В земной брани или войне, смелость или храбрость много значит, ибо она творит просто чудеса, а в духовной брани и тем паче» (М 3: 68).

***

Основанием для всякой добродетели служит смирение, то есть сознание своего недостоинства, «ничтожества и полноты Божества, создавшего и наполняющего всѐ и *"действующаго вся во всех" **(1 Кор. 12, 6)***» (Д: 371). По мысли святого Иоанна, Господь поставил на первое место нищету духовную – смирение, как необходимейшее для спасения человека (Д 1: 368). «Вот наша первая забота: насадить в сердцах наших первую из добродетелей – смирение… Без смирения всякая добродетель – потерянное дело» (Д 1: 498). «Основанием и источником всей твоей мыслительности, твоего слова и твоей деятельности, да будет смирение» (Д: 371).

Высота смирения явствует не только из того, что оно делает всякую добродетель крепкой, а ещѐ и из того, что разрушает все козни злой силы. «Ах! – восклицает святой Пастырь, – как много в нас тайной гордости. "Это, – говорим, – я знаю; в этом не нуждаюсь; это не

для меня; это лишнее; в этом я не грешен". Сколько своего мудрования!» (Д: 279).

Как высочайшее духовное состояние – смирение необходимо всем и «на каждом шагу» земного пути (Д 1: 511). «Нужно приобрести внутреннюю кротость и смирение и готовность ко всякому послушанию» (Д 1: 623).

***

Другая великая добродетель – любовь, имеет для себя Высочайший Образ в Самом Боге, ибо Он есть Любовь (Д: 733). «Утверди, Господи, – молится отец Иоанн, – сердце мое в любви: яко Ты еси существо и Вина любви» (Д 1: 283).

Свойства любви такие: не мыслит зла (Д: 118), много прощает ближнему, благословляет проклинающих, молится за творящих обиду – всем творит добро (Д: 295). «Истинная любовь охотно терпит лишения, беспокойства и труды, сносит обиды, унижения, недостатки, погрешности и неисправности, если нет от них вреда другим; терпеливо и с кротостью переносит низости и злобу других, предоставляя суд Всевидящему Богу, Праведному Судии, и молясь о том, чтобы Бог вразумил омрачённых неразумными страстями» (Д: 372-373).

Первейшая заповедь – любить всем сердцем Бога. Вторая, подобная ей, – любить ближнего как самого себя. «Возлюби Господа, – учит Батюшка, – всем сердцем, хотя так, как вы любите своих родителей и благодетелей; оцените по силе своей Его любовь и благодеяние к вам,.. которые бесконечно велики и многочисленны. Далее, возлюбите всякого человека, как самих себя, то есть не желайте ему ничего, чего себе не желаете; мыслите, чувствуйте для него так, как мыслите и чувствуете для себя; не желайте видеть в нём ничего, чего не хотите видеть в себе; пусть ваша память не удерживает зла, причинённого вам другими, как вы желаете, чтобы забыто было другими сделанное вами зло; не воображайте намеренно ни в себе, ни в другом ничего преступного или нечистого, представляйте других благонамеренными, как себя; вообще, если вы видите явно, что они

неблагонамеренны, делайте для них, что делаете для себя, или хоть не делайте им того, чего не делаете для себя – и вы увидите, что у вас будет на сердце, какая тишина, какое блаженство! Вы будете прежде рая в раю, прежде рая на небеси – в раю на земле» (Д: 105).

Великая мудрость и блаженство – любить врага. «Ты ненавидишь врага?.. Почему? – ставит один за другим вопросы святой Пастырь и отвечает: – Ты глуп… Потому что, когда враг тебя гонит, ты ещё сам себя внутренно гонишь, ибо скажи, не гонение ли, не самое ли жестокое гонение – мучить себя ненавистью к врагу? Люби врага – и ты будешь премудр. О, если бы ты знал, какое торжество, какое блаженство – любить врага и делать ему добро! Так Сын Божий, так Бог во Святой Троице восторжествовал и торжествует Своей любовью над неблагодарным и злонравным родом человеческим; так Святые Божии торжествовали над врагами своими, любя их и делая им добро» (Д: 134).

Любить надо всех людей. Для сего есть крепкое, нерушимое основание – оно в единстве человеческого рода. «Все люди, как один человек. И вот где основание – любить всех, как себя» (Д 1: 94).

А вот от любви к греховному миру и всему связанному с пороком надо убегать. «Должно убить в себе земную любовь, любовь (страсть) к земной плотской красоте, к сластям, к корысти, к плоти своей, к чести» (Д: 433). «Всякая красота в мире сем (красота лица) есть слабая, ничтожная тень несозданной красоты, неизреченной доброты лица Божия; всякое земное наслаждение ничтожно в сравнении с будущим наслаждением» (Д: 502). За этими глубоко пастырскими суждениями следует такой же призыв: «Так всякий христианин бойся прилагать сердце к деньгам, пище, питию, нарядным одеждам, к нарядной квартире; да не любишь, не ласкаешь плоти своей, чем бы то ни было: увеселениями ли, видами ли изящными, яствами и напитками, сном, праздностью и леностью, срамными делами, играми, праздными путешествиями, пустыми книгами и зрелищами… Ко всему… в мире будь равнодушен, ни к чему пристрастен и жаден» (Д: 556).

Паче нашей любви к Богу – любовь Его к нам. Святой Иоанн в глубоко духовном гимне прославляет её: «Велика Твоя любовь, Господи:

всего Себя истощил еси ради любви ко мне. Взираю на Крест и дивлюсь Твоей любви ко мне… Твои Животворящие Таины, Господи, служат всегдашним громким доказательством Твоей к нам грешным любви, ибо это Божественное Тело Твоё было за меня, за всех нас ломимо; эта Кровь за меня, за всех нас излиялась, Господи! Славлю чудеса святых Таин Твоих над верными Твоими, которым я преподавал оныя; славлю исцеления бесчисленные, которым я был свидетелем; славлю действие их во мне всеспасительное; славлю Твоё милосердие ко мне, в них и чрез них мне являемое, силу Твою животворную, в них действующую. Господи! За толикую любовь Твою ко мне даждь мне любити Тебя от всего сердца моего, и ближнего как себя, любить врагов моих, не только любящих меня» (Д: 481).

Кто может достойно оценить любовь Божию к нам? Тот, кто ценит и любовь человеческую. «Кто не ценит любви человеческой, тот как оценит и любовь Божию? Кто не верит в любовь человеческую, тот как поверит и Божией любви?» (Д 1: 246).

Ярким примером любви является святой апостол Иоанн Богослов, именуемый святой Церковью за сию великую добродетель Апостолом Любви. Вот к нему и советует Батюшка обращаться с молитвой, когда в сердце оскудевает любовь к Богу и ближнему: «Апостоле, Христу Богу возлюбленне и сам преисполненный любве, умоли распятую за нас Любовь излияти любовь в сердце моё Духом Святым; вем, яко приемлет твоё ходатайство Той, Иже тя, падша на перси Его, приемый. Всем сердцем моим молю тя, друже Христов, претвори молитвами твоими сердце моё из нелюбящего в любящее и погаси в нём безумную и нечистую любовь к тленным благам мира сего, отторгающим меня от любви истинной и святой» (Д 1: 566).

***

Непрестанным выражением любви к Богу и ближнему служит милостыня. «Любовь к Богу и ближнему, – говорит Батюшка, – в настоящем нашем повреждённом состоянии, без самопожертвования не бывает и быть не может; кто хочет исполнить заповеди

о любви к Богу и ближнему, тот должен заблаговременно обречь себя на подвиги и лишения ради любимых» (X: 290).

Милостыня – это та добродетель, которая будет представлена «на Страшном Суде пред лице всех – для того, чтобы объявить» творящим её «помилование от вечного за грехи осуждения» (Д 1: 121).

Подлинно милостив тот, кто подаёт милостыню от всего любящего сердца, кто со всяким беседует сердечно, «а не умом или устами, кто отдаёт всякому искреннее, сердечное почтение, кто проповедует слово Божие и служит от истинного сердца, нелицемерно, – словом, кто объемлет всех и носит всех любовью в сердце своём, презирая всё вещественное, что становится препятствием в любви между им и ближним» (X: 391). «Милостыню всегда подавай с лицом веселым, – велит святой Иоанн, – Сам Христос принимает; никого ни взглядом, ни словом не обидь» (Д 1: 460).

А какие, когда милостыни бывают мнимые? Если творят их, хотя и с благотворительной целью, но для «увеселенья, то есть, прежде всего, хотят намеренно послужить своей греховной плоти, диаволу, а потом уже – ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе не благотворение! Одно только имя благотворения носит» (X: 393).

При творении милостыни требуется осторожность: не все ее заслуживают в равной мере. «Если мы знаем о некоторых, – наставляет Батюшка, – что они бедны от праздности и лености, таким мы не должны уделять от своих трудовых избытков. *"Аще кто не хощет делати*, – говорит святой апостол Павел – *ниже да яст" (2 Сол. 3, 10)*» (X: 392).

«Господи! – молится отец Иоанн. – Научи меня подавать милостыню охотно, с лаской, с радостью и верить, что, подавая её, я не теряю, а приобретаю бесконечно больше того, что подаю. Отврати очи мои от людей с жестоким сердцем, которые не сочувствуют бедным, равнодушно встречаются с нищетой, осуждают, укоряют, клеймят её позорными именами и расслабляют моё сердце, чтоб не делать добра, чтоб ожесточить и меня против нищеты. О Господи мой! Как много встречается таких людей! Господи, исправь дело милостыни!» (X: 395).

***

Больше всего успокаивает нас, наши мысли, наше сердце среди суеты земной жизни – это надежда на Бога – «христианское, полное живого упования и чудной успокоительной силы, изречение: всё для меня Господь. Вот бесценное сокровище! Вот драгоценность, с которой можно быть спокойным во всяком состоянии, с которой можно быть и в бедности богатым, и при обладании богатством – щедрым, и с людьми любезным; с коим и по согрешении нельзя потерять упования. Всё для меня Господь» (Х: 395-396).

Святой Пастырь сетует, что хотя и есть много верующих в Бога, но среди них немало встречается не имеющих подлинной надежды на Него. «Случись беда, напасть, искушение – малодушествуют, унывают, всегда ропщут, и куда девается вся вера? Тут бы надо показать преданность воле Божией, сказать: *„Яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во веки“*. А то, видно, они веруют в Бога только в счастьи, а в несчастьи отвергают Его» (Х: 397).

Святой Иоанн указывает необходимые средства для утверждения в уповании: «Средства, утверждающие надежду христианскую: молитва, особенно частое, искреннее молитвенное исповедание грехов своих, частое чтение слова Божия, особенно же частое причащение святых Животворящих Таин Тела и Крови Христовой» (Х: 398)… «Надежда дышит молитвой, как воздухом, и питается добрыми делами, как пищей» (Д 1: 22).

«Так, человече, – взывает Батюшка, – всё для тебя Господь, и ты будь всем для Господа… Откажись от исполнения своей растленной, страстной, прелестной воли; не знай своей воли, знай одну волю Божию; говори: „Не моя воля, но Твоя да будет“» (Х: 396).

***

Ценны также указания Кронштадтского Пастыря о построении домашних отношений, особенно – детей к родителям.

«Ревнующие о благочестии, брат и сестра! – по родному начинает своё слово святой Пастырь. – Тебе придётся слышать, и может быть нередко, более от своих домашних, что ты тяжёлый, невыносимый человек; ты увидишь к себе сильное нерасположение, вражду за свое благочестие, хотя враждующие не будут выражать, что именно за благочестие они враждуют против тебя, – не возмущайся этим и не приходи в отчаяние: потому что диавол в самом деле может преувеличить до огромных размеров некоторые слабости твои, от которых и ты не свободен как человек, но припомни слова Спасителя: *"Враги человеку домашние его" **(Мф. 10, 36)***, и от недостатков исправляйся, а благочестия держись твёрдо. Поверяй совесть свою, жизнь свою и дела свои Богу, ведущему сердца наши. Впрочем, смотри на себя беспристрастно: в самом деле не тяжёл ли ты по своему характеру, особенно для домашних своих; может быть, ты угрюм, неласков, необщителен, неразговорчив. Распространи своё сердце для общительности и ласки, но не для потворства; в выговорах будь кроток, нераздражителен, нежелчен. *"Вся вам любовию да бывают" **(1 Кор. 16, 14)***, сказал Апостол. Будь терпелив, не за все выговаривай, иное сноси, преходя молчанием, и смотри на то сквозь пальцы. *"Любы вся покрывает и вся терпит" **(1 Кор. 13, 7)***. Иногда из-за нетерпеливого выговора образуется вражда, оттого что выговор был сделан не в духе кротости и любви, а в духе самолюбивого притязания на покорность себе другого» (Д: 776-777).

Дети обязаны с глубочайшим почтением относиться к родителям, ибо в них «утверждено бытие детей и после их рождения – во всю жизнь. *"Чти отца твоего и матерь – да долголетен будеши на земли" **(Исх. 20, 12)***. Какого же почтения они достойны! И собственное благо каждого обязывает почитать родителей – *"да благо ти будет"*. Родители, некоторым образом, – боги наши» (Д 1: 284). Почтение должно быть совершеннейшим, не нарушаемое «ни одной неправедной мыслью, ни одним самолюбивым чувством» (Д 1: 291), хотя бы у них и имелись какие-либо недостатки. «Хам проклят за то, что поглумился над опьяневшим и обнажившимся родителем» (Д 1: 278). «Упокой старость отца и матери, – взывает отец Иоанн, – и тебя Господь упокоит вечным упокоением» (Д 1: 504).

***

Все добродетели, как и пороки, имеют определённые следствия. И одни и другие – «достаточные залоги той истины, что в вечности будет блаженство для праведников и вечная мука для грешников. Те и другие предназначаются здесь. Здесь порок клеймит сам себя и другие клеймят его позором и подвергают наказанию, зная, что это будет в большей мере там; равно суди и о добродетели» (Д 1: 517).

Если с грехом надо постоянно бороться, то в благочестии должно неленостно упражняться. «И душевные и телесные силы человека совершенствуются, умножаются и укрепляются упражнением их… Не стань молиться, или молись редко – тебе и противна и тяжела будет молитва, как пятипудовая тяжесть. Не стань воевать на страсти или воюй только изредка и слабо – очень трудно будет бороться с ними, будешь часто побеждаем от них; не будешь иметь от них покоя и жизнь свою отравишь ими, не научившись побеждать этих домашних, злейших, внутренних, всегда в твоём сердце сидящих врагов твоих. Так всем необходим труд и деятельность. Жизнь без деятельности и не жизнь, а что-то уродливое, какой-то призрак жизни» (Д: 213-214). Иногда говорят: «Нет охоты молиться, так и не молись». «Лукавое мудрование плотское; не стань только молиться, так и совсем отстанешь от молитвы; плоть того и хочет. *"Царствие Небесное нудится" (Мф. 11, 12).* Без самопринуждения к добру не спасёшься» (Д: 335). К добру, к истине должно постоянно понуждать и принуждать себя. На молитве надо заставлять себя «выговаривать каждое слово с силой, истинно, от сердца… Нужно убедительно для себя самого говорить слова молитвы. Когда убедительны для тебя самого будут молитвенные слова, тогда они будут убедительны и для Бога, а без убеждения себя не думай твоей молитвой убедить Бога даровать тебе какое-либо благо. Бог даёт по сердцу нашему: чем больше искренности, сердечного жару к молитве, тем, больше дар» (Д: 529-530).

В духовной жизни требуется постоянное движение вперёд, постоянное восхождение по лествице добродетелей, непрерывное увеличение их. «Если же мы стоим на одной точке нравственного

совершенства, на одной ступени лестницы христианского восхождения, то все равно, что идём назад; если не собираем, то всё равно, что расточаем» (Д: 792).

Духовный облик христианина должен быть не тот, который свойствен другим людям. У истинного христианина всё должно быть иное – и в духе, и в теле, и в жизни: «Иные помыслы – духовные, святые; иная воля – правая, святая, кроткая, благая; иное воображение – чистое, святое; иная память – иной взор – чистый, простой, святой, нелукавый; иное слово – целомудренное, чистое, степенное, кроткое» (П: 95). «Иные радости – святые, небесные, радости о истине, а не о неправде; иная сладость – сладость духовная; иная красота – духовная; иное богатство – духовное, нетленное; иные сокровища – небесные; иная слава – небесная; иные друзья – по духу, а не по плоти; иные скорби – по Боге, во спасение, а не по плоти, к смерти» (П: 24). Короче, завершаем, – «христианин должен быть иной человек, небесный, новый, святой, Божественно живущий, мыслящий, чувствующий, говорящий и действующий Духом Божиим. Таковы были святые угодники. Читайте их житие, слушайте, поучайтесь, подражайте» (П: 95).

XVIII. ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

> «Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою. Чрез образование меня науками открыл Ты мне все богатство веры и природы и разума человеческого. Уведал я слово Твоё – слово любви… И доселе ещё многое узнаю»
>
> *(М 1: 1-2)*

Обращаясь к характеристике духовного состояния людей на грани двух столетий – девятнадцатого и двадцатого, святой Кронштадтский Пастырь с душевной болью показывает их обмирщение и опускание всё ниже и ниже в бездну греха. По его мысли, многие

увлекались суетными занятиями, суетными удовольствиями, не оставляя времени для проникновения в дух христианской веры, церковного Богослужения, уставов, для познания цели праздников святой Церкви, постов и проч. «Вы, – обращается он к современникам (думаю, – и к нам. – *К. С.*), – знаете иногда наизусть, какую пьесу играли в театре, из скольких действий или явлений она состоит, какое содержание её общее и в частностях, а сущности христианских Таинств не знаете, между тем как они достойно приемлющим их доставляют жизнь вечную и неизреченные блага вечной жизни; вы не знаете сущности Богослужения Святой Православной Церкви… Вы не знаете содержания и значения ни вечернего, ни утреннего, ни обеденного Богослужения и всегдашних песнопений, чтений и обрядов церковных…» (М 2: 101-102). Одна из причин сему – недостатки в образовании и воспитании.

Святой Иоанн строго отзывается о современном ему образовании. «Нынешнее образование, – свидетельствует он, – не образование, а безобразие, потому что проникнуто совершенно духом мира, а не духом Господним, не духом веры и благочестия. Правда, есть Закон Божий, и хоть он поставлен в программе на первом месте, но на деле больше оказывается последним… и по причине растленности человеческой природы грехом – ему мало сочувствуют, а без сочувствия – что за польза от знания? Сочувствие вводит в жизнь вечное знание. К этому прибавьте светские журналы, дышащие совершенно духом света, лёгкие, игривые, наполненные карикатурными примерами разных страстей человеческих» (Д 1: 496). Да и некоторая христианская литература недалеко уходила от светской. «Языческая древняя письменность была нередко, кажется, лучше и чище (Цицерон), возвышеннее по своему началу и побуждению, чем письменность иная народов христианских» (М 2: 42).

В образовательных учреждениях великое почтение уделялось иностранным языкам. «Что это за комедия, – вопрошает святой Пастырь, – что на изучение иностранных языков и при воспитании обращено огромное внимание, а на веру, на Закон Божий – на эту основу человеческого благоденствия земного и залог блаженства

вечного… обращается мало внимания? Объюродели… Как будто всё, что наше, от сравнения с иностранным в самом деле становится хуже» (Д 1: 332-333). И теперь судите же: «Как ждать от общества духа христианского, духа спасения, духа церковности? Ни Христа, ни Креста там нет в сердце, только с виду» (Д 1: 496). Смотреть на такое образование жалко и больно: «Воспитанники и воспитанницы выходят совершенно с тёмными очами сердца, без веры в сердце, без страха Божия, с наклонностью к весёлостям света: что будет? Мало проку в молодом поколении» (Д 1: 361).

Первейшая задача образования, а тем паче духовного, научить «самому нужному, самому главному знанию – сердечному познанию "*Отца щедрот*" ***(2 Кор. 1, 3)*** – Бога и Сына Его – Христа Бога и с Ним и Духа Животворящего. Что твои науки, когда они удаляют из сердца веру в «жизнь будущаго века» и поселяют в сердце лихорадочную любовь к наслаждению временной жизнью, при которой человек помнит только себя, забывая о других» (Д 1: 510). При образовании юношества больше всего надо заботиться о том, чтобы помочь ему стяжать "*просвещенна очеса сердца*" ***(Еф. 1, 18)***. Наше сердце есть «первый деятель в нашей жизни и во всех почти познаниях наших зрение сердцем известных истин (идей) предшествует умственному познанию. Бывает так при познаниях: сердце видит разом, нераздельно, мгновенно; потом этот единичный акт зрения сердечного передаётся уму и в уме разлагается на части: являются отделы, предыдущее, последующее, словом – зрение сердца в уме получает анализ свой. Идея принадлежит сердцу, а не уму, – внутреннему человеку, а не внешнему. Поэтому весьма важное дело – «просвещенна очеса сердца» при всех познаниях, но особенно при познании истин веры и правил нравственности» (Д 1: 312-313). И святой Пастырь снова и снова взывает: «Воспитатели! Всё внимание ваше сосредоточивайте на сердце воспитанниц и воспитанников: когда сердце просветите у них, тогда ум сам собой просветится; ум – герольд сердца, ум видит то, что прежде видит сердце. "*Вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих*?" ***(Мф. 9, 4)***. Будь сердце чистое: и не было бы мыслей лукавых у человека – их начало в сердце. Потому "*блажени чистии сердцем: яко тии*

*Бога узрят" **(Мф. 5, 8)***» (Д 1: 347). В этом проявляется то, о чем Спаситель сказал: «*...едино же есть на потребу*» ***(Лк. 10, 42)***. Между тем и наставники, и воспитатели пекутся и молвят «в своих школах *о мнозе*» ***(Лк. 10, 41)***, а главным пренебрегают (Д 1: 203).

Святой Пастырь считает, что необходимо всем – «с самого начала» преподавать «Катихизис краткий» (Д 1: 302). Подобное говорит он и о Священной Истории: «Краткую Священную Историю преподавать так, чтобы она служила введением к новой истории, и в ветхозаветной истории везде показывать Христа» (Д 1: 516).

Непрекращаемым продолжением школьного образования должно быть самостоятельное занятие: неотменное поучение в Законе Божием, частое чтение святого Евангелия, изучение Богослужения, исполнение заповедей и уставов церковных, чтение творений святых Отцов, духовных журналов, «чтобы проникаться духом христианским и жить по-христиански. Вот ваши зрелища!» (М 2: 102-104). Полезно и чтение других душеспасительных книг. «В благонамеренных сочинениях людей уважай "*свет* Христов, *просвещающий всякаго человека, грядущаго в мир*" ***(Ин. 1, 9)***, и с любовью читай их, благодаря Светодавца Христа, всем ревностным неоскудно изливающего свет Свой» (М 1: 13). Доброе воздействие оказывает и благородная музыка – навевает на душу «чувства тихие, целомудренные, святые». Такую музыку святой Иоанн рекомендует слушать и питать ей душу. Но только такую. Если же чрез звуки инструмента или голоса «вливаются в душу твою страсти, – оставь слушать, брось и тело, и дух музыки» (Д 1: 449).

«Науку наук» святой Пастырь усматривает в знании и умении побеждать живущий в нас грех и борющие нас страсти. «Великая мудрость – ни на кого и ни за что не сердиться, ни о ком не мыслить зла, хотя бы кто и причинил нам зло, а всеми мерами извинять его; мудрость – презирать корысть, сласти, а любить нестяжание и простоту в пище и питье с всегдашней умеренностью; мудрость – никому не льстить, но всякому говорить правду безбоязненно; мудрость – не прельщаться красотой лица, но уважать во всяком красивом и некрасивом человеке красоту образа Божия, одинаково у всех;

мудрость – любить врагов и не мстить им ни словом, ни мыслью, ни делом; мудрость – не собирать себе богатства, но подавать милостыню бедным, да стяжем себе сокровище неоскудевамое на небесех! Увы! Мы едва не всякую науку изучили, а науки удаляться греха вовсе не учили и оказываемся часто совершенными невеждами в этой нравственной науке. И выходит, что истинно мудрые, истинно учёные были Святые, истинные ученики Учителя Христа, а мы все, так называемые учёные, – невежды, и чем учёнейшие, тем горшие невежды, потому что не знаем и не делаем единого на потребу, а работаем самолюбию, славолюбию, сластолюбию и корысти» (М 2: 179-180).

В тесной связи с этими мыслями святой Иоанн отмечает, что требуется от учителя, воспитателя и какие обязанности возлагаются на учащихся, воспитанников.

Наставники и воспитатели должны, прежде всего, внимать своему сердцу и укреплять его «сердечной молитвой во всяком деле своём», теплотой, искренностью и гнать от себя «леность и неохоту к занятиям» как злые козни *"князя мира сего"* ***(Ин. 12, 31)*** (Д 1: 318). Учеников своих должно любить и так заботиться о них, «чтобы считать их всем для себя… Учители должны превосходить плотских отцов, должны быть усерднее их», быть готовыми на подвиг ради их блага (Д 1: 524). Важно также не допустить до падения свой «учительский авторитет», «уметь поддержать уважение к себе учеников и во всё время их учения оставаться их научным идеалом – вот задача деятельности учителя… Ещё – иметь при себе всегда список всех учеников и точно выставлять всем свои отметки» (Д 1: 259).

Учителей, исполненных духом «мудрования», святой Иоанн советует останавливать следующими словами Премудрого сына Сирахова: *"Вышших себе не ищи и крепльших себе не испытуй. Яже ти повеленна, сия разумевай"* ***(Сир. 3, 21-22)***. «Дух мудрования, – продолжает святой Пастырь, – мучит больше людей учёных, у коих горизонт познаний широк и в коих есть, где разгуляться духу ложного мудрования» (Д 1: 459)… Опасна в учительском служении и нерадивость. «Нерадивый законоучитель убивает нравственность учеников»

(Д 1: 299)... Чтобы не случилось ни первого, ни второго, их надлежит духовно испытывать – «востязать и геогностов, и астрономов-лицемеров, по словам Спасителя (См.: Лк. 12, 56)» (Д 1: 359).

Учащиеся, в свою очередь, обязаны слушаться учителей, повиноваться им, воздавать им подобающую честь (Д 1: 524-525); стараться проникать в дух, в сущность лекций и чрез это – «научиться проникать, как христиане, в дух веры, писания, молитв, обрядов и провождать духовную, а не плотскую жизнь» (Д 1: 440). Их священный долг готовить себя, во-первых, быть верными сынами Святой Церкви, а, во-вторых, – полезными слугами отечеству, «оттого, что главное назначение человека – для Неба, для вечности; и ещё оттого, что не будь они хорошие христиане, тогда они не будут и полезными, самоотверженными слугами Отечества» (Д 1: 380).

Увести учащегося с верного пути может неумеренная похвала его со стороны наставника. Святой Иоанн даёт такой урок воспитателям: «Не расточайте безрассудно похвал юношам, чтобы они не возмечтали о себе и сердце их не заразилось гордостью, а чуть-чуть только давайте им чувствовать их преимущество пред другими для их поощрения и в менее способных указывайте другие достоинства, которых нет в способнейших» (Д 1: 389).

Во все времена – и в нынешние и прошедшие, – заключает свои наставления святой Пастырь, – успешно совершали и совершают «умственное и нравственное воспитание» те, которые жили и живут по святому «Евангелию и учению Церкви, подчиняясь её руководству. Вот вам полезное замечание, все современные педагоги! Наук-то у нас много, а дел выходит мало; у юношей наших в голове много, а в сердце мало, а часто – увы! – нет ничего! Жизнь-то не соответствует образованию и науке. Но "*аще вем тайны вся и весь разум... любве же не имам, никая польза ми есть*" ***(1 Кор. 13, 2-3)***» (М 2: 192).

XIX. БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ, ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

> «От Всеблагого Бога – только благое происходит, а не злое, и самая болезнь твоя есть благо. А ты ропщешь, малодушествуешь, унываешь: терпи, благодари. За вольные сласти в юности – невольные болезни в старости»
>
> *(Д 2: 45)*

Благодать Божия и Промысл Божий есть единое действие Любви Первообраза к Своему образу.

Благодать – это «благая сила Божия, даруемая человеку верующему во имя Иисуса Христа или Святую Троицу, очищающая, освящающая, просвещающая, вспомоществующая в делании добра и удалении от зла, утешающая и ободряющая в напастях, скорбях и болезнях, споручительствующая в получении вечных благ, уготованных Богом на Небесах избранным Его» (Х: 342-343).

Благодать содействует человеку победить его греховные привычки и помогает ему преобразиться. Силой Благодати гордый, самолюбивый, завистливый становится смиренным, доброжелательным, кротким, самоотверженным; безразличный к святой Церкви – усердным исполнителем её предписаний; сребролюбивый – нестяжателем; жестокий – сострадательным и проч. Человек становится иным «по возрождающей, претворяющей и обновляющей силе Благодати» (Х: 343). Что было бы, если бы нам не подавалась Благодать Божия, если бы она не пришла после содеянного нами греха и не расположила бы грешника «к покаянию и слезам? Что, если бы только собственными усилиями предоставлено было получать её? О, окаянные мы человеки были бы тогда, редкий, редкий кто мог бы избавиться от бремени грехов, ибо природа наша вообще ленива к усиленным трудам, особенно в духовной жизни, и без помощи, без сильного облегчения и услаждения духовных трудов, отказались бы от них, бросили бы дело своего спасения. Теперь же Премудрый Бог и Благостный Отец то

облегчит и усладит наше духовное бремя, то иногда отягчит его для нашего испытания, для научения нас терпению и изнурению своей лукавой, погибельной плоти, мудро сменяя одно другим, – и дело нашего спасения, благодаря Богу, всегда возможно, не слишком трудно и весьма часто приятно для нас» (Д: 217-218). Потому-то святой Иоанн и свидетельствует: «Всё благое для меня и во мне – Господь; сам я – нравственное ничто, паче же – зло, как и Господь мой говорит: *"Без Мене не можете творити ничесоже"* ***(Ин. 15, 5)***» (Д: 758). «Как удобно и скоро может спасать нас Господь. Мгновенно, неожиданно, неприметно. Часто днём я бывал великим грешником, а вечером после молитвы отходил на покой оправданным и паче света убелённым Благодатью Святого Духа, с глубочайшим миром и услаждением на сердце! Как легко Господу спасти нас и в вечер нашей жизни, при закате дней наших! О, спаси, спаси, спаси меня, Преблагий Господи, приими мя во Царствие Твоё Небесное! Всё возможно Тебе» (Д: 94-95).

В изобилии действие Благодати Божией проявляется в служении священника, как носителя апостольской харизмы. «Я ничто, – говорит святой Пастырь, – но по Благодати Священства, чрез преподавание Божественного Тела и Крови, делаюсь вторичным или третичным виновником исцеления болезней; чрез меня Благодать Духа возрождает к пакибытию младенцев, совершает в Таинстве Евхаристии Тело и Кровь Иисуса Христа, соединяет верных с Божеством; чрез меня решит и вяжет грехи человеческие, затворяет и отворяет Небо, подаёт душеспасительные советы, правила и проч. О, как досточтим сан священства! Братия, видите ли сколько благодеяний изливает на вас Творец и Спаситель чрез священников» (Д: 434).

Дары Благодати подаются по милости Божией, и по той же милости получивший их призывается к действию. «Что я принесу Тебе, Господи, за вся благая Твоя, ими же непрестанно меня ущедряеши? – с пастырской преданностью обращается к Самому Богу Батюшка. – Единую веру мою, ибо дел не имам оправдающих мя, ничто же бо благо сотворих пред Тобою. Но и вера моя есть Твой же дар; обаче Твоя от Твоих приносимое Тебе приими. Ибо всё – Твоё, и все мы – Твои; Ты

совершеннейший Первообраз наш, мы образы неизреченной Твоей славы» (Д: 262). И в другом случае заявляет: «Даров Господних не должно удерживать в себе, но изливать на других; образец – природа: солнце не удерживает в себе одном свет, но изливает его на землю и на луну. Особенно пастыри не должны света своего или, лучше, Божьего удерживать в себе, но обильно изливать свет своего ума и знания на других» (Д: 334). Да не будут получаемые нами дары Благодати праздными. «Даждь им, Господи, – молится отец Иоанн, – движение спасительное и полезное. Сотвори сие во всех. Да умножатся таланты Твои, Господи, собственной деятельностью каждого из нас» (Д: 353-354).

Особый дар Благодати подается в Святых Таинах Тела и Крови Христа Спасителя, потому и отношение к нему особо почтительное и ответственное. «Святые Таины называются Божественными Дарами, потому что подаются нам Господом совершенно туне, даром, незаслуженно с нашей стороны». Господь вместо того, чтобы наказать нас за наши беззакония, в Своих «Святых Таинах подаёт нам прощение и очищение грехов, освящение, мир душевных сил, исцеление и здравие души и тела и всякое благо, единственно только по вере нашей». Если же Господь подаёт нам туне и ежедневно для вкушения «Свои Божественные Таины, то не должны ли мы неотложно давать туне, даром тленные блага: деньги, пищу, питие, одежду – тем, которые просят их у нас? И как можем мы негодовать на тех, которые даром едят хлеб наш, когда мы сами вкушаем даром бесценное и бессмертное брашно Тела и Крови Господней?» (Д: 565).

Опытно познав неоценимую пользу действий Благодати Божией, святой Иоанн скорбит, что многие живут вне ее, не сознавая её важности и необходимости. Живут они, занятые погоней за скоротечными земными удовольствиями, а «Благодати Божией в сердцах своих не имеют, этого бесценного сокровища христианского, без которого христианин не может быть истинным христианином и наследником Царствия Небесного» (Х: 344).

***

«Промысл Божий, – по определению святителя Филарета, митрополита Московского († 1867), – есть непрестанное действие всемогущества, премудрости и благости Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, всякому добру вспомоществует, а возникающее чрез удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям» (Катихизис). Это определение отражает в полноте и наставления отца Иоанна.

Действия Промысла Божия проявляются в благодеяниях Божиих, которые могут казаться и радостными, и скорбными, но все они ведут к одной цели – исправлению, а значит – спасению.

Святой Пастырь художественно описывает благодеяния Божии к человеку – великие благодеяния к нему, невзирая на его неблагодарность. Как бы от имени Бога отец Иоанн говорит: «Я чрез всё угождаю вам: Я сотворил вас» великими, для вас засветил солнце, луну, звезды; сотворил землю с её красотами; разлил воздух для дыхания; дал огонь для ваших нужд; дал различную пищу и питие; «Я умудрил вас делать многоразличные ткани для одеяния вашего и дал материалы для него; Я дал вам злато, сребро, медь и другие металлы в недрах земных для монеты и для изделий ваших; Я собрал вас в благоустроенные общества; дал вам, наконец, Единородного Сына Своего на смерть, отдал Его, с Его изволения… Церковь на земле под Его главенством устроил. Вы же что для Меня сделали и делаете? Чем воздаёте за вся благая Моя? Забвением Меня, неблагодарностью предо Мной, отвержением Меня, презрением законов Моих!» (Д: 200-201).

От многоразличных наших греховных привязанностей Господь и уводит соответственно многими способами – испытаниями: одного – потерей денег, другого – пожаром, наводнением, болезнью самого или родных и проч. «Всех испытывает всяко, да… откроет в каждом его слабые, болезненные стороны сердца и научит каждого исправлять себя. Весьма у многих *“душу проходит оружие, яко да откроются от сердец их помышления их” (Лк. 2, 35)*. Потому, какой

бы ни случился убыток из твоего имения, верь, что на то есть воля Господня и говори: *"Господь даде, Господь отъят; яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно"* ***(Иов. 1, 21)***» (Д: 201).

С чувством благодарности за спасительную десницу Божию святой Иоанн свидетельствует: «Господь – жизнь в смерти моей, сила в немощи моей, свет во тьме моей, радость в скорби моей, дерзновение в малодушии моём, спокойствие в смятении моём, благопослушество в молитве моей, слава в бесчестии моём и избавление от бесчестия моего. Дивно, могущественно, скоро заступает и спасает Он меня в бедах и теснотах моих, в увлечениях моих. Когда я взываю к Нему о спасении своём – невидимые враги бегут от меня после пакостей своих внутри меня, и я обязательно познаю над собой спасительную десницу Бога моего, Спасителя моего. Слава, благодарение Пастырю и Искупителю души моей!» (Д: 224).

Действия Промысла Божия вселяют в сердце верующего подлинную радость и учат полагаться на него. «О чём мне печалиться, когда я бываю и могу быть всегда одним духом с Господом? – вопрошает святой Иоанн и отвечает: – Всю печаль мою возверзу на Него. Небо и земля несколько тысяч лет существуют Господом, Его силой и законами, тогда как они бездушное… вещество. А травка, а цветы полевые. А деревья, а птички, рыбки и проч.? Как всё это учит нас совершенно полагаться на Промысл Божий!» (Д: 611). Если Господь не оставляет Своим Промыслом травку, цветок, листочек, то неужели оставит нас? «О, убедись всем сердцем каждый человек в том, что верен Господь Сам Себе в Своём Промысле о всякой, даже малейшей Своей твари. Уразумей, что каждой твари невидимо присущ Творец… Чем Бог не веселит нас, Своих тварей? Даже цветочками… Будем… и сами на Его любовь к нам отвечать своими любящими сердцами» (Д: 92). Святой Пастырь призывает полностью положиться на Промысл Божий и не печалиться при утере чего-либо видимого, временного – для верующего единственная и всегдашняя радость – Господь. «Положися на Него совершенно, – призывает Батюшка, – Он знает, как тебя провесть безбедно чрез настоящую жизнь и привести к Себе – в вечное Своё Царство. От недостатка упования

на Промысл Божий происходят и многие, и большие огорчения: уныние, ропот, зависть, скупость, сребролюбие или страсть к накоплению денег и вообще имущества, чтобы стало их на лета многа, чтобы есть, пить, почивать, веселиться... Мы как христиане, как *"приснии Богу и сожители святым"* ***(Еф. 2, 19)***, весь живот наш Христу Богу предадим, со всеми скорбями, болезнями, печалями, радостями, скудостью и довольством» (Д: 362-363).

Положиться на Промысл Божий – то же, что покориться воле Божией. И святой Иоанн это подчёркивает и продолжает: «Когда ты хочешь быть и всеусильно стараешься быть безболезненным и здоровым, а между тем остаёшься болен, говори: "Да будет воля Твоя". Когда предпринимаешь что, а предприятие не удаётся... когда делаешь добро другим, а тебе платят злом... Когда ты хочешь спать, а у тебя бессонница, говори: "Да будет воля Твоя". Вообще, не раздражайся, когда что-либо делается не по твоей воле и научись во всём покоряться воле Отца Небесного. Ты хотел бы, чтобы не было с тобой искушений, а между тем тебя враг ежедневно томит ими, разжигает тебя, утесняет всячески – не раздражайся, но говори: *"Да будет воля Твоя"*» (Д: 775). Не следуй своей воле ни на одно мгновение, а следуй воле Божией, «которая есть любовь ко всем... и святость наша» (Д: 475). «Не попусти, Господи, ни на мгновение, чтобы я творил волю врага Твоего да моего – диавола, но чтобы я творил непрестанно волю Твою единую, Бога и Царя моего: Ты един, истинный Царь мой, Имже цари царствуют; даждь мне повиноваться Тебе, благоговеть пред Тобой всегда искренно и твёрдо» (Д: 358).

***

Без Благодати Божией, без Промысла Божия невозможно побороть ни одного греха, ни одной страсти. «Посему, – учит святой Пастырь, – проси всегда помощи у Христа Спасителя своего. Он для того и пришёл в мир, для того пострадал, умер и воскрес, чтобы во всём помогать нам, чтобы спасать нас от греха и от насилия страстей, чтобы очищать грехи наши, чтобы подавать нам в Духе Святом силу

к деланию добрых дел, чтобы просвещать нас, укреплять нас, умиротворять нас. Говоришь: "Как спастись, когда на каждом шагу грех стоит и на всякую минуту грешишь?" На это ответ простой: "На всяком шагу, на всякую минуту призывай Спасителя, помни о Спасителе и спасёшься, и других спасешь"». (Х: 344-345).

***

«Моя, – заключает свои наставления Батюшка, – ежедневная величайшая беда – грехи, язвящие и гложущие моё сердце. Но против этой беды есть ежедневный же величайший Избавитель и Спаситель Иисус Христос. Он мне ежедневно благотворит невидимо, благостно. Грешники бедные! Познайте сего Спасителя, как я знаю Его по благодати Его, по дарованию Его» (Х: 345).

XX. КОНЕЧНОСТЬ ПУТИ

> «В конце концов мы все должны будем оставить здешний краткий век и перейти в вечность, и явиться святому и праведному Судии и Творцу всех Богу и дать отчёт о всей своей жизни! Как и с чем мы явимся? Какой суд и приговор Его услышим на всю вечность? Вот о чём мы должны чаще размышлять, о чём заботиться»
>
> *(Д 2: 104)*

С Божией помощью, по молитвам проповедника Истины святого праведного Иоанна Кронштадского, данная работа подходит к концу. Какие же думы наполняют душу Учителя, а вслед за ним и ученика? Думы одни: найти правильный путь жизни, крепко утвердиться на нём и, не сбиваясь, идти и идти, пока не придёшь в Светлую Вечность, где нет ни болезней, ни печалей, где есть Сияние Божества!

Утром, встав с постели, положи на себя крестное знамение с произнесением слов: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» и скажи: «Господи, сподоби в день сей без греха сохранитися нам и научи мя творити волю Твою»; надевая чистую одежду – думай о чистоте сердца, если новую – об обновлении духа; выбрасывая ветхое одеяние – думай «об отложении» ветхого, греховного человека; вкушая пищу – думай об истинном Хлебе – Теле и Крови Христовых; пошёл куда-нибудь – думай о духовном хождении пред Богом; начал какое-либо дело – делай его с мыслью о Премудром Творце; получил сокровище – помни, что подлинное наше сокровище – Бог и поделися своим богатством с нуждающимися, с требующими участия; «видишь ли златый блеск или злато, не прельщайся им, но помни, что душа твоя должна быть, как злато огнем очищенное»; отдыхаешь ли – думай о вечном покое после тернистого земного пути; ложишься спать ночью – подумай о смертном сне, «который рано или поздно непременно придёт для всех нас»; снова встречаешь день – подумай о времени Царствия Небесного, где будет неизреченная радость для всех праведников. «Во всем и на всякое время угождай Богу и думай о спасении души своей от грехов и диавола и усвоении её Богу» (Д: 265-267).

Задача и цель нашей земной жизни – соединиться с Богом. Порогом на этом пути стоит грех – наш страшный враг, убийца души. Хотя препятствие большое, но не непреодолимое – с Божией помощью оно одолевается и даже в духовной радости (Х: 426-427).

Что соединение с Богом право верующих в Него и живущих по вере последует в Будущем Вечном Веке – познаётся, хотя и отчасти, ещё в жизни нынешней. Знаком близости христианина ко Спасителю служит его частое сыновнее обращение с верой и любовью к Нему, частое призывание на помощь, частое обращение к нему мысли, сердца. Спаситель обнаруживается в его слове, и в его взоре. «Далёкий от Христа человек редко, редко обращается мыслями ко Христу, и то не с сердечной верой и любовью, а так только, по какой-нибудь необходимости, и то как к лицу, которое мало знакомо его сердцу, которое не радует и не услаждает его сердца, не имеет для него

всей привлекательности». Не нашедшие Христа Спасителя живут без веры, заботятся лишь о житейском – земном, а время улетает – день за днем, год за годом, «пока, наконец, ударит последний, грозный час, и им скажут: стойте, ваше течение совершилось, ваше время потеряно; грехи, беззакония ваши все пришли пред вас и всей своей силой обрушиваются на вас, и своей тяжестью будут вечно подавлять вас». Близкие же ко Спасителю люди бережно хранят Его в своём сердце; Им они живут. Для них Он – «дыхание, пища, питьё, жилище – всё… Они… прилепляются к Нему всем своим существом… и в этом прильпении находят для себя неизреченное блаженство, которого не знает мир» (X: 427-428).

В близости Божией надо быть так уверенным, чтобы чувствовать, что в молитве происходит прикосновение к Нему и сердцем и языком (X: 427). «Чтобы иметь тебе непоколебимую уверенность во время молитвы получать от Господа всякое духовное благо, – учит Батюшка, – веруй, что ты, соединяясь на молитве с Господом, становишься *"един дух с Ним" **(1 Кор. 6, 17)***… Он всесовершенное совершенство – значит и ты, по мере своей приемлемости, по мере веры и любви, сделаешься участником Его Божественных совершенств. В соединении души твоей с Богом не считай ничего неудобоисполнимым, невозможным» (X: 430).

Итак, земной путник, иди уверенно по пути Заповедей Божиих, неослабно подвизайся «за будущее нескончаемое блаженство, которого начатки ты опытно знаешь и в настоящей жизни… Помни, что ты всегда ходишь пред лицом Сладчайшего Иисуса. Говори себе чаще: "Я хочу жить так, чтобы жизнь моя радовала Любовь мою, распятую ради меня на Кресте. Особенно же я возьму себе спутницу и подругу жизни моей любовь святую, всех вмещающую в моём сердце, жаждущую спасения всех, радующуюся с радующимися и плачущую с плачущими: это особенно утешит моего Учителя – Христа"» (X: 429). Пойми своё назначение, всегда помни, «что общий Владыка зовёт нас к соединению с Собой» (X: 427).

Напомнив о конечности нашего пути – и в земном измерении, и вечном – единение с Богом, святой Пастырь взывает и взывает:

«Братья! Готовьтесь к соединению с Богом: бросьте суету земную. Займитесь великим делом самоочищения и самоусовершенствования. Возлюбите прогресс веры и добродетели, а не прогресс века сего. Мы приготовляемся на земле узреть Художника всякой твари, видимой и невидимой, Красоту всего – там в вечности» (Х: 430).

XXI. ИНОСЛАВИЕ

> «Неправо верующие… не узрят славы Твоей, Христе… А мы узрим? Это зависит от нашей жизни, веры, благочестия»
>
> *(Д 2: 97)*

Велико Святое Православие: в нём открывается верный путь к Богопознанию, даются средства к шествию по нему, к жизни в Боге, к достижению конечной цели. «Православие, православная вера и Церковь, – учит святой праведный Иоанн Кронштадтский, – как солнце, сияют в поднебесной и могут спасти всякого человека, исповедующего православную веру и принадлежащего к Православной Церкви. Православие – во всей чистоте истина на земле, неповреждённая человеческим мудрованием, превратным, ложным, душегубительным» (М: 178). Православная вера даёт всё необходимое «для победы над грехом и тлением, плодом греха»: в чистом исповедании, во святых Таинствах, в спасительных Богослужениях, постах, почитании святого Креста и святых икон, в жизни по Апостольским и святых Отцов правилам. «Эти средства ко спасению – и для победы над грехом, и исполнению всякой добродетели христианской – суть самые верные, испытанные, дознанные как таковые: на деле они привели ко спасению бесчисленное множество душ христианских» (П: 18).

Не то видим в мире инославном.

***

Силы зла – «бесплотные враги» – стремятся охладить сердца людей, остановить их в стремлении к Богу, к его Правде и вовсе отчуждить их от Него. При молитве они внушают людям скверные помыслы, склоняют душу и тело к лености; во время совершения святых Таинств наводят сомненья, совопросничество. А при исповедании людьми веры те же духовные враги уводят их от Истины и достигают того, что в одних христианских обществах лишают мирян спасительного Причастия Крови Христа Бога, у других совсем исторгают Святые Таины, возбуждают «нетрезвые и блуждающие умы» разными ересями, расколами, «безбожными или скептическими учениями и сектами». Многими способами зла «враг старается всячески противиться намерениям и повелениям Христа Спасителя нашего чрез ереси и расколы, не допуская людей до признания всецелой евангельской истины и искажая ее ложными мудрованиями и оставляя их растлеваться неверием истине Христовой, лжемудрованиями и разными страстями» (П: 5, 6, 7).

В мире христианства существует много отдельных исповеданий веры, с разными взглядами, мнениями, внутренним и внешним устроением. Святой Иоанн предупреждает, что их нельзя считать «все за истинные и спасительные: безразличие в вере, или признание всякой веры за одинаково спасительную, ведёт к безверию или охлаждению к вере, к нерадению об исполнении правил и уставов веры, к охлаждению христиан друг к другу» (М: 31). Более того, они «вносят в общество людей разъединение, разногласие, и этим ясно изобличают себя, что они не от Бога» (Д: 167). Кто же они? Все отступившие от истины Святого Православия или не познавшие его. Это: католики и протестанты во всех своих ветвях и дроблениях. «Таков Лютер, – говорит святой Иоанн, – таковы расколоучители, таковы все еретики. Они разъединили единую Церковь Божию, рассекли несекомую, множественную единицу, соединенную под единым Главой Церкви – Христом, одушевлённую единым Духом Божиим, и этим доказали, что они были орудия диавола, который о том и заботится, чтобы разъединить, расточить и рассеять овец Господних» (Д: 167).

***

Самое многочисленное христианское общество – католики. О них святой Иоанн говорит во многих местах своих творений. Сказанное им можно свести к следующему: «У католиков правой веры нет, а вера у них неправая, повреждённая ложными мудрованиями западных учителей; Таинства совершаются неправильно, особенно Таина святого Причащения – на опресноках, и мирянам не преподаётся Пречистая Кровь Христова» (П: 18). (Ради правды, следует отметить, что в последнее время разрешено причащать всех и Пречистой Кровью).

Больше всего возмущает святого Пастыря папство с его так называемыми «непогрешимыми» деяниями. Папство – это поругание над истиной, над правдой Божией, над Священным Писанием, над словами Христа Спасителя. Господь ясно учит об исхождении Святого Духа от Отца и никогда не говорил, что Он якобы исходит и от Сына. Папы же, вопреки этой истине, «приняли ложь, что Дух Святой исходит и от Сына, и возвели это учение в догмат общего верования и исповедания римских католиков, и как в этом учении, так и во многих других, противных Евангелию, называли себя непогрешимыми; а мы называем их до невероятности гордыми и нераскаянными грешниками, не желающими сознавать своих явных и нелепых погрешностей, например: что Римский епископ есть глава Церкви, между тем как в Писании везде Главой Церкви, как Тела Своего, называется Сам Господь Иисус Христос и т. д. Таким образом папство впало в хулу на Духа Святого, допустив и утвердив явную ложь, изрыгая хулу на Христово учение, как и на вещание непреложное Духа Святого, принимая нелепые учения за истину Божию и понося чрез то Духа истины» (П: 134). «О суемудрие человеческое! – восклицает святой Иоанн. – О лукавство, о хитросплетение лжи! Лишили паписты мирян Крови Христовой, пролиянной во очищение грехов. О безглавное главенство, действующее вопреки истинной Главе – Христу Богу!» (П: 86).

В деяниях папства и папистов святой Иоанн видит одну гордость – ту самую, которая привела к падению денницы. «Папа и

паписты до того возгордились и вознесли себя, что вздумали критиковать Самого Христа, Саму Ипостасную Премудрость Божию и под предлогом развития догматов извратили некоторые Его словеса, заповеди и установления, которые не должны быть изменяемы до скончания века» (П: 70).

***

Отделившиеся от католичества протестанты в разных ветвях и направлениях – лютеране, англикане, реформаты и проч. – пошли по пути отступлений от православной веры ещё дальше, по пути, уводящему от истинного почитания Бога. «У лютеран и англиканцев нет Церкви, – заявляет святой Пастырь, – ибо они не почитают Святых и не молятся за умерших, которые суть также члены Церкви; у них нет и Главы Церкви, Христа, ибо Он есть Глава целого тела, а не рассечённого, каково у лютеран и англиканцев; у них нет и Кормчего у корабля – Духа Святого, ибо Дух Святой не может пребывать там, где тело Церкви произвольно и дерзновенно расчленено и лишено жизни». У них нет законного священства; нет у них «и законных, освящающих, утверждающих, Боготворящих Таинств – Покаяния, Причащения, Миропомазания, Священства, Брака и Елеосвящения. А где почитание святых Ангелов у лютеран и англиканов? И они суть члены Церкви: ибо Христом Богом составлена и возглавлена Им едина Церковь Ангелов и человеков» (П: 134-135).

Не пользуется у протестантов должным благоговением, «торжественным почитанием и поклонением» Божия Матерь. «Но вы, – обращается ко всем Батюшка, – должны помнить, что Матерь Господа Иисуса Христа, святые Ангелы и святые человеки чистые образы Божии, друзья Божии, как Авраам назван другом Божиим. Как же не поклоняться живым образам Божиим, чадам и друзьям Божиим?» (Д: 461).

Многие лютеране и англикане «считают чем-то неестественным» и не нужным почитание святых икон, животворящих мощей, соблюдение постов… (Д: 584; М: 21; П: 18). Но самое главное – у протестан-

тов нет Святого Причастия – оно у них «не действительно, ибо нет пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христову» (П: 18). Для совершения святой Евхаристии требуется законное священство, а его у протестантов нет. «Священство уничтожено, – свидетельствует отец Иоанн, – и каждый лютеранин есть сам священник; таким образом, нет у них и не может быть благодатных средств к искоренению греха, – они уничтожены реформацией, – мудрости и силы в борьбе с грехом и мудрейшим змием у них нет, по отпадении от истинной веры и Церкви. И они не могут бороться со змием, древним человекоубийцей, делаясь вполне его пленниками» (П: 18). Отсутствие законного священства ведёт к лишению небесных благ – благодати и милости Божиих, самого спасения. «Не напрасно Сам Совершитель нашего спасения – Господь – называется Первосвященником во век, по чину Мелхиседекову; и Он имеет священство непреходящее, вечное, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за нас. Он Учредитель, Глава и Совершитель священства, сущего на земле, купно с Освятителем и Совершителем Духом Святым» (П: 88)… Да лютеране и англикане не верят в претворение хлеба и вина в истинное Тело и истинную Кровь Христа Спасителя, а отсюда, «хотя они и называются евангеликами» – «не верят вполне Евангелию» (П: 133).

И ещё: у них нет умилостивительной жертвы за почивших – «мёртвые оставлены без помощи, не пользуются попечением и любовью Церкви, брошены на произвол» (М: 21).

Коснувшись отступлений протестантов от Истины Святого Православия, Батюшка ставит ряд вопросов и сам отвечает на них: «Что же это за церковь, – та церковь, которая неразумно и дерзновенно порвала связь с Небесной Церковью Торжествующей, прервала общение с умершими в молитвах и прервала общение с Церковью, исповедающей веру Христову в первобытной чистоте?! Есть ли это живое и святое тело Церкви? Можно ли назвать телом, организованным и живым, одно туловище, без головы, и без рук, и без ног, без глаз и без ушей? И такое общество провозглашает ещё свою веру очищенной, истинной верой и чуждается обрядов нашей веры святой, непорочной. Та ли вера очищенная, которая отвергла Священство

и прочие Таинства, кроме Крещения и Причащения, которое, впрочем, не действительно; отвергла почитание Святых, их мощей и икон, посты, монашество, молитвы за умерших? Это ли вера евангельская? Это ли Церковь Христова и Апостольская? Нет, это самодельная церковь, составленная по произволу человеческому, под влиянием страстей человеческих и угождающая страстям человеческим... Это – превращённое благовествование Христово; это – развращение или отвращение людей Христовых "*во ино благовествование...*" Это не церковь, а душепагубное рассечение тела Христова» (Д: 584-585). В действительности это есть «отвержение веры» и, как следствие его, «поблажка чувствительности», лжеименному разуму, философским бредням; отвержение авторитета Вселенских Соборов и богословия святых Отцов; это – разрыв со Вселенской Церковью и её Главой – Спасителем. Это – «самочинное сборище, прикрывающееся именем церкви очищенной, реформованной» (М: 38).

Святой Пастырь прямо и остро вопрошает протестантских руководителей и обличает их: «Как вы можете другим давать благодать, не имея ее сами? Как вы можете пасти стадо Христово, не имея духа Христова – истины и правды Христовой? Протестанты и реформаторы, пасторы и архипастыри, – скажите, как вы можете обновлять народ и руководить к святой жизни, когда сами не имеете благодати и полномочия силы и крепости от Духа Святого, коих не можете принять нигде, кроме Святой Церкви Православной? Скажите, как вы можете совершать дело обновления человечества, которое может делать один Бог и тот, кому дал Он Свою благодать и полномочие чрез архиерейское рукоположение? У вас нет священства: как вы осмелились браться за такое дело, которое выше вашей силы? Вы и сами не обновляетесь, и народ не обновляете, не очищаете и не освящаете» (П: 86).

Вывод строгий: «Как увидят лютеране и некоторые другие христиане, отметающиеся икон, знамение Сына Человеческого – Крест в пришествии Его втором страшном на землю, когда они здесь не хотели видеть его и знаменаться им и чтить его ради Распятого на нём и ради животворящей силы его!» (М: 212).

***

Касаясь церковных расколов, по преимуществу, раскола в Русской Православной Церкви, святой Иоанн заявляет, что они не что иное, как порождение демонов, всеми своими «адскими кознями» пытающихся разрушить единое целое, подорвать любовь, увести от спасения. Из-за демонов «раскол в нашей Православной Церкви. К слову, надобно ли из-за раскольников не делать нужных, благотворных преобразований в Церкви? Надобно делать: иначе посмеются над нами демоны; ужели мы допустим одолеть себя их злобе? Да не будет» (Д: 717).

Что же сделали раскольники, наряду с другими отступниками от Святой Церкви? «Совет Божий о спасении человеческого рода, узаконения Христовы, апостольские и отеческие отвергли, священство отвергли. Но сад, "*егоже не насади Отец Мой Небесный,* – говорит Иисус Христос, – *искоренится*" ***(Мф. 15, 13)***. А этот сад кто, что? Еретики, раскольники» (М: 130).

***

Святой Пастырь, исполненный любви ко всем людям и заботы об их спасении, призывает тех, кому дорога Истина, напоминать другим о ней, увещать, бороться с искажающими её, а самим продолжать строго ей следовать: «Христианину, волей или неволей согрешающему, напоминай чаще о его достоинстве, что он обожен и что наше естество посажено на престоле с Богом Отцом, Сыном и Духом Святым. Еврею, магометанину, язычнику при случае скажи, чего они лишаются чрез своё коснение в неверии; скажи им, как возвышено наше естество Сыном Божиим, как облагорожено, облагодатствовано; христиан увещевай оставлять грехи ради такого благородства их природы; неверующих привлекай к вере Христовой» (Д: 400).

«Боритесь же, братья христиане, с врагами спасения и всячески усвояйтесь Христу Богу – правой верой, молитвой, размышлением, созерцанием, воздержанием, чистотой и деятельной любовью» (П: 6).

«Строго держитесь единой, истинной веры и Церкви: "*Едина вера, едино Крещение, един Бог и Отец всех*" ***(Еф. 4, 5)***» (М: 31).

Заключение

Открыв и раскрыв путь опытного Богопознания и всего с ним связанного, святой Иоанн с глубоко присущей ему пастырской любовью взывает: «Занимайтесь же все своим духовным воспитанием со всем вниманием и усердием; занимайтесь Богомыслием, молитвой, самоиспытанием, самоосуждением, всесторонним исправлением себя; упражняйтесь в добродетелях: кротости, смирении, послушании, терпении, милосердии, целомудрии, простоте, незлобии и отсекайте все греховные помыслы, вожделения, привычки, страсти» (П: 98-99).

ДУХОВНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ И СОВЕТЫ (по «Дневнику» 1856-1858 гг. святого праведного Иоанна Кронштадтского)

«Чаще думай о том, как ты живёшь…
Вот лучшее правило для жизни: ходи путём Божиим, то есть живи как Бог велел жить»

(*Святой праведный*
Иоанн Кронштадтский)

«Дорогому Константину Ефимовичу в преддверии 73-х летия с пожеланием дальнейших трудов на ниве церковного послушания.

Всегда искренне Ваши братия Лавры
19.08.2002 ТСЛ
г. Сергиев Посад»
(Дарственная надпись в «Дневнике»
святого праведного Иоанна Кронштадтского)

Предисловие

Когда нас позовут для какой-либо беседы с уважаемыми людьми, или просто для встречи, мы радуемся этому приглашению, охотно делимся вестью со своими близкими, готовимся к тому, чтобы явиться в званное место насколько возможно в приличном виде. А как мы ведём себя, когда нас пригласят на вечерю Господню, к Царю Царей – Единому Великому и Всеправедному? «О, развращение сердца человеческого! – восклицает святой праведный Иоанн Кронштадтский. – В светское собрание идут, прекрасно одевшись, с весёлыми лицами и проводят там время весело, в живой беседе; а в церковь идут кое-как одевшись, с лицами, выражающими привычку или принуждённость, и стоят здесь, часто скучая и зевая, не зная, что нужно делать в храме, зачем пришли сюда, как будто твари, кругом облагодетельствованной от Творца, нечего сказать, как будто любимому чаду Небесного Отца, за которого пролита и проливается Кровь Единородного Сына Божия, нечего сказать из любви и признательности? Как будто человеку, которому приготовлено бесконечное Царство от сложения мира, не стоит позаботиться о том, как бы войти в него? Это ли христиане? О дух века, о дух бесовский!»

(1: 157-157) [1]. Против духа века и возвышает свой пастырский голос святой Иоанн, размышляя и советуя…

Все творения святого Кронштадтского Наставника – глубокий, неисчерпаемый источник для правой веры и жизни в Боге. Но особенно содержательны его «Дневники», ибо они обнаруживают духовный мир праведника, раскрывают его святые мысли о Триедином Боге, о Горнем Мире, о призвании человека, понуждают его задуматься о цели жизни, смысле её – о конечных судьбах всего бытия… Святой Иоанн с истинно пастырской любовью пристально смотрит на мятущееся в суете и грехах человечество, идёт к нему, протягивает к нему спасающие руки, извлекает его из бездны скверн, обнимает, ласкает, указует ему путь Света, Добра, наставляет, советует, руководит, короче – спасает данной ему Благодатью и Властью…

В данном труде используется лишь один том «Дневника» 1856-1858 годов в двух объемных книгах – книга первая «Мысли при чтении Священного Писания» и книга вторая «Духовные опыты. Наблюдения. Советы». Первая из книг, как видно из названия, по преимуществу отражает размышления над священным текстом, вторая – над окружающей действительностью. Вместе взятые – и первая, и вторая – книги есть единое целое, как целостна и сама святая личность опытного Пастыря.

---

[1] Здесь и дальше цифры в скобках означают. перед двоеточием – часть (книгу) первого тома «Дневника», после двоеточия – страницы в ней по изданию Святой праведный Иоанн Кронштадтский Творения Дневник 1856-1858 Том I Книга первая. «Мысли при чтении священного Писания» Издательство «Отчий дом». Благотворительный фонд «Северная обитель». М., 2001. С. 612. И· «Дневник» 1856-1858 Том I. Книга вторая «Духовные опыты Наблюдения Советы». То же издательство М., 2002. С. 496.

I. К ЖИТИЮ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

«Жизнь наша в руках Божиих: мы не можем расчислить наверное, будем ли живы завтра… Какое побуждение к тому, чтобы всякою минутою жизни пользоваться благоразумно»

(1: 115-116)

Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского (1829-1908) описано обстоятельно и подробно, причём (что очень важно) его современниками, а значит людьми, которые могли встречаться с ним, видеть и слышать его, иметь своё личное впечатление [1]. Потому нет необходимости пересказывать известное. Здесь упоминаются лишь те штрихи, имеющие отношение к житию Праведника, которые он сам оставил в своём «Дневнике».

С глубочайшим смирением и такой же благодарностью Богу святой Пастырь говорит как о своих родных, так и о себе: «Дед мой был непросвещённый. Отец также, а я получил обилие света умственного. Как я сделался тем, чем не были мои родители и дед? Они не могли дать мне, чего сами не имели. Благодетель мой, Господи Иисусе! Я знаю Тебя. Я не таю благодеяний Твоих. Твоя благодать сделала меня тем, чем я есмь. „Сокровище благих! Царю Небесный, Утешителю, Душе Истины!“ Целую трепетно Твою благодеющую мне постоянно десницу» (2: 94). Святой Иоанн подчёркивает действие в его жизни благодеюшего Промысла Божия. «В ранней молодости ты, – обращается он к себе самому, – был ничтожен по званию, не имел ничего, не знал ничего, чтобы потом, сделавшись знатным, и

---

[1] Достаточно указать два капитальных труда: 1) *Митрополит Вениамин (Федченков)* († 1961). «Отец Иоанн Кронштадтский». СПб – Кронштадт. 2000. С. 952; 2) *Большаков Н. И.* «Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского». СПб., 1995. С. 856. (Репринтное издание. СПб, 1910).

имущим, и многосведущим, прославил Бога, даровавшего тебе всё это, чтобы видно было на тебе преимущество силы и благости Божией, а не твоих усилий и трудов. С твоими собственными трудами ты не ушёл бы дальше своей сферы, в которой родился или спустился бы ниже. В параллель с этим поставь и физический возраст: как ты был сначала ничтожен, а теперь...» (2: 99). И несколько позднее – вероятно, в конце 1858 года – святой Отец продолжает: «Господь, по беспредельно великой Своей благости, излил на тебя все благодеяния, какие можно было излить на тебя в твоём звании и положении. Будь благодарен за это. Представь, чего в самой большой мере могли желать от тебя твои родители, тогда как ты в первый раз отдан был в научение грамоте? Едва ли не того только, чтобы ты окончил семинарский курс; об Академии едва ли думали, хотя и были из твоего родства люди в этом высшем духовном учебном заведении. А ты прошёл и Академию – самый последний предел духовного образования, и потом, завершив образование духовное, сделался духовным лицом – священником» (2: 462).

Смирение было отличительным свойством духовного устроения Кронштадтского Чудотворца. «Все твари Твои так прекрасны, а я... полон нравственного безобразия! – исповедует Праведник и молится: – Да и меня очисти от всякой скверны, особенно же от скверны самомнения и неверия. Господи! Насади во мне Сам, в самой глубине сердца моего, смирение: пусть оно будет у меня основанием всякого дела и слова» (2: 146). И Господь слышал молитву своего верного Служителя – насаждал смирение и возращал. «Боже мой! – восклицает он. – Против воли моей искренность и простота в молитве бежит от моего сердца! Лукавый увлекает меня... Бог учит меня смирению, лишая меня дара веры при Животворящих Таинах» (2: 445).

Главным занятием Российского Печальника была молитва. «Молитва – моё главное дело», – свидетельствует он сам о себе (2: 421). «Господи! – молится святой Пастырь за своего Родителя. – Помилуй раба твоего, отца моего Илию, который дал Тобою жизнь мне, недостойному, видеть свет Твой, премудрые дела Твои» (2: 145).

Господь не только слышал молитву Праведника, но исполнял и его добрые намерения. «Как скоро Господь исполняет благие, искренние намерения наши! Учась в Академии, я, – рассказывает отец Иоанн, – любил наслаждаться созерцанием чудного порядка в мире и его красоты и от души желал, чтобы Бог привёл меня когда-нибудь разделить это чистое, возвышенное удовольствие с другими людьми, именно – побеседовать о творении в церкви. Один Бог видел, как сильно и чисто было это желание. И что же? Через год с небольшим я назначен катихизатором и по плану катихизических бесед я должен был говорить именно о творении. Вообще замечательно, что благие наши намерения Господь исполняет неотложно, тогда как мы часто о них и вовсе забываем» (2: 380).

При постигавших невзгодах святой Пастырь не унывал, а всю свою надежду возлагал на помощь Божию – и эта небесная помощь приходила и приходила скоро. «Болезнь твоя или слабость в теле, – говорит он опять-таки о себе, – бывает всегда пред выходом золотухи и ненадолго. Помни это и будь терпелив с надеждой скоро получить облегчение и очищение» (2: 445). «Я, – рассказывает он в иной раз, – смиренный, многогрешный, проповедовал… слово Божие в соборной церкви… Охотно трудился я над делом Божиим, благонамеренно, добросовестно. Но… что же делает злоба и зависть? Труд мой марают и меня чернят и бранят, как можно, приказывая мне вперёд молчать. Скрепя сердце, принял я напор человеческой злобы и от горести не знал, что делать: оправдываться или молчать. Счёл за лучшее молчать… И… скоро, скоро Господь отмстил за меня врагам моим злейшим прежде, чем я подумал об этом» (2: 194-195). Потому-то из глубин души как бы вырывается у святого Пастыря (и это понятно читателю): «Я весь – не свой, а Божий; вся жизнь моя состоит или из наград, или из наказаний мне Божиих: хорош я – и награждает меня Бог; худ я – и наказывает» (2: 202).

Сохраняя бодрость, святой Иоанн являл собой добрый пример и другим – указывал им путь к милости Божией. «Ты сегодня во время обедни ранней ослабел в вере пред самым пресуществлением Святых Даров, и тебе было от этого нехорошо; ты потерял небесный мир

в душе, но после, возбудивши снова угасшую веру пред принятием Святых Таин, ты удостоился дара веры в Животворящие Таины и животворно, достойно причастился их. Небесная радость и мир в душе возвестили тебе о милости Божией и о том, что твоё неверие дела Божия не упраздняет» (442)…

II. О ТРИЕДИНОМ БОГЕ

> «Святая любовь к Богу и к овцам Его разумным! Согрей сердце моё и воодушеви меня на дело благое – собеседование с пасомыми о Владычественной Троице!»
>
> *(2: 28)*

Как уже можно видеть в эпиграфе у святого Иоанна Кронштадтского темы догматические тесно – неразрывно связаны с темами нравственными. К догматическим вопросам он, как правило, обращается лишь с той целью, чтобы более обоснованно, более убедительно показать и раскрыть земное призвание человека, его назначение, смысл – конечную цель его бытия. Учение о Всесвятейшей Истине и вместе с тем таинственнейшей – о Триедином Боге – не является исключением из этого правила.

«Братия! – обращается к читателям Батюшка. – Вы давно знакомы все с этими великими именами: Отца, и Сына, и Святого Духа, потому что с самого рождения вашего доныне Церковь весьма часто и на домах ваших, и в храме оглашает нас ими. Отчего же так часто употребляются имена Отца, и Сына, и Святого Духа? Оттого, что о имени Отца, и Сына, и Святого Духа все живёт и благоустрояется: и это небо со всеми светилами, и Земля, и сами мы ими *"живем и движемся и есмы" **(Деян. 17, 28)***» (2: 485). Как добрый сын очень часто повторяет имя своего отца, «облагодетельствованный – благодетеля, друг – своего друга… так Церковь и мы, верные чада её, употребляем имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Бога нашего Отца, Благодетеля, Друга и Господа» (2: 486-487).

Всесвятую и Владычественную Троицу можно рассматривать, по слову Праведника, в трёх направлениях: «1) В Её взаимном отношении; 2) в отношении к миру духовному и вещественному, и 3) преимущественно в отношении к каждому человеку – христианину» (2: 485).

1) Взаимоотношение Лиц Святой Троицы выражено святым Иоанном предельно лаконично – «всё делает Отец чрез Сына во Святом Духе» (2: 265).
2) В отношении к миру владычество Пресвятой Троицы проявилось и проявляется в том, что «Сын Божий сотворил мир и носит его сильным словом Своим» (2: 485-486). А носить мир – «держать» его – означает не менее того, как и сотворить «или, если можно сказать, нечто удивительное, даже более. Ибо сотворить – значит привести что-нибудь из небытия в бытие, а держать уже существующее, но готовое обратиться в ничто, соединять противоборствующее между собой – это дело великое и удивительное. Это знак великой силы» (2: 130).
3) Отношение к человеку действий Святой Троицы определяется двумя многозначительными словами – «спасает его» (2: 486).

Учит святой Иоанн и о каждом Лице Пресвятой Троицы в отдельности, естественно – не разделяя их Единой Сущности.

Первое Лицо Святой Троицы есть Бог Отец – «Отец наш, единственный, по слову Спасителя: "*Отца не зовите себе на земли: един бо есть Отец*" ***(Мф. 23, 9)***; Отец, по Которому называется всякое отечество на Небе и на Земле, "*Отец щедрот и Бог всякия утехи*" ***(2 Кор. 1, 3)***» (2: 487).

Возвышенность Бога Отца в единстве Святой Троицы праведный Иоанн воспевает словами отечественного поэта: «О Ты, пространством бесконечный, Живый в движеньи вещества: теченьем времени Превечный, без лиц в Трёх Лицах Божества!» (2: 346-347). Эта возвышенность у светского поэта, поясняет святой Пастырь, заимствована им из Божественного Откровения. И продолжает: «А как прекрасно выражение: „Живый в движеньи вещества!" В самом деле, мы Живого Бога Самого не видим, но взамен того мы видим Его живым в движении вещества небесного и земного» (2: 347).

Бог есть несозданный Свет, «превосходящий всякий сотворённый свет» (2: 21). Он есть Свет высочайший и чистейший. «Все сотворённые светы пред Ним то же, что зимнее мерцание зари или отражение от далеко сокрывшегося за Землёй солнца… Вещественный свет пред Ним – сумрак; как вещественный, он груб и нечист в сравнении с Его несозданным, всё просвещающим светом» (1: 37). Ему свойственно имя «Сый». «Как прекрасно выражает это слово вечность и неизменяемость Божества. Для Него нет ни прошедшего, ни будущего, а есть одно настоящее: Сый или Сущий; тогда Он был Сый, и теперь Сый, и во веки веков Сый!» (1: 228). Он благ, всемогущ и вездесущ – «не ограничен никаким пространством или лучше: для Него нет пространства, Он выше всякого пространства; все пространства вещественных миров и необъятные для мысли пустоты между ними для Него – одна точка. Все миры носятся по одному слову Его» (1: 29; 2: 21). Рассуждения святого Иоанна о вездеприсутствии Божием отличаются особой пастырской мудростью и теплотой. «Если немощь плоти требует наглядного представления вездеприсутствия Божия, – учит он, – то представь для неё это вездеприсутствие под образом умного, беспредельного океана, "*гласа хлада тонка*" ***(3 Цар. 19, 12)***, тончайшего эфира, но образ не принимай за самый предмет, который везде находится и всё проникает и в то же время ничем не ограничивается; в Котором живут и движутся все миры, все твари (и ты) и без Которого нельзя представить никакой жизни; Который всегда при тебе, но часто, и находясь при тебе, как бы не был при тебе, потому что ты неверием, маловерием или другими грехами преграждаешь доступ Его к тебе; Который каждую минуту, как струя окружающего тебя воздуха, готов, при твоей готовности, влиться в тебя, в душу и разлить сладость во внутренностях твоих, как и действительно часто вливается и вдруг, мгновенно разливает в душе животворную теплоту, свет, сладость, мир, радость; к Которому когда бы ты ни воззвал с верой, всегда воззовёшь в самые Его уши, а никак не мимо; Который непостижимо, но истинно и существенно действует на умы и сердца всех земнородных; Который везде, на всяком месте, но к Которому без ключа веры нельзя попасть и с Ним соединиться;

Который верующему даёт всё, а от не имеющего веры отнимает и то, что „он мнится имети"; Который всегда стоит при дверях сердца каждого человека и толчет в него, ожидая отверстия их ключом веры, надежды и любви» (2: 239-240). Человеку, как существу духовно-телесному, нелегко понять и усвоить вездесущие Божие. Наш дух заключён в малом теле, занимает как бы определённое место, и потому нам трудно представить Всесовершенного Духа, всё наполняющего, везде пребывающего. «По спадении телесной нашей оболочки это вездесущие нам объяснится, потому что и душа наша не будет тогда стесняться темницей, оковами тела» (2: 77).

Бог есть высочайшее милосердие. «Боже мой! – восклицает отец Иоанн. – Сколь Ты милосерд! Следует только обратиться к Тебе от беззаконий – и Ты перестанешь поражать нас за наши грехи, переменив гнев Свой праведный на милость к нам. Но хотя Ты и милостив к неправдам нашим по обращении нашем к Тебе, при всём том мы не должны забывать своего беззакония, своей повинности перед Тобою, должны помнить, что мы в Тебе преступили и работали чужим (то есть страстям, диаволу), а Тебе, величайшему Благодетелю и Творцу, не служили, как верные рабы. Смотри, человек, Сам Бог свидетельствует о Себе, что Он милостив и не гневается на нас во веки, если мы обращаемся к Нему. Ты ли станешь отчаиваться в милосердии Его, когда за тебя принесена искупительная Жертва на Голгофе? Не паче ли упования во упование должно веровать тебе? (В Божественное милосердие?)» (1: 289). Спасение наше совершается не нашими заслугами, не нашими делами, но милостью Божией, «хотя христианство, как совершеннейшая вера, требует непременно и сообразных вере дел» (1: 436).

Свидетельствуя о людях патриархального мира – благочестивых, сильных и знатных, святой Иоанн отмечает, что они «за честь почитали говорить о Боге, как о всемогущем, премудром и праведном Царе своём в домашних или дружеских беседах. А часто ли теперь заводят в дружеском кругу речь о Боге знатные люди?!» (1: 40).

Являлся Бог и в Ветхом и в Новом Заветах в облаке. «Это потому, что без облака блистание Божества было бы невыносимо для бренного ока» (1: 507).

Бог во Святой Троице, изначально ведавший, что сотворённый им человек падёт, изначально же и определил средство восстановить его. Этим средством стало сошествие на землю Сына Божия без оставления Отеческих недр; облечение Его в человеческую плоть; принятие человеческой души – воплощение и вочеловечение с неизменным сохранением Божества; исполнение в человеческой плоти всех предписаний Закона Божия, что не мог исполнить растленный грехом человек; смерть в поносных страданиях и славное воскресение, положившее начало всеобщему воскресению для жизни вечной. «Богу известны были все люди, имеющие жить впредь, равно как известны были и грехи их, хотя ни людей, ни грехов их тогда ещё не было. Значит, известен был Богу еще тогда и ты… следовательно, и за тебя… также определено было Сыну Божию испить страдания и смерти чашу гнева Божия: значит и ты искуплён». И тут же, как обычно, святой Пастырь делает нравственный вывод и даёт духовный совет: «Только стяжи необходимую для сего веру и добродетель. Так как дело искупления не есть дело настоящее (т.е. дня сегодняшнего), притом не есть дело обыкновенное и естественное, а дело совершившееся, дело или чудо беспредельной благости и всемогущества Божия, дело сверхъестественное, то оно, естественно, требует себе веры и послушания. Говорю послушания, потому что Искупитель, вечно Живый и Сущий, требует от нас, искуплённых рабов Своих, сообразной с новым нашим состоянием (сыноположения) деятельности. Так и цари земные выкупают своих пленных не с тем, чтобы они в царстве несли те же повинности, как и в рабстве, или ничего не делали, а чтобы в своём месте делали дела верноподданных и приносили пользу всему обществу» (2: 16-18).

В контексте размышлений о домостроительстве нашего спасения святой Иоанн воздаёт славу Богу Отцу: «Слава Тебе Отче Вседержителю, Пославшему на бедную землю возлюбленного Сына Своего, Полноту Божества и, следовательно, полноту всякой жизни – духовной и телесной, Свою Ипостасную Благость и Премудрость! Какая светлая картина: Бог во плоти обращается с людьми, как нежнейший Отец с детьми – беседует с ними, исцеляет всякие болезни их.

Источник жизни сообщается с грешными людьми, подверженными недугам душевным и телесным – всякая болезнь или расстройство в душе или в теле исчезает в людях, которые веруют в Его чудодейственную силу, все становятся здоровы: немые говорят, хромые ходят, слепые видят. Слава, слава Посетителю людей Своих – Богу!» (1: 100).

Бог Отец – Истина. Истина и Сын Божий. «Смотри, – обращает внимание отец Иоанн, – какая достоверность в Его словах. Он говорит не иначе, как большей частью с прибавлением: аминь, аминь, то есть – истинно, истинно говорю вам. Всё, что ни говорил Иисус Христос, есть совершеннейшая истина» (2: 417-418). И Он вечно пребывает в вечном единстве с Богом Отцом. «Каково единство Отца и Сына, Пославшего и Посланника! Видишь Христа – видишь вместе и Отца, веруешь в Христа – веруешь вместе и в Отца, даже веруешь как бы только в Отца, – такое единение!» (2: 124). Следовательно, Он есть такой же Бог, как и Бог Отец. Цитируя слова Христа Спасителя: "*Та дела, яже Аз творю, свидетельствуют о Мне, яко Отец Мя посла. И пославый Мя Отец Сам* (собственным гласом) *свидетельствова о Мне*" ***(Ин. 5, 36-37)***, святой Иоанн утвердительно вопрошает: «Нужно ли высшее и сильнейшее свидетельство о Божестве Спасителя?» (1: 474). «Верю, что ты – Ипостасная Любовь!» (1: 187).

Господь наш Иисус Христос есть «Наследник всего Отеческого достояния» – Творец мира Невидимого и видимого; «Он – сияние славы (Славное Сияние)»; Им «носится» всё сотворённое (1: 437).

Христос Спаситель есть очищение наших грехов (1: 437). Он принёс величайшую жертву, и все Им освятились, «сделались совершенными, неповинными, безгрешными пред правосудием Отца Небесного» (1: 446). «Бог сделался человеком для того, чтобы человека сделать богом», – повторяет святой Иоанн то, что было сказано во втором веке святым Иринеем Лионским, а затем утверждено в четвертом веке святым Афанасием Великим. «Для чего были страдания Богочеловека? – вопрошает святой Пастырь и отвечает: – Для того чтобы нам опочить навеки! Для чего Жизнодавец вкусил смерть? Для того чтобы нам доставить жизнь вечную, нам, духовным мертвецам... Господь пришёл в образе человека, чтобы возвратить людям

утраченную ими способность к вечному блаженству, „падшия от жизни к сей направить“» (2: 79). Святой Иоанн обращает внимание на то, что у Господа Христа были «уязвлены» те члены тела, «которыми Он совершал благодеяния страждущему человечеству. Глава, мыслившая токмо о спасении нашем, об исполнении воли Отеческой, увенчана тернием, пробита тростию; лице, светлейшее всегда кротостью и смирением, заплёвано, заушено нечистыми руками; уста напоены оцтом; рёбра, сокрывавшие под собой болезновавшее о нас крепкой, как смерть, любовью сердца, прободены; руки, простиравшиеся на исцеление слепых, глухих, немых, сухих, на воскрешение мёртвых, прободены гвоздями; ноги, с таким тщанием поспешавшие на проповедь о Царстве Небесном, также пробиты гвоздями. Любовь Воплощенная, Сладость человеческих душ весь изъязвлен» (2: 80). И ещё: «Что это такое, братия, совершается пред нашими глазами? Сын Божий, дающий всему жизнь, Сам умер поносной смертью от людей и бездыханно лежит во гробе!» – вопрошает и восклицает Батюшка. Ответ глубокий: «Здесь, у этого гроба, братия, преподаётся нам великий, истинный, отрадный или страшный урок о вечности, о будущей жизни. Это значит, что мы не должны быть чрез меру привязаны к настоящей жизни, должны чаще устремлять свои мысли и сердце к будущей жизни, что к славе и богатству отнюдь не должно привязывать своего сердца, что привязываться к земле нам не должно, а туда – на Небо – должны чаще возводить очи свои – словом, это значит, что мы должны всячески стараться быть там, куда после воскресения Своего вознёсся наш Спаситель» (2: 58-59).

Само слово Спаситель полно жизни (2: 100). «Спаситель есть жизнь человеческого сердца» (2: 37) и наш покой (2: 154). Он – Богочеловек, «пострадавший за нас и давший нам Тело и Кровь Свою в пищу и питие нам» – есть единая «радость наша, мир наш» (2: 307). Это не нуждается в доказательстве: бесчисленные опыты сие показывают. «Согрешили мы – и тяжело у нас бывает на сердце. Помолимся Спасителю, особенно если со слезами, – и легко, и покойно бывает на сердце» (2: 37). «Сколько раз я, – говорит о себе Батюшка, – испытывал в жизни моей, что мгновенный помысел неверия в моего

Господа, приходящий неизвестно откуда в сердце, мучил меня, и мучение моего сердца не прежде проходило, как когда живой верой я вводил опять моего Христа в сердце. Он удивительно легко и сладостно наполняет его» (2: 154). Спаситель – наш всегдашний Друг: «Только вспомни о Нём искренно, только скажи себе от сердца, что Он тут, только пожелай от сердца Его помощи и призови сердцем – Он сейчас явится и сейчас благословит тебя миром» (2: 46). Он спасает умерщвляемую грехами нашу душу. Если и «не отнимает физической жизни у людей, не ведающих Его, то потому, что Он щедр и милостив и щедроты Его на всех делах Его, потому что Он и животным неразумным даёт жизнь» (2: 38-39). «Спасителю мой Сладчайший! – молится отец Иоанн и нас учит сему. – Даруй мне жить всегда с Тобою» (2: 46).

Бог Отец есть Истина, Истина есть Бог Сын, также – и Дух Святой. «Духа Святого мы называем Духом Истины», а истина животворна и мирна (2: 418).

Именуется Дух Святой «Исходительным». Это потому, что Он от Отца исходит, всё оживотворяет, всѐ совершает. «Он проходит "*сквозе вся духи разумичныя, чистыя, тончайшия*" ***(Прем. 7, 23)***, то есть Силы Небесные, совершая и укрепляя их в служении Богу; Он сходил в Пророков и изобличал в них, пророчествовал в них; Он сошёл на Спасителя «в виде голубине»; Он сошёл на Апостолов в виде огненных языков, сообщил им дар языков и все другие дары и воспомянул им всё, что сказано было им Спасителем, Который едино со Отцем по Божеству; Он сходит во всякую душу, ревнующую о благочестии. Вот Кто – Дух Святой и каковы Его дела в тварях. Вот почему Он называется исходящим от Отца. Так как Бог есть первая Жизнь и Источник всякой жизни, то и Дух Его есть Личность Божественная, равно как и Слово также Личность Божественная: Источнику всякой жизни, в существе Своѐм Единому, необходимо существовать как совершеннейшему в Трёх Личностях – Виновнике, Рождённом и Исходящем, или Отце, Слове и Духе» (2: 57-58).

Называется Дух Святой также Утешителем. Сие по той причине, «что он вливает небесное утешение, "*мир Божий, превосходяй всяк*

*ум" (**Флп. 4, 7**)*, в душу человека, познавшего свои заблуждения, свои грехи. Вожделенно это утешение» (2: 389).

Дух Святой – наша жизнь и жизнь всего нас окружающего. «Когда душа выйдет из тела, оно становится безжизненно, холодно, безобразно; кругообращение и водотворение разных жидкостей прекращается: остаётся мёртвая, безжизненная глыба земли. Точно так же будет и с Землёй, если отнять у неё Животворящего Духа Божия: вся жизнь в ней и на ней исчезнет; она будет холодна, безжизненна, не будет в ней этого животворного движения жидкостей в разных телах природы» (2: 276-277).

Итак, вечно был, есть и вечно будет высочайшая Любовь, Триединый Бог. «Из бесконечного множества сущего останавливайся чаще всего на Трёх во едином Существе – от Коих всякая сущность, и всем существом благоговей пред Ними. В Отце, Сыне и Духе Святом – средоточие всякого бытия» (2: 277). Береги своё сердце во всякое время – постоянно, ибо если войдёт в него греховная нечистота, «то Иисус Христос со Отцем и Святым Духом выходят из сердца, потому что нет никакого общения света со тьмою» (2: 154).

На вопрос: «Как же выражать чаще свою веру в Троицу? – отец Иоанн отвечает: – Молитвою к Пресвятой Троице или делай всё во имя Господа Иисуса Христа, *"благодаряще Бога и Отца тем" (**Кол. 3, 17**)*» (2: 486).

«Господи! – молится святой Пастырь. – Дай мне опочить на лоне любви Твоей… Твоя любовь успокоительна, мирна, полна неизъяснимой радости возвышенной и святой, внушает совершенную безопасность от всех врагов наших (которых мы видим и которых не видим). Пребывающий в любви Твоей не боится ничего, хотя бы ему угрожал неисчислимыми бедствиями целый мир» (2: 18).

III. ПОКЛОНЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ И ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ

«Когда хочешь молиться Владычице, наперёд окинь взглядом Её безмерное величие... и тогда молись Ей с глубочайшим смирением»

(2: 351)

«Жизнь физическая у тебя общая с животными и растениями. А жизнь духовная у тебя должна быть общая с жизнью Ангелов»

(2: 473-474)

Когда Пресвятая Дева Мария после явления Ей Ангела с благой вестью посетила Свою родственницу Елизавету, и Елизавета, исполнившись Духа Святого, прославила дорогую Гостью, будущая Матерь Господа по плоти пророчески возвестила: "*Отныне ублажат Мя вси роди!*" ***(Лк. 1, 48)***. Размышляя над этим пророчеством, святой Иоанн говорит: «Да, доныне Ты была неизвестной, простой Девой, а отныне – величие. Ты – Приснодевственная Матерь Бога Слова; отныне Тебя ублажат, воспоют, прославят все племена земные во все времена до скончания века» (2: 273). И Её прославляют, ибо знают, что Она близка к людям по Своей природе и одновременно близка к Богу как Матерь Господа. А будучи близкой к Нему – Она одарена великой духовной силой. Потому отец Иоанн с глубокой верой исповедует и с усердием молится: «Пресвятая Дево Богородице! По Телу и Крови Сына Твоего, которых я так часто причащаюсь, дерзаю я назвать Тебя сродной мне! О Владычице! Ведь от Тебя это Тело и эту Кровь принял Сын Божий, ведь и то Тело, и та Кровь Господа моего, коих я причащаюсь, одни с Телом Господа, Сущим на Небесах. Как же мне не любить Тебя, паче же Сына Твоего, Бога Твоего и моего. О Владычице Пречистая! Даруй мне стать в спасительное сродство с Тобой не только по Телу и Крови, которые я часто принимаю недостойно, но и по вере, надежде и любви; даруй стать в спасительную близость с

Тобой по мыслям и чувствам. О Владычице Пречистая! Я нуждаюсь, крайне нуждаюсь в чистом сердце! Ты всё можешь, Всеблагословенная: можешь Своими всесильными мольбами испросить мне у Сына и Бога Твоего благодать сердца чистого, чтобы в нём жили вера, надежда и любовь; испроси же, Пренепорочная!» (2: 219). Ты – «Мати Мира нашего», нашей Радости, Надежды, Любви, «Мати Сущего, Мати вся Осуществовавшего и Осуществляющего, Мати Пречистая». Её чистоту превосходящую всякий разум, никто не может изобразить своей нечистой душой; Ее безмерную духовную высоту невозможно измерить. «Мати всех христиан, Её же воспоминательных образов заступничества скорого полны грады и веси христианские!» (2: 51).

Молиться Владычице весьма отрадно, ибо Она пребыстро – тотчас исполняет «искреннее желание сердца нашего: небесная радость и "*мир Божий превосходяй всяк ум*" ***(Флп. 4, 7)***, водворяются в сердце нашем. Состояние бывает такое благодетельное, так отличное от предыдущего, что нельзя не верить в милость Владычицы» (2: 439). О себе отец Иоанн так пишет: «Как я помолился от сердца Владычице мира, на душе стало легко» (2: 299). «За Всенощной… овладело чувство смущения… В такой беде я воззвал к избранной Воеводе о помощи… – и… Она, „Едина вскоре предстательствующая", помогла мне Своим предстательством, низвела мир в сердце» (2: 75). Потому и спешит Батюшка прославить Помощницу христиан: «Слава Тебе, Владычице моя Пресвятая Богородице! Твоими молитвами, Твоей милостью я ныне благодушествую; душа моя свободна и легка, мир и спокойствие в моём сердце. Слава Тебе, Пресвятая Госпоже Владычице Богородице! Заступила Ты меня, окаяннейшего грешника, пред правосудием Сына Твоего и Бога нашего и милостивым сотворила Его мне, худейшему всех. Как явна благодать Твоя для души моей от песненного прославления Казанской иконы Твоей!» (2: 252).

Призывая Божию Матерь, прославляя Её, поклоняясь Ей, святой Иоанн учит поступать так и других и призывает их любить Её всей душой. «Смотри же, молись Ей с подобающим благоговением, чистосердечно, во смирении сердца» (2: 263). «Полюби Пресвятую Деву Богородицу от всей души, искренно. Она стоит всей любви» (2: 447).

Хотя и предельно кратко, но глубоко по-пастырски указывает Батюшка и верный путь к святому почитанию Всесвятой: «Чтобы по достоянию чтить Богородительницу, научись прежде, как должно, почитать свою родительницу». И дальше: «А чтобы почитать тебе, как следует, Отца Господа Иисуса Христа, научись почитать своего отца по плоти. "*Неверный в мале, и во мнозе неверен есть; а верный в мале, и во мнозе верен*" ***(Лк. 16, 10)***» (2: 131).

***

Нередко нападают на человека гнетущие сердце скорбь, тоска, уныние и даже некий тревожный страх. Все это происходит по вражию навождению, а потому, естественно, отгоняется призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа, воспоминанием Его Пречистой Матери, а также призыванием святых Божиих Угодников и святых Ангелов (2: 252). Эти размышления ведут к тому, что также надо *почитать* и *Святых*.

Святые пребывают в Боге, «и мы почитаем в них живые, чистые образы Божии, благодать Святого Духа, в них живущую» (2: 53). Одним воздеянием рук к Небу Святые «испрашивали у Бога великие милости для множества людей» (2: 133). Господь являл и являет Свои милости именно чрез Своих Служителей. «Примерами этими полна ветхозаветная история; в Новом Завете, когда благодатью воплотившегося Господа делались Святыми многие люди» (2: 140). «Святые подвизались для Бога различным образом, иногда мученически, а ты не хочешь почтить их памяти благоговейным произношением имён их!» – скорбит добрый Пастырь (2: 464).

На вопрос: «Как Святые могут слышать наши молитвы?» Отец Иоанн отвечает: «А как я узнаю, например, о вопиющей потребности какого-либо члена? Я – член в теле Церкви; Святые – благороднейшие части тела, а Христос – Глава; они сочувствуют больному члену тела Христова и поспешают на помощь, как руки к ноге. Мысль о Церкви как едином теле Христовом несомненно уверяет меня в том, что Святые непременно слышат наши молитвы» (2: 256).

К тому же природа Святых, «отрешённых от святых тел их, чрезвычайно легка и удободвижима по своей духовности, и земной шар для них то же, что точка, и они в одно время могут слышать людей, живущих в самых отдалённых одно от другого местах и единовременно могут являться им на помощь. Пример Спасителя воскресшего объясняет это, равно как примеры чудодействий многих Святых» (2: 140).

***

Христиане обязаны обращаться «с благоговением в молитве» и *к святым Ангелам* (2: 140).

Ангелы – это вторые светы по Боге. Являются они «почти всегда светоносными и сияющими так, что и других осиявают светом своим» (1: 364). Передвижение их происходит мгновенно. «Из недосягаемых высот они являются на Землю, как блистание молнии, и даже скорее: молнии вещественны, а они – чистые духи, следовательно, несравненно удобоподвижнее земного вещественного света. Оттого-то и пришествие Сына Человеческого на Землю будет как молния – внезапно, быстро» (1: 186). Глас их – «глас славословия Богу и радости о спасении мира» (1: 365). Как же не почитать тех, глас которых о спасении!

Необходимость почитания Ангелов открывается и из того, что каждый человек нуждается в Ангеле Хранителе, который ограждает его от немилосердного преследования злых духов. «Трезвитесь, бодрствуйте, – призывает Кронштадтский Чудотворец. – Я чувствую в себе весьма ясно действия злых духов, познаю их от плодов их во мне: но чувствую также и тихие, лёгкие, сладостные действия добрых Ангелов» (2: 114).

«О Святые Божии, ходатаи наши, в особенности Пресвятая Дево Богородице, святый великий Иоанне Предтече Христов! – молится Земли Российской Печальник. – Сильно ваше ходатайство за нас, грешных! По молитве нашей вы преклоняете к нам Бога на милость и услаждаете сердца наши невидимым, но тем не менее, действительным влиянием вашим на души наши!» (2: 304).

IV. ПОЧИТАНИЕ СВЯТОГО КРЕСТА И СВЯТЫХ ИКОН

«Крест есть выражение любви, как слово – выражение мысли»

(2: 139)

«Старайся постоянно иметь в душе своей святые образы Господа, Пречистой Его Матери, Святых... чтобы они всегда были у тебя готовы, как у исправного художника или иконописца»

(2: 137)

В первом томе «Дневника» (1856-1858 гг.) о почитании святого Креста и святых икон сказано отцом Иоанном мало, но и это подобает представить.

Православной веры Поборник отмечает силу святого *Креста* и прославляет его: «Слава силе Креста Твоего, Господи, и Твоему Божественному вездеприсутствию! Я прогнал знамением крестным, живой верой прилепивши к Тебе мысль мою, при спасительном знамении, врага бесплотного, который изволил пожаловать ко мне в сердце по пробуждении и стал давить его тяжестью, смущением и тоской» (2: 63-64).

Святой Иоанн убеждает, что именно Крест есть непобедимое оружие против лукавого. «Что делать тогда, когда он тиранит наше сердце тоской и отчаяньем, когда оно болезненно занывает? – ставит вопрос великий Молитвенник и отвечает: – Сотворите тогда три крестных знамения на чреве с верой в Распятого, "поправшего силу диаволю", и в беспредельную милость к нам владычественной Троицы и сердце ваше непременно успокоится, затихнет от боли. Так я испытал это не раз. Лукавый, как дым, исчезал: это я ощущал ясно. Слава, слава, слава силе Креста Твоего, Господи!» (2: 197).

Та же сила Креста действует в борьбе со всеми страстями и со всяким злом, губящим человека, духовно убивающим его. «Изображай же при каждой страсти крестное знамение. Где будешь чувствовать

тяжесть, там особенно и полагай спасительное знамение. Помни также, что не напрасно Церковь говорит о силе Креста и в молитвах своих просит Господа даровать нам силою Креста его разные духовные блага. Церковь говорит это с опыта» (2: 352-353). Употреби знамение Креста Господня, когда греховная теснота сожмёт душу. Но святое знамение изображай рукой так, чтобы вместе с ней была неразлучна «живая вера в Пострадавшего ради нас», чтобы всё внимание, всё сердце «было тут – у знамения крестного, у Господа распятого» (2: 176).

И паки Батюшка воздаёт славу Кресту Господню, могущественно, Божественно действующему «на утоление скорбей и страхов сердечных» (2: 67). И снова советует: «Только бы была живая, искренняя мысль о распятом Господе, Крест всегда подействует на душу нашу с могуществом, свойственным Господу. О! Как *"Близ Господь всем призывающим Его во истине!" **(Пс. 144, 18)***» (2: 67-68).

***

Во истине призывают Господа почитающие не только святой Крест, но и святые *иконы*.

«Когда ты просишь о чём-либо какого-нибудь человека, – размышляет Батюшка, – то к кому ты обращаешься со своей просьбой: к телу ли видимому или к душе невидимой? Я думаю – к душе человека. Притом тело ли твоё или душа просит? Верно – душа. Итак, душа (невидимая) в просителе обращается с просьбой также к душе (невидимой) другого; тело есть не больше, как орудие, чрез которое действует душа. Теперь любомудрствуй так. Я молюсь иконам: кому же я молюсь? Конечно, не дереву, не краскам и, можно сказать, что даже не изображению, а тому духовному Существу (назову так Господа Бога, Ангелов и Святых), Которое изображено на иконе. Но иконы не слышат, не видят, не внимают и им как будто скучно молиться? Но зачем и требовать от них этого? Они не для того и существуют, они даны только в помощь твоей чувственной природе: твоя душа чрез них только удобнее возносится к Тому, Кто на них изображён. Поэтому, молясь пред иконой, я всё-таки молюсь

Невидимому, как, прося какого-либо человека, ты просишь не тело его, а его душу невидимую» (2: 415-416).

С иконой соединяется невидимая спасительная благодать. Особенно, если она написана благочестивым христианином (2: 244). «Что значат чудотворные иконы Богоматери и их явления? Значат то, что Владычица и Мати нашего Избавителя слышит всегда молитвы, во смиренном сердце с верой Ей приносимые пред Её иконами, и на некоторых из них оказывает невидимые знаки Своего благодатного присутствия. Как же должны быть почтенны образы Богоматери в глазах молящихся?» (2: 244).

О благодатном действии одной из икон Божией Матери на душу самого Батюшки вот как повествует он в своём «Дневнике»: «Пришедши в одну кладбищенскую церковь, я был в состоянии мучительного томления сердца, которое происходит от слабоверия и духа злобы. Взглянувши на местную икону Тихвинской Божией Матери, я невольно засмотрелся на её пречистый, смиренный, безмятежный, полный любви лик и сказал сам в себе: „Какое неземное спокойствие выражается на лице Твоем, Пречистая“, – и как бы услышал от Неё следующие слова, внятно отозвавшиеся в моём сердце: „А что тебе препятствует иметь мир и спокойствие в своём сердце? Разве ты не знаешь, где искать их?“ После этого я обратился мыслью и сердцем к Источнику и Подателю мира – и тотчас же обрёл желанный мир и стоял с миром всю службу (обедню)» (2: 118).

Непочтительное отношение к святым иконам, а тем более, хуление их – гибельно. В подтверждение этой мысли рассказывается об одном иностранце, который не только желчно отозвался об иконах, но и плюнул на икону святителя Николая Чудотворца. И что же? В тот час глаз его так разболелся, что грозила опасность полной потери. И хотя хулитель осознал свою вину – купил этот образ, попросил священника отслужить пред ним молебен – зрение не было восстановлено. Опухоль прошла, «но глаз, как бы на память о его безрассудном поступке, остался незрячим, хотя и был чист и открыт» (2: 48-49). Рассказ завершается многозначительным выводом: «Такова слава святых икон» (2: 49).

V. ЧЕГО НАДО ОПАСАТЬСЯ – ИЗБЕГАТЬ

«Если мы нечестивы – зло нам и ближним нашим; равно как если мы добры – нам хорошо и ближним нашим»
(1: 41)

Всем открыт путь в Царство Христово на Небесах, и «все должны деятельно стремиться» войти в него, не связывая себя ничем мирским (1: 136), но на этом пути стоит грех во всём губительном многообразии. Его-то и надо опасаться, его-то и надо избегать.

Грех – это «срамота наготы» (1: 195), это «злое семя» (2: 319). Сначала – в годы младенчества человека – это семя проявляется слабо, а с возрастом растёт и растёт и «по мере развития нравственных сил человека развивается всё больше и больше – так, что наконец представляется какой-то быстрой, мутной рекой, которая, истекая из нас самих, в нас же самих мутится и шумит и только по молитве перестаёт от своего возмущения» (2: 319). Грех – это «яд, отравляющий чистые родники нашей души» (2: 11). Ядовитость его мучительна, страшна своими последствиями. «Как премудро устроил Господь Бог, что зло, грех наказывает сам себя, а добродетель награждает себя. Что если бы грех не был мучителен для души сам в себе и в своих последствиях! Не истребили ли бы люди давно друг друга? Не истребили бы ли себя?» (2: 361-362).

Грех неизбежно приводит к мучению (2: 274). Тот, кого одолевают страсти, теряет сердечную теплоту, ко всему доброму относится равнодушно, холодно (2: 118). «Ненормальность, болезненное состояние тела мы узнаем большей частью по боли в нём, – размышляет отец Иоанн, – точно также и болезненное, неправильное состояние души мы узнаём по неприятному томлению души: она волнуется и не может почить от грехов, ей скорбно, тесно бывает» (2: 271-272). Человек во грехе – жёсткий, грубый, каменный – собирает на свою голову беду. Вслед за смертью его ожидает праведный суд Небесного Судии, а потом и всеобщий Страшный Суд. «Что станешь ты делать тогда, где ты будешь? – вопрошает Батюшка. – Я боюсь за тебя,

несчастный: и представить страшно этот величайший во времени день» (1: 123-124).

Опасность грехов, страстей усугубляется тем, что они тесно связаны между собой: «Ненависть со скупостью, гордостью, завистью и другими! Дай только овладеть собой одной страсти – и тобой овладеют и другие» (2: 341). «Из свойств владычества греха, – учит святой Иоанн, – узнай, каков он, равно из свойств владычества добродетели узнай, какова она, а узнавши, следуй тому, что по самому опыту, очевидно, лучше» (2: 427-428).

Следовать лучшему призывает человека то, что он есть образ Божий, что в нем живёт Дух Божий и потому творить грех – дерзость и пагуба. «Я, – размышляет святой Пастырь, – образ Божий. Но что ближе образа к Первообразу? Что же мы видим на деле? Мы – больше далеки, чем близки к Нему. По опыту знаем, что благо нам *"прилеплятися к Богу"* ***(Ср.: Пс. 72, 28)***; так же – что худо, мучительно быть вдали от Него, однако же, какой-то силой отдаляемся от Него и, не хотя, страдаем. «Я – образ Божий, – говорит святитель Григорий Богослов, – и вовлекаюсь в греховность; худшее во мне несправедливо противится лучшему». О грех первородный! О князь мира сего! Господи! *Да приидет Царствие твое*» (2: 55). «Внимай себе, человек: в тебе живет Дух Святой. Но ты выгоняешь Его, Духа Животворящего, Утешителя, сладость твоего сердца, всякий раз, когда согрешаешь. Какая дерзость! Какая неблагодарность! Какое безумие! Что если бы Он не был бесконечно благ и долготерпелив? Тогда Он оставил бы тебя после долгого терпения и не пришёл бы к тебе, не вселился бы в тебя, несмотря ни на какие молитвы твои, хотя бы ты выроил реку слёз. Но бойся, неблагодарный, и теперь злоупотреблять Его долготерпением. Когда Он увидит, что ты не исправляешься, несмотря на частые вразумления, то Он, наконец, может, оставит тебя, как Иуду. Каждый раз, когда ты теряешь веру, когда поддаёшься обольщению греха, ты изгоняешь Его, Животворящего, и впускаешь вместо Его диавола. О ослепление человеческое! О Душе благий!» (2: 132-133).

Беда в том, что человек, погружённый в житейскую суету – ничтожные предметы, редко думает «о самом важном предмете –

благоустройстве жизни своей», о нравственном устройстве (2: 29). «Весьма многие люди не имеют понятия о жизни и потому живут как попало… Они ссылаются на большинство людей, что оно так же живёт. Но что за дело до большинства? До пришествия Спасителя все люди жили скверно, но на это ссылаться было нельзя» (2: 440).

Характеризуя поведение грешника, святой Пастырь свидетельствует: «Как из дырявого сосуда течёт вода, так из недоброго человека – слово осуждения, ненависти, злословия» (2: 29). Порабощённый страстями поступает так: «Его ожидают верные, внутренние, мучительнейшие бичевания, тягчайшие внешних плетей, и, однако же, он, зная о них наверное, предаётся страстям, которые суть настоящие палачи для него. Страстный человек есть вор: он сам себя окрадывает, окрадывает спокойствие своей души» (2: 52). Жизнь грешника полна различных мерзостей, причём, не только наяву, но и во сне. Последнему, то есть явлениям во сне, святой Иоанн придает особое значение. «Наяву – в действительности, поступках, а во сне – в нечистых видениях, так что всякий человек может хорошо видеть свои недостатки, свои слабые стороны в сновидениях. Даже человек, живущий по возможности свято, но имеющий слабые стороны, которые самолюбие иногда закрывает от него наяву, может видеть их ясно во сне. Сновидениями не следует пренебрегать: в них как в зеркале отражается наша жизнь» (2: 25). А есть такие люди, для которых всё скверно, всё нечисто. «Отчего же это? Конечно, не оттого, что вещи на самом деле нечисты, но оттого, что их душа скверна, оттого, что у них осквернены ум, сердце и совесть»(1: 435).

Проблески добра не рассеивают тьму греха. Надобно быть кем-либо определённым, а не чем-то подобным хаосу, смеси, брожению, в которых всё «перемешано и бродит в беспорядке. Чего ожидать доброго от человека, который душой своей представляет беспорядочную смесь доброго с худым, который делает частью добро, но не прочь и от зла. Это состояние опасное: оно означает нравственное бессилие, расслабление. Лучше в этом отношении человек с крайностями: либо холодный, либо горячий. Тут, по крайней мере, есть что-то определённое, чему можно дать определённое место: или –

вечный тартар, или – Царство Небесное. Господь говорит о человеке ни холодном, ни горячем: "*Имам изблевати тя*"» (1: 193-194).

Господь установил такой закон: «Грешников, помилованных Им и потом опять возвращающихся на свои грехи, наказывать с возрастающей постепенно силой. Иди, и "*ктому не согрешай, да не горше ти что будет*" ***(Ин. 5, 14)***» (2: 37). Закон установлен, чтобы люди видели многочисленность своих грехов, чувствовали их тяжесть и боролись с ними (1: 126). «Если бы против греха или какой-либо страсти следовало стать до крови, – учит святой Пастырь, – и тогда не нужно оставлять борьбы. Грех есть величайшая вражда на Бога и величайшее зло для нас самих; душа опытно – из своих мучений после греха, а иногда и во время греха – знает это: как же не бороться со грехом до последней возможности?» (2: 342).

Наша жизнь – это не та собственность, которой будто бы мы имеем право распоряжаться по своему усмотрению – она Божий дар. «Господь берёт её, когда Ему будет угодно. Это мы видим почти на каждом шагу» (2: 39). И мы обязаны правильно употребить этот дар величайшей милости Божией. Изъясняя слова святого апостола Павла: "*Молю вас аз юзник о Господе, достойно ходити звания, в неже звани бысте*" ***(Еф. 4, 1)***, святой Иоанн наставляет: «От нашего звания более всего требуется проходить оное достойно, со всяким смиренномудрием и кротостью, с долготерпением, как плодом христианской любви, и заботливостью о сохранении единодушия. Теперь смотри ты на свою жизнь: стараешься ли ты проходить своё звание так, как хочет апостол Христов? Есть ли в твоих поступках смиренномудрие и кротость, не напыщаешься ли, не гордишься ли ты, терпелив ли ты в перенесении неприятностей, которые неизбежны в жизни; есть ли в тебе столько любви, чтобы с терпением прощать погрешности других, стараешься ли поддерживать христианское единодушие? В тебе, кажется, ничего этого нет. А худо, если нет: богомудрый Апостол молит, не только просит об этом христиан; значит, проходить своё звание, по мысли Апостола, совершенно необходимо» (1: 409-410).

Прохождение «своего звания» неразрывно соединено с противостоянием всему тёмному и со вхождением во всё светлое.

I. Неверие

Неверие – это бич в нашей земной жизни. Оно стремится вторгнуться в наши души во время как домашней молитвы, так и общественной, особенно во время совершения величайшего Таинства – святой Евхаристии «и преимущественно пред освящением Даров, и пред причащением, и во время самого причащения, при совершении всех Таинств» (2: 144). Оно поражает нас «как скорпион, и до тех пор… остаётся в нашей внутренности, доколе мы не выплачем» его и не призовём в сердце смиренной искренней веры (2: 144). «Если ты не веришь небесным тайнам веры, указаниям в Откровении и духовно востязуешься, то знай, что ты – душевный человек, а не духовный, безо всякого сомненья. Обрати внимание на своё положение: оно очень неблагоприятно» (2: 470).

Неверие граничит с заблуждением, за которым следуют неблагодарность к милостям Божиим, окаменение сердца, гордость и другие страсти (2: 83). А маловерие ведёт даже к отчаянию (2: 237).

Входит в душу неверие легко, неприметно, постепенно. «Легко потерять Царствие Божие, но труднее приобретать его» (2: 120). Помогает этому вхождению в душу неверия и старается поселить его в ней падший дух. Он же противится человеку, когда принимаются усилия «насадить веру и смирение» (2: 146).

Как прежде, так и ныне есть немало «отвергающихся Спасителя пред людьми, не помышляют они, бедные, какой стыд и ужас ожидают их в будущем – во веки веков. Их отвергнется пред Отцом Сын Божий, Отец будущего века» (1: 90).

Но почему, спрашивается, «сомненье о предметах веры так ядовито, едко действует на душу? Отчего эта душевная скорбь? Напротив, отчего спокойствие и мир в душе, когда я смиренно верю и имею твёрдую опору для веры, и отчего при помыслах неверия я стараюсь всеми силами избавиться от них как от мучительного для меня состояния и стараюсь возвратиться на путь сердечной веры как состояния самого успокоительного? Оттого, что неверие для меня неестественно, а вера – естественна; оттого, что первое – состояние души болезненное, а последнее – здоровое состояние души. Скорбь

души, колеблющейся сомненьем в вере, есть голос её о своей болезни и требование целительных средств, а мир души, смиренно верующей, есть чувство её благосостояния» (2: 421-422).

Святой Иоанн указывает и целительные средства от неверия: «При мучениях сердца от неверия и соединённого с ним страха бесовского одна надежда – на крестное знамение, с живой верой сделанное, на искреннюю, смиренную и сокрушённую молитву, и больше всего – на Животворящие Таины» (2: 87). Чтобы одолеть злого духа неверия, «не будь мудр о себе, ничего доброго не предпринимай собственным умом и собственными силами, но призывай Бога на помощь. Без Него "*не можете творити ничесоже*" ***(Ин. 15, 5)***» (2: 146).

«Смотри же: крепись, верный, и бойся единого мгновения усумнения; за мгновение сомнения будешь платиться многими часами сердечного мучения» (2: 42).

II. Гордость

Источником неверия служит гордость. «Неверующий внутренне говорит: "Другие говорят так, а я не соглашаюсь с тем, что они говорят; я хочу верить и говорить иначе". Значит, неверие уничижает слова других и свои мысли сердечные, свои слова поставляет выше мыслей и слов других» (2: 42).

Признаками гордости, обнаруживающими этот губительный грех, являются: ропот на Бога, самомнение и превозношение. «Если ты ропщешь на Бога в неудачах, которые суть следствие твоих же, кроющихся внутри слабостей, то ты горд, самолюбив» (2: 290). Вспомните странствующих евреев в обетованную землю. Им явлены были Богом величайшие милости и, невзирая на непрерывные Божии благодеяния, они роптали на Него при малейшей беде, «как будто всё должно было быть по их воле, а Бог Свою волю должен был подчинить их воле (дерзость)! Такова слепота страстей! Таково самолюбие человека». И что стало с роптателями? Не вошли в обетованную землю, все умерли в пустыне. «Ты, – обращается к каждому из нас Батюшка, – самолюбивый еврей, при каждой неудаче в своём путешествии в землю обетования ропщешь на Бога, несмотря на то, что на каждом шагу пользуешься Его величайшими благодеяниями.

Как бы и нам бедственно не погибнуть вне земли обетованной!» (2: 469-70). «Смиряйся пред Богом при всякой неудаче» (2: 290)... Самомнением и превозношением чаще всего страдают богатые люди. «Богатым в этом веке внушай, – учит святой Пастырь, – чтобы они не высоко думали о себе и о своём богатстве и не надеялись на это погибающее сокровище, но на Живого Бога, дающего нам всё обильно в наслаждение, делать добро, обогащаться добрыми делами, быть благоподатливыми, общительными (в имении), полагая сокровища в хорошее основание для будущего, чтобы получили вечную жизнь» (1: 431-432). «Вельможи и богачи века сего! Не возноситесь собой и не гордитесь своей знатностью и богатством, своими великолепными, высокими палатами. Как бы вы ни были высоки и богаты, но Господь может легко свергнуть вас с высоты вашего величия и счастья» (1: 325).

Чтобы пагуба гордости не вошла в наше сердце и не завладела им, необходимо постоянное духовное бодрствование. «Помни свое ничтожество и будь смиренномудрен! – указывает святой Пастырь. – Наблюдай за собой, не таится ли в душе твоей пагубная страсть гордости; смотри умным оком на все движения души твоей. Примечай за собой, как ты ведёшь себя с людьми, высшими тебя, равными и низшими: из обращения сейчас можно видеть человека, горделив он или смирен. Замечай за собой, когда молишься: какие больше помыслы нападают на тебя. Старайся особенно о чистоте сердца. Много нужно потрудиться для очищения его: оно завалено нечистотой. Совершенно наново нужно, так сказать, перебрать его – каждая мысль благочестивая, святая имеет соответствующую нечистую мысль. Боже мой! Какая в человеке бездна зла! Господи! Обнови меня!» (2: 398-399). «Когда внутри тебя восстают помыслы гордости, услаждающие тебя видом какой-либо добродетели, отвергни их мыслью, что мы сами по себе не способны и помыслить от себя что-либо доброе, но вся способность наша от Бога» (2: 473).

С гордостью тесно связаны тщеславие и гнев – порождения самолюбия. «Человек тщеславный и суетный смущается и краснеет от стыда, когда выставляется наружу изодранная или замаранная часть

его одежды; из этого видно, что он хочет казаться. Человек тщеславный боится говорить и не доверяет себе в слове своём, полагая, что его осудят тотчас, когда он скажет что невпопад» (2: 102-103). А о гневе святой Иоанн свидетельствует: «Кто гневается, тот горд» (2: 226).

«Брось ты гордость, самонадеянность, самолюбие», – взывает святой Иоанн (2: 226). «Истребляй червя самолюбия: он сильно подтачивает жизнь души» (2: 218).

III. Вражда

В человеке в разное время могут жить два не только различных духа, но и противоположных – «то дух злобы, хулы, нетерпенья, дух подавляющий, мертвящий душу страшной тоской, унынием; то дух кротости, смирения, умиления, мира, тихой радости. Первый – злой дух, а последний дух – животворный» (2: 310). Исполнен духа вражды тот, кто склонен за всякое неприятное слово или дело надуваться, сердиться. Это – гордый, злобный, нетерпеливый человек (2: 185), не знающий милости (1: 269).

Враждующему свойственно радоваться падениям своих врагов или перемене в их жизни благоприятных обстоятельств на несчастливые. «Это – грешно и неблагоразумно. Грешно – потому что противно любви к ближнему; неблагоразумно – потому что это может случиться и с тобой, и тогда порадуются и твоей беде. Кроме того, в то время как ты радуешься перемене обстоятельств другого, Бог видит и тебя, и этого другого человека, видит и твоё злорадование, видит и душевные качества другого, может быть, гораздо лучшие твоих; почему Бог и наказывает его, исправляя его погрешности» (2: 472-473). Радость о падении других – показатель страшного зла и нечестия (1: 34).

«Не имей ни на кого в сердце злобы, – призывает Батюшка, – иначе она сама накажет тебя жесточайшим образом; в злое сердце входит диавол и действует им как самым удобным орудием своим» (2: 170). Бойся любой – «малейшей вражды, как самого смертельного яда: чрез неё враг овладевает нами. Господи! Даруй мне очи – видети, уши – слышати и сердце – благодарное» (2: 115). Если паче

чаяния появится чувство ненависти – искореняй его следующим внушением себе самому: «Ты стоишь всей ненависти других за свои грубые, злые наклонности, а не тот человек, которого ты ненавидишь, он стоит всей любви и снисхождения» (2: 467). Заметил в душе зарождение ненависти и желания злословить – «вспомни слова Спасителя: "*Любите враги ваша, благословите клянущия вы, добро творите ненавидящим вас*" ***(Мф. 5, 44)***, – и будь покоен. Эти слова, как молния, просвещают душу во тьме страсти» (2: 468).

IV. Лукавство

Надо избегать и лукавства. «О, как надобно бояться… лукавства сердечного! Лукаво же сердце тогда, когда нечисто, то есть заражено страстями: самолюбием и не совсем чистой любовью к другим, пристрастной, корыстной… Люди с лукавым сердцем легко отступают от Бога: так как лукавство есть плод страстей, то лукавых богоотступников чаще всего можно встретить между людьми знатными, богатыми, учёными, вообще: пользующимися большой или некоторой известностью света и живущих в довольстве и счастии, хотя несомненно и то, что лукавое, неверное сердце можно найти и под рубищем» (1: 441). Подобно тому, как истина освобождает от греха, так лукавство, ложь порабощают – «всякий грех есть ложь» (2: 147). Лукавое сердце – преграда на пути ко спасению. Потому святая Церковь не в одной молитве просит Господа: «Не уклони сердец наших в словеса или помышления лукавства» (1: 293).

Уповающим на неправду, живущим неправдой, устраивающим ей своё благоденствие – горе. «По суду правды Божией они получат свою награду здесь, а туда перейдут для мучений» (1: 276).

«Храни всячески сердце своё, – учит святой Пастырь, – от стечения в него яда лжи, вливаемого отцом лжи: он силится войти в него под разными видами – под видом неверия, под видом страха и смущения, под видом отчаяния, вражды, ненависти, зависти, сребролюбия, гордости и других страстей. Противопоставляй его лжи светлое лицо истины: например, когда ты во время молитвы замечаешь в себе чувство глубокого смирения, сердечное умиление и сердечное

спокойствие и сладость, а дух лжи будет нашёптывать тебе, что ты теперь очень близок к Богу, то есть будет искушать тебя гордостью, то ты противопоставь ему следующую истину: "*Благодатию же Божиею есмь, еже есмь*" ***(1 Кор. 15, 10)***, слава благодати Его, а не мне, грешному. О! Я знаю, как я нечист, грешен, как я немощен бываю, мрачен и расстроен без благодати Его; меня тогда следует выбросить, как обуявшую соль, вон, я тогда – гной нравственный и физический» (2: 169).

«Когда... сердце твоё будет лживо, исполнено неверия, сделай только усилие произнести от всего сердца слова: *Иисусе Сладчайший*, спаси мя – и вера живая наполнит твоё сердце» (2: 81).

V. Осуждение

Добрый святой Пастырь неоднократно повторяет заповедь Христа Спасителя: "*Не судите, да не судимы будете*" ***(Мф. 7, 1)***. «Ни про кого не говори худо и никого не осуждай!» (2: 191). «Не осуждай других: если осудишь, ты поругаешься образу Божию, и грех сдавит твоё существо. Осуждай себя. Других судит Бог» (2: 361).

Не должно кого-либо осуждать даже за его те или иные слабости, ибо «осуждающий наказывается часто от Бога попущением делать то же самое, что осуждал в других. Все люди со слабостями, и ты – тот же человек и можешь очень легко подвергнуться тем же слабостям, и, когда подвергнешься, тебя также осудят, как ты осуждал других, даже жесточе. "*В ню же меру мерите, возмерится вам*", – сказал Спаситель» (2: 380).

VI. Сребролюбие

Духовная гибель человека – в его чрезмерной привязанности к материальным благам. «Для человека немного нужно, лишь бы он не был жаден, – рассуждает Батюшка. – Жадность – вот беда наша! Скупость – вот слепота наша!» (2: 6, 278). «Отчего люди и алчут, и жаждут, и того хотят, и другого, и третьего, и никогда не насыщаются? Отчего людям всё кажется мало того, что они имеют? – вопрошает он и отвечает: – Оттого, что не приходят к Спасителю» (1: 478).

С чувством глубочайшей любви к людям святой Иоанн взывает: «Не прилагай сердца к деньгам: пусть они иждиваются. Пусть тлен, прах останется тем, чем он есть. Пусть вечная душа занимается вечным» (2: 301).

VII. Пресыщение

Приложение сердца к деньгам и пресыщение – две стороны одного и того же греха – привязанности к миру.

«Избави Бог всякого, – молится отец Иоанн, – от пресыщения» даже добрыми дарами. Пресытившимся ими и не творящим благих дел «угрожает проклятие Господне и – пожжение, подобно бесплодной земле, пившей "*сходящий на ню множицею дождь… и износящей терния и волчец*" ***(Евр. 6, 7-8)***» (2: 46-47). Тем паче не подобает прельщаться «насыщением чрева» и предаваться с увлечением сердца нескромным «светским увеселениям и наслаждениям». «Если уж нельзя иногда обойтись без танцев и обедов званых, – увещает Батюшка, – делайте, по крайней мере, это без сердечного сочувствия и носите всегда в сердце слова Господа, предостерегающие вас от вечной погибели. Ах! Кто вас больше любит и хочет больше доставить вам покоя и услаждения, как не Тот, Кто положил за вас душу свою? Радушные хозяева, созвавшие вас для угощения и веселья, конечно, хотят доставить вам удовольствие и спокойствие, но они – сами люди такие же, как вы, сами рабы греха… Могут ли они доставить вам истинный мир и спокойствие сердечное? Внемлите!» (2: 198-199).

И святой Иоанн обращает своё обличительное слово к богачам, собирающим тленные сокровища и не думающим о бедных собратьях. «Беда, – свидетельствует он, – если человек богатый не богат одной милостью. Он сам это увидит на одре болезни своей, особенно же на одре смерти: личина спадёт тогда с его богатства, и он увидит его так, как оно есть само в себе – грудой бездушного, ни к чему уже теперь не годного для него металла» (1: 269-270). Богатеющие не в Бога, а в себе, безумны, потому что всю жизнь они с жадностью

собирают то, что после смерти оставят неизвестно кому – нередко чужим людям. «Жилища их – как гробы во всё время их жизни… Гробы обыкновенно тесны, и богачи утесняются, по Апостолу, во утробах своих. Но как неисследимы судьбы Божии: селения таких людей бывают часто долговечны, и по их имени называются селения и земли! Значит, окончательное воздаяние по заслугам каждого будет в другом свете или на другой земле, Земле Живых» (1: 269). Любостяжательные слепы своим умом – «богач собирает сокровища, вовсе не думая, что ему, может быть, придётся скоро умереть; он как бы почитает себя владыкой своей жизни, простирая её на многая лета: "*Душе, имаши блага многа, лежаща на лета многа*"; он забывает Бога, Начальника своей жизни и своего имения. Безумный! Как ты смеешь распоряжаться своей жизнью? "В *сию же нощь душу твою истяжут от тебя, а яже уготовал еси, кому будут? Тако собираяй себе, а не в Бога богатея*"» (1: 381).

Богатый не только не благодарит Бога за своё благосостояние, но даже выражает недовольство (2: 22). Обременённый роскошью, пищей, он теряет добрые свойства, которые должен иметь всякий человек – теряет веру, любовь, благость, «удаляется от Бога» (2: 148). «Сердце, обременённое пищей и питием, бывает грубо, бесчувственно для молитвы и – в довершение несчастья – подвержено неверию» (2: 140).

Богачи не заботятся о самой главной ценности – о своей душе, которая превосходит все сокровища мира и «за которую нельзя дать никакого выкупа. Апостолы в смысле мирском не имели ничего, но в истинном смысле имели всё: они приобрели себе на веки веков свою душу, все блага, небесные и вечные; они имели в руках своих всю землю, потому что могли переставлять и горы её с места на место и повелевать ея стихиями. Слава силе Твоей, Господи! Слава и вам, Апостоли святии, верные слуги Христа Бога нашего!» (1: 146). И святой Иоанн взывает: «Неправедные богачи! Вы можете купить почти все чувственные наслаждения, но если вы забываете Бога, богатея неправдой, не можете купить величайшего из наслаждений, которое человек может иметь и на земле и которое раздаёт только один Господь обращающим сердца к Нему. Это Мир Небесный,

Царствие Божие… Не богаче ли вас поэтому тот слуга Божий, который владеет этим небесным сокровищем? Не почтеннее ли он вас? В вашем сердце царствуют страсти, именно: сладострастие, любостяжание, страсть к богатству мира сего и гордость житейская, а вместе с ними и диавол, а в сердце верного раба Божия царствует Сам Бог и мир пренебесный» (2: 180). «Необременённое пищей сердце всегда несравненно больше способно держать в себе веру в Бога, благость или любовь, чувствовать милости Божии, вообще – стоять в истине» (2: 149).

Уже приведённые суждения показывают, что полагающие своё благополучие только в земных благах далеко не имеют подлинного счастья, настоящей радости, но святой Иоанн говорит и ещё более обстоятельно о том же. «Посмотрите на светских людей: они, по-видимому, веселятся, живут во всяком просторе – и, между тем, что же? Постоянно недовольны сами собой и часто скучны во время самих удовольствий: вообще, можно сказать, они внутренне постоянно скорбят: "*Яко нищи, а многи богатяще…*" По понятиям мира много или всё имеют те, которые обладают множеством денег, земли, разного имущества, служащего не только к удобствам и пользе жизни земной, но и к разным удовольствиям её. За деньги они могут всё достать и всё иметь. По понятию Неба такие люди не имеют ничего, потому что "*кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит*" ***(Мф. 16, 26)***» (1: 145-146). «О проклятая лесть богатства!» (2: 294).

Потому-то строгий Ревнитель святой православной веры велит: «Не люби богатства и не старайся умножать его, не довольствуясь тем, что имеешь. Смотри, разбогатевши, ты вместо Бога будешь надеяться на богатство: оно сильно ослепляет глаза человеку, надмевает и всесторонне портит его. Старайся быть довольным немногим, имея в виду благопопечительность о тебе Отца Небесного, Который не оставит тебя» (1: 450). Если же Господь позволит собрать многие и даже изобильные плоды, то не расточай их в роскоши своей жизни, а облегчи участь бедняков – «меньших братий Господа», помоги им, «чем можешь и как можешь: ходатайством ли пред другими, деньгами ли или чем другим. Будь милосерд, подобно Отцу Небесному,

покупай здесь ценою тления нетленную жизнь на Небесах, вечное Царство Небесное» (2: 22; 1: 386-387).

А как далеко заходит ненасытность человека! Как крепко он привязывается к призрачным благам земной жизни и погружается в их тине, угождая своей греховной плоти! (2: 283). «Вы, – обращает святой Пастырь своё слово к пресыщающимся, – приготовляете себя, как приготовляют тельцов тучных, на день заколения!.. Нет, братия, наши земные дары – от Бога, не для нас только, но и для наших собратий. Вы слишком много ласкаете своё тело, которое, как благородная масса земли, требует вовсе не столько о себе заботливости, как вы думаете; чтобы поддерживать его в здоровье и благообразии, нужно очень, очень немного для него: тогда-то именно только оно и будет благородно. Братия! Необходимо иметь вам в виду и воздаяния и воскрешение праведных… Если не видите этой необходимости теперь, так увидите её после» (1: 387-388).

Святой Иоанн советует никогда сытно не наедаться – «лишний кусок – лишняя тяжесть, лишнее тление» (2: 343). Как бы ни вкусно было предлагаемое – не должно увлекаться и обременять свой желудок, а с ним и душу «множеством пищи» (2: 478). Как бы в доказательство полезности воздержания, святой Иоанн говорит о себе: «В Петров пост 1858 года пил я для здоровья козье молоко и иногда кушал яйца, но здоровья не достал: значит, не надобно в пост есть скоромное, а надобно держать постный стол – дело будет лучше» (2: 269) [1]. Батюшка указывает и то, как надо поститься и как понимать саму заповедь о посте. Поститься подобает «тайно, не только телесно, но и духовно, освободиться от страстей: не клясться, не прелюбодействовать, не воздавать злом за зло, давать требующим» (1: 86). Церковью предписан пост. Но если «в известном месте чрезвычайно трудно держать его по дороговизне или неблагоприятным для здоровья следствиям постной пищи, тогда как скоромная пища и дешева, и здорова», то «в этом случае христианская свобода

[1] Удивительное совпадение· эти строки пишутся мной в Петров пост! А может быть, это не совпадение, а присутствие Батюшки?!

позволяет нарушить пост и, ничтоже сумняся, кушать скоромное. Не человек для поста, а пост для человека установлен» (1: 346). Во всех случаях пост никогда да не хулится – «он есть мати здравия и целомудрия» (2: 322).

VIII. Тоска, уныние

Весьма опасное состояние души – тоска, уныние. «Есть злой дух бессонницы: он гнездится под ложечкой и оказывается тоской, не дозволяющей спать» (2: 98). Потому святой Иоанн неоднократно на страницах своего «Дневника» призывает изгнать это зло, полностью освободиться от него: не унывай в неудачах. «Это – грешно» (2: 291). Не унывай, когда бывает неловко «у тебя внутри: часто это происходит от дурной погоды, от желудка» (2: 101). Не предавайся унынию и тогда, «когда ненавидят, хулят, злословят тебя. Вспоминай чаще, как возненавидели, злословили Господа. Терпи и будь спокоен» (2: 294). При любых обстоятельствах – «никогда не предавай сердца своего унынию и страху, иначе ты будешь их пленником: тогда они свяжут тебя по рукам и по ногам» (2: 186). «Научись ни в каком случае не упадать духом и сохранять всегда присутствие и величие духа» (2: 258).

IX. Отчаяние

Ещё опаснее тоски, уныния – отчаяние. Оно может быть самым страшным завершением их.

Чтобы ярче выделить состояние христианина, согрешившего пред Богом – Небесным Отцом, святой Иоанн сравнивает его с провинившимся сыном и потому находящимся под родительским гневом. Теперь сыну «бывает всё немило в доме родителей, между тем как прежде, когда он был в их любви и милости, было всё приятно». Так и согрешившему всё в мире – «великом доме Божием» – немило. «Красота мира Божия для него как будто не существует: на всём он видит печать грусти, во всём он видит как будто упрёк себе» (2: 113). Но каково бы ни было состояние грешника – нельзя падать духом и приходить в отчаяние. «Если согрешишь, – учит Батюшка, – не

отчаивайся, не говори: "Отвержен есмь навсегда *от лица очию Твоею*", но помолись Господу от всей души о прощении тебе грехов твоих, объяви Ему в слезной молитве о своём беззаконии с сердечным сокрушением о нём, и Господь милосердный обратит к тебе опять светлое лице Своё, услышит глас молитвы твоея и помилует тебя» (1: 52).

«Падающий! Зачем ты отчаиваешься в помиловании на Страшном Суде Божием? Верь, что как враг применяет множество соблазнов к падению, так Господь по Своей бесконечной благости гораздо больше противопоставляет залогов для помилования. Только сам старайся не падать, а если падешь – поскорее вставай. «Если бы ты пал и таким падением, которое зазвенело бы в ушах всех и пронеслось по всему миру, – и тогда не следует отчаиваться. Спаситель взял на Себя все грехи мира, какие бы они ни были и как бы велики ни были. Его милость безмерна… Только старайся больше любить Его, и тебе оставятся все грехи, как блуднице, мазавшей миром ноги Господа и отиравшей власами главы своей» (2: 250-251).

«Не отчаивайся: Бог не оставит никогда, по вере и усердию твоему» (2: 40).

Святой Иоанн указывает и то, как Господь врачует отчаяние. «Он даёт сердцу испытать смерть духовную», попускает злой силе умертвить сердце великой скорбью, а потом – после принятия Святых Таин или после искренней молитвы – «вводит в человека, в его сердце, жизнь Свою, свет веры и надежды, мир, лепоту, свободу – для того, чтобы человек… из таких резких противоположностей в душе его, то есть из противоположностей жизни и смерти, познал, что есть Жизнодавец, без Которого мы умираем и душевно, и телесно, и есть виновник смерти – дух злобы, который поражает наше сердце и всё существо смертью» (2: 40).

X. Курение табака

Свои размышления о вреде курения табака и для тела, и для души святой Иоанн направляет к врачам. Дым табака он называет ядовитым. Самого курильщика представляет с лицом бледным, безжизненным, бесцветным, по телу худосочным, нередко умирающим от

чахотки. Вреден он и для души, ибо теряется драгоценное время, которое следовало бы употребить «для удовлетворения духовных её потребностей». А деньги, «потраченные на табак, на это положительно вредное зелье, гораздо лучше было бы отдать бедным… О, как бы пожал обильно в будущей жизни тот человек, который бы все деньги, истраченные на табак, раздал нищим!.. Этот огонь в ваших папиросах, сигаретах, трубках есть верный предтеча геенского огня… Как огонь вина в утробе пьяницы есть предтеча вечного огня, так огонь в папиросах, трубках и сигаретах у людей, страстно им преданных, есть верный предтеча огня. О сатанинские ослепления и пленение людей!» (2: 109, 110, 111-112).

«Медицинские друзья человечества! – взывает к врачам святой Пастырь. – Подумайте добросовестно, как бы уменьшить зло, сделавшееся общим. Ваши слова, особенно если вы заговорите вместе, будут иметь силу на народ» (2: 109, 110).

XI. Нечистые помыслы

Нечистые помыслы – это «паутина, пустое мечтание», наводимые злой силой (2: 133). Они отгоняют от нас возгоревшийся в наших сердцах огонь Духа Святого, как дым отгоняет пчёл (2: 412). «Слышите, неверы, – останавливает святой Пастырь боримых недобрыми замыслами, – скверные, лукавые и хульные мысли не есть собственность души человеческой, но дело злого духа, потому не надобно обращать внимания на все подобные моменты в жизни нашей души, тем более слушаться их, но при находе их, смекнувши тотчас, откуда они, пренебречь ими и твёрже прилепиться умом и сердцем к истине, как к матери, породившей нас, всегдашней нашей питательнице и утешительнице» (2: 98-99). Нельзя уступать помыслам ни на мгновение. «Сражайся с ними до пота и крови. Искупай душевное спокойствие целых дней в несколько минут. Будь мудр, как змея: береги голову и сердце» (2: 144).

Уничтожать всякий нечистый помысл должно в самом начале и стараться тут же заменить его чем-то светлым. «Например, в тебе восстают помыслы гордости: не давай им усиливаться, а сейчас же пусть запнёт и положит их на место смирение; есть помыслы неве-

рия – пусть в то же мгновение поборет их вера; если ропот на Бога – пусть сейчас же запнёт их сердечная благодарность Богу за премудрые дела его всеблагого Промысла. По природе нашей испорченной – зло (Исав) имеет первенство, но по благодати – добро (Иаков) по справедливости должно запнуть его; сыны света должны быть мудрее сынов века сего: добродетель – мудрее зла» (2: 208).

***

Какие же советы выводит святой праведный Иоанн Кронштадтский из своих размышлений?

- «Когда вы будете охватываться нечистым огнём страсти, и душа ваша начнёт испытывать сладостный плен внутреннего сладострастия – о! Вспомните тогда, что бессмертная душа ваша, искупленная от вечной погибели страданиями и смертью Сына Божия, в великой опасности – подвергнуться адскому, неугасимому огню; что часто бывает только один шаг – от внутреннего греха до наружного; докажите в эти столь важные для души вашей минуты, что вы помните заповеди нашего Сладчайшего Господа – Спасителя – и желаете исполнять и исполняете их; докажите в это время на деле, что вы – христиане, что это слово для вас не один пустой звук. А если уж, от чего Боже сохрани, вы увлеклись страстию и осквернили душу свою нечистотой, то извлеките, по крайней мере хотя тогда, урок для себя на будущее время – не продавать драгоценной чистоты… за нечистый, кратковременный, хотя и сладостный, убийственный жар крови; не меняйте… хождение в широте заповедей Божиих – на темницу беззакония» (2: 176).
- Подобает отложить ложь и каждому говорить своему ближнему правду, «потому что мы члены друг для друга; гневаться – и не грешить в гневе; пусть солнце не заходит, пока мы не примиримся: не станем радовать диавола, не дадим ему у себя никакого места. Если кто прежде крал, то пусть уже не крадёт, но лучше трудится, делая своими руками доброе, чтобы иметь и требующему подать… Никакое гнилое, праздное слово пусть не выходит из уст

наших, но только то, что хорошо и может утвердить веру, чтобы оно принесло пользу слушающим. Мы должны заботиться всеми силами, как бы нам не оскорбить Святого Духа Божия, Которым мы знаменовались в день избавления. Всякая горечь, гнев, ярость, крик, хула должны быть удалены от нас. Напротив, друг к другу должны мы быть добры, милосердны, прощая друг друга, как и Бог во Христе простил нам все грехи. Вот требование христианства» (1: 41)

- Если согрешишь – «не оставляй без внимания греха своего, но тотчас же старайся вырвать его из души своей с корнем; исповедай беззаконие свое Господу – и он оставит нечестие сердца твоего. Поплачь в молитве, погорюй – и грех в слезах выйдет из души твоей» (1: 52).
- Умирать греху нужно так, «чтобы жили на этом свете как бы не мы, а Христос, чтобы весь греховный прежний человек наш погиб и жил новый, благодатный, – образец человека – Христос» (1: 403).

VI. К ЧЕМУ ДОЛЖНО СТРЕМИТЬСЯ

> «Удаляться от зла – значит знать», а «быть благочестивым – значит быть премудрым»
>
> *(1: 39)*

«Одежда – дела добрые» (1: 195), – говорит святой праведный Иоанн Кронштадтский. Приобресть эту одежду и облачиться в неё – вот и есть выраженное в трёх кратких словах то, к чему должно стремиться.

Исторгнув с корнем грех из своего сердца, подобает сеять в нем дела добродетелей (1: 292). Мы живём на Земле, принадлежащей Богу – её Творцу. «Живём на ней как рабы, пущенные Господином в дом Его с тем, чтобы делать угодное Ему, то есть мы должны искупать своё местопребывание добрыми делами, каких требует от нас Господь Неба и Земли. Если же мы делаем столько зол, не заботясь

угождать своему Господу, то, естественно, мы недостойны жить на Земле Его» (1: 299). Нам свойственно падать, но в состоянии падения оставаться «неестественно и непростительно, особенно когда призывает к восстанию голос любвеобильного Господа» (1: 300).

Человек есть образ Божий. Это значит: «Ты любишь правду – Бог также любит правду, только в бесконечно высшей степени; у тебя сердце склонно к любви сознательной – Бог тем более имеет любовь к Своим тварям; у тебя мысль облетает в мгновение безмерные расстояния – это также подобие Божества, Которое вездесуще. Вообще, что в тебе есть доброго – это есть некоторое ничтожное подобие того, что есть в Боге» (2: 439). Вот это доброе человек и призван умножать, чтобы приближаться к Первообразу. Как деревья Господь вырастил, чтобы они приносили плоды, так и людей – чтобы они приносили плоды добродетелей. Деревья имеют способность приносить – и люди получили способность творить добро, иначе Бог и не обязывал бы нас к нему. Деревья, принося плоды, выполняют своё назначение, а не принося – делаются вялыми, непригодными. Так и люди. «Делая добрые дела, они достигают цели своего бытия, а не делая их или творя только худые дела, они и для Бога делаются негодными плевелами, и сами по себе – вялы и безжизненны по душе и даже по телу, так что никуда не годятся, как только в землю или в огонь» (1: 83).

Теперь все христиане говорят: «Я – христианин, я – Христов, я – Божий». Но отвечает ли это действительности? О Своих последователях Господь сказал: "*О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*" ***(Ин. 13, 35)***. Спрашивается: ты, именующий себя христианином, имеешь такую любовь? Если нет – ты не Божий. Дальше Бог говорит: "*Иже кто любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин*" ***(Мф. 10, 37)***. А ты? Больше любишь Господа, чем родителей? Нет! Значит – ты не Божий, не по праву говоришь, что ты христианин. «Если же ты имеешь к кому-нибудь не совсем чистую привязанность, то и тем более ты недостоин имени христианина: грех далеко отринул тебя от Всесвятого Господа. Кто – Христов, тот сраспинается и спогребается Христу, тот умерщвляет

свои страсти» (1: 71), тот идёт к Царству Света «напролом». «*Отчего Царствие Небесное*, Царство мира и радости, *нудится*, и только *нуждницы восхищают е*? ***(Мф. 11, 12)***. Оттого, что в нас много внутреннего, природного зла, которое нужно искоренять и которое, как змея, которую хотят убить, противится и уязвляет нас; что есть сильный враг Царствия Божия, который всеми мерами постоянно силится изгнать из нас Царство Божие и утвердить в нас своё царство, царство греха, порока, смущения, скорби и тесноты» (2: 182). Чтобы стяжать «внутренние признаки в себе Царствия Божия», нужно трудиться – сие «не даётся даром» (2: 291). И чем сильнее утверждается Божие Царство, тем ожесточеннее, тем упорнее становится наша борьба с духами зла. «Это, – отмечает отец Иоанн, – постоянный опыт, испытываемый в душе людьми благочестивыми» (2: 185-186). Добродетель тогда ценится, когда совершается с преодолением каких-либо преград. Как храбрость и великодушие солдата познаётся не во время мира, а во время войны – «под огнём и мечом», так и при совершении добродетелей «есть причины не очень много доверять тому человеку, который делает добро при благоприятных обстоятельствах и ещё не испытал горя: он может потерять присутствие духа в несчастии и изменить своей наклонности делать добро – даже обнаружить свои дурные стороны: малодушие, нетерпеливость, ропот и хулу на Бога. Только очищенный в горниле бед христианин – крепок и надёжен, а не бывший в беде не всегда надёжен» (2: 377).

Совершение христианских добродетелей есть пребывание в Боге, а это – величайшее благо и подлинная радость. «Когда я Божий, тогда мне хорошо, а когда свой – худо, то есть когда ты по вере и делам близок к Богу, тогда у тебя мир и радость в душе, а когда неверием или сомнением, также худыми мыслями, желаниями и делами удаляешься от Него, тогда скорбь и теснота в бедной душе твоей» (2: 360). «Как хорошо благоугождать Богу! Ни один земной царь не наградит так своих усердных слуг, как Господь Своих угодников. За что больше благоволил Господь к Иосифу? За его простосердечие, невинность, Богобоязненность. «Како сотворю глагол злый сей, – говорил он дерзкой госпоже, жене Пентефрия, – и согрешу пред Бо-

гом?» (1: 225). «Что значит чувство радости по совершении добра, при виде прекрасного? Значит то, что человек предназначен жить истиной, добром и красотой, то есть Богом, Источником истины и красоты» (2: 428). Да, мы радуемся, потому что знаем – можем угодить Богу и можем быть блаженными. Людям же, не знающим Бога, «за гнусные дела их не даётся знать, чем они могут угодить Богу» (1: 222).

Святой Иоанн подчёркивает важность добродетелей. «Мир, – говорит он, – дотоле стоит и процветает, доколе есть в нём люди благочестивые» (2: 11). Но сознание этой важности сопровождается глубочайшим христианским смирением. «Не смей никогда надеяться на свои добродетели: они забываются Богом, когда ты согрешишь. Притом твои добродетели – ничто пред Богом: ты делаешь доброе дело Его силой. Надейся единственно на Жертву, принесённую за тебя Правосудию Божию – на Сына Божия, Который "*очищение есть о гресех наших*"» (1: 560).

I. Вера

Определение веры святой Иоанн даёт в сопоставлении с истиной и в противопоставлении неверию. Применяя этот метод, он достигает особой выразительности. «Вера есть сердечное, успокоительное чувство невидимой истины Божией. Например, чувство вездеприсутствия Божия, чувство мироправления Божия, чувство благости Божией и прочее. Вера также есть стойкость души в истине» (2: 167). Значение самой истины обширно – «если я стою в истине, то я верующий, и надеющийся, и любящий. Я исполняю тогда весь закон под именем одного слова: истина. Я тогда прекрасный семьянин и гражданин. Мало того, я знаю тогда по возможности цену всякой видимой вещи и употребляю ее сообразно с её назначением» (2: 169). Вера – это согласие сердца с истиной, тёплое согласие – во время молитвы – с каждым словом молитвы, при чтении Священного Писания – с каждым словом Писания. Иное – неверие. Последнее «есть мучительное, упорное, ложное несогласие сердца с тем, что говорится в молитвах или Священном Писании, или писаниях святых Отцов, – мёртвая чувствительность к живым,

преисполненным истины словам молитв или Писания; потому неверие есть тайная гордость, а вера – глубокое смирение. Неверие – исчадие сатанинское, вера – чадо Божие; вера в религии то же значит, что истина; неверие в религии – то же, что ложь» (2: 165-166). Живет вера в сердце – значит, живут в нем святость, чистота, правда; живёт неверие в сердце – «значит то же, что страсти и всякая нечистота живут в сердце» (2: 130).

Вера есть уверенность в невидимом. «Я, – говорит отец Иоанн, – не вижу Бога, но блаженствую Им; одна искренняя, смиренная мысль о Нём услаждает моё сердце. Он невидим, но он – сладость моя, блаженство моё» (2: 134). В каких-либо доказательствах вера не нуждается. Здание её – «вечная, несокрушимая твердыня, которой и вся сила адская не одолеет. Вера наша говорит сама за себя. Ее учение или её *слово "живо и действенно" (Евр. 4, 12)*... Слово веры нашей есть слово самой Истины; за это слово подвизались Апостолы, Мученики, Святители, Преподобные и Праведные до презрения всем земным. Лице Божественного Начальника нашей веры яснее солнца сияет Своими Божественными знамениями или чудесами, которые говорят за Него неопровержимо ни для какого изувера» (2: 457).

Святая вера подобна великой чистой реке, текущей по большой пустыне. «Река эта очень длинная, начало её – в ключе воды живой, удаленном от нас на огромное расстояние; мы видим продолжение реки и с избытком почерпаем из неё питательное и прохладительное питие» (2: 199).

Вера – дар Божий, но даётся этот дар только тем людям, сердце которых способно вместить его (2: 231). И человеку надо уготовать своё сердце. Мы живём для того, чтобы встретить Господа, найти его, пребывающего вблизи нас. В этом наша заслуга: «Найди Господа, Который дал тебе жизнь и все блага, Который распростер над тобой небо, как кожу, Который подостлал под тобой землю. За то, что ты будешь искать Господа, Который открывается тебе в творении, ты получишь Царство Небесное. Но искание это иногда соединяется с большими трудностями: старайся всё перенесть. Мученики и мученицы, ищущие Господа, страдальчествовали и сраспинались, и

спогребались Крещению Его» (1: 159), доказывали своим подвигом, что жить нам без Спасителя нельзя (2: 209). «Говори в себе: „Без Него я мёртв, – учит святой Иоанн, – а с Ним или с Пречистыми Его Таинами, достойно принятыми, я преисполняюсь жизнью, миром и радостью“» (2: 37). Бог есть источник нашей жизни. Вдали от Бога, без Бога – духовная смерть. Нередко люди обращаются к богам ложным, надеясь получить от них помощь, но так как они мёртвые истуканы, то надежды не оправдываются. «Один Бог спасающий, и *несть иного*» (1: 75). Он с нами пребывает, «присутствует при нас как Мысль, как Свет духовный, как Любовь, услаждающая и упокоевающая сердце, как Сладость, как Мир. Оттого, когда ты искренно о какой-нибудь истине (законной) мыслишь, тебе бывает приятно, легко, когда ты любишь (по Закону), тебе бывает сладостно» (2: 87). Господь ближе всего к нам. Но как же сердце иногда далеко отстоит от Него, не всегда находит Его? (2: 66-67). И заботливый святой Пастырь указывает «путь мирный»: «Иди постоянно к Богу, размышляй о Нём, люби Его и надейся на Него. Это путь мира», путь веры (1: 125).

Верой мы принимаем многое в окружающем нас мире, тем более она должна присутствовать там, где речь идёт о небесных тайнах. «Бесчисленное множество непостижимого на земле во всём, что я вижу, и весьма многое я должен принимать верой: небесные ли тайны буду я подвергать действию разума? Нет, я беспрекословно, без рассуждения должен верить им: они животворны для меня – чего же больше?» (2: 89).

Сила живой сердечной веры не просто велика, а неизмеримо велика. Так, без веры невозможна молитва – это важнейшее занятие в духовной жизни, а с верой молитва становится приятнейшим подвигом, окрыляющим всё существо человека, согревающим его животворной теплотой (2: 248). Вера в молитве то же, что идея в науке. «Как идея животворит науку, так вера – молитву; как автор науки, созидая её, путается и впадает во мрак умственный, если теряет из виду идею, так молящийся впадает в мрак сердечный и умственный, когда выпускает из сердца веру» (2: 148). Только прикоснёмся ей «к облачениям Господа – к Его истине, правде и милости – и сейчас

спасаемся», сейчас же прекращаются страстные помыслы «и настает мир, тишина, *"радость о Дусе Святе"* ***(Рим. 14, 17)***» (2: 60).

Святой Пастырь Богодухновенно воспевает как бы гимн силе веры, сократить который (как и в иных случаях) не позволяет верующее сердце: «О Божественная сила веры! Господь уверяет, что если мы имеем хотя небольшую веру в Господа, как Всемогущего и Всеблагого Творца мира видимого и невидимого, и тогда мы можем делать при посредстве её чрезвычайные дела, например, переставлять горы с места на место. В самом деле, что стоит это для всемогущества Божия? Если Земля, которой тяжесть по причине огромного количества весу почти невозможно исчислить, держится в пустом пространстве мира, ничем не поддерживаемая, если бесчисленные миры, большая часть которых превосходит величиной нашу Землю, также вращаются, подобно лёгким мячам, в пространствах неба силой притяжения и отталкивания, то не пойдёт ли со своего места по слову разумной твари, преданной своему Творцу и верующей в Его бесконечное могущество, какая-нибудь земная гора, какая-нибудь масса земного вещества? Духу естественно повелевать вещественной природой: он бесконечно выше, благороднее и могущественнее её, по крайней мере, таким он создан и таким быть должен. Только по грехам нашим вещественная природа вышла из-под нашего подчинения, не слушает, иногда даже враждует против нас. Возвративши себе первобытное господство, соделавшись по живой вере едино с Господом, Творцом Мира, мы увидим, что может человек верующий, святой, Богоподобный: он делается как бы богом» (1: 102-103). «О Божественная сила веры! Чего нельзя с тобой сделать… Но ты дар Божий. Я должен заслужить тебя у Бога делами добрыми и старанием приобресть тебя» (1: 153).

Неизмеримая сила веры определяет также и значение её. «Чего не можем сделать с верой!» Всѐ можем, даже «сделаться богом. Это не преувеличение: Бог сделался человеком для того, чтобы человека верующего сделать богом. Великое сокровище для христианина – вера Божия: она на земле соединяет человека с Богом, делая его участником Божия всемогущества и сообщает ему залог будущего блаженного

наследия на небесах. С верой человек и здесь, среди бед, скорбей и болезней, живёт весело, утешаясь представлением будущих благ, уготованных ему на небе Отцом Небесным» (1: 99).

О значении веры святой Иоанн говорит и особо

Слово веры, слово о Небесном Мире, о Царстве Божием, уготованном всем любящим и служащим Богу, есть слово подлинного утешения. «Слово веры, и только оно одно, есть поистине слово утешения к людям» (1: 150). Господь наш Иисус Христос обещал утешение всем обременённым грехами и скорбями, если они с верой притекут к нему: «И что же? Обещание верно исполняется над миллионами людей в один день, даже в один час: все, притекающие к Нему в молитве с бременем грехов своих, сбрасывают с сердца своего эту невыносимую тяжесть и чувствуют на сердце сладостную леготу» (2: 113). Поистине вера – жизнь сердца, сладость души (2: 355). Если мы приближаемся к Нему верой, «Он входит в нашу душу и приносит с Собой чудное спокойствие или тишину и умиление, соединённое с тихой животворной радостью» (2: 356). Когда и сердце, и мысль прикованы ко Спасителю – человек покоен, блажен, а когда сего нет – на сердце тяжесть и мрак (2: 91-92). «Господи! – возносит свой глас к Отцу Небесному отец земной. – Ты богатство моё: когда Тебя я имею в сердце, тогда я всем доволен; тогда я всё имею» (2: 54).

Слабеет вера – гаснет и духовная жизнь, душу оставляют "*мир и радость о Дусе Святе*" ***(Рим. 14, 17)*** (2: 202). «Где начинается неверие, там начинается жалкое низкое рабство и упадок духа; и напротив, где вера, там – величие, возвышенность, свобода духа. Опыт» (2: 188). Как верующему всё "*поспешествует во благо*" ***(Рим. 8, 28)***, так неверующему – во зло. Сие «оттого, что верующий – с Богом; Бог как Самосущее Благо всё обращает для него во благо; а неверующий – с диаволом, и диавол как зло всё обращает для него в зло. Это дознано бесчисленными опытами» (2: 182).

Вывод ясен: «Люди!.. Чего нет у Отца Небесного для спокойствия и услаждения нашей души – и даже чего нет у Него для невинных

наслаждений телесных? Всё есть: зачем же мы бежим от Него на страну далёкую и изнуряем жизнь свою в разных пристрастиях или злых наклонностях сердца?» (2: 71). Имей живую веру – и Христос Спаситель вселится в тебя, «в твоё сердце. Это не одни пустые слова или обещания. Говорится то, что испытано миллионами» (2: 188-189).

Последние рассуждения показывают не только значение веры, но и её необходимость. Продолжая размышлять над сим, Батюшка пишет: «Как необходима вера, – не говорю: Божия, – а вера даже в себя!» Без неё человек смутен, мнителен, во всём сомневается (2: 323). Нужна вера и при общении с людьми. Как можно беседовать с ними, не веря их словам и делам?! Но этого ещё недостаточно. Вера необходима, «чтобы верить – при сношениях с высшими – в их власть, в её Божественное происхождение – и воздавать им должное почтение; при сношениях с равными – в их искренность, добросовестность, в их общечеловеческое достоинство; при сношениях с низшими – тоже в их человеческое достоинство» (2: 54). В духовном плане вера тем паче необходима. «Я, – говорит отец Иоанн, – должен… видеть всегда пред собой Господа, чтобы не грешить, потому что Он всегда одесную меня. Особенно я должен видеть очами веры и никогда не упускать из виду Господа в храме, в котором Он непременно присутствует, когда в нём есть двое или трое человек, собравшихся во имя Его» (2: 321). «Боже мой! Как велика потребность веры для сердца человеческого! Оно тоскует, тужит, когда сомненье проникает в душу, и перестаёт тосковать и тужить, когда возвратишь ему веру и прогонишь сомненье. Оно жадно пьёт веру, как жаждущая земля влагу, и расширяется и трепещет от неё радостью. Так, Создатель, устроил Ты нас, что без веры нам жить невозможно, без веры жизнь не жизнь. Господи! Насади живую веру в сердцах наших!» (2: 222).

Потеря веры – величайшее несчастье для жизни временной и духовная гибель для жизни вечной. «Как тяжело, – свидетельствует святой Пастырь, – когда чувствуешь, что вера, жизнь нашего сердца, нашей души, оставляет нас, когда её кто-то силится похитить совсем. И одна минута без веры – смерть для души» (2: 343). Безумен тот человек, который, начав строить сложное здание под руководством

мудрого архитектора, отказывается от него и начинает сам распоряжаться. Здание неминуемо упадёт и своей тяжестью задавит безумца. Подобное можно видеть и в жизни духовной: ушедший от Великого Архитектора – Бога губит все то, что уже было сделано (2: 101). «Или соединяйся сердечной верой с Господом и – блаженствуй, или, если будешь сердцем далёк от Бога, если сердцем не будешь соединён с Ним, то страшись и мучься: таков закон у Бога. Вот что познано бесчисленными опытами» (2: 76).

Христианину, удаляющемуся сердцем или удалившемуся от Бога, полезно и даже необходимо напомнить, что он «весь в милости Божией, что Сын Божий претерпел для его возрождения в жизнь духовную и благодатную страдания крестные, Кровь Свою пролил для него и постоянно доныне, как нежнейшая мать, питает Своей Плотью и Кровью, чтобы с этой Плотью и Кровью внести в его растлевшее грехом естество Божественную жизнь и блаженство райское, что все, начиная с волоса и... до высоких чувств истины, добра и красоты, у него Божие: и одежда тела, и весь внутренний человек, кроме его грехов» (2: 142-143). Подобным образом поступают и земные добрые родители по отношению к своему сыну, живущему на их содержании, но являющему суровость нрава. Чтобы вернуть его к сыновнему долгу, они напоминают, «какие болезни мать терпела при его рождении, в каких заботах, в какой нежности был он вскармливаем её сосцами и каким искренним, постоянно неизменным участием пользуется он доныне, как они заботятся доставить ему всё необходимое...» (2: 142).

Неудовлетворительно духовное состояние, когда и имеют веру, даже хвалятся ей, а требований её не исполняют. «Ты возрос в православной вере и хвалишься знанием своей веры и правил христианской деятельности, говоришь, что исповедуешь едино Крещение во оставление грехов. Но если ты не исполняешь Закона Божия... к чему тогда послужит твоё титло христианина, твоё причащение Святых Христовых Таин, всё христианство? Преступлением закона ты сам опровергнул всё, что у тебя было, всё равно что язычник; с ним ты и пойдёшь в своё место» (1: 125). «Служа Живому Богу,

Вездесущему, Всевидящему, Всеправедному, Богу разумов, мы, – сетует святой Иоанн, – почти всегда забываем и оскорбляем Его, служа Ему, как Богу не Живому, отдалённому от нас и не всеведящему – Богу, страшно сказать, как бы не имеющему разума, не судящего праведно каждый наш поступок, слово, мысль, сердечное движение» (2: 107). «Я и верующий, и неверующий, добрый и злой, смиренный и гордый, простой и лукавый, Божий и диавольский. Душа моя как бы растягивается двумя противоположными силами. Странен я! Чужой я!» (2: 133). Большая часть людей живёт для себя, в лучшем случае – для родных, для общества. Выше они не видят цели своего бытия. Но такой подход к жизни весьма и весьма ограничен. Где при нём «поощрение для веры и добродетелей, для добросовестного исполнения общественных, даже семейных обязанностей?» (1: 131).

Что должно делать? О чем нужно позаботиться?

Отвечает Батюшка:

- «Обрати всё своё внимание на стяжание веры: она – спокойствие, блаженство твоего сердца и твоей жизни. Ты мучаешься сомненьем или неверием: оно убивает тебя, лишает иногда плодов молитвы и причащения Святых Таин», поражает сердце «смертельной тяжестью. Стяжи веру – и будешь счастлив» (2: 42).
- Старайся больше всего возращать веру – она основа христианского подвига. Без неё нет жизни по-христиански. «Особенно чаще возбуждай в сердце веру в воскресение Господа Иисуса из мертвых: она-то, по уверению Апостола, и спасёт тебя ***(Рим. 10, 9)***, если ты останешься верным Господу до смерти» (2: 458).
- «Введи верой в сердце своё Христа, и… держи Его там: Он так благ, что позволяет удерживать Себя. Пусть Он живёт в тебе и говорит тебе; "*Аз есмь, не бойся*"» (2: 258-259).
- «Пора тебе, человек, совсем обратиться к Богу от рабства своим страстям; обратись же и войди в свободу чад Божиих» (1: 289).

Хорошо зная человеческие немощи и трудности в духовном делании, великий Предстатель у Бога молится:

- «Божественный Спасителю! Якоже о Петре молился Ты, да не оскудеет вера его, тако и во мне, Господи, возгревай веру Твою по бесприкладной благости Твоей и утверди, утверди её во мне, да не исхожу всегда посрамлён от лица Твоего, да не наведу соблазна людям Твоим и да не погублю некие от них своей нетвёрдостью в вере» (2: 308).
- «Даруй же мне принести Тебе плоды доброго служения, прежде же него – веры непостыдной, надежды твёрдой и любви нелицемерной» (2: 38).

II. Любовь к Богу и ближнему

Господь наш Иисус Христос, отвечая законнику, сказал, что главнейшими заповедями являются две: любовь к Богу и любовь к ближнему, на них утверждается весь Закон ***(Мф. 22, 35-40)***. Утверждается на них и Кронштадтский Служитель Божий. «Держись, – велит он, – любви к Богу и к людям даже тогда, когда бы из-за нее тебя постигла нищета, скорбь, болезнь, гонение. Помни, что Бог есть Любовь и кто подвизается для любви, тот подвизается для Самого Бога» (2: 341).

Кто искренно любит Бога, тот любит также и ближнего. «Если ты любишь Бога искренно, тебе легко будет любить и всех людей, прощая их недостатки» (2: 66). С другой стороны, не любящий ближнего – не любит и Бога, «неблагодарный человекам не может быть благодарным Богу. Ограниченному, малому, ничтожному существу, каков человек, с ограниченного, малого нужно и начинать и, при помощи Божией, идти к менее ограниченному, к высшему. Ты имеешь жену, друзей, родственников? Научись прежде отдавать им должное и потом уже будешь в состоянии отдавать должное всем людям и Самому Богу» (2: 113). Кто постоянен в любви к людям, тот постоянен и в любви к Богу; кто помнит благодеяния ближних, тот признателен и к благодеяниям Бога. Наши земные отношения –

«пробный камень и мера отношений наших к Богу. По первым можно справедливо заключить о последних» (2: 392). Наипаче пробным камнем веры и любви к Богу служат домашние. «Доверься… домашним, а пока не доверишься домашним в житейских вещах, до тех пор как ты доверишься во всём Богу? Как любить Бога мы можем не прежде, как возлюбивши брата, так и верить Ему можем не иначе, как научившись прежде доверять своим»(2: 50).

***

Святой Иоанн, прежде всего, размышляет над первой заповедью – любви к Богу.

«Что дороже Тебя, Господи? – ставит вопрос Батюшка и отвечает: – Ничто: Ты всего дороже. Что любезнее Тебя? Тоже – ничто» (2: 389). Бог услаждает нашу душу, и ей нужно прилепляться к Нему (2: 39). Бог любит нас, и любовь Его к нам «всегда одна и та же, постоянна, неизменна». А наша «любовь к Нему, – сетует Батюшка, – непостоянна… Потому, когда ты найдёшь сердце своё холодным к Богу, неверным, не воображай, что и Бог к тебе охладел» (2: 77).

«Если человек изменчив при постоянной любви Бога к нему, при посылаемых Богом ему различных благ, то, – вразумляет святой Отец, – беда тебе – дары Божии увеличат твоё осуждение. Если же и любишь, но потому только, что Он прежде возлюбил тебя и по любви Своей осыпал тебя Своими благодеяниями, то и это не принесёт тебе много пользы» (1: 28).

Какая же истинная любовь к Богу? Она подобна любви доброго сына к такому же отцу. Характерным выражением её будет постоянное желание беседы. «Кого мы любим, – размышляет Батюшка, – с тем обыкновенно не можем досыта наговориться. Отсюда прямое заключение: кто любит Бога, тот любит беседовать с Ним в молитве, и напротив, кто не любит Его, тот очень ленив на молитву. Это как нельзя больше естественно. Приложи это к себе. Когда у тебя нет охоты молиться и ты только по привычке и как бы по необходимости вычитываешь известные молитвы, тогда твоя любовь к Богу

очень сомнительна: ты представляешь из себя только наёмника, из платы, то есть ради благодеяний, работающего своему Господу. А когда у тебя есть искреннее желание излить пред Богом в молитве душу свою, тогда можно сказать, что ты имеешь любовь к Нему, как сын к отцу. Старайся полюбить Господа Бога от всей души как Существо Превожделеннейшее и молись всегда с миром душевным» (2: 412-413). «Братие! Любите больше Господа – и вам больше оставится грехов» (1: 376).

Кронштадтский святой Пастырь не преминул отметить, что подлинная любовь приобретается человеком и приобретается нелегко. «Любовь к Богу даром нам не дается, или: без всякого труда с нашей стороны к очищению своего сердца не поселяется в нас». Нередко приходится видеть в храме людей, которые не столько молятся, сколько разговаривают, смотрят по сторонам. «Это – люди без любви к Богу, не трудящиеся в приобретении любви к Нему – значит, нечистые сердцем. А кто Боголюбивые души? Смотрите, вот они: это те, которые со страхом и любовью предстоят в церкви и не смеют блуждать взором по сторонам, потому что взор их обращён внутрь их самих и к Богу» (2: 376-377).

***

С добрым искренним чувством должно относиться и к *ближним*. «Помни, – учит святой Пастырь, – заповедь Спасителя: "*Возлюбиши ближняго своего, яко сам себе*" ***(Мк. 12, 31)***, и старайся соблюдать её во всей её силе: люби как себя каждого ближнего, чего себе желаешь, того и ему желай, что себе делаешь, то и ему делай и чего себе не желаешь и не делаешь, того и ему не желай и не делай» (2: 287).

Начать утверждение в любви следует с отношения к домашним (2: 206). Будь к ним добр и ласков, «тогда все неприятности с их стороны уничтожатся сами собой, тогда ты победишь, по Апостолу, благим злое, если они будут иметь на тебя зло и высказывать его» (2: 459). По примеру Христа Спасителя носи на себе немощи немощных и не

думай о своих выгодах, когда вопрос стоит о помощи другим. «И как хорошо это делать! Мы подражаем в этом случае Самому Господу, Который, конечно, наградит по-Божески усердие верных Своих слуг, служащих Своим братьям, а Его словесным овцам, для которых Он сошёл на землю, пострадал и умер» (1: 132).

Примечательно, что святой Отец особо заповедует любовь к тем, кто пишет: «Имей братскую, чистосердечную любовь ко всем сочинителям при чтении их писаний и не гордись, не поднимайся над ними сердцем, не говори внутренне: „Это давно известно“ – или: „Я лучше их пишу“... Помни, что опасно быть умнее других... Лучше, безопаснее учиться смиренно у других... А надыматься сердцем пред святыми наставниками при чтении их писаний – страшно, так как они начертали свои писания по озарению и под руководством Духа Святого, в них обитавшего: надымающийся сердцем при чтении их гордится пред Духом Святым, противится Утешителю, Духу премудрости и разума» (2: 117-118).

***

Спаситель и святые Апостолы много говорят о любви и неоднократно заповедуют её нам. Как же, значит, она необходима!.. Их словами и должна измеряться степень нашей любви. «Положим, что ты, например, милосердствуешь. Хорошо это. Но не гордишься ли ты? Не завидуешь ли? Не ищешь ли только своих? Не раздражаешься ли? Всё ли сносишь? Веришь ли всему, что говорится в Священном Писании и святыми Отцами? Не отпадаешь ли во время напасти? Смотри: любовь ведь никогда не отпадает. Смотри хорошенько и успевай всё больше и больше в любви» (2: 359). Любовь должна быть везде правилом. Если её нет – «бойся много говорить; лучше молчи» (2: 461).

Польза любви очевидна – она огромна.

- «Любовь покрывает множество грехов» (2: 375).
- «Стяжи любовь – и ты стяжешь всё; кто не стяжал любви, то не стяжал ничего» (2: 87).

III. Надежда

Подлинное духовное утешение приносит надежда на Бога. «Без веры и надежды на Бога я плачу – бедственное бытие, – свидетельствует Праведник, – а с верой и надеждой на Него, особенно при правоте сердечной, я блаженствую, радуюсь» (2: 230). Этой радостью были исполнены Святые, ибо сердце их было установлено в надежде – наряду с другими добродетелями – «твёрдо, неподвижно» (2: 94).

Надежда есть успокоение сердца в Боге, радость в Нём. Именно «Господь есть единственная по Своей чистоте, возвышенности, силе и успокоительности для сердца радость наша» (1: 53). С Ним хорошо здесь, на Земле, и, тем более, «там – за пределами этой жизни» (2: 64). «Когда я с Тобой, Господи, – размышляет и молится отец Иоанн, – служу Тебе чистосердечно, тогда весело мне… И это не удивительно, потому что сладость «в деснице Твоей»… Ты – Царь мой по праву творения и искупления, а я – раб Твой; у меня всё – Твоё: и душа, и тело, и здоровье, и способности, и всё, что у меня есть. Вся судьба моя – и временная, и вечная, – зависит от Тебя, как судьба полного раба от его господина. Даруй мне памятовать это всегда и благоугождать Тебе, моему Владыке, чтобы утешаться мне ожиданием от Тебя хорошей судьбы» (1: 45-46).

Приведённая молитва Печальника о всех нас есть и его беседа с Богом, и выражение всегдашней надежды. Так и следует «нам всегда надеяться всех благ от Бога и не полагаться на своё могущество или богатство, славу, здоровье и проч. Всё мы имеем от Бога» (1: 549). Так и надобно нам «возмогать в Господе и в державе крепости Его – подвизаться мужественно против начал и властей, и миродержателей тьмы века сего, в духовном всеоружии» (1: 413).

Святой Пастырь, сам стяжав твёрдую надежду, призывает к сему и нас: «Будь всегда благонадёжен: надейся на Бога – и он никогда тебя не оставит» (2: 184). «Не сомневайся о том, будет или нет Господь твоим Промыслителем, Помощником и Покровителем завтра. Если увидишь завтра, что солнце взошло над землёй и над твоей грешной головой, то это значит, что и духовное Солнце – Бог – ходит над тобой; если промышляет Он о мире, то непременно и о тебе» (2: 227).

Не усумнишься, возложишь своё упование на Бога, всесильного Помощника – пройдёшь духовно весь земной путь и часа смертного не убоишься, «потому что Господь, как чадолюбивый Отец, верно, приготовит тебя к кончине как должно, и даст самую кончину христианскую, безболезненную, непостыдную и мирную. Он Премудр и Всеблаг: знает как лучше устроить обстоятельства твоей жизни, и хочет устроить их как можно лучше, чтобы ты больше мог угодить Ему» (2: 235).

IV. Смирение

В очах Божиих драгоценнее всего – кротость и смирение (1: 81). И одно и другое должно соединять «во всяком рабе Христовом, как и в Самом Христе: *...кроток есмь и смирен сердцем...* ***(Мф. 11, 29)***» (2: 181). Господь Христос, будучи Сыном Божиим, «Себе умалил, зрак раба приим... смирил Себе» для нашего спасения, "*послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя*" ***(Флп. 2, 8)***. И в Его Царстве «большинство приобретается смирением и смиренным служением всем и каждому. Господь оставил нам образ» (1: 358).

Смирение – это сознание своего недостоинства – в мыслях, чувствах, поступках, – своей духовной нищеты; это убеждение в том, что своего мы ничего не имеем – всё, что есть в нас – Божие. «Представляй чаще, – учит Батюшка, – что ты ни в душе, ни в теле, ни около – ничего своего не имеешь, а имеешь только то, что дарует Бог; также представляй чаще, что ты сам по себе и окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг – и проси себе милостей Божиих» (2: 316). Не надо хвалиться своими добрыми делами. Иначе они потеряют ценность. «Смиренный, кающийся грешник несравненно приятнее Богу человека добродетельного, но гордого своими добродетелями. О добрых делах не следует много думать потому, что они совершаются не нами, а благодатью Божией чрез нас. Всё у нас Божие, кроме греха» (1: 452-453). Будучи зван, не садись выше других, а считай себя последним. «Призвавший тебя по милости Своей Господь Бог знает, какого места ты достоин» (1: 386).

Вот сознание смиренного: «Я – величайший грешник и сам по себе недостоин помилования; только милость Твоя может подать оставление грехов моих. Не ради моего достоинства, не ради моей молитвы и слёз остави мне грехи мои, но *"ради имене Твоего, Господи, очисти грех мой: много бо есть"*» (1: 50).

Если во время молитвы Святейшему Господу, Его Пречистой Матери, всем Святым не почувствуешь к Ним высокого почтения и любви – знай: в тебе много гордости и тебе надо смириться – «принуждай себя к искреннему смирению: оно от тебя удаляется» (2: 145). Больше всего заботься о смирении. *"Бог смиренным даёт благодать, а гордым противится"* (2: 304).

Но как стяжать смирение? Искореняй гордость! (2: 145). Во время всякого дела как можно чаще напоминай себе: «Я – земля и пепел; я, Господи, едва заметный ручеёк жизни, который очень недавно стал течь, а Ты – целый Океан и даже несравненно больше, потому что от Тебя проистекла и проистекает всякая жизнь. Я – мгновенное блистание молнии по причине скоротечности, а Ты – незаходимое вечное Солнце. Моя жизнь в моём лице недавно возгорелась и скоро погаснет, а Твоя жизнь – не имеет ни начала, ни конца: вечно светит и никогда не погаснет. Жизнь всех тварей, как лучи к солнцу, относятся к Тебе, только эти лучи, каждый сам по себе, скоропреходящи, если смотреть телесным оком, посияет да и перестанет, а на (его) место явится другой. Люди и все твари всех веков и всех мест жили Тобой и живут Тобой, потому что Ты – Источник живота. Без Тебя нет жизни – ни физической, ни духовной. Я пред Тобой ничто: и как же это ничто иногда смеет отвергать То, что есть Полнота бытия?» (2: 448-449). Помни всегда: «Ты травка, дерево, животное, то есть по телу ты живёшь совершенно по одним законам с ними: зачинаешься, образуешься, растёшь, бываешь в цвете лет, крепнешь, стареешь, умираешь. Да будет это поводом к твоему смирению» (2: 257). Для стяжания смирения представляй всю цепь событий в твоей жизни – от появления в свет до сегодняшнего дня. «Итак, – размышляет отец Иоанн, – буду представлять себе происшествия… Бог положил начало … моему бытию; потом Божиим промышлением я стал

возрастать… Как велика была немощь моего младенчества!.. Каких трудов стоило моей матери вскормить меня, возрастить меня! Сколько забот обо мне сокрушало сердца моих родителей? Буду ли я здоров? Как я буду учиться, доучусь ли до окончания курса? Чем я буду потом?.. И что же, о Господи, сотворил Ты со мною, ничтожным?.. Кто мог вообразить тогда, что я буду тем, чем есмь теперь?.. Благодарю Тебя, Господи, от всего моего сердца и молю Тебя: даруй мне помнить постоянно возникновение своé из ничтожества, немощи моего детства, трудность моего воспитания, незнатность моего происхождения и чтобы всегда смиряться, благоговеть пред Тобою» (2: 231-232). Старайся смириться даже в мыслях. «Помни, – продолжает Батюшка, – как ты недалек ещё от ничтожества! Сочти лета твоей жизни: давно ли ты на свете и давно ли тебя вовсе не было здесь, когда у Господа сотворены и движутся уже несколько тысяч лет небо со светилами и Земля со всем, что на ней… в этом прекрасном доме… Ты недаром пущен в этот дом, а с тем, чтобы трудился в нём для приумножения данных тебе талантов и чрез это приобретал себе право на водворение в обителях небесных…Смиряйся же, человек, пред Богом, благоговей и во всём повинуйся Ему. А противиться не смей и в мыслях» (1: 43-44). Но самое главное в стяжании смирения – молитва. И Батюшка вместе с каждым из нас молится: «Господи! Даруй мне всегда памятовать, что я пред Тобою, как злак, или лучше – как ничто. Даруй мне крайнее смирение в мыслях моих» (1: 574).

Плоды смирения сладки – сердце успокаивается и крепнет, лукавый отступает от души. «Насажу же я смирение в сердце, – как бы даёт обет Батюшка, – и буду жить и упокоеваться в нём, и не выйду из него, несмотря на страхи духа злого, да поселю в себе Христа и буду за Ним, как за твердыней, низлагать все ухищрения против меня падшего духа» (2: 90).

Смирение необходимо и не потому только, что оно приносит сладкие плоды, а ещё и потому, что тесно связано со всей духовной жизнью христианина. «Без смирения не может быть простой, чистосердечной веры, а без веры невозможно угодить Богу» (2: 328).

«Глубочайшее смирение и сокрушение сердца – главнейшие условия молитвы» (2: 372), неотъемлемая принадлежность её. «Прежде, чем станешь на молитву, уже будь смиренным» (2: 382). Без смирения «человек скоро собьётся с пути» (320).

«Смиряйся пред людьми – и тогда возможешь смириться пред Богом» (2: 67).

V. Терпение, безропотность

По слову отца Иоанна, терпение – «великая добродетель». Противоположно ему отчаяние – «тяжкий грех» (2: 271).

Как великая добродетель, терпение приносит и великие духовные блага. Поэтому оно в духовной жизни необходимо. «Помни, – учит святой Пастырь, – что терпение в жизни необходимо: все Святые много терпели. Если ты терпишь за грехи, твои грехи очищаются, но, может быть, терпением Бог искушает тебя, даёт тебе заметить, какие есть в тебе слабости. А ты нетерпелив, ропотлив, маловерен» (2: 400). Будущие блага велики, неоценимы. И если бы для их приобретения потребовались величайшие страдания (даже всей земной жизни), «не должно отказываться от них, но с готовностью терпеть всё, подобно мученикам. Зато после всех злострадания, после всех трудов приятно будет сказать: "*Проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой*" ***(Пс. 65, 12)***» (2: 225).

Святой Иоанн подчёркивает необходимость терпения (2: 475). «Терпение и смирение чрезвычайно необходимы на каждом шагу: терпение – потому, что с нами случаются часто неожиданные и непонятные неприятности, которые мы всячески старались удалить; смирение – для того, чтобы с покорностью высшей воле переносить случающиеся неприятности. Тебя, по-видимому, отвергает Господь: буди Его Святая воля, видно, отвергает недаром – что же в этом случае поможет тебе, кроме смирения? Силой не войдёшь в Его милость. Смиряйся и терпи: вот тебе правило для всей жизни» (2: 327). Нужно терпение везде и всегда – в нём необходимо постоянство. «Если прежде получения земных предметов нужно часто долго

пождать и потерпеть, то не тем ли больше потерпеть нужно до получения предметов гораздо важнейших, небесных и вечных» (1: 444).

И добрый святой Пастырь как бы устами каждого из нас исповедует: «Во имя Господа Иисуса Христа буду терпеть и лукавые, хитрые взгляды, и словесные оскорбления, и насмешки, и колкости и, если бы даже нужно было, заушения и заплевания, и расхищение моих имений… Иисус Христос всё это претерпел ради меня и мне велел терпеть. Если буду терпеть Христа ради, мне терпеть будет легко, меня подкрепит Христос, и на сердце у меня не будет тяжело, я не буду мучиться внутренне; а если не буду терпеть ради Христа, а буду всем раздражаться, тогда потребуется от меня другое, адское, мучительнейшее терпение: внутренне я буду разрываться от гнева и досады, диавол увеличит мой гнев в десять раз; прощай тогда спокойствие душевное, прощай любовь к окружающим и к прочим людям, мирное, дружественное собеседование с ними; прощай светлость головы или мысли: адская темнота покроет душу, и как бы исчезнет тогда светозарный мир Божий для человека, а будет только как бы он один со своими внутренними мучениями, со своим домашним адом» (2: 285-286).

Отсутствие терпения есть показатель и отсутствия другой величайшей добродетели – любви. У кого терпения нет, у того любви нет, потому что "*любы вся терпит*" ***(1 Кор. 13, 4)***» (2: 286). И святой Отец трижды восклицает: «Терпение!!! Помни, как недостойны человека нетерпеливость и гневливость, бешенство! Нетерпеливость безумна – значит, и ты безумен! Будь же умён: не горячись. Этим дела не поправишь» (2: 426-427).

«Не ропщи же никто… тебе дано по твоим силам» (1: 170).

VI. Храни простоту и незлобие

Чтобы легче пройти жизненный путь и увереннее достигнуть вечной пристани в Царстве Божием, нужны простота и незлобие.

«Больше всего старайся о простоте и незлобии, – учит отец Иоанн, – это избавит тебя от бесчисленных неудовольствий в жизни и будет причиной всегдашнего мира и радости. Святитель Григорий

Богослов говорит: «Я упражняюсь в приобретении простоты сердечной, от которой зависит спасение. А спастись – единственное моё попечение». Итак, видишь, что кроме других выгод, простота доставляет вечное спасение» (2: 391).

«Имей непорочную совесть и храни незлобие сердца» (2: 218).

VII. Милосердие

Блаженны и милосердные.

Хочешь войти в вечные обители – будь милосерд к людям (2: 22) и будь снисходителен к их немощам. «Зная из собственного опыта, как сильно действуют в тебе страсти, каким невольником делают тебя, заставляя тебя делать то, чего ты вовсе не хотел бы, будь снисходителен ко всякому человеку, одержимому какой бы то ни было страстью; если это высший и начальник твой – не осуждай его, не отвечай на его страсть страстью, но лучше помолись о нём, как о больном, и повинуйся ему, если приказывает тебе сделать что-либо законное, хоть бы он был и в страстном состоянии. Если он низший – наказывай его умеренно, с рассуждением» (2: 52).

Милостыня – великая добродетель. «Гений добродетели» Креститель Господень говорит о ней твёрдо и строго в двух-трёх словах: "*Имеяй две ризе, да подаст неимущему: и имеяй брашна, такожде да творит*" ***(Лк. 3, 11)***. «Как высока добродетель милостыни, когда строгий проповедник покаяния требует её, как условия плодотворного покаяния» (1: 367). Несомненно, Божии дары «несравненно выше наших человеческих даров. Но и милостыня весьма много значит в очах Божиих» (1: 150). Особенно ценна тайная милостыня. «Как подавать? Почему тайно? Чтобы не от людей награда была, а от Бога. Бог так устроил, что кто здесь получает воздаяние, тот на небе уже не получит его» (1: 86). На Всеобщем Страшном Суде блаженное бессмертие доставят «дела милосердия» (1: 170).

Творить милостыню необходимо и, соответственно, «заботиться о влагалищах неветшающих есть долг каждого христианина» (1: 383). Не жалеющий своего достояния для убогих, «живёт в правде, праведно, потому что Бог – верный помощник его» (1: 394). Но

кто не помогает нищим, имея к тому возможность, «тот нетвёрд в уповании на Бога», или вовсе «не имеет упования и боится оскудения, хотя, по словам пророка, праведник никогда не бывает оставлен Богом и потомство его не просит хлеба» (2: 153). И святой Иоанн призывает: «Не обленяйся никогда подавать милостыню» (2: 212). Не скупись никогда «питать нищих: Бог в десять раз всегда отплатит тебе за них. Это ты уже дознал бесчисленными опытами» (2: 262). И более того: «Делая добро не заслуживающим добра, ты, так сказать, обязываешь Бога и себе сделать милость, которой бы ты не заслуживал» (2: 171).

Показывая высоту милостыни и её необходимость, святой Иоанн делает и очень важное предупреждение: «Когда подаешь милостыню, остерегайся, как бы внутренне сердцем тебе не презреть нищего, иначе тебя Господь накажет в том же сердце. Не забывай, что в лице нищего ты подаёшь Самому Господу; а *уничижаяй мале*, – сказал Он, – *бесчестен будет*» (2: 181).

VIII. Гостеприимство

Подобает быть добрым не только к неимущим, но и щедрым в гостеприимстве. «Не бойся какого-нибудь оскудения от того, что часто и неожиданно посещают тебя гости: ты подражаешь в этом случае Господу, питающему всякую плоть из Своей десницы, и Он не доведёт тебя до скудости. Только бессовестных тунеядцев не допускай до своей трапезы, а благонамеренных людей – всегда, будь к ним искренен, добродушен, гостеприимен, ласков. Это есть добродетель. Вспомни об Аврааме» (2: 463). И ещё: «Ты скупишься и негодуешь, когда к тебе приходят гости и истребляют очень незначительную часть твоего имущества. Если бы у тебя в запасе не было ничего или было, да очень мало, тогда твоё неудовольствие было бы основательно. Но если есть порядочный запас, оно вовсе не основательно. Рассуди, что дороже: деньги и покупаемые на них мёртвые вещи или приобретаемое чрез них дружество существ разумных? Притом вспомни, как тебя принимали другие в молодости, питали, грели, ласкали. Брось скупость. Она – глупость» (2: 472).

IX. Неосуждение

Святой Иоанн, изъясняя слова Спасителя: "*Не судите, да не судимы будете*" ***(Мф. 7, 1)***, утверждает, что это есть «общий закон, как вести себя по отношению ко всем людям» (1: 86). От себя святой Отец добавляет лишь несколько слов, верим – Апостольских, продолжающих наставления Божественного Учителя: «Если слово доброе, назидательное, то оно оправдает нас; а если худое, гнилое, то осудит» (1: 93).

Призывая к неосуждению, заботливый святой Пастырь велит: «Не говори, что награды некоторым монашествующим идут даром: у них есть большие труды» (2: 480).

X. Главная цель – достижение душевного мира и радости

В достижении душевного мира и неразрывно связанной с ним радости, по слову святого Иоанна, «состоит главная цель жизни человека на Земле и по достижении его – истинное счастье» (2: 430). Это духовное состояние – «величайшее сокровище человека на Земле. Ради приобретения его не должно щадить ничего. Этот мир есть предвкушение блаженства небесного» (1: 377). Он есть приобретение человека, но по дару Христа Спасителя – «Его даяние и без Него – нет мира. Вот отчего мы чувствуем мир во время и после достойной молитвы и после достойного принятия Святых Таин» (2: 206). «Каждый раз, когда ты вкушаешь мир и радость небесную в душе, в тебе Дух Божий. Когда оставляет тебя мир и настает беспокойство, мучит страх, теснота, тоска, тогда в тебе нет Духа Божия; значит, тогда ты оскорбил Его, отогнал недобрым расположением души своей. Тогда припадай со слезами ко Господу и проси у Него со всей сердечной теплотой очищения грехов своих» (2: 60-61).

Долг христианина с помощью Божией достигнуть главной цели – приобрести душевный мир, «стяжать всегдашнее, спокойно-созерцательное состояние духа. Праведники целью жизни своей помышляли именно такое состояние: в нем состоит блаженство человека» (2: 427). И святой Иоанн исповедует: «Доколе я не низведу Тебя, Господи, в сердце моѐ, до тех пор нет мира в сердце моём» (2: 54).

XI. Благодарение

Мир в нашу земную жизнь вносит не земное благополучие, а иное – «не тот живёт, кто богат, а тот, кто пользуется малым с благодарностью Богу» (1: 381). Посему надо научиться благодарить Бога и человека, или, как образно представляет святой Иоанн, благодарить Бога через человека. «Чтобы достойно почитать и любить тебе Спасителя Господа Иисуса Христа, научись прежде быть благодарным за благодеяния человека – благодари» (2: 132).

Господь за время нашей жизни много раз посылал нам Свои богатые милости, уводил нас от грозящих нам опасностей – нам ли не благодарить Его?! «Сосчитай, если можешь сосчитать, сколько раз спасал тебя от бед Спаситель, и будь всю жизнь благодарен» (2: 45). Господь наш Иисус Христос всю нашу жизнь наполнил и наполняет «Своими благодеяниями: одну часть её – без сознания моего о том, другую – со слабым о том сознанием, а третью, текущую, с ясным моим о том сознанием, так что ежедневно и очевидно Он совершает во мне чудеса Своей благости и Своего спасения, и мне ли не помнить с благодарностью о моём Спасителе, мне ли не прибегать к Нему всегда с верой несомненной?» (2: 88). Христианину – ученику Христа, Его последователю – больше других подобает стараться иметь благодарность Богу за Его многие и разнообразные милости, «начиная с обыкновенных, естественных, ежедневных и ежеминутных милостей, до необыкновенных и чрезвычайных. Необходимость совершенствования чувства благодарности открывается из того, что христианин преимущественно пред другими людьми облагодетельствован Богом чрез Единородного Сына Его и Утешителя Духа. Христианская вера – непрерывное благодеяние Божие человеку» (2: 135). Предметом для всех людей «благодарности к Богу должно быть и то, что Он не погубил и не погубляет нас с беззакониями нашими, но очищает, обсекает нашу гнилость или сухость греховную, ограждает нас оплотом заповедей Своих и наказует отеческим жезлом Своим души наши... Если бы Он не был Любовь, весь – Долготерпение, бросил бы нас давно: иной и Богу, и людям, и себе в тягость, а живёт» (2: 44). Но долготерпение Божие не есть потворство – если мы

потеряем «чувство благодарности, то потеряется вместе с тем и чувство милости Божией» (2: 135).

К сожалению, мы больше благодарим Бога в счастии, а в несчастии ропщем. Злая сила «смотрит на нас... и говорит Богу: „Этот человек только (сейчас) благословляет Тебя, потому что Ты всем одарил его; коснись только имения его, особенно костей его, и тогда будет очевидно, что он благословляет Тебя только за дары Твои, а в несчастии он будет роптать на Тебя, хулить Тебя". И что же? О несчастье! Так и бывает... Враг наш исконный остаётся в самом деле здесь правым» (2: 470). А нужно благодарить при всех состояниях, при всех обстоятельствах – всегда. «Благодари всегда Господа: Он постоянно являет тебе Свои милости» (2: 115). Даже тогда, когда кажется, что нет побуждений для благодарности – мы, мол, «облагодетельствованы гораздо меньше других» – благодари и славь Господа (2: 412). Посетила тебя, тяготит тебя болезнь – и тогда «говори с благодарностью Господу Богу: „Буди со мною, во всём воля Твоя: по грехам моим я достоин самых тяжких болезней" (2: 412). И сколько бы мы ни благодарили – «это – капля из океана, то есть самое ничтожное пожертвование моё из бесчисленных даров мне Господних. От Господа я имею бытие, а с бытием все силы, способности и всё, что у меня ни есть, кроме греха» (2: 236).

И снова Великий Угодник Божий ставит один за другим вопросы: «За всё благодаришь ли?.. Ты пьёшь и ешь – и не благодаришь Бога: подумай, как это необходимо, что ты ешь и пьёшь? У тебя свободное дыхание. Благодаришь ли ты за это? Есть люди, которые трудно дышат. Ты покойно спишь – за это благодаришь? Есть люди, которые не могут спать. У тебя прекрасное зрение и слух, и ты получаешь от них много удовольствия. Благодаришь ли за это?» (2: 447).

Дерзновенный о людях Предстатель как бы от имени всех нас говорит: «Пока я жив, я должен постоянно благословлять Господа за Его величайшие ко мне благодеяния, и во имя Его и к Нему воздевать руки свои. В этом будет состоять и блаженство моё, потому что во время собеседования с Богом душа наша как бы пропитывается благоуханием, как бы наполняется туком и мастию и уста наша

радостно хвалят Его» (1: 276). Язык наш да прославит благость и любовь Божии (1: 150). Душа наша да видит величие благодеяний Божиих и да возблагодарит Бога. «И справедливо: как не видеть и не прославлять Господа, когда Он в нас живёт, в нас действует и являет нам неизмеримое величие Своё. О, возвеличь, душа моя, Господа и вознеси имя Его!» (2: 158).

XII. Чистота сердца

Лицезреть Бога человек может чистым сердцем ***(Мф. 5, 8)***. «Сердце – самое главное, душа в человеке» (2: 203). О его важности свидетельствует Священное Писание. «Да и опыт уверяет нас, что душа наша, оживляя всё тело, преимущественно живёт в сердце. Приятное ли, скорбное ли что-нибудь случается с нами – сердце, прежде всего, чувствует радость или скорбь. Доброе ли дело делали – сердце прежде всего испытывает радость, расширяется от радости; худое ли дело сделаем – сердце прежде всего испытывает скорбь, стеснение, муку; когда сердце радуется, тогда и голова легка и светла, а когда сердце скорбит, тогда и в голове темно и тяжело» (2: 204).

Достигается чистота сердца, по слову святителя Московского Филарета (Дроздова) – современника Батюшки, – «постоянным и неослабным подвигом бдения над самим собой, отвергая от сердца своего всякое незаконное желание и помышление и всякое пристрастие к земным предметам, и непрестанно соблюдая в сердце память о Боге и Господе Иисусе Христе с верой и любовью» (Катихизис). И святой Иоанн призывает к этому высокому духовному состоянию: «Всего больше старайся, человек, об исправлении, о чистоте своего сердца» (2: 203).

Сердцем разумеют Истину. «Наши учёные скажут: „Как разуметь сердцем? Разуметь можно только умом, а сердцем – только чувствовать“. Но верно сказано: разуметь сердцем. Чудеса и слово Божие разумеет, чувствует сердце вместе с умом, и если сердце не уразумеет, то и ум не узнает... Уверуйте сначала сердцем, и вы тогда уже уразумеете умом» (2: 124). Сердце, как Церковь Христова, должно быть твердыней истины, столпом истины, «о который должно разбиваться

всякое приражение лжи» (2: 99). Только надо научиться понимать «глаголы своего сердца». Когда научишься их понимать и исполнять – «будешь блажен» (2: 95).

Когда мы чувствуем душевный мир, лёгкость, радость? В то время, когда чисты сердцем. «Это то значит, что когда вы добры душой, тогда Господь с вами, в вашем сердце; тогда Он – ваш Отец и вы – Его добрые дети; вы и сами чувствуете тогда, что Бог – ваш Отец: в сердце вам то и дело слышится голос: Авва Отче. А когда вы злы в душе, тогда Господь выходит из вашего злого сердца, потому что как быть свету со тьмой, как быть добру со злом? Тогда вы не Божии и не с Богом, а того, кто есть тьма и первое зло; имя его вы знаете» (2: 96).

И святой Пресвитер снова и снова призывает: «Старайтесь более всего об очищении сердца, в нём вся сила: "*От сих бо исходища живота*" ***(Ср.: Притч. 4, 23)***. Сердце – жизнь наша. Старайся и о том, чтобы в голове твоей было всегда ясно, светло» (2: 383). Берегитесь, братия, быть в душе нехорошими, недобрыми, нечистыми, иначе лукавый овладеет вами и погубит вас; напротив, старайтесь всеми мерами о том, чтобы иметь всегда мысли и чувства хорошие; будьте смиренны, старайтесь быть братолюбием друг ко другу любезны, не завистливы, не любостяжательны – и Господь будет почивать в ваших сердцах» (2: 97).

Размышляя о внутренней чистоте человека, предивный Целитель видит пустоту наружного благочестия, при отсутствии внутреннего. «Как много и ныне есть людей, у которых наружная сторона чиста и гладка, но которые внутри полны грабительства и лукавства. Безумцы, зачем вы оставляете в пренебрежении внутреннюю, существеннейшую сторону? Разве и этой последней не один и тот же Творец с первой?» (1: 380).

Завершить рассуждения святого праведного Иоанна о чистоте сердца можно его же напоминанием об известной истине: «Чего нет в сердце и в мыслях, того нет и на языке; нет веры в сердце и мыслях – нет их и на языке; нет и молитвы устной, иногда даже и в том случае, если бы кто усиливался без веры, по обязанности говорить молитву. Дивное устроение Божие» (2: 85).

XIII. Страх Божий

Начало, продолжение и свершение того, к чему должен стремиться христианин – «начало премудрости – страх Божий. Ты – Господь великий и страшный, а я раб – ничтожный, презренный» (2: 39).

Человек может быть ничто, как земля, трава, быстро отцветающий цветок – «вышел из него дух – и не стало человека и следов его не осталось. Но он и велик и блажен, если боится Бога и хранит Его заповеди: Господь ущедряет его благами Своими, как отец ущедряет своих детей; милость Господня с ним от века и до века и правда Его даже оказывается сынам сынов Его, хранящим завет Его» (1: 540-541). Чтобы сохранить это величие надобно – непременно надобно – «служить Богу со страхом, верой и добрыми делами и ждать на суд Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа» (1: 423).

Господь Бог есть Дух всеведущий и правосудный. От Него не утаится ни одно сокровенное желание, ни одна мысль – добрая или худая. При добрых мыслях – «у нас спокойствие в сердце, незазорность, а при недобрых, при худых – мучение сердца, зазорность» (2: 223). Мы внутренне награждаемся или наказываемся. Мы ясно чувствуем, «то благословение, то проклятие Божие на нашей душе. А это и означает то, что Бог испытует наши сердца и утробы» (2: 223, 28). Чтобы получить первое – благословение и избежать второго – проклятия, «имей всегда Бога пред глазами и не упускай Его никогда из виду. Ты всегда будешь победителем» (2: 226).

Завершить данное рассуждение Праведника можно его вопросом ко всем нам: «Ты, человек, представляешь ли себе так же живо присутствие Божества, как Иосиф? Боишься ли, чтобы не оскорбить Его, делать дела недобрые, очищаешь ли мысль и сердце своё от нечистот, которые то по воле, то против воли нашей почти постоянно вторгаются в нашу душу? Когда тебе советуют сделать какое-либо зло, говоришь ли ты, подобно Иосифу: "*Како сотворю глагол злой сей и согрешу пред Богом*?"» (1: 189).

XIV. Почитать храм

Ревность по доме Божием – храме – была у Самого Богочеловека. И святой Иоанн взывает: «Научись из этого глубоко почитать каждый храм Божий: он – дом Божий» (1: 464).

Без храмов Божиих трудно себе представить духовную жизнь человека. «Без них Земля была бы мерзостью запустения» (1: 196). И потому те люди, которые ленятся посещать храм Божий, не любят его – не любят и сами себя. В отношении этих людей вот какой даёт совет Великий Молитвенник. Так как эти люди «обыкновенно бывают в этом случае в некотором мраке по отношению к церкви, то – осветить их разум ясным раскрытием необходимости и животворности занятий потребностями душевными, поставить на вид их жалкое положение, что они заботятся только об удовольствиях чувственных, о потребностях (слепых) тела; что они идут к погибели. Всякий человек самолюбив: обратить к добру эту общечеловеческую слабость и сказать кому бы то ни было: „Ты, брат, любишь себя; но ты не умеешь любить себя. По своему долгу я поучу тебя, как любить себя“, – и здесь раскрыть, в чём состоит истинная любовь к самому себе» (2: 453).

«Дай Бог мне постоянно, неосужденно пребывать в храме Божием и там укрываться в день бедствий, под крылом Бога моего, а в дни счастья – весело и мирно покоиться на лоне любви Его» (1: 275).

XV. Слушать и исполнять

Все наставления святого праведного Иоанна Кронштадтского даются не для слушания только, а, разумеется, для исполнения.

«Слышащий и творящий слово Божие уподобляется человеку, строящему храмину на камне, а не творящий – на песке. Удивительно хорошо сравнение Господа» (1: 372).

Всякому и для всякого «нужно делать добро, не разбирая лица, иностранец ли он, соотечественник или другой кто» (1: 379).

***

Итак, чтобы приобрести «одежду» – добрые дела – и облечься в неё, требуется подвиг и ещё раз подвиг. «Чтобы делать добро, я постоянно должен бороться со своим сердцем, которое всегда готово склонить меня ко злу: добро всегда с нуждой достигается, а зло сделать всегда легко, только опусти руки» (2: 196).

Великий Печальник Земли Российской взывает к юным и старым, к грешникам и праведникам, к рабам греха и рабам Божиим:

- «Юные питомцы!.. Трудно управлять человеку самому собой; лучше подчиняться другим, и лучше, чтобы другие управляли нами, взявши на себя ответственность за нас пред Богом. Тогда большая часть тяжести лежит на них, и их труд бывает нашим покоем, их заботы – нашим обеспечением... А когда кончится ваше воспитание, тогда всё падёт на вас... "*Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтеся: тии бо бдят о душах ваших...*" ***(Евр. 13, 17)***» (2: 149-150).
- «Приметьте, братие: сколько отдельных грехов, худых привычек и наклонностей, столько и возвратных путей к Отцу Небесному... Кто по какой дороге ушёл, тот по той и воротись обратно... Шёл ты дорогой неверия – воротись назад по дороге и стань опять на место, на путь веры... Ушёл ты дорогой гордости – по ней и воротись назад и стань на место смирения... Ушёл дорогой зависти... – стань опять на место довольства... Удалился по дороге скупости... – стань на прежнее место щедрости... Ушёл по дороге ненависти и гнева... – стань на место кротости и любви; по дороге прельщения, распутства – воротись и стань на дорогу умеренности, целомудрия. Словом, воротись назад каждый по той дороге, какую кто себе избрал, и уже больше не ходи по ней... На тех дорогах живёт смерть...» (2: 150-151).
- «Рабы греха, греховных привычек, страстей, ведайте, что с каждым удовлетворением вы усиливаете их, подчиняетесь им больше и больше... Рабы Божии! Творящие правду, стяживающие навык в добродетели, ведайте, что и вы тоже с каждым усилием сделать добро приобретаете больше и больше свободы духовной,..

свободы славы чад Божиих: таков животворный закон правды и таков убийственный закон греха» (2: 149).

- «Грешники и праведники! Вы ещё здесь получаете залоги будущего Суда Страшного или наград, венцов небесных» (2: 152).
- «Старайся о построении дома духовного, дома добродетелей: он упокоит и облаженствует тебя навеки в другом, непреходящем Мире, во Граде Бога Небесного» (2: 145).
- «Побеждай благим злое. Всякое зло побеждай добром. Если страсть какая палит тебя, побеждай ее любовью, потому что все страсти происходят от недостатка любви к Богу или ближнему и от большого самолюбия. Если злой человек на тебя восстаёт, побеждай и его злость добром, делая ему добро» (2: 339).
- «Не ослабевай же в добром деле. Бог вспомнит каждую жертву твою и воздаст тебе за всё» (1: 47).
- «Православная Россия! Эту речь можно обратить и к тебе. Ты – возлюбленная Богом страна. Ходи ты по тем путям, которые указывает тебе Бог и Государь, а по путям других народов не ходи: не перенимай у них вредных правил и обычаев» (1: 303).

VII. НЕСЧАСТЬЯ «ПРИВОДЯТ В СЕБЯ»

> «Отче Небесный! Да памятую я всегда, что у меня всё – Твоё и да увеличат дары Твои мне любовь мою к Тебе, а не удалят меня от Тебя; если же посетит меня и несчастье, дай Ты мне и тогда с раскаянием и любовью обратиться опять к Тебе же»
>
> *(2: 13)*

Наша земная жизнь, невзирая на её мимолётность, весьма и весьма сложна – возвышения сменяются падениями, слава – презрением, радость – печалью, богатство – бедностью и т. д. Святой Пастырь учит правильному – христианскому взгляду на всё происходящее,

особенно на случающиеся невзгоды, дабы земной путь был спасительным.

Несчастья, по мысли и слову Печальника земли Российской, имеют глубокий нравственный смысл.

Тайна бедствий, постигающих нас нередко, заключается в том, что ими Бог понуждает нас остановиться в своём жизненном беге, задуматься о вечности, о нашем ничтожестве при грандиозных замыслах и предприятиях; ими Он «очищает нашу душу и привлекает нас к Себе» (1: 228). «Вы говорите: ужели будет Страшный Суд?» Пожары, потопления, многочисленные бедствия – «вот вам образчик этого Суда. Вы сомневаетесь в этом и не думаете» – подвергшиеся скорби, «эти несчастные также не думали, но погибли» (2: 420-421). Скорби помогают нам стать лучшими – не только приводят к постоянному очищению, но и к укреплению в добродетелях. «Так как Бог и с нашей стороны требует некоторого условия к получению от Него великих даров, то исправление наше в скорби или улучшение в добродетели и делается этим условием» (2: 440). Потому-то и болезни есть посещения Божии (2: 472). Если мы их переносим с верой, терпением и даже благодарностью, «то мы удостаиваемся чести мученической и очищаем через болезнь грехи свои» (2: 264). «И ты, – обращается к каждому из нас Праведник, – должен… с веселым лицом переносить болезни, скорби и другие несчастья. Например, ты болен. Имей в уме своём, что тело твоё надобно было удручить болезнью, чтобы оно не играло, не сгорало похотью. А главное – в болезни утешайся тем, что душа твоя насчёт тела крепнет» (1: 400).

Господь Бог, прежде всего, посылает нам Свои богатые милости и Своими дарами привлекает к Себе. Он как бы так говорит: «Зови Меня отцом своим и не отвращайся от Меня». Но мы часто отвечаем на эти действия Промысла Божия неблагодарностью и своенравием; «чем больше благодетельствует нам Бог, тем скорее мы отвергаем Его, забываем Его» (1: 290). И тогда Господь вразумляет нас средством противоположным – «отеческим жезлом, посещая нас бедствиями, чтобы, когда мы не умели благодарно почивать на лоне отеческой любви, вспомнили о счастье быть в Его любви в минуты тяжких

бедствий. Часто и из наших уст слышен бывает глас плача и моления после того, как мы забывались в своём счастье, беззаконничали в путях своих и забывали „Господа Бога Святаго своего". Человек! В том и жизнь твоя должна состоять, чтобы постоянно помнить Бога. Кого тебе и помнить больше?» (1: 291).

Счастлив человек – весьма часто забывает Бога, постигло несчастье – обращается к Нему (1: 221). Когда он не терпит никаких неприятностей, когда цветёт здоровьем, тогда нередко бывает «далёк от Бога, Виновника своего счастья, кружится он беззаботно, как мотылёк, в раю наслаждений, садясь на все цветы удовольствий… Ничем и никем не стесняемый, он живёт в пагубной широте и раздолье… думает, что всё это так и быть должно и иначе быть не может» (2: 12). Не терпящий скорбей редко молится Богу, а то и совсем перестаёт молиться. «Я слыхал, – рассказывает Батюшка, – от некоторых малоумных: "Зачем нам молиться Богу, когда мы ни в чём не терпим нужды, когда у нас всего в изобилии и, кроме того, мы и здоровы, и веселы?" Это голос плоти, которая всегда горда и думает, что все блага, коими она пользуется, снисканы её благоразумием и усилиями». Чтобы побудить человека молиться и молиться горячо с крепкими и живыми верой и надеждой, надо «лишить его тех благ, которые он считает своими и которые надмевают его; чтобы он узнал, что такое нужда, что такое он сам, как он ничтожен – в собственном смысле, без Божиего благословения и помощи» (2: 230). У преданного всему земному, для его же пользы, надо разбить заразу стяжаний, его оплот, «за которым душа его находится как бы за укреплением» (2: 199). И когда несчастья коснутся его, только тогда вдруг он «приходит в себя, познаёт свою немощь и своё ничтожество, равно как величие, правосудие и святость Виновника своей жизни и своих благ». Он начинает опасаться, как бы его тело, предающееся удовольствиям, не разрушилось бы и превратилось в тление и прах. Он начинает бояться, как бы душа его, позволявшая себе всё, не пошла бы не в место ликующего света, а в место «отверженных Божественным милосердием» (2: 12-13). Значит – «несчастья – врачевство в руках Всеблагого Отца Небесного» (1: 298). А так как мы духовно больны –

посещения Божии неизбежны, «иначе мы забылись бы» (1: 55). И «если Господь посещает нас бедствием, слава Богу: значит, Он ещё любит нас, и душа Его не отступила от нас. Он накажет и помилует нас» (1: 297). Живо всё это представляя, святой Иоанн восклицает: «Бедный человек! Живи ты здесь так, чтобы тебе всегда быть готовым к позыву на тот свет; никогда не предавайся никаким удовольствиям до забвения себя и Бога. Помни всегда, что твоё благосостояние есть величайший, не заслуженный тобой, дар Отца Небесного; грешно, грешно, если мы не только не употребляем этот дар как должно, но ещё и забываем совершенно, что он есть именно дар Божий» (2: 13).

Господь во время наших бедствий как бы оставляет нас, а когда придём в себя – опомнимся, покаемся – «опять приближается к нам» (1: 232). Делаем зло – терпим мучения, творим добро – блаженствуем. Это значит, «что при мне постоянно находится Высочайшее всех нравственно свободное духовное Существо, Которое вменяет мне добро и зло, за одно награждая, за другое наказывая, Которое на мысль мою отвечает Своей мыслью, на чувство – чувством» (2: 86). У нашего Господа «такой закон, что блаженствовать можем мы не иначе, как потерпевши много горя» (1: 227).

По неисповедимому Промыслу Божию бывает так, что благочестивых постигают тяжёлые искушения, а порочных как будто бы они не касаются. Смущаться этим не надо, а надо крепиться и устремлять взор горé – «с молитвой о помощи и быть уверенным, что искушение не будет продолжительно, а после искушения Бог опять примет нас в Свою милость, особенно если счастливо выдержим испытание» (2: 387-388). Если нечестивый благоденствует здесь, то там, на Небе, его ждёт иное: он на Земле уже получил воздаяние «за свои немногие добродетели», а там будет наказан за совершенное зло. «Вот почему он и благоденствует на Земле. Но гораздо счастливее тот, кто терпит здесь наказание, потому что, очистившись здесь от всех грехов, он явится туда непорочным, чистым и невинным». Так оно и должно быть, даже по нашему человеческому разумению. Бог, как Высочайшая Любовь, не желает, чтобы Его тварь страдала, а

хочет, чтобы всё пребывало в блаженстве, но так как грехи не совместимы с блаженством, то Бог, по Своей бесконечной милости, Ему угодными средствами врачует людей, чтобы они стали здоровыми и способными войти во врата Вечности. «Иногда здесь человек страдает целую жизнь. Это тем лучше для него: очистившись здесь от грехов совершенно, он перейдёт в Вечность святым и непорочным для наслаждения райскими благами» (2: 15-16). «Желающие служить и самым делом служащие Господу – должны быть всегда готовы встретить искушения в своём служении... Слугу Своего Господь бьёт часто и сильно для того, чтобы он всё больше и больше исправлялся, и так как Господь видит и не терпит в нас ни малейшего греховного пятна, преследует малейшую нечистую и ложную, и лукавую мысль, то слуге Божиему приходится терпеть удары жезла Божия за всякую недобрую мысль или нечистое желание, не только за каждое худое дело» (2: 181).

Если случится так, что человек не смог достойно перенести испытание и возроптал, то нужно немедленно «лечиться от этого яда мыслями и чувствами противоположными, то есть нужно благодарить Бога от всего сердца за бесчисленные Его к нам благодеяния, – тогда опять возвратится в сердце наше мир и спокойствие» (2: 207). Будь благоразумен – как только постигнут тебя скорби, тотчас спеши к Небесному Врачу, известному тебе «верному Другу, Который ожидает только искреннего твоего к Нему обращения и готов всегда исцелить скорби твоего сердца. Не убивай сам себя, по неразумию. Внимай: не напрасно Иисус Христос носит имя Спасителя. Он всегда спасает» (2: 51). Господь обращается к тебе и говорит тебе: «Ты знаешь уже Меня, много раз испытал Мою верность в твоих несчастьях; обратись только ко Мне – и Я непременно помогу тебе, не откажу; Мое всемогущество не имеет пределов, нет скорби, от которой Я не мог бы избавить тебя. Призови Мя в день скорби твоей – и вознесу тя» (2: 115-116). Претерпи, с Божией помощью, скорби – они «не бывают продолжительны» (2: 238).

VIII. ЧТО НЕОБХОДИМО ПОСТОЯННО

«Христиане! Подвизайтесь для неба: там ваше блаженство, там глаголы неизреченные, сладостные для души»
(1: 400)

Слова эпиграфа в предельно краткой форме, но совершенно определённо указывают на то, что необходимо христианину постоянно: подвиг для Неба. А подвиг многогранен и потому было бы неправильно считать, что отмеченное в этой главе исчерпывает всё необходимое и необходимое постоянно. Здесь говорится лишь о том, без чего христианин безусловно теряет право на своё высокое звание.

I. Молитва

По определению святителя Московского Филарета (Дроздова), *молитва* есть «возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» (Катихизис). Принимая это определение святителя Филарета, святой праведный Иоанн Кронштадтский называет и считает молитву духовной пищей (2: 277), благим игом, лёгким бременем (2: 43), беседой с Горним Миром, которая низводит Пресвятого Духа, а вместе с Ним лёгкость груди, животворную теплоту сердца, необыкновенный свет ума, слёзы умиления, теснейшее единение с Богом, как бы исчезновение молящегося самого «для себя» (2: 139). «Когда ум и сердце твоё обращены к Богу, – размышляет Батюшка, – ты спокоен, весел; а когда ты ходишь без Бога, особенно когда ты делаешь дела, противные Богу, когда грешишь, тогда на сердце у тебя тяжело, ты испытываешь мучение» (2: 250). Что за жизнь вне веры и молитвы? «Тень жизни» (2: 201). Отсюда следует: «Взирай всегда к Богу и делай то, что Ему приятно, то, что поддерживает мир и любовь» (2: 250). «Слава Господу, не лишающему нас, грешных, дара молитвы» (2: 201).

Исходным понятием для молитвы должно быть сознание своего недостоинства. «Надобно, чтоб исходной точкой молитвы всегда

было сознание своего окаянства, своей бедности, нищеты и слепоты. Наша плоть всегда готова говорить: "богата я и ничего не требую..." Всегда она горда» (2: 216). *Цель* же молитвы – очистить душу, напитать её. «Когда ты молишься, умным оком следи за своим сердцем, какую цель оно имеет при молитве: ту ли, чтобы только прочитать молитвы, или чтобы очистить ими душу; если первую цель, то сейчас же нужно её устранить и поставить цель последнюю – истинную; первая цель разрушает молитву и делает из неё одно многоглаголание, которого Бог не услышит» (2: 191). Если молитва не питает душу, «то значит, что эта молитва недостойная, неблагоустроенная молитва; молитва, как пища – тело, должна питать душу, утолять алчбу душевную» (2: 388).

Молитва имеет огромную *силу*. Когда пророк Моисей поднимал руки во время молитвы, тогда побеждал его народ, а когда опускал – побеждал Амалик. «Так сильна молитва. Не мудрено, что когда ты молишься о себе и о своём семействе, у тебя всё бывает хорошо, а когда не молишься или худо – тогда нехорошо бывает и в семействе» (2: 350). Молитва предохраняет сердце от неверия и душетленного ядовитого сомненья (2: 136), снимает бремя грехов, когда душа наша исполняется зол (2: 154-155), избавляет от мрака и тиранства страсти (2: 211, 95). Вознесённая с верой и надеждой на Бога, она изгоняет из сердца страсти, душевные мучения и возвращает благодатный мир и спокойствие. «Поэтому, если какая страсть мучит вас, тотчас обращайтесь к молитве; если вам крайне не хочется молиться в это время, преодолейте себя, говорите Богу откровенно: "Господи! Вот я такой и такой, положим – гордец, завистник и самолюбец и прочего во мне крайне много, но Ты всё можешь, Ты можешь меня очистить, преобразить; очисти же, преобразуй меня, исцели страсти мои". Опыт» (2: 209). Велика сила молитвы! Она «низводит к нам благословение и помощь Неба... человек действительно может повелевать не только вещественной природой, но и падшими духами. Чем победил диавола Сам Господь? Постом и молитвой» (1: 103-104).

Молитва ценна тогда, когда она *истинная*. Она ценна, действительна и приятна Богу настолько, «насколько она истинна: чем

истиннее, тем ценнее, действительнее» (2: 134). Бог всегда готов услышать, принять нас, но мы сами бежим от Него в «страну далече», бежим умом, волей, сердцем и претерпеваем «вдалеке от Него все бедствия, какие необходимо должны постигнуть разумную тварь, оставившую Своего Творца, Источник духовного света, жизни и блаженства» (1: 115). А нужно в молитве своё сердце отдать Богу – «и Он отдаст тебе Себя… Правда Божия требует, чтобы молящиеся всем сердцем – были услышаны» (2: 90).

Необходимые *условия успешности* молитвы – это, прежде всего, *вера, любовь* и *надежда.*

При молитве должна быть такая последовательность: «…сначала вера, потом мысль, затем уже слова… Удивительно, как близок к верующему Бог: ты ещё не успел призвать Его, а только верой пожелал иметь Его при себе, а Он уже тут и дарит тебя Своим небесным миром» (2: 238-239). Время молитвы «должно быть временем веры и созерцания души» (2: 348). Кто при молитве не имеет живой веры и колеблется, тот уподобляется волнам моря, поднимаемым и разбиваемым о скалы ветром, и «есть человек двоедушный, непостоянный, ветреный во всех делах своих, или, по Апостолу, «неустроен во всех путях своих». Какое прекрасное, единственное, точное сравнение человека, сомневающегося в молитве, с волнами. Так и видишь, что душа такого человека то возвышается к Богу с желанием и вдруг упадаёт… в этом житейском море» (1: 11, 113). Молитвы словно вода, «по которой мы идём к Спасителю. Если с верой шествуем по ним, то спокойно, ровно, легко, а как усумнимся», подобно святому апостолу Петру ***(Мф. 14, 28)***, «то и начнем утопать в них (умом, сердцем и языком), и если совсем вера подавится в нас смущением, то и мы можем совсем потонуть в молитвенных словах» (2: 89). Потому на молитве необходимо стараться, «чтобы ток веры в сердце, как электрический ток в телеграфе, не прерывался во время молитвы: тогда молитва будет иметь удивительную сладость, как бы она ни была продолжительна, потому что тогда человек имеет непрерываемое сообщение с Богом; но коль скоро ток веры пресёкся на молитве, пресекается и сообщение с Богом; как и через телеграф нельзя иметь

сношения с отдельным местом, если в нём пресёкся ток электричества. О Божественный, неоценённый дар веры! О жизнь наша – вера! О сладость сердца нашего! О свет ума нашего! Бывает, что молитвы читаются с живой верой» (2: 201). Святой Иоанн судит по степени веры в молитве степень нравственного устроения, «чистоты или нечистоты сердца. Значит, молитва служит мерилом преуспевания или охлаждения в жизни духовной» (2: 191).

Чтобы молитва была успешна, нужна детская искренность. «Человек – дитя перед Богом, ничего не имеет своего по природе... Всё от Бога, и Бог готов всегда даровать нам Свои блага, только с нашей стороны должно быть условие: искреннее желание небесного блага, детская, или искренняя и простая любовь и доверчивость к Богу, то есть Господь Бог ничего больше не требует от нас в молитве, как чего потребовал бы и земной царь от своего подданного, прибегающего к нему с просьбой, или господин добрый и благонамеренный – от своего раба, просящего какой-либо милости; или отец – от своего сына» (2: 423). Потому, творя молитву, «старайся сделаться совершенно искренним, добрым и простосердечным сыном в отношении к Богу. Смотри на Него всегда с доверием и живой верой, как бы Он всегда был перед тобой» (2: 421). «Смотри, чтоб молитва твоя была всегда искренняя, от сердца, и никогда не молись без искренности, иначе молитва будет ложная» (2: 266). Самое малое – «малейшее лукавство сердца или притворство гони прочь от себя. Ни одно слово в молитве да не вылетает из уст твоих без твоего ведома или без всякого сознания. Сыновняя любовь и искренность в молитве и во всей жизни есть величайшая, благоприятнейшая жертва человека Богу» (2: 421).

Молиться надо непременно сердцем с любовью. «Когда молишься от сердца, с любовью, всегда молиться легко и приятно. Да и вообще, всякое дело делается легко, если делается от сердца, с любовью к Нему» (2: 254). Живая вера и любовь к Богу при молитве не только возносят горé душу, но и тело отрывают от земли. «Когда сродное к сродному возвышается силой веры и любви, то есть душа к Богу, тогда тело бывает самым послушным орудием души. Некто говорил

мне: «Удивительно сладостно и легко было мне вчера во время вечерней молитвы, проникнутой живой верой и любовью к Богу! Я чувствовал, что дух мой шёл горé и в своём шествии разливал удивительную сладость и чуткое спокойствие в сердце моём, как бы совозвышая с собой и самое тело мое горé к Богу»» (2: 257-258). И святой Иоанн Кронштадтский призывает: «Старайся молиться с сердцем, исполненным искренней любви к Богу и ближним» (2: 428).

Надобно, чтоб сердце не только во время молитвы, но и перед ней было проникнуто любовью к Богу и к людям, чтобы в нём отнюдь не скрывалась вражда на Бога или на людей ни под каким видом, например, под видом недовольства, ропотливости, любви к миру, ненависти, злобности, скупости – словом, чтобы оно было чисто от болезненных струпов греховных и от тли страстей (2: 217). «Когда молишься, старайся, чтобы молитва прошла через твоё сердце, то есть чтобы непременно почувствовало сердце то, о чём ты говоришь в молитве, чтобы оно пожелало того блага, коего просишь» (2: 353). Если почувствуешь, что сердце стало ныть, что на нём как будто легла какая-то тяжесть, препятствующая возноситься ему горé, к Небу, «тотчас постарайся внести в него любовь к Богу искреннюю – и оно исцелеет. В молитве жизнь сердца имеет самые важные значения. Не подняться ему к Богу, если страсть какая будет гнести его» (2: 217).

Устами много не надо говорить – «больше сердцем. Коли сердце горит, тогда хорошо и устам говорить. Но если придавлено, прищемлено каким ни есть грехом, и язык одиноким болтается, то лучше ему не болтаться на грех» (2: 218). Смотри только на сердце и непременно молись им (2: 93). «Пусть сердце горит в молитве: уста заговорят» (2: 272). Не жалей сердца для молитвы, достань его «из-под привязанностей и страстей, да подними его к Богу, да освяти его разумом светлым – а то оно темно и в нём гнездится всякая гадина. В молитве бей прямо в грешное сердце, в его особенные недостатки, выжимай их, не щади; пролей о них слезы: со слезами выйдут. А коли пощадишь сердце, не тронешь его, вся дрянь так и останется – и нет тебе пользы от молитвы» (2: 272).

Если будем молиться от сердца – умолим Бога. «Тот, Кто дал за нас Сына на смерть, не даст ли нам с Ним всего?» (2: 35). Когда молимся от сердца – Господь наш Иисус Христос слушает нас и как Бог, и как безгрешный человек. Если мы представляем Его Божество и нашу греховность человеческую и начинаем терять надежду на свою молитву, как на грешную, то вспомним о Его Человечестве: «Он, как и человек, снисходителен к нашим молитвам и требует от них не больше, как чего потребовал бы и человек от человека, – искренней любви, простосердечной доверенности к Богу и надежды на Его отеческую милость» (2: 420). Во время сердечной молитвы, как и после неё, Господь «соединяется с нами, как соединяется после принятия Животворящих Таин. Хотя это последнее соединение бывает более тесное, преискреннейшее, чрез Плоть и Кровь… Присутствие в нас Господа обнаруживается сердечной сладостью, миром или тишиной чувств, довольством собой» (2: 149). Короче, молитва сердцем доходит до Бога, «доходит, братия, непременно… И чем больше молитва ваша искренна, усердна, тем скорее услышит вас Бог… Только молитесь духом, только кладите на сердце слова молитвы – и Он услышит вас. Сладость на сердце, свет в уме скажут вам об этом» (2: 282).

Молитва без деятельного участия сердца – не истинная, не действенная. «Это, вероятно, всякий испытал на себе. Не молясь сердцем, не чувствуешь пользы от молитвы, остаёшься почти таким же, каким бываешь до молитвы, а молясь сердцем, получаешь услаждение в сердце. Поэтому во время молитвы каждое слово молитвы должно пройти чрез сердце» (2: 190). Если же во время молитвы замечаешь, что она сердцем не принимается, «как сырое дерево огнём, то употреби все меры, чтобы молитва проникла в него. Иначе нет тебе пользы от молитвы: холодно, мёртво остаётся оно, а вместе с ним и душа. Сердце сыро бывает особенно от многой пищи и пития» (2: 137).

Молиться должно с несомненной «надеждой на милость Божию, искренняя молитва никогда не остаётся бесплодной, и для других, и для тебя» (2: 103). Когда кто просит о чём-либо какого-нибудь доброго человека, который помогает другим, ещё при просьбе думает:

«Он непременно сделает, о чём я прошу его, потому что он так милостив, добр. Это же, непременно это же, делайте, когда вы просите в молитве Господа Бога, если только, впрочем, молитва ваша достойна. Бог ли не исполнит наших справедливых прошений? "*Просите*, – говорит Спаситель, – *и дастся вам*" ***(Мф. 7, 7; Лк. 11, 9)***. Милость человеческая есть только слабая тень милости Божией» (2: 361).

Во время молитвы требуется постоянное *внимание* – нужно, чтобы сердце бодрствовало (2: 119). Пытаются войти в него помышления и смутить его – не впускай (2: 126). «Не нужно обращать внимания на лукавые, скверные, хульные и неверием дышащие мысли, внушаемые на молитве лукавым: они нам в грех не вменяются. Нужно спокойно продолжать своё дело. Только крайне неопытный в духовной жизни человек может возмущаться от сатанинских страхов!» (2: 119). На молитве представляй для себя только Бога. «А люди – земля и пепел: о них нечего думать, то есть нечего их бояться» (2: 107). На общей молитве забывай и себя и думай только о Боге (2: 114).

Читая молитвы по готовым образцам, надо молиться духом и не «выпускать из виду Господа» (2: 247). «Чем знакомее молитвы и чаще обращаются в устах, тем внимательнее нужно читать их, потому что привычка производит в нас невнимательность к знаемому» (2: 466). При чтении молитв по книге надобно выговаривать каждое слово, «обнявши его умом, положивши его на сердце» (2: 248). Каждое слово надо произносить с такой сосредоточенностью, чтобы оно рождало «представление о предмете. Тогда чтение будет и легко и ясно» (2: 481). Следует взять за правило: «Непременно, всеми силами сосредоточиваться на содержании молитв и проникаться этим содержанием. Не нужно забывать, что при чтении известных молитв от нас не требуется никаких собственных умствований, а надобно только, чтобы молитва достигла по отношению к нам той цели, для которой она составлена, чтобы она сообщила нам или верующим, о коих молимся, ту благодать, о которой в ней говорится» (2: 369). Надобно углубляться в слова молитвы. «Зачем ты, – вопрошает святой Иоанн, – боишься входить в глубину молитвы и потрясти для неё всё своё существо, а скользишь только по наружности, только слова

шумят у тебя на устах?» (2: 461). Чем больше будешь углубляться в молитву, тем более будешь иметь в сердце животворной веры, тем больше будешь добродетелен» (2: 395).

Невнимательность, а тем более худые мысли при молитве в плане духовном губительны. «Горе нам от невнимательности сердечной во время молитвы: тогда как мы на устах носим молитву и сладчайшее имя Господа, Пречистой Его Матери и других Святых, в сердце иногда бывает пусто, в нём возгорается мерзость запустения; а иногда и то бывает, что на устах Христос, а в сердце – диавол. Это бывает тогда, когда молится человек, преданный какой-либо страсти во время самой молитвы, например, гневу, сребролюбию, зависти, ненависти и другому (также неверию, небрежности, холодности касательно веры)» (2: 221-222). Или: уста произносят: «Господи, помилуй», а сердце не слышит, не чувствует, что говорят уста – такая молитва – грешная, недостойная Бога. «Уста – слуга сердца» (2: 231). Надо научиться так молиться, «чтобы во время молитвы, как во время разговора с людьми, смотреть очами веры прямо в лицо Того Существа, Которому молишься. И действительно, существа Мира духовного при нашей вере и чистоте сердца так же легко могут сообщаться с нами, как люди живые с живыми» (2: 199).

Главнейшее условие молитвы – глубочайшее *смирение* (2: 372). От молитвы оно неотъемлемо (2: 382).

Пред началом всякой молитвы вздохни всей душой и скажи себе: «Грешен я» (2: 97). Если же став на молитву, сердце не освободится от гордости и окажется «не нуждающимся в молитве или во испрашиваемых произносимою молитвою благах, вспомни ты тогда дни горьких искушений в твоей жизни, минуты слёз и рыданий и этим воспоминанием смири своё сердце: тогда воспрянет оно к молитве, и понадобится она ему, как мать, нежно любящая дитя своё и не дающая его в обиду врагам» (2: 233). В молитве, прежде всего, надо стараться представить Бога, а затем свою греховность (2: 413, 290). Не надо удивляться «греховным случаям» и смущаться от них или малодушествовать, «а смиренно молиться Богу, без воли Которого ничто не бывает, и иметь всегда дух мужественный» (2: 238).

Когда молишься Господу – смиренно поставь во главу молитвы для её усиления «все небесные Силы, Пророков, Апостолов, Мучеников, Преподобных и Праведных, и, руководимый их сонмом, их верой, молись и сам с их верой, упованием и любовью» (2: 88).

Во время молитвы необходимы *спокойствие* и *медленность* (2: 481). «Спокойствие – для того, что без спокойствия не может быть порядка в мыслях и чувствах» – неспокойным состоянием уничтожается всякая польза молитвы (2: 348). Медленность необходима «для того, чтобы наполнить промежутки речений или слов созерцанием, которое, естественно, требует времени» (2: 348). Как пища для тела оказывается почти без вкуса, когда мы принимаем её спешно, торопясь, «так и духовная пища теряет вкус для нашей души, когда мы произносим слова её очень спешно, с намерением скорее кончить. В обыкновенном вкусе язык разлагает пищу на составные её начала и в этом разложении находит для себя вкус; так и в душевном вкусе душа разлагает молитву на её начала, то есть на слова или понятия, и находит для себя в этом вкус. Без разложения молитвы, без усвоения её себе нельзя находить сладость в молитве» (2: 277).

Чем больше «спокойствия в молитве… тем она выше и действеннее» (2: 265). Молитва хороша тогда, когда неразрывна со спокойным созерцанием (2: 276). Чтобы иметь спокойствие при молитве, «веди себя тихо: дома будь тих и кроток со всеми и вне дома – со всеми; тихо ходи, тихо говори – словом, будь тих везде и во всём. Главное же – будь внутренно тих и кроток: когда будет внутренняя тишина, будет и внешняя» (2: 93).

Произносить слова молитвы подобает не спеша – надо стремиться, чтобы они отозвались в сердце, сделались словами нашего сердца, нашей собственностью (2: 180). Чтобы молитва согревала наше сердце, нужно «медленно, по слову, с сердечным вниманием произносить её, отнюдь не перескакивая или не усекая слов; в противном случае огонь благодати, разлитый в словах, сильно опалит и уязвит» нашу душу (2: 186-187). Нельзя спешить под предлогом, что нас ждёт какое-либо дело – молитва – главнейшее наше занятие во всю жизнь и научиться достойно её творить «есть самое важное дело» (2: 30).

«Чтобы тебе неспешно произносить знакомые молитвы и не конфузиться, не думай о славе человеческой, не угождай людям, а думай единственно об угождении Богу» (2: 28).

Спокойно и неторопливо произносимая молитва имеет огромную силу успокаивать встревоженную душу (2: 237). И Батюшка взывает: «Молись – не торопись: за слова размышлением и сердцем держись; на воздух их не бросай, воздух без тебя наполнен всякими словами праздных людей, а твои слова без остатка должны идти в тебя и напоять, питать твою душу» (2: 221). Никогда не спеши «при чтении молитв и всегда будь в спокойном и весёлом расположении духа: ты говоришь с Богом милости, щедрот и человеколюбия; унывать тебе тут вовсе не о чем» (2: 136).

Видимо, обращаясь к себе, как достигшему спокойной, неторопливой молитвы, да и к каждому из нас, Батюшка подчёркивает плоды её и размышляет: «Ты сделал сегодня первый опыт надлежащей, неспешной, пословной молитвы и убедился опытом, что такая молитва и легка и успокоительна в высшей степени и, видимо, приятна Господу Богу; кроме того, хотя, по-видимому, она длинна, потому что каждому слову даётся вес и время для полного произношения, и каждое слово успеет сообщить душе соединительное с ним понятие или чувство, – но она вовсе не кажется продолжительной, так как душа не замечает времени, погрузившись в молитву совершенно. Между тем, прежде, когда ты говорил молитвы спешно, они казались тебе очень продолжительными, хотя иногда ты и сокращал их. Научись же после этого всегда произносить молитвы с должной расстановкой, по слову» (2: 465).

Недопустимо в молитве *многоглаголание*, когда оно *пустое*. «Всегда остерегайся, чтобы молитва твоя не была одним пустым многоглаголанием. В молитве нужны вздох, слёзы, сокрушение о грехах и смирение пред Богом, с живой верой в Него» (2: 422). Если становится весьма трудно исполнить молитвенное правило – его можно сократить; много кажется прочитать весь акафист – прочитай половину, но с должным вниманием и с должным благоговением – будет и довольно и простительно «труда ради предшествовавшего» (2: 263).

Творить молитву надо как можно *чаще*. «Уединяйся во внутренней своей храмине и молись чаще Богу» (2: 370).

На молитве требуется *стойкость* и *терпение*. «Стой твёрдо», – велит Батюшка (2: 169). «Несмотря на тяжесть, производимую во время молитвы бесовским наваждением, не должно ослабевать во время её, но терпеливо… продолжать её» (2: 290). Не ослабеешь, не отстанешь молитвой от Бога, от Пречистой Матери или Святых – непременно получишь желаемое, «относящееся к славе Божией и к твоему спасению. Помни жену хананейскую и разговор с ней Господа» (2: 320). Господь нередко посылает Свою небесную теплоту в сердце молящегося в конце молитвы. «Поэтому надобно иметь терпение – не отчаиваться в силе молитвы в начале и в середине её, но спокойно продолжать её до конца» (2: 387). Никогда всю жизнь – не оставляй молитвы, этого собеседования с Богом, – «и Бог не оставит тебя при смерти и после смерти» (2: 159). «Подвизайся в молитве и очищении сердца. Бог призирает на труды твои и увенчает их по достоянию в своё время. Ты, мол, ничтожен, и тебе кажется – не стоишь Божия о тебе промышления? Но не такими ли малыми и ничтожными поначалу были почти все Святые, и, однако же, потом за их усердие к Богу, за их подвиги в очищении себя – Бог прославил их. (Например, Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Сийский и многие другие). И они также считали себя ничтожными. Ах! Как несомненно, что для Бога мы – все равны; за всеми Он одинаково назирает и всех оценивает единым взором Своим!» (2: 274).

Сильным средством к успешности молитвы служат *пост* и, конечно, тесно соединенное с ним *исполнение других заповедей Божиих*. «Молитва цветет тогда, когда мы постимся духовно и телесно» (2: 181). «Исполняй заповеди Иисуса Христа, и тогда проси, что хочешь, будет тебе» (1: 493).

Для действенности молитвы требуется устремление к небу *всего своего существа*. «Приведи в движение не одни уста, руки и глаза, а всё существо до глубоких движений ума и сердца! За этот труд получишь награду – сладость молитвы, мир и радость после неё и в самое её продолжение» (2: 461).

Молиться надо *духом* и *истиной*. Что это значит? Значит, «видеть во всем дух и истину: в словах, в вещах и действиях священных» (2: 43); «молиться с той верой, надеждой и любовью, с какой молились святые отцы, оставившие нам духовное сокровище своих молитв, своих славословий и благодарений Богу» (2: 183).

Содержание молитв разносторонне, как многообразна и духовная жизнь.

В молитвах мы славословим Бога, благодарим, просим… Хотя Всеведущий Бог и наперед нашего прошения знает наши нужды, но не удовлетворяет их, «потому что разумное существо должно знать и чувствовать свою постоянную зависимость от Бога, должно знать, что все естественные дары его – от Бога, как от источника всяких благ. Потому нужно просить, чтобы оно не сочло даров Господних своими и не возгордилось ими. Для этой же цели нужно, чтобы разумное существо за все было благодарно своему Творцу и Благодетелю» (2: 189). Мы молимся о родителях, родных, близких и дальних, удалённых на тысячи вёрст. И надо о них молиться: «Бог, без всякого сомнения, слышит твои молитвы и дарует им просимое, равно как молятся и они о тебе, и Он дарует им просимое: пред Ним мы, земнородные, все как на ладони. Смотри, и солнце в одно и то же время и тебя видит, и их, а солнце – вещественная тварь Божия: кольми паче – Господь видит» (2: 348).

Полезно и благочестиво творить молитвенную память о почивших: «Мы и сами уцеломудриваемся, смиряемся при памяти о смерти их, и их душам делаем отраду, вознося об упокоении их молитву сердечную, сердце наше разогревается… страсти и печали житейские умолкают; их замогильный голос твердит нам, что все на земле, кроме благочестия в Боге и добродетели, – суета» (2: 183).

При молитве за других ставится святым Иоанном определённое условие: проси для них так же искренно, как бы ты просил чего-либо для себя (2: 93).

В домашних молитвах следует призывать святых угодников Божиих, наипаче святителя Митрофания Воронежского и преподобного Сергия Радонежского… «Как хорошо с сердцем, исполненным

смирения, веры и упования, читать каноны Иисусу Сладчайшему и Божией Матери! Какое спокойствие, какая сладость в сердце после чтения их!» (2: 335).

Иногда «плотской человек», пытаясь смутить молящегося, шепчет ему: «Что за необходимость одно и тоже твердить каждый день (одни и те же молитвы и стихи) и утомлять себя таким повторением». Искусителю следует сказать: «Каждый день я впадаю в одни и те же грехи, потому не должен и лениться повторять одни и те же молитвы, врачующие эти грехи» (2: 463).

Хорошо, если молитва творится непрестанно. Но такая молитва – удел немногих, потому устанавливается какое-то *время*, которое мы должны непременно посвятить беседе с Небом.

Молитвы совершаются утром, вечером, перед началом доброго дела, после него, перед принятием пищи и после…

В утренних молитвах мы приносим благодарение Богу «за сохранение нас Его благостью в ночное время, мы испрашиваем благодатной помощи „бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития нощь прейти“» (2: 180). Вечерние молитвы – величайшее благо. В продолжение дня мы падаем, и, бывает, много раз, так что вечер встречаем обременённые грехами – «и, Боже, сохрани всякого человека от того, чтобы он лёг в постель на ночь без молитвы. В это-то время вечерняя молитва для нас – неоценённое благо. Как же она бывает таким благом? Вот как: если человек знает, что такое истинная молитва, и будет молиться истинной, то есть не наружной только, но и сердечной молитвой, тогда он ещё пред молитвой войдёт внутрь себя, внутренним оком увидит всё, что вошло худого в продолжение дня в его мысли и сердце и сделано самым делом, а во время молитвы с сердечным сокрушением и слезами будет очищать душу свою от этого накопившегося днём зла; а сердца сокрушённого, вздохов душевных и слёз о грехах никогда не отринет Господь… И вам будет так легко-легко: вы почувствуете, что как будто какие злокачественные, болезненные нарывы прорвались и в несколько минут очистили вашу внутренность; мир и спокойствие, радость заменяют прежнее беспокойство, прежнюю тяжесть и

тоску» (2: 178-179). Раскаялись чистосердечно на вечерней молитве – придёт покойный, тихий, приятный сон и чистые, святые сновидения, «а по пробуждении у вас не будет ни одной недовольной, тревожной и смутной мысли, напротив, мысли святые, спасительные. Вы будете чувствовать во всём своём существе необыкновенное спокойствие, подобно самой глубокой тишине после бури. Очевидно, что Ангел мирный, верный наш наставник, хранитель душ и телес наших, охраняет своим действительным присутствием одр наш» (2: 115). Утренние и вечерние молитвы – «средства благополучно провести день и ночь. Поэтому говори их с полным усердием и любовью, внимательно, неспешно» (2: 464). Если станет тяжело читать их стоя – «читай склонив голову на кресло: это способствует сосредоточению, свободе и ясности мыслей» (2: 437).

О том, что необходимо молиться перед началом всякого доброго дела, святой Иоанн говорит вот как: «Пред избранием Учеников Своих и посольством их на проповедь Господь молился целую ночь. Так и мы должны молиться пред начатием всякого важного дела» (2: 370). «Прежде всякого доброго дела внутренно помолись Господу Богу, чтобы Он помог тебе в пользу душевную или вместе и телесную совершить его… И самого малого дела не начинай без внутренней сердечной молитвы ко Господу; во всём надейся на Господа и ни в чём – на себя; весь ты – не свой, а Божий» (2: 228)… Молись и перед принятием пищи, дабы Господь благословил её нам на пользу, и проч. (2: 143).

* * *

Выполнение требуемых условий при молитве ведёт к исполнению того, о чём говорилось в ней. «Приступающие работать Господу! – с духовным торжеством восклицает Великий Молитвенник. – Предуведомляем вас, что за каждую искреннюю, смиренную мысль, за каждый сердечный поклон вы получите от праведного Господа награду – внутренний мир и радость сердца. Не жалейте же всего

вашего сердца для Господа: отдайте его Ему – и вы возрадуетесь о прибыли от такого даяния» (2: 155). Молясь искренно Богу и Его Святым, делаешь по правде Божией их своими должниками – «и земные родители, по слову Господа, не дают детям своим камня, когда они просят у них хлеба; или змеи, когда просят у них рыбы. Если же они, будучи злы, умеют, признают должным, справедливым подавать по их просьбе то, чего они просят, то не тем ли больше правосудный и любящий нас больше всех Бог не подаст нам просимого, или Святые Божии, совершившиеся Духом Его, уподобившиеся по святости своей Ему? Как после этого отрадно молиться Богу и Святым Его! Они наши должники, когда мы их просим о чем-либо, существенно для нас нужном и полезном. И если не теперь, то в будущем веке они непременно отдадут нам долг наш» (2: 47).

Если мы не видим, что «долг» нам отдаётся, значит – с нашей стороны что-то нечисто, и у нас «нет приемлемости» (2: 40). Не принимает Бог наших молитв, «если мы сердимся на кого-нибудь» (2: 397). О себе святой Иоанн рассказывает: «Был случай, когда я сердился и потом помирился. Как, прежде чем я помирился, молитва моя была неблагоуспешна, тяжела и, очевидно, противна Богу, так после примирения… она стала легка, успешна и благоугодна Богу. Она скоро принесла мне мир совести и радость сердца» (2: 397). Не доходит до Неба молитва небрежная, при малой вере, скудной любви, отсутствии смирения… (2: 345-346).

Отчего иногда не хочется молиться? «Не научились ценить молитвы, не дознали опытно сладость её или и дознали, но вознерадели. Сердце нечистое любит мирское. Духовное – для него невместительно» (2: 44). Отчего, бывает, язык останавливается на молитве и прекращает её? Оттого, что сердце засаривается, повреждается внутренность человеческого существа, подобно тому, как и стрелка на часах останавливается, если внутренность засаривается или повреждается. «Язык – то же некоторым образом у человека, что стрелка в часах. Стрелка доказывает внутренний ход часов – и язык есть герольд или адвокат сердца и мысли, провозвестник того, что делается внутри, что наполняет сердце» (2: 87-88).

Святой Иоанн даёт ряд глубоких духовных советов для утверждения в истинной молитве:

- «Если есть скорбь на сердце пред чтением молитв, сделай имя Спасителя из пальцев правой руки и выгоняй именем Спасителя бесов, по непреложному Его обетованию: "*Именем Моим бесы ижденут…*" ***(Мк. 16, 17)***» (2: 73).
- Если есть небрежность в молитве – гони её прочь, «чтобы не оскорбить Духа благодати, живущего в тебе» (2: 413).
- Если зародятся помыслы неверия – не отчаивайся, а отражай их и «усиленной верой молись Богу» (2: 460, 73).
- Будет лукавый дух пытаться во время молитвы всеять в сердце ядовитую ложь, говори ему: «Я стою в истине» (2: 168-169).
- Ляжет на сердце как будто камень – это «действие невидимого врага, препятствующего святому делу». Преодолей его своим «усердием к молитве. Невидимые борительные враги во время молитвы упоминаются в утренних светильничных молитвах» (2: 158).
- Почувствуешь при молитве, что твоё сердце лукаво против твоей же воли – «не возмущайся этим и отнюдь не склоняйся на лукавство». Это опять-таки злой дух «склоняет тебя к духовному блужению с собой. Также, когда замечаешь в себе смущение и боязнь, не смущайся этим: это тоже действие духа тьмы, страхом склоняющего тебя к блужению с собой. Будь твёрд и как можно глубже вводи в сердце смирение и веру, неуклонно взирай ко Господу и ожидай Его милости – Он непременно посетит тебя и прогонит врага; ты сам это почувствуешь в мире и сладости сердечной» (2: 92).
- Если будет холодеть сердце при молитве, вспомни, «что за каждую минуту, за каждое мгновение живой веры и усердного служения Господу тебе воздано будет от Него тысячами лет блаженства» (2: 137). Холодность, «малодушие, боязливое самолюбивое смущение и торопливость при выговоре молитв вслух народа равняется малодушному отречению апостола Петра, который тоже из-за боязни отрёкся Господа, даже хуже: потому что Петру угрожала

опасность за признание Господа, а для тебя нет никакой опасности призвать и признать Его в молитве» (2: 156).

- «Укорени, – взывает Поборник православной веры и жизни, – в сердце своём живой верой следующее: я – раб, притом падший, виновный; у меня есть Владыка живота моего и Бог мой, Верховный Судья и Спаситель мой; буду я всегда просить Его помилования, всегда буду смиряться пред Ним и не позволю себе ни с кем из людей зазнаваться, тем более с Ним, Владыкой. Се – раб Господень» (2: 85).
- Отступившие от молитвы, а *тем более* забывшие её или даже не познавшие – несчастны. «Они всё дальше и дальше становятся от Света Небесного: одеяние души их становится все чернее и безотраднее; и страшно подумать, до чего могут дойти такие люди... Все люди, преданные порокам, все, которые грешат без зазрения совести, верно или вовсе не молятся, или молятся только наружно, по привычке» (2: 179-180; 2: 115).

***

Итак, есть *разные степени* достоинства *молитвы*. «Иной приносит её от чистого сердца с верой и любовью, так что вся молитва такого человека есть единый, сильный пламень, обнимающий все существо души. Другой, напротив, молится не с чистым сердцем, привязанным к предметам житейским, со слабой верой, подходящей к неверию, без любви в сердце, по привычке, равнодушно. Третий, хотя и старается иметь чистое сердце во время молитвы, но слабо и поэтому безуспешно борется с противными помыслами и то воспламеняется, то потухает душой. Люди часто сами себя обманывают и думают обмануть и Бога в молитве. Но Бог видит сердца наши» (2: 381).

Святой Иоанн сам молится и даёт как бы образцы молитв для всех:

- «Един Сый Владыко Господи, Един Сильный, вся Осуществовавший, без Него же "*ничтоже бысть, еже бысть*" ***(Ин. 1, 3)***, и – ничтоже бывает, еже бывает. Над всеми Бог, благословенный во веки,

помилуй мя, маловера, грешника, обладаемого страстями, и приложи ми веру; да той побежду я и венец победы от Тебя получу в день страшный воздаяния Твоего праведного» (2: 52).

- «Говори чаще Господу Богу: „Боже! Милостив буди мне грешному, лукавому, неверному, злобному“» (2: 437).
- «Господи! Даруй мне молиться Тебе с такой же детской простотой и искренностью, как верный раб Твой, царь и пророк Давид, дай мне и мыслить так же, как он» (1: 55).

II. Покаяние

Как бы человек ни старался жить праведно – он допускает те или иные прегрешения, если не делом, то словом, мыслью. А потому и покаяние должно быть постоянным – целожизненным.

Святой Иоанн напоминает, что покаяние именуется обращением человека и поясняет, почему оно так называется. «Потому что грешник, преступив закон, обращается, то есть как бы идёт назад, на прежнюю свою черту» (2: 256).

О необходимости, и постоянной необходимости, покаяния или обращения святой Отец говорит неоднократно.

Изъясняя призыв Спасителя: «Покайтеся», святой праведный Иоанн размышляет: «Сим самым Он заповедал: „Не просто покайтесь однажды, а кайтесь постоянно, как постоянно пребываете во грехе. Потому что пока вы находитесь в настоящей жизни, в этом теле, пока вы живете в сем веке, дотоле вы будете грешить непрестанно. Посему и каяться должны постоянно и во всякое время, до самой смерти своей, подобно преступникам, подобно обвинённым и уличенным. Очиститесь от лукавств своих, ненавистных Мне, и от гнусных деяний. Узнайте, что Я есмь Бог ревнитель… Я есмь испытующий сердца и утробы и проникающий в мозг… Я неумолимый Судья, сильный, праведный, нелицеприятный; знаю все ваши тайны, знаю их прежде бытия и рождения самых людей и воздам каждому по делам и заслугам его“» (2: 116-117)… Кайтесь «всю жизнь» (2: 165). Каждый раз, каждый день «как только согрешишь – исповедай пред

Богом непременно грех твой – и тебе оставится он. Вздохни, поскорби – и исцеление верно» (1: 119).

Господь даровал нам великие обетования – «вселиться в нас и ходить с нами и быть по преимуществу нашим Богом, нашим Отцом; кроме того – прославить нас в вечности» (1: 393). Как же нам, зная сие, не очищать себя от скверны греха? (1: 393).

Мы верим в полезность телесных лекарств, а покаяние есть врачевство духовное и как таковое необходимо (2: 54). Притекающему к нему и принимающего его Господь являет Свою милость. «Милостиво нисходит Он к вздохам души, сердечно ищущей очищения греха у подножия престола Его» (2: 63). И святой Иоанн советует: «Заглядывай чаще в своё сердце, спускайся в глубь его: приведи в ясность сознания все, что в нём есть худого, и излечи во вздохах сожаления или в горьких слезах раскаяния всякое зло, скрывающееся в глубине сердечной» (2: 280). Особенно духовно лечить себя надо перед Божественной Литургией. «Если ты пред Литургией уязвишь совесть свою каким грехом, то не медли выплакать его, иначе причастишься недостойно. Вот отчего бывает у тебя иногда тяжело на сердце после самого Причастия» (2: 291). Покаянные слёзы выводят «из сердца все греховные нечистоты, прежде в нём скопившиеся» (2: 300). «О благодатный ток слёз! После тебя прекращается самая мучительнейшая, отчаянная болезнь сердца, причинённая грехом, выходит из сердца лукавый и убегает далеко» (2: 279).

Святой Иоанн настойчиво советует не быть беспечным и не откладывать покаяния на неведомый день. В духовном плане это весьма опасно. «Братия! – с настоятельной любовью обращается он к православным христианам. – Многие из вас живут так, как будто им не придётся умереть и отдать отчет в своей жизни. Что это значит? Не оттого ли это происходит, что они думают покаяться только перед смертью и получить полное прощение? Конечно, Бог не отвергнет и во единонадесятый час жизни пришедших к Нему. Но если сердце ваше было далеко от Бога в большую часть вашей жизни, то думаете ли, что его легко можно подвинуть к Богу, возбудить чувство покаяния пред смертью? О, братия! Тут-то оно и упрётся против

вас на погибель вашу. Случалось нам видеть не раз, как трудно слышат слово о покаянии те, которые не думали о своём исправлении при жизни. Нет, братия! Христианская кончина бывает наградой истинным христианам» (2: 164-165).

Святой Наставник на примере показывает, с одной стороны, живительность покаяния, с другой – пагубность сомнений в его необходимости. Одного человека, рассказывает он, грехи так жестоко мучили, что не находил себе покоя, но как только обратился ко Христу Спасителю, припал к Нему с покаянными слезами, «черви сердца исчезли, на сердце стало легко». Но вскоре исцелевший дерзнул сказать, что исцеление пришло ему само по себе – случайно, а не от Небесного Врача и навлек на себя справедливый гнев Божий. «О лукавство сердца! О неблагодарность!» – восклицает Батюшка (2: 83).

Чтобы не было отклонений от правильного понимания покаяния, священнослужитель обязан стараться на исповеди не только подробно узнать душевное состояние кающегося, «но и научить его вере, надежде и любви, хоть в самых коротких словах» (2: 350). Согрешившего смертно он не разрешает – «не разрешать на исповеди великих грешников» (2: 73).

Святой Иоанн молится: «Даруй же мне, Господи, всегда горькие слёзы после каждого греха!» (2: 279) и призывает: «Прежде причастия страшных Пречистых и Животворящих Таин разбей своё „я", сокруши, уничтожь его» (2: 484).

III. Причащение Напомнив слова Христа Спасителя: "*Аз есмь Хлеб животный, иже сшедый с Небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки… Плоть бо Моя истинно есть брашно и Кровь Моя истинно есть пиво*" ***(Ин. 6, 51, 55)***, святой Пастырь размышляет и учит: «Как ясно учение о необходимости и действительности причащения христиан под видом хлеба и вина истинного Тела и Крови Христовых!» (1: 479)… Господь ставит в сравнение Свою Плоть и Кровь с нашей пищей. Как бесконечно они далеки! «Обыкновенная пища и питие насыщают только тела наши, и то ненадолго… Не таково «брашно», и не таково «пиво»,

которые даёт нам вкушать Сын Божий: «Ядый Его Плоть и пияй» Его «Кровь имать живот вечный», как вечен Сам Он, и воскреснет в последний день для этой бесконечной жизни» (1: 480). Греховность и, соответственно, испорченность человека, уводящие его от блаженной вечности, «так велики, что причащение Животворящих Таин Тела и Крови Христовых совершенно необходимо для постепенного освобождения человека от внутреннего зла: зло это прорывается, так сказать, и тогда, когда Животворящие Таины приняты уже внутрь, и постоянно нужно бодрствовать над собой после причастия, чтобы не мыслить и не делать зла» (2: 269). «Имей это в голове!» (1: 479).

Святое Причастие – *величайшее* Таинство. Святые Дары настолько велики, что мы «недоумеваем, как это может быть. Но Богу легче исполнить это, чем нам поверить этому… Ты… недоумеваешь как преложится хлеб и вино в Таины, но Богу легче их преложить, чем не преложить» (2: 454). Святые Таины имеют вот какую печать: «Истина, Мир, Радость, Жизнь» (2: 340). Мой Бог, моя Любовь, моя Жизнь в Святых Таинах «предлагает мне Себя в пищу и питие: чем я заслужил такую любовь? Ничем. Это – единственно милость Божия ко мне. Такой безмерной любви ко мне Божией я обязан тому, что Бог есть Любовь» (2: 162). Сознавать это причастнику отрадно – есть Существо, Которое любит его, любит до того, что дает «есть Плоть Свою и пить Кровь Свою! Боже мой! И это действительность: дивный мир и восторженная радость уверяют меня, что это так – истина слов Твоих – тоже» (2: 273). Неслучайно Киевский митрополит Филарет, обнимая в последние минуты своей земной жизни святую Чашу с Дарами, произнёс: «Жизнь моя, Свете мой, Надежда моя!» (2: 373). Величие, святость, животворность святых Таинств очевидны, особенно Святейшего Таинства Причащения (2: 457-458).

Образ «присущия» Господа в Таинах Тела и Крови – «истинно и существенно» – нам непонятен, но «несомненно, что Он истинно и существенно присутствует в Пречистых Таинах, (…) как присутствует с нами во время молитвы, упокоевая и услаждая сердца наши» (2: 66). Это присутствие чувствует причастившийся *по плодам* Святых Таин, а они велики.

Господь совершает неоценимое благодеяние, давая нам вкушать Свои Тело и Кровь. «Ведь ты знаешь, – замечает святой Пастырь, – что мы вначале созданы были Им нетленными и бессмертными и уже за грехи свои сделались тленными и смертными… Чрез приобщение Тела и Крови Своей Он опять хочет сделать тебя таким же, каким был сначала… Тело и Кровь Христовы для нашей души есть животворящая пища, которая восстанавливает её силы, поселяет в ней любовь, мир и радость и делает способной к вечному блаженству на Небе – в Боге и с Богом» (2: 14-15). Они обновляют растленное наше естество (2: 246). «Кровь Иисуса Христа Сына Божия очищает нас от всякого греха. Эта истина не на вере только основана, но и на опыте. «Я, грешный, – говорит о себе Батюшка, – очищался многократно от грехов и находил свидетельство в своей совести и в своём сердце об этом спасительном, радующем очищении» (2: 225-226). Животворящие Таины, Божественно действуя на сердце человека, «подавляют гнездо греха, и он замирает, уступая место помышлениям добрым, святым, живой вере, любви, благодарению» (2: 65).

Принятие Святых Таин вселяет в нас чудное спокойствие, неземную радость, благость сердца (2: 122). Причастник «становится совершенно спокоен, всем доволен и блажен» (2: 65), изменяется «чудным изменением». До причащения он страшится себя, потому что видит внутри «бездну всякого зла», а после принятия Святых Таин становится «чистым, кротким, ангелом, что само по себе… невозможно»; в нём затихает чудовище греха, а вселяется мир, «чудное спокойствие!» (2: 219-220). «Что это за чудный мир, за чудное блаженство царствует в душе? Какое тихое умиление, какое глубокое смирение, какая любовь к Богу и к людям, какое презрение ко всему земному бывает в душе? Зачем мы не удерживаем в себе постоянно такого блаженства? О слабость, о наклонность греховная!» (2: 385). «О! – продолжает восклицать святой Иоанн. – Какую сладость, какой мир разлило во мне причащение Животворящих Таин! Я молил Бога, чтобы Он сподобил меня пред кончиной моей причаститься их так же достойно, так же животворно, чтобы, "*аще пойду посреде сени смертныя*" ***(Пс. 22, 4)***, – мне не бояться с моим Господом никакого зла» (2: 247).

Святые Тайны служат исцелению души и тела. «Когда я, – свидетельствует Батюшка, – приму их в себя с верой искренней, нелицемерной: тогда болезненность сердца, поражённого неверием, проходит и бывает мне легко-легко» (2: 161); «мне бывает весьма хорошо: я мирен и весел» (2: 433). Тело и Кровь Спасителя прелагают «жгучесть» страстей наших «на прохладную росу… благодати. Это – опыт» (2: 67). «Был духовный младенец… ожил… после Причащения» (2: 400). «Болел смертельно и исцелел, скорбел и возрадовался, томился болезненно и вкусил мир пренебесный… Слава милосердию Твоему, слава Животворящей силе Твоей, Господи!» (2: 397).

Пречудные плоды приносят Святые Таины: «В душе мгновенно появились бодрость, мир, радость восторженная, умиление… Это, – свидетельствует Батюшка, – утешает меня и утверждает во мне надежду на будущие, бесконечные блага небесные: ведь эти духовные блага, ощущаемые в душе после Причастия, суть начаток вечных благ, предвкушение их; это Царствие Божие внутрь меня есть залог будущего Царствия, блаженной жизни духовного века» (2: 61-62). Опыты земной жизни убеждают, что общение с Господом в Таинстве святого Причащения есть чистый источник для блаженства души – удостоверяют в той истине, «что и в будущей жизни общение верных душ с Господом будет для них источником блаженства вечного. Начатки будущих благ предсказуются здесь» (2: 64). Уже здесь, на Земле, причащающиеся Святых Таин «водворяют в себе, в своём сердце, не только рай, но Самого Бога, а с Ним *„превосходящий всяк ум мир“* ***(Флп. 4, 7)***» (2: 137). Отсюда понятным становится строгое веление святого Пастыря: «После Причастия тщательнейшим образом храни полученный тобой мир душевный. Не давай место гневу, хотя бы и были причины гневаться, особенно не гневайся от неприятностей случайных, непредвиденных, в которых нельзя винить лицо, сделавшееся причиной неприятности: гневаться в этом случае есть безумие» (2: 411). Понятен также и пастырский ответ на часто задаваемый вопрос: «Какое лучшее время нашей жизни, не говоря о времени детской невинности? – Время благоустроенной молитвы, время после достойного причащения и время внимательного чтения

или слушания Слова Божия и писаний святых Отцов; время добросовестного исполнения своих обязанностей и – отдыха после них; вообще время, когда мы бываем на пути истины и добра. Остальное время – время беспокойства душевного, скуки и пустоты сердечной» (2: 190).

Чтобы ярче изобразить плоды Святого Причастия, Батюшка противопоставляет состояние человека до принятия Святых Таин и после. «Посмотри ты на себя, каков ты бываешь до приобщения и каков после приобщения? До приобщения ты – немощный душой и телом, а после приобщения – крепкий духом и телом; всё твоё существо трепещет радостью и несказанным, пренебесным миром. Что может быть убедительнее, осязательнее этого?» (2: 465). Но как бы не останавливаясь на этом доводе, святой Иоанн рассказывает о чудесном исцелении двух малюток от падучей болезни Святыми Дарами. «Что исцеление последовало не от действия лекарств, а от действия молитвы и Святых Таин, это доказывается тем, что дети, которых сильнейшим образом било до начала молебна, во время самого молебна затихли и сами молились Богу и после того до вечера были совсем спокойны. А вечером был только лёгкий припадок. От Причастия же совершенно всё прошло. 25 февраля 1858 года» (2: 344). «Как сладки плоды доброго причащения, – восклицает Батюшка, – всю душу проникает радость и мир, и всё кругом так приятно, хорошо, как будто всё тебе улыбается!» (2: 471). «Слава Богу, Его Животворящим Таинам и слава Владычице Премилосердной, Радости всех скорбящих» (2: 344).

Как же трудно представить состояние тех, кто не приступает к святой Чаше! «Без Тела и Крови Христовых ты был бы одним тлением, пищей червей, игралищем страстей и вечным мучеником, не знающим никогда, во веки веков, душевного мира и блаженства, так как источник нашего блаженства один – Бог; вне Его – вечный страх и мучения» (2: 15). Без святого Причастия – духовная гибель (2: 86). Нет радости и для тех, кто хотя и причащается, но весьма редко. «Не принимая значительное время Животворящих Таин, я, – от имени таких говорит святой Пастырь, – удобопреклонен ко злу, и диавол

легко овладевает мною» (2: 290). Среди таких людей нет правильной духовной жизни (2: 37).

Чтобы в должной мере усвоить плоды Святых Таин, требуется соответствующая Им *подготовка*. «Надобно совершенно сокрушить своё грешное, нечистое сердце смирением и предать себя в волю Божию; надо совершенно выгнать из него всякую тень неверия, всякий помысл лукавый; надобно, чтобы оно совершенно замолкло, замерло или умерло (надобно, чтобы ожило сердце новое, которое Сам Бог даёт – смиренное, полное святых чувств)» (2: 317). Надобно приблизиться к Богу верой, смирением, простосердечием и чистосердечием» (2: 246). Недопустимо перед Причастием пускаться «в бесполезные и вредные рассуждения, которыми лукавый хочет только выиграть время и похитить веру» (2: 463).

"Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е" ***(Мф. 11, 12)***. Слова эти, по утверждению Батюшки, «надобно относить и к Святым Таинам Тела и Крови. Так как с ними мы принимаем в себя Царствие Божие, то без нужды, без усилий нельзя принять их достойно, а нужно испытать борьбу внутреннюю пред принятием их» и победить борющего нас врага (2: 185).

Святой Пастырь не преминул отметить и печальную действительность нашего бытия: «Для вещественного, тленного и поддерживающего только тленную жизнь хлеба ты переносишь большие трудности, а для нетленного, поддерживающего нетленную, вечную жизнь души не хочешь перенести и небольших трудностей, ленишься прочитать надлежащим образом Последование к Причащению. Смотри, какое важное противоречие в твоих делах» (2: 462-463).

«О, будь тысячу раз внимателен к Святейшей Евхаристии! Помни, что "*страшно впасть в руки Бога живаго*"» (1: 447).

От достойного причащения – радость «во всём существе» (2: 456), лёгкая, животворящая теплота, с чудной прохладой (2: 65). От недостойного – нет радости, а есть печаль (2: 456), есть пожигающий огонь в груди, теснота в сердце (2: 65). «Если я, – свидетельствует Батюшка, – причащусь Животворящих Таин недостойно, с усумнением, грех далеко отбросит меня от Бога и много мне нужно слёз и

воздыханий, чтобы опять приблизиться к Богу и иметь дерзновение пред Ним. Но если достойно, тогда прилепляюся к Нему крепче, становлюся твёрже в любви к Нему, легко и радостно тогда бывает у меня на сердце» (2: 121). За маловерие, а тем более за неверие причащающегося Святых Таин постигают такие «страшные мучения внутренние, что этот человек решился бы, если бы это было легко, вырвать утробу свою, своё упорное, лукавое и злое сердце! Таковы мучения от недостойного приобщения». После же достойного принятия Святых Таин в причастнике «действительно и существенно присутствует Господь» (2: 49-50).

«Господи! – молится Батюшка. – Научи меня здраво, свято, просто, твёрдо взирать на все Святые Таинства» (2: 67).

IX. ОСОБОЕ ЗАНЯТИЕ – ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

> «Хочешь убедиться, что Источник человеческой жизни есть Сын Божий или Бог в Троице – читай от Луки главу 7 и о Лазаре»
>
> *(2: 33)*

В духовной жизни важное место занимает чтение Священного Писания. «Кто любит читать или слушать Слово Божие, вообще – занимается им, тот, верно, от Бога, любит Его и имеет живот вечный; а кто не любит ни читать, ни слушать, тот не от Бога» (1: 484).

Священное Писание есть Слово Божие и потому оно величественно, верх совершенства, образец совершенства (2: 579). «Господи! – восклицает святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Слово Твоё, изречённое Пророками, равно сильно, равно величественно, как и Ты: оно – равно Тебе. И это для меня есть лучшее доказательство, что пророки изрекали не своё, а Твоё слово» (1: 573). «Священное Писание – светило, сияющее в тёмном месте этого мира. Как многих оно просветило! Сколько людей заимствовало от него силу своего слова! Все

великие проповедники церковные, все творцы духовных творений, в коих мы находим столько услаждения, столько возвышенности и красоты слова, образовались Священным Писанием» (2: 216).

Святое Евангелие и Апостольские Послания содержат совершенное учение – оно глубоко и безыскусственно, мудро и просто – образец и для человеческого слова (2: 392). «Какая простота, чуждая всякой искусственности, в рассказе Евангелистов! Какая искренность! Неподдельность! Вот что, между прочим, разительнейшим образом доказывает истину повествования святых Евангелистов» (2: 400). «Так и видишь, что это говорит Сам Творец Слова, у Коего слово есть дело» (1: 579). Истина сего утверждается уже тем, что её возвещает не один человек. «Истина учения, жизни и деяний Христа Спасителя засвидетельствована четырьмя свидетелями – Евангелистами. Если двух свидетелей достаточно для утверждения истины, то тем более – четырёх» (2: 413-414). Поэтому святой Иоанн считает слово Божие пищей, «которой живут духи бессмертные – Ангелы», той пищей, «которой держатся в целом составе своём и во всех частях своих все миры Вселенной» (1: 85).

Священное Писание чудесно не только своим содержанием, но и «в рассуждении лиц, чудесно его написавших. Не чудо ли человеку неграмотному, некнижному, простому, знавшему прежде только рыбный промысел, написать такие прекрасные сладкие Писания, которыми никогда не насытишься; записать такие истины, которые простому человеку не могут сами по себе и в голову прийти, написать так просто и так умно!» (2: 319).

Премудро также слово Божие распространилось и дошло до нас – теперь оно питает нас, учит нас. Первоначально оно было возвещено в Ветхом Завете Господом чрез пророков, в Новом Завете Спасителем непосредственно или чрез святых Апостолов, «но потом, быв записано, оно разнеслось по всей Вселенной миллионами верующих, питало и питает миллионы верующих, как истинное, действенное слово Божие» (2: 252-253); научает и вразумляет, что Царство Божие и владычество Его «*во всяком роде и роде*» (2: 123). «Древние патриархи, судии, цари, пророки, новозаветные Апостолы и все Святые

удалены от нас на большое расстояние времени, но в Священном Писании мы читаем их слова и об их действиях – так точно, как будто бы мы их слушали и видели: этот письменный способ сообщения нашего с ними есть символ нашей близости к ним по духу… И это есть премудрое устроение Сущего, Который не имеет времени. Ты, живя во времени, теряешься в минувших веках, так что самые дальние века для тебя составляют как бы пустоту; Господу всё присуще, как нынешнее, как сегодняшнее, и вот Он даёт даже отчасти и тебе уподобиться Ему в этом – сообщаться чрез Писание с далеко минувшими лицами, как бы с настоящими» (2: 125). «Верь и ты, человек, – взывает святой Иоанн, – в Боговдохновенность учения Апостольского так же твердо, как и в своё существование. Читай Апостольские Послания и умудряйся ими во спасение» (1: 402).

Святой Пастырь даёт и правила для чтения Священного Писания: «Читай сердцем, (…) добрым и благим» (2: 197), со смиренной верой и любовью (2: 385), медленно, неторопливо. Такое чтение «успокоительно для самого читающего, а чтение поспешное – трудно и беспокойно» (2: 131, 351). Более того, Бог Слово строго наказывает, когда кто оскорбляет Священное слово «своими пропусками или торопливыми, нелепыми выговорами» (2: 131).

При чтении Священного Писания должно «принимать живое, искреннее участие в том лице, о котором идёт речь или которое представляется говорящим; нужно быть на время как бы одно с ним, как бы одна душа, тогда чтение достигнет своей цели. Но оно не достигнет своей цели, когда читаемое место будет как бы чуждым для души читающего, когда он верой не примет участия в лице, о коем идёт речь, когда он не станет в его положение, или лучше – во все его положения» (2: 221).

Читая Священное Писание, следует отказаться «от собственного знания, от своей мудрости» и принимать «как невежа, как неучёный, как дитя, начинающее учиться» (2: 232-233).

Если начнёт овладевать чувство смущения, требуется усилить внимание и прочитать «утешительную главу из Евангелия или Апостольского Послания, например, апостола Павла к Коринфянам

(предпоследнюю, или последнюю, или другую какую)»; воодушевиться ей – и смущение отбежит, а радость веры проникнет в сердце (2: 303).

Заниматься постоянно – без перерыва – чтением или «одним и тем же делом» – нельзя. Природа требует отдыха. «Святые Отцы разнообразили свои подвижнические труды. Святой Григорий Богослов говорит о себе, что он свободное время от трудов своих посвящал прогулке и спокойному созерцанию. Так и ты веди себя: разнообразь свои занятия, а над одним чтением не сиди; такой распорядок занятий даст тебе и энергию в деле и разнообразием сообщит душе удовлетворение, весёлость. А без него ты будешь тратить по пустякам свои труды, потому что к одному и тому же делу, естественно, ослабляется внимание, если оно постоянно пред глазами» (2: 236).

«Блаженны читающие со вниманием и понятием слово Божие: из мира земного они восторгаются как бы в мир Небесный» (1: 523).

X. СОВЕТЫ СВЯЩЕННИКАМ

> «Наше дело – служение спасению людей – очень великое и досточтимое. Мы должны быть совершенно преданы своему делу»
>
> (1: 88)

Быть постоянно при царе хорошо, но «требуется много внимательности к себе, требуется осторожность в речах и поступках... Так и при Царе Небесном хорошо... священнику, но внимательность к себе, к своим мыслям, к своему сердцу – неизбежное условие при том... Худо, когда провинится придворный пред царём... Так же точно худо бывает и тому, кто служит ближайшим образом Царю Небесному и провинится пред Ним: Он наказывает его часто и сильно, чего не испытывают другие, вдали от Него ходящие» (2: 108-109).

Высоко звание священнослужителя, но эта высота требует от него и *высоких свойств*, подчас существенно отличающих его от окружающего мира.

Священник, как служитель Христов, должен иметь «сознание собственного достоинства, иначе он низок будет и в своих глазах, и в глазах других» (2: 120). Соответственно своему званию он обязан любить правду, веру, терпение, кротость – благочестие (1: 431), быть живым органом Истины («Всегда помни об этом и ревностно служи Истине». – 2: 154), иметь не просто веру, а дерзновенную веру с дерзновенностью «Моисея и других пророков. Ты – священник и поставлен Богом ходатайствовать о людях Его, приносить жертву за их и свои грехи, учить их. Скажи же Богу: „Что так как Ты Сам благоволил меня, недостойного, поставить на это высокое служение, то благоволи и слушать меня, когда я молюсь о людях Твоих или о себе". Не бойся: говори с Ним как с Предстоящим: Он слушает тебя» (2: 485). «Имей ревность Божию: без ревности священник – ничто, потому что без ревности он не имеет и веры» (2: 250). «Нам, – говорит от лица священнослужителей святой Пастырь, – нужно быть только мудрыми духовно, чистыми и незлобивыми, чтобы Дух Божий был с нами и в нас и действовал чрез нас. Если ненавидят нас ради имени Иисуса Христа, мы должны радоваться. Будем терпеть: только за терпение до конца обещано спасение» (1: 89).

Одной из основных *обязанностей* священнослужителей является *молитва*. «Твоим молитвам, – напоминает святой Иоанн, – Господь поручил словесных овец Своих – для умилостивления о них Господа, для возрождения и освящения их или для низведения на них благословений небесных. Будь внимателен к молитвам: ты делаешь величайшее, священнейшее, благотворнейшее дело на Земле. Не забудься, не вознеради, чтобы не поразило тебя проклятие Небесное. Бог есть Бог мститель, Бог отмщений» (2: 102).

Когда кто бывает позван служить пред земным правителем – старается выполнять службу благоговейно и тщательно. Священник призывается стоять у Престола Царя царей, притом – для того, чтобы испрашивать у Него пастве духовные и телесные дары. С каким

же благоговением и тщанием он должен «приносить Ему служение духа, с каким вниманием и усердием произносить все слова молитв и возглашений?» (2: 259-260). Он обязан совершать все службы, возносить все молитвы «с сознанием их небесного достоинства и с благоговейным сознанием собственного достоинства, на которое возвела его благодать Божия, со степенностью и важностью, чуждой гордости и надутости, спокойно и ровно» (2: 68). «Во время Богослужения, – замечает Батюшка, – несмь свой… а Божий: как Божий и должен действовать, а не как свой» (2: 70). «Ты вождь во время Богослужения. Крепись и мужайся против врагов невидимых. Худо, если вождь преткнётся и падет. Это произведёт упадок духа и в молящихся» (2: 116). Худо также будет, если при службе он станет думать, что скажут о нём люди – заботиться надо о другом, о том, «что скажет Господь Бог: пред Ним все люди – ничто» (2: 116).

При совершении Богослужения, особенно Божественной Литургии, священник должен пребывать в мирном, примирённом со всеми состоянии. «Тяжкий грех – служить обедню, не примирившись с врагом, особенно если он служит вместе. Через этот грех диавол может овладеть человеком, который имеет нечто на другого, и могут выйти во время самой службы неприятные последствия в душе и даже вне» (2: 399). И святой Пастырь увещевает: «Всячески воздерживайся во время обедни от малейшего порыва гнева, всячески старайся сохранять в душе мир, всячески старайся, чтобы сердце твоё не зазирало тебя; от малейшего зазрения сердца вера покинет его» (2: 357). И более того, иерей «как представитель на Земле Начальника мира и тишины, как образ Иисуса Христа», должен постоянно иметь в своём сердце мир и молитвенное расположение, чтобы ему всегда «истинно, от избытка сердечного мира преподавать людям Божиим мир и благословение, чтобы в мире душевном совершать все службы, таинства и молитвословия, чтобы всегда быть готовым к молитве, которая по преимуществу есть принадлежность священника» (2: 184-185).

Священнодействовать должно спокойно, со вниманием, без малейшей торопливости. «Во время священнодействия, – учит

Батюшка, – непременно старайся быть совершенно спокойным, ничем не развлекаясь и не возмущаясь» (2: 484). Молитвы читай «с искренним, совершенным спокойствием, тихо и несколько нараспев» (2: 389). Строго смотри «за собой, чтобы каждая молитва была читаема от души, неспешно» (2: 483), со вниманием, членораздельно – «душевные мучения после скорого, невнятного, робкого чтения есть Его праведный, обличающий гнев» (2: 319). Если заторопишься и собьёшься – остановись и «приложи сердце» (2: 272). «Ты торопишься при чтении молитв из раболепства людям, незаметного для тебя самого; старайся угодить только Богу и читать слово за словом» (2: 320). Помни: «Бог жестоко наказывает за поспешное, невнимательное чтение» (2: 398).

Должно быть внимательным ко всем церковно-богослужебным действиям. Нельзя пренебрегать ничем: молитвой, ектенией, возгласом… – «будь постоянно внимателен ко всему этому, зная, что нельзя без греха и мучения в душе небрежно прочитать торопливо или с пропусками ни одной молитвы, ни одного возгласа, ектении, ни одного слова. Пренебрегая немногим, можно дойти до пренебрежения ко всему» (2: 336). Если будет много просьб о молебнах, скажи молча: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты даёшь мне возможность исполнить заповедь Апостола Твоего: "*Непрестанно молитеся. О всем благодарите*" ***(1 Сол. 5, 17-18)***, – и радуйся, служа молебны какие бы то ни было: обыкновенные ли Спасителю и Святым, благодарственные ли, или с водосвятием… Точно также поступай и при каждой другой требе, при каждой общественной службе» (2: 192). Да, в Требнике много молитв, но обвинять сочинителей их в многоглаголании – грешно. «Чем выше дар, тем больше надобно просить о нём Бога, а что может быть выше даров, сообщаемых верующим в Таинствах? Поэтому надобно иметь уважение к молитвам, положенным в Требнике при Таинствах. Скучно повторять одно и то же, но делать нечего: надобно взять на час терпенье. А если будешь всегда готов к совершению Таинств по своему душевному расположению и настроению, тогда и не будет скучно читать молитвы, положенные при том

или другом Таинстве. Скучно и тяжело читать их от неготовности и от мнительности... Со всем уважением к почтенной древности читай их, эти молитвы» (2: 419).

Особенно болезненно воспринимается небрежное, торопливое совершение треб. «Убедись горьким опытом, – велит святой. Пастырь, – как болезненно для души торопливо читать священные молитвы при требах. Как жестоко тиранит душу этот грех» (2: 459). Ведь священник должен всегда носить в сердце Спасителя, «особенно во время служб» (2: 241), быть посредником – «проводником милостей Божиих к народу, принимаемых от него чрез молитву... должен особенно в благости уподобляться Богу, чтобы, будучи сам благ, мог с несомненной верой испрашивать у Всеблагого Бога всяких благ для вверенного ему народа» (2: 241). Здесь нет места небрежности или чему-либо подобному! «Не оскорбляй Господа, – взывает святой Пастырь, – холодностью при совершении Таинств и каких бы то ни было треб» (2: 275). «Это только дело у тебя и есть (разумею службы и требы): к чему же тебе торопиться, к чему поспешать? Совершай его как можно спокойнее, ровнее: оттого у тебя будет спокойствие и радость на сердце. Да помни же это, глупая голова!» (2: 218). И ещѐ более решительно: «Помни, что каждый раз, как ты не надлежащим образом совершишь требу и получишь за неё плату – ты тунеядец, получающий плату даром, не за дело; но говорю о том, что ты кроме того, подлежишь небесному проклятию за небрежение, за поспешность в деле» (2: 265).

Подобное можно сказать и о поимѐнном поминовении. «Когда читаешь помянники, – беседует святой Пастырь со священником, – помни, что под каждым именем сокрывается бессмертная душа, нуждающаяся в помиловании и упокоении, положи на сердце и согрей сердечной верой каждое имя, чтобы Бог любви, видя молитву любви, принял в покой Свой нуждающихся в Его покое. Не злоупотребляй доверенностью и пожертвованиями живых родственников, друзей и знакомых умерших» (2: 102). Если тебя попросят молиться об упокоении души усопшего, «молись о ней, как о своей, с самым искренним чувством, с самой живой верой. Представляй

в это время бесконечную Благость – за нас Пострадавшего и Воскресшего – и умоляй Её» (2: 242).

«Неоспоримое значение имеет вера. Она, – утверждает Поборник её, – необходима везде в жизни: разумею не обыкновенную только веру, но и веру Божию. Особенно она необходима при совершении Богослужения, Таинств и обрядов веры. Без веры чрезвычайно тяжело совершать службу, Таинства и обряды, а с верой – удивительно легко и приятно. Тогда труд бывает животворный, успокоительный для души» (2: 355). Священнику отец Иоанн говорит: «Когда причащаюсь с верой и служу беспреткновенно, не поддаваясь страху бесовскому, я целый день провожу прекрасно: мне легко, весело, а когда преткнусь по боязни на службе, целый день мне тесно и скорбно; ни молитвы без слёз, ни кресты не избавляют меня от туги сердечной» (2: 108). Потому-то святой Иоанн и предупреждает иерея: «Если враг будет склонять тебя ко греху во время общественной молитвы страхом человеческим, скажи ему: "Нет никого страшнее, грознее моего Господа, дивного в правде, Карателя неправд человеческих". Если будет прельщать похвалой человеческой за дело Божие, скажи: "Слава человека яко цвет травный, скоро исчезает, а слава Божия – вечна"; принимать славу от людей – значит терять славу Божию» (2: 112).

Что же нужно, что твёрдо надо помнить священнику: «Предавайся службе всей душой и переживай своим умом и сердцем все то, что содержится в молитвах, ектениях или возгласах» (2: 318).

Другая важная обязанность священника – *проповедь*.

По слову святого Иоанна, проповедовать должно, «несмотря ни на что» (1: 162). Процитировав слова святого апостола Павла: "*Горе же мне есть, аще не благовествую*" ***(1 Кор. 9, 16)***, святой Иоанн даёт как бы обет: «Пока я имею смысл и память, дотоле буду помнить… что Пастыреначальник Небесный взыщет от руки моей крови погибших от моего нерадения и лености овец Своих» (26: 20). Поэтому он и смотрит на тщательную подготовку к проповеди, естественно – и на саму проповедь, как на «дело Божие… как бы для Самого Бога» (2: 258).

Святой Иоанн не преминул отметить то, о чём и как нужно проповедникам говорить: «В настоящее время проповедники должны преимущественно говорить людям о приближении Царства Небесного. Это всего лучше может действовать на людей, страдающих под тяжким владычеством греха. Описывать это Царство со всей подробностью, как известное земное государство, которое описали очевидцы. Но при описании бросать на Царство Небесное некоторую светотень, которая необходимо должна быть в наших предметах, которые не совсем нам известны и покрыты некоторым мраком» (1: 87). Долг проповедника – стремиться раскрыть перед паствой всю Божию волю. Обращаясь к пасомым, Батюшка свидетельствует: «Жизнь скоротечна, а блаженная или мучительная вечность наша – несомненна. Поэтому, пока я с вами и вы – со мной, мне должно сказать вам всю волю Божию о вас, чтобы не быть мне на Страшном Суде Бога моего в ответе за вас. Я не буду смотреть, приятно или нет вам слушать меня, я буду делать своё дело. Правда колет глаза, и истина иногда нужна для слушателей, но и лекарства часто бывают для больных остры и тяжелы. Нужно ли поэтому молчать, оставаться в бездействии, не лечить больного! Но что же тогда звание мне, обязанность моя? Разве я презрен на церковной кафедре? Разве я не учитель веры? Разве я не пастырь вверенных мне овец? Разве я не совершитель Таин веры? Нет, "*забвена буди десница моя*", если она не будет начертывать на хартии слова истины, "*прильпни язык мой гортани моему*" ***(Пс. 136, 5-6)***, если не будет обращаться в устах моих для глаголания правил веры и спасения!» (2: 19-20).

По примеру святого апостола Павла проповедник должен смело, без всякой боязни, учить о Христе Распятом, «не стыдясь никого, ни великих и сильных, ни учёных века сего, будучи твёрдо уверен, что жив ли он будет, или умрет, Начальник его веры – Христос одинаково возвеличится, прославится в теле его, хотя животом, хотя смертью. Если он и живёт, живёт Христом и для Христа; а если умирает, то чрез это он не только ничего не потеряет, как сыны века сего, лишающиеся вместе со смертью многого, – напротив, приобретает то, чего искал всю жизнь – теснейшее соединение со Христом»

(1: 414). Для такого дерзновения священнику дана особая благодать, «немощная врачующая и оскудевающее восполняющая». Ведь и святые Апостолы до сошествия на них Духа Святого были маловерными – и до того, что «самые поразительные, самые явные чудеса не сделали их свободными от неверия. С каким прискорбием смотрел Господь на их неверие!» (1: 101). Но как изменились они, когда почили на них «огненные языки»! И святой Пастырь сетует, что не все священники достойно осознают пребывание в них действующей благодати. «Пастыри стада Христова! – восклицает он. – Вы не возвещаете своим прихожанам строгости правил христианской жизни; вы мягко стелете им, чтобы заслужить их любовь, деньги и награды. Но горе вам… души развращаются, грешники погибают, а крови их от рук ваших взыщет Господь» (1: 572).

Возвещать слово Божие надо при всяком удобном случае – слушают нас или не слушают. «Мы делаем своё дело, если нас не слушают, на неслущающих – Судия Праведный, Который в деле Суда строго взыщет с них, а мы получим мзду по своему труду» (1: 89). «Пастыри словесного стада Христова скрывают правду Божию в сердце своём, милость и истину от сонма многа, если не проповедуют Слова Божия во всякое время» (1: 56). И святой Иоанн велит: «Сочиняй проповедь с удовольствием, не тяготясь проповедничеством; даже ищи случаев и не в очередь приготовлять и сказывать поучения, чтобы сказать тебе прихожанам всю волю Божию. И вот тебе опыт – сладость от труда» (2: 317-318).

О себе Кронштадтский Чудотворец свидетельствует: «Когда я занимаюсь проповедничеством, тогда я счастлив и у меня отрада на душе» (2: 272).

Кронштадтский Служитель Божий указывает и неисчерпаемый источник для проповедника. «Служебник, Требник и церковные книги после Священного Писания да будут у тебя главным источником и руководством при составлении катихизических бесед» (2: 33). «Церковные книги – богатейший рудник мыслей святых и возвышенных для проповедника. Но этот прекрасный рудник и малоизвестен, потому что его не понимают. Извлечь его из этой

неизвестности и выставить его в общепонятной форме, выразить языком живым и общепонятным» (2: 484).

Но какова бы ни была по своему содержанию проповедь, как бы она ни была построена – по всем правилам ораторства, останется кимвалом звучащим ***(1 Кор. 13, 1)***, если слову проповедника не соответствует его жизнь. «Тебе дано право учительства – и ты учишь других всенародно, во храме торжественно, жить в чистоте и святости, по-христиански. А сам делаешь то, чему учишь других? – вопрошает святой Иоанн. – Ведь ты учишь других для дела, то есть чтобы они исполняли на деле то, чему учишь; что же ты сам прежде в своей жизни не осуществляешь преподаваемых тобой правил жизни? "*Научая убо инаго, себе ли не учиши*"» ***(Рим. 2, 21)*** (1: 125). «Если ты не возвещаешь истины Божией своей жизнью, своими делами, не только устами, чем ты отличаешься от бездушной персти? Что за пользы от твоей жизни? Лучше снизойди в истление. Ты – бесполезный груз» (1: 51). Чтобы слово было действенно, сильно (2: 447), стремися «жить по заповедям до второго пришествия Господа Иисуса Христа» (1: 431), почитай волю Божию «выше всего» (2: 23), старайся «жить благочестиво: все благочестивые сильны в слове» (2: 227). В храме, дома, на улице – везде помни, думай, исполняй и говори себе: «На меня смотрит Царь Небесный, Пречистая Матерь Его, Воинство Небесное (и оно точно всегда тебя видит: от невещественных умов стены не закрывают нас) и все Святые, и старайся вести себя как можно святее, как можно осторожнее» (2: 106). Короче, служитель Алтаря обязан привлекать к Церкви своим словом и примером жизни, подвизаться так, «чтобы за ним, как за Христом, народ ходил» (2: 24).

«А мы, – скорбит добрый Пастырь, – пред лицом своих прихожан ходим больше по плоти: пьём и едим на их трапезах, позволяем себе все плотские удовольствия и, в довершение всего, как бы о том только и заботимся, чтобы обобрать волну (шерсть. – *К.С.*) со своих овец, не заботясь о их благополучии, о их вечном спасении» (1: 396).

Священный долг иерея *руководить* паствой. «Ты священник и имеешь право и долг руководить и управлять вверенных тебе

словесных овец во двор овчий, во двор Господень» (2: 20). Руководить должно и строго, и с любовью, иначе – со строгостью, растворённой глубочайшей любовью и отеческой заботой. «Братия! Мы не будем ныне стлать вам мягко, или, как говорит и Пророк, подкладывать вам возглавие под каждый локоть, чтобы вам после не пришлось жестоко и без конца мучиться, но выскажем жестокие слова о геенне, чтобы вам избежать её, пока есть время. Не будем льстить вам ныне и потворствовать вашим слабостям, чтобы вы в будущем веке не сказали нам: „Как же вы, пастыри, словом Божиим не уверили нас, что есть страшная геенна? Мы думали, что она не больше как угроза, или если и думали, верили, что она есть, то забывали, а вы не хотели по долгу своему напомнить нам о ней?“» (2: 450-451). «Мы дадим ответ Богу, почему не сказали прихожанам всей воли Божией. Потому должны при всяком случае открывать волю Божию касательно их» (2: 451)... Вождям духовным не подобает обращать внимания на мелочи, чтобы из-за них не пропустить важнейшее, чтобы, оцеживая комара, не поглотить верблюда ***(Мф. 23, 24)*** (1: 170).

Пастырь должен *любить каждую овцу* и заботиться о ней, при каждой встрече с пасомым проявлять к нему доброе внимание, говорить ему только теплое слово, не торопясь, не показывая ему свою мнимую или действительную занятость. Святой Иоанн заповедует: «При каждом посещении прихожан по требам или так, без треб, старайся учить их» (2: 405). «Помни как дороги для Господа Его овцы» (2: 20). «Пастыри стада Христова! Каждая овца этого стада стоит бесценной Крови Господа: смотрите, бойтесь соблазнить или иначе как-нибудь погубить её» (1: 312). Надобно иметь сострадание к ней (1: 87).

К каждому пасомому священник должен приближаться чистотой и силой святой, бескорыстной апостольской любви (1: 413). Христианская любовь даже к тому, кто не находит понимания у других, – характерна для доброго пастыря. «Без любви священник – не священник» (2: 376).

Особенно должно быть участливым при болезни пасомого. «Служи больным, как Самому Иисусу Христу, и ни в чём не отказывай им... Не торопись никогда... несмотря ни на кого и ни на что»

(2: 270). Будь ко всем послушен, «которым ты обязан совершенным послушанием Христа ради» (2: 193). Удостоенный быть пастырем – должен быть постоянно близок к пасомым – «есть и пить со всеми и не оскорблять своих пасомых отказом участвовать в их трапезе. С овцами по-овечьи и жить надобно, то есть не чуждайся приличий и обычаев, принятых между пасомыми. Нужно, по Апостолу, "*всем быть вся, да всяко некия спасем*" ***(Ср.: 1 Кор. 9, 22)***» (1: 344). «Не должны ли мы, – вопрошает отец Иоанн, – терпеть всё для своих пасомых, только бы они получили спасение?.. Да, мы должны быть искренни в отношении к своим пасомым и пользу их вечную иметь постоянно в виду» (1: 433).

И опять святой Иоанн с прискорбием свидетельствует о современных ему (вероятно, и о других) священнослужителях и увещевает их: «Нынешние пастыри-проповедники далеко не похожи на великого проповедника язычников (святого апостола Павла. – *К. С.*): никто почти (особенно из городских пастырей) во всём и во всех не навык; редко кто может сказать, что он призван довольствоваться тем, что имеет – может и скудость терпеть, и избыток умеет как держать… При малейшем недостатке мы ропщем на свои средства содержания. Учись же у Апостола привыкать ко всему. Он всё мог делать и сносить при укреплении силой Иисуса Христа, и ты проси себе той же силы у Господа» (1: 419).

Сказав своё благодатное слово к священнику, святой Иоанн с такой же заботливой любовью учит и паству. «Долг благодарности к наставникам нашим уже обязывает нас повиноваться им от души, предаваться в их волю. В самом деле, духовные наставники заслуживают полного себе доверия и повиновения от нас: они заботятся о вечном нашем спасении и отдадут за нас ответ Богу» (1: 451).

Иное отношение к «наёмникам» ***(Ин. 10, 1-16)***. «Люди, как говорит Псалмопевец, – рассуждает святой Иоанн, – суть овцы пажити Божией. Вот когда пришёл Господь и Владыка, овцы узнали Своего Господина, как обыкновенные овцы знают своего хозяина; и бессловесных овец не обманешь – идти за чужим человеком, как за своим хозяином; и они чуют, так сказать, своего благодетеля, знают

питающие их руки, ласкающий их взор, ухаживающие за ними ноги. Тем более, не обманешь следовать за наёмником, как за пастырем, словесных овец: их души понимают любящую душу Доброго Пастыря, равно как хитрую, алчную и своекорыстную душу наёмников; потому-то по Добром Пастыре "*овцы по нем идут, яко ведят глас Его*", то есть по голосу знают, что это – Он; "*по чуждем же не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа*"» ***(Ин. 10, 4-5)*** (1: 486). Бежит от словесных овец и сам наёмник. «Он не имеет искренней любви к разумным овцам. Он оставляет овец своих... на каждом шагу своим радением об их пользах духовных и телесных, своей молитвой, своим поучением и назиданием. Если молится о них, то молится больше механически, по известным, готовым молитвам; если учит, то больше тем, чтобы показать свою учёность. Если и назидает, то больше притворно, по долгу и по вопиющей необходимости... Наёмник большей частью «оставляет овцы и бегает» в самые критические для овец минуты: когда им угрожает опасность соблазниться, заблудить от пути истины или с пути доброй жизни и даже когда овца лежит на смертном одре. (Он и тогда скорее обращает своё внимание не на выздоровление пасомого, а на его смерть, потому что часть шерсти достанется в случае смерти и ему)... Бойся ты быть наёмником. Будь совершенно искренен к своим пасомым, и ни одна мысль лукавая да не гнездится в тебе, как ядовитая змея, опасная не столько для других, сколько для тебя; поставляй себя во всех случаях жизни пред испытующим сердца и утробы Богом. Старайся всегда иметь око ума светлым и не омрачай его тёмными страстями. (Знай, что выше: духовная польза пасомых или твоя – вещественная; спасение души или звонкий металл)» (2: 482-483). Служитель Христов! Да не стыдится тебя твоё звание! (2: 24).

Как бы обобщая свои советы священникам, святой Иоанн – Поборник Православной веры и Правило пастырям – указует: «Вот вам, священники, образец вашего служения пастве Господней. Не дорожите своей жизнью для спасения овец Христовых, но думайте только, как бы вам окончить своё служение с радостью, несмотря ни на какие неприятности, могущие встретиться в вашем служении.

Старайтесь сказать вашим пасомым всю волю Божию, чтобы они не отговаривались неведением. Будьте внимательны к себе и к своему стаду постоянно, во всякое время: ваше стадо куплено Кровью Господа. Если можно, если потребуют обстоятельства, не поленитесь день и ночь учить своих прихожан со слезами» (1: 161). «Сын знает, что у него и над ним есть отец, любит его и повинуется ему во всём; подданный знает царя и благоговеет пред ним и исполняет тщательно царские повинности. Священник ли, как чадо, как раб, как служитель, как тварь Господа Бога, забудет, что над ним есть Господь, и не будет постоянно обращаться к Нему с молитвой веры, надежды и любви? Он ли не будет на всяком месте благоговеть пред Ним, он, который всё делает о имени Его, великом и страшном?» (2: 95).

Обращаясь к кому-то, может быть – по смирению – и к себе, святой Иоанн размышляет и советует: «Вот ты уже довольно показал опытом, что всё твоё счастье заключается в Иисусе Христе. Смотри же, держись всячески Господа и не оскорбляй Его милости и величия. Люди все заботы и старания в жизни полагают в том, чтобы достигнуть счастья, а твоё счастье достигнуто: нужно только удержать его» (2: 429).

«Пастыри стада Христова! Пользуйтесь своим званием к вашему спасению и получению высоких достоинств в Царстве Сына Божия. Служите пасомым усердно, чистосердечно и по возможности бескорыстно: ваше служение на Небе ценится очень высоко» (1: 166).

XI. СОВЕТЫ ПРЕБЫВАЮЩИМ В РАЗНЫХ СОСТОЯНИЯХ

«...дал каждому свое дело»
(Мк. 13, 34)

Советы святого Иоанна Кронштадтского пребывающим в разных состояниях кратки, но глубоки по своему содержанию и потому выделяются в особый раздел.

Святой Пастырь даёт советы тем, кто намерен оставить мир с его суетой и последовать за Господом нашим Иисусом Христом; тем, кто занимается воспитательной и учебной работой; отдельно даёт советы женам…

«Кто хочет следовать за Спасителем, – учит Праведник, – должен предварительно рассчитать, имеет ли он достаточное в себе количество сил на совершение этого не совсем лёгкого пути: не будут ли его беспокоить привязанности к земным благам: к деньгам, к пище, к чести, к спокойствию, к светским удовольствиям, к родным, забота о их благосостоянии; то есть он должен устранить препятствия к последованию за Господом, должен прежде холодно обдумать, силен ли он с своими силами, которые, может быть, слабы и могут изменить ему – встретить напор силы, превосходнейшей, чем его силы, – и запастись большими силами; должен подумать, не обуяет ли его соль – эта энергия душевная, предотвращающая расслабление и сообщающая крепость его намерениям и делам. *"Добро есть соль: аще же соль обуяет, чим осолится? Ни в землю, ни в гной потребна есть: вон* (страшно) *иссыплют ю. Имеяй уши слышати, да слышит" (**Лк. 14, 34-35**)*. Слава Тебе, Господи, Просветителю наш!» (1: 388-389).

Мудрый совет даётся и тем, кто, хотя и остаётся в этом суетном мире, но стремится подготовить себя и других к Миру Иному – Миру Небесному. «Что же нужно при духовном воспитании у каждого из нас для Неба? – вопрошает Батюшка и отвечает: – Надобно:

1) Приучить ум обращать чаще к Небу, к Богу, к вечности, нам приготовленной и нас ожидающей. Так как для человека-мирянина это не совсем лёгкое дело, потому что чем привык ум заниматься, к тому всего легче и обращается, – то надобно для этого чаще ходить в церковь, беседовать с людьми или книгами духовного содержания, составленными людьми, опытными в духовной жизни. Читать чаще всего Священное Писание. И самим разуметь по временам, что всё земное слишком непостоянно и чрезвычайно скоро проходит, что душа наша вечна и о ней необходимо позаботиться. Людям кажется, что земная жизнь довольно долга и достаточно можно насладиться ею, хотя в то же время не могут

не заметить, что она течёт, как быстрая река, или вертится, как колесо, ни на минуту не останавливающееся, и потому любят удовольствия, спешат повеселиться, пока не ушло время. Но сколько тут заблуждения! Здешняя жизнь кажется довольно продолжительной от нашей ограниченности, от нашей слепоты, от близорукости; опытные люди говорят, что наша земная жизнь есть не больше, как пар, который лишь появляется, как и исчезает… И все люди, дожившие до преклонных лет, согласны в том, что вся прошедшая жизнь есть как бы прошедшее сновидение. Если же душа наша вечна, а все земное скоро проходит, нисколько не насыщая её, то нынешняя жизнь, конечно, дана не для наслаждений, удовольствий… Не отвергаем совершенно удовольствий невинных, но надобно полагать всему время.

2) Надобно стяжать сердце в духовном смысле чистое и нежное, смиренное, мягкое, которое легко чувствовало бы ядовитость каждого греха, которое болело бы от всего, что противно Святейшему Господу, и своей болью извлекало слёзы, очищающие скверны сердечные; надобно приучить его к искренней любви ко всем людям, и в частности к сострадательной любви к бедным и несчастным. Простота, искренность сердца любезны Богу. Апостолы избраны были не из премудрых и разумных людей века сего, потому что они лукавы, а из младенцев, то есть из людей, которые по своим понятиям, простоте и неиспорченности подобны младенцам. Земная мудрость иногда стыдится простоты евангельской, но это и есть та самая мудрость, которой должны научиться все люди, если они дорожат вечным счастьем. Все должны учиться из Евангелия и Апостольских Посланий святой простоте, искренности и любви…

Наконец,

3) Надо стяжать любовь к добродетели или к святой жизни. Много зла в мире, и он весь во зле лежит; поэтому людям, по природе злым и лукавым, по словам Спасителя, склонным ко греху, надобно заботиться избегать случаев ко греху и искать случаев сделать доброе дело» (2: 408-410).

Педагогам святой Учитель велит: «Не нужно гнаться за множеством при изучении какой-либо науки, особенно когда она преподаётся мальчикам, ещё не развитым и не охотно занимающимся своим делом: множество тут часто бывает причиной того, что мальчики не удерживают в голове ничего. Нужно как можно меньше, только яснее» (2: 432).

Предельно ясны и вечно высоки обращения Проповедника жизни во Христе к женам: «Жена должна украшать себя не одеждами драгоценными, не золотом, не блеском, но добрыми делами… Жена спасается чрез чадородие» (1: 429).

XII. К РАЗМЫШЛЕНИЮ О ЖИЗНИ В ЦЕРКВИ

> «Когда я соединяюсь с Иисусом, тогда легко и сладостно у меня на сердце, а когда прилепляюсь к вещам чувственным – тяжело и томно»
>
> *(2: 57)*

В Святой Православной Церкви – в её духовном водительстве, в её Богослужении, в Святых Таинствах и есть та спасительная сила, которая приводит к Господу нашему Иисусу Христу и соединяет с Ним. А в этом и состоит подлинный смысл нашего скоротечного земного пути!

Духовное водительство необходимо. «Люди рождаются от испорченного корня, – размышляет Кронштадтский Чудотворец, – являются в мир нравственный или в мир рода человеческого, также испорченный. По этому уже одному никто из людей, кто бы он ни был, не может хвалиться собой, поднимать высоко свою голову и рассуждать по своему об установлениях и действиях Церкви, клонящихся к исправлению и очищению испорченного человечества. Люди в этом отношении сами по себе часто бывают слепы и совершенно не знают, как должно быть поступлено с ними, чтобы ослабить их внутреннюю

порчу. Потому-то всякий должен беспрекословно подчиняться водительству Церкви, зная наверное, что чтобы она ни делала с нами – верно делает к нашему благу и спасению» (2: 350).

Особое – важное место в жизни Святой Церкви занимает Богослужение, её Святые Таинства.

В Богослужении Святая Православная Церковь представляет многочисленному взору верующего человека всю историю домостроительства нашего спасения. «Господь наш Иисус Христос со всеми Своими Божественными чудесами как будто живет во плоти в наше время: мы видим Его рождающимся, обрезывающимся, крещающимся, встречаем от Симеона в церкви и проч. Как благодетельны для христиан и многознаменательны праздники Господа и вообще все праздники! Господь есть общий Спаситель для всех народов всех времён и мест, но так как люди – существа скоропреходящие, сменяются новыми людьми, то чтобы всем уделить, так сказать, удовольствия – видеть внутренне Спасителя и наслаждаться Его Владычними странствиями на нашей Земле, Церковь как бы повторяет ежегодно Его Рождение, Обрезание и проч. Как это хорошо для веры, для её укрепления!» (2: 376).

Молитва каждого отдельного христианина в храме укрепляется молитвой других и сливается в единый мощный голос, который стремительно возносится к Небу. «Стоя на молитве, – учит святой Пастырь, – не думай, что ты один молишься: с тобой в одно время миллионы преклоняют колена пред Творцом» (2: 238). И разве Господь не услышит миллионы взывающих одновременно?! К тому же церковные молитвы «прошли столетия, прошли чрез миллионы уст. Как же они должны быть почтенны в глазах наших! С каким благоговением должны мы читать и слушать их! Кроме того, они стоят всего нашего почтения и потому ещё, что они составлены святыми, великими мужами, вдохновенными свыше» (2: 293). Потому-то святой Иоанн заповедует всеми мерами стараться «во время Богослужений и молиться, и действовать в совершенной тишине чувств» (2: 162), приходить в храм только «в чистой одежде» (2: 478), а чтеца молитв понуждать читать их внимательно, «громко, раздельно при

каждом Богослужении… устроить хор, хотя из трёх или четырёх голосистых человек, и показать им пример, как петь» (2: 425).

Неоценимое значение имеют Святые Таинства Церкви Христовой. «Для чего Таинства в Церкви, действию которых ты подвержен почти с самого первого дня своего рождения и до смерти? – ставит вопрос святой Пастырь и отвечает: – Для того, чтобы всю жизнь напоминать тебе, что ты – весь не свой, а Божий, что ты – раб Небесного Владыки, притом раб испорченный, нечистый, злой, которого, однако же, бесконечная благость Господа хочет исправить, очистить, освятить, сделать, по возможности, добрым, укрепить в добре и возвать к горнему блаженству. Иные спрашивают: "К чему Таинства?" Я спрошу таких: "К чему ты существуешь? Как ты существуешь?" И то таинство, как мы существуем по благости Божией, как Бог терпит наше существование. Мы ограниченные твари Творца Всесовершеннейшего, и как не быть для нас Таинствам! Как можно нам обойтись без Таинств? Если бы над нами не было Бога, а управлял бы нами подобный нам человек, тогда еще мог бы ты так говорить: "К чему Таинства", хотя и тогда даже были бы для тебя Тайны. Но коль скоро Господь владеет нами, то Тайны неизбежны» (2: 172-173).

Не понимая действенности Святых Таинств, не понимают и смысла своего пребывания в Церкви – не очищают себя от скверны греха и не стяжают благодати Божией. «Церковь есть рай Божий на Земле, – размышляет отец Иоанн. – Всем ли хорошо в этом раю? Из опыта известно, что не всем, потому что многие, приходя сюда с сердцами нечистыми, полными предметов житейской суеты, страстей всякого зла, не сокрушают их смиренной молитвой, не хотят воздохнуть или прослезиться о грехах. А без этого нечистота так в сердце и остаётся. Как же благодать Духа Святого войдёт в такие сердца? Как Духу Животворящему согреть, оживотворить такие сердца? Оттого люди с такими сердцами стоят в церкви с сердечной сухостью и холодностью, рассеянно, скучно: для них – так это и видно – не место церковь Божия; их место – какой-нибудь другой дом, с другими принадлежностями: святыня храма не их удел» (2: 158-159). Продолжая размышлять, Батюшка сопоставляет Церковь

с Небесным раем и приходит к весьма поучительному заключению: «Перенесём это к раю Небесному. Что, если человека с таким сердцем, с таким настроением пустить в рай? Без всякого сомнения, ему и там будет тяжело, потому что его сердце не сродно с этим небесным светом, не подготовлено на земле к наслаждению этими превышающими всякое описание радостями, которые может вкушать только очищенное сердце» (2: 159).

Образ отношения к храму Божию – лучшему месту выражения жизни в Святой Церкви – показала Божия Матерь. «Как Пресвятая Дева Мария введена была во храм воспитатися Господу, – учит Батюшка, – так и каждый из нас, братия, в недрах Церкви Православной должен сверх своего звания воспитываться для Неба, для Господа: воины, чиновники, купцы и земледельцы; или трудиться в изучении и приобретении нужного, кроме дел по службе, равно как и детей своих, кроме воспитания мирского, – воспитывать Господу» (2: 406-407).

«Боже! Славословимый во все века смертным родом нашим! – молится от нас и за нас Праведник. – Принимай и от нас, маловеров, недостойных возносить к Тебе грешные гласы свои, мольбы, славословия и укрепи нас в служении Тебе» (2: 293).

XIII. ЧТО ПОЛЕЗНО ПОМНИТЬ ВСЕМ

> «Ах, какая утешительная истина! Ужели правда, что я не умру вовеки и телесная смерть моя есть только минутный переход из временной в вечную жизнь? Да, правда несомненная: Сама Истина воплощённая говорит об этом»
>
> *(1: 489)*

Наша жизнь не заканчивается здесь на Земле. Смерть – не прекращение её, а переход в иное бытие. «Каждый человек будет иметь два бытия, две жизни: одну временную, а другую – вечную, бесконечную.

Вечная жизнь будет совершенно отлична от этой временной, планетной жизни, мы наследуем её после смерти, служащей концом земного нашего бытия, и потому-то она называется «пакибытием»... Та жизнь во всём будет отлична от настоящей: многие, бывшие здесь первыми, там будут последними. Здесь первенство зависит от заслуг царю и обществу, от происхождения, от блестящих природных дарований, от искательского характера, от хитрости, пронырства и других условий. Там этого не будет. Чьё нравственное совершенство выше других, тот и будет выше, тот и будет первенствовать» (1: 108-109). Начатки светлого бытия или Царства Небесного можно почувствовать ещё на Земле – это мир и радость о Святом Духе; также можно видеть и начатки тьмы или власть ада – скорби, тесноту, томление сердца. «Какое премудрое устроение Промысла, так неопровержимо, могущественно уверяющее нас, маловеров! – восклицает отец Иоанн. – Да, будет непременно червь неусыпающий и "*огонь неугасающий*" ***(Мк. 9, 44, 48)***» (2: 83)... Господь всех зовет в Своё Царство – чрез голос совести, чрез голос природы, чрез различные жизненные обстоятельства, но многие не слышат сего, а другие «даже досаждают проповедникам Евангелия» (1: 168-169), не хотят знать, что «на потребу» нужно одно – слушать слово Божие и исполнять его ***(Лк. 10, 38-42)***. «Все другие хлопоты, труды и заботы, имеющие предметом землю и средства к наслаждению её благами, – суета, пустяки: они погребутся вместе с нами в могилу, равно как и самые предметы, о которых мы хлопочем, оставят нас, отнимутся у нас» (1: 379). Вот это и надо, прежде всего, помнить. Ещё в Ветхом Завете Премудрый сын Сирахов возвестил: "*Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши*" ***(Сир. 7, 39)***. «И точно, – утверждает святой Иоанн Кронштадтский, – спасительно для человека, ежеминутно склонённого ко греху, поминать последняя своя» (2: 368). «Представь то время, когда душа твоя будет оставлять тело, а вместе с тем и чувство твоего бытия будет выходить из тела и, оставивши его бездушным прахом, будет ограничиваться одной душой и увидит совсем отличный мир? Страшные минуты!» (2: 450).

Жизнь наша – «пар мимолетный» (2: 446). Мы живём словно в гостинице. Пришёл, побыл немного, ушёл и не возвращается. «Приходил человек в мир; погостил в мире и отправился в вечность, откуда уже больше не воротится в гостиницу» (2: 71). Солнце жизни быстро склоняется к западу; светильник, погорев недолго, гаснет (2: 450). И святой Иоанн снова и снова напоминает: «Всё земное и на Земле останется: с воином и военачальником не пойдёт военное искусство за гроб, пишущие ныне руки должны будут поневоле оставить перо и бумагу; купец не возьмёт с собой ничего и не сойдёт с ним богатство его…» (2: 407). «Люди суетные! Приидите, посмотрите на… черепа и подумайте, что с вами будет» (2: 280). А так как мы имеем неземную душу, «то за неё-то, братия, и надобно больше всего держаться; её-то нужно всячески при помощи Божией направлять к Небу, образовывать её по-небесному… Чтобы Небо впоследствии времени приняло нас, необходимо здесь, на Земле, каждому положить в душу свою родное Небу начало» (2: 408).

Душа вечна, умирает только тело, но и оно воскреснет. «Смотрите, – учит Праведник, – Четвородневный Лазарь восходит по слову Спасителя из гроба: ведь это, братия, его собственная, Лазарева душа возвратилась из того места, куда отходят все человеческие души, и заняла опять свое место в теле; или в Евангелии во многих местах о воскресших по слову Спасителя или по молитве Апостолов говорится, что «возвратися» дух его или ея. Видите, братия, что мы непременно будем жить после смерти душой» (2: 264). Недоумение в воскресении тела святой Иоанн рассеивает напоминанием апостольских слов о посеянном семени, которое умирает, чтобы ожить и ожить с избытком. «Так точно и тебе Бог даст тело, цветущее бессмертием» (2: 303). Истина воскресения нашего тела тесно соединена с истиной воскресения Христа Спасителя. «Если Христос восстал из мёртвых, то и воскресение мёртвых несомненно. Почему же так воскресение Господа есть несомненный залог нашего воскресения из мёртвых? Потому что, восстав от мёртвых, Он стал начатком умерших или началом воскресения людей из мёртвых» (1: 138). Не верующим в будущую жизнь и говорящим, что с Того Света никто

не приходил, чтобы сказать о нём, святой Иоанн указует: «А Сын Божий разве не приходил оттуда, разве не уверил нас в действительности жизни загробной?» Он уверил нас в действительности другого Мира Своим словом и показал это «на самом деле» (2: 390).

Придёт Всеправедный Судья и наступит великий «день Страшного Суда Божия! Как много великого и поразительного будет в этот день. Ангелы Божии! Теперь мы вас не видим, а тогда вы будете мощными, светоносными деятелями на поприще Страшного Суда. Как страшен зрак ваш будет для грешников и как отраден и радостен для праведников. В какой славе живёте вы, сильные крепостью! Вот один из вас сходит на Землю – и свет от него осиявает Землю. Каков же Господь славы! Что, если Он сойдёт на Землю? О, тогда она побежит и не найдет себе места, если Бог не удержит её» (1: 213).

Суд будет справедливый – каждому воздастся по его делам, по его жизни. Ещё здесь, на Земле, мы испытываем за грех внешние душевные мучения, а за совершение добрых дел – радость. Нынешние состояния – предвестники, образ будущего. «А отчего бывают так сильны и ныне душевные мучения, что при них человек не находит себе места, терзается внутренне, наяву и во сне и объемлется весь страхом? Оттого, что Всеблагий Господь хочет силой мучений за грехи оставить в душе неизгладимую память о них и побудить нас чрез то всячески отвращаться греха и прилепляться к Нему, Единому. Для этой последней цели Он даёт нам вкушать мира и радости, когда мы от всего сердца обращаемся к Нему. Этот мир и эта радость бывают необыкновенно сладостны и самой сладостью оставляют надолго в душе память о них» (2: 181-182). На Великом Суде по Божию мановению отделится «пшеница от плевел» и будет первое взято в небесную Житницу, а последнее – сожжено вечным огнём. «Я, – говорит Батюшка, – хочу быть пшеницей» (1: 84). И более того: «Я должен быть непременно пшеницей, потому что на то я родился, на то и все рождаются. На что плевелы Домовладыке – Господу нашему? Они только в печь годны. Но если я – грешник, то я – плевелы. Дай Бог быть мне пшеницей!» (1: 94). «О, как я ужасаюсь, Господи, чтобы смерть не посеяла во мне плевел и я после смерти не подвергся

участи плевел! Потреби во мне, Господи, Творче мой, всё худое и негодное, очисти меня и претвори меня – нечистые плевелы – в благодатную для Тебя пшеницу» (1: 84).

Степени наград или наказаний будут разные. По вере и по опыту «я знаю то, – удостоверяет святой Пастырь, – что будут разные степени мучений на Суде по той мере, в какой кто был рабом греха. Будущий Страшный Суд будет не что иное, как раскрытие, обнаружение во всей силе того праведного суда Божия, который и здесь, на Земле, отчасти обнаруживается в совести и её мучениях, в смущении, в скорби и тесноте греха: и теперь мы всегда – на суде Божием» (2: 45-46).

Нынешнее небо и Земля пройдут и явятся новые – будет один Небесный Град, куда войдет только доброе. Скверны там не будет (1: 217-218). Не будет там и времён года. «Сколько тысяч лет всё были лето, весна, осень и зима, дни и ночи – и вдруг все это изменится» (1: 203). В том Новом Мире будет «скиния Божия с людьми; Бог будет жить с ними. И они будут Его людьми, и Сам Бог будет с ними, Бог их. Он отрёт всякую слезу от очей их и смерти уже не будет, равно как ни плача, ни вопля, ни болезни» (1: 217). Радость будет бесконечна. «Ах, человек, странник, стремись к этому вечному граду Бога Живого» (1: 219).

Придёт Господь внезапно и «озарит страшным светом Своим грешную землю. Сын Человеческий, ярче солнца сияющий, с знамением Своих страданий и с силой многой явится на поднебесной. Как страшен будет этот день для грешных людей, этого ныне и представить нельзя: внезапность его и величие так поразят людей, что все племена земные восплачутся от страха его» (1: 452). Если же Господь медлит со Своим пришествием, то в этом есть проявление величайшей благости Божией – медлит для того, чтобы больше народилось чад для Царства Небесного. «Какое благодеяние для меня Господа, – размышляет святой Иоанн, – что Он мне, недостойному, дал время появиться на свет до славного Его пришествия, после коего уже не будет рождающихся! А как я рассуждаю, так будет рассуждать и всякий, всякому хочется насладиться бесценным даром жизни» (2: 360).

Итак, и должно, и полезно помнить, что будет наше воскресение и Всеобщий Суд, а значит – надо готовиться к сему. «Братия, – взывает Праведник. – Сокрушайтесь о грехах и готовьтесь на Суд, на Суд Страшный, на Суд праведный, на Суд единственный, после которого будет или вечное блаженство, или нескончаемое мучение! Не удивляйтесь, что говорю так решительно: истина царственна, она имеет право так говорить… Когда предстоит явная погибель душам от беспечности и нерадения, тогда решительно и нужно действовать, тогда решительно и прямо высказывать истину… Так готовьтесь на Суд… Готовьтесь с сегодняшнего же дня… Довольно мы работали суете… Иные думают и даже говорят: "Какой Страшный Суд! Господь Милосерд: Он помилует; ведь мы грешим больше по немощи"… А не подумают о том, что только "*милостивии помиловани будут*" ***(Мф. 5, 7)***, "*что суд без милости не сотворшему милости*" ***(Иак. 2, 13)***. Где же у нас дела милости, когда очевидно, вы заботитесь только о себе?» (2: 159-160). Всю жизнь надо творить добро, а тем паче на её закате, ибо венчает дело конец (2: 184). Помните кончину, воскресение и Страшный Суд и этим подвигайте «своё сердце, хладеющее к… добродетели и к молитве» (2: 419). Но память о последнем своём дне может ослаблять сладость мирских удовольствий? «Да, она точно будет придавать этим необузданным удовольствиям некоторую горечь, и это прекрасно: в самых удовольствиях вы не забудетесь и не будете предаваться им без ума, как язычники, не знающие лучших удовольствий, не имеющие высоких обетований в будущей жизни. Братия! Поверьте нам, что мы желаем вам от всей души добра, и если бы не были вполне убеждены, что ваша настоящая жизнь приведёт вас к нехорошему концу, то не стали бы отклонять вас от ваших удовольствий» (2: 441). «Живи и помни себя, и готовь на исход дела свои» (2: 396). Чаще останавливайся на двух рубежах своего бытия: на рождении и на смерти, «чтобы тебе глубоко смиряться и благоговеть пред Виновником твоего бытия» (2: 441-442).

XIV. ПОМОЩЬ БОЖИЯ

«Человек совершенно зависит от Бога»
(2: 456)

Господь сотворил человека, а сотворив – не оставил его без Своего благоволения. «Бог дал тебе бытие, и что стоит Ему поддержать его на бесконечные веки веков? – вопрошает святой Кронштадтский Пастырь и отвечает: – Ничто не стоит. Дать бытие больше значит, чем поддержать его в бесконечном бытии, так как Сам Бог бесконечен. Да, ты будешь вечен. Смотри, как широко раскинут Его вещественный мир! Какое бесконечное множество в нём тварей, одушевлённых и неодушевленных, великих и малых, малых и ничтожных! Ну что стоит Ему поддержать твоё бытие на бесконечные веки веков? Когда Он держит в бытии бесконечное множество тварей? Ничего не стоит» (2: 152). Господь бережёт даже крохи хлеба ***(Ин. 6, 12)***. Если же Он бережёт бездушную вещь, то тем паче бережёт души человеческие (2: 260-261). Душелюбец Господь и бережет нас, и является источником самой нашей жизни. «Бог есть Источник жизни: если Он отвратит от нас лице Своё, мы возмятёмся и обратимся в персть свою; если обратит лице Своё, мы оживём и возвеселимся. Вообще, когда Бог с нами, нам хорошо и весело; а когда Его нет при нас, тогда скучно, и грустно, и тяжело. Но чтобы Бог был с нами, мы должны иметь чистое сердце и чистую совесть; развращённое сердце никогда не может чувствовать святой радости» (1: 531).

В мире нравственном Господь Промыслитель даёт направление к благим целям. Он есть наше Солнце Правды. Это название присуще Ему «во всей полноте значения», ибо Он для мира нравственного то же, что солнце для мира вещественного. «Посмотрите, что было на Земле в продолжение целых пяти тысяч лет – до пришествия на Землю Спасителя? Грубый мрак идолопоклонства, грехов и страстей, часто самых грубых, бессмысленных, растливших человеческую природу до последней степени. До пришествия Спасителя, Солнца нравственного, человечество было гнилой движущейся массой, которая

подвигалась, сама не зная куда, потому что не знала себе места и назначения в мире: один мрак в уме блуждает большей части людей. Но смотрите, что сделалось с пришествием Спасителя. Тысячелетние заблуждения идолопоклонства падают; свет Евангелия проникает в умы и сердца людей, и их жизнь принимает вдруг иное направление, к вере Христовой обращаются тысячи и не щадят своей жизни для того, чтобы принадлежать к последователям Распятого: так усладительно, животворно действовала на сердца людей вера Христова. Нравственные силы человечества, оживлённые животворящим, духовным Солнцем, стали развиваться, расти и давать прекрасные плоды: Мученики, Подвижники, Святители, Праведники, Бессребренники; процвели на Земле всякие добродетели» (2: 155-156).

Благодатная рука Божия простирается на каждого человека. «Господь Бог, – свидетельствует Батюшка, – во всё продолжение твоей жизни Сам давал направление ей, поставляя тебя в те, а не другие отношения, и Сам поставил тебя на это место. Его Отеческий Промысл заключается в том, что Он даёт направление катящемуся шару нашей жизни» (2: 394).

Образ воздействия на нас, определяющего направление нашей жизни, может быть различен. Иногда он выражается в том, что Бог посещает «людей такими болезнями, которые между людьми очень редки и необыкновенны и прямо указывают на перст Божий самой своей необычностью: например, когда человек целый десяток лет страдает без движения» (2: 437).

Подаются нам любвеобильным Богом блага «и благовременно, и безвременно… только бы мы просили» (1: 379). Почитающим Его и боящимся Его Бог «помогает идти по благому пути, который они избрали: Он просвещает их ум и совесть для того, чтобы они уразумели и усвоили себе законы Господни. Следствием Богобоязненности или исполнения заповедей Божиих для души нашей бывает внутренний мир и чистая, святая радость, так что душе человека Богобоязненного бывает очень хорошо, благо… Так как человек Богобоязненный есть верный слуга Творца мира и всех людей и споспешествует намерению Божию распространить верных, любящих

чад Божиих, наследников Царствия Небесного, то Господь умножает от него потомство на Земле, так что от множества иногда нельзя и сосчитать его: "*И семя его наследит Землю*"» (1: 50).

Для духовной жизни человека помощь Божия необходима. Человеческая природа настолько растлена, «что если Господь не обновит нас Своей благодатью, мы не можем исполнять Его заповеди. Поэтому благодать необходима для того, чтобы человек мог угодить Богу» (1: 568). Только с помощью благодати Божией можно преобразиться «в человека обновлённого, святого, при... собственных трудах самоуничижения, самопринуждения к добру» (2: 238), ибо там, где начинается самоуничижение – «наше ничтожество, там же начинается и Божие в нас величество» (2: 245).

При такой гармонии силы Божией и стараний человека решающее значение имеет помощь Божия. «Если Ты Сам, – беседует с Отцом Небесным святой Отец Земной, – не поможешь мне ходить твёрдой ногой в путях Твоих – в путях правды, любви и чистоты, я всегда буду хромать на обе стороны, я буду нетвёрд на пути благочестия» (1: 46). «Если ты отвратишь от меня лице Своё, я буду несчастнейшим человеком» (1: 51). «Я спасаюсь благодатью Божией» (1: 137). «Всем добрым... обязан Господу Богу», хотя и с участием своей свободы, но «под руководством Промысла» (2: 104). Сердце предаётся Богу, как металл огню, но делает сердце «из холодного, мрачного и нечистого тёплым, светлым и чистым» Огонь Благодати (2: 84). Сердце исполняется милостью – не щадит «достояния для вспомоществования», но «наши внешние блага» умножает Господь – «легко может умножить» (1: 394). «Замечаю иногда в себе, – свидетельствует Батюшка, – совершенное нравственное безумие, отсутствие в себе всякого добра и неспособность своими усилиями произвесть какое-нибудь добро. Вот здесь-то я вижу всю потребность в благодати Духа Святого, вот здесь-то я вижу, что без благодати Божией я – совершенное нравственное ничто и что все во мне доброе есть дар Духа Божия. Ах! Как тяжело чувствовать в себе нравственную пустоту, отсутствие добра и невозможность ввести его в душу своими силами! Какая тоска тогда на сердце, убийственная тоска!

О, «Утешителю, Душе истины! Прииди и вселися в ны» и с Собой посели в нас всякое добро! Утешай нас в скорби о грехе. Твое утешение необходимо для нас: без Твоего утешения мы истаяли бы от печали о грехах» (2: 193-194). «Соверши же Ты стопы мои во стезях Твоих, – молится святой Иоанн со Псалмопевцем, – да не подвижутся стопы моя» (1: 46). ...Размыслив так, святой Иоанн утверждает: «И теперь всякий верный Христу раб знает, что без Христа ему, как травке без солнца, решительно нельзя жить и возрастать духовно: без Него он на всякий день и час умирает и падает в духовную смерть всё глубже и глубже. А со Христом он чувствует в себе животворящую теплоту или благодать Животворящего Духа Божия, мир и спокойствие, чего не было в мире языческом – между изуверными язычниками, нет и в нынешних людях, ходящих без Христа, без сознания необходимости в Нём. Чтобы Солнце Правды было животворно в человеке, нужно чтобы оно взошло в его сердце верой и любовью человека» (2: 156).

Образно помощь Божию человеку святой Иоанн представляет путём сравнения светильника, – то воспламеняющегося, то угасающего от водянистой верви, – с человеческим сердцем. «Наше сердце – точно как сырое дерево, пропитано оно беззаконием, как водой; и не диво, что огнь благодатный не горит в наших сердцах постоянным и ярким пламенем и только по временам воспламеняется – опять скоро угасает» (2: 70). Когда нашу душу «облежат страсти, тогда не могут доходить до нас благотворные влияния благодати Божией» (2: 454).

Без помощи Божией, без действия благодати Божией человек жалок – «он может разом отважиться на все злодеяния!» (2: 415). И «не дай Бог, чтобы Господь оставил кого вконец: исчезает такой человек, как дым; как по милости Божией мы существуем, так из-за гнева Его мы можем сделаться как ничто, даже хуже» (2: 279-280).

Как же необходима для нас помощь Божия, «подкрепляющая и возращающая в нас добро. Душе благодати, не удаляйся от нас, но будь всегда с нами», – взывает Батюшка (2: 415). А ты, православный христианин, «стой твёрдо, призывая в помощь Господа Иисуса»

(2: 301). «Обратись к Богу, смирись пред Ним и старайся угождать Ему: Господь непременно будет Твоим Помощником... Помощь Божия выше и добродетельнее всякой помощи человеческой» (1: 36).

«Злато – благодать Божия» (1: 195).

«Как мне хорошо при мысли, что Господь Всемогущий и Всеблагий Сам пасёт меня на месте злачне, что Он наставляет меня на стези правды... О, Пастырю мой Предобрый, Сладчайший Иисусе! Паси меня Сам... Посли... мир Твой в сердце моё, как сочную траву овце, чтобы чрез лишение её я не обратился к горькому зелью страстей и пороков и не убил им души своей. Дай мне веселие в сердце моём и "мног мир", свойственный любящим Тя» (1: 48).

XV. ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ

> «Настави меня, Господи, на путь правый, и пойду во истине Твоей!»
>
> *(2: 57)*

«Да будет воля Твоя», – так учил нас Господь наш Иисус Христос молиться и так заповедал Он нам жить. «Твоё дело человек, – наставляет святой праведный Иоанн Кронштадтский, – совершенно покоряться Господу, своему Творцу» (1: 127), быть «как дитя, любящее своих родителей, которое право ли, не право ли пред ними, всегда отдаётся на их волю, зная, наверное, что с ним всегда будет поступлено отечески – с любовью» (2: 329).

Постигла болезнь – отдайся в руки Божии (2: 412). Случилось невольное падение во грех, поразившее твоё сердце скорбью, говори: «Господи! Да будет воля Твоя! Видно, нужно было, чтобы Ты оставил меня Своей благодатью и не внял молитве моей о помощи. Видно, Твоей Премудрости нужно было показать мне самому, чтобы знал я, как опасно состояние души моей и противно очам Твоим. Да будет же воля Твоя» (2: 57)...

Величайшее заблуждение думать, что всё в нашей жизни должно идти по нашим желаниям и вопреки им ничего не должно быть. «Разве ты – Бог? – вопрошает Батюшка и уже вопросом учит. – Где же верховная воля Бога духов и всякой плоти? Покоряйся высшей воле и всегда ожидай искушений в жизни. Не по твоей воле многое будет часто случаться» (2: 471).

Весьма гибельно противиться Богу, идти вопреки Его святой воле. «По воле Божией человек существует; воля же Божия, благая и совершенная, дала ему самые лучшие правила или законы жизни. Если он не исполняет их, то он идёт против цели своего существования, против собственного своего блага. Сам он, конечно, не может установить для себя лучших законов: омраченный грехом, он способен скорее вымышлять такие правила, которые могут вредить ему, расстраивать его внутреннее и внешнее благосостояние. Сколько у человека прихотей подрывающих его благосостояние!» (1: 127). Когда человек, вместо того чтобы стремиться подчинить себя воле Божией, угождает людям – служителем, чадом Христовым не станет. «Гордец! – обличает такого святой Иоанн. – Ты признаёшь себя мудрее Бога, когда ропщешь на Него, зачем Он поступает с тобой так, а не иначе, зачем Он не помогает тебе, когда ты Его просишь о помощи. О, слепец! Доколе ты будешь так слеп, что не покоришься Богу совершенно во всех обстоятельствах твоей жизни? Доколе будешь признавать себя правым, тогда как ты весь во грехах и беззакониях?» (2: 105).

«Господи! – молится святой Иоанн и учит нас так молиться. – Научи меня всецелой преданности в волю Твою – в счастии и несчастии, после греха, когда тяжёлое чувство мучает меня, и когда я не предаюсь греху» (2: 329).

XVI. ОБРАЗЫ СВЯТОСТИ

«Благочестивый человек, как древо плодовитое при потоке вод, а нечестивые – как прах, возметаемый ветром с земли»

(1: 44)

Господь Бог «благословляет дом или город ради одного человека благочестивого» (1: 189). И святой Иоанн Кронштадтский указывает образы благочестия: «Так из-за Иосифа Господь благословил дом Пентефрия, его господина: "Быть благословение, – говорится, – на всем имении его в дому и в селех его". Так ради Иакова Он благословил дом Лавана» (1: 189).

Великими образами святости служат святые и особенно Божия Матерь. В их духовном облике есть то, что у других едва просматривается или вовсе отсутствует: «...чистота, святость, смирение, величие души». Они напрочь отогнали от себя греховную низость с её жалким душевным состоянием (2: 224).

Святому Иоанну, пребывавшему в лёгком сне, Ангел Хранитель «мощно, светло, сладостно» указал на Святейший Образ – «пример Господа Спасителя, Который ради любви к нам, истины и правды всю жизнь подвизался, не зная покоя, пострадал и умер за нас», дал Батюшке «сильно и сладостно почувствовать, что Он и всем людям, подвизающимся на Земле ради истины и добра и взирающим на Него, вполне сочувствует и благословляет их, и готовит им венцы бессмертия» (явление и открытие Ангела было после раздумий святого Иоанна о преподобной Марии Египетской, которая сначала была великой грешницей, а потом стала праведницей, жизнь и обращение коей показана всем нам в пример, в научение – как милостив и долготерпелив Господь, с какой любовью Он принимает приходящих к Нему с разных путей) (2: 91).

Святость достигается многими трудами – целожизненным подвигом. Но иногда, по особому действию Всеблагого Господа, в Царство Небесное вселяются за последние чрезвычайные мгновения

жизненного пути, например, благоразумный разбойник, висевший на кресте одесную Спасителя. «Христианин! – обращается к нам святой Пастырь. – Благоразумный разбойник есть образ тебя, грешного человека: молись чаще его словами – и ты будешь так же помилован, если намеренно не будешь коснеть во грехе» (1: 363).

«Приближайся же к образам святости, – учит отец Иоанн, – чтобы и на тебя от обилия их духовного света пал луч и озарил мёртвый мрак души твоей» (2: 224). И молится: «Господи! Буди это и со мною» (2: 91).

XVII. МОНОЛОГИ

Глубоки и назидательны по своей духовной проникновенности монологи святого Иоанна Кронштадтского. Произносятся они пред действующим лицом и Добрым и злым, хотя и невидимым телесными очами, но чувствуемым любвеобильным сердцем говорящего. Потому-то они отличаются душевной теплотой, живостью, яркостью, убедительностью, молитвенностью…

Священнику: «…избавь себя от труда заботиться, как тебе совершить беспрепятственно, во славу Божию, ту или другую службу, а положись во всём на Бога; скажи Ему для умоления Его прийти на помощь к тебе Его собственные слова: "Вот ты Сам, Господи, сказал, что без Тебя мы "*не можем творити ничесоже*" ***(Ин. 15, 5)***; верою убо моею объем в сердце моём Тобою реченное, молю Тебя: буди со мною при отправлении мною служб Твоих и отгоняй от меня всегда возмутительного и злобного духа, творящего смущение духу моему и мрак свой адский расстилающего в уме моём и в сердце в то время, когда я совершаю святые твои службы, и тяжёлым сомнением налегающего на мою душу. Даруй мне и веру живую, и упование твёрдое на Тебя, Боже мой, да сими двумя твердынями возмогу обратить ни во что все козни хитрого врага моего. Вера и упование – от Тебя,

Твои дары и знаменуют рабов Твоих; а неверие или сомнение и отчаяние, или безнадёжность – от диавола и знаменуют слуг его или, по крайней мере, людей, неискусных отражать его прилоги и, значит, неискусных в вере и надежде на Бога"» (2: 234-235).

Ему же: «Если лукавый будет устрашать тебя продолжительностью молитв при какой-либо требе и отнимать у тебя надежду на ровное, спокойное прочтение их, скажи ему: "Отчего же я не страшусь продолжительности домашних, уединённых молитв и говорю их спокойно, ровно, неспешно? Отвечай мне на это. Чем ты меня смущаешь? Присутствием множества народа? Но если я делаю святое дело, зачем смущаться мне народа? Не безрассудно ли это? Или ты тут действуешь моим собственным, внутри меня скрываемым недугом, разумею, человекоугодием, побуждая меня ускорить молитвы ради ленивых людей, мало или вовсе не понимающих совершаемого мной святого дела, или пропустить кажущиеся тебе или им неблагоразумные для растленного слуха слова? О! Если так – я сам виной всего; сам ношу в себе, в своей душе, духовный кинжал, убивающий мою душу, сам гублю себя. Если так, то я безумный гордец и глупец, потому что истину Божию применяю к растленному чувству человеческому, меняю Бога на людей; стыдясь людей, не боюсь Бога! Да страдает же в таком случае сердце моё страданием адским и да научится чрез то всегда быть верным истине Божией пред лицом непостоянного, грешного света, рода прелюбодейного и грешного"» (2: 229-230).

Святой Иоанн говорит Богу и молится Ему: «Господи! Ты – свет ума моего, Ты – сладость сердца моего. О! Как мне хорошо с Тобой! Но как мне худо без Тебя, когда я выпущу Тебя из ума и сердца! Тогда темно в голове, смутно на сердце!» (2: 200).

Заключение

Как бы обобщая свои размышления и советы, святой Иоанн – «Божественных Таин благоговейный служитель» (из тропаря) – поучает:

«Правда наша должна быть выше правды книжников и фарисеев. Не гневаться напрасно; приносить Богу дары чистым, любящим сердцем. Не смотреть на женщин с вожделением, не только не иметь с ними связей… Затворять чувства от соблазнов. Не разводиться с жёнами. Ничем не клясться, а говорить только: ей, ей и ни, ни. Не отмщать за обиду, но всё терпеть и даже отдаваться в волю обидящих. Просящим не отказывать; любить и врагов; милостыни не подавать с тем, чтобы за это славили люди. Молиться без лицемерия, искренно, внутренне; избегать в молитве многословия. Читать больше: "Отче наш". Отпускать другим погрешности. Во время поста не лицемерить, не показывать себя сетующим. Не скрывать сокровищ, богатства на Земле, но скрывать на Небе, чрез подаяние милостыни. Хранить ум светлым – для благосостояния духовной нашей жизни (чтобы не претыкаться и не падать), как мы храним зрение для благосостояния тела. Не разделять души своей между Богом и мамоной, а всё предать Богу. (А как мы недостойно молимся!) Не заботиться о пище, питии, одежде… душа выше всего этого, а искать "*прежде Царствия Божия и правды его*": прочее будет непременно дано. Даже о завтрашнем дне не нужно заботиться. Не осуждать других; не проповедовать святое

Слово, не преподавать Святые Таины псам и свиньям, то есть живущим в неисцелённом нечестии, без надежды исправления, живущим невоздержанно. Просить о своих нуждах Бога, искать и толкать, то есть не отставать от Бога. Делать другим то, что себе хотим от других. Идти узким путём в Царство Небесное. Узнавать волю Отца Небесного, а не говорить только: "Господи! Господи!" А делающие беззакония, хотя бы они были пророки, хотя бы они выгоняли бесов и сделали много чудес, – пойдут в муку вечную. Все эти заповеди нужно исполнять, а не слушать только» (2: 296-297).

Если будем исполнять заповеди Божии, заботиться о своём спасении, стремиться к нему, получим его: Всеблагой Отец Небесный дарует его нам. «Смотрите, блудный сын приходит в себя и говорит: *"Пойду к отцу своему"*. И что же отец? Когда блудный сын был ещё вдали от него по своим нечистотам, по своим беззакониям – *"узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его и облобыза его"*. Какая нежнейшая, истинно родительская любовь! И это сущая правда, потому что в этом уверяет Единородный Сын Божий, Сын любви Отчей» ***(Лк. 15, 11-32)*** (1: 390).

Каждому человеку даются Богом способности, таланты, чтобы он не зарывал их в землю, а умножал «достояние Небесного Владыки» (1: 453). Хотя Марфа – сестра Марии и Лазаря Четвородневного, «хлопотала больше о житейских делах», но Господь любил и её, ибо она «хлопотала», она умножала данные ей таланты. «Вероятно, – заключает святой Пастырь, – и наших Марф Господь не отвергает» (1: 488).

«Души верные, души благородные! – взывает святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Храните с нынешнего дня сердце ваше самым тщательным образом для Него, Единого, и не давайте овладеть им ничему мирскому, тленному, никакой страсти. Докажите… что вы – истинные христиане» (2: 81-82).

«Братия! Вам непременно нужно образумиться, очистить свое сердце… и совершенно перемениться. Люди Божии, семя святое, стояние мира – ходите во свете лица Божия, в заповедях Его, наслаждайтесь миром небесным и радостью сердца, изливаемыми на вас Духом Святым» (2: 153).

ДЕЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА (по творению святого праведного Иоанна Кронштадтского «Путь к Богу»)

«Мне Господь даровал и доброе имя, и здравие, и славу и богатство, хотя я не скопляю, а расточаю его на дела благотворения. Кому из счастливцев мира и в чём я позавидую? Ибо, по милости Божией, я преимущественно пред всеми счастлив, и, между прочим – тем, что не коплю богатства, а делаю многим много добра…»

(131)

«Господи, Ты новотворишь меня всякий день не только по духу, но и по плоти, из которой изгоняешь всё болезненное и тленное, оставляя здоровое и живое и делая меня юным и нестареющим при моём семидесятипятилетнем возрасте…»

(192)

Святой праведный
Иоанн Кронштадтский

Введение: «Человек... должен достигать совершенства» (40)[1]

> «Безмерно драгоценна душа человеческая, как созданная... с неотъемлемым даром разума, свободы и бессмертия, долженствовавшая достигать свободного, твёрдого стремления к добру и Источнику всякого добра... Но она не соблюла в целости образа Божия...»
>
> *(15)*

Святой праведный Иоанн Кронштадтский – добрый пастырь великой Русской Православной Церкви XIX века и начала XX (1829-1908), «православныя веры поборниче, земли Российския печальниче... образе верным... и жизни во Христе проповедниче» (из тропаря) – явил своим самоотверженным служением путь к Богу. Каждое его пастырское слово, каждое отеческое движение обращены ко Господу и служат светлым огоньком, направляющим пасомых к Небу и согревающим в этом шествии.

Сам «Божественных Таин благоговейный Служитель» (из тропаря), не теряя ни единой минуты, непрестанно восходил по ступеням духовной лествицы, ведущей в Царство Божие, и возносил туда же за собою не только град Кронштадт, но и всю Россию, и более того... Наглядным свидетельством сему служат его творения, и среди них творение «Путь к Богу», представляющее собой ежедневные обиль-

---

[1] Здесь и дальше (как и выше) в скобках указывается страница (или страницы) изучаемого творения святого праведного Иоанна Кронштадтского: *Сергиев И И (Кронштадтский)* Путь к Богу. Бесплатное приложение к журналу «Православно-Русское Слово» за 1905 год СПб., 1905 С. 300 (Репринтное издание Изд-во Л.С Яковлевой, 1994 г.)

ные глубокими мыслями записи, объединённые общим названием, точно и выразительно подмечающим их суть.

Данное творение и служит сейчас предметом изучения и систематизации – создания цельной картины духовной жизни.

***

Много, много раз всходило над нами солнце и склонялось к западу, чудный лик бесчисленных звезд украшал небесную твердь, а земля одевалась в пышную зелень, покрывавшуюся различными цветами и плодами. Сколько раз видел наш глаз разнообразие красот тварей, наделённых Творцом удивительными свойствами! «Вдумываешься ли ты, – вопрошает каждого из нас святой праведный Иоанн Кронштадтский, – в этот дивный порядок мироздания, установленный творческой рукой и видимо, но безгласно научающий тебя порядку в твоей жизни и благодарению и славословию твоего Творца, призвавшего тебя к разумной деятельной жизни?» (5). Пользуешься ли ты дарами Божиими – разумом, свободой, совестью – к своему собственному истинному благу и ко славе Творца и Законодателя? (6). Всегда ли помнишь ты – для кого установлен этот порядок природы? Кому даровано изобилие плодов земных? Для кого создан свет, воздух, водные стихии, обилие животных, рыб, птиц?.. «Не для тебя ли, человек, царь тварей земных? Не ты ли пользуешься всем этим богатством природы?.. Не для тебя ли весь этот чудный строй природы?»... (6-7). Всё для тебя, человек: небо и земля, небесные светила и разнообразные древесные плоды, рай и животные... Для тебя сотворено множество чудес как в Ветхом Завете, так и Новом – и совершилось величайшее чудо: Сын Божий воплотился и вочеловечился, основал на земле Святую Церковь, имеющую быть вечно, дал спасительное Брашно – Свои Тело и Кровь (71).

Во всем тварном мире усматривается «строгая целесообразность, точность, верность, чистота, совершенство, и чрез то достигается бла-

гобытие и целость тварей» (8). В человека же качества эти вложены Творцом преимущественно, как разумного венца тварей и рачительного господина их (8). «Все дела Божии в мире носят печать неподражаемой мудрости, совершенства, красоты, особенно… человек, мужской пол и женский» (40).

Человеческая природа изначально столь прекрасна, что Спаситель мира не возгнушался принять её (кроме греха) в единство Своей Божественной Ипостаси и пребыть с ней неразлучно. Как же человеку подобает ценить эту величайшую милость Божию к нему! Как бороться с грехом и беречься его! Как подвизаться, какие прилагать усилия в совершении добродетелей! (56). «А что ты сам сделал и делаешь для своего спасения? – ставит один за другим вопросы святой Пастырь. Что ты приносишь своему Господу? Какую хвалу, какую благодарность, какую пользу? Ведь ты нередко скотом несмысленным делаешь сам себя, да и скот ручнее тебя, признательнее тебя, ибо вол знает своего хозяина и осёл ясли господина своего, а ты не хочешь знать своего Творца, Спасителя, Благодетеля, Питателя, Судию своего; чужим стал Ему, одичал, как дикий зверь» (71-72). И как много на земле неправды, жестокости, корыстолюбия, бесчувствия, «подыскивания под ближнего, чтобы его стереть, уничтожить», а самому занять его место! Сколько невоздержания, семейной измены, лукавства, пьянства и прочих пороков! (18). Останавливаешься ли ты, человек, в своём беге жизни, чтобы взглянуть на себя: не пленила ли тебя так называемая «красота», не разрушаешь ли ты изначально установленный Небом порядок?! (5).

Всякому талантливому художнику бывает весьма обидно, когда произведения его не ценятся, а тем более – пренебрегаются и даже обезображиваются. Спрашивается: «Каково же высочайшему, единственному, неподражаемому Художнику-Богу видеть своё лучшее создание – человека, обезображенным, искаженным, осквернённым, растленным по душе и по телу?! Какой гнев праведный заслуживают те люди, которые сами себя обезображивают» своими греховными делами?! (40).

Если для человека сотворен мир, его гармония, порядок и строй с их богатствами, то почему же ты, человек, нарушаешь установлен-

ные для твоего же блага заповеди Творца, «нарушаешь чин природы», допускаешь бесчинства, приносишь горе и стон? «На то ли ты сотворён? Ведь тебе дан разум, совесть, заповеди Творца, чтобы ты их добровольно исполнял и блаженствовал!.. Видишь ты эту чудную гармонию или согласие, порядок тварей, великих и малых, во всей вселенной, чудный строй всего творения, установленный законами Творца: и ты будь в гармонии, в согласии с вечными, премудрыми и праведными законами Всеблагого Творца, предначертанными для тебя прежде твоего сотворения и рода человеческого; будь в гармонии с своей совестью, с людьми – в том, что касается вечных законов Божиих» (7). Ты, созданный по образу Творца и призванный к уподоблению Ему, «предназначенный к вечному блаженству» (14), обязан – «должен достигать совершенства в разуме, в знании», в исполнении заповедей Божиих (40). За сие, за подчинение своей немощной воли – «бесконечно совершенной, премудрой и небесной воле Божией» получишь блаженство – «будешь блажен здесь и в вечности» (14, 7).

Но как мог человек, созданный для блага и имевший действенные средства к сохранению райской жизни, согрешить? Отвечая на этот вопрос, отец Иоанн говорит: «По невниманию, самолюбию и неблагодарности, пал в грех непослушания, гордости, своеволия, прельстившись запрещённым плодом» (14-15). Хотя человек был создан по образу Божию, но как сотворённое существо был ограничен и потому в начале своего бытия не был свободен от падения, как и Ангелы – часть их пала «чрез самомнение и преслушание. Но, оставшиеся верными Ангелы и успешно выдержавшие испытание своей верности и преданности Творцу, остались вечно верными и святыми, утвердившись непреклонно во святыне и любви» (60-61). Человеку также предстояло испытание – нужно было его выдержать и выдержать победоносно, тем более, что для искуса «дана была определённая и лёгкая заповедь» (61). Господь желал, чтобы человек своим послушанием и верностью Ему в небольшом «укрепился в добром произволении и достиг совершенства и твёрдости непоколебимой» – стал непреклонен ко греху. Но злая сила, в гордыни, восстала против Бога и сделала участником своей гордости и человека (16).

Само падение было возможно для человека потому, что он, как образ Божий, обладал свободой – этим величайшим даром Творца. «Если бы не допускать человека до падения, то его не надобно было создавать по образу… не давать ему свободной воли, которая есть неотъемлемая черта образа Божия, а подчинить закону необходимости, подобно бездушным тварям» – всем видам материи, стихий, бессловесных животных. Но в таком случае не было бы на земле «царя земных тварей, разумного песнословца Божия величия, Божией благости» и прочих его всесовершенных свойств; «тогда человек не мог бы ничем доказать своей верности и преданности Творцу, своей самоотверженной любви; тогда не было бы подвигов борьбы, заслуг и нетленных венцов за победу, не было бы блаженства вечного, которое есть награда за верность и преданность Богу, и вечное упокоение после трудов и подвигов земного странствования» (70). Допустил Господь падение людей, как и ангелов, чтобы чрез последующую «борьбу добра со злом более просияла, возросла, окрепла, очистилась всякая добродетель в людях», – да явятся самоотверженные Апостолы; да предстанут «верные Господу Мученики, Святители, Преподобные; да проявятся их Божественная мудрость, святость, правда, благость, преданность, непоколебимость и долготерпение их ради Бога, своего Первоживота; да достойны будут они светлейших венцов и величайшего блаженства за свои подвиги из любви к Богу; да явится безумие нечистых духов и лукавых человеков, их вольная слепота, злоба, нечистота и злое произволение и намеренная, своевольная неспособность их к Царствию Божию; да явится, наконец, во всём величии правда Божия, святость, милосердие, долготерпение и вся неправда, и злоба, и лукавство злых духов и злых человеков» (219).

Развивая ту же мысль, святой Пастырь ставит вопрос: «Для чего создал Бог Ангелов бесчисленное множество, когда предвидел, что третья часть их увлечена будет в нераскаянную, вечную, вредную многим человекам и им самим злобу?»… «Потому, – сам же он и отвечает, – что предвидел твёрдое стояние в правде и святости» прочих Ангелов, их утверждение в сем, а также «видел множество верных», имеющих произойти из человеческого рода и украсить

райские обители: Богоизбранную Пречистую Деву, святых Патриархов, благоверных Царей, честных Пророков, мужественных Апостолов, многострадальных Мучеников… «и ради этих верных рабов и друзей Своих создал мир чувственно-разумных тварей Своих, чтобы проявить в них свою благость, а на грешниках – своё долготерпение и праведный суд» (218-219).

Начало есть одно – Вечное, Всеблагое, Премудрое, Всеобъемлющее, Всемогущее… Оно привело нас в бытие и дало нам спасительные законы, «по коим мы должны жить и направлять свои помышления, желания, намерения, дела, всю свою жизнь». Но есть в мире злая разумная сила – неусыпающий противник, возмечтавший сравниться с Творцом и, как нераскаянный, сверженный вместе с возмущёнными им духами в преисподнюю. Ныне он, «по допущению Божию, воюет с родом человеческим», искушает его, искривляет его жизнь, склоняя к противлению Богу. «Но так как нам дана свобода и возможность уклоняться от зла и преуспевать во всякой добродетели чрез собственное старание и самопринуждение... то мы сами должны, с помощью благодати Божией, противиться всякому злу и преуспевать в любви, повиновении и преданности Богу и во всякой добродетели, бороться со всеми искушениями… В этом заключается цель нашей жизни» (222-224).

Злая сила стремится извратить нашу жизнь, «растлить, уничижить и сделать бесцельной, скверной, достойной не Творца Бога», а её самой (17-18). И при нашем безразличии, подчас холодности, достигла и достигает многого: извратила понятие о Боге у людей, научила их идолопоклонству, породила «многие ереси и расколы, разделив христиан на многие несогласные лагеря», да и среди самих православных произвела нестроения; извратила «понятие о назначении и цели жизни»; отвратила взоры многих от Неба и приковала их к временному, преходящему, тлетворному; научила низменному: скупости, корыстолюбию, лукавству, жестокости, недобрым мыслям и деяниям (19-20). Какими грехами ни растлила эта тёмная сила, ни обесчестила, ни осквернила человеческой природы – «святой, прекрасной, целесообразной, чистой,

неблазненной, достойной всякого удивления». И это растление «продолжает доселе» (23).

Цель вражьих козней – «осквернить человека, растлить душу и тело, охладить к Богу и ближнему или отчуждить от Бога и друг от друга, отвратить от любви святой и всякой добродетели, возмутить душу, связать её и взять в плен; восстановить против Бога и Церкви, уподобить себе и на веки вринуть в ад, на вечное мученье, уготованное ему и ангелам его». Свои глубоко-духовные суждения святой Иоанн заканчивает вопросом, в котором чувствуется и забота, и тревога: «Знают ли и помнят ли это христиане?» (26). И блажен тот, кто, познав козни врага, «всячески противится ему, борясь со всеми страстями и побеждая их благодатью Божией!» (23).

Чтобы выступить на поле брани и успешно бороться с бесплотными врагами надо уразуметь их – «мудрых на зло» – умыслы (26) и проявить усердие к заповедям Божиим «на всякий день и час», с усердием «творить волю Божию и достигать своего великого назначения – соединения с Богом чрез правду и святыню» (18).

Святой долг православного христианина «внимать непрестанно своим помыслам, чувствам или – обуздывать непрестанно свои суетные и грешные мысли, желания, намерения, обуздывать слух, осязание, вкус, зрение, обоняние, свои страсти, и употреблять все свои чувства во славу Божию и во благо себе» (20). Человек должен одолевать греховные влечения и устремляться к Богу (21). И это в его силах. Если он захочет быть тем, кем должен быть и кем быть указано ему изначально, то он и может быть, и бывает – великим, равноангельским, другом Божиим. В человеческом роде явились Авели, Енохи, Нои, Авраамы, Исааки, Иаковы, Моисеи, «говорившие с Богом лицом к лицу»; явился Иисус Навин, остановивший словом своей могучей веры «солнце и луну в их течении»; явились Божии пророки, исполненные Духом Святым: чудный Илия, «отворивший и затворивший небо молитвой своей и низведший огонь с неба на жертву праведную свою»; святой Предтеча Спасов Иоанн Креститель – больший из всех людей. «Не отрасль ли человеческая была Сама Матерь воплотившегося Бога Слова…

и Сам Сын Божий?.. Не из человеков ли произошли друзья воплотившегося Бога Слова, Его спутники, сотаинники, проповедники Его и сострадальцы, и сопрестольники – святые Апостолы? Не из человеков ли сонмы… святых, удививших своей равноангельской жизнью, терпением ради Христа?.. Видите ли, кем и чем может быть человек при своей вере, любви и усердии к Богу, при благодарном расположении сердца к Богу! Человек может быть богом по благодати, по обожению» (137-138). Он – и ничто, и бог (8).

Главное – уподобиться Богу. «Все мы должны стараться уподобиться Благому Богу, а не злому противнику Его и нашему» (23). «Весь духовный строй моей жизни, – говорит святой Кронштадтский Наставник о себе и о нас с большим внутренним убеждением, – доказывает, что во мне ежедневно и ежечасно действуют два противоположных начала – доброе и злое; злое действует прелестью, омрачением, безумием, насилием, понуждением и принуждением на злое, – быстро, порывисто, а доброе – действует истиной, правдой, – мирно, просветительно, созидательно, спасительно, утвердительно, жизненно. Итак, когда мы оставим здешнюю жизнь и перейдём в другой мир – духовный, мы встретимся лицом к лицу с этими двумя началами… С одной стороны, мы встретим мытарства злых духов, где мы будем истязаны строго во всех страстях плоти и духа; а с другой – святых Ангелов, свидетелей нашей земной жизни, твёрдо помнящих все наши помышления, желания, слёзы покаяния, слова, дела, и – Самого Праведного Судью, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и дадим ответ о всей нашей жизни, о всех грехах и опущениях наших, лености нашей, небрежности, спячке, если не покаялись и не сотворили дел благих» (224-225).

Богу было и есть угодно, чтобы наша земная жизнь была временем подвига, духовной войны – приготовлением к вечности, «а будущее бессмертное состояние наше – состоянием воздаяния: или славы и вечного блаженства, или состояния вечного бесчестия и страшного мучения за бездействие, леность, небрежение и бесчисленные грехи» (74).

В нашем бессмертии – всеобщем восстании и последующей вечности – осязательно уверяет нас Воскресение из мёртвых Христа Спасителя – «ежегодное, торжественное, всерадостное и еженедельное празднование» этого величайшего события в истории домостроительства нашего спасения (81).

I. ГРЕХ

> «Как грех смущает, тлит, палит, бодет душу, омрачает и осрамляет! И однако же люди часто повторяют те же грехи, рвутся к ним, стремятся к ним и услаждаются ими. А по совершении, учинении греха, как терзает совесть, если она не сожжена совсем! Какой стыд, какая скорбь! Какое оскудение жизни в душе!»
>
> *(237)*

Благие попечения Божии о человеке явлены в истории домостроительства нашего спасения, обильные свидетельства чему имеются в Священном Писании, во всех действиях и чудесах Божиих в человеческом роде. Но наряду с ними существуют и иные – злые намерения; они видны в действиях духа тьмы. А что же возлагается на человека? Что должно быть главным в его земной жизни? «Развязаться с грехом, порвать с ним всякую связь чрез покаяние и обучить себя всякой христианской добродетели долгим навыком жизни. Между тем, это дело у многих, многих христиан есть самое последнее дело, а у иных и совсем нет этого делания… Оттого и жизнь идёт наизнанку, по-язычески, жизнь по плоти и по мирским растленным и пустым обычаям, в разных играх и забавах» (237).

Грех есть нарушение Закона Божия. По слову святого Иоанна, он «есть беззаконие, мятеж против Бога, непокорение Ему, и от Бога разлучение; бессмыслие, безумие, нелепость, безобразие, мрак,

растление и расслабление души и тела, сласть обманчивая, смрад демонский, бешенство, непотребство, срамота, позор, смятение, буря вражеская, хлад, приводящий в оцепенение душу; волна дьявольская, насилие бесовское; узы, связывающие душу; плен вражий, омрачение демонское, мука душевная, смерть временная и вечная» (44-45). Грех – это «червь и тля», поядающие жизнь людей (162); это «застарелая болезнь, язва, нечистота», глубоко пустившие бесчисленные корни в человеческое существо (45-46). Это «старый глупец, смердящий, мёртвый и мертвящий всех и всё» (229). Как таковой он безобразен, нелеп, смертоносен (21), безумен, исполнен нечистоты и мерзости (163). Попросту, он – «чудовище, льстящее, увлекающее, богопротивное, позорящее и убивающее душу» (44). Его психология – моментальное поражение души человека духовным параличом, омрачение её, отъятие мира, радости, умного света, правоты и дерзновения, сильное понуждение ко злу (229). Словно «внезапное дуновение находит на нас грех или как сокрушающий ураган, и отвлекает нас от стояния в добре, в мире и пространстве сердца» (243).

Свойство греха – всё представлять в превратном виде – извращать «нравственный порядок, или установленные Богом и Всетворцом законы» (19). «Нашими грехами заражён воздух, – со скорбью свидетельствует святой Пастырь, – и земля воссмердела от наших беззаконий; а огонь с яростью и ревностью ожидает времени, когда ему дозволено будет поглотить противников Божией правды. У нас всё заражено грехами: и плоть, и кровь, глаза и уши, и язык, и обоняние, и вкус, и осязание; все мозги; ум, память, воображение, желания, воля, всё существо, так что мы не видим, не слышим, не вкушаем, не осязаем – без греха» (49-50). При малейшей поблажке нашей чувственности грех охватывает нас и возмущает «то гневом, раздражительностью, озлоблением на ближнего, особенно низкого и бедного, надоедающего попрошайством ежедневным; то блудными помыслами и похотями, и льстивым воспоминанием, и воображением сладости греха; то завистью в самых пустых и маловажных вещах, то лицеприятием», то иными греховными мыслями и деяниями (50). Страсть, не получившая должного отпора, глубоко пускает корни,

увеличивается в силе, пока, наконец, не охватывает всего человека: мысли, волю, желание, память, – и человек становится рабом прегордого духовного убийцы (102-103).

Происходят все грехи, неправды оттого, что над лучшим начинает господствовать худшее – над бессмертной душой – смертное тело, над нетленным – тленное… (271). Зарождаются они в мыслях. Враг низлагает людей недобрыми помыслами и пожеланиями. Один нечистый, плотской помысл «есть вражда на Бога» (111).

Греховные помыслы и вожделения быстры как молния, «или как внезапный сильный ветер, колеблющий душу, как тростник; или как бурный поток, потопляющий душу, как храмину, основанную на песке; или как грязная, вонючая волна, обдающая всю душу зловонием и смрадом» (92). И душа, как дух – существо простое «мгновенно склоняется» или к правде, или к неправде, или уподобляется Богу, или духу тьмы (92).

Каким образом грех берёт верх, чем пленяет он нас? Чрезмерной любовью к себе и гордым презрением к ближнему (46), воображаемой сладостью, честолюбием, гордостью, завистью, алчностью, страстью к обладанию, довольством, покоем. *"Имаши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися" (**Лк. 12, 19**)*, – говорит плотоугодник (48). Также захватывает грех постоянством, настойчивостью, «действуя наяву и во сне» (48), «своей прелестью, помрачением сердечных очей или ума нашего, своей быстротой, насилием» (226, 47). Берёт он нас «всеми нашими чувствами: зрением, слухом, устами, вкусом, чревом, осязанием и всеми душевными силами: умом, памятью, воображением, сердцем; всеми желаниями и похотениями, всеми страстями» (153-154). О чём это говорит? О том, что причину греха надо, прежде всего, видеть «в нас самих» (99).

***

«Блазнение» греха велико. Чем только ни блазнит нас велиар и как ни старается представить нам все чистые и прекрасные твари Божии в виде нелепом, нечистом, извращённом! «Даже солнцу ясному,

всерадостному, всеоживляющему, ругается; святых Божиих, сущих на Небеси, хулит, как говорится в Апокалипсисе, – и мысли человеческие извращает нередко до уродливости и безобразия»; всем ругается, подчас тем, «о нихже срамно есть глаголати». «Смотрите, – заключает святой Пастырь, – как грех извратил весь смысл нашей жизни, цель всех вещей на свете, средства обратив в цели, естественные побуждения и стремления – в цель! Каков же грех!» (20-21). Нет такой нелепости или гнусности, что ни стремился бы вложить злой дух в сердце и ум человека, чтобы его осквернить, смутить, «устрашить, поразить унынием или побудить сделать» нечто нелепое и даже убийственное. «Многие принуждены плакать от его хулений, назойливо лезущих в ум и в сердце» (22). Жизнь совершенных людей, и даже христиан, нередко возвращается к язычеству. «Удовлетворение всем плотским страстям сделалось как бы законом, потребностью; неверие, вольнодумство, пьянство, блуд, роскошь в устройстве домов и разных заведений увеселительных… богатые обеды, наряды в одежде, измена мужей и жён – всё это не лучше, как было в древнем языческом мире» (285-286). «О, блудное человечество, – восклицает святой Иоанн, – употребляющее вещество, красоту и совершенство творения Божия в повод к удовлетворению своих страстей, а не во славу Божию! Увы, близорукость человеческая, не видящая дальше своего носа ничего! Ибо что делается не сегодня, так завтра с этой красотой человеческого тела? Она делается смрадным, безобразным трупом и пищей червей, – землёй и прахом. А где душа, служившая прелести, осквернившаяся прелестью? Ничто ведь скверное и нечистое не внидет в Царствие Божие» (23). Конечно, трезвый христианин видит неприглядную картину, отворачивается от нее, «дует и плюет на духов лукавых, внушающих ему нелепости», и побеждает «их именем Господа нашего Иисуса Христа и силой его Креста» (22).

Блажен познавший козни врага и всячески противящийся ему, борющийся со всеми страстями и побеждающий их благодатью Божией! (23).

***

Все наши грехи, по слову Праведника, «происходят главным образом от *самолюбия* и гордости» (34). По самолюбию, невниманию и неблагодарности пали первые люди, «прельстившись запрещённым плодом» (15). Самолюбие – «враг и бичь любви к Богу и ближнему» (148). Это начало мёртвое и все вокруг себя мертвящее (283). А потому для жизни, для того, чтобы «начать и продолжать самовоспитание для Бога, надо, прежде всего, самоотвержение, нужно распятие плоти со страстьми и похотьми» (34); нужно презрение к мирским наслаждениям и обращение всего сердца горе, к красоте нетленной, к невечернему свету (15). «Так, – замечает святой Иоанн, – и делали все наши преподобные Отцы» (34). Необходимо постоянное смиренное внимание к себе, воздержание (48) – «быть непрестанно на страже своего сердца и своих помыслов», в подвиге самоосуждения, «в слезах, чтобы смывать ими постоянно накопляющиеся скверны греха» (48-49, 50). При нашем самоотвержении злой дух бессилен (46) – Господь, видя наш подвиг, поможет нам, защитит нас, помилует и спасёт (51).

«Бей нещадно своё самолюбие, – призывает святой Пастырь, – и прочие грехи… Бей… нещадно и до конца истребляй!» (98-99). «Да умрёт в нас самолюбие» и весь полк страстей, ополчающихся против нас! (245).

Оскверняет и безобразит душу *гордость* (11). Святой Иоанн с грозным наставлением обращается прямо к заражённому этой «прелестью» (45): «Ты – величавое и гордое существо, дмящееся своим умом и разными дарованиями или своей красотой и силой, искусствами, знаниями, предприятиями и важными делами, размысли, из чего состоит твоё тело бренное: из земли, воды, воздуха, огня и малого количества света, и из бесчисленного множества малых червей и инфузорий; в самом деле ты – червь, а по смерти ты делаешься весь в своём теле» их добычей. Вот твоя плоть, которую ты ныне ласкаешь и сверх меры бережёшь, удовлетворяешь её прихотям! «Перестань гордиться, смирись пред нетленным вечным Творцом, и не прельщайся видимым, но стремись умом и сердцем, и всем существом к нетленному,

невидимому, вечному, и благоговей пред Создавшим тебя в двойственном существе – духовном и вещественном, нетленном и тленном, и прилежи о душе бессмертной», а прихоти тела отсекай (43-44).

Не менее отвратительно *чревоугодие* и однородное с ним *сластолюбие*. «Чревоугодие и сластолюбие производят горькие плоды неприязни, гордости и презорства ко всем, которые не способствуют или противятся нашему сластолюбию, лишают его; от которых нет пользы, выгоды, или которые не привлекают к себе благообразием и красотой, ...или которые доставляют нам труд, а вознаграждения не дают; чревоугодник хотел бы всех и всё превратить в орудия, средства и цель своего сластолюбия» (37-38). «Проклятое невоздержание и чревоугодие! – восклицает Учитель жития во Христе. – Какое множество ошибок делаем мы в продолжении нашей жизни, предаваясь неумеренному аппетиту и наслаждению» (110). Излишества в пище и питии сопровождаются расслаблением и тела, и души, нравственным упадком, «охлаждением к Богу, к молитве, ко всякому доброму делу; упадком любви к ближнему; лишением кротости, смирения, сочувствия к людям, жестокосердием, грубым отношением к бедным, склонностью ко сну, к блуду и т.д.» (38). Человек крови и плоти думает только об угождении чреву, об увеселениях и, тесно связанных с ними, о наживе, прибыли, процентах, доходах; «только и живёт в земном, тленном, исчезающем, подобно дыму и праху» (161). Господство чрева – краеугольный камень во всех действиях чревоугодника. Чрево ему перечит во всём добром, благочестивом (38). Сам он, как правило, видит сие, и однако же, продолжает «пресыщаться лакомыми яствами» (108). «Не бессмыслица ли это? – вопрошает Батюшка и продолжает: – Много надо труда молитвенного, воздыханий, слёз, чтобы восстановить добрые отношения к Богу и ближним и сделать опять душу нежной, чувствительной к Богу и ближнему. Так падает душа от невоздержания. О, сколь необходимо воздержание на всякое время христианину! Сколь вредно невоздержание!» (108, 38). «Довольно играть тем, чем играть не должно и вредно, и пагубно» (108).

Беда человека в том, что он слишком угождает своей плоти, а вместе с этим начинает сращаться и с грехом, царствующим над ним через плоть, «как и вначале воцарился над людьми, именно прежде всего и больше всего чрез плоть, чрез вкушение запрещённого плода» (111). Чтобы заставить человека совершить грех, враг покрывает душу «адским огнём», а сердце влечёт сладостью и «берёт человека не борющегося в плен» (153). Потому-то христианин призывается распинать свою плоть "*со страстьми и похотьми*" (111), «держать желудок в умеренности и подчинять его уму и сердцу, чтобы они не были от него обременяемы и затуманиваемы. Надо тревожить желудок и сердце поклонами и крестным знамением, чтобы выгнать из них гордого змия, легко вползающего в пресыщенное чрево» (288).

Бессильной для борьбы со внутренними искушениями делает душу *пьянство* (390). Великий святой Печальник Российский глубоко скорбит и слёзно молится: «Боже мой, как нас губит враг через нашу жадность к вину! Пьяные часто лежат на дорогах, как брёвна. Где разумная душа, созданная по образу… Божию? Где вера во Христа? Где чаяние второго пришествия и Страшного Суда Христова? Где мудрствование о горнем? Где дух Христов, дух воздержания, чистоты и целомудрия, благости, кротости и смирения и чаяния Горнего Царства? Нет ничего. Жаль человечество! Господи, даруй мне совершенно возненавидеть жадность к пище и питию, столь много причиняющую душевный и телесный вред людям Твоим!» (161).

Развращение идёт не только от «чревного», но и от «чресленного» – от *сладострастия*. «Отчего, – ставит вопрос святой Пастырь, – крайне развратились и одичали, забыли Бога допотопные люди и жители городов Содома и Гоморры? От излишества в пище и питии. Отчего нынешние люди развращаются, нравственно дичают и отпадают от Бога и Церкви? От излишества в пище и питии, от чревного и чресленного бешенства» (38).

Ни на что не нападает так злая сила, ничего так не хулит, не сквернит, как детородные органы. Для этого изобрели скверные слова, «лёгкие» романы и всякие чтения, соблазнительные картины, статуи обнажённых, нескромные представления в театрах и «танцы

с декольтированной грудью», для этого нечистые помыслы и лукавые взгляды... (27-28). «О, святейший закон чадородия, – восклицает Божественных Таин Служитель, – проявляющий безмерную премудрость и благость Божию! Сколь ты досточтим и достоин благоговения, удивления, благодарения и строгого к себе отношения! А между тем враг, растливший вначале род человеческий чрез вкушение запрещённого плода, усиливается в самой юности, едва не с младенчества, растлить нас... и – сколько несчастных, вкусивших этого греха в самой ранней юности и страдавших чрез всю жизнь, погибает от него» (28). Как только начинается любовь плотская – кончается духовная, а её место занимает вражда на Бога, на людей, даже на родных. «Муж, полюбивший другую женщину, делается врагом и неприятелем своей семьи, да и преступницу любит только» по-животному (37). Страстный к плотским наслаждениям совершенно уходит от Бога, презирает бессмертную душу и её истинную цель – прославлять Творца в святости и правде; «исключает всякую правильную любовь – любовь к Богу и человечеству, особенно к человеку бедствующему – больному, скорбному, нуждающемуся в нашем сочувствии, в нашей любви, помощи» (37). Страстный человек чрезвычайно унижает себя и другого, делая его «целью сладострастия», как бездушную вещь, «и себя – тем же»; теряет «характер разумного существа», опускается до скотоподобия, одичалости, извращает «свою природу из словесной в бессловесную, из разумной в неразумную» (36); лишает себя «вечной, нетленной святой красоты и сладости Божией и общения со всеми Святыми в будущей жизни» (37).

Злая сила легко уловляет в свои широкие сети имеющего склонность к плотскому наслаждению. Одно мимолётное услаждение плотским – «и человек в плену у врага, и от Бога отпал, и врагом Богу стал» (107). Тёмный дух пускает в глаза женские прелести, женскую наготу. «Но, – ставит ряд решительных вопросов Проповедник жизни во Христе, – разве для блазнения Господь сотворил столь великолепное тело женщины? Разве она – не наша святыня, хвала и честь?.. Разве не должны мы благоговеть все пред делами рук Творца, – пречистыми делами пречистых рук? Имеем ли мы

уважение к себе, к своей личности? Не забываем ли мы, Чьих рук мы дело? Венец Чьего творения и Какого Творца?» (12-13). Все части человеческого тела, да и всего одушевлённого, насаждённого по воле Премудрого Художника, «благопотребны и святы, чисты, неблазненны, необходимы к бытию и благобытию людей и животных, а также к украшению и великолепию их. «Вся добра зело, что сотворил Господь» (130). Представим себе картину с обнажёнными телами. Страстный будет волноваться сладострастием, а духовно мудрствующий скажет: «Чего ты, глупый, волнуешься? Успокойся: славь Творца при виде этой чудной красоты, этой дивной пластики человеческого тела. Ведь тут проявились премудрость, благость, красота, величие Художника-Творца, Который создал такое тело свято, чисто, благопотребно, неблазненно, нетленно – не для блазненности, а для чистого, праведного, честного, святого употребления и для прославления Творца» (13-14). И похоть пройдёт, наступит мир, а с ним прославление Творца и Вседержителя (14).

Хранить свои чувства, беречь свой внутренний мир – значит не взирать с пристрастием на чужую красоту, на наряды, на соблазнительные изображения, статуи, картины, не читать восхваляющих свободную любовь книг, избегать соблазнительных и легкомысленных сообществ, не давать воли нечистым воображениям, «вообще беречься всякого повода ко греху, ибо в мире много соблазнов» (93-94). «Береги своё сердце, – увещает святой Иоанн, – особенно в том смысле, чтобы не допускать до него земных, страстных вожделений: ибо и одно мгновенное вожделение оскверняет душу и разлучает её от Бога. Старайся непрестанно о том, чтобы оно тяготело к Небу, а не к земле, к Богу, а не к велиару, чтобы оно желало нетления, любви и добродетели, кротости и смирения, простоты и незлобия, а не земного, хотя и блестящего или сладкого, тлена» (92-93).

«Святые Божии люди – святые мужи и жены, – возносит к Небу свою горячую молитву Великий верный Пастырь, – всех веков и всех народов, украсившие природу свою добродетельной жизнью и воссиявшие на земле и на Небе светлостью и святостью своего жития, – приидите, обличите современных легкомысленных, одичавших

по причине страстей мужчин и женщин, питающихся своими соблазнами и вожделениями и позорящих человеческую природу! Возвестите им грозный суд Божий за попрание и осквернение своих нерукотворённых храмов и предохраните ещё нерастленных человеков от угрожающего растления чрез современную вольную и бесстыдную печать!» (13).

Низкая душа – *завистливая*: она предаётся не воле Божией, не Его правде и святости, а земной суете. Положим, что кто-либо завидует постоянно умножающему своё состояние. Значит – он в богатстве, в деньгах полагает своё счастье – они его идол и бог. «Познай, – взывает предивный Чудотворец, – своё безумие и свою суетность и пожалей от души всех, предавшихся всем сердцем этому идолу». Они несчастны, рабы тления и далеки от истинного Живота. Подражай прилепившимся всем сердцем к Богу – они-то и есть истинные обладатели Неиждиваемого. «Будь же возвышенного духа и как орёл пари горе́, в высоту… и не низводи себя в прах и тление» (279-280).

Пагубно и *осуждение*. «При исправлении согрешающих кем-либо из старших, начальствующих или равных, – учит святой Пастырь, – нужно строго наблюдать за собой, чтобы это святое дело совершать свято, разумно, кротко, не с озлоблением и яростью; ибо этим можно только повредить делу. Надо помнить, что и мы, исправляющие других, не без греха, и мы подвержены различным страстям, внутри нас гнездящимся и восстающим при случаях и искушениях, и нам самим нужно исправлять себя неотложно» (282). «Ты суди себя самого, человек; ты отвечать будешь за себя», а другие за себя (282).

«Иной человек, – размышляет святой Пастырь, – болит и низлагается грехом *лицеприятия*» (285). Это бывает тогда, когда кто-либо услаждается красивым приятным лицом и брезгает некрасивыми, уродливыми. Святой Иоанн с большой пастырской заботой и одновременно с тревогой вопрошает: «Но не Бог ли создал всякое лицо? Премудрый Художник не всё ли создал в совершенной премудрости?.. Не одинакова ли душа у всех по образу Божию созданная? Не внутрь ли вся слава души человеческой, в её светлосияющем образе Божием? Как мы заблуждаемся блудные, лицеприятные, рабы плоти и крови, рабы призраков, теней, мыльных пузырей?» (285).

Подобным образом грешит человек, когда отворачивается от одетого в грубые одежды или от больного, а хорошо одетым увлекается. И святой Пастырь паки и паки задумывается: «Что это такое, как не обман себя, как не вопиющая неправда наша относительно ближнего, душа которого одинаково равночестна с нашей душой по образу Божию, начертанному в ней Творцом» (25). И ещё: видим бедного, голодного и почти нагого, безработного – и холодно проходим мимо него, хотя и имеем возможность оказать помощь. «Нормально ли, справедливо ли это? Если мы одно тело Христово, а порознь члены тела Христова, то как не сочувствуем друг другу, а жалеем материальных средств, которые – ничто в сравнении с самим человеком!» (25-26).

С лицеприятием граничит *лукавство* и *маловерие*. Страдающие этими пороками зло выделяются непостоянством и изменчивостью, что не только их духовно губит, но приносит немалый вред и тем, с кем они общаются. «Лукавство сердца человеческого, – рассуждает Печальник Российской земли, – вследствие природной испорченности и навыка ко греху, – громадно, особенно – маловерие и неверие Божественным и таинственным вещам. Так, например, величайшая тайна причащения Тела и Крови не подлежит сомнению, потому что слово Господне есть "ей" и "аминь", т.е. непреложно, верно, неизменно, всемощно; потому что человек, верующий и благочестно живущий, тысячи и миллион раз испытал сердцем и всем существом своим истину и животворность этой тайны, победу её над всеми страстями, очищение грехов, освящение, силу, мир, радость». И всё-таки иногда в момент причащения человек начинает оскудевать верой, особенно, если «накануне причащения» не удерживал чрева. «Ужасное лукавство! Ужасная порча сердца! Бедное человечество!» (165).

Ещё беднее духовно те люди, которые подпадают под полную власть мамоны – *богатства* и становятся людьми жестокими к бедным, холодными к другим, к Церкви Божией, к самому Господу. И чем сильнее у них пристрастие к «угобзившейся ниве» и обширным житницам ***(Лк. 12, 16-21)***, тем они духовно беднее. Это пристрастие – «болезнь и слепота сердца их; из-за него они лишают сами себя

Царствия Божия… Надо жалеть алчных богачей и плакать о них, как о несчастных, как о погибающих, как о заживо умерших для Царствия Божия; а не презирать их, не озлобляться на них. Надо беседовать с ними устно или письменно ради христианской любви» (140-141). Хотя бы сказать им так: «Мы, люди имущественные, поступаем очень строго, пристрастно и взыскательно с бедными, требуя от них непременно работы для снискания пропитания с их детьми. Но отчего мы не строги и не взыскательны к себе, позволяя себе пользоваться в великом избытке сокровищами земными: деньгами, богатством, дорогими одеждами и роскошными жилищами и всякими драгоценностями из золота, серебра и камней драгоценных. Не мёртвый ли всё это капитал, никому пользы не приносящий, но могущий принести великую пользу для бедных, если бы мы обратили это в деньги и раздали бедным. И не осудят ли нас в день суда эти бесполезно лежащие сокровища, которыми мы могли бы сделать многих бедных довольными и счастливыми. И себе бы могли стяжать чрез них от Господа великую благодать и милость и ныне, и в день Судный» (155). Какой дадим ответ нелицеприятному Судии и Владыке за то, что, пресыщаясь дома и на званных вечерях, нерадим о бедных, сиротах и отталкиваем их просьбы. «Боже, Боже мой! Как мы самолюбивы и жестокосерды! Царствие Божие со всеми благами в руках у нас. А мы не хотим его купить временными благами! Суд без милости не сотворшему милости! Истинно, истинно все Лазари получат Царствие Небесное, а жестокосердые пойдут в ад. "*Идите от Мене, проклятии, в огнь вечный, взалкахся бо и не дасте Ми ясти…*" ***(Мф. 25, 41-42)***» (167). Итак, подобает не завидовать богатому, а скорбеть о нём как духовно больном и молиться о нём: «Господи, раба Твоего (имя богатого) искуси скорбью и болезнью, да познает суету богатства своего несметного; покажи ему, что он земля и в землю отъидет» (141).

Неразрывная греховная связь соединяет «прелесть богатства» (140) *с пристрастием ко всему земному.*

Сердце человеческое под действием злой силы уязвляется любовью к миру, к его прелестям, к земному блеску, что, как правило, ведёт к ослаблению и даже попранию любви к Богу, Единому достойному

нашей любви (28-29). «Любовь мира сего есть… вражда против Бога, ибо эта любовь нечистая, прелюбодейная, страстная» (30). Страстная привязанность к земной жизни нарушает внутренний мир, свободу, «здравие души, которая естественно стремится к своему Первоначалу – Богу». Даже одно мгновение мирской привязанности к чему-либо пленяет душу и разлучает с Богом (30).

О своей приземлённости человек может узнать в постигающих его искушениях. Бывает, что он так крепко привязывается к какой-нибудь вещи – пустой вещи, – что, потеряв её, впадает в великую скорбь – не находит себе места, как будто бы с потерей её – потеряны и все блага будущего. С одолением сердца скорбью и теснотой человек лишается душевного мира, духа молитвы, сочувствия к ближним и даже уходит от Бога… «Вот как, – заключает святой Учитель, – ничтожная вещь бывает нередко причиной отпадения от Бога, от Евангелия, от любви к ближним. А сколько у человека бывает других пристрастий, причин, мешающих ему любить Бога и ближнего!» (166). Духовный враг уловляет нетвёрдого в вере через пристрастие «к земной славице», к скоро преходящей красоте, к роскоши… (155). Человек прельщается, ибо очень любит мир, плоть, сладко поесть, попить, изящно одеться, а о бессмертной душе нерадит, Богомыслием и духовным созерцанием не занимается (31). При всяких земных лишениях такой скорбит, подчас безмерно, а когда явно лишается за свои грехи благодати Божией – нередко не замечает сего, а еще хуже – «ни во что вменяет лишение её» (41). «Мы кратковременны, нам надо приготовиться здесь к вечности, а, между тем, мы так легкомысленны, беспечны, рассеянны, празднолюбивы, суетны, бездельны. Боже мой! О каком спасении мы не радеем?» (166-167). Иначе, как духовной слепотой и заблуждением падшего человека, эту нашу беспечность не назовёшь! Что для нас важнее: душа или тело, душевное или плотское лишение? Лишение вечности, света, милости Божией или лишение праха? «О буии и слепии человецы, по безумию и несмыслию своему теряющие единое на потребу, из-за безумного пристрастия к плоти и к миру! Образумьтесь когда-либо и бросьте пристрастие к миру;

ведь мир скоро оставит вас, если вы его не оставите. Прилепитесь ко Господу всем сердцем, и Он никогда вас не оставит» (41).

Великий мудрец Ветхого Завета, обычно именуемый «премудрым», Соломон испытал «все земные удовольствия», всю роскошь, блеск, и к чему пришёл, к какому выводу? «Всё на земле суета: юность, красота, богатство, величие и слава». Истинное благо – «в Богобоязненности и хранении заповедей Божиих» (30).

«Души, сотворённые по образу Божию, святому, прекрасному, нетленному, вечному, и падшие в скверну и безобразие греха, не прельщайтесь никакой земной красотой, никакими сокровищами земными, почестями земными, скоро исчезающими, прельщающими неразумных, неосторожных и недальновидных; не обращайте вожделений ваших сердечных к тленным лицам и вещам, но к единому, всевожделенному, прекрасному, всесвятому, всеправедному, всеблагому, нетленному Богу; не предпочтите никого и ничего любви Его, и наследуете и узрите красоту и славу вечную, блаженство нескончаемое» (100-101).

Страшный грех – *ненависть к ближнему* и потому злая сила изобретает бесчисленные предлоги для его появления и утверждения. Тут может быть предлогом и неблагообразие лица, и неправильность выговора языка, и тон голоса, и национальность, и нищета, прошение о помощи, и… – духовный «враг изобретает множество предлогов, которые все не могут служить действительной причиной к ненависти, а только мнимой, мечтательной. О, как нелеп и богопротивен грех, как возмутителен, гибелен! Избави мя, Господи, от всякия злобы бесовския и даруй мне любить нелицеприятно, богоугодно, нестрастно!» (25).

***

Грешный человек льнёт ко всему безнравственному: гневу, злобе, зависти, кичению, возношению над другими (93), сребролюбию, прелюбодейству… (226). А как часто по одному самолюбивому капризу «мы раздражаемся на низшую братию нашу, служащую нам и

в чём-либо ошибающуюся пред нами и не исполнившую наших желаний или прихотей!» (248).

Наша плоть заражается множеством страстей: пьянством, блудом, завистью, злобой, упрямством, своеволием, вольнодумством, «леностью, корыстью, самомнением, гордостью, подобострастием, малодушием, жестокосердием...» (34). «О, всеокаянная плоть, – восклицает святой Пастырь, – доколе ты будешь отторгать сердце моё от святой любви Божией и от нетленного вечного Царствия Божия, уязвляя сердце моё суетной, нечистой, нетленной и мятежной любовью мира сего и сластей телесных, гордостью и злобой!..» (150).

Порогов на пути деятельной жизни в Боге много, а значит, есть немало опасностей, угрожающих замедлить путь идущего за Богом и даже остановить. «Съем ли я что лишнее – дух грубеет и холодеет к Богу; просплю ли лишний час – тоже; минутное ли какое пристрастие плотское и земное возымею – тотчас отпадаю от Бога; светские ли книги и газеты увлечением почитаю – опять хладею к Богу и к Небу; и всюду и от всего мне опасности для духовной жизни. Так тонка и чувствительна ко всему душа моя, и столь удобно она может прилепляться к миру, и так скоро и удобно может хладеть к Богу и отпадает от единого на потребу» (95). Так поразмыслив, святой Иоанн взывает: «Бодрствуй и внимай себе, человек, на всякое время и храни всяким хранением сердце своё» (95).

Как бы обобщая всё до сего сказанное, святой Кронштадтский Учитель свидетельствует: «Падшая природа наша чаще всего расположена согрешать самолюбием, корыстолюбием, чревоугодием, нетерпением, раздражением, озлоблением, непокорностью, своенравием, гордостью, презрением, блудом, унынием, малодушием. Каждый внимай себе и непрестанно держи на узде свои помыслы, чувства, стремления и поверяй с Евангелием Господа Бога внутреннюю и внешнюю жизнь свою» (39).

***

С *грехом* обязательно надо вести *борьбу*, борьбу терпеливую, неослабную, постоянную…

Грех «в бесчисленных видах земных похотей и страстей» непрестанно усиливается стать и стоять между Богом и человеком (47). Растление грехом нашей природы «велико и глубоко» (30).

Все люди сильно влекутся ко греху во всех его видах и испытывают его последствия – «смятение, сокрушение, скорбь и тесноту, и всякие бедствия, с конечной смертью» (52). Грех как будто торопится «привести себя в действие во всяком человеке, особенно христиански непросвещённом – стремится привести себя в дело во всяких греховных видах и страстях» (48).

А чего же мы ждём? Почему мы «вместо склонности ко всякой добродетели, удобопреклонны ко всякому греху, ко всякой страсти?» По нашему нерадению, невниманию к себе, по внутреннему состоянию, по маловерию (89). Господь хочет царствовать в нас, – как наш Творец, Владыка, праведный Судья, справедливый Мздовоздаятель, – «правдой, святыней, благостью, миром, свободой, блаженством», а злая сила «ревнивейшим образом также хочет в нас царствовать – всякой неправдой… Враг воюет с нами непрестанно, быстро, влагая в нас тройственную похоть – похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую» (89). Вывод один: нужна духовная борьба. Борьба с грехом – это «борьба за жизнь», ибо во грехе нет жизни, есть лишь непрестанное умирание и сама смерть (104-105). Потому борьба с грехом, понуждение к покаянию и исправлению обязательны для всех. Христианин должен «побороть и одолеть силой Христовой всякую прелесть врага» (242). Его долг обращаться с плотью и как с помощником, другом, и как с вероломным, лютым врагом (242). Всякое наше пристрастие «к чему-либо земному есть измена Богу, Которого мы должны любить всем сердцем и всей душой, и всей силой каждую минуту» (243). Не умели сохранить чистоты первозданного существа, так по падении обязаны «достигать правды и святости сильной непрестанной борьбой с грехом и укрепляться этой борьбой

в стоянии за веру и добродетель, и чем сильнее борьба со злом, тем светлее делается душа борющегося и горчее любовь к Богу и правде Его» (243). Всякий грех теснит душу, смущает, язвит (101). Врагу дана возможность искушать нас, чтобы мы бодрствовали, выступали против него, напрягали силы в стоянии за правду; чтобы явили «усердие, благородство и возвышенность духа, и преданность Богу в этой святой борьбе… и чтобы чрез борьбу укреплялись во всякой добродетели, ибо борьба укрепляет силы души в вере и любви к Богу» (238-239).

Действенным средством в борьбе с грехом служит, прежде всего, «непрестанное к себе внимание, к своим помыслам, чувствам, вожделениям» (101), стояние на страже своих помыслов, своего сердца (89). Все наши грехи – явные и неявные – видит Господь, Божия Матерь, наши хранители святые Ангелы, святые Угодники, – и уже потому подобает ходить осторожно, в Божием страхе, творя добро. «Будьте, – учит святой Пастырь, – подобны купцам, усчитывающим свою прибыль и заботящимся ревниво о прибыли в торговле и умножении своего имения. Заботьтесь о духовной прибыли добродетелей» (89-90).

Также действенными средствами служат молитва ко Господу, соединённая с покаянием (101), с желанием быть только с Ним Единым (90), и познание прелести, «гибельности греха, ненависть к нему, сознание нелепости и безумия его» (101). Если же бесплотный враг представляет в привлекательном виде скоропреходящую сладость греха, должно победить её сладостью «нетленной, мирной, вечной, превосходнейшей… влечением к красоте небесной, нетленной, непреходящей» (48). «Вспомни, – учит святой Пастырь, – что в Боге – сладость вечная, несказанная, красота первоначальная, неописанная, и, сколько угодно, пленяйся ей, восхищайся, насыщайся: она чиста, нетленна, всеблаженна» (112).

Важно отсечь, удалить поводы ко греху, что почти равнозначно убийству его, уже гнездящемуся в сердце (246). «Весьма большое значение, – утверждает святой Иоанн, – имеет удаление всяких поводов и повадок к какому-либо греху… Надо во всём стеснять своего ветхого человека, порывающегося постоянно на всякие грехи,

чрез зрение, слух, вкус, осязание, обоняние, воспоминание и воображение» (250).

Примером победоносной борьбы с грехом служат Святые. «Как они боролись с грехом? – вопрошает святой Иоанн и отвечает: – Молитвой, постом, Богомыслием, долулежанием, трудом телесным» (241), бдением, добродетелями – «всеми силами» (247), «побеждали благодатью и державой Христовой» (241).

Итак, наша плоть подвержена греху – распинай её «со страстями и похотями: если тянет к невоздержанию – постись; сердится – укроти её, снисходи к немощам других и люби; завидовать хочет – добродетельствуй; не хочет повиноваться – слушайся, и т.д.» (241-242). Борись неусыпно – «день и ночь» (54).

Победит душа грех – и последует внутреннее удовлетворение, мир, спокойствие совести, свобода в душе и теле, душевная крепость и сила, свет духовный, здравие тела. «За грехом же, напротив, всегда следуют: недовольство собой, смятение, скорбь и теснота души и тела, помрачение души, духовная неволя и плен; укоры совести, огонь палящий, оскудение крепости и силы духовной, возрастание и усиление в духе всякого зла и всякой болезни» (105, 102).

***

Для полной победы над грехом нужно содействие борющемуся благодати Божией.

Подобает учиться искусству воевать с грехом, «но, – заявляет святой Иоанн, – наперёд говорю: никто не надейся на свою силу или разум, искусство или мужество, чтобы победить этого врага: нет, он сильнее всех нас. На силу Божию будем надеяться, на силу Христа Спасителя нашего, победившего за нас врага нашего, диавола, и даровавшего нам имя Своё, крест Свой, благодать и силу Свою, для победы над врагом» (104). Тля греха глубоко проникла в нашу душу, и потому человек имеет нужду «в величайшей помощи Божией, сверхъестественной» (103). Безусловно, сила греха велика и

губительна, но помощь Божия, помощь спасительная, неизмеримо больше. «Силен враг губитель, но сильнее его Спаситель; заразительна, люта болезнь греха, но сильнейшее дано и врачевство против него – вера во Христа, Его заслуги, Его милосердие, покаяние, самое пречистое Тело и самая пречистая Кровь Господа. Всё дано нам для спасения от греха и для преуспеяния в вере и добродетели. Только маловерие наше, нерадение и леность служат препятствием ко спасению, да пристрастие к своей многострастной, преходящей и растлевающейся плоти, да к «миру, который тоже преходит с похотью своей» ***(1 Ин. 2, 17)***» (105). «Отчего люди действуют во вред, в ущерб и временной и вечной жизни? – заостряет вопрос Батюшка и снова отвечает: – От маловерия и неверия… от нежелания борьбы, усилий бороться с своими порочными наклонностями, привычками и страстями» (103). Между тем земная жизнь наша есть война и война непрестанная, ибо нас «борют» и плоть наша с её страстями, и мир с его соблазнами, и невидимый враг с его коварством. «Но мы должны всегда верить и помнить, что с нами Бог, невидимый Помощник и Соратник против всякого греха, Всемогущий наш Защитник и Победитель врагов наших, – с нами Владычица Богородица, Взбранная Воевода наша; с нами Ангелы Хранители; с нами все Угодники Божии, молитвами своими ходатайствующие за нас у Господа и житием своим поучающие нас непрестанно всячески противиться греху, молиться, внимать себе и бодрствовать непрестанно и побеждать грех благодатью Христовой» (106-107). Искренно и мужественно борющийся со грехом видит ясно своими «сердечными очами Поборающего по нём Господа и награждающего за борьбу миром, свободой и дерзновением» (104).

***

Грех прилипчив, страсти стремительны к растлению, потому «потребно бодрствование во всякое время» и напряжение душевных сил к противодействию – не давать оснований к усилению зла (148, 248). За душой надо следить, как за малым ребёнком, «как бы он чего не

напроказил, не набедокурил, не повредил себе и Бога не прогневал, потому что она все-таки ребёнок, хотя и давно уже живёт жизнью зрелого человека, немало жившего и испытавшего всяческие человеческие приключения» (249).

Мужи и жены, начинающие жизнь и завершающие её! «Ещё ли прогневлять нам грехами Сына Божия, взявшего на Себя грехи наши?» (163). Очистить себя и привлечь в себя Триединого Бога, исполниться «Этим Всеблаженным Богатством» можно всегда! (163).

II. ДОБРОДЕТЕЛЬ

> «Вот что нужно человеку: бояться Бога, хранить Его заповеди, ибо в этом для человека всё – в этом его жизнь, покой, довольство, сила, свет, всё благо, всё счастье»
>
> *(102)*

Долг православного христианина – быть на страже: немедленно отразить «приражение» греха и «развить в себе чувство умиления и радости о Боге и о всякой добродетели, о всём добром, истинном и прекрасном» (248-249), да восстанет в нём и воцарится «всё доблестное ополчение добродетелей, благодатью Божией и собственным старанием и усилием» (245). Добродетель сама по себе есть радость, а потому есть и награда, не сравнимая ни с какими вещественными наградами или знаками отличия (135). Но должно помнить – как радость может быть вблизи от печали, так и добродетель – от порока. Один неосторожный, невнимательный шаг – «и вот грех, и иногда какой тяжкий! Иногда гнев мгновенно вспыхивает и потрясает всё существо души; или – неосторожное воззрение на соблазнительную картину, и душа пленяется в плен сладострастия; или – воззрение с пожеланием какой-либо дорогой и блестящей или прекрасной вещи, и душа объемлется любовещностью и завистью» (228-229).

Наш дух требует служения Богу и людям в истине и правде – и нужно творить добродетели, «служить бескорыстно больным,

сообщать их с Богом чрез причащение Святых Таин или чрез молитву за них Богу. Надо одухотворяться и меньше угождать плоти, меньше есть, пить, не скупиться расточать имение на дела благотворения, богатеть в Бога, а не себе собирать ***(Лк. 12, 21)***» (33-34). Всеми силами надо оторваться от греха и устремиться к добру, сколь бы ни приятным казался грех (он таким лишь кажется), «ибо всякий грех окружён прелестью, по действию врагов бесплотных, хитрых, лукавнейших. Требуется борьба с этой прелестью и глубокое понимание её и презрение к ней. «Многие, – сетует святой Пастырь, – увлекаются этой прелестью до конца жизни» (146). У православного христианина всё должно быть иное, чем у многих других – «в духе, в теле и в жизни: иные помыслы – духовные, святые; иные вожделения – небесные, духовные; иная воля – правая, святая, кроткая, благая; иное воображение – чистое, святое; иная память, иной взор – чистый, простой, святой, нелукавый; иное слово – целомудренное, чистое, степенное, кроткое; словом – христианин должен быть иной человек, небесный, новый, святой, божественно живущий, мыслящий, чувствующий, говорящий и действующий Духом Божиим. Таковые были святые угодники. Читайте их жития, слушайте, поучайтесь, подражайте» (68).

***

Характерным в духовной – деятельной жизни православного христианина является вера, надежда и любовь. Вера искренняя, твёрдая, несомненная, вера всем словам нашего Господа и Спасителя, слагание их в нашем сердце и следование по Его стопам; надежда на Него, на воскресение мёртвых, будущий всеобщий Суд и вечную жизнь, «ожидание исполнения всех обетов верного и неложного в Своих словах Господа»; любовь к Богу и ближнему, любовь самоотверженная, «горячая, святая, нелицемерная, деятельная, николиже отпадающая» (176).

Красоту души составляет, прежде всего, «искренняя и истинная *вера*» (11). Наша православная христианская вера есть основание и

задаток будущих благ, уготованных возлюбившим Бога; «уверенность в невидимом, как бы в видимом» (174). Правая вера заключает в себе «превосходные качества, способные привлечь своего последователя или исполнителя к неотпадающей любви» и доставить человеку «мир с Богом, свет сердечным очам, ревность по Боге, твёрдое чаяние вечной жизни и воздаяния, силу и крепость души, всегдашнюю радость при всех скорбях, болезнях и переменах жизни. Святые, – замечает Батюшка, – при всех лишениях, мучениях, поношениях ради Христа, радовались истинной радостью» (175). Только вера должна быть «чистая, без примеси ложных мудрований человеческих. Такая вера и принесена нам с неба Самим Сыном Божиим, Который есть Сама воплощённая Истина и Который предал её Апостолам в Духе Святом; а они предали Церкви, которая есть "*столп и утверждение истины*" ***(1 Тим. 3, 15)***. Неправота веры влечет за собой неправоту помышлений, чувств и деяний» (179). Огонь чистой веры и ревности по ней имели христианские Исповедники и Мученики, Святители, Преподобные, как Вселенские, так и наши русские: Георгий Победоносец и Пантелеимон, Екатерина и Варвара, Иоанн Златоуст и Василий Великий, Антоний и Феодосий Киево-Печерские, Сергий Радонежский и многие другие. «Необходим и для нас этот огонь Божественный, – учит святой Пастырь, – огонь ревности» (117). Взирай непрестанно своими «сердечными очами ко Господу и не отвлекай их от Него ни на мгновение, чтобы не прокрался в сердце грех и не уязвил тебя пагубным жалом своим» (91). Молитвенно взирай ко Господу в славословии, благодарении и покаянии, «и не смотри пристрастно ни на что житейское, как тленное и преходящее, ни к чему не прилепляйся сердцем» (96). Злой дух стремится взять с нас «оброк» многообразного греха в виде страстей и сделать нас своими пленниками, а Спаситель наш чрез покаяние освобождает нас «от этого смертоносного оброка» и делает нас причастниками «правды и святыни своей, мира, свободы и радости в духе Святом. Слава вере Христовой» (236). Заглядывай же внимательнее и глубже во внутренний мир и не увлекайся внешним, преходящим. «В том внутреннем мире предстоит тебе много, много дела и усилий…

Припомни неплодную смоковницу; припомни виноград и виноградаря; припомни раба, должного господину своему тьму талантов» (91).

Красоту души составляет и *любовь к Богу и ближнему* – «совершенная и самоотверженная» (11). «Жизнь христианина – борьба и подвиг, а эта борьба должна иметь целью и последствием – утверждение в вере и любви к Богу и к ближнему» (122).

Первая и главнейшая заповедь – возлюбить Господа Бога всем сердцем и всей силой. «Так возлюбили Его святые угодники, отвергли всякую любовь мирскую, грешную, вещную, плотскую, скоропреходящую, растлевающую душу и тело» (29). Обращаясь к каждому из нас, святой Пастырь спрашивает: «Любишь ли ты Его всем сердцем, всем помышлением, всей силой, когда ты любишь деньги, драгоценные одежды, какую-либо женщину или мужчину по плоти, почести, награды, игры, театры, бильярд и др.? – Нет, тогда нет в сердцем твоём и тени любви к Богу, тогда ты идолопоклонник, чуждый Богу, мертвец» (238). Бога надо любить больше, чем родителей или искренних друзей, потому что Он «безмерно возлюбил нас, и потому, что Он и родителям вложил любовь к своим детям». Если природе бессловесных чуждо не любить подобных себе, то «тем более это дико было бы в разумной и словесной природе человеческой, т.е. не любить Самого Бога всем сердцем» – нашего Первообраза (55). Любите Его всегда, непрестанно, не отпадайте от Него ни на мгновение (90). Вся энергия сердца должна быть направлена к любви Его, к исполнению Его святых заповедей (32). «Кто хочет горячо любить Бога, тот да презирает все плотские страсти, всякое любостяжание, всякую страсть к земной красоте, роскоши, излишеству в пище и питье, одежде, украшениям, чтобы ни к чему земному, как к тленному и препятствующему небесной любви, не привязываться; ничем земным не уязвляться, не увлекаться» (246). Всё земное – «суета и крушение духа». «На потребу» нужно одно: «Бог и всё святое». Один Господь наша жизнь и наше даяние (33). Тот, кто возлюбит Его, кто всё принесёт в жертву этой любви, кто всё Ему предпочтёт – обрящет небесную благодать (116). Именно правая вера и чистая христианская любовь соединяют человека с Богом и делают его одним духом

с Богом. «Этим объясняются величайшие и бесчисленные чудеса, кои совершали при жизни и по смерти великие угодники Божии» (174).

Воспев гимн любви к Богу словами святого апостола Павла ***(Рим. 8, 35-39)***, святой Иоанн и восклицает, и вопрошает, и утверждает: «Вот какова была любовь в Апостолах! А в нас есть ли подобная любовь к Богу, хоть малая искра такой любви? В большинстве людей вовсе нет любви, что видно из дел людских; в немногих горячность любви постоянной, неотпадающей. Ибо большинство людей предано веку сему и бесчисленным пристрастьям житейским, отлучающим от Бога: один купил поле и хочет посмотреть его; другой пять пар волов и хочет испытать их; иной женился, потому не может придти на вечерю Божию. Враг нашего спасения, зная хорошо силу искренней любви человеков к Богу, придумал тысячи предлогов и породил, и порождает тьму страстей человеческих, приковывающих его к плоти и миру и разлучающих от Бога, или бесчисленные ложные учения, ереси, секты и расколы, чрез которые разлучает навеки людей от Бога» (157-158).

Только христианская любовь может всё покрыть, на всё взглянуть снисходительно и с добрым расположением (27, 51). «Человек, не предпочти никого и ничего паче любви Божией!» (270).

С любовью к Богу неразрывна любовь к ближнему. Святой Иоанн говорит ещё более решительно: «Весь закон в одной заповеди: „Возлюби ближнего твоего, как сам себя“» (148). Свою решительность святой Пастырь обосновывает так: «Дерзкий против ближнего бывает дерзок и против Бога. Вспомни омочившего руку в солиле вместе с Господом и предавшего Господа своего; о нём сказано было, что он – диавол ***(Ин. 6, 70)***» (85). «Доброжелательствуй… всякому, даже врагу твоему, – пишет Кронштадтский Поборник веры на последних страницах своего творения „Путь к Богу“, – чтобы исполнить точно закон Христа Бога… Если же пожелаешь зла и позлорадствуешь врагу – то нарушишь закон Божий, закон любви, закон жизни, сотворишь лукавство и самосуд пред Господом, и себе причинишь вред и зло, лишишься мира сердечного и отягчишь душу грехом» (284-285). Но в нашей жизни бывает так,

что мы почему-либо не возлюбили кого-то и стали относиться к нему холодно, а то и совсем пренебрежительно. Малейшая неисправность его «вызывает у нас гнев и озлобление, между тем как этот человек имеет и положительные добрые качества – веру, благость, кротость, незлобие, готовность ко всяким услугам. – Любовь всё покрывает и никогда не отпадает» (140). И любить надо всех, особенно «тех малых», которые нуждаются в нас, в нашем снисхождении, помощи, покровительстве; уважение к которым упало у нас до нуля (117). Сострадай им, «сострадай людским скорбям, плачь с плачущими» (118). «Беседуя с людьми, особенно больными, удручёнными каким-либо горем и бедами, относись к ним сочувственно, по-братски, как бы сам страдая с ними» (282).

В максимальном внимании нуждаются больные. Трудно заботиться о них, но и высоко ценится сей подвиг. «Служение больным с преподанием им Божественных Таин Тела и Крови Христовых есть величайшее служение, которое должно вменять себе в величайшую честь и делать всегда охотно, благоговейно, радостно, не тяготясь» (86-87). Служение больным – это служение самому Спасителю. «Радуйся и благодари Господа, – вразумляет святой Пастырь, – что тебе ежедневно приходится служить Христу Богу, Спасителю нашему, всякий день – в лице больных, бедных, несчастных и всяких иных людей, особенно причащать святых Таин Христовых и доказывать свою веру, своё смирение, послушание и любовь к Богу и ближнему» (68).

Ко всем требуется ровное и равное отношение. Та или иная внешность человека или его положение не должны подрывать этого правила. «Смотри, – учит святой Наставник благочестия, – не на внешность, а на внутреннее, на душу бессмертную, и равно чти всякого человека, безотносительно к твоей алчной, сладострастной плоти, как повелено тебе Богом. Всякая душа, как образ Божий, прекрасна; а тело тленное получает всякие уродства в наказание, или урок, или во спасение души» (43).

Всеми силами должно стараться «насаждать, раздавать и укреплять в душе своей искреннее ко всякому человеку доброжелательство и любовь, и нещадно гнать из своего сердца зарождающиеся

зависть, недоброжелательство и, тем паче, неприязнь и ненависть» (117). Необходимо, насколько возможно, усердно «поддерживать между собой любовь и взаимное друг к другу уважение, честию друг друга больше себе творяще» (139). Даже если нам кажется, что кто-либо не заслуживает нашей любви, и в этом случае нельзя терять высочайшей добродетели. Слушаем святого Иоанна: «Если ты находишь какое-либо высокопоставленное, особенно – духовное, лицо… несоответствующим твоим ожиданиям по характеру, по замкнутости в себе, по необщительности, или застенчивости, или по самомнению и гордости, – отнюдь не имей на него негодования и огорчения, или неприязни к нему, – Боже, упаси, – но с любовью молись за него, да даст ему Господь сердце доброе, любящее, общительное; и сам полюби его, как плоть и кровь свою» (118). Не наше дело судить великих «мира сего, – судья им Господь и царь, Коему они служат, у них есть обличитель внутренний – совесть, которая тайно судит их; а она есть глас Божий» (282). Важно не забыть, что все мы члены единой Церкви, тела Христа Спасителя, «сознавать себя членами, а не единицами только или индивидуумами, эгоистами» (282-283). Познал на себе лютость греха – «не забывай, что он таков же и во всех людях, и жалей людей, обуреваемых на всякий час грехами, и молись за них горячо, особенно за усопших в вере» (140). Поступая так, делая другим добро – делаешь себе; молясь за них – приобретаешь себе молитвенников; «угождая во благое другим – приобретаешь себе помощников и друзей. Молись за усопших – приобретёшь себе их ходатайство перед Богом, если они имеют дерзновение перед Ним. Прославляя Святых, сподобляешься их ходатайства перед Богом. Так добро плодовито» (128).

Духовный враг, обладая определёнными знаниями, видит великие плоды любви и больше всего нападает на неё – «адски стремится исторгнуть» её из сердца человека и насадить, «укоренить в нём самолюбие, злобу, зависть, корыстолюбие, плотоугодие, блуд и проч., чтобы растлить душу и тело человека и сделать его неспособным к истинной любви чрез насаждение ложной, плотской, узкой, слепой, безумной, срамной, бесплодной, смертоносной» (116).

Взирая на ненормальность отношений в человеческом роде, святой Печальник Российской земли скорбит («какая жалость снедает меня» – 140) и молится: «Господи, даруй нам благодать искренно любить ближнего, не раздражаться на него, не оскорбляться, не уничижать его за что-либо в мыслях и в сердце, и всячески доброжелательствовать ему и по возможности способствовать его благополучию духовному и телесному» (285).

Весьма укрепляет душу в вере, любви и всяческой добродетели терпение – «подвиг души и тела за правду Божию» (284). «Тебя оклеветали пред именитыми людьми, – размышляет святой Праведник, – положили пятно на твоё доброе имя. На кого же из благочестивых или Святых не клеветали люди: на Самого Христа клеветали, на Апостолов премного, на Мучеников, на всех Святых. И разве дух злой оставит без поношения и гонения любящих Господа? Нужно терпение и презрение к миру, к славе и чести людской и стараться иметь совесть непорочную пред Богом и людьми. Мир не стоит того, чтобы нам искать чести от него, он во зле лежит. Бог наш Судья… а людской суд погрешителен и ничтожен в сравнении с судом Божиим» (283-284).

Не менее важно в деятельной жизни *нестяжание*… Чтобы подчеркнуть сие, святой Иоанн, с одной стороны, говорит о святых Апостолах – проповедниках «нетленного Царствия Божия» – и об образе подвигов Святых. «Господь, – напоминает он, – запретил им (Апостолам. – *К.С.*) иметь даже по две одежды и повелел им не брать с собой ни сумы, ни хлеба, ни при поясе меди, не только сребра и злата. А пустынники или монахи оставляли всю житейскую красоту, все богатство, славу и шли в пустыню с пустыми руками, разве с топором, пилой и молотком, чтобы трудами добывать насущный хлеб» (246). Смотри, как Святые жили и подвизались, «как для любви Божией они отрекались всякой житейской любви, всякой собственности, даже любви к родителям по плоти, любя их духовно в Боге и для Бога. Смотри на великого пророка Илию: одна милоть была его собственностью и – более ничего. Ревнуй по силе угодникам Божиим» (96-97). С другой стороны, святой Учитель обнаруживает «прелесть

богатства и жестокосердие богатых», напоминает евангельские притчи: о богатом человеке, «ему же угобзися нива», о богаче и нищем Лазаре, о богатом юноше, который отошёл «от Господа со скорбью по причине пристрастия к богатству» (140-141).

Необходимо также соблюдать *пост*. «Надо поститься и быть всегда воздержными… Должно всячески умерщвлять страсть чревоугодия и держать чрево в должных границах, давая ему только необходимое» (111).

Рядом с умеренностью в пище стоит *целомудрие*. «Сохраняя строгое целомудрие душевное и телесное, чувствуешь в себе мир и полноту жизни духовной и телесной – лёгкость, жизнерадостность, простоту; а нарушишь целомудрие, хотя бы одним помыслом и плотским беззаконным блудным вожделением, тотчас ощущаешь смятение, тесноту, тяжесть, срамоту и малодушие, уныние; покаявшись от всего сердца, опять чувствуешь мир и дерзновение пред Богом и людьми. Таков нравственный порядок у Бога. Столько поощрений для добродетели и столько наказаний, вразумлений для зла и лукавства, чтобы уклоняться от него! Слава Богу!» (109).

Душа православного христианина, знающего деятельную жизнь, пребывает в состоянии *бодрственном* (94). Святое Евангелие уподобляет жизнь христианина «воинской страже – первой, второй и третьей, и этим внушается постоянное бодрствование христианина над своими помыслами, чувствами, движениями воли; бодрствование относительно врагов бесплотных, непрестанно нападающих на нас и ищущих поглотить нас до конца. Святые угодники день и ночь бывали на страже духовной – непрестанно молились, постились, трудились, ведя созерцательную и деятельную жизнь. Вся жизнь наша должна быть поистине стражей: кратка она, задачу приходится решать великую и сложную, а врагов, нападающих злобно, коварно и сильно – крайне много. Будем мудры “*яко змия, и цели яко голубие*” ***(Мф. 10, 16)***» (91-92).

Красоту души составляют ещё: «…смирение, незлобие, покорность, послушание, благость, нелицемерность, простота…» (11).

***

К совершению всякой добродетели надо себя нудить и нудить, не расслабевая и не бездействуя. Не хочется тебе молиться – молись и усердно молись. Не хочешь творить милостыню – твори и со тщанием подавай, с добрым устроением. Обиду не хочешь простить – прости от всей души. «Зависть надоедает – доброжелательствуй от всего сердца; алчность влечёт – воздержись и пренебреги сласти; блудные похоти влекут и прельщают – сочти их за пустое сновидение и нелепую грёзу расстроенного воображения; презорство, гордость пред братом одолевают, кичение, самовозношение – сочти это за бесовскую в тебе игру и мечту, ибо чрез эту мечту сам сатана ниспал от ангельского величия и неизреченной красоты, и сделался мерзостью и безобразием, ниспадши во мрак преисподней со всем демонским множеством. *"Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е" (Мф. 11, 12)*» (119). Должно творить со всем усердием волю Божию и стремиться к тому с жаром, с энергией, «ибо в исполнении её наш живот, покой, радость, слава, блаженство, сила, святость наша» (123, 124). «Сколько духовной, нетленной сладости, – восклицает святой Пастырь, – находится в исполнении воли Божией, благой, святой, премудрой, нетленной, вечной, блаженной! Столь много, что из-за этого блаженства любомудрые христиане и христианки претерпевали с радостью всякие подвиги, мучения, изнурения плоти, денноночные молитвенные стояния, всякие насмешки, огорчения и озлобления и гонения от людей и от бесов, и всякие иные злострадания и – не обманулись в своей надежде – получили вечные блага и вечное блаженство» (109). Работать Господеви искренним сердцем отрадно. «Какой мир, какая сладость, лёгкость, простор на душе при сердечной молитве, чтении слова Божия, делании добрых дел! Сколь обманчив и гибелен грех! Сколь прекрасна, верна, чтима и похвальна добродетель!» (123).

В соблюдении заповедей Божиих – вечная жизнь (123), потому святой Иоанн настойчиво взывает: храни их (102), возлюби «кротость, смирение, воздержание, послушание, терпение, покаяние,

молитву, созерцание Бога, Его святости, правды, вечной недомыслимой красоты Его существа, Его блаженства, присносущей Его кротости» и не имей «ни малейшего общения со злом и лукавством… Христианина должно охарактеризовать следующее изречение: "*Нога моя ста на правоте*"» (152-153).

Творить добро следует тайно. Не труби о своих добрых делах, но совершай их «втайне, ради будущего воздания» (251).

Для утверждения в добродетелях полезно читать святоотеческие творения. Они «пережили века» и по-прежнему остаются новы, свежи, жизненны, просветительны, «пленительны и державны для просто мудрствующих, нелукавых, негордых своим умом душ» (209).

***

Образы верным в добродетелях, в исполнении на деле святого Евангелия явили христианские мудрецы, истинные философы Церкви Христовой, усвоившие «истинную Божественную мудрость» и чрез нее воцарившиеся «над всяким грехом, всяким пристрастием к тленным вещам», и наследовавшие «нетление и вечную жизнь. Вот они, эти христианские философы: Апостолы, Иерархи, Мученики, Преподобные отцы, Преподобные жены, Бессребренники, Столпники и прочие Святые, прославленные Богом и Его Церковью» (267). Святые отверглись мира и всякого пристрастия к нему (17), презрели плотские страсти и все земное мудрование – «и всё внимание, созерцание устремили к Богу и к небесным, вечным благам, и ум, и сердце, и волю свою сделали небесными, и тело своё заставили служить вполне душе разумной и бессмертной и Богу, Создателю своему» (21). Они «хранили строгое воздержание всю жизнь и удобно одолели все козни вражии, молясь и трудясь неослабно». Они помнили, что земная жизнь «есть подвиг борьбы, а не наслажденья и растленья; не погоня за богатством и почестями» (172). Святые ясно показали нам верность исполнения обетований Божиих, ибо они на деле получили то, на что «надеялись, все те блага, за получение коих они здесь боролись, терпели, плакали и претерпели гонения,

мучения, насмешки и издевательства от нечестивых и неверных» (178-179). Ныне они равностоятельны Ангелам и купно с ними живущие (278). «Чего мы спим и дремлем? – спрашивает всех нас святой Иоанн. – Зачем не подвизаемся и работаем тлению, плоти и крови, и миру грешному?» (278).

Подвиг Преподобных и Мучеников характерен самоотвержением (268); Пророков – характерен прозрением в будущее, ибо «они сердечными очами непрестанно зрели Бога и ходили, думали, говорили и делали всё в присутствии Его, и чрез то хранили себя от всякого греха и жили в святости, правде и горячей любви к Богу» (269); песнописцев – состоянием «высокого Божественного созерцания», ибо они «были в Духе Святом, Который глаголал чрез них и вдохнул такие чудные, приводящие в радость и духовный восторг всех духовных людей, молитвы и гимны» (270).

В Преподобных отцах, например, в преподобном Серафиме Саровском, «достойно подражания Богоискание, с горячей, как пламень, любовью к Богу, совершенная ненависть ко греху, к погрязшему во зле миру и его прелести, и похотям, совершенное стремление к полному восстановлению образа и подобия Божия… обретение драгоценного бисера – Христа… Преподобный Серафим всю жизнь молился и искал Царствия Божия в себе и правды его, стучал – и ему отверзлось Царствие Божие» (267-268).

Выше всех превознесена Пресвятая Дева Мария. «Нет никого честнее и славнее Её во всей твари небесной и земной» (279). «Со времени воплощения Сына Божия Приснодева Богородица стала начальницей всего наздания или Церкви Божией и покровом христиан, стеной их необоримой, прибежищем и предстательством» (278). И после получения Ею «всей небесной славы» от Сына и Бога нашего Она отличается величайшим совершенным смирением и общительностью «со всеми праведно живущими или жившими на земле в Церкви Христовой. Это ясно обнаруживают и доказывают её явления жившим свято на земле человекам, например, преподобным Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому и другим Святым» (278).

«О, Владычице, – молится Печальник нашей Русской земли, – яви чудо Твоего образа и поклонения нашего пред Тобою и, в настоящее бедственное время, обнови чудеса и знамения от святой иконы Твоей, – да познают противные, свои и чужие, – как много значит православных вера!» (279).

Чтобы иметь Божию Матерь, Святых – идеалы нравственной чистоты – всегда пред своими глазами, созерцать их совершенства, подражать им, «мы пишем их лики с свойственным каждому святому характером», вспоминаем их житие и подвиги (266). Отвергающие святые иконы лишаются «этих идеалов и образцов нравственных, образцов добродетелей христоподражательных, и ходят во тьме». Для подражания добродетелям Святых в Православной Церкви установлены определённые ежедневные службы им, в которых вспоминается и прославляется их подвиг веры и любви. «Каждый день мы имеем всякие духовные образцы жития равноангельского в лице Святых и стараемся по силе подражать им... Святые жизнью своей показали, что по Евангелию жить и возможно, и удобно, и благоплодно, и легко, и радостно, при помощи Божией» (266).

Святой Пастырь, исполненный этих и подобных им мыслей, паки и паки вопрошает: «Отчего бы и нам давно не утвердиться на правом пути – на Божием пути? Почему бы и нам не уклониться совершенно от зла и не творить только благо? Отчего бы не утвердиться на твёрдой точке стояния, как этого достигли прежде нас жившие и подвизавшиеся Святые? Разве у них и у нас не та же природа? Разве они жили без искушений, без скорбей и болезней? Разве не нападал на них грех, разве не боролись они с различными страстями плоти и духа? Боролись и побеждали. Причина греха ведь в нас самих, в плоти нашей многострастной» (99, 278).

Святой Иоанн указывает образ исполнения воли Божией и в лицах к нам близких, рядом с нами живущих – в иноках. Само название «инок» указует на иной, чем в мире, внутренний и внешний склад жизни – жизни в молитве, правде, послушании, рукоделии, благословенных трудах. В обитель идут «не для покоя и наслаждения

телесного, не для сна и наслаждений пищей и питием, а для трудов и подвигов» духовных и телесных, для «размышления о будущих вечных благах, уготованных любящим Бога в Царствии Небесном» (142).

«Итак, – обращается к инокам и ко всем нам святой Пастырь, – воскриляйтесь будущими надеждами, а не на земле ждите утешения и наслаждения, ибо видимое, земное – временно и скоро прейдёт, а невидимое, небесное – вечно. Готовьтесь к ответу за всю вашу временную жизнь, исправляйтесь день ото дня, бросайте свои греховные привычки и навыки житейские, пристрастия, приготовьте сердца ваши в жилище Богу – верой, любовью, кротостью, смирением, воздержанием, терпением, послушанием, чистотой и целомудрием, незлобием, всепрощением друг другу прегрешений, взиранием к небесным благам непреходящим, неветшающим» (142-143). «Боритесь с собой, с своими греховными привычками, наклонностями, страстями, – побеждайте, по падении снова восставайте и опять побеждайте, памятуя слова пророка: "*Аще и возможете*, враги – мои грехи и страсти мои, – *и паки побеждени будете, яко с нами Бог*"» (99). «Слава Тебе, Господи, испытующему сердца и утробы праведно и наказующему за всякое злое стремление сердца и награждающему миром, и пространством, и радостью сердечной всякое благое произволение и чувство» (192).

III. ПОКАЯНИЕ, ПРИЧАЩЕНИЕ, СВЯЩЕНСТВО

> «Для укрепления души нашей в вере и любви к Богу и во всякой добродетели – нужно непрестанное покаяние и частое, ежедневное, кому можно и удобно, причащение Святых Таин»
>
> *(249)*

Чтобы сподобиться вечного пребывания в Небесных Обителях, нужны здесь, на земле, победоносная борьба с грехом и усердные подвиги по украшению души добродетелями. И одно и другое

возможно при непрестанном Покаянии и частом Причащении «Животворящих Таин Христовых, очищающих всякий грех и украшающих душу всеблаголепием Христовым, и вменяющих человеку заслуги Христа» (240).

У каждого человека живет потребность общения – поделиться с кем-либо своими радостями и горестями – раскрыть свою душу. Господь – Сердцеведец и праведный Судья – на эту потребность ответил установлением Таинства Покаяния. «А зная нашу греховную нечистоту, алчбу и жажду души оправдания Божия, очищения, освящения, утоления духовного глада и насыщения правдой и святостью, миром, правдой и жизнью вечной – Он дал нам Пречистое Тело Своё и Пречистую Кровь Свою, в коих заключается полнота нашего искупления, очищения, освящения, примирения с Богом и оправдания чрез веру и покаяние» (253).

***

Покаяние – это «отрицание, осуждение греха, война с грехом от всего сердца и помышления, словом и делом, – сколько бы он ни показался приятным, – и отвращение от него, попрание всей прелести и привлекательности его, глубочайшая ненависть к нему, как к безобразию, смраду, безумию и нелепой вражде против Бога и против себя, против собственного блага» (114-115). Покаяние – это с помощью благодати Божией разрыв «крепких вервий или цепей», привязывающих человека к земному, тленному (20). Это – «духовная весна» для христианских душ – «проявление света в душах, приближение ко Христу и Христа к душам кающихся; слёзный дождь, слёзные вздохи покаянные» (115).

Истинное покаяние, то есть действительное прощение грехов, возможно «только в Церкви». Именно ей в лице священнослужителей дана власть вязать и решить. В ней «находятся всякие трогательные образцы истинного, Богоугодного, плодотворного покаяния. Между тем, – замечает Проповедник покаяния, – многие неразумные, самомнительные, несмыслящие в духовных вещах оставили

Церковь Божию, источник воды живой, и выкопали себе дырявые колодцы, не могущие содержать воды» (168).

Необходимым составляющим Покаяния является исповедь – сокрушённое признание во грехах с искренним намерением исправиться. Необходимость исповеди объясняется уже тем, что священнослужитель должен уразуметь, что ему делать «вязать» или «разрешать». Но помимо сего здесь присутствует и весьма важный психологический элемент – «утаиваемый или не сознаваемый, не чувствуемый грех усиливается, растет и крепнет глубоко в душе согрешающего» (252). В духовном отношении такое состояние весьма опасно. Злые духи, соблазнив человека сотворить грех, стараются затем скрыть его пагубу, наводят ложный стыд на грешника, внушают ему не говорить о падении, чтобы держать повинного в своём рабстве. «Поэтому надо непременно сознавать грехи, искренно сокрушаться о них, сердцем гнушаться их и исправляться от них, призывая усердно Господа в помощь своей немощи» (230). Святой Иоанн настойчиво увещает не скрывать своих грехов, не таить. «Скажи Всеблагому, Всемогущему и Всеисцеляющему Врачу душ и телес, Господу, какими греховными язвами и недугами ты болишь… вспомни их, проси у Господа озарения сердечного, просвещения, познания их, воздыхания, слёз: и ты получишь богатство милости, исцеления, здравия, мира, тишины, свободы и благодерзновения; ибо Врач Небесный всегда готов миловать и врачевать нас, смягчать и обвязывать раны наши душевные» (115-116). Батюшка скорбит: «Многие, многие умирают в прелести страстей, особенно корыстолюбцы, пьяницы и прожигающие жизнь свою в блуде» (230).

Господь знает наши немощи и с долготерпением ожидает покаяния. Сколько бы раз ни согрешил человек, ни пал в грех мыслью, словом или делом, «но за искреннее покаяние Господь милует и прощает» (112). Множеству наших грехов противопоставляется множество благодати Божией и милости. Злой дух «старается победить милосердие Божие, а… всегда побеждает Господь в нас злобу Своим милосердием и долготерпением, чрез нелицемерное покаяние наше» (254).

В глубине наших сердец могут гнездиться разные страсти. Человек может быть весь поражён духовными ранами, греховными язвами и проказой. И Господь избавляет от сего чрез постоянное искреннее покаяние (234-235). «Чрез падение душа совершенно изменилась: стала грешна, мрачна, лукава, самолюбива… Но ей предоставлено покаяние, как обольщённой, окраденной от павшего человекоубийцы… и она может светло восстать от своего падения благодатью и щедротами Божиими» (10). Не умели пользоваться данной Всещедрым Богом «святостью, правдой, свободой… и вольной своей волей погубили их, – потому по падении должны сами достигать их с испрашиваемой от Бога помощью и всячески противиться греху, наводнившему нашу прежде чистую, возвышенную, простую, лёгкую и блаженную природу» (244).

Примечательно, что святой Иоанн указывает и образ нашего исправления, побеждения греховной привычки: «Ты нарушил естественную и благодатную благость души своей злостью – восстанови её в себе (доброту) кротостью; нарушил чистоту и святость души блудными помыслами, вожделениями – восстанови слёзным покаянием чистоту души и тела; нарушил клеветой, недоброжелательством – восстанови независностью и доброжелательством искренним ближнему всякого блага; нарушил благородие души корыстолюбием и любовещностью – восстанови её бескорыстием и равнодушием к дольним скоропреходящим благам и пожелай нетленных себе и ближним, и таким образом исправляй стремление души своей каждый день и час, и выходи к горним вечным, в бесконечные веки пребывающим благам, и возлюби паче всего Бога, Источника жизни и всяких благ» (244). Бичевать грех нужно ежедневно, а значит и покаяние должно быть частым. Грех разлучает нас со Спасителем, но «чрез частое покаяние теряет свою силу, свою прелесть, своё обаяние. Если бы люди часто и искренно каялись в грехах, – о, как бы умалились грехи людей, как бы обессилели страсти наши, и воцарились правда и святость в людях!» (254). Если бы весь человек – его разум, сердце, воля – всецело направился «к покаянию и благой перемене», силы его души стали бы благодатной закваской, которая

заквасила бы «все тесто», то есть всего человека изменила бы в добрую сторону (255).

«Каждый день и много раз я, – скорбит Батюшка, – искажаю в себе черты образа Божия – разными греховными поползновениями и пристрастиями гневными, неприязненными, лицеприятными, корыстолюбивыми, ленивыми, непокорными». Но тут же и радуется: «...и каждый же день за искреннее покаяние моё тайное Господь всеблагопослушный милует меня, успокаивает смятенного, распространяет утесненного грехом. Слава его милосердию и Его долготерпению!» (255-256). Поистине, милость Божия велика – «стократно мы согрешаем на день и иногда одними и теми же грехами, и за искреннее покаяние и слёзы Господь прощает нас и даёт нам мир, правоту духа, простор сердечный, дерзновение пред Богом и людьми» (218). Склоняясь пред безграничной милостью Божией и любящей правдой Божией, Батюшка восклицает: «О, вечная правда, правящая всем миром и сердцами человеческими! Когда я научусь благоугождать Тебе и творить волю Творца и Бога моего и сподоблюсь ходить пред Тобой в правости сердца моего?! Когда я увижу Тебя, Ипостасную Правду, лицом к лицу, "*насыщуся внегда явити ми ся славе Твоей*?" ***(Пс. 16, 15)***. Когда уготовлю себя здесь делами покаяния и правды и выйду из тела моего, этой темницы души моей?» (218).

Нормально человек станет себя чувствовать только тогда, «когда облагоразумится, покается, исправится и подчинится совершенно законам Творца и будет жить по ним точно» (53).

***

Падший человек восстаёт и обновляется глубоким покаянием и благоговейным *причащением* Тела и Крови Христа Спасителя (83).

При совершении Божественной Литургии пшеничный хлеб и виноградное вино претворяются в Пречистое Тело и Пречистую Кровь Христа Бога, «и это так просто, как легко и просто нам об этом подумать и легко и просто произнесть слова: „Сие есть Тело и сия есть

Кровь". Так и веровать должно всем, а если усумнится кто, тот возмнит, будто Господь не верен в Своём слове, – что есть лукавство, богохульство и грех великий против Господа, верного во всех словах Своих» (177).

Душа наша алчет «Божественного Брашна», – и Господь дал нам Святые Дары, которыми она подкрепляется, укрепляется, обновляется, живёт, побеждает страсти, бесплотных врагов (249) и в которых «заключается полнота нашего искупления» (253).

Господь установил тайну Святого Причастия для того, чтобы «огнём Своего Божества искоренить грех и сообщить нам Свою святость, правду, Своё нетление и даровать нам вечную жизнь; чтобы сделать нас сообразными Себе: кроткими, смиренными, милосердными, воздержными, послушными, терпеливыми, целомудренными – и сделать нас достойными райских прекрасных вечных селений и света нетленного, присносущного и радости неизреченной» (256). Он Божественной силой «творит властно, державно из хлеба и вина Пречистое Тело и Кровь Свою для нашего духовного питания, очищения, освящения, примирения, уврачевания недугов душевных и телесных, для просвещения омрачённых грехом очей сердечных, для освящения, утверждения, обожения» (260).

Святой Иоанн, исходя из слов Христа Спасителя, увещает причащаться как можно чаще: «Господь ежедневно заповедует причащаться Животворящих Таин Своих, взывая всем: "*Примите, ядите... пийте от нея вси...*" ***(Мф. 26, 21; 1 Кор. 11, 24, 25)***. Можно ли мирянам ежедневно причащаться? Раз это прямая заповедь Господня, и существо души и тела нашего крайне нуждается в ежедневной благодати Святых Таин, как немощное и удобоползновенное на грех, можно приступать всякому искренно благочестивому, боримому от невидимых врагов и своих страстей» (260). А что мы видим в окружающем? «Многие причащаются только раз в год. Так ли должно относиться к истинному хлебу? Не умрёт ли с голоду душа? У многих совсем умерла. Дана истинная жизнь, – а от жизни бегут многие, многие. Где вера? Где истинное стремление к живому, бессмертному? О, суета человеческая!» (258). И ещё: «Многие очень долгое время не

причащаются Святых Таин с верой и покаянием нелицемерным, потому бывают часто уловляемы мысленным волком – диаволом, делаются жертвой бесчисленных и пагубных страстей и погибают навеки» (261).

Однако призывая приступать к святой Чаше как можно чаще, Батюшка одновременно, как это можно было видеть, разрешает так поступать тем, кто «искренно благочестив», и не позволяет «праздношатающемуся, живущему без труда или преданному житейским страстям… ибо многие могут приступать легкомысленно, по привычке. К святому Причащению нужно всегда искренно готовиться молитвой, воздержанием, покаянием» (260).

Принятие Святых Таин – бесконечная благость, правда, премудрость Божия, пред которой «благоговеют все небесные, умные, святейшие чиноначалия Ангельские: столь любвеобильно, премудро и вместе страшно для всякой разумной твари это снисхождение Божие». И тут же святой Иоанн отмечает: «Но оно принимается во спасение только верующей, несомненно кающейся, нелукаво мудрующей, простой душой христианина, вполне доверяющего Промыслителю и Содетелю нашего спасения – Богу. Один Творец, Премудрый и Всеблагой мог умыслить этот чудный способ восстановить, падшее ужасно, Своё словесное создание и обновить растлевшее, сделавшееся добычей страшного ада. Потому все верующие должны относиться к Нему – этому Таинству – с благоговением, с благодарностью, немолчным славословием, победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюше: “Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, полны Небо и земля славы Твоея, осанна в вышних!”» (261). Продолжая развивать те же мысли, святой Пастырь обращает внимание на сам момент причащения: «Всегда ли ты искренно, с совершенной верой и любовью причащаешься, не хладно ли бывает в это время суетное, нечистое сердце твоё, – и если так, то отчего это происходит? Это происходит от твоего чревоугодия, сластолюбия, насыщения накануне того дня и вообще от постоянного чревоугодия; а оно – несовместимо с небесной пищей, с Божественным Брашном Тела и Крови Господней. Заставь чрево поститься постоянно,

если часто причащаешься; и тогда ощутишь особенную радость от причащения... Да не будет у тебя бесплодно частое причащение Божественных, святых, страшных Таин» (262). Более того, мы можем лишиться «благодати причащения Святых Таин» и после того, как приняли их и приняли с благоговением. «Один неосторожный помысл или греховное тайное чувство, например: лицеприятия, неприязни или плотского вожделения – и мы лишены бываем благодати, мира и радости общения с Господом, Который гнушается всяким грехом и не может обитать в теле, повинном греху. Нам, причастникам Божеского естества, говорит Господь: *"Будьте святы, как Я свят, Господь Бог ваш" (**Лев. 11, 44-45; 19, 2; 20, 7, 26; 1 Петр. 1, 16**)*» (229). Потому святой Иоанн, с отеческой любовью призывая своих чад как можно чаще причащаться, решительно заявляет: «Кто носит в сердце своем злобу и ненависть к ближнему, тот не дерзай приближаться к Чаше жизни; если же приступит и примет Тело и Кровь кроткого и незлобивого Ангца Божия Иисуса Христа, то примет в суд и в осуждение» (256).

Принимающий Святые Таины с благоговением вступает в теснейшее общение с Триединым Богом, а отсюда проистекают великие духовные блага. «Чрез вкушение Пречистого Тела и Крови Христа вселяется в человека Христос Бог со Отцем и Духом Святым, очищая грехи человеческие, освящая его и даруя ему действительное блаженнейшее обожение и бессмертие» (257). «Ты – бог по причастию и общению с Богом» (259). Вот плоды от принятия Животворящих Таин: «Очищение грехов, освящение, обновление души и тела, мир душевный, дерзновение пред Богом и людьми, обильный дар слова духовного, горячая молитва, победа над прилогами вражескими и всеми страстями, восстающими в нас; ревность о славе Имени Божия и о православии Святой Церкви, и ясное зрение неправославия других инославных церквей, крепость духа и тела» (264). Потому всякому православному христианину необходимо причащаться Святых Таин как победоносного средства для борьбы с грехом, как источника обожения, как залога бессмертия... «Дивны дела Промысла Твоего, Господи! Нужно же было Промыслу допустить ужасное

достоплачевное падение человека, чтобы даровать ему лучшее, блистательнейшее и блаженнейшее восстание. Подивитесь, все христиане, этому славному восстанию Святых Божиих» (257). «Какую Трапезу приготовил для нас Господь!.. Чудный Промысл Божий!.. Ангельский собор дивится этой чудной трапезе нашей, очищающей, примиряющей, просвещающей, освящающей, обновляющей, обессмертвующей нас, укрепляющей, обожающей истинно причащающихся с верой, покаянием чистосердечным, со страхом и любовью! Дорожите всеми силами души и тела нашего этими чудными Дарами Божиими» (262).

«Чудная благость Божия, святость, правда, премудрость; чудное средство ко спасению человека, погибшего грехом – явлены Богом в причащении, с верой, покаянием, любовью, самого Божественного естества, Богочеловеческого Тела и Крови Христа Бога. Тут погружаются и очищаются все грехи наши; тут человек соединяется и сраствоpяется с самим Божественным естеством. О, благость! О, милосердие! О, премудрость! О, правда бесконечная!.. Будем стараться быть достойными такого человеколюбия!» (265).

***

Совершителями Святых Таинств являются священнослужители. В связи с чем святой Пресвитер Кронштадтский касается и Таинства Священства.

«Священники, – по слову святого Иоанна, – носят сан Самого Христа, вечного Первосвященника, облекшего священство во славу и красоту. *"Яко жениху возложи ми венец, и яко невесту украси мя красотою" (Ис. 61, 10)*. Да будет же честно вовеки священство Христово! Это не мечтательное священство магометово или буддийское, или ламайское, а истинное, живое, действительное, спасительное» (82).

Священнослужители – это слуги Христовы, также братья и друзья Его, облечённые величием Христа Спасителя и духовной

властью. Служение их в Православной Церкви высоко и славно. Они, по заповеди Господа, совершают «дело бесконечной важности, безмерной благости, дело сверхъестественной силы, дело Божие» – просвещают, очищают и обновляют «людей чрез совершение Таинств и духовное управление» (83). Во всём величии – «лучезарном, Божественном» – выступает священнослужитель, когда предстоит у престола Божия, наипаче «во время совершения бескровной, святейшей, пренебесной, страшной жертвы претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христову! На него Ангелы взирают с благоговением и некоторой ревностью, созерцая такое снисхождение к нам Божие, такое сраствореніе Господа Бога с нашим бренным естеством. Священник здесь является ближайшим посредником между Богом и повинным человечеством, ходатаем за всю Церковь, за весь мир. Не только слугой, но другом Божиим является здесь священник, которому Бог поручает величайшую тайну, сокровенную от всех родов в Боге. И о ком, и о чем не умолит он Господа своей горячей молитвой, если, по его молитве, совершается такое Таинство, когда Господь Самого Себя даёт в снедь и питие вечной жизни?» (84-85).

Особое слово говорит святой Иоанн о епископе: «Епископ в Церкви своей есть солнце в мире. От него – свет, жизнь духовная, освящение, примирение с Богом, разрешение грехов, руководство во всякой истине и добродетели, от него спасение: он отверзает и затворяет небо для людей, он – первый руководитель к святой жизни и благочестью и споручник спасенья верующих. Ему предоставлены, сообразно величию сана, великие почести, особенно при служении Литургии» (83).

IV. МОЛИТВА

«Надобно, чтобы ни на минуту молящийся не забывал, что он беседует с Богом, стоя пред Ним лицем к Лицу» *(273)*

О молитве святой праведный Иоанн Кронштадтский говорит в изучаемом творении лишь в той мере, насколько это необходимо для лучшего уразумения деятельной жизни православного христианина.

По слову святого Праведника, «молитва и пост – всегда необходимы для христианина» (288). Вступив после Своего крещения «в подвиг поста и молитвы», Господь наш Иисус Христос всем нам показал необходимость сего для спасения нашего, «для успеха борьбы с врагами спасения нашего» (272). Следует всегда взирать «сердечными очами к Богу, ибо нам предлежит непрестанная опасность от восстания страстей плотских», которые не спят, но постоянно стремятся льстить нам, увлечь нас, и нередко бывает «одна минута поблажки им причиняет нам беду смертную; иногда бывает один шаг до падения» (129).

Жизненность получает молитва – церковная и домашняя – тогда, когда «осмысливается умом и чувствуется сердцем», когда подвигает и «возвышает всю волю к Богу» (272). Чтобы быть услышанным и получить от Бога дарование, должно молиться с чистым сердцем. Нужно, чтобы наша молитва – беседа с Богом – «была всегда разумна, осмысленна, сердечна, доброхотна и возбуждала волю к исправлению, ко всякой добродетели, к совершенству христианского жития» (273), была поклонением в духе и истине – «от всего сердца, со смирением и благоговением, со страхом и любовью», а не стоянием «без чувства и страха, имея как бы лоб медный и шею железную. Поклоны ведут к смирению и умилению» (273). Будешь горячо молиться – скоро получишь просимое, «если оно нужно тебе» (274). Недопустима при молитве рассеянность. «Когда молишься, – учит

святой Пастырь, – внимай себе крепко, чтобы враг не рассеивал твоей молитвы и чтобы она, вместо того, чтобы соединять тебя со всеблаженным Существом, – не удаляла от Него и не сделала тебя посмеянием врагу, употребляющему все старание, чтобы не допустить человека совершенно, всем сердцем, приблизиться к Богу усердной молитвой». Святой Иоанн замечает, что «рассеянность мыслей во время молитвы у многих дело обыкновенное» и, тем не менее, напоминает: «...она лишает нас всяких плодов молитвы и делает нас посмеянием себе и оскорбителями Бога» (276). Чтобы избежать сей пагубы, «когда молишься, примечай внутренним оком, не стоит ли какая тварь между тобой и Богом, – к которой ты имеешь пристрастие, – и если есть она, устрани её сейчас и Единому единый беседуй без развлечения и увлечения» (275).

К «бодренной» молитве надо себя «нудить и нудить» (275). Не хочется молиться – молись, и, более того, – «молись усердно» (119). Не ускоряй времени молитвы с тем, чтобы потом «сэкономленные» минуты потратить на «обед, чай, театр, вечер, картёжничество, танцы...» (155). «Какие мы плотолюбивые и суетные! – восклицает со скорбью святой Иоанн. – Бога дичимся, как дикари, а к миру прилепляемся, с миром дружбу водим. Но *"аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем. Любовь мира сего есть вражда на Бога"*, по Писанию ***(1 Ин. 2, 15; Иак. 4, 4)***. О, неблагодарные! Всё от Бога имеем, а искренней любви и благодарности к Нему не хотим иметь и оказывать!» (155-156). И снова взывает к нам дерзновенный о людях Молитвенник: «Ты не хочешь молиться, брат или сестра – понуждай себя к молитве, входи во вкус молитвы, размышляй, возбуждай в сердце чувство своих грехов, немощей, болезней, различных бед и напастей, – чувство благодарности к непрестанно благодеющему Богу – и привыкай молиться, и молитва сделается потребностью твоего ума и сердца, жизнью твоей, наслаждением твоим» (275).

По содержанию молитвы могут быть (и есть) разнообразные. «Самое разумное и блаженное дело – молиться о прощении врагов наших, согрешающих в ведении или неведении, ибо все грешны, во всех действует всеродная тля, во всех кознодействует общий злейший

враг – сатана, всех прельщает, во всех старается поднять бурю страстей. И все люди – жалкая жертва его козней, его злобы… Жалей глубоко, искренно жалей людей» (275). Если брат или сестра впали в какой-либо грех – вознеси о них молитву, поскорби о падших, а не злорадствуй, не презорствуй, ибо и сам впадёшь «в их грех, в скорбь и тесноту» (230). Плача о грехах людских, плачь и о своих (275). «Не имеешь надлежащего спокойствия и правоты духа, по причине возмущения на кого-либо или на что-либо, и искреннего доброжелательства и любви к тем, за кого намерен молиться… – вознеси немедленно к Богу тайно молитву покаяния и проси прощения грехов твоих и искреннего доброжелательства к тем, за кого хочешь молиться, и таким образом исправится молитва твоя пред Богом, как кадило благоухания, и будет принята с благоволением в пренебесный и мысленный жертвенник Божий» (134). День и ночь очищай своё сердце слёзной покаянной молитвой, «пока продолжается время испытания и делания» (50).

Разнообразны и обряды при молитве. Среди них важное место занимает крестное знамение. Изображение его на челе, груди и плечах «весьма полезно и необходимо, потому что оно (знамение) концами своими бьёт гнездящегося в уме, в сердце (чреве) змия – дьявола силой Распятого Христа» (277). И другие обряды, короче – «все священные обряды при совершении молитв и Таинств имеют глубокое духовное, психологическое значение» (277). Злой дух «быстр, как молния, и, как буря, в своём нападении силен. Если бы не защищал нас от него Господь и Ангелы Хранители, и сила Креста, он всех бы нас погубил, ибо всегда "*страшно ходит…*" ***(1 Петр. 5, 8)***, а грешники многие этого не знают, или не верят в его существование и козни адские. Зато сколько погибающих!» (277).

Сильные средства даны нам для деятельной жизни. Наш долг держаться святой молитвы, «Богослужения и установленных Таинств – Крещения, Миропомазания, Покаяния, Причащения, Священства и др. – и свято хранить все учреждения Церкви, установленные для спасения и преуспеяния в вере и благочестии, как, например, праздники, посты и прочее» (61).

«Научи меня, Господи, – молится святой Пастырь и даёт образ молитвы, – думать, чувствовать и говорить, предпринимать и делать по воле Твоей, согласно правде, благости и милости Твоей, кротости Твоей, миру Твоему, провидению Твоему, чтобы никогда не было сердце моё мятущимся, утесняемым от врагов невидимых и от страстей, гнездящихся во мне, но да будет оно всегда право, благодатно, благомысленно, доброчувственно, снисходительно, любительно, поучительно, блаженно и радостно; все корни страстей исторгни из сердца моего, особенно корень всякого зла – самолюбие!» (145). «Даруй мне Тобою и в Тебе обновиться духом моим совершенно и свергнуть с себя тление страстей» (72). «Око всеблагое, Око всекроткое, Око всевидящее, Око препростое, Око незлобивое, – воззри на меня благосклонно, снисходительно, милостиво, всепростительно, всеобновительно, всеоживительно!» (72). «О, Господи, даруй мне взирать к Тебе непрестанно, Живот мой, Лепота моя, Мир мой, Свобода моя, Слава моя, Сила моя, Благоухание моё, Богатство моё, Святыня и Правда моя, Милость моя, Победа моя, Нетление моё, Простота моя!» (129).

V. ЕДИНЕНИЕ С БОГОМ

> «Да будет Бог всё во мне и мысль, и желание, и хотение, и намерение, и дело, вся жизнь моя»
>
> *(190)*

Конечная цель жизни деятельной – единение с Богом.

Бог есть одно абсолютное Благо, одно совершенное Благо, недвижимое и верное Начало, создавшее всё совершенным, особенно Ангелов и людей – «по образу святой правды, свободы, благости, мудрости, бессмертия… К этому-то вечному Благу, единственному, разумному, личному Началу всего – и должно стремиться человеку, падшему в тление и смерть и во всякие скорби, – к этой полноте

всяких благ спешить покаянием, молитвой, деятельной любовью, святостью и правдой во всей жизни. А прочее всё – дым, прах, пар исчезающий» (189-190). Вся цель для человека Божия, человека веры, горнего разума, все его благо, блаженство – в достижении святости, мира, правды, духовной радости, в стяжании всякой добродетели, во всегдашнем славословии и благодарении Бога за все Его блага – за свет, воздух, пищу и питие, «за все дивно устроенные органы тела его… за всякую светлую мысль, за живое чувство веры и любви», за молитвенное умиление, «за доброе расположение к нам людей честных, за исповедание веры православной и принадлежность к таковой же Церкви, истинной, апостольской, Христовой» (144).

Человеку дана безмерно великая честь – «иметь общение с Богом». Но многие относятся к этому святому делу небрежно «и не чувствуют потребности обращаться к Богу… Плотским образом жизни они заглушили в себе эту святую потребность сердца и живут подобно скотам несмысленным, руководясь только физическими чувствами и потребностями. А какое блаженство быть в общении с Богом!» (213).

Единения с Господом достигали Святые. Среди них Батюшка называет удостоившихся получить от Бога силу творить чудеса – святителей Николая Мир Ликийских и Спиридона Тримифунтского. «Чем же достигли они единения с Господом? – вопрошает святой Иоанн и отвечает: – Простотой, смирением, незлобием, любовью бескорыстной, нелицемерной, самоотвержением, нещадением себя ради Бога и ближнего, отвращением от всякого греха, ибо какое общение света со тьмой, правды с беззаконием, – дома Божия с идолами, Христа с велиаром? Затем: всегдашним воздержанием, Богомыслием (молитвой), неослабным попечением о душе своей и о душах вверенных им братий!» (132-133).

А «чем мы можем достигнуть единения с Богом?» Святой Иоанн даёт пространные и обстоятельные ответы: «Постоянным бодрствованием над собой и молитвой (бдите и молитесь), хранением себя от рассеянности и всякого греха, борьбой с помыслами и вожделениями греховными или со страстными прилогами; воздержанием, кротостью, смирением, незлобием, простотой, любовью и уважением

к личности ближнего, доброжелательством, сочувствием и состраданием, милосердием, терпением, нестяжательностью» (133). Достигается единение с Господом «частыми наказаниями во глубине души: праведный Отец Небесный наказует за всякое греховное движение сердца, за каждый помысл неправильный, чтобы очистить неправду покаянием и возвратить душе, ищущей Его, – праведность и святость» (132). Сердце должно стать «храмом Божиим», а чтобы достигнуть сего, необходимо непрестанно очищать его от всякой скверны, от «мирского пристрастия, от самолюбия, неприязни, ненависти, зависти, корыстолюбия, невоздержания, блуда, уныния» (146).

Можно достигнуть единения с Богом в непременном единении и общении с Церковью – «без Церкви никто не может соединиться с Богом, ибо соединительные силы и средства все предоставлены Церкви – и Сам Господь говорит, что если кто Церковь преслушает, тот будет как язычник и мытарь. Все Святые достигли единения с Богом только в Церкви и при её посредстве, потому все еретики, и сектанты, и раскольники не могут быть в общении с Богом и достигнуть спасения души, хотя бы раздали всё своё имение и хотя бы были замучены за Христа. Церковь есть великое духовное Тело Христа, Который есть Глава её и Спаситель Тела, и вне Церкви нет спасения» (133).

Радость единения с Богом неизмерима. Солнце, прикоснувшись к чему-либо прозрачному или отражающему лучи, делает его светлым – «простую каплю воды и кусочек стекла, монету золотую или серебряную. Так Отец Небесный, в кого вселится, всех сделает солнцами. "*Вселюся в них и похожду, тогда праведницы просветятся, яко солнце в Царствии Отца их*"» (163). Присутствие Божие с нами ощутимо во всякое время – днём и ночью – оно обнаруживается в явлениях нашего внутреннего мира. Каждое движение нашего сердца сопровождается или тишиной и миром, или бурным волнением и смятением в зависимости от нашей близости к Богу или удаления от Него (252). Единственно верное и во веки пребывающее благо в человеке – «Господь Бог… А всё земное и вещественное, как преходящее и тленное, не есть истинное благо. Благо – свет, воздух, огонь, вода, земля, но всё это пройдёт и исчезнет. Кто верные друзья наши?

Святые угодники и все искренно верующие на земле христиане. Со Святыми Божиими и с Самим Господом мы ежедневно пребываем во храме и вне храма их призываем. Их просим, умоляем, благодарим, славим; но паче всякого имени призываем Имя Самого Господа Бога» (212). «О, Ты, Господи, сокровище моё драгоценнейшее, всежизненное, неистощимое, Господи Боже мой! – восклицает святой Пастырь. – Кому и чему я позавидую; и если бы кому позавидовал в земных благах, это значило бы, что я не имею Тебя в сердце, считаю за сокровище то, что не есть жизнь, не есть истинное блаженство» (212).

Если прозрачные предметы делаются светлыми от прикосновения солнца, то «тела чёрные решительно не принимают в себя света, остаются и на солнце черными. Так и грешники нераскаянные – и здесь бывают мрачны душами, несмотря на то, что Солнце Правды – Христос всем предлагает Себя и хочет всем светить; несмотря на то, что Евангелие, как солнце, дано всем для просвещения и оживотворения душевного; что Церковь Божия, как солнце, всех хочет осветить и оживотворить светом Божией благодати: и потому там, в том веке, грешники будут мрачны во веки веков» (163-164).

От солнечного света и тепла проистекают: оживление и рост разных тварей, веселие и восторг. Так и от единения с невещественным Солнцем – Христом Спасителем – проистекают «всерадостный свет, веселие, жизнь всякой твари, свет трисолнечного Божества и вечный свет, вечная жизнь, вечная радость. Этого-то вечного света, этой-то вечной радости желая, Святые оставили всякую житейскую красоту, всякую мирскую телесную усладу и радость, изнурили свою страстную плоть, в трудах и подвигах, в воздержании, молитвах непрестанных, а то – в мучениях от неправедных и злых мучителей, и наследовали свет, красоту, широту и пространство рая, и теперь вечно радуются» (212-213). И Божественных Таин Благоговейный Служитель взывает: «Последуем, каждый по силе своей, и мы Святым Божиим, удручая тело своё воздержанием от всяких страстей, от всякой скверны греховной, пребывая в воздержании, молитве, трудах, в покаянии, добрых делах и в частом причащении Святых Таин» (213).

VI. «СЛАВА ВОПЛОЩЕНИЮ ТВОЕМУ, ГОСПОДИ» (55)

> «Мыслить… о воплощении Божием должно всегда не иначе, как с благоговением и с глубокой благодарностью и хвалой Богу»
>
> *(194)*

> «О, благость, премудрость, правда и всемогущество Божие! О, благополучие и блаженство человека!»
>
> *(57)*

Душа, созданная по образу Божию, должна быть праведна, истинна, прекрасна. Но она «обезобразила» себя грехом, «предалась смерти временной и вечной» (10). В Адаме и Еве мы потеряли жизнь, и тогда же явилась крайняя нужда вернуть её и именно «смертью безгрешного Богочеловека – Христа, имевшего придти на землю для спасения погибающего человека. Это предопределено было в предвечном совете Пресвятой Троицы. Такой безмерно дорогой ценой оказалось необходимым приобресть людям снова жизнь» (215). Воплощение Ипостасного Слова было необходимо. Нужно было, чтобы Сын Божий пожил во плоти на земле среди людей, чтобы было его таинственное крещение и освящение Иорданских вод, знаменовавшее наше возрождение в купели Таинства Крещения; чтобы услышали Его просветительное, зиждительное, всеисцеляющее, вседержавное, всепокоряющее, всевоскрешающее слово; чтобы были Его крест, страдания и смерть, как победа над смертью и адом; чтобы было Его воскресение из мёртвых, как начаток всеобщего воскресения; было Его вознесение на небо – предшествие Его туда к Богу. «Вот какое чудное смотрение Божие о спасении рода человеческого! Вот какой предвечный совет Божий, вот что нужно было исполнить Сыну Божию!» (216-217). И Господь, создавший нас, смилостивился над нами – спас нас страданиями Своими, смертью, насаждением на земле Святой Церкви «для просвещения, очищения, освящения и

спасения, дав ей пастырей и все спасительные Таинства и Богослужение, все средства благодатные ко спасению. Мы – члены этой Церкви, мы – словесные овцы этого святого и избранного стада, – наставляет Батюшка, – должны жить сообразно со своим высоким избранием» (11).

Воплощением Второй Ипостаси Святой Троицы «человечество помиловано, возрождено, обновлено, освящено, просвещено, обестленено, обожено, утверждено» (54).

Грех глубоко проник все человеческое существо и породил в нём духовные и телесные немощи – страсти, скорби, болезни, ужасный конец их – смерть. И для искупления нашего Господь «вводит в среду человеческую Самого Себя, принимает всю нашу природу, кроме греха, исполняет за нас весь закон, принимает на Себя грехи человечества, исполняет за нас всю правду, страдает за наши неправды, умирает за нас, побеждая нашу смерть, и воскресает из мёртвых, совоскрешая с собой все человечество» (57). Чтобы нас спасти от вечной муки, «Искупителю моему, – размышляет Праведник, – надлежало исполнить за меня всю правду по человечеству и пострадать за все мои неправды и всего человеческого рода; а чтобы избавить меня и людей от смерти и даровать воскресение из мёртвых – надо было пострадать плотью на кресте и вкусить смерть крестную, самую поносную и мучительную, победить Своей смертью нашу смерть и воскреснуть из мёртвых, даровав, как венец всего искупительного дела, всем воскресение из мёртвых» (57). Через крестные страдания разрушено средостение, и человек приближён к Богу – с него снято проклятие и даровано благословение, люди стали способными *"совершать святыню в страхе Божием"* ***(2 Кор. 7, 1)*** (217).

В пришествии во плоти на землю Сына Божия открылась безмерная глубина любви Божией к человечеству – *"превосходящая разум любовь Христова"* ***(Еф. 3, 19)*** (220). Поистине широта и высота любви Божией к людям превосходит наше разумение, ибо Господь после вольного падения человека, приведшего к проклятию, тли, гибели, «употребил для спасения его чрезвычайное средство – воплощение и вочеловечение Сына Своего Единородного, житие, самоличное Его

учение, страдания бесчеловечные и смерть, для избавления от проклятия и смерти и дарования снова благословения и жизни вечной» (55). Более того, – Он насадил на земле Свою Церковь – «это чудное, святое, Божественное, всеспасительное учреждение, училище, врачебницу, питательницу, обновительницу рода человеческого. Вот любовь Божия к нам, человекам, превосходящая всякий ум, всякое разумение» (55-56). Об оставивших Святую Церковь Батюшка говорит, хотя и с любовью, но строго: «Дорогие братья и сёстры… вы окрадены плачевным образом от общего врага нашего и обнажены от благодати и жизни Божией и стали духовными трупами – безжизненными, беспросветными, смердящими и при всём этом не сознаёте своего жалкого состояния; вы стали и слепы, и глухи к голосу благодати Божией!» (143).

Воплощение Сына Божия – это величайшее чудо, превосходящее чудо творения невидимого и видимого мира из небытия. «Ужаснулось небо и удивились все концы земли тому, что Бог явился на земле во плоти. Значит, Бог есть бесконечная любовь, не пощадившая бесконечно великой жертвы для спасения человеческого рода, который можно было возвести от смерти к жизни только смертью Безгрешного и Бессмертного. Видно, вины людей грешных были столь велики, что не могли быть искуплены и прощены иначе, как исполнением всей правды Божией всеправедным Богочеловеком» (220). После чуда воплощения все прочие чудеса Божия смотрения о нашем спасении представляются как бы обыкновенными, естественными событиями. «Претворение хлеба и вина в Пречистое Тело и Кровь Божию, как и все Таинства: Крещение, Миропомазание, Покаяние для прощения грехов, Священство, Елеосвящение, Брак – всё это последствия того величайшего таинства (воплощения)» (222).

В служении Богочеловека дано «искуплённому, избранному, подвизавшемуся человечеству больше, чем в творении. Мы сделались чадами Божиими, членами тела Его – от плоти Его и от костей Его, братией Его, богами по благодати» (58). Утрачено было житие в земном раю – «дано новое, блаженнейшее, лучшее – на небесах, дано пакибытие обожения. Человек, возжелавший вначале быть богом, не

стал таковым, а погубил и то, что имел; Бог стал человеком, чтобы Адама сделать богом» (64). Снисхождение Бога к падшему человеку чудно. «В соответствии нашему немощному естеству Он принимает Сам на Себя человеческое естество, живёт с человеками, общается, беседует с ними, исцеляет всякие болезни, пешествует, призывает к покаянию и Царствию Божию, прощает грехи, трудится, утомляется, вкушает пищу и питие, сон; – терпит за нас насмешки, поругания, биения, пригвождение ко кресту и муки креста, смертельно скорбит и умирает и силой Божества воскресает и нашу смерть побеждает! О, чудо! О, смотрение ужасное и всерадостное! О, победа всесильная! И в конце концов дарует нам обожение в причащении Тела и Крови Своей, в соответствие нашей природе – под видами хлеба и вина; даёт в них всего Себя, утаивая в Них Своё неприступное, страшное, всесвятое и нетленное Божество!» (220-221)... Драгоценны страдания Господа за всех нас. Без них мы оставались бы жертвами ада. Драгоценна Божия благодать, даруемая Крестом, «драгоценны, искупительны заслуги Христа пред Отцем Небесным, единожды и на все века за нас принесённые Сыном Божиим Отцу Своему, за нас непотребных и погибавших» (218). Дивно Божие милосердие, явившееся во всепримирительной крестной жертве (58). «В воплощении, житии и учении на земле Господа нашего Иисуса Христа, в Его страданиях и смерти, вообще в домостроительстве Божием о нашем спасении, выразилась осязательным образом вся благость, правда, премудрость и всемогущая сила Божия – в примирении согрешившего человека с Богом, в победе Господа над врагами нашего спасения, в упразднении праведного проклятия Отца Небесного, изречённого вначале нашим праотцам и всем человекам; в даровании благословения и всех сил к животу и благочестию, в основании Церкви и победе её сынов и дщерей её над всеми кознями ада, которому попущено от Бога до времени вести войну с членами Царствия Божия; – в чудесных, бесчисленных и страшных, спасительных силах Божиих, укрепляющих мучеников и мучениц и все соборы преподобных, в содеянии их спасения и прославления, в содеянии сего спасения и доселе – и в дивных, всемощных победах

благодати Божией над борющими человека силами ада, в дивном долготерпении и милосердии Божием к утопающему во грехах человечеству, в благодатном очищении, освящении, укреплении и обновлении его в святых Таинствах Церкви единой и единоспасающей. Ад доселе борется с Небом, по попущению правды Божией, долготерпящей и увенчивающей подвижников и победителей; – но придёт время, когда враги видимые и невидимые будут окончательно побеждены и положены все в подножие ног Спасителя и Бога и верных Его рабов, и последний враг испразднится – смерть. Слава благости, правде, премудрости и всемогущей, воссозидающей и обновляющей человечество силе Божией!» (69-70).

С благоговением склоняясь перед величием милости Божией, святой Иоанн продолжает исповедовать: «Я немощен и грешен, грешен паче всех человеков, растленный всякими грехопадениями во глубине моего существа, подверженный падениям тайным и явным на всякий день и час, имеющий непрестанную нужду в Божием милосердии и заступлении. И сколько на всякий день я сподоблялся и сподобляюсь этой милости и помощи Божией по множеству грехов моих и искреннего, глубокого покаяния моего – нет числа. Милость Божия приумножилась во мне паче числа песка морского! И от каких лютых скорбей, тесноты, смущения и окаянства спасал меня Господь за мои тайные покаянные мольбы, преклонившись безмерным благоутробием Своим! Я должен непрестанно благодарить, хвалить и превозносить моего Господа, избавляющего меня непрестанно от стрел и уязвлений змеиных; благодарить за умиротворение и распространение сердца моего, за победу над врагами невидимыми. Буду с Херувимами и Серафимами непрестанно воспевать победную песнь Богу Спасителю моему: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, непрестанно спасающий и милующий меня”» (67-68).

Без воплощения Спасителя, без Его всеискупительной жертвы – «люди погибли бы навеки». Они не смогли бы достигнуть правды, святости, потому что у них не было бы «сил восстать от падения и совершить дела правды, ибо не было бы им дано благодати Божией к тому; все люди были бы под проклятьем и не было бы им дано

благословенья, не было бы в них благоволенья Божия!» (221). Если бы не воплощение Сына Божия, если бы не вознёс Он «грехи наши на древо креста и не пригвоздил их, и не взял на Себя вины наши, – никто бы из людей не спасся» (222). Христос Спаситель и Его Крест нужны нам в жизни ежеминутно. «Без Христа и креста невозможно спастись… Только Христос исполнил всю правду за нас, принесши Себя в жертву за всех Отцу Своему праведному, и Он Один оправдывает нас – повинных и кающихся… Уязвила тебя злоба на ближнего – нужен Христос, нужен крест; зависть, гордость, блудные помыслы язвят тебя – нужна вера во Христа, нужно покаяние, нужен Крест Христов. Только Христос Крестом Своим может спасти тебя, никто и ничто больше» (64). Один у нас Избавитель от «всепагубного греха» (52). «Но, – скорбит святой Пастырь, – как мало у людей веры в Него! Сколько ругателей Его святыни и правды? Сколько учений противных Его учению?» (52).

Без Христа Спасителя человек мятётся, не находит себе покоя, всем недоволен, духовно мёртв. Со Христом же «жив, мирен, радостен, доволен». С Ним творит «правду и святыню» (65). Господь наш Иисус Христос – источник нашей жизни, «полнота всех благ. Он совершенство, благость, сила, блаженство, красота, разум и премудрость, вечная радость и вечное блаженство, вечный покой, вечная слава. Он наше заступление, избавление, спасение, оправдание, обновление; Он вечная истина и правда. В Нём все обетования Божии» (65). В Нём в преизбытке всякое благо. «Сладости ли ищешь? – В Нём сладость бесконечная, несравненная. Красоты ли ищешь? – Он красота несказанная и украшает любящих Его красотой вечной, нетленной. Света ли ищешь? – Он Свет незаходимый, в тысячу тысяч раз прекраснее солнечного света, и праведников просветит, как солнце, в Царствии Своём. Живота ли хочешь? – Он живот бесконечный и пресладкий. Нетления ли ищешь и жизни нескончаемой? – Он всем любящим Его подаёт жизнь бесконечную. Обновления ли ищешь? – Он наше обновление. Богатства ли ищешь? – Он богатство наше неистощимое, некрадомое, во веки бесконечные пребывающее. А все земные блага кратковременны, грубы, тленны, обманчивы и не удовлетворяют души нашей, созданной для

Бога» (66). И святой Иоанн молится: «О, Кресте Христов, о, вожделенные и сладчайшие заслуги крестных страданий Христа Бога нашего! О, Агнче Божий, исполнивший за нас всякую правду и взявший на Себя все наши неправды! Слава и благодарение Тебе во веки! Слава Кресту Твоему и Твоим всеспасительным и живоносным страстям, нас ради восприятым Тобой, Христе!» (62). «Слава послужившей воплощению Твоему Матери Деве, Предстательнице рода человеческого, рода христианского!» (55).

***

Много дано человеку воплощением Сына Божия – много требуется и от него – взаимности: «...внимания себе, размышления, послушания в делании заповедей Божиих, благодарности, любви, милосердия друг к другу, правды и святости» (214). «О, дивные советы и неизреченные дела Божии, – восклицает святой Пастырь. – Теперь от воли самого человека зависит или спастись, или погибнуть» (64). И нередко бывает так: человек «не хочет знать, что для спасения его бессмертной души Сам Бог сошёл на землю, Сам учил людей Богопознанию и самопознанию, спасению, покаянию и всякой правде, творил чудеса, Сам принял на Себя клятву нашу, пострадал и умер; не хочет знать, что для спасения душ наших основана Им на земле Церковь, Богослужение, Таинства, учительство церковное, управление духовное, руководство ко спасению; всем этим он (человек) пренебрегает, как бы ненужным, не верит, что за всю жизнь придется отвечать на Суде всемирном» (242). Такой человек живёт в суете, тлении, «в пристрастии к плоти и вещам тленным, а не в Боге, не в истине, не в правде, не в духе и нетлении, а потому и наследует окончательно, если не покается, не жизнь, а тление и смерть» (54). Богобоязненные, благодарные, смысленные «человеки познали и восчувствовали этот неоценённый дар Божий и употребили его во спасение своё и других, и наследовали вечное блаженство, а несмысленные, пристрастные к миру и плоти, непрестанно погибают во грехах и даже хвалятся грехами» (54-55).

Нужна, с помощью благодати Божией, борьба с греховным миром, со страстями, с миродержцем (242, 45). Должно свято помнить то, что совершил для нас Господь, и усваивать дарованное Им. «Теперь мне, грешному, – учит Батюшка, – необходимы всякий день и час заслуги моего Спасителя, Его бесконечная правда за меня исполненная, Его Крест, и смерть, и Воскресение, чтобы черпать себе из них милость оправдания, искупления, прощения грехов, избавления от скорбей и теснот, неразлучных спутников греха; черпать правоту, мир, свободу, дерзновение» (57-58). Господь почтил тебя, христианская душа, «величайшей любовью и честью; Он обручил тебя с Собой, как невесту с Женихом, обручением нетленным, духовным, непорочным, вечным, блаженным – и ты должна пребыть Ему верной всякий день и час, до последнего издыхания твоего на земле; а там, в вечности, ты пребудешь вовеки безопасна и неотпадна, неотступна. Век здешний короток, им искупается вечность. Не дремли, не расслабевай, не изменяй Богу, не оскверняйся страстями земными, плотскими. Молись, постись, твори дела благие» (65). Господь для нас нисшел с неба – иди за Ним на небо и мудрствуй горняя! (57). Понуждай себя на всякое доброе дело – «на молитву тайную и явную, на чтение и слушание слова Божия, Божественной службы», на «подачу милостыни, на угождение ближнему во благо ему, на всякое доброжелательство, добротворение, на ласковое обращение», на удаление от себя грехов и страстей (94, 95).

Христианин своей жизнью должен явить, что он достойно носит имя Распятого за нас, хранит заповеди Божии, дорожит ими «больше всякого сокровища, всякой сласти плотской, всякой земной корысти, больше всякого плотского наслажденья»; должен отражать «всякий прилог греха верой и страхом Божиим», противопоставлять «вожделению плотскому – желание небесное, духовное, Божественное; грешному желанию – святое желание; нечистому – чистое; материальному – духовное; тленному – нетленное» (90).

Естество наше восстановлено от «ужасного падения», «украшено, укреплено, обессмертвовано, прославлено Сыном Божиим и Духом Святым по воле Отца, посажено на престоле Отчем на Небесах!

И мы ли ещё будем прилепляться» к тлению земному! (63)... Примером христианского благоповедения служат для нас Святые, показавшие совершенное послушание Богу и совершенное бесстрастие к миру и плоти (63-64). «И я, – говорит о себе святой Пастырь, – прибегаю к нему, моему Искупителю, непрестанно, каждый день и час, и получаю богатство щедрот Его – прощение и оправдание ради веры в Него и покаяния моего, и приемлю мир, свободу, обновление, силу и крепость души и тела» (58).

«Проникайтесь же, – призывает Кронштадтский Чудотворец, – любовью к вам Распятого на Кресте, воспламеняйте ей сердца ваши к нему, как Он пламенеет к Вам Своей любовью и среди страданий Своих на кресте; упивайтесь этой святейшей любовью бесконечно, как бесконечен Сам Бог и не будьте равнодушны, неблагодарны, холодны, безверны, безрассудны и несмысленны. Для вас всё это богатство сострадания и любви, для вас эта жертва искупления и спасения. Оторвитесь, отрезвитесь от житейской суеты и страстей; отложите всякое житейское попечение, да подымете сердцами своими Царя всех, Ангельскими дориносима чинми!» (62).

VII. ВЕТХИЙ И НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

> «Человек чувственный всегда долу зрит; человек духовный горе́ зрит, горе́ имеет сердце своё и там непрестанно созерцает Бога, живущего в неприступном свете, и всегда пленяется Его красотой и благостью несравненной, его премудростью вечной, силой присносущной; любит Его горячо и прилепляется к Нему»
>
> *(144)*

Цель домостроительства Божия о человеческом роде – *"да совершен будет Божий человек и ко всякому доброму делу приготовлен" **(2 Тим. 3, 17)***. «Вот, – рассуждает православной веры Поборник, –

безмерно великая спасительная цель всех великих событий в области веры православной, прославляемых одно за другим ежегодно в Церкви. Вот цель Рождества Христова или явления Бога во плоти, вот цель обрезания Господня и праздника Крещения Господня от Иоанна во Иордане, т.е. чтоб был совершен Божий человек, падший и растлевший всякими видами греха, и готов на всякое благое дело беспрепятственно, охотно, с усердием и радостью, а не на всякое дело лукавое стремителен с поспешностью и алчностью, как зверь кровожадный» (179-180).

***

В каждом из нас живёт *ветхий* человек, которого мы унаследовали от падших прародителей; он столь богопротивен, что Всесвятому Богу – нашему Создателю – не обретается места, «где главу приклонить» (164).

В чём же этот ветхий человек проявляется? «В греховном самолюбии, саможалении, самоугодии или плотоугодии, лености, гордости, презорстве других, тщеславии, честолюбии, неповиновении, сластолюбии, корыстолюбии, в лукавстве, презорстве и обидах ближнего, в скупости, лжи, обмане, в гневе, раздражительности, нетерпеливости к другим из-за самых пустых причин, во всяких видах блудной нечистоты, в ропотливости, суетности и прочих бесчисленных страстях» (164). Ветхий человек – «человек мира сего, плоти и крови» – исполнен самолюбия и плотоугодия. Потому он «духовно близорук и слеп, и дальше этой жизни и своего носа не видит ничего. Весь его разум, мечты, воображения, удовольствия, надежды, расчёты, скорби или радости вращаются в этом мире; в будущее блаженство, в будущие муки он не верит и считает будущую жизнь за басню» (126-127). Человек ветхий «совершенно противоположен новому» своими лукавыми зрением и слухом, нечистыми осязанием, обонянием, вкусом, умом, воображением, памятью, намерением, волей, нечистым сердцем, всей богопротивной деятельностью, ибо она «полна самолюбия, самоугодия, своекорыстия» (39).

Святой Иоанн скорбит, что «развитие страстей ветхого человека считают за что-то правильное, за развитие природы и способствуют этому развитию. Вот до чего договорились наши учители» (205). Светская литература и искусство стремятся бесстыдно изобразить женские тела, «чтобы прельщать на грех всех... Обуздай, Господи, борзописцев и живописцев!» (211). Христианская же вера учит и призывает «распинать страсти и похоти плотские, иначе человек навеки погибнет» (205).

Так как ветхий человек – этот «древний глупец и крайний самолюбец, сластолюбец и своевольник» – очень силён и живуч в нас, то его надо ежедневно распинать, твёрдо противиться ему «и презирать его, усердно призывать Подвигоположника Христа, всемогущего Вождя нашего и Победителя древнего врага, прелестника и насильника нашего, борющего все человечество, и стараться всемерно творить волю Божию, благодатью Духа Святого» (227-228). Как же надо очищать душу от «ветхости», восстанавливать её, а затем украшать и укреплять в добродетели! (35).

Новый человек – это «человек духовный, верующий», любящий, «по возможности всех», считающий «всех чадами Божиими; он витает мыслями, сердцем, воображением на небесах, созерцает в них Бога, Его вечность, красоту, блаженство, святость, благость, правду, светлость и стремится к соединению с Ним чрез праведную жизнь, Богомыслие, добродетель, кротость, милосердие, воздержание, терпение и проч.» (127). Он желает «себе и другим, чтобы имя Божие прославлялось непрестанно в нём и в других» (124); он стремится, чтобы в его существе – душе и теле – были всегдашние «строй и гармония всех сил, при постоянном повиновении законам Творца и Промыслителя» (125).

Сопоставляя ветхого и нового человека, Праведник говорит: «Грешники в Священном Писании уподобляются дымящимся головням или поленам, ибо они тлеют и смердят страстями своими, тогда как праведники подобны благоухающему кипарису, облаговонствующему приступающих к ним кротостью, смирением, воздержанием, чистотой, послушанием, мужеством, терпением, –

благовонным нетлением их телес» (128-129). В одном человеке действуют два – ветхий и новый, алчба праведная и алчба греховная. Первая: «Алчба святости, правды, веры, надежды, любви к Богу и ближнему; алчба мира Божия, ига и бремени Господня – лёгкого; алчба кротости, смирения, простоты, воздержания, чистоты, молитвы, славословия, покаяния, слез, послушания, трудов на пользу ближнего; алчба милосердия, чтобы творить добро ближним и проч.» (287-288). Вторая: «Алчба корыстолюбия, сребролюбия, богатства, чести; алчба невоздержания, чревоугодия, сластолюбия, игр, конских ристалищ, театров, зрелищ; алчба блуда, непокорности высшим, родителям, начальству; алчба пьянства, воровства, неверия, вольнодумства, богохульства, предательства, зложелательства, упрямства, своенравия (каприза), мщения, гонения за веру; алчба уныния, убийства, самоубийства. В одном человеке два человека – ветхий и новый» (288).

Победить должен новый человек человека ветхого, «наследованного от Адама – лукавого, растленного, злого, неверного, чуждого Бога – и можно ли перечесть грехи ветхого человека, которого мы должны совершенно отречься по слову Сладчайшего Спасителя, и которого мы любим, бережём, ласкаем, покоим, утешаем всячески, подкрепляем?» (288).

Жизнь земная пред вечностью одно мгновение, а значит, и подвиг земной краток, «но воздаяние вечное». Вывод ясен: «Есть из-за чего потрудиться! Господь облегчил тебе труд, много потрудившись для тебя и за тебя прошедши здесь путь страданий ужасных и бесчеловечных. Не прельщайся благами, сокровищами, сладостями, красотами сего скоропреходящего и погибающего мира. Борись, молись, трудись, подвизайся, не ленись, чтобы вечно покоиться там, где все праведнии упокоеваются!» (101). Жизнь истинного христианина и можно представить себе только как постоянное бодрствование над собой и как борьбу с ветхим человеком… «Да, жизнь христианина есть непрестанная борьба со страстями и похотями… война духовная, постоянное упражнение в самоотвержении, милосердии, очищении себя от всякого житейского пристрастия и в созерцании

Божественной красоты, благости, правды и милости, премудрости, присносущия, всемогущества непрестанного Его Промысла о мире и особенно о роде человеческом, об искуплении его страданиями, смертью Своей и воскресением» (176-177).

Очевидно: «Как глуп ветхий мой человек! Как суетится всякий день и крушит дух свой в суетных желаниях и поисках, а единое на потребу оставляет. Господи, как глубоко пал человек в чувственность и пристрастился к суете, а от Тебя, истинного живота, света мира, силы и радости – отпал! Между тем *"сколь благо прилеплятися к Тебе, Боже, и полагать в Тебе упование спасения нашего" (Пс. 72, 28)*» (225).

***

Не надо во всём подчиняться нашей плоти. А чтобы мы знали как подобает поступать, нам даны заповеди Христовы – их светом и должно освещать побуждения нашей природы и умерять их, а ещё лучше – совсем отсекать. Например, плоть понуждает нас к роскоши, а мы не поддаёмся этому влиянию и вкушаем простую пищу, принимаем простое питие; плоть нудит нас подольше поспать, а мы спим лишь столько, сколько нужно для подкрепления сил. «Отсюда происходит добродетель трезвения, воздержания и бодрствования». Плоть располагает нас к лености, а мы не поддаёмся сему, не зарываем в землю свои таланты, не уподобляемся лукавому и ленивому рабу, а понуждаем себя ко всякому добру… Всем нам дан «свет разума, совести, откровения Божия, или свет заповедей Божиих; и мы должны неотложно последовать этим светочам, если желаем себе здоровья, душевного спокойствия, долголетней жизни и спасения души своей».

И «ещё о той же плоти: по своей слепой жадности иные люди хотели бы всё забрать себе и другому ничего не уделить из захваченного или и праведно добытого имения. Разумно ли это? Очевидно, безрассудно, потому что для одного человека нужно очень немного, и избытки должны быть уделяемы нуждающимся или беднякам,

потому что все мы братья и сёстры Одного Отца Небесного, Который для всех вообще дал в изобилии дары Свои» (168-171).

Должно внимательно следить за своим духовным устроением, за своими делами. «Смотри, – велит святой Пастырь, – к кому или к чему направлены вожделения своего сердца; к Богу или к миру; к небу или к земле; к нетленным ли и вечным благам, или к тленным и преходящим; к духу или плоти! Смотри – враг бесплотный, лукавый не спит: он свое дело, дело твоей прелести и погибели, делает в тебе непрестанно, старается окрадывать душу самыми разнообразными суетами… Бодрствуй и не предавайся дремоте греховной. Помни, что один Бог есть предмет вожделений нашего сердца» (95-96).

Примером христианского благоповедения – человека нового – служат Святые, явившие здесь, на земле, «небесное сердце» (63, 96), всем сердцем возлюбившие правду (152), молитву, чтение слова Божия, духовное собеседование, сострадание, милосердие, чистоту, воздержание, смирение (116) и всей душой презревшие греховные движения, грех, в каком бы виде он ни приступал – «в виде ли гордости, или зависти и недоброжелательства, или сладострастия, блудных помыслов и пожеланий, или в виде непослушания и упрямства, или лености, или ропота, уныния, отчаяния, недовольства жизнью» (152). Именно они распяли ветхого человека и умертвили его, «то есть самолюбие, корыстолюбие, сластолюбие, тщеславие, лицеприятие, своенравие, непокорность, саможаление, леность, негу, злонравие, лукавство, зависть, ненависть, осуждение ближнего, ропот, малодушие, уныние, нетерпеливость, презорливость, гнушение человеком ради его болезни, неблагообразия, несоответствия характера и проч. и проч.» (112-113).

И мы, если будем следовать по стопам Святых, будем причтены к их сонму – получим небесные венцы. Господь «пожалеет нас, будет милостив к нам, не посечёт как бесплодную смоковницу, но на много лет дарует нам покаяние и трости надломленной не переломит, то есть не посечёт смертной секирой» (113-114). Чем чаще мы будем обращать наш ум и сердце к Богу, тем больше будем получать от Господа помощь, «заступление, защищение, избавление,

спасение, мир, свободу, легкость, радость, торжество над злом и грехом», чувствовать «над собой державу Божию, благость Божию, Его скоропослушливость» (114). «Бездна милости Божией победит бездну грехов» (114).

Как это отрадно всё сознавать! Как это влагает в каждого из нас, «в меня твёрдую уверенность, что и по смерти жива будет душа моя и восхвалит Его, Господа и Спасителя нашего, и судьбы Его помогут мне; что я предам душу мою в руки Его!» (114).

И святой Иоанн призывает: «Бей нещадно поползновения греховные в сердце, поползновения плотские и мирские, всякое пристрастие к земным вещам, сластям, украшениям, приобретению или наживе, корысти, увеселениям». И одновременно: «Оживляй, укрепляй и поддерживай в себе стремления духовные, святые – к благам негибнущим, вечным, жизненным, приснорадостным, уготованным для человека благостью и властью Божией от вечности» (151).

Своими собственными силами убить грех и таким образом свергнуть ветхого человека невозможно, и дерзновенный Молитвенник о людях просит помощи Божией, давая образ и нам: «Господи!.. Даруй мне силу распять его, отвергнуть его, не доверяться ему, как ехидне, но всегда наступать на него, попирать его, презирать его, наперекор всё делать ему!» (172, 173). «Даруй нам, Господи, радость победы над многомятежным, страстным ветхим человеком, живущим и действующим в нас и усиливающимся царствовать над новым благодатным человеком, не допуская нас быть новой тварью при совлечении ветхого человека с деяньми его» (245).

Заключение

«Подвизайтесь!.. Не дремлите!»
(97)

«Дано тебе, христианин, как восстановленному образу Божию, – много от Бога благодати и силы, потому много и взыщется от тебя, много дел благих»
(247-248)

Человек получает величайшую милость от Бога – быть с Ним в общении (213) и для усвоения сего ему подаются Всещедрым Господом безмерно великие и многие средства: жажда «спасения, мира и блаженства в душе; свет разума и стремление воли нашей ко всему истинному, доброму, прекрасному, чистому, возвышенному; обилие благодати, данной нам для спасения и подобно рекам текущей в Церкви и наполняющей души, жаждущие спасения; близость и готовность Господа спасать нас на всякое время и всякий час; *"ходатайство Духа Святого воздыханиями неизглаголанными"* ***(Рим. 8, 26)***, пособие, содействие Ангелов Хранителей ко спасению, Богослужение ежедневное в церкви, спасительные Таинства, молитвы и ходатайство Божией Матери и всех Святых» (81)… «Меня поражает, – размышляет Батюшка, – величие даров Божиих человечеству в обессмертвовании, очищении, освящении, обновлении и обожении его природы» (42). При всём этом удивительно «лукавство человека» (42), его нерадение, небрежение и леность в попечении о своём спасении (81). Казалось бы, все должны спастись! «Конечно, много противодействий ко спасению: искушения от плоти многострастной, от мира прелюбодейного и грешного, от дьявола, всюду расставившего сети на погибель; естественная порча, греховное зачатие и рождение во грехе; наклонности и привычки ко греху. Но гораздо больше

средств ко спасению, чем к погибели. "*Яко болий есть иже в вас* (Христос), *нежели иже в мире* (диавол)" ***(1 Ин. 4, 4)***, и все Святые победили все препятствия и спаслись. А мы что? Дремлем и спим! Стыдно, грешно, больно, плачевно» (81-82). Требуется «решительное изменение, возрождение, обновление, иной образ мысли, верований, чувств, дел» (42).

Берёт над нами верх грех потому, что глубоко проник в нашу природу и засел в ней, «в нашем сердце, в нашей многострастной плоти, сделал себе крепость из наших же страстей, самолюбия, сластолюбия, честолюбия, гордости, корыстолюбия, невоздержания, самомнения, маловерия, неверия, вольнодумства, лицемерия, лености, лукавства, и этими страстями, как сильными орудиями, подстреливает нас и берёт себе в плен, отрешая, удаляя от Христа, истинного Живота нашего» (82).

Нужна борьба со злом и борьба непрестанная; «молитва непрестанная, воздержание в пище и питии всегдашнее; поучение в слове Божием непрестанное; Богомыслие всегдашнее» (232). Чтобы удостоиться вечного праздника в Царстве Славы, необходимы победоносная борьба с грехом, подвиг очищения от всякой скверны «и украшение души всякой добродетелью: верой, любовью, простотой, смирением, незлобием, послушанием, воздержанием, чистотой и целомудрием, милосердием и милостью к ближним» (240). Без подвига же невозможно достигнуть вечных благ, «ибо все люди проникнуты грехом, отчуждающим от Бога, и с грехом необходима непрестанная борьба, с помощью благодати Божией, победа и одоление» (240).

Вся наша земная жизнь – «в состоянии падения» – характерна постоянной борьбой с невзгодами, трудностями, «с влекущим нас непрестанно долу грехом, отчуждающим и удаляющим от Бога, Источника жизни, и подвергающим смерти духовной, скорби и тесноте» – есть непрестанное покаяние и понуждение к добродетели в житейских хлопотах и суете (245-246). С раннего утра человек погружается в заботы, беготню, работу. Несомненно, труд – усердный, спокойный – нужен, но и он не должен вытеснять дело Божие – молитву, чтение Священного Писания, житий Святых, их творений

и проч. (271). «Сколько нужно человеку труда над собой, внимания к себе постоянного, непрестанной молитвы, слёз и рыданий самых искренних, и воздыханий из глубины души, и воплей пламенных», чтобы сбросить с себя смрадные одежды греха (18-19). Борьба, несомненно, трудная, но именно она приводит к желанной цели – «чрез искреннюю и непрестанную борьбу с грехом душа укрепляется в вере и любви к Богу, ко всякой добродетели, просвещается, делается твёрдой, непоколебимой. О, как многие погибли и погибают, потому что нимало не боролись со своими страстями, но до конца потворствовали и удовлетворяли им» (241).

Требуется постоянное бодрствование, самонаблюдение. «Каждое мгновение внимай себе, – учит святой Иоанн, – смотри за душой своей как бы не осквернилась каким тайным или явным грехом; грех мгновенно нападает на душу и парализует (связывает) ее, если тотчас не воспрянешь духом и не отгонишь его. Потому и заповедано нам: "*Трезвитесь и бодрствуйте*" ***(1 Петр. 5, 8)***» (280-281). Наблюдай за собой, куда смотрит твоё сердце – к святыне или ко греху, к небу или земле, к нетленному или суетному, «чем или кем оно живёт – Богом или миром, правдой или суетой!» (281). Мало принесет пользы тебе, если ты будешь строить храмы и обители, а «о внутреннем духовном своём храме» не порадеешь, не будешь созидать его (281).

И святой Печальник земли Российской много, много раз зовёт и зовет всех нас:

- «Подвизайтесь!.. Не спите!..» Не расслабляйтесь! Не оскверняйтесь страстями! Не изменяйте Богу! «Обновляйтесь, ветхого человека с делами его совлекайтесь!» Молитесь, поститесь, творите «дела благие!» (97-98, 65).
- «Противостойте греху всякому и постарайтесь исполнить всякую правду». «Побеждайте зло молитвой и благодатью Божией» (232).
- «Боритесь непрестанно с грехом с помощью Божией: Господь, Помощник наш и Заступник наш, – ближе к нам всегда, чем грех» (98).
- Не ленитесь, стойте «на страже своих помышлений и сердечных движений», благодарите Бога, пойте ему, славьте Его непрестанно (191). Он благ, но и страшен! (192).

- «Поминайте чаще, что Господь нам сделал и делает для нашего спасения; какие подал и подаёт силы борющимся против греха, как славно венчает победителей греха. При таком ли всесильном Вожде нам дремать, лениться и падать? А если и падёшь по немощи, по навыку грешному или по неопытности – тотчас вставай и опять борись, умудряйся в духовной брани и побеждай!» (100).
- Живите с Богом и будьте верны Ему! (287).
- Будьте готовы «на всякий день явиться на суд Господа покаянием и добродетелью», ибо не знаете, «когда позовёт Праведный Судья к ответу» (119).
- Употребите все свои «способности, все органы и чувства телесные во славу Божию, и за своё разумное устроение земной жизни» получите «долголетнюю и благополучную жизнь на земле и вечно блаженную на Небесах» (10).
- «Трудитесь же все душой и телом, не ослабевайте, спасайте души свои, чтобы достигнуть вечной жизни в Боге и с Богом и со Святыми, Ангелами и человеками» (271).
- Святые призывы Кронштадтского Праведника можно завершить его же святой молитвой: «О, дай, Боже, долго, долго славить Тебя и мне, Господи Иисусе Христе Боже, Пастырю и Просветителю души моей, – на всякий день и час, со всеми верными чадами Твоими! Аминь» (136).

БЛАГОВЕСТВУЕТ СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (по его беседам, словам, поучениям, речам)

Предисловие

«Стяжи дух мирен – и тысячи вокруг тебя спасутся». Эти слова преподобного Серафима Саровского хорошо известны – если не всем, то многим, многим. О чём они говорят? О том, что учить других надо, прежде всего, своей собственной жизнью, примером своего христианского подвига, своим поведением. Если мы, достигнув человеческого красноречия, будем говорить даже *"языками Ангельскими"* ***(1 Кор. 13, 1)***, но слово наше не будет подтверждаться делом или (сохрани, Господь), станет даже противоречить ему, – проповедь наша не только не принесёт должной пользы, а послужит к гибели слушающих, да и нас самих. Но если поучение наше вытекает из наших добрых, святых дел и утверждается на них – приносит плод в тридцать крат, а *то и в сто* ***(Мф. 13, 8)***. Свидетелями сему служат все Святые, все подвижники благочестия. Как повествуют описания их жития, часто достаточно было паломникам побыть некоторое время лишь рядом с ними и услышать от них всего несколько слов, чтобы вернуться в свои селения иными людьми – преображёнными, светлыми, добрыми… Таким Святым именно и был праведный отец Иоанн Кронштадтский, всегда спешивший туда, где были беда, горе, нужда…

Мне нет необходимости перелагать житие Батюшки – оно многократно представлялось в разных изданиях, к тому же в некоторой мере и я касался его в своих прежних очерках, посвящённых наставлениям святого Пастыря. Хочу лишь привести рассказ одной интеллигентной девушки, в котором изобразился, можно сказать, весь этот дивный святой Муж. Вот ее рассказ:

«Судьба рано заставила меня страдать и томиться жизнью… От природы болезненная, ни к чему не способная, но изнеженная, нервная, я была в тягость другим и сама себе. Отдали меня в институт. Но и оттуда через три года исключили меня по неспособности к учению. Отца моего уже не было в живых. Мать моя, болезненная женщина, не имела средств меня содержать так, как мы жили при отце. Наконец, умирает и мать моя. Не имея возможности нигде прочно приютиться, я перекочёвывала с места на место. Одно время я гостила в Кронштадте. И здесь мне было скучно. Однажды мне уж очень стало тяжело, и я во время одной прогулки начала обдумывать план, как бы мне прекратить своё бесполезное и мучительное существование. Сидя в таком грустном настроении, я не заметила, как подошёл ко мне священник и, приветливо поклонившись, сел на другой конец лавочки… Не желая ни с кем разделять своего тяжёлого настроения, я встала и хотела удалиться. Но незнакомый мне Батюшка остановил меня и сказал: „Я обеспокоил вас, кажется? Извините. Но проходя мимо, я не мог не подметить тяжёлого настроения вашей души, свидетельствующего о глубокой, высокой вашей скорби. И как пастырь, хотя и незнакомый вам, но по сану пастырства не чуждый, решил подойти к вам и с чувством искреннего участия побеседовать с вами. Не стесняйтесь, откройте мне вашу скорбь! Может быть, через меня, грешного, Господь и успокоит вас и утешит вас“. Тронутая таким участием человека, мне совершенно незнакомого, я горько заплакала, но ничего не могла сказать, кроме одного: „Я – несчастная! Лишняя на свете!“ – „Великий ум Творца не мог сотворить ничего лишнего, – ответил Батюшка. Указывая на ползающую по песку букашку, он продолжал: – Посмотри, что беспомощнее, ничтожнее этого насекомого? Но и оно не лишнее, и оно приносит долю пользы,

и оно не забыто и не оставлено Творцом! А ты, будучи человеком, этим любимым созданием Божиим, отчаиваешься в Его милосердии? Поведай мне скорбь свою, скажи, что случилось с тобой?"» Девушка раскрыла свою душу – и встретила полнейшее понимание и участие. «Он, – завершается рассказ, – казался мне Ангелом, посланным Богом на спасение от гибели, до которой было уже мне так недалеко... Имени своего он мне не открыл, назвавшись одним из соборных священников...» [1]

Вот такой Образ есть вечно живой призыв – призыв к Вечности. Его голос имеет силу проникнуть до самых глубин душевного устроения, может встряхнуть человека, поднять его и указать верный путь к Небесному Свету.

Автор данных строк стремится взять на себя и исполнить дерзновенное дело – представить основное содержание бесед, проповедей Богодухновенного Учителя. Он знает трудность предстоящей работы, и если берётся за неё, то только с надеждой на молитвенную помощь Праведника, на его милость, а со стороны читателя – на снисхождение.

Все благовестие святого Иоанна сводится автором к четырём разделам:

I. Из бесед святого праведного Иоанна Кронштадтского. (Первая половина 1-го тома и частично 7-го Полного собрания сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева).

II. Важнейшие праздники во славу Господа нашего Иисуса Христа и Божией Матери. (Вторая половина 1-го тома и частично тома 3-й и 7-й).

III. Воскресные дни – полный годовой круг. (Том 2-й и частично 7-й).

IV. Дни памяти Святых, храмовые праздники, торжественные дни и разные события. (Тома 3-й и 7-й).

Святой праведный Иоанн – «пастырем правило и образе верным» – благослови и помоги!

---

[1] Цит. по кн.. *Митрополит Вениамин Федченков.* «Отец Иоанн Кронштадтский». СПб – Кронштадт, 2000. С. 429-430.

ИЗ БЕСЕД СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

«Мы же в молитве и служении
слова пребудем»
(Деян. 6, 4)

I. Триединый Бог

«Теперь, – говорит святой Иоанн, – слово о славе и величии всей Святой Троицы. Бог Триипостасный – Отец, Сын и Святый Дух – безначален, всеблаг, всесвят, праведен, всеведущ, премудр без числа, всемогущ, неизменен. Из небытия в бытие Он привел весь мир, видимый и невидимый, одним словом и повелением: *"Той рече, и быша, Той повеле, и создашася" **(Пс. 32, 9)***. Он от одной четы Адама и Евы и от одной крови размножил и множит доселе род человеческий... Он Бог первый, Он и по сих и во веки бесконечные Бог наш. Он содержит в Своей власти Небо и землю, все стихии – свет, огонь, воздух, воду и землю, – тепло и холод, дожди и сухоту, все плоды земные, все одушевленные и неодушевлённые твари; Он творит изобилие и голод. Он мертвит и живит, низводит в ад грешников и возводит за покаяние; он смиряет и возвышает, убожит и богатит. *"Он судит все концы земли, праведен Сый" **(Пс. 74, 8)***» (7 Д: 36-37) [1].

Учение о Триедином Боге есть и важнейшее, и возвышеннейшее в православной христианской вере, ибо Он есть Источник и премудрости, и знания. «Познание Бога во Святой Троице есть жизнь вечная для разумных тварей» (1: 2). Будучи возвышенным, догмат о Триедином Боге есть и самый непостижимый. Мы знаем только то, что Сам Бог

---

[1] Все цитаты приводятся по изданию: «Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева» СПб , 1892-1894, 1897 гг. В семи томах. (Репринтное издание. Издательство Л.С. Яковлевой. СПб , 1993-1994 гг.). Первая цифра означает том; цифра (или цифры) после двоеточия – страницу (или страницы) данного тома. Так как 7-ой том состоит из шести книг с отдельной пагинацией, то том обозначается так· 7 А, 7 Б, 7 В, 7 Г, 7 Д, 7 Е

по Своему благоволению и снисхождению к нашей немощи открыл: есть Пресвятая Троица – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, но что «касается того, как во Едином Боге Три Лица… то это выше всякого разумения» (1: 3). Здесь требуется от верующего «смиренная простота» (1: 3). Но тайна не должна нас смущать – мы видим немало непонятного и в нас самих, и вокруг нас. Мы, например, не знаем, как наша душа соединяется с нашим телом. Ещё более тайн встречаем в окружающем нас мире. Человек слишком мало знает по сравнению с тем, чего ещё не знает, невзирая «на успехи естественных наук» (1: 4).

Пресвятая Троица есть Единосущная и Нераздельная. «Единого Бога в Троице и Троицу во Единице почитаем, не сливая Лиц и не разделяя единого существа Божия» (1: 6).

Святая Церковь за каждым Богослужением приглашает молящихся поклониться Трём Лицам Триединого Бога, «то вместе, как единочестным, то отдельно для испрошения потребных благ у Того или Другого Лица» (1: 9). Она многократно повторяет Их, чтобы Имя Живоначальной Троицы вкоренить в наших мыслях и сердцах, «чтобы мы постоянно дышали и жили молитвой, славословием и благодарением Ей» (1: 9).

По своему существу все Три Лица имеют одни и те же совершенные свойства. Различие есть не существенное, а только личное. Бог Отец отличается от Других Лиц тем, что Он имеет жизнь, бытие Сам от Себя – *в Себе* ***(Ин. 5, 26)***. Сын – вечно рождается от Бога Отца, Дух Святой – исходит от Него. Рождение Сына нельзя представлять подобно человеческому рождению: оно чуждо страдания, отделения, времени. Оно духовно, ибо Сам Бог есть Дух. Рождается Сын совершенным – кем Он есть сейчас, есть вечно. Рождается «во всём подобным Родившему», как Жизнь от Жизни. «Совершен Родивший, совершенно и Рожденное». Не был приведён из небытия в бытие, как, например, Ангельский Мир; «не принял в усыновление такое лицо, которое не было сыном», но от вечного Отца вечно и неизреченно рождается и рождается Единый – Единородный (1: 13). Также и исхождение Святого Духа от Бога Отца должно представлять «не чувственно, т.е. не по-человечески, а – духовно, как один Бог

знает, равно как должны признавать Его отличным от рождения, хотя мы и не знаем, чем различается рождение от исхождения. Дух Святый также вечно исходит от Отца, как и Сын вечно родился от Отца»; исходит, но никогда не отделяется от Отца» (1: 14). Вместе с Отцом и Сыном Он даёт всякой твари жизнь (1: 15).

Поклоняться должно – и должно всем – «Триипостасному Божеству: Сыну во Отце со Святым Духом, Духу от Отца исходящему и в Сыне почивающему» (1: 16), ибо все Три Лица «совершенно равны между Собой по достоинству так, что между Ними нет ничего первого или последнего, большего или меньшего, служебного и привходящего, чего бы прежде не было и что вошло бы после» (1: 17-180). И святой Иоанн призывает словами церковной молитвы: «Каждый раз, во всякой молитве, "Отца прославим, Сына превознесём, Божественному Духу верно поклонимся, Троице нераздельней, Единице по существу, яко Свету и светом, и Животу и животом"» (1: 21).

II. Бог – Творец и Промыслитель мира

Бог, прославляемый и поклоняемый во Святой Троице, сотворил мир и сотворил по Своей благости одним словом, одним повелением привел из совершенного небытия в бытие. С момента творения началось и течение времени – до сотворения мира его не было, «была только вечность всегда постоянная, ни начала ни конца не имеющая, или лучше сказать, – был только вечный Бог во Святой Троице» (1: 23).

Примечательно то, что святой Иоанн после тех или иных размышлений о Боге – Творце и Промыслителе останавливается и делает глубоко-назидательные нравственные выводы, которые для духовной жизни христианина имеют непреходящее значение.

Прежде всего, Бог сотворил духовный мир – Небесные Силы. На возражение тех, кто говорит, что Ангелов нет, потому что они их не видят, святой Пастырь отвечает: «Самая слепота таких людей некоторым образом доказывает то, что Ангелы на самом деле есть. Так слепец не видит солнца, луны и звёзд, украшающих небо и освещающих Землю, но это невидение доказывает только то, что

он – слеп. Светила сияют независимо от того, видит он их или нет. Также и бытие Ангелов…» (1: 24). «Священное Писание решительно удостоверяет… в существовании особого Мира Духов» (1: 25).

Ангелы постоянно славословят Бога, но «не голосом, не языком, как мы, а духовно, умным образом. Святая Церковь говорит об их славословии так: „Бестелесными устами и умными усты Ангельские чины непрестанное пение приносят Твоему неприступному Божеству, Господи“» (1: 26-27).

Число Ангелов неизмеримо – «бесчисленное множество». «Наши человеческие силы недостаточны для того, чтобы подвести под них все Силы Небесные» (1: 30). И должно быть понятно уже потому, что на нашей маленькой Земле, составляющей ничтожную часть во всем творении, насчитывается так много разнородных созданий, что человек всех и не знает, тем паче несравненно больше должно быть бесплотных Сил, не ограниченных местом так, как мы (1: 30).

У Ангелов есть своё чиноначалие. Разделяются они на три чина, а последние – на девять ликов. В первый чин, стоящий ближе всех к Богу, входят: Престолы, Херувимы и Серафимы, во второй – Власти, Господства и Силы, в третий – Ангелы, Архангелы и Начала. «Впрочем, – замечает святой Иоанн, – учение о небесном чиноначалии вообще таинственно и непостижимо для нашего разума, пока мы – на земле и видим предметы мира духовного только “*якоже зерцалом в гадании*”» (1: 33).

Честнее – без всякого сравнения – Херувимов и также славнее Серафимов Божия Матерь, ибо Она не только носила на Своих Пречистых руках Носящего весь мир «одним словом Своим», но имела Его «и во чреве, и есть истинная Матерь Бога Слова» (1: 35).

Сказав об Ангелах и Превысшей всех Небесных Сил Божией Матери, святой Иоанн делает нравственный вывод: «Поймём же, братия, сколько можем, величие Божией Матери и будем чтить Ее по достоянию, как Владычицу Ангелов и человеков. Не забудем чтить подобающим поклонением и Ангелов, как друзей Божиих, как совершеннейших, разумных тварей Божиих, в коих Бог преимущественно почивает Своей благодатью» (1: 35).

***

Некоторые светы превратились в тьму – явился первый грех; вместо послушания Богу пришли гордость и непослушание. Один из ближайших к Богу духов – денница, возомнил стать самостоятельным светом, Самим Богом; возмутил он против Бога и некоторых подчинённых духов. Господь низверг их со светлого Неба.

О бытии злых духов много говорится в Священном Писании. О них свидетельствует и опыт человека. Наблюдавшие за собой, за состоянием своего духовного устроения, нередко замечали, что их душа, прежде спокойная, тихая, вдруг возбуждалась какой-то нехорошей силой и начинала возмущаться. Эта сила стремилась представить им всё святое, доброе, прекрасное в нечистом и мрачном виде. Ясно, что здесь проявлялась не только испорченность человеческой природы – «тут именно заметно действие посторонней злой силы… действие духов злобы поднебесной» (1: 390). Бытием злых духов объясняются многие греховные явления в жизни людей: падения, развращения, безбожие и вся прочая гнусность – «злость бесовскую можно видеть в людях, исполненных нечестия» (1: 40).

Падение злых духов настолько глубоко, дела их настолько злы и пагубны, что покаяние для них невозможно. Потому-то они обречены на бесконечные муки, в которые пойдут и нераскаянные грешники (1: 41).

И святой Пастырь предостерегает: «Братия! Злые духи были в начале добрыми и уже потом сделались злыми чрез противление воле Божией. Почему и осуждены за свою упорную гордость на вечные мучения. Эта опасность – подвергнуться вечным мучениям… может легко и нам угрожать; и люди бывают дерзкими противниками воле Божией» (1: 42).

***

Бог есть Творец видимого мира – этого чудного создания Божия: «В нём везде видна бесконечная премудрость и присносущная сила Творца» (1: 43).

Святая Библия открыла нам как всё произошло, откуда явилось все «множество и разнообразие тварей» (1: 45)... Сначала Бог создал вещество Вселенной, а затем устраивал его. Вещество это вначале представляло собой некую смесь – земли, воды, воздуха и огня. «Ничто не было разделено, ничто не имело тех видов и форм, какие мы видим теперь» (1: 46). Долго ли так продолжалось – неизвестно. И вот Господь, чтобы прекратить «нестроение и беспорядок», создаёт «природу вещественного света» (1: 47). Создавши её, «Господь Бог Сам засвидетельствовал, что свет – добрая вещь» (1: 49). Но как понимать день и ночь до появления лишь в четвертый день небесных светил? «Происходил день и следовала нощь не по солнечному движению, но потому, что первобытный свет, в определенной Богом мере – то расширялся, то опять сжимался» (1: 50).

Во второй день Всемогущим Словом мир приходит все более и более в порядок – Бог творит небесный свод, «названный в Священном Писании твердью – оттого, что на нём как будто утверждены светила небесные» (1: 51).

В третий день Господь образовал особые вместилища для воды и явил сушу. В этот «день выдвинулись из земли и воздвиглись на ней горы, потому что для воды необходимо было сделать обширные и глубокие ложбины; а чтобы образовать их, очевидно, нужно было выдвинуть землю и поставить эти горные громады» (1: 54). Ни в воздухе, ни в воде ещё не было живых тварей, а на суше в этот день уже появляются «удивительные растения» (1: 54). Но отчего воды явилось в два раза больше суши – воды две трети, а суши одна треть. И здесь усматривается премудрость Создателя: «Океаны и моря, служа жилищем для несметного множества водных тварей, вместе с тем служат как бы запасными водохранилищами для поливания или орошения земли... Благодаря этим водным вместилищам, земля с бесчисленными своими семействами растений не знает недостатка в воде» (1: 55).

И Богомудрый Пастырь делает, казалось бы, неожиданный, а в самом деле весьма и весьма уместный нравственный вывод: «Вода хотя бездушная вещь, но она, слушаясь слова Господня, делает то, чего мы

иногда не делаем. Вы видите, что она, по законам Творца, подымаясь из разных водяных вместилищ вверх в виде паров, ниспускается потом дождём или росой на растения, которые сами не могут переменять места, и – приносит им живительное питьё, или же, по крайней мере, делает влажным воздух. Так и мы всегда будем служить бедным и немощным нашим собратьям, подавая им слово утешения в бедствии, как прохладительное питьё или милостыню, какую кто может» (1: 56).

В четвёртый день Бог творит небесные светила. И святой Иоанн говорит, как они выполняют своё назначение по отношению к Земле – освещают Землю, производят на Земле дни и ночи, времена года; служат знаками для узнавания вёдра или ненастья, место нахождения на земле или на море – говорит об их величине и расстоянии – удалении от Земли. «Дознано, – замечает он, – что солнце в несколько сот тысяч раз больше Земли. Если же оно кажется таким небольшим кругом, то это… от поразительной высоты, в которой оно горит над Землёй». И тут же делает нравственный вывод: «Каков же должен быть Творец, по воле Коего движутся по небу такие светила и в такой дали? Очевидно, Он должен быть вездесущ и всесилен; для Него всякие величины ничтожны. Но и в нас, братия, есть подобие Божества вездесущего, и для нашей мысли нет таких расстояний, какие есть для тела или для чувств… И чем более человек старается жить добродетельно, свято, тем мысль его бывает свободнее… Весьма светло солнце… так что светлее его мы ничего не видали и всю землю разом видит оно, но *"очи Господни тмами тем крат светлейши солнца суть"* ***(Сир. 23, 27)*** и видят разом всю Вселенную, всё сокровенное и тайное в людях: нет места, где бы можно было укрыться от них» (1: 62). Солнце то опускается, то подымается над нами; лучи его становятся прямее и прямее, начинается таяние, приходит весна, у нас или темнеет и холодает, или светлеет и теплеет. Подобное совершается «и с душой христианина. Когда Источник духовного света и животворной теплоты – Иисус Христос и Дух Животворящий – удаляются от неё, тогда в ней бывают духовный мрак и холод; а когда они приближаются к ней и действуют на неё Своей благодатью,

тогда вдруг в ней водворяется свет и теплота и она вкушает чудный мир и небесную радость» (1: 69).

В пятый день Бог населяет рыбами воду, а птицами – воздух. Всемогущим словом Он из воды творит и рыб, и птиц. «Да, братия, – рассуждает Батюшка, – из одного и того же вещества Творец делает, что угодно… Но вот что удивительно: между растениями и животными, у коих, кажется, всего меньше общего между собой – есть самое тесное родство» (1: 72).

И к сему святой Пастырь присоединяет своё наставление: «Не научает ли чему-нибудь нас – разумных тварей – это сродство всех земных тварей? Научает тесному дружелюбному единению между собой… Станем ли мы унижать себя пред неразумной природой – разъединяться друг от друга чрез самолюбие, ненависть и другие страсти? Покажем, что мы существа разумные, Богоподобные; соединимся между собой чистой любовью, которая для нас есть *"союз совершенства"* ***(Кол. 3, 14)***; не будем разрушать порядка Творца, Который связал сродством всех тварей для их благосостояния» (1: 73).

В шестой, последний, день творения Бог создал земных животных и венец всего – человека. В этот день Господь дал силу земле произвести из себя живые существа. Слова: *"Да изведет земля душу живу"* означают то, что душа животных происходит от земли и есть нечто земное, хотя и тончайшее – потому после смерти животного в землю же и возвращается (1: 82). В начале все звери покорялись человеку – «были ручными», а после его грехопадения вышли из повиновения и стали даже опасны для человека. Но отдельные животные – более полезные для человека – оставлены Богом в его подчинении (1: 83).

Нравственный вывод: от бессловесных многому можно научиться – чему следовать, а чего избегать. Так, вол и осёл служат своему господину – «не будем и мы хуже бессловесных – не отвратимся от своего Господа, Создателя». Собака верна хозяину, но бесстыжа – «и то и другое качество пусть будет для нас уроком: верность усвоим себе, а бесстыдство устраним прочь… Как пчела, летая по лугам, не всё уносит с собой, но выбирая полезное, прочее оставляет, так

сделаем и мы: рассмотрев породу бессловесных, возьмём себе, что есть в них полезного» (1: 87).

Обобщая всё сказанное в беседах о сотворении мира, святой Иоанн заключает: «Только слегка коснулись мы Божия творения и не сказали, и не объяснили весьма многого, что нужно было бы сказать и объяснить; но всё же сказали хотя нечто, а это нечто для внимательных и рассудительных может принести большую пользу» (1: 88).

Когда небо, земля и море составили мир, стал нужен зритель Премудрости Божией, «благоговейный царь земной» – человек. И Бог созидает его, соединяя в нем невидимую и видимую природу (1: 90); творит «для того, чтобы владеть земными тварями, быть зрителем дел Божиих, песнословить Бога, воздавать Ему долг любви и благодарности за приведение и его и всех земных тварей из небытия в бытие и во всём этом находить для себя здесь блаженство, а по окончании земной жизни вступить в наследие жизни будущей, в общение с Богом» (1: 91).

Создаётся человек по образу Триединого Бога. «Потому-то святые Отцы находят в человеке как бы некоторый отпечаток троичности Лиц Божественных: ум, слово и дыхание» (1: 92). Первая черта образа Божия в человеке в том, что он ставится земным царём. «И это делается силой ума и воли человеческой, которые составляют также черты образа Божия» (1: 92-93). Дальше: человек любит правду – «Бог также любит правду»; сердце человека склонно к разумной любви – «Бог есть самая Любовь»; мысль человека способна во мгновение облететь безмерные расстояния – Бог вездесущ. Вообще, всё доброе, нравственно хорошее, присущее человеку, есть образ того, «что есть в Боге» (1: 93-94). А в чём состоит подобие Божие, к которому человек призывается? «Подобие Божие или уподобление Господу Богу состоит в том, чтобы иметь чистый, светлый, Богопросвещённый ум, какой имели Пророки, Апостолы и все Святые; волю, избирающую правду, добро; сердце чистое, искреннее, доброе, простое...» (1: 94).

Первую жену – Еву – Бог создал из ребра Адама – «для того, чтобы род человеческий был весь как бы одним телом, и чтобы люди

удобнее могли беречь и любить друг друга» (1: 95). Увидев её, Адам сказал, что она – "*кость от костей* его и *плоть от плоти* его и потому *муж и жена будут составлять одну плоть*", так что для жены человек оставит даже своих родителей, «как ни сильна и ни естественна любовь» к ним (1: 95-96).

Рассуждая о творении первых людей, Батюшка останавливает своё внимание на теле и душе. Он, прежде всего, подчеркивает то, что тело создано из земли и видит в этом глубокий нравственный смысл: «Если бы люди чаще вспоминали об этом, сколько убавили бы они своей гордости, сколько прихотей, выдуманных для украшения и удовольствия тела, оставили бы они!» (1: 96). Но невзирая на то, что плоть наша «земляная», в ней светится бесконечная премудрость Создателя и потому – пренебрегать ею полностью не должно – она «есть прекрасное, живое орудие души нашей и сонаследник Царства Небесного; вместе с душой и тело наше некогда будет участвовать в блаженстве вечном» (1: 97).

Ещё более явил мудрость Бог в создании души по Своему образу. «Обратите внимание на ум человека, – учит Батюшка. – Чего не сделал он в мире умом своим? Он проник отчасти в звездный мир; он подметил и частью применил в свою пользу законы природы… Он творит много великих дел», которые делают ему честь. Но он был бы ещё более славен, если бы при всех достижениях «меньше пресмыкался по земле – во зле; если бы… менее оставался во мраке пагубного своемыслия и страстей, свирепствующих сильнее ныне, чем когда-либо в другое время, и – воспрял к Небу, своему истинному отечеству, умудряясь в средствах ко спасению» (1: 99-100).

***

В начале первые люди были довольны и блаженны. Их ум был светел; сердце полно любви к Творцу и друг к другу – в них не было ни малейшего места предметам мирской суеты. Воля была святой и стремилась соединиться с Богом, делая только Ему угодное. Жили они «как невинные дети» Богом, Им утешались, Им дышали.

«Наконец, вся земля отдана была во власть» их. Только запрещено было под угрозой смерти вкушать плоды от одного дерева – познания добра и зла. Сделано это было «для испытания и укрепления в повиновении и добре их воли, одарённой свободой, их преданности и покорности Богу» (1: 103-104). Но ни благодарность Творцу, ни страх наказания не удержали прародителей от преслушания – они увязли в смертной сети, устроенной злой силой... Размышляя над сим, святой Иоанн взывает: «Братия! Будьте всегда на страже своих мыслей и своего сердца: диавол и ныне приступает искушать всякого человека, который старается жить благочестиво, Богоугодно, и особенно – в то время, когда человек занимается благочестивым делом... Даже Господь наш Иисус Христос после крещения возведён был духом в пустыню искуситься от диавола, по Своему человечеству: вот доказательство, что диавольское искушение падает на всех людей, ревнующих об исполнении заповедей Божиих. Остерегайтесь исконного человекоубийцы; призывайте чаще в помощь Господа Иисуса Христа, победившего диавола и нам даровавшего крепкое оружие против него: Своё, страшное для демонов, Имя и Животворящий Крест... Как же узнать козни человекоубийцы над человеком? От плодов его познаете его... Вы узнаете присутствие при себе искусителя по потере душевных сокровищ своих: душевного мира, живой, сердечной веры в Бога, надежды на Него и любви к Нему, по духу хуления, ропота, нетерпения, по духу гордости, зависти, ненависти и другим страстям, по какому-то невольному сомненью о непреложных истинах веры, погубляющему душу и проч.» (105-106).

Нарушив заповедь Божию, первые люди не признались в своей виновности. «Вот, – утверждает и наставляет Батюшка, – гибельные следствия греха: грех делает человека гордым, склонным ко лжи, упорным. Это случилось с первыми людьми, это было всегда; это есть и теперь. И взрослые, и дети стыдятся часто признаться в сделанном грехе и ссылаются или на слабость человеческую, или на разные обстоятельства, или на других людей; часто видишь одну гордость и упорство в виновном; нередко встречаешь таких грешников (а мы – все грешники), в коих незаметно ни смирения, ни сознания

перед Богом своей виновности – избави Бог всякого от этих сатанинских плевел» (1: 109).

Поскольку Бог правосуден, а содеянный грех был свободным произволением прародителей, оказавшихся неблагодарными Творцу, то им и определено было достойное наказание: Еве – великие печали, болезни при рождении детей, подчинение мужу; Адаму – проклятие земли, тяжёлые труды в приобретении насущного хлеба – «до тех пор, когда и сами они возвратятся чрез смерть в ту землю, из которой были созданы» (1: 109-110). А так как Бог не только правосуден, но и бесконечно милосерд, то скорбным сердцам прародителей оставил надежду на пришествие Избавителя, Который должен был прийти и спасти человечество от греха, проклятия и смерти. Оставив же надежду, Господь чрез прообразования и пророчества укреплял её – готовил род человеческий к принятию Сего Спасителя… Являются действия Промысла Божия…

***

Чтобы твари могли выполнять своё назначение, нужен Промысл Божий, то есть хранение всего окружающего, а у людей – их жизни и сил, направление их к добру, вспомоществование добру, удаление их от зла и даже пресечение зла. Есть в мире красота, порядок, жизнь – значит, есть попечение Божие. Достаточно взглянуть на солнце, чтобы с радостью воскликнуть: «Поистине, Всеблагий Бог промышляет о мире. Это – Он, Всеблагий, "*солнце Свое сияет на злыя и благия*" ***(Мф. 5, 45)***» (1: 122). Да и как можно не радеть Тому о Своей твари, Который есть величайшая Благость и по множеству благости создал её?! (1: 121).

Но более всего Господь промышляет о человеке – о целых народах и царствах. «Представьте, братия, – наставляет отец Иоанн, – какое угодно государство или владение с его властями. Как в нём много властей, начиная с государя до последней власти! И знаете ли, как необходима каждая, даже низшая власть в обществе? Так необходима, что нельзя уничтожить её, не повредив обществу, в котором она

установлена. Властями, братия, как связями в зданиях, скрепляется общественная жизнь: не будь их – общества неизбежно падут. Кто же придумал эти власти в обществах; кто их установил? Установил Сам Господь Бог. "*Несть власть аще не от Бога,* – говорит Апостол, – *сущия же власти от Бога учинены суть*" ***(Рим. 13, 1)***» (1: 123). И в личной жизни человека всё совершается не без воли Божией – «Отец Небесный заботится о нас, и – особенно о нашей вечной судьбе» (1: 124). Под знаком «вечной судьбы» и надо рассматривать все события. Даже телесную смерть – это тягчайшее наказание – Промысл Божий допускает, чтобы или прекратить грех, или очистить грешника, или вразумить живущих, «чтобы они покаялись в своих грехах и переменили свою жизнь, из беспечных стали осторожными» (1: 125). Но бывает так, что очевидные грешники живут здесь беспечально. Следует ли из сего, что Бог не промышляет о людях, или, если и промышляет, то с нарушением справедливости? «Бог, – отвечает Батюшка, – не наказывает таких людей здесь, чтобы наказать там – в другой жизни. Нужно всегда помнить, что две жизни для каждого человека: одна – настоящая, а другая – жизнь будущего века… Если кто здесь за грехи свои не наказан, тот будет наказан там… всё это можно видеть на богатом и Лазаре, упоминаемых в святом Евангелии» ***(см.: Лк. 16, 19-31)*** (1: 126-127).

Есть и особенное промышление о человеке. Оно заключается в спасении его от вечной смерти страданиями и смертью Сына Божия.

Прежде, чем воплотился и вочеловечился Сын Божий прошло много веков. Почему? Потому, что надо было дать людям время, в которое они могли бы увидеть вред от греха, почувствовать на опыте ложность слов злой силы: "*Будите яко бози*" ***(Быт. 3, 5)***, испытать свою беспомощность в борьбе со злом и всей душой взыскать опору. И действительно, ко дню явления Богочеловека «все люди стали желать и ждать вышней помощи» (1: 129-130).

Ещё задолго до пришествия Спасителя Бог постепенно готовил человечество, как было упомянуто, прообразованиями и пророчествами, предварительными подобиями того, что имел совершить

Божественный Посланник. «Это потому, что пророчества и прообразования воспитывали в народе веру и надежду на будущего Искупителя, и будучи исключительно делом Божиим, неопровержимо удостоверяли и удостоверяют людей внимательных и благонамеренных в Божественности нашего Спасителя» (1: 130-131). Сами распинатели, о которых было предсказано в пророчествах, были жалкими людьми, «хотя свободными орудиями воли Божией» (1: 135).

Тот, о Ком пророчески много возвещали, пришёл – «Солнце Правды, Христос Бог наш, воссияло на земле» (1: 138).

Воплощение Сына Божия ради нас и нашего ради спасения было необходимо. Нужно было сокрушить в человеке силу зла, истребить глубокую порчу человеческой природы, обновить, воссоздать человека. А это мог совершить только Сам Создатель. «И вот чрез воплощение, страдания и смерть вочеловечившегося Сына Божия, чрез Его спасительное учение или заповеди, чрез Его жизнь, чрез Его животворящее Тело и Кровь и другие Таинства обновлена, воссоздана и воссозидается человеческая природа» (1: 144). Как чрез грех Адама все стали виновными пред Богом, так чрез праведность Богочеловека – второго безгрешного Адама – делаются праведными (1: 144).

Но совершенное спасение наше не безусловно – оно не вменяется механически. Чтобы его усвоить «нужно принимать всем сердцем спасительное учение Иисуса Христа и поступать по нему. *"Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет"*, – говорит Господь ***(Ин. 14, 23)***. Нужно также каждому, по мере сил своих, подражать жизни Его, которая есть образец нашей жизни» (1: 145). А сие указуется в Евангельских заповедях о Блаженствах.

III. Евангельские Блаженства

Человек создан для блаженства. Но грех разрушил его. Тем не менее, сохранился путь к возврату – он состоит в последовании учению Христа Спасителя, в участии принятия святых Таинств, в повиновении законным пастырям Церкви Божией. «Иного пути к блаженству нет», – заявляет святой Иоанн (1: 150).

Господь Бог по Своей благости оставил людям в мире некоторые невинные утешения, чтобы таким образом облегчить их страннический путь, но пользоваться этими утешениями подобает умеренно и к ним не привязываться, «а стремиться к обещанному блаженству наипаче тесным путём труда, бдения, молитвы, воздержания, чистоты и всякой добродетели. Истинное… вечное блаженство наше… на Небе» (1: 151).

Где же искать указание истинного пути к блаженству? Где руководство к нему? В девяти заповедях Господа о блаженстве, «которые Он произнёс на горе вслух Своих Учеников и народа, и которые для всегдашнего поучения и напоминания нам поются или читаются ежедневно на Литургии, на малом входе, когда отверзаются, в первый раз, царские двери» (1: 151). Предваряется пение их стихом: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». Совершается так всё сие вот почему: Божественная Литургия есть воспоминание всей земной жизни Христа Спасителя – от Его рождения во граде Вифлееме до вознесения на горе Елеонской. Алтарь, где приносится бескровная жертва, символизирует Царство Небесное; царские врата – райские двери; окрытие и закрытие их означает открытие и закрытие рая. Начало Литургии напоминает начало спасительного служения Сына Божия, а малый вход со святым Евангелием – шествие Его на благовестие и само благовестие заповедей с ублажением исполнителей их. Взирая духовными очами на таинственно Грядущего и слушая сердцем Его Божественные глаголы, мы, естественно, молим Его, как во время крестных страданий молил Его благоразумный разбойник: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». Пение Евангельских блаженств указует нам, какие нужно нам стяжать добродетели, чтобы удостоиться войти в открытый Господом рай. Святая Церковь как бы так говорит нам этими священнодействиями: «Вы изгнаны в Адаме из рая за грехи и утратили блаженство, для которого были созданы; для вас заключён был рай многие тысячи лет, но ныне снова отверзся Сыном Божиим; понуждайте же себя войти в него, ибо *«Царствие Небесное силою берется, и усильные искатели приобретают его»*

(Мф. 11, 12); а чтобы войти в отверстое Крестом Господа Царство Небесное от вас требуются вот какие качества и добродетели: нищета духа, плач о грехах, кротость, алчба и жажда правды, милосердие, чистота сердца и проч.; стяжите их и будете в раю» (1: 154-155).

«Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное»

На вопрос: «Что же такое нищета духа?» святой Иоанн отвечает: «Нищий духом есть тот человек, который искренно признает себя духовным бедняком, ничего своего не имеющим; кто всего ожидает от милосердия Божия; кто убеждён, что он не может ни помыслить, ни пожелать ничего доброго, если Бог не даст мысли благой и желания доброго; что он не может сделать ни одного истинно доброго дела без благодати Иисуса Христа; кто считает себя грешнее, хуже, ниже всех; кто всегда себя укоряет и никого не осуждает; кто признаёт одеяние души своей скверным, мрачным, зловонным, негодным и не перестаёт просить Господа Иисуса Христа просветить одеяние души его, облечь его в нетленную одежду правды; кто непрестанно прибегает под кров крыл Божиих, не имея нигде безопасности в мире, кроме Господа; кто всё достояние своё считает Божиим дарованием и за всё усердно благодарит Подателя всех благ и от достояния своего охотно уделяет часть требующим» (1: 157-158). Вот такой нищий духом – блажен, ибо где смирение, там Бог, а следовательно, там мир, свет, свобода – Царствие Божие (1: 158-159).

Нищими духом могут быть и богатые люди, если не будут считать себя великими только потому, что они владеют тленным сокровищем и «когда искренно сознают, что их богатство, да и богатство всего мира ничего не значит в сравнении с бессмертной душой, – что оно есть дар Божий не нам только, но и ближним нашим: ибо избытки даются нам для вспоможения бедным» (1: 161) (см. также: 3: 190-196).

«Блажени плачущии, яко тии утешатся»

Плачущие – это те, которые скорбят о своём недостаточном радении к исполнению заповедей Божиих, о равнодушии к Святым Таинам – этой Небесной Манне, к тому, что совершено Спасителем на Кресте; которые проливают слёзы раскаяния о соделанных грехах, просят милости, прощения, помощи Божией; которые плачут о том, что осквернили и продолжают осквернять в себе образ Божий своими грехами; которые сетуют, что только носят имя христианина, а обязательств, принятых при святом Крещении, не исполняют; которые болеют, что сердце их порывается делать противное Господу (1: 163, 164, 166, 167). «Плачь, – велит святой Пастырь, – о своих грехах, плачь и о людских; плачь о том, что ещё многие народы не познали истинного Бога и Господа Иисуса Христа и находятся во тьме язычества, поклоняются тварям, вместо Творца; плачь о том, что христианская вера гонима в странах неверных, и многие из братии твоей страдают под игом их; плачь о неправде, господствующей на земле, от которой страдают все *"хотящии благочестно жити о Христе Иисусе"* ***(2 Тим. 3, 12)***; плачь о насилиях и притеснениях богачей и сильных мира сего, о нищете и беспомощности бедных; плачь о том, что иссякла у многих любовь христианская и на месте ее воцарилось самолюбие, сластолюбие и плотоугодие во всех видах; о том, что многие христиане низвергаются с высоты искупления и не уважают ни Церкви, ни Таинств, ни учения её» (1: 168).

А что мир говорит? Речь его иная: «Блаженны смеющиеся, веселящиеся! Нет: *"Горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете"*» ***(Лк. 6, 25)***, – говорит Господь, Которого во время земной жизни никогда не видали смеющимся, но видали плачущим. Как? Смеяться, веселиться тогда, когда мы находимся под гневом Божиим, когда проходим поприще отчаянной борьбы на жизнь или смерть, когда отовсюду беды, когда всегубительный и обольстительный грех с такой наглостью и свирепством повсюду губит души человеческие?.. Время ли смеяться и веселиться, когда повсюду

соблазны, пороки, падения; или когда одни из братий наших истаевают от… всякого рода недостатков или страдают от притеснений, обид и жестокосердия своих братий, а другие безумно сластолюбствуют, лихоимствуют, утопают в роскоши и разных пороках?..» (1: 165). Время утешения придет – оно настанет после плача о грехах и победы над ними (1: 165) (см. также: 3: 238-240).

«Блажени кротцыи, яко тии наследят землю»

Кроткие ублажаются сразу после плачущих потому, что кротость есть плод плача о грехах. Скорбь о грехах делает человека незлобивым, подобным агнцу. А где кротость и незлобие, там спокойствие, блаженство (1: 172).

Кротость – это «тихое настроение души, утвердившейся во Иисусе Христе верой и любовью; спокойно претерпевающей всякое зло, причиняемое нам людьми или коварством бесов; не возмущающейся и не приходящей в раздражение от различных противностей и препятствий нашим намерениям; охотно прощающей обиды людские и всячески доброжелательствующей врагам своим, из уважения к их человеческому и христианскому достоинству. Кроткий человек никогда не платит злом за зло, обидой за обиду; не сердится, не возвышает во гневе голоса на согрешающих и обижающих…» (1: 173). Лицо кроткого спокойно, невозмутимо, ясно, привлекательно. «Какое духовное благоухание разливает в душах человек кроткий; глядя на него, и человек гневливый научается быть кротким» (1: 174-175).

Действия кротости святы – она укрепляет молитву, склоняет милость Божию, доставляет прощение грехов, а отсюда душевное спокойствие, радость (1: 175-176).

Чтобы стяжать кротость и, соответственно, избежать раздражительности и гнева, не подобает смотреть на грехи чужие, а нужно зреть себя, учиться управлять своим чувством в минуты

оскорблений; не спешить говорить сразу, тем более возражать, а некоторое время подождать…

«Кротцыи… наследят землю». Это значит: они «насладятся и в здешней жизни долготерпением и многими другими благами… а главное, – что они получат обетованные от Бога, любящим Его, блага на Земле Живых, то есть на Небе» (1: 178).

«Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся»

Алчущие и жаждущие правды – это те, которые томятся духовным гладом, алчут и жаждут оправдания чрез веру в Спасителя; которые жаждут праведности, духовного исправления, обновления, соединения с Богом; которые сознают «себя величайшими грешниками и, раскаиваясь искренно, принимают твёрдое и решительное намерение исправиться, добровольно томятся алчбой и жаждой правды и святости, или оправдывающей и насыщающей душу благодати Иисуса Христа, как голодные алчут пищи телесной, и жаждущие – пития» (1: 179, 182, 189).

Но почему многие не видят своих грехов и не испытывают алчбы и жажды оправдания? Потому что человек своим мудрованием, своей греховной жизнью заглушает совесть. «Это бесчувственное состояние души есть греховная смерть человека, которая из временной может перейти в вечную» (1: 183)… О, если бы все палимые грехом, земным, житейским, как голодные и жаждущие, «возжелали оправдания Божия, исправления сердца и всего жития своего» как велит святое Евангелие! «О, если бы и больные недугом раскола… взалкали и возжаждали правды Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви!.. Ужели их ещё не томит спасительный глад и жажда матернего, животворного млека Церкви?» (1: 185).

«Алчущии и жаждущии правды… насытятся». Как? Подобно тому, как насыщаются телесно. «Насытившийся телесно не чувствует более голода и жажды и ощущает подкрепление тела принятой

пищей и питием; насыщение души состоит в мире и успокоении душевных сил, вследствие сердечного покаяния во грехах и очищения их благодатью, и в приобретении силы делать добро, которой мы прежде не имели, когда работали греху, и которую подаёт нам Иисус Христос – Мир наш, Правда наша и Сила наша» (1: 185-186).

И Печальник земли Российской молится: «Подай же нам, Господи, алчбу и жажду правды здесь, чтобы посредством искреннего покаяния отринуть всякую неправду и предотвратить страшный и праведный Суд Твой!» (1: 183).

«Блажени милостивии, яко тии помиловании будут»

Грешному человеку (а мы все грешные) нужнее всего милость Божия, «невзыскание по грехам», продолжение к нему Божия долготерпения, дарования насколько возможно больше времени «на покаяние, самое возбуждение души к покаянию, прощение грехов, а в конце концов – помилование на Страшном Суде Божием» (1: 189).

А зачем нужно быть самому милостивым? Зачем должно стараться оказывать помощь ближнему? За милость к нему «сам получишь милость от Бога; за милость временную – милость вечную, за милость малую – милость бесконечно великую: ибо удостоишься не только помилования вечного за грехи осуждения на Суде Божием, но и получишь вечное блаженство» (1: 190). Оказывать милость может всякий, потому что она широка, как многообразны и нужды человека (духовные и телесные), как различны положения, состояния, звания людей. Начальник может оказывать милость снисхождением, «терпением, вниманием к заслугам подчинённых и награждением их; подчинённый – всегдашней исправностью, покорностью, усердием; учёный может оказывать милость ближним, просвещая невежд, проводя в общество правые суждения о вере, о жизни, о цели бытия человека на земле, о благах земных, о смерти, о правде Божией, о Суде вечном, или обличая общественные пороки; богатый

может оказывать милость ближнему, жертвуя от своего имущества на нужды Церкви и служителей её, на благотворительные заведения или подавая щедрую милостыню бедным; бедный – своей признательностью и усердием» в своём служении, в молитве; «пастырь – искренним и непрестанным попечением о спасении душ человеческих, непрестанным поучением их в слове Божием, всегдашней готовностью к исполнению приходских треб, к подаче советов, наставлений, утешений; а пасомые – попечительностью, благопокорностью и признательностью к пастырям, снисхождением к их недостаткам и усердной молитвой за них» (1: 190-191). Если у кого нет «великого дара», нет ничего – и он может творить милость – принести ближнему своё доброе к нему расположение. «Утешь слезою, – учит Богомудрый Батюшка. – Великое врачевство злополучному, когда кто от души пожалеет о нём; несчастье много облегчается искренним соболезнованием… Так учит нас и разум, и закон, и собственный опыт, и справедливейшие из людей» (1: 198).

Изъяснению заповеди о милости Батюшка уделяет значительно большее внимание, чем другим (по величию сей добродетели), посвящая сему не одну (как обычно), а две беседы. Много высказывает он глубоких, спасительных наставлений. Одно из них хотелось бы выделить: «…чтобы подавать милостыню достаточную, надобно ограничивать свои издержки, например – не покупать излишних и дорогих вещей, без коих легко можно обойтись; ибо это есть похищение собственности бедных, так как избытки наши принадлежат им. Надо благотворить и помогать постоянно, не ослабевая в своей ревности от встречающихся затруднений и препятствий при исполнении этой обязанности» (1: 201).

«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»

Чистота сердца – это святое, чуждое даже тени злобы состояние. Это постоянное бдение над всеми помыслами и движениями своего сердца, это постоянное памятование о Боге (1: 205).

Для достижения чистоты сердца требуется усиленный подвиг: постоянное пребывание в молитве, воздержная жизнь, неленостное чтение Священного Писания, житий Святых и их творений. А главное, «частое Покаяние и Причащение Пречистых Таин и ежедневное самоиспытание; размышление о том, сколь чистым человек сотворён вначале, и как вошла в мир скверна греха; о подобии и образе Божием в нас, и о нашей обязанности уподобляться Первообразу – Пречистому Богу; об искуплении нас бесценной Кровью Сына Божия, о сыноположении нашем во Христе Иисусе, о заповеди нам – быть "*святыми во всем житии*" ***(1 Петр. 1, 15)***; размышление о смерти, о Суде и о геенне огненной» (1: 206).

Чистые сердцем узрят Бога – узрят «лицом к лицу в будущем веке; ибо чистым свойственно зреть Чистого, как чистому оку свойственно видеть свет» (1 : 208).

«Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся»

Миротворцы – это те духовно устроенные люди, которые не просто ищут мира, а держатся его, соблюдают себя в мирном расположении, не допускают страстям возмущать себя, а отражают их в самом начале. Умиротворяя себя, они становятся миротворцами и среди ближних, со всеми поступают дружелюбно, не подают причин к несогласию, а если оно случится – всеми мерами стараются прекратить его, только бы не нарушить долг, службу, не принести вред; стараются и других – враждующих между собой – примирить. Если же это бывает сделать не в их силах, то просят помощи Божией – Бог «и зверское сердце может сделать агнчим» (1: 210, 211, 212).

Нашедшие мир и творящие его – блаженны, ибо они «стяжали Божественную благодать, источник "*мира и радости в Духе Святом*" ***(Рим. 14, 17)*** и ничем противным не возмущаются» (1: 211). Поистине «мир и согласие» великое благо: они нас приближают к Богу, низводят на нас Небесное Благословение, а у других людей вызывают к нам уважение и любовь. Туда же, где нет мира и согласия,

приходят холодность, бесчувствие и даже жестокость. «Без мира и согласия с другими нельзя человеку иметь мира и согласия и в самом себе, ибо несогласие и раздоры с ближними подавляют в нас благородные и кроткие чувствования, и мало-помалу делают нас... дикими, свирепыми, не человеками и не христианами, лишая нас внутреннего спокойствия, счастья и всякого благополучия» (1: 213).

Чистые сердцем «нарекутся сынами Божиими» – они будут почтены не только перед людьми, но и перед Ангелами, «ибо нет выше чести, как смертному человеку назваться сыном бессмертного и блаженного Бога и самому сделаться бессмертным и блаженным... Самое блаженство миротворцев будет неизреченно и особенно велико, так как они сами водворяли в людях величайшее благо мира, и способствовали и временному благополучию, и вечному блаженству людей» (1: 216).

«Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное»

Под «правдой» разумеется христианская вера и жизнь по вере. Значит: «Блаженны те, которые гонимы за веру и благочестие, за добрые дела свои, за постоянство и непоколебимость в вере» (1: 218), за возвещение людям словом и делом правды и возвещение с необоримой твёрдостью, крепкое стояние за истину «до изгнания и смерти» (1: 220). Но здесь святой Пастырь – «образ верным» – делает важную оговорку: «Впрочем, благоразумие требует – не всегда и не всякому высказывать правду:

1) не нужно заявлять свою правду, когда дело до нас не касается, когда есть для этого люди, призванные своей должностью говорить правду;
2) когда предвидим, что слово правды ввергнет нас в явную опасность, а пользы от нашего слова не выйдет ровно никакой. Тогда лучше тайно молиться Богу, чтобы Он Сам вразумил неправедных и наставил их на путь правды, или послал могущих и способ-

ных людей обличить неправду! И добродетель требует умеренности и благоразумия, так что без благоразумия добродетель бывает уже не добродетель или теряет много своей цены» (1: 223-224).

Почему же мир преследует истинную веру, благочестие, гонит правду, «которые… благотворны для людей, вносят в разрозненные общества человеческие – единство, взаимную любовь, добрые нравы, мир, тишину, порядок?» Потому, что он *"весь во зле лежит" **(1 Ин. 5, 19)***; потому, что люди *"возлюбили злобу паче благостыни" **(Пс. 51, 5)*** (1: 218).

Гонимые за правду наследуют Царство Небесное – вечное блаженство.

«Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради»

Господь ублажает тех, которые будут мужественно претерпевать поношения и гонения за Его Имя… На земле ещё много нечестия, ибо злой дух продолжает её обходить. Только теперь он преследует «не пытками, не казнями, а неверием, мнимым прогрессом (движением вперёд), либеральностью, попросту – вольнодумством, безразборчивостью к верам и дерзким отрицанием веры; поношением, насмешками, кощунством, клеветой или гордым невниманием и презрением. Благочестивых людей ныне обзывают именами ханжей», а жизнь без веры и её обязательств «считают известным тоном, признаком современного человека (и космополита, для коего отечество весь мир, а веры никакой). Согласитесь, что жить, кому бы то ни было из верующих, среди таких людей весьма неприятно, и счастлив тот, кто среди них не живёт; а кто живёт – терпи гонения, насмешки, колкости; впрочем, не будь и безмолвен, но умей дать ответ о своей вере, о своём уповании, да посрамится нечестие, *"отвещай безумному по безумию его, да не явится мудр у себе" **(Притч. 26, 5)***» (1: 224-225).

«Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех»

По мере перенесения скорбей верующими за исповедание своей святой веры возрастает и награда их на Небесах. Здесь они часто лишаются всего, там получат с избытком все: нетленную славу, нетленный венец, неоскудевающее сокровище, непрестанное веселие, нескончаемое Царство» (1: 226).

***

Пастырские беседы святого Иоанна – «покаяния и жизни во Христе» Богодухновенного Учителя – раскрывают перед нами Красоту, Величие Духовного мира и помогают нам стать его насельниками.

Да даст же Господь Бог Своей благодатью, и щедротами, и человеколюбием право верить и по вере право жить!

ВАЖНЕЙШИЕ ПРАЗДНИКИ ВО СЛАВУ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА И БОЖИЕЙ МАТЕРИ

«Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный»

(Ин. 3, 16)

«Яко сотвори Мне величие Сильный»

(Лк. 1, 49)

«Мы не должны позволять себе ни встречать, ни провожать ни один христианский праздник без глубокого размышления о том, какая его сущность и какая его цель, и какая наша к нему обязанность, т.е. мы должны знать христианский смысл всякого праздника»

(1: 254)

Важнейшие праздники – это те, которые установлены в память известнейших событий, относящихся к спасительному для нас пришествию на Землю во образе человека Сына Божия и к явлениям Божества, а также во славу Пресвятой Девы Марии, как послужившей тайне Боговоплощения. По преимуществу эти праздники именуются двунадесятыми (по числу: двенадцать). Почти на все их святой Иоанн оставил по нескольку проповедей. В «Полном собрании сочинений» нет лишь поучений на Вход Господень в Иерусалим. На Рождество Пресвятой Богородицы имеется лишь одна проповедь, к тому же в ней основное внимание уделяется раскрытию цели явления в мире Богочеловека, так как праздник Рождества Пресвятой Богородицы совпал с неделей пред Воздвижением (3: 335-339). Больше

всего было произнесено святым Иоанном проповедей в праздник Рождества Христова и в дни, связанные с этим святым событием.

Каждый праздник Батюшка рассматривает всесторонне – высказывает много назидательных мыслей, столь необходимых для земного путника, ищущего Царствия Божия и желающего найти его. Но и тем, кто продолжает стоять ещё на распутии, даёт он ценные духовные наставления и указания. С пастырской любовью зовёт и их выйти на прямую светлую дорогу…

В данном сообщении автор стремится в системе представить содержание поучений святого Пастыря на каждый праздник отдельно. Такой метод, вероятно, будет приемлем, так как каждый двунадесятый праздник есть воспоминание и свидетельство о той или иной стороне домостроительства нашего спасения, а все вместе они являют величайшую благость совершенной Любви.

А. Праздники во славу Господа нашего Иисуса Христа

Сии праздники открываются радостнейшим событием – *Рождеством Господа нашего Иисуса Христа*. Чтобы достойно встретить этот святой день, Православная Церковь предваряет его сорокадневным постом и особыми двумя последними неделями – святых *праотец* и святых *отец*. В первую из них прославляются праотцы Спасителя по плоти, а во вторую – ближайшие по времени Его сродники.

Неделя праотец

В неделю святых *праотец* читается Евангельская притча о гостеприимном человеке, который устроил у себя ужин и многих пригласил на него. Но они, как бы сговорившись, стали отказываться по разным причинам ***(Лк. 14, 16-18)***… Под гостеприимным хозяином имеется ввиду Господь Бог, под посланным с приглашением – Сын Божий, «Которого пришествие в зраке рабием на землю или рождество, – напоминает святой Иоанн, – мы будем скоро праздновать» (1: 239), под вечерей (ужином) – Небесное Царство.

«Теперь, – учит Батюшка, – приложим эту притчу к себе. Весьма многие из нас не отказываются ли от вечери Царствия Небесного?» (1: 241)… Покайтесь и все спешите «на вечерю Божию, на вечерю, на которой предлагается трапеза бессмертия» (1: 238).

В Апостольском чтении мы призываемся отложить гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие, ложь ***(Кол. 3, 8-9)***. «Христианин обязан господствовать над этими смертоносными страстями, не поддаваться им и с корнем исторгать их из свой души» (1: 230). Если он будет воздавать гневом за гнев, яростью за ярость, злоречием за злоречие – станет хуже язычника (1: 230). В сем случае непременно выйдет ссора, а за ней – нравственное опустошение души, «лишение благодати» (1: 232).

И ещё, последнее: «В Крещении мы сбросили с себя… смрадную, мерзкую одежду души и облеклись в чистую, светлую одежду правды Божией. Как же мы будем снова рядиться в одежду смрадную? Итак, необходимо нам отложить ярость, гнев, злобу, ругательство, сквернословие потому, что они… лишают человека благодати Божией, сочетавают человека с врагом Божиим… безобразят и мучат человека, – пользы никакой не приносят, а вреда – бездну, разрушают взаимный мир, и любовь, и добрые отношения» (1: 233)…

Нельзя забывать и того, что украшение беззлобием, кротостью и смирением есть достойное приготовление к встрече грядущего Спасителя!

Неделя святых отец

«Приближается великий праздник для всех христиан – праздник Рождества Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа от Пречистыя, Безневестныя Девы Марии; праздник величайшего, дивного и всеспасительного события, много раз предреченного пророками, предначертанного различными образами и подобиями» (1: 244). И святой Иоанн вслед за святым Евангелием вспоминает в неделю *святых отец* книгу родства Богочеловека, Сына Давидова, сына Авраама ***(Мф. 1, 1)***. «Авраам, – размышляет он, – был друг

Божий, которому даны были от Бога обеты, что от его семени родится Спаситель мира… Давид был царь Израильский, *муж по сердцу Божию*, кроткий и незлобивый, которому тоже было обещание о рождении от его потомков Спасителя мира» (1: 249-250)… Обращаясь к пастве, Батюшка учит: «Старайтесь подражать великим предкам, праотцам Иисуса Христа. Аврааму – в вере, красоте, гостеприимстве, послушании Богу… Давиду – тоже в вере, уповании, кротости, незлобии, в покаянии, в горячности любви, в молитве, славословии, благодарении и в терпении в скорбях и бедах» (1: 250).

Напомнив святоотеческое высказывание: «Сын Божий стал Сыном человеческим для того, чтобы нас сделать сынами Божиими из чад гнева и погибели вечной» (1: 253), святой Пастырь замечает: «Мы приняты в самое близкое родство с Сыном Божиим чрез вочеловечение» (1: 261). Но родство с Ним возлагает на нас ответственные обязанности. Оно требует «от нас великого благородства, благонравия в жизни», чистоты и целомудрия, простосердечия, сердечной благости, смирения, незлобия, воздержания, беспристрастия к земным благам, терпения, повиновения, покорности святой Церкви, «милосердия к бедным, которые суть братья не только наши, но и братья Иисуса Христа» (1: 261, 262, 263).

«Человек! – взывает отец Иоанн. – Пробудись от своего греховного усыпления и размысли, что значит это дивное смотрение Божие о тебе, это дивное истощание Сына Божия ради тебя, и откликнись на любвеобильный к тебе глас Божий. Что Он говорит? Он говорит: *"Я пришел взыскать и спасти* тебя, *погибшаго"* ***(Мф. 18, 11)*** грешника. Покайся же, исправь пути сердца твоего, всё поведение твоё, обновись, отложи ветхость греховную, возлюби правду и возненавидь беззаконие» (1: 249).

Рождество Господа Иисуса Христа

День *Рождества* по плоти *Господа* нашего Иисуса Христа святой Иоанн считает «одним из самых светлых праздников церковных» (7 Г: 93), из неизречённых даров милосердия и любви Божией

к грешному человечеству (1: 269) и призывает приникнуть «любомудрствующим умом» к великой тайне воплощения Сына Божия, насколько открыло её нам слово Божие (7 Б: 82; 3: 340).

«Сам Бог, – учит Батюшка, – по великому милосердию и безмерной Своей благости пришёл для тебя на землю, чтобы взыскать тебя, заблудшего, погибшего, – Сам сделался Человеком, уподобился тебе во всём, кроме греха, чтобы ближе, осязательнее, очевиднее подойти к тебе, просветить тебя, тёмного, поднять падшего, очистить осквернённого, утвердить колеблющегося» (7 Б : 83). Всеблагой Владыка не мог смотреть на Своё создание – род человеческий, «наделённый дивными дарами, – порабощённым диаволу и навеки обречённым на страдания и муку» (1: 278). Всеблагой, Безначальный, «от Которого всё получило начало бытия: и Ангелы, и человеческий род, и мир весь видимый и невидимый, – приемлет начало по человечеству; Невместимый небесами – вмещается в утробу Девическую, Бог – Младенец бысть и носится на руках Матери и питается сосцами, Питающий всякое дыхание» (7 А: 99). Всемогущий Создатель и Царь веков приклоняет Небеса и сходит на землю, Бесплотный становится «Плотоносцем от Пречистой, Неискусобрачной Девы, действием Святого Духа» (7 Б: 81). Вечно Сущий и всё Содержащий становится «человеком, не переставая быть Богом; Неприступный, Которого трепещут Серафимы и Херувимы, лица закрывающе, – для всех доступным в рабием зраке» (1: 270, 278).

Сын Божий воплощается и вочеловечивается, чтобы спасти людей от вечной гибели и даровать им вечное блаженство. Иного средства в совете Святой Троицы не нашлось: «Или посольство Сына Божия на землю, или – вечное проклятие, вечное отвержение от Бога и вечная погибель человеческого рода. И – „слава Святей, Единосущней, Животворящей и Нераздельней Троице“: согласно воле Отца, Сын Божий добровольно принял спасительное, всерадостное для нас посольство в мир прелюбодейный и грешный и прекрасно, точно и с радостью исполнил волю Его… – исполнил всякую правду, от которой мы удалились, погрязши во всякой неправде; за нас принял муки», чтобы избавить нас от вечных мучений, чтобы

вырвать нас из челюстей вечной смерти, а вознесшись на Небо, приготовить «там место вечного веселия и блаженство для всех послушных Ему и его Святой Церкви, которую Он основал на земле для всех, хотящих наследовать спасение. В ней Он даровал нам все средства, всякую благодатную помощь к восстанию, покаянию, исправлению и совершению правды» (7 Г: 94-95). Он пришёл для того, чтобы просветить человеческий род «светом истинного Богопознания», открыть ему вход на Небо (7 Е: 119), «восстановить падший образ, живой, разумный, вечный образ Божий, по которому сотворена душа человеческая» (7 Г: 95).

Приведённые суждения говорят о том, что Рождество по плоти нашего Спаса и Бога есть и «великая тайна Божия» (7 А: 100), и «бесконечно великой важности» событие (7 Б: 81). А это преподаёт нам спастительный урок и побуждает нас к спасительным обязанностям. «Господь пришёл на землю для того, чтобы вселиться в сердцах наших и жить в них, ибо приятный Ему дом есть сердце наше… А для этого должно нам совлечься "*ветхаго человека* с деяньми его *и облечься в нового человека, созданного по Богу в правде и в преподобии истины*" ***(Еф. 4, 22-24)***» (7 В: 99-100). От нас требуется, чтобы мы «искренно веровали этой тайне, размышляли о ней, восприняли её чистым здравым смыслом и чистым сердцем и воспользовались к своему спасению чудесной, поданной от Бога помощью, покаялись, просветились, очистились, исправились, навыкли всякой добродетели: смирению, кротости, послушанию, воздержанию, чистоте, простоте, нестяжательности, милосердию друг ко другу; словом – преуспели всячески в любви» (7 Д: 117; 1: 280). Если со стороны Превечного Царя явлены нам снисхождение, «истощание, то и от нас требуется самоотвержение. Господь всего Себя предал за нас – мы сами себя и весь живот наш предадим Ему, нашему Господу и Животу бесконечному» (7 Б: 84). Грехом «вошли в мир вражда и мятеж страстей» – вочеловечением Сына Божия, верой в Него и нелицемерным покаянием входят «свобода от грехов и примирение с Богом и со своей совестью» (7 В: 99). Святой Иоанн сравнивает воплощение Христа Спасителя с крепкой и

надёжной вервью, поданной человечеству с Неба: «Кто всеми силами ухватится за эту вервь и будет держаться ея во всё время своего земного плавания, несмотря на сильные волны и порывы ветров, тот не потонет в бездне греховной, но достигнет тихого пристанища небесного» (1: 293). И продолжает: «Каждый из нас должен всем сердцем веровать во Христа, как нашего единственного Спасителя от диавола и от греха; ...всем сердцем держаться Церкви Его, единственного спасительного корабля и не совращаться в раскол, ибо раскольник, как ослушник Церкви, вменяется у Бога, как язычник и мытарь; поучаться непрестанно слову Божию и заповедям Христовым, и по заповедям править жизнь свою» (1: 294). Более того, если царства земные, и вообще гражданские общества, желают достичь и водворить мир, принесённый на землю Царём правды, мира и любви, Господом Иисусом Христом, то они должны быть в тесном союзе с Царством Господа или с Церковью Его святой на земле, должны покоряться заповедям Иисуса Христа и уставам Церкви Его; а в случае их нарушения, немедленно исправляться, после искреннего сознания своих ошибок и беззаконий. Члены государства, исповедующие христианскую веру, должны быть добрыми, честными и искренно преданными членами Церкви. Нарушение этого союза между Церковью и государством, или его гражданами, пренебрежение верой, заповедями и Евангелием порождают безверие и всякие беспорядки в обществе, всякие пороки, повергают общества в нравственное или политическое бессилие, лишают его благословения небесного. Наше Отечество, великая Россия, всегда была в тесном союзе с Церковью, и только в этом союзе она возросла, окрепла и взошла на высокую степень могущества и славы. Дай Бог, чтобы этот союз государства с Церковью, – с этим царством мира и впредь продолжался непрерывно, тогда Россия всегда будет царством мира, и на ней будет почивать благословение Божие; тогда никакая крамола в России не будет страшна, потому что не найдёт нигде ни места, ни приюта» (1: 283-284).

Так поразмыслив, святой Пастырь с торжествующим сердцем восклицает: «Встречайте Небесного Царя радостной чистой душой,

с плотью целомудренной и обузданной воздержанием и постом, который Святая Церковь нарочно установила пред этим великим праздником, чтобы приготовить нас к достойной встрече» Богочеловека (7 А: 101). «Красуйся Христова Церковь, восприявшая от своего Главы – Христа, всё богатство Его искупления и благословения» (7 Б: 83). «Ликуй и веселись, земля; земнородные, радуйтесь и торжествуйте. К вам пришёл Сам Творец, чтобы воссоздать вас, обновить вас, растлевших преступлениями» (7 А: 100).

Не преминул святой Печальник земли Российской напомнить и то, чего лишают себя неверующие – ушедшие во тьму (1: 277). «Смотрите же беспристрастными глазами на это грешное потомство Адамово», – учит святой Иоанн (7 Г: 95-96). «Посмотрите со вниманием на жизнь современного человека, как она неестественна, не говорю уже – неблагодатна, как не христиански провождается. Посмотрите, как он извратил самые наслаждения чувственные. Для обоняния и вкуса, и отчасти для самого дыхания он изобрёл и воскуряет почти непрестанно острый и пахучий дым, – принося это, как бы постоянное кадило, демону, живущему во плоти, – заражает этим дымом воздух жилища своего и воздух внешний, а прежде всего пропитывается этим зловонием сам». Постоянно поглощаемый дым сообщает сердечному чувству грубость и чувственность. «Чрево – стало идолом: постов многие совсем не держат, считая их тягостными; деньги – стали положительно современным кумиром и для лёгкого приобретения их люди не пренебрегают никакими средствами, как бы они ни были неблагородны, нечестны». Все помыслы и заботы привязаны к земле – о небесном у многих «нет и помину. Человек стал весь земля, весь прах. А между тем Бог сошел на землю для того именно, чтобы человека возвести на Небо. *"Адаме, где еси?" **(Быт. 3, 9)***. Человек христианин, где ты? Как ты глубоко ниспал! В какую ты тьму зашёл сам добровольно?» (1: 276-277). «Умники-интеллигенты недоверчиво и презрительно относятся к церковным сказаниям о жизни и подвигах наших Святых, руководясь своим гордым и лукавым разумом… Чего же они лишают себя чрез свою гордость и неверие? Лишают себя жизненного света веры, мира душевного, воз-

рождения духовного; блуждают во тьме всяких страстей, стремятся к вражде с Богом и с основанной Им на земле Церковью; попирают всё святое, растлеваются во всей своей жизни, и жизнь обращают в игрушку страстей, попирая браки, власть родителей и всякую власть, – считая жизнь за ничто» (7 Е: 120-121). А что значит «племенная ненависть больших и малых народов? Что эти повременные мятежи там и инде? Что эти разноверия и суемудренные ереси, расколы, секты, которым на земле, да и у нас в России нет числа? Таковы ли должны быть люди, которых пришёл усыновить Отцу Небесному Сын Его Единородный? Это ли братство народов, происшедших от одной крови, призываемых к единству веры и Церкви?» (7 Г: 96). Таковы, вот они «плоды неверия в Спасителя мира» (7 Е: 121). И святой Проповедник православной веры и жизни во Христе с чувством глубокой пастырской озабоченности зовёт: «Возникни ты, выйди на свет Божий, познай своё Божественное благородие, своё небесное звание, возвратись к Богу, – брось чувственность, мертвящую дух, начни жить по духу добродетели, умертви плотские страсти, покайся и соединись с Богом, да возведет тебя на Небо и посадит с Собой на престоле Царства Своего» (1: 277).

Нисколько не теряя надежды на милость Божию и свято сохраняя радость о родившемся от Приснодевы Марии Богомладенце, святой Иоанн обращается ко всем с истинно отеческим словом: «Дерзаю пригласить к общему, дружному славословию рождшегося плотию Творца и Бога, – Небо и Землю, Ангелов и человеков и все создание, одушевлённое и неодушевлённое, – к прославлению величайшего чуда снисшествия Божия на землю» (7 Д: 115). «Да исполнятся в любви и взаимном доброжелательстве все племена и народы, да водворятся – мир на земле, единомыслие, честный труд, благонамеренные науки и полезные искусства; взаимное повиновение, уважение ко всякой власти; повиновение детей родителям; уважение и твёрдость брачных союзов. Да воскликнем же ныне все как бы едиными устами и единым сердцем: "*Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!*" Аминь» (7 Б: 85).

Сретение Господа Иисуса Христа

Одним из величайших «мировых дней» святой Иоанн считает Сретение Господне, день, «в который земля в лице старца Симеона встретила воплотившегося Богомладенца, принесённого по закону в храм законный, устроенный Соломоном» (7 Д: 10).

Осмысливая значение события, Праведник свидетельствует: «Творец Неба и земли, всех Небесных Сил и человеческого рода, Царь молниезрачных Ангелов, приносится в храм в виде смиренного Младенца, повитого пеленами, – чтобы стать жертвой примирения Отца Небесного, Святого Блаженного с падшим преступным родом человеческим; чтобы отменить законные, прообразовательные жертвы – овнов, козлов и тельцов, закалавшихся в образ величайшей словесной Жертвы – Самого Сына Божия, благоволившего быть закланным за род человеческий во искупление грехов его и стать Агнцем, вземлющим грехи мира» (7 Д: 11).

Старец Симеон с несказанной радостью берёт трепетными руками сорокадневного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, и, осенённый Духом Святым, воспевает: «*Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром: яко видесте очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей: свет во откровение языком, и славу людей Твоих Израиля*» ***(Лк. 2, 29-32)***. Дивный это был Старец. О нём Церковная история рассказывает: почти за 300 лет до Рождества Христова Египетский царь Птоломей, захотев перевести святую Библию с еврейского языка на греческий, обратился с просьбой о сем к иудейскому первосвященнику. Последний прислал царю семьдесят искуснейших мужей, среди которых был и Симеон. Когда праведник, занимаясь переводом книги пророка Исаии, прочитал пророчество: "*Се Дева во чреве зачнет и родит Сына*" ***(Ис. 7, 14)***, усумнился и хотел было изменить предсказание, ему явился Ангел Господень и возвестил: «Ты сам узришь событие величайшего таинства, ибо не увидишь смерти, доколе не узришь Имеющего родиться от Пречистой Девы» (1: 344-345). Старец поверил и ожидал пришествия Христа

Господня. Ангельская весть исполнилась – он принял в свои объятия Господа, возблагодарил Его и с миром ушел к Нему (1: 345-346).

«Не ревнуем тебе, Старче праведный! – говорит Батюшка. – Мы сами имеем твое счастье – подъять не на руки только Божественного Иисуса, но устами и сердцами, как и ты носил Его всегда в сердце, ещѐ не видя, но чая Его, – и не один раз в жизни, не десять, а сколько хотим. Кто не поймёт, возлюбленные братия, что я говорю о причащении Животворящих Таин Тела и Крови Христовой?.. Источник бессмертия течёт ежедневно: приходи приготовясь и пей – тем более, что многие больны и духом и телом» (1: 349-350).

Святой Иоанн делает вывод и одновременно призывает: «Братия! Чтобы встретить нам радостно Господа во второе, славное его пришествие, научимся встречать его здесь – ежегодно в праздник Сретения и во все праздничные и воскресные дни, – и особенно во Святых Таинах, т.е. будем с великой верой и сердцем сокрушѐнным и смиренным приступать к святой Чаше. Для тех, которые обвыкли достойно встречать его здесь, в нынешнем веке, не страшно будет и сретение Его во второе и славное Его пришествие» (1: 352).

Неделя перед Просвещением

Как и праздник Рождества Христова святой Иоанн предваряет *Крещение Господне* (Богоявление – явление Святой Троицы; Просвещение – чрез Крещение подаётся духовный свет Богопознания и благочестия) изъяснением содержания Евангельского чтения в *неделю перед Просвещением* ***(Мк. 1, 1-8)***, подготавливающего людей к принятию «славного Царя Неба и земли, Творца веков, Единородного, Собезначального Отцу и Духу Святому – Сына Божия» (1: 305).

В Евангельском повествовании приводятся предсказания пророков Малахии и Исаии о явлении перед первым пришествием Спасителя Предтечи. У пророка Малахии Он назван Ангелом Божиим

(Малах. 3, 1); у пророка Исаии – *гласом вопиющаго в пустыни: уготовайте путь Господень; правы сотворите стези Бога нашего* ***(Ис. 40, 3)***. Смысл сего Батюшка видит такой: «Я, Предтеча Христов, проповедую всем вам, великим и малым, людям всякого звания и состояния, пола и возраста, – вот пришёл на землю Царь Небесный, Сын Божий Единородный, Христос Бог, во всём уподобившийся нам по человечеству, кроме только греха, коему Он ни мало не причастен; пришёл Он для спасения каждого из нас, и к каждому хочет войти в дом душевный, в сердце, где должен быть Ему престол, как Царю нашему и Богу; но вы, люди, не готовы принять Его по грехам своим, по нечистотам своим душевным: у иного путь в сердце заграждён невежеством или неверием; у другого – злобой, завистью, гордостью; у этого – корыстолюбием, скупостью, жестокосердием к ближним и немилосердием; у другого – сладострастием и блудной нечистотой; у иного – невоздержанием, пьянством, сквернословием; иному – неправильная, затуманенная страстями, предрассудками ложная учёность препятствует уверовать и принять Господа искренним сердцем, – ученость, о которой сказано Богом чрез Пророка: «*Погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну*» ***(Ис. 29, 14)***; иному зрелища, игры препятствуют принять в свой душевный дом Господа, потому что иные люди пристрастились к ним и у них нет места в сердце для Небесного Посетителя и Спасителя душ наших; вообще разные страсти и суеты житейские сильно препятствуют нам принять к себе и водворить у себя Господа. Приготовьте же путь Господу» (1: 310-311). Каким образом? «Маловерный пусть удалит кривизну неверия или маловерия своего и да стяжет простую, немудрствующую веру Святых… Гордый, да удалит гордость свою и да стяжет Боголюбезное смирение; враждующий, да оставит вражду на брата своего, да смирится и живёт впредь любовью… Блудник, пусть омоет слезами покаяния нечистоту свою и впредь да не возвращается к ней… и да живет целомудренно… Невоздержный и пьяница, пусть оставит невоздержание своё и впредь да ревнует о воздержании… Сребролюбец и жестокосердый к бедным, да оставит своё пристрастие к этой дорогой или драгоценной земле, как кривой и шероховатый путь… Ибо какое общение у Милосердого

с жестокосердым, и Человеколюбца с сребролюбцем, у Царя Небесного с прахом земным? ...Все отымем лукавство от душ наших и стяжем Боголюбезную простоту добродетели» (1: 302-303).

Крещение Господа Иисуса Христа

В самый день *Крещения Господня* святой Проповедник раскрывает Апостольское чтение ***(Тит. 2, 11-15; 3, 1-7)***. Святой апостол Павел говорит о действиях благодати Божией – милости и силе Христа Спасителя, – спасительной для всех принимающих её. «Нам, – учит святой Иоанн, – ниспослана ныне от Бога, Отца щедрот и всякого утешения, спасительная благодать или спасающая сила, при помощи которой мы всё можем спастись» (1: 317). Но и от нас требуется определённый подвиг: отвергнуть нечестие – «холодность и отчуждённость от Бога, самолюбие и всякие мирские и плотские похоти», стараться исполнять заповеди Господни (1: 314). Благодать Божия не только требует, но и «помогает нам отвергнуть нечестие или различные житейские страсти и похоти, коим мы поработили себя, жить целомудренно, праведно и благочестиво в нынешнем кратком приготовительном веке, в ожидании блаженного упования и явления славы, т.е. второго славного пришествия великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (1: 317-318).

Уделяется также внимание плодам Крещения Христова для людей. «Грядет Христос подать избавление всем верным Крещением: сим бо Адама очищает, падшего возвышает, низложившего мучителя (диавола) посрамляет, Небеса отверзает, Духа Божественного низводит и причастие нетления дарует» (7 Г: 6-7). Господь и крестился для нас от Предтечи, «чтобы нам предпоказать путь спасения чрез Крещение и освятить воды, т.е. стихию водную для нашего омовения и возрождения» (7 Д: 4). Из сего уже видно, что Крещение, как таинственное благодатное возрождение, необходимо человеку, но святой Иоанн ещё продолжает: «Христос Иорданскими водами решил зной греха нашего; Крещением Своим Он очистил и обновил нас, обветшавших

грехами; одевая Адамову наготу одеждой славы, Он обнажился плотью в реке Иордане; Он в воде погребает наши грехи; чрез Крещение Своё Господь благословляет водное естество и род земнородных возвёл к первому благородию: Он водой очищает нас… и Духом Божественным делает нас совершенными; струя водная, приняв в себя Спасителя, сделалась источником живой воды на спасение наше; Он пришёл очистить Адама и спасти Божественным Крещением и в Иордане истребить мирское беззаконие; Он подаёт Крещением избавление всем верным», удостаивает сыноположения (7 Е: 7).

Все слова и действия Христа Спасителя есть Божественная премудрость и правда. Его Крещение и наше – дело той же Премудрости и Правды. «Всё, что говорил и делал на земле Господь, Он делал это по предвечному, премудрому и всеблагому Троическому Совету, бывшему прежде всех веков, и всё это было необходимо для спасения, совершенства и блаженства человеческого» (7 В: 7).

Неделя по Просвещении

В *неделю по Просвещении* (Богоявлении), как продолжающийся праздник Крещения Господня, в Евангельском чтении вспоминается пророчество Исаии о людях, которые – сидевшие во тьме, «сени смертней» – увидели свет, и о том, что Господь наш Иисус Христос после Крещения и искушения в пустыне торжественно явил Себя миру – начал Своё благовествование словами: "*Покайтеся, приближися бо Царство Небесное*" ***(Мф. 4, 16-17)***.

Упоминаемая в пророчестве тьма есть духовная тьма. Это – «неведение истинного Бога, глубокий мрак суеверия и идолопоклонства. Такою-то духовной тьмой были объяты до появления на земле светозарного Солнца Правды» (1: 321). Но и сегодня коснеющие во грехе, «все те, которые ненавидят своих ближних, остаются во тьме доселе. Страшная истина!» (1: 327).

С пришествием в мир Спасителя увидели великий свет – «тот Животворный Источник всякого света, Который есть Христос

Господь, рассеявший Своим пришествием на землю повсюдный глубокий мрак неведения истинного Бога и призвавший людей из тьмы в чудный свет истинного Боговедения» (1: 322). Не нуждаясь Сам в очищении, Он очищает падшего человека «в Иордане, в котором, убив вражду, разделявшую человека с Богом бездной непроходимой, дарует людям *мир "Божий превосходяй всяк ум"* ***(Флп. 4, 7)***. Они просвещаются святым Крещением и начинают уже вкушать тот духовный, райский покой, который Спаситель обещает всем трудящимся и обременённым в этом мире. Люди перестают уже водиться собственными страстями в своей жизни и, как заблудшие овцы, получившие опять доброго Пастыря, следуют Его гласу и по Нем идут». Вместо чад гнева они становятся детьми Божиими. Человеку даются *"вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию"* ***(2 Петр. 1, 3)***. Теперь от его воли зависит быть ли наследником Царствия Небесного или добычей ада (1: 324-325). А как? Каким образом стать членом первого и избежать второго? «Чрез искреннее покаяние во грехах, которые – настоящая тьма, тьма вечная и мука вечная» (1: 329). Господь, придя в страну тьмы и тени смертной, начал призывать: *Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное.* Почему Он так начал Своё благовествование? Потому, «что грешникам ничто столь не необходимо для спасения, как покаяние и вера; без покаяния невозможно помилование и примирение с Богом: ибо грех есть величайшая вражда против Бога; тьма, не допускающая общения света Божиего; нечистота, не допускающая обитать в сердце Пречистому Богу» (1: 337). И потому, «какое могло быть первое слово от Спасителя к грешникам, как не слово о покаянии и строгом, искреннем самоосуждении и признании полнейшей виновности пред всесвятым Богом?» (1: 339). Одновременно спрашивается: «Какое слово прежде всего могло быть обращено к безмерно удалившимся от Бога и жизни Его, правды Его, как не радостная весть о приближении к ним Царствия Божия? Ибо что такое Царствие Божие? Это то же, что Царство Христово или Сам Христос, пришедший во плоти, Царство правды и святости, мира и радости в Духе Святом, прощение грехов, сыноположение или усыновление нас грешных – чрез

веру и Крещение и прочие Таинства – Богу; дерзновение пред Богом; удаление от всех земных пристрастий и взирание горе́, к Богу; горячая любовь к Богу и ближним; сила и власть над страстями и над демонами; …Царство Божие есть непрестанное восхождение от добродетели к добродетели, от земли на Небо, от тления к нетлению, от смерти к бессмертию, от временной и исчезающей жизни к жизни конца не имеющей» (1: 339-340).

«Итак, – заканчивает свои наставления Батюшка в праздник и к празднику Просвещения, – покайтесь все, покайтесь искренно, и приблизится к вам Царство Небесное, и вселится в вас, и сделает вас блаженными на земле и на Небе. Аминь» (1: 338).

Преображение Господа Иисуса Христа

Праздник *Преображения Господня* на Фаворской горе – прославление в Его лице нашего человеческого естества – есть пресветлое событие (1: 353). Ученики Спасителя заблаговременно готовятся, чтобы не соблазниться предстоящими Его страданиями и смертью. «Что же касается того, почему Господь преобразился только пред тремя Учениками, то это по той причине, что по закону достаточно было трёх свидетелей для удостоверения во всякой истине» (1: 359).

В виду трёх избранных святых Апостолов лицо Христа Спасителя просияло настолько, насколько они могли вместить, «если бы несколько больше просияло – они не вынесли бы и умерли от неприступного света» (7 Б: 58-59). Явились пророки – Моисей, живший за полторы тысячи лет до Рождества Христова, и Илия – почти за тысячу лет. Явились для того, чтобы «засвидетельствовать Апостолам, что Иисус Христос есть предсказанный издревле пророками истинный Мессия, Спаситель мира, обладающий живыми и мёртвыми» (1: 355), чтобы утвердить их в вере в Него, вразумить в необходимости страданий и смерти любимого Учителя для спасения мира. «Явились в славе для того, чтобы уверить Учеников, что их ожидает за подвиги на земле такая же или ещё большая слава, как учеников и друзей Христовых» (1: 355; 7 Б: 59). Одновременно Грядущий на

вольную страсть ради нас «хотел показать всем Своим последователям, имевшим страдать за Него, что их страдания приведут их к небесной славе», которая ожидает их за святость, «за труды покаяния, очищения, смирения, воздержания, милосердия к ближним в здешней жизни: они просветятся так же, как просветилось лицо Христово на Фаворе, ибо сказано Господом, что "*праведники просветятся яко солнце в Царствии Отца их*" ***(Мф. 13, 43)***» (1: 360; 7 Б: 59).

Значит, чтобы сподобиться такой славы в Вечности, «мы должны здесь преобразиться внутренне, во глубине души нашей, и сбросить с себя безобразную, тленную, смрадную и мрачную одежду греховную, нечистое, дырявое рубище страстей самолюбия, гордости, злобы, лукавства, зависти, сластолюбия, корыстолюбия, жестокосердия, лености к молитве, суетности, рассеянности, неверия» (7 Б: 59). Событие преображения Господня обязывает нас внутренне преобразиться. «Только посмотри беспристрастно каждый в своё сердце, посмотри на свои помыслы, желания, намерения, предприятия, слова и дела – и тотчас явно будет, как необходимо немедленно приступить к преобразованию своего сердца» (1: 361).

И Господь поможет нам преобразиться, поможет увереннее идти во врата Вечности. «За примерами ходить далеко не нужно. Они бывают ежедневно со всяким верующим, молящимся и кающимся искренно христианином», наипаче с угодниками Божиими. «В них благодать Божия совершила чудное преображение, обновление, просветление. Были они люди подобострастные нам, а посмотрите, что из них сделала благодать Божия при их вере и горячности любви к Богу, при умерщвлении в них всего плотского, греховного; из грешных людей они стали как бы Ангелами святыми, из слабых – сильными благодатью Божией, из незнатных – славными… И это только начатки, только слабая тень того славного преображения, которое совершит Господь над любящими Его во второе Свое страшное пришествие» (1: 364, 365-366).

«Итак, призвав на помощь благодать Божию, приступим, – взывает святой Иоанн Кронштадтский, – с сегодняшнего же дня к преобразованию своих сердечных расположений и своей суетной жизни. Да не

устрашает никого трудность этого преобразования; благодать Божия всесильна… Маловер, пусть трудится над приобретением веры, читая усердно слово Божие и жития Святых; хладный к любви к Богу и ближнему, да просит у Бога любви: ибо "*всяк дар совершен*", тем более – совершеннейший дар любви – "*свыше есть, сходяй от Отца светов*" ***(Иак. 1, 17)***, и пусть упражняется в любви; гордец и высокомерный, да отложит гордость и высокомерие своё и всем сердцем да прилежит смирению; злой и презорливый, да отложит злобу и презорство своё и да взирает на всех и каждого с почтением и любовью; завистливый, да оставит зависть свою; скупой – скупость свою; ленивый и нерадивый – леность и нерадение своё; праздный – праздные занятия свои; сребролюбивый – сребролюбие своё; пьяница – пьянство; чревоугодник – чревоугодие своё; тать – татьбу свою; любодей – любодеяние своё; суетный – суетность; всякий – всякое зло» (1: 362-363). «Преображайтесь, братия и сёстры, изменяйтесь внутренне, глубоким, добродетельным изменением, – восходите ежедневно на высоту покаяния, воздержания, чистоты, кротости, смирения, милосердия, терпения» (7 Б: 60). *Его слушайте* ***(Мф. 17, 5)***, то есть не поступайте по влечениям своей греховной плоти, а слушайте Его – возлюбленного Сына Божия и нашего Спасителя (1: 355-356).

Христос Воскресе!

В пресветлый праздник *Воскресения Христова* или святой *Пасхи* все мы радуемся. Почему? Потому что воскресение Господа нашего Иисуса Христа есть основание для нашего воскресения «и наше будущее воскресение так несомненно, как будто оно уже совершилось в лице Господа… и мы как бы воскресли вместе со Христом» (3: 183). Своим славным воскресением Спаситель даровал воскресение и жизнь «всему человеческому роду, определив день общего воскресения всех людей. Адам и Ева и все праведники выведены из тьмы ада и выведены в вечный свет рая, в твердую, неразрушимую жизнь; клятва за грех уничтожена, – дано благословение всем верующим.

Теперь смерть обратилась в сон, и всех умерших о Господе мы называем усопшими, т.е. уснувшими, – и некоторые из них – когда было нужно – давали ответы из гроба, как живые» (7 Г: 18).

А так как Спаситель после Своего воскресения вознесся на Небо, то и на нас возлагается непременная обязанность – «оставлять пристрастие к земным вещам и наслаждениям и стремиться всеми силами к житию на Небесах» (3: 184).

К сему есть и ещё причины, почему должно возноситься мыслями в Горний Мир, стремиться к нему. Потому, что такова о нас воля Божия. «А воля Творца для твари – непререкаемый закон. Создателю нашему угодно было от создания мира назначить истинным и вечным нашим жилищем Небо, а не землю – и этого довольно, чтоб нам иметь сильное побуждение не прилепляться ни к чему земному» (3: 184). Дальше, потому должно стремиться к небесному житию, что душа наша «есть Божие дыхание: от Бога она произошла, к Богу и должна возвратиться… Бог есть наш Небесный Отец во Христе; к Нему, нашему Небесному Отцу, мы и должны стремиться… Отечество наше – Небо; где Отец, там должны быть и дети». Конечно, и видимый мир прекрасен, «но Небесное наше Отечество ещё прекраснее и видимый мир есть только слабая, ничтожная тень будущего века, красота и блаженство которого превосходят всякое описание, всякое воображение, всякий ум, самый возвышенный» (3: 186-187).

«Итак, братья, – обращается святой Кронштадтский учитель к своей пастве и ко всем нам, – если Христос воскрес из мёртвых, если в надежде воскресли со Христом и мы, то будем все неотложно стремиться к житию на Небесах, отрешаясь от пристрастия к земным вещам, очищая себя непрестанно от всякой плоти и духа» (3: 189).

«Спросите теперь своё сердце: тому ли оно радуется, что мы воскреснем некогда из мёртвых для вечной, нескончаемой жизни, или другому чему? И если кто найдёт, что он радуется чему-либо другому, житейскому, земному, например, своим нарядам или лакомой пище и питию, или общему разгулу, тот исправь свою радость, из плотской сделай её духовной, христианской, небесной радостью. Не отвергаем и плотской радости, потому что мы обложены плотью, но

плотская радость должна иметь в основании своём радость духовную и должна быть умеренна и чиста, во славу Божию» (3: 183).

Воистину Христос Воскресе!

Вознесение Господа Иисуса Христа

В день *Вознесения Господня* Святая Церковь призывает всех к веселию: «Вси языцы восплещите руками, яко взыде Христос, идеже бе первее», то есть возрадуйтесь все народы, «потому что Христос восшел туда, где был прежде, т.е. на Небо» (1: 367).

Вознёсся Господь на Небо для того, «чтобы устроить нам полезнейшее» – послать Духа Святого, Который бы утешил и «святых Апостолов, и всех христиан в их скорбях, бедах, гонениях» (1: 368); Который бы исполнил их «чрезвычайными дарами»: мудростью, святостью, ревностью о славе Божией и о спасении человеческих душ (1: 381).

Господь вознёсся от нас, «чтобы Ему с высоты призирать на нас, как Отцу на чад, как Пастырю на овец, как Орлу на птенцов, как Вождю на Своё воинство, чтобы всякого видеть и у каждого из нас рассматривать нужду и потребности, и каждому подать помощь (1: 368).

Далее, Господь от нас вознёсся на Небо, «чтобы, как Солнце, осиявать всех нас благодатью Своей с высоты Небесной» (1: 369); чтобы приготовить нам путь к Небу и место на Небе, стать нашим Предводителем в Горний Мир. «Прежде никто не мог взойти на Небо, хотя и был праведен и свят; а когда Господь наш, облекшийся в человеческое естество, восшел на Небо, то устроился путь к Небу для всего рода человеческого, и тем путём пошли вслед за Христом души святых Праотцев и Пророков, изведённые из ада; им взошли Апостолы, Святители, Мученики, Исповедники; им и ныне восходят достойные – праведные люди, последующие Христовым стопам; ныне всем известен путь к Небу. Только не ленитесь восходить им, христиане!» (1: 369-370, 371).

Поистине велика радость о вознесении Господнем!

Святая Церковь не только призывает к радости о Вознесшемся на Небо, но одновременно и учит. Чему? Следовать за Ним на Небо, т.е. «жить так, как Он жил, подражать Ему по силам». Следовать Его наставлениям, жизни – «значит следовать за Ним» (1: 373), восходить на Небо мыслью, верой, упованием, любовью, желанием, воздыханием (1: 384). «Братия мои, – взывает святой Иоанн, – живя на земле, старайтесь чаще возноситься на Небо умом и сердцем, туда, куда вознёсся Господь и Спаситель наш; не прилепляйтесь ни к чему на земле, ибо земля не отечество, а место странствия, место борьбы и подвигов, и блага земные – не жизнь наша, не предметы любви нашего сердца, а только необходимые пособия для плоти нашей; старайтесь быть духом всегда выше земного, всех земных вещей: не погружайтесь в них, не сливайтесь с ними» (1: 380, 386). Помышляйте о Горнем. А это значит: «Телом жить на земле, а мыслями витать на Небе; значит – не иметь ничего общего с грехом, царствующим в мире» (1: 384). Это значит: «Любя, не на лица зреть, а всех равно почитать… памятуя, что все мы пред Богом равны, что у всех одинаковая природа и всем общи немощи, слабости и преткновения… Значит – не прилепляться ни к чему видимому, земному, как тленному и временному, а прилепляться к Небесному, как к вечному… Значит – не искать мирской чести, славы, как суетной, часто неправедной, обуяющей и обаяющей душу, а искать почестей Горнего звания» (1: 385, 386). Короче: «Ходить всегда в присутствии Божием, в памятовании о том, что Он всё видит, слышит и за всё… воздаст в день судный» (1 : 386).

Итак, *"Горняя мудрствуйте, а не земная… Идеже есть Христос одесную Бога седя"* ***(Кол. 3, 1-2)***.

Пятидесятница

Событие Святой *Пятидесятницы* (*день Святой Троицы*) чудесно и всерадостно. По своей «важности, плодотворности и по спасительности для всей Христианской Церкви» оно неизмеримо (7 Е: 26, 1: 389).

В чём это состоит? «В том, что Господь наш Иисус Христос, вознесшийся от нас на Небо и не оставивший нас, послал, согласно обещанию, в пятидесятый день после воскресения Своего из мертвых, от Бога Отца Своего – Бога Духа Святого, – третье Лицо Пресвятыя Троицы, Апостолам и прочим верующим, бывшим с ними в Иерусалимской горнице» (1: 387). Сегодня нисходит на святых Апостолов обещанный Дух Святой и пребудет в Церкви Божией до скончания веков «для продолжения и усвоения нам приобретённого Христом спасения» (7 Д: 34). Полагается, значит, основание Святой Церкви или общества спасаемых во Христе – «в этот день посвящены Духом Святым первые пастыри – Апостолы, от коих преемством» и нынешние пастыри «получили благодать священства; в этот день получили действия спасительные Таинства, совершаемые поныне в Церкви через наших священников» (1: 389).

Святой Животворящий Дух, от Отца исходящий и вместе с Ним и Сыном Божиим споклоняемый и сславимый, сошёл на святых Апостолов «в виде огненных языков, отчего они внезапно возродились, озарились, просветились, умудрились и начали говорить на разных языках, коих прежде не знали, – о великих делах Божиих» (1: 387-388). Дух Святой исполнил их премудростью, властью – «возрождать людей из ветхой твари в новую чрез веру в Иисуса Христа и посредством проповеди и Таинств – Крещения, Миропомазания, священнодействия Тела и Крови Христовых. Он дал им и преемникам их, епископам, власть и мудрость вязать и решить грехи человеков, – усвоять веру и учение веры, писать Богомудрые Евангелия и послания, «созывать Соборы для уяснения Богооткровенного учения и обличения ересей и расколов, постановлять правила веры и поведения, освящать храмы и рукополагать в священные степени, вообще, благоустроять только что основанную Церковь Христову» (7 Е: 27). Дух Святой согревает ум и сердце людей познавать Бога и любить Его. Он просвещает, «укрепляет в вере, утешает в скорбях, гонениях за веру, очищает грехи, совершает все Таинства, поставляет пастырей чрез священное рукоположение, собирает соборы и изрекает постановления для руководства верующих, ниспровергает

ложные, гибельные учения, отсекает ереси и еретиков от Тела церковного и утверждает спасительную истину, соединяет всех верующих в одно духовное тело, одушевляет его Своей Божественной полнотой» (7 Д: 34-35).

Спасительные и чудодейственные явления Духа Святого выразились в Его разнообразных дарах: в даре пророчества, в совершении чудес, в самоотверженной любви христиан к ближнему, в единодушии и единомыслии собраний святых Отцов на Соборах, в дивной мудрости церковных витий, в непобедимой силе и непреклонном мужестве множества мучеников и мучениц, в великих подвигах преподобных, «умертвивших все страсти плоти и духа молитвами, бдением, постом, чистотой, смирением, незлобием, терпением. Они по плоти уподобились Ангелам и горели пламенной любовью к Богу, как Херувимы и Серафимы, и в них навеки опочил Христос со Отцем и Духом Святым» (7 Е: 29-30).

Дух Святой вошёл в мир, и Три Лица Пресвятой Троицы, Единосущной и Нераздельной, «равно участвуют в спасении человеческого рода» (1: 390). И ныне благодатные дары Божии проявляются в многообразии христианской любви и самоотвержения ради других, «в чудотворной силе молитвы, во множестве исцелений всяких больных» (7 Е: 30).

Но тут же святой Пастырь и сетует: «Никогда так неверие и глумление над верой и Святой Церковью не захватывало так называемую интеллигенцию, как теперь, никогда страсть к наживе так не господствовала, как теперь; никогда хищничество так дерзко не налагало свою руку на чужое имущество, как теперь; никогда растрата благоприобретённого предками имения не была так безумна, как теперь; никогда браки так не помыкались и не попирались, как теперь; никогда целость природы физической и духовной не ценились так низко, как теперь; никогда пьянство не было так сильно, как в наш цивилизованный век» (7 Е: 31).

Кто же может исправить это печальное положение? Царь Небесный, Утешитель – *"Душе Святый"* (7 Е: 31). «*Духом Святым*, – поёт Святая Церковь, – *всяка душа живится и чистотою возвышается*»

(1: 392). А чтобы Дух Святой вселился в нас, оживотворил нас, умерщвлённых грехами, «нужно каждому молитвой очистить своё сердце, искренно пожелать приобщиться Его святости, Его жизни и усердно стараться получить Его» (1: 392). «Имейте все горе́ умы и сердца, – призывает Батюшка, – и, очистивши себя молитвой и сердечным сокрушением, твёрдо надейтесь, что удостоитесь принятия Святого Духа: вы услышите Его дыхание в сердце своём, дыхание тонкое, сладостное, успокаивающее, радующее и из храма вынесете такое сокровище, которого в мире не получите ни за какие сокровища, потому что в мире нет Его» (1: 392).

Неделя перед Воздвижением

В неделю перед Воздвижением Честного Креста Господня читается святое Евангелие о безграничной любви Божией к человечеству и о ниспослании ему Единородного Сына – Спасителя. *"Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный" **(Ин. 3, 16)**.* Бог по бесконечной, превосходящей всякий разум, любви даёт бесконечную Жертву за наши грехи (1: 394, 397). «Смотри, грешник, – учит святой Иоанн, – какая ужасная, кровавая жертва потребовалась правосудием Божиим для искупления твоего от греха и вечной погибели: мучительнейшая, поноснейшая смерть на Кресте Единородного Сына Божия. И ты доселе беззаботно, нераскаянно живёшь, без страха грешишь, не исправляешься, не льёшь слёз покаяния, не радишь о добрых делах, распинаешь в себе Сына Божия?» (1: 397).

Воздвижение Животворящего Креста Господня

В день *Воздвижения* высоко подымается Крест Господень! При его виде в душах верующих пробуждается много важных воспоминаний.

На Кресте был распят Богочеловек, изволивший спасти человечество от вечных мук. Сын Божий обагрил его Своей Пречистой Кровью, «которой капля едина – очищение миру!» (1: 399).

Триста лет Крест был сокрыт в земле. И столько же лет Церковь Христова была под ужасным крестом гонений. В начале IV века гонения кончились. Благочестивый царь Константин с матерью Еленой принимают сами христианскую веру и всем позволяют поклоняться Христу Спасителю. Святая Елена обретает Честной Крест – его торжественно поднимают из земли и воздвигают, а он воскрешает мертвых, исцеляет больных, прогоняет злую силу. «Ибо кто воздвижен был на Кресте? – Сам Царь Славы, Сам Творец Небесе и земли, Единородный Сын Божий. За кого? За мир грешный и за нас с вами» (1: 400-401).

Сила Креста Христова велика. Она явилась в ревности святых Апостолов, в мужестве Исповедников и Мучеников, в смирении Подвижников, в дерзновении Святителей… «Они знамением креста прогоняли демонов, исцеляли болезни, отнимали силу у яда, сокрушали идолов, укрощали зверей, огонь претворяли в прохладную росу; знамением креста обезоруживали и побеждали врагов, укрощали движение страстей. Крест был силой Божией во всех Таинствах, как и доселе он служит печатью и чудодействующей силой всех Таинств; крест – освящение воздуху, воде, земле, всем стихиям земным; им освящаются наши дома, поля, луга, плоды земные; крест предначинает или предъосвящает и брань с врагами веры и отечества; крестом побеждены были враги невидимые и видимые; крест избавляет от опасности смертной; крест воскрешает мёртвых… Все истинно верующие христиане, с верой и благоговением употребляющие крестное знамение, испытывают на себе весьма часто спасительную силу его; им исцеляются от скорбей, от страстей, от болезней» (1: 408-409). Крест есть Божественная сила, сохраняющая нас при жизни и спасающая после смерти. И всё это потому, что сия спасительная сила есть сила Богочеловека, «распятого, являющая непрестанно Его Божественную власть над всем миром, над всей природой, над всеми полчищами вражиими; показывающая, что Христос Бог искупил Крестом Своим весь мир от греха, проклятия и смерти, что Он имеет власть живота и смерти, что Он есть воскресение, и живот, и Бог всех» (7 Е: 55-56).

И мы не напрасно «почитаем Крест Господень, изображаем его на себе и поклоняемся ему» (7 Е: 55). Хулителей же Креста ждёт Суд Божий – «они погибнут в своей гордыне и упорстве, как Корей, Дафан и Авирон при Моисее ***(Числ. 16, 31)***» (7 Е: 56).

Со времени страданий Христа Спасителя слово о Кресте стало словом «о спасении погибающего во грехах мира», словом – «о бесконечной любви Божией к миру… о даровании всем верующим жизни вечной ради пострадавшего и воскресшего Христа; стало словом о распятии плоти со страстями и похотями; словом – «о взаимной любви людей друг к другу; о самоотвержении ради любви к Богу и ближнему»; словом – о мужестве и терпении (1: 405, 406).

Каждый христианин, как путник земли, получает для несения свой крест. Он необходим. Без него, без тесноты, невозможно войти в Царство Небесное. «Господь проложил для нас на Небо путь Крестом, да и мы тем же Крестом должны идти туда». Крестный путь к Царству Небесному лежит потому, что мы грешные. А Бог – бесконечная святыня – и «ничто мерзкое или нечистое не войдёт в Царство Христа Бога». Значит, «чтобы войти в Царство Небесное или быть принятым в общение с Богом, непременно нужно быть очищенным от грехов, а для этого нужно очищаться постепенно в продолжении земной жизни. А лёгкое ли дело, братия, – замечает святой Иоанн, – очищать сердце своё от скверн греховных… Вот здесь-то, братия, и заключается причина крестного пути к Царству Небесному… Даровой, незаслуженный хлеб есть стыдно, а трудовой – приятно и здорово» (1: 410, 411, 412-413).

«Да не убоится же никто из нас, братия, взять крест свой, отвергнуться себя, т.е. всего своего греховного, растленного и идти вслед за Спасителем» (1: 414).

«О, дражайший Искупителю всего мира! Не ведали люди, что на Тебе отяготели грехи всего мира – что Ты терпишь, невинный и безгрешный, казнь за нас! Не ведали, что Сам Бог вступает в борьбу с адом и сокрушает могущество его, и хочет извести из ада души, от века содержимые в узах его, и нас избавит от его ужасного мучительства! О, сколь дороги для Бога души человеческие!..» (1: 401-402).

Б. Праздники во славу Божией Матери

Рождество Пресвятой Богородицы

Праздники в похвалу Пресвятой Богородицы открываются Ее *преславным рождением.* Но, к сожалению, в «Полном собрании сочинений» святого праведного Иоанна Кронштадтского имеется на этот день всего лишь одна проповедь, да и та, поскольку праздник сей совпал с неделей пред Воздвижением, посвящена, в основном, раскрытию воскресного Евангельского чтения.

О Рождестве Божией Матери сказано лишь следующее:

«По празднику Рождества Пресвятыя Богородицы – читается Евангелие от Луки о принятии некоей женой, именем Марфой, Господа в дом свой и о том, как одна женщина, слушавшая слово Господа, ублажала Матерь Божию, громко воскликнув из-за народа: *"Блажено чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие" (Лк. 11, 27).* Простодушное, но достойное ублажение!» (3: 335-336).

«Её рождение всеславное от святых родителей Иоакима и Анны должно напоминать нам о нашем духовном возрождении – плод которого есть вера, надежда, любовь, святость, кротость, смирение, воздержание, милосердие. Потому что ты Крещением родился от Бога и должен жить свято, как свят Господь Бог» (3: 338).

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Трёхлетняя Отроковица, испрошенная у Бога слёзной молитвой неплодными праведными Иоакимом и Анной, торжественно *вводится в храм Господень* для воспитания под особенным действием Духа Божия и приготовления «в чистое и приятное селение Господу, имевшему воплотиться от Неё и быть Богочеловеком для спасения заблудшего и погибающего рода человеческого» (7 В: 77). Событие это чудное, ибо Святая Дева по внушению Духа Божия вводится во Святое Святых – сокровеннейшую часть храма, куда только однажды в год мог входить один первосвященник для совершения особых священнодействий. «Ангелы Небесные удивились, увидев Деву,

введённую во Святое Святых» (7 Е: 82). «Заметьте, – говорит Батюшка, – что Пресвятая Дева для воспитания в Матерь Господа вводится в храм Божий» – «наилучшее воспитательное место… ибо Господь особенной благодатью обитает в храме». Это даёт всем понять, «что Церковь Божия есть лучшая и вернейшая воспитательница человека-христианина для Царствия Божия: в ней мы научаемся Богоугодной святости, она правильно развивает, направляет и укрепляет все силы душевные и телесные, воспитывает в сердце искреннюю любовь к Богу и людям, возвышает ум к Богу, укрепляет волю человека во всякой добродетели: в вере, в правде, в святой простоте, кротости, смирении, послушании, мужестве, терпении, милосердии, сострадании к бедствующим, во взаимном уважении, в честности, целомудрии» (7 Г: 74; 7 Д: 88). Господь всегда пребывает в храме не только невидимо, но и видимо – в Животворящих Таинах. Здесь находятся Ангелы Божии и все Святые. Посему храм имеет особенное – спасительное значение, как место Неба, «как дом молитвы, как место совершения всех Таинств и, в особенности, Таинства Тела и Крови Господней» (1: 451). Это небесное училище, воспитывающее для Неба, для Бога. «Ибо где вы, кроме храма Божия, – вопрошает святой Пастырь, – услышите слово Божие? Где, кроме храма, преподадут вам Таинства веры? Откуда возьмёте силы жить по-христиански?» Где уврачуются «наши душевные недуги – грехи и страсти?» Где «источник живых вод, где струится чистейший ключ жизни?» – И отвечает: «Всё во храме и из храма» (1: 427, 440). В храме возвещают имя Господне, имя Божией Матери, имена Святых; учат великим истинам творения мира и человека, падения и спасения, воскресения, будущего Суда и вечной жизни; учат «от Духа Божия быть добрыми христианами, а это всего дороже на свете» (1: 441). В мире – вокруг суета, прелесть, порок. В храме – только истина, святыня и всякая добродетель. «В мире – тлен, грех, смерть; в храме – нетление Святых и вечная жизнь» (1: 439). В храме человек познает своё высокое достоинство – он есть образ Божий, чадо Божие, член Церкви Христовой – Богоучреждённого общества спасаемых, есть житель Неба, а на земле только гость, пришелец. «Здесь, в противоположность миру

грешному, он видит только святыню, правду, любовь и милосердие в лицах, изображённых на иконах, и слышит во всех чтениях и песнопениях, – и ничего греховного, как в мире; здесь он, как бы на Небе, вместе с Ангелами славословит Господа, Его вечную славу, Его благость, человеколюбие, щедроты, Его державу и Царство» (1: 428-429). Святой Иоанн прямо называет храм «земным Небом», ибо в нем есть «престол Бога Творца и Спасителя нашего», в нём Он пребывает особенной силой и благодатью. «Добрые и верные христиане ощущают присутствие Его в храме, испытывают на себе часто отеческий Его взор и благоволение, чувствуют себя у сердца Его и Его в сердце своём. Тут, во святом храме, мы и сами делаемся храмами Святого Духа, при посредстве Таинств, молитвы, слова Божия» (1: 443-444). Как бы обобщая, Батюшка говорит: «Заметьте, братия и сёстры, как много значит для человека храм Божий, какое чудное действие он может иметь на детей, воспитываемых в страхе Божием, и на всех живущих в вере и благочестии» (1: 443).

Честнейшим и славнейшим примером влияния храма на духовное устроение человека служит Божия Матерь. В храме Она, при невидимом действии Духа Святого «и видимом собеседовании с Ангелами, а также под руководством старших девственниц храма, быстро научилась молитве, Священному Писанию и женскому рукоделию, и была вся объята пламенем Божественной любви, предъочищаясь Духом Святым в Святое селение Богу Слову» (7 Е: 82). «Почему Единородный воплотился от Неё и, пребывая вечно Богом, сделался человеком? – спрашивает святой Пастырь и отвечает: – Господь полюбил Её за чистоту и Богообразную красоту Её внутреннего храма душевного или за Серафимовскую чистоту и красоту души Её, за Божественное благолепие образа и подобия Своего в Ней – залога величия Её и причины к Ней величайшего благоволения Божия. Вознесло и возвеличило Её смирение» (1: 444- 446).

Чрез эти размышления, исходящие от святого праздника, Церковь Христова преподаёт весьма важный урок родителям: «Водить чаще своих детей в храм и вообще воспитывать их в строго христианском духе… Потому что дети суть достояние Божие, чада Божии,

возрождённые и освящённые Духом Святым во святой купели, и должны быть воспитываемы в духе Святой Церкви, в благочестии и святости; и Бог потребует от родителей отчёта в воспитании, как Отец и как Бог их… Потому что нигде так хорошо, так благодатно и успешно дети не могут научиться искреннему благочестию, искренней любви, хвале и благодарению Богу и любви к ближним, как в храме, где Дух Святый, истинный Воспитатель, особенно почивает и чрез всё поучает их: чрез взор, чрез слух, чрез уста – в причащении Святых Таин, и прямо и непосредственно действует на чистую, впечатлительную душу их» (1 : 433). Посему должно с малых лет приучать их к храму Божию, к молитве, к слушанию Священного Писания, чтобы «они росли в благочестии и все выше и выше поднимались по ступеням добрых дел и благочестивых помышлений. Но нынешний праздник учит и нас всех глубоко уважать храм Божий и любить пребывание в нём в молитве, славословии и благодарении» (1: 426).

Долг каждого человека – воспитывать своих детей и воспитываться самому для Господа. «Необходимость этого воспитания для Неба, для Господа очевидна для всякого из того, что Господь создал нас для другой жизни в будущем веке, которой не будет конца, совершенно отличной от настоящей, временной жизни» (1: 418). Должно всячески стараться, чтобы неземная – вечная душа не увлеклась полностью мирским и не забыла об иной жизни. Необходимо направлять её к Небу, заблаговременно приучать дышать «небесным воздухом»; больше размышлять о том, что всё земное – непостоянно, «скоро проходит, оставляя в сердце человека, преданного миру, одну пустоту; что душа наша вечна и о ней необходимо позаботиться» (1: 418-420). «Надобно стяжать сердце чистое, сокрушённое и смиренное, простое, мягкое и нежное, которое легко чувствовало бы ядовитость каждого греха, которое болело бы от всего, что противно Святейшему Господу и своей болью извлекало слёзы, очищающие скверны сердечные… Надобно стяжать любовь к добродетели или к святой жизни» (1: 421-422). Для собирания всего сего необходимо «чаще посещать храм Божий» (1: 420).

Не преминул святой Пастырь сказать и о горестном состоянии вдали от храма и, соответственно, от духовного руководства. «Наша школа, – говорит он, – нередко отбивает охоту к хождению в храм Божий. Отчего это?.. Дело в том, что умы и сердца юношей и девиц бывают обременены множеством… стихийных знаний и… балластом разных языков, между тем как места вере и Богопознанию даётся совсем мало умам и сердцам воспитывающегося поколения… Нынешнее воспитание выжимает… из воспитывающихся все соки физические и духовные, и многие дети становятся бездушными и бессердечными, без веры и теплоты в сердцах... заносчивыми, гордыми и непослушными» (7 Г: 74-75).

Свои наставления в праздник Введения Божией Матери в храм Господень святой Иоанн завершает призывом: «Если ты, христианин, чувствуешь нужду в Боге, то приходи в храм Божий – здесь ты восчувствуешь, осяжешь особенное присутствие Божие, особенное, благодатное, таинственное, духовное веяние Духа Животворящего… Здесь от всего веет Божественной благодатью – и от Богослужебных чтений, и пений, и обрядов, и от святых икон, и от всего – всё воспитывает» (1: 451)… «Будем… подражать… Матери Божией – и в нас Господь возвеличит милости Свои и введёт в Царство Своё Небесное, которому не будет конца» (7 В: 79).

Благовещение Пресвятой Богородицы

Чудно, велико, исполнено Божественной Премудрости *Благовещение* Архангелом *Пресвятой Деве Марии* и воплощение от Неё Сына Божия. «Внимайте, – учит святой Иоанн, – нынешнему… благовестию. Молниезрачный Архангел Гавриил, предстоящий пред Богом и провозвестник великих тайн Божиих, – вещает ныне Пречистой Деве, Богоизбранной Откроковице, во граде Назарете, в доме Иосифа, Божественную Тайну, от веков сокровенную в Боге, о зачатии от Неё по плоти Предвечного Сына Божия, Творца веков, ради спасения погибающего во грехах рода человеческого» (7 В: 9).

Совершающееся Таинство приводит в изумление и человеческий разум и Ангельский высокий ум. Недоумевают святые Ангелы, как Безначальный, Необъятный, Неприступный нисходит до рабия зрака, становится человеком, не переставая быть Богом и нимало не умаляя Божественной славы (1: 454). Недоумевают люди, но и радуются, ибо грядет на землю видимо – во плоти Сам Бог и будет здесь между ними обитать – «возвестит им тайны спасения, просветит их небесным светом, оснует Церковь на земле, ниспошлёт Духа Святого, преподаст Таинства спасительные и Заповеди верующим в Него, подаст им все средства ко спасению» (7 В: 9-10). А Матерь Божия станет по благодати нашей Матерью, Ходатаицей и Заступницей. «Вообразите, – обращается к каждому из нас святой Пастырь, – что было бы с людьми, если бы Сын Божий не снисшел так дивно, так благостно к нам грешным, омрачённым!.. Как человечество было бы бедно, жалко, безобразно, безутешно!.. А теперь, какое утешение всегдашнее для верующих и кающихся!»... Сын Божий – их надежда, очищение и спасение. Он – «защита обидимых; утешение всех скорбящих; ободрение унывающих; покой утруждённых и обременённых; награда подвизающихся; свет омрачённых; сила немощных; Помощник в трудах благих; Споборник в духовных бранях; утеха всех праведных; вечная жизнь всех верующих в Него» (1: 462).

«О, – восклицает святой Пастырь, – таинство чудное, превысшее всякого разума! О благость Божия несказанная! Человеку падшему, достойному всякого наказания, подана такая безмерная милость!» (1: 458).

Что возвысило на несравненную высоту Божию Матерь, возвысившую и нас? Что сделало Её великой и достославной паче Херувимов и Серафимов? Смирение, чистота помыслов и чувств, пламенная любовь и преданность Богу, терпение скорбей. «Возлюби и глубоко насади в сердце твоём и ты, христианин, – обращается к своим пасомым и к каждому из нас святой Иоанн, – Боголюбезное смирение; стяжи и ты всеусильными трудами всей жизни чистоту сердечную – постом, молитвами, Богомыслием, слезами, особенно же частым достойным причащением Святых Таин Христовых; возлюби и

ты всем сердцем Бога, Творца и Спасителя твоего и не предпочитай ничего в мире Его святой любви; о Нём всегда размышляй и о Его чудных делах; Им живи и дыши; Им питай душу свою; в Него облекись; Им очищайся, просвещайся, освящайся, утверждайся, украшайся, хвались, утешайся; Им побеждай искушение и наветы врагов видимых и невидимых; что ни делаешь, делай всё с мыслью о Нём и ради Него; где ни будешь, везде будь с Ним, как и Он всегда с нами, *везде Сый и вся исполняяй*» (1: 456)… «Девы и женщины! Учитесь у Матери Божией всякой добродетели, чтобы вам быть достойными христианками. Многие, многие нынешние христианские жены и девы крайне унижают и бесчестят свой пол недостойным, богопротивным поведением и являются недостойными не только звания христианского, но и – человеческого: потеряли стыд и страх Божий; допустили угаснуть в себе вере в Бога и чувству стыда, столь свойственному женщине, утратили упование на Бога и преданность Его святой воле» (7 В: 13).

Тайна Благовещения и вслед за ним – воплощения и вочеловечения Сына Божия – совершилась ради нашего спасения. И наш долг со страхом и радостью принять грядущего к нам Господа, «водворить на земле, в сердцах и душах наших Царство Небесное, "*царство правды, мира и радости в Духе Святом*" ***(Рим. 14, 17)***» (1: 455).

Успение Пресвятой Богородицы

Кончину Божией Матери Святая Церковь не называет смертью, а *Успением*, – что равно: успокоению или мирному сну, и не только не скорбит у Её гроба, а напротив – радуется, поёт торжественные песни. Это потому, что Преблагословенная Матерь Господа не умерла человеческой смертью, а как бы ненадолго уснула, и от гроба Её веет на нас много радостей – самая главная из них: наше воскресение, наше бессмертие. Успение Её и восстание Её в третий день есть «доказательство нашего воскресения… как и воскресения Христа Спасителя. В лице Её все, не потерявшие веры, могут ясно и…

осязательно видеть своё собственное воскресение и будущую, непреходящую во веки бесконечную жизнь на Небесах» (7 Б: 55). И святой Иоанн заявляет: «Я хочу говорить сегодня о бессмертии и нетлении, к которому призвал нас Господь Своим воскресением из мёртвых, Своей победой над смертью, – о бессмертии, которое столь славно и очевидно проявилось в преставлении Богоматери» (7 А: 18). Господь не сотворил смерти – она вошла в мир грехом – сначала духовная, тотчас после его совершения, а затем «телесная – постепенно». И ужасы смерти преследовали людей от Адама до Господа Христа. Спаситель, приняв безгрешным Своим телом смерть, победил её, а Своим воскресением положил начало всеобщему воскресению. «Человечество безмерно обрадовано и обнадёжено этим славным воскресением» (7 А: 19). И Успение Пресвятой Богородицы вот какое утешение приносит нам – «уверяет нас в той истине, что с нас снято проклятие за грехи воплотившимся Христом Спасителем, по ходатайству Богоматери, и даровано всем воскресение из мёртвых в последний день мира. Не утешительно ли для всякого верного христианина?» (7 Е: 42).

Смерть страшна для нас дотоле, доколе царствует в нас грех. С утверждением в себе презрения к пороку и воспитанием рачения к добродетели смерть становится «мирным сном» (1: 467). На вопрос: «Возможно ли нам достигнуть тихой, покойной, блаженной и радостной кончины и избежать ужаса смерти и будущего Страшного Суда? – святой Иоанн отвечает: – Возможно. Ибо нам даны все средства к жизни добродетельной и к тихой христианской кончине. Эти средства: покаяние, молитва, воздержание от всех страстей, труд, терпение, незлобие, милосердие, повиновение, простосердечие, искреннее всем доброжелательство и возможный мир со всеми. Если будем исполнять эти добродетели и в делании их скончаемся, то встретим с радостью свою кончину и сподобимся нетленного Царствия Небесного» (7 В: 48).

Святая Церковь старается поселить в нас бесстрашие к смерти, увещает прогонять страх искоренением грехов и умерших в её лоне именует не мертвецами, а «усопшими, т.е. как бы уснувшими, потому что бессмертная жизнь в будущем веке так теперь для нас несомнен-

на и право наше на неё так верно, что мы не можем или не должны иначе смотреть на смерть, как на сон» (1: 466). Для истинного христианина смерти нет, а есть лишь «преставление, т.е. как бы перестановка его, т.е. души его, в другое положение, в другой век, в иной мир, загробный, вечный, непреходящий – есть успение» (7 Г: 49).

О Божией Матери в одном из ирмосов сказано: «*И по смерти жива*». А что это так, православные люди хорошо знают, ибо Она «постоянно спасала и спасает наследие Свое – христиан православных и даже не православных» (1: 475). Для чего Она, по слову Священного Писания, предстала одесную Своего Сына и Бога? ***(Пс. 44, 10)***. Именно «для того, чтобы вечно предстательствовать пред Ним за род христианский», всегда подымающий к Ней свой молитвенный взор (7 Д: 54-55). И сколько явлено было Ею «благодеяний благочестивому русскому народу, благоверным нашим князьям, Святителям, Преподобным и разным частным лицам!» (7 Б: 56).

Силу предстательства Пренепорочной Матери Спаса, действенность Её молитв «испытывали и испытывают все христиане, обращающиеся к Ней с молитвой в духе и истине, потому-то мы и поём в молебне Ей, Заступнице нашей: «Не умолчим никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойнии: аще бо Ты не бы предстояла… Твоя бо рабы спасаеши присно от всяких лютых». Она, Преблагосердая Мати Царя Небесного, всегда с нами, только бы мы были с Ней, т.е. только бы веровали несомненно и твердо в Её близость к нам во всякое время. Воззови только к Ней в скорби или болезни с верой, христианин, и увидишь, какие чудеса Она сотворит над душой твоей» (1: 479-480).

Заключает свои наставления в день Успения Божией Матери предивный русский Чудотворец так:

«Братия! Вечная жизнь за гробом не подлежит никакому сомнению. Но также не подлежит ни малейшему сомнению, что она может быть двоякая: для праведников – блаженная, а для ожесточённых грешников – мучительная. Смерть есть предел, граница между настоящей и будущей жизнью, и мы не знаем далеко или близко она от нас. Будем готовы всегда стать на эту грозную границу между двумя жизнями» (1: 468).

Покров Пресвятой Богородицы

В праздник *Покрова Божией Матери* святой Иоанн Кронштадтский напоминает православной пастве, что Святая Церковь, как единое тело Господа нашего Иисуса Христа, имеет Единую Небесную Главу; что иной главы у Церкви нет и быть не может; что «православная вера есть единственно Богоугодная и спасительная вера», а отпадшие от неё в какую-либо секту или раскол погибают. «Это, – заявляет святой Пастырь, – особенно нужно знать ныне, когда столь дерзновенно и высокомерно возносят голову свою старые и новые еретики и сектанты, отторгая вслед за собой недостойных и невежественных членов Православной Церкви» (7 А: 29).

Также святой Иоанн говорит о молитвенном общении Церкви Небесной и земной и о том, что требуется от нас – верующих – для достойного этого общения. «Общение христиан, живущих на земле, с Церковью Небесной, т.е. с Богоматерью, с Ангелами и Святыми, – учит он, – выражается ежедневно в молитвах к ним и прославлении их». От нас требуется благоговейная и святая жизнь, благоговейная молитва в храме и дома, ревность «о чистоте душевной и телесной, о смирении и незлобии, о милосердии и общительности друг с другом, о нестяжательности, о воздержании и целомудрии» (1: 495-498).

Но чаще святой Печальник земли Российской рассказывает историю праздника и свидетельствует о заступничестве Божией Матери.

***

В начале десятого века в Константинопольском Влахернском храме явилась избранникам Божиим Пресвятая Богородица с ликами Ангелов и Святых Небесной Церкви. Покрыв Своим честным омофором предстоявший народ, Она молилась Своему Сыну и Богу нашему о спасении греческой столицы от врагов, грозивших разорить её и разрушить.

Что подвизает Царицу Небесную к покровительству, к заступлению рода христианского? Великие любовь и благость Её, «беспредельное

сострадание к нашим скорбям и бедствиям, Её матернее снисхождение к нашим немощам, к нашему нелицемерному покаянию» (7 Г: 55)… А у нас, в России, Премилостивая Божия Матерь являла Свой чудный покров и дивное заступление без числа – и в древние времена при частых набегах врагов, и в недавние годы, и в самые близкие. «Она невидимо вдыхала в воинов русских мудрость, мужество и неустрашимость», давала силу сломить силу неприятеля (7 Д: 65). Уже много-много лет существует Русское государство, «и трудно перечислить, сколько раз Небесная Заступница покрывала его от бед Своим молитвенным предстательством у Господа Сил. Но, покровительствуя столько целому отечеству, народу, Она простирает державный покров Свой на города и веси и на частных лиц. Всякий православный знает это, потому что примерами Её покрова и заступления полны города, селения и жизнь весьма многих христиан» (1: 482). Очевидным доказательством тому, как Богоматерь многократно покрывала и спасала Россию, её города и веси, служат чудотворные её иконы: Владимирская, Смоленская, Казанская, Тихвинская, Знаменская, Иверская и другие (1: 495). О чём это говорит? «О том, что с нами Бог, что вера наша и Церковь наша – правая, истинная, православная, спасительная» (7 Д: 65). «Славь Россия, славь каждый верный сын Церкви Небесную Заступницу Свою, Матерь Божию, за матерние непрерывные милости Её к России и к тебе. Только Её ходатайством Россия доселе цела, могущественна, славна. Можно сказать смело, что если бы Россия всегда строго держалась благочестия, если бы русские все были крепко преданы вере своей и Церкви Православной, её величие и благоденствие возрастали бы из года в год, и мира её не было бы предела… Чего нам бояться бы тогда, имея Такую Заступницу, Которой любовь и могущество не имеют предела?!» (1: 490).

Как же нужно нам молитвенное предстательство Пресвятой Богородицы! Как необходимы Её покров и спасение! Наша жизнь полна разных скорбей, иногда подавляющих душу, и протекает далеко не свято, хотя бы сего и хотелось. Святая Церковь в одной из своих священных песней, обращённой к Пресвятой Богородице, изображает людей «обремененными грехами, напастями, скорбями и

болезнями, от которых никто могущественно, после Господа, спасти их не может так быстро, как Пресвятая Богородица… «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице...» Она называет Её Радостью всех скорбящих, Предстательницей обидимых, Питательницей алчущих, Утешением странствующих, Пристанью обуреваемых, Посетительницей и Исцелительницей болящих, для впадших в беду Покровом и Заступлением, Жезлом для слепых и старых, Бездной благости и щедрот, пребыстрой Заступницей скорбящих. Все эти названия взяты от самых дел» (1: 507-508). Будучи Матерью Господа нашего Иисуса Христа и находясь ближе всех к престолу Божию, Она много может, дабы низвести на нас благодать Неба. Мы – нечисты, а Она – Пречистая, мы грешны, хотя и стараемся не прилагать грехи к грехам, а Она – Всесвятая, Любящая нас – как же за Её молитвы не помиловать нас! Мы – горды даже в своих падениях, а Она – «так смиренна при всех Своих добродетелях, при всём Своём величии; как, смотря на Её смиренные молитвы, не помиловать нас… если мы смиряемся пред Богом и перед Ней!» Богоматерь точно «стена нерушимая между Богом и людьми; Она отводит большую часть громов Небесного правосудия, готового покарать грешников неблагодарных. Только за такой Стеной мы часто бываем безопасны, между тем как мы думаем, что наша безопасность есть следствие обыкновенного порядка вещей» (1: 482-483). Матерь Божия, как избраннейшая из всех жен мира, – сочувствует людям больше любого человека – «ни одно сердце человеческое не способно любить всех людей такой любовью, какой любит нас Божия Матерь. Только чистейшее сердце может любить всех людей, а чище сердца Марии из людей не было ни у кого… Как Матерь Всемогущего Сына и Бога, Она, некоторым образом, и Сама Всемогуща. Бог определил миловать нас за Её молитвы бесконечно много больше, чем за молитвы всех других Святых, по самой высоте Её служения таинству искупления, и потому внимает всякой молитве Своей Пречистой Матери, так как всякая молитва Её свята и угодна Ему» (1: 484, 485).

Только нельзя забывать – «никогда не нужно забывать, что Она – Пресвятая и не любит беззакония» (1: 485).

«Будем же, – призывает великий святой Проповедник жизни во Христе Спасителе, – с чистым сердцем все прибегать в Её державный покров» и «готовиться туда, где нет никаких бед, где вечная радость и вечный покой» (1: 486).

Казанская икона Божией Матери

В день *Казанской* иконы *Божией Матери* святой Иоанн Кронштадтский призывает тех, которые не молились Пресвятой Деве Марии или молились не от всего сердца, с нынешнего часа начать возносить Ей молитву с усердием, как скорой Заступнице христиан, прибегающих к Её покрову. Она всех готова слышать, но чтобы сподобиться Её заступления – необходимы твёрдая вера в Неё и искренняя смиренная молитва. «Таким христианам много помогают молитвы Божией Матери, но не действенны молитвы Божией Матери для нерадивых к молитве и ко всякому доброму делу… Впрочем, что я говорю не действительна? – рассуждает Батюшка. – Нет, даже и для них действительна молитва Божией Матери, ибо Она просит и о них Сына Своего, чтобы Он и ещё потерпел им, – не очнутся ли они от сна греховного, не познают ли бездну зла, в которой они погрязли, не пожелают ли Небесной помощи, не воздохнут ли к Богу? И сколь же многих Она воздвигла молитвами Своими из глубины греховной! Примером тому может служить преподобная Мария Египетская, которая из величайшей блудницы сделалась величайшей праведницей, равноангельной. Именно молитвы Божией Матери сделали то, что она очнулась от сна греховного, притекла к покаянию и решилась изменить свою жизнь» (1: 522-523).

«Постигнет ли душевная скорбь или напасть какая – прибегай, – учит святой Пастырь, – к благосерднейшей Матери всех – Царице Богородице, – и взывает: – Всеблагомощная, Госпоже Богородице, вот мною владеют такие и такие страсти и грехи, Ты вся можеши, Твоя молитва всесильна у Сына Твоего и Бога, покрой, заступи меня от меня самого, от моих греховных страстей и привычек – всем сердцем желаю себе исправления и спасения, но без вышней помощи,

без заступления свыше ничего не могу сделать: сделаю шаг вперёд, да потом целых десять назад отступлю, так и отталкивает меня от Господа сила вражия. Окаянен я, беден и нищ, и слеп, и наг духовно; помоги мне окаянному и бедному, и слепому, – всей душой молю Тебя. Верую, что ты слышишь каждый вздох моего сердца, каждое слово, от сердца выходящее, и милостиво заступаешь всех, кто ищет усердно Твоей помощи и кого не в конец обольстила лесть греховная. Заступи же, спаси и помилуй меня грешного» (1: 520). И Она подаст «избавление от всех зол и всем полезное дарует, ибо Она Божественный покров рабом Своим» (1: 524).

***

Пастырский призыв святого Иоанна, исполненный глубоким душепопечением, венчает его наставления в важнейшие праздники и может служить их завершением.

III. ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ – ПОЛНЫЙ ГОДОВОЙ КРУГ

«Сказано в заповеди Божией: "*Помни день субботний, еже святити его*" ***(Исх. 20, 3)***; на нашем новозаветном языке это значит: помни воскресный день, не забывай его святости и своими добрыми делами старайся и сам освящать его»

(2: 177)

«Истинно празднует воскресенье тот, кто сам воскрес от мёртвых дел для дел добродетели, для веры и любви христианской, кто попрал невоздержание, роскошь и все страсти»

(2: 173)

Святой Иоанн Кронштадтский хорошо помнил «день субботний». Это видно и из его дел, как доброго святого Пастыря, так и из его наставлений. Сегодня мы имеем от Батюшки слова на воскресные дни всего года, причём почти на все воскресные дни по нескольку проповедей (до шести). Автор старался их тематически объединить и представить на каждый воскресный день по одному поучению – в последовательности, принятой в «Полном собрании сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева».

Неделя о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10-14)

Так называется эта неделя потому, что читается притча Господа нашего Иисуса Христа о мытаре и фарисее.

Фарисеи гордились своим знанием закона, а «между тем, более всех бесчестили Бога преступлением закона и своим крайним лицемерием». Мытари же были сборщиками податей и по своему ремеслу нередко прибегали «к незаконным средствам своих поборов» (2: 1-2).

Оба они молились в храме. Фарисей молился так: "*Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как прочие человеки – грабители, обидчики,*

прелюбодеи, или как сей мытарь". Мытарь же молился иначе: говорил немного, но много скорбел о своих грехах; не поднимая голову, ударяя себя в грудь, он говорил только: «*Боже, милостив буди мне грешному*» и ушел из храма более оправданным, чем фарисей, хотя был грешником, а фарисей исполнял «дела правды законной» (2: 9-10).

Чем же угодна была молитва мытаря? «Тем, что он был смирен и имел на молитве сердце сокрушенное». Фарисей же в своём «самомнении и гордости забыл, кто он и с Кем говорит: грешник вообразил себя праведником; грешник забыл, что он говорит со Всевидящим и Всеправедным» (2: 10).

Фарисеи и мытари не по имени, конечно, «а по делам, есть и теперь. Страсть превозношения и самохвальства господствует и ныне в сынах падшего Адама». Соединённые с унижением других, они не что иное как опасная болезнь нашей души (2: 2, 3). Не возноситься должно пред другими, не гордиться, а смиряться. «И сколько побуждений к смирению для каждого из нас! Человек ничего своего не имеет: всё у него Божие – и душа, и тело, и всё, что у него есть, кроме греха» (2: 5). К тому же надо «заметить, что добрых дел у нас весьма мало, несравненно больше худых. Новое и сильнейшее побуждение к смирению» (2: 6). Все мы грешны и нуждаемся в Божием милосердии. Если бы не ходатайствовал за нас Агнец Божий, вземлющий грехи мира, – «каждый день и час над нами гремели бы удары Небесного правосудия» (2: 7).

«Господи! Без Тебя "*мы не можем творити ничесоже*" ***(Ин. 15, 5)***. Дай Ты нам это смиренномудрие мытаря и изгони из нас всякий помысл гордости фарисейской» (2: 8).

Неделя о блудном сыне (Лк. 15, 11-32)

Младший – блудный сын, по своенравию не захотел остаться в доме отца и удалился от него. Вместо полного довольства, изобилия, какое он имел в отеческом доме, он встретил «крайнюю и позорную бедность – плод распутной жизни» (2: 16, 17).

Блудный сын изображает грешника. Всё благосостояние наше – не наше, а Небесного Отца, Который по великой благости Своей,

«незаслуженно с нашей стороны, выделил каждому из нас часть благ из Своей богатой сокровищницы и дал нам волю идти на все четыре стороны. Редко кто из нас остаётся со своим имением под отеческой кровлей; многие, взявши свою часть, как бы уходят от Всеблагого Отца на сторону далече» (2: 17). Небесный Отец не удерживает при Себе силой никого, кто не хочет жить по Его заповедям и попускает ему удалиться и вдали опытно познать, как опасно жить по воле своего развращённого и неблагодарного сердца, «какое мучительное чувство недостатка мира и спокойствия испытывает душа, преданная страстям, какой постыдной пищей питается она: ибо что может быть постыднее страстей? Не дай Бог никому остаться навсегда в этом удалении от Бога: вдали от Бога – верная и вечная погибель» (2: 14).

Вот пред нами «вольнодумец, который говорит не в сердце, а уже вслух провозглашает: "*Несть Бог*" ***(Пс. 13, 1)***», нет Искупителя Богочеловека, нет даров Божиих, преподаваемых в Таинствах Церкви для нашего совершенства, для духовной жизни, для спасения. Что же? Душа вдали от Отца Духов и всякой плоти томится, в области «мрака и погибели неотразимой тоской по какой-то потере, по чем-то родном; какую пустоту и мрак чувствует она в себе, каким безотрадным находит она своё положение!» (2: 19)… Вот честолюбец, для которого земная слава – цель жизни. «Но на пути к своей цели он встречает множество соперников, которые восхищают достоинства, принадлежащие, по его мнению, ему»! (2: 20)… А вот сребролюбец, в руках которого оказалось «множество светлых земляных блёсток и который хочет скопить их как можно больше». И сей удалился от Бога – «утомительные заботы днем и ночью о приобретении и сбережении своего сокровища преследуют его» (2: 21)… Вот раб сладострастия. Он что? Думает вернуться к Небесному Отцу? «Далеко ушёл ты от Бога; в церковь редко ты заходишь, стыдно тебе являться со своими нечистотами пред Всесвятого Бога» (2: 22, 23)… Ещё жалкая жертва ненасытного чрева – человек, употребляющий в излишестве пищу, «вечно больной и душой и телом» (2: 23)…

Господь ныне всех призывает «голосом Своей Святой Церкви в объятия Своей Отеческой любви. Всех хочет спасти» (2: 24).

«Грешникам нет другого пути к жизни и к снисканию вновь благодати и милости Отца Небесного, кроме пути искреннего, неложного покаяния с плодами покаяния. И Святая Церковь, носительница и истолковательница духа Христова, Его бесконечной любви и милосердия, всех нас возбуждает к покаянию» (2: 26).

Неделя мясопустная, о Страшном Суде (Мф. 25, 31-46)

Изображая словами Спасителя последний Страшный Суд над родом человеческим, святой Пастырь выделяет милосердие. «Милостивые помилованы будут», – повторяет он слова Господа Судии. «Запасшиеся елеем добрых дел войдут в брачный чертог», а немилостивые будут наказаны (2: 35). Думающим и говорящим: «Какой Страшный Суд! Господь милосерд: Он помилует; ведь мы грешим больше по немощи, а не по злобе, не по ожесточению», святой Пастырь указывает: "*Суд бо без милости* будет *не сотворшему милости*" ***(Иак. 2, 13)***. «Где же у вас дела милости, когда, очевидно, вы заботитесь только о себе?» (2: 33).

Каждому из нас дано от милосердого Спасителя время «одуматься, раскаяться, исправиться, запастись с избытком елеем милосердия и всякой добродетелью, чтобы не постыдиться на Суде» (2: 36). Здесь мы сами пишем «делами своими вечное оправдание или вечное осуждение на Страшном Суде; и в этом, между прочим, смысле будущий Суд называется написанным: "*Сотворити в них,* сказано, *суд написан*" ***(Пс. 149, 9)***. Совестные книги наши или оправдают нас, или осудят нас, и нам останется только выслушать праведный, вечный приговор Судии всемирного» (2: 37).

Неделя сыропустная. Прощеное воскресенье (Мф. 6, 14-21)

Нынешнее воскресенье называется прощёным от благочестивого обычая просить друг у друга перед Великим постом, перед говеньем, прощение. Обычай этот вошёл в практику как исполнение воли Спасителя, заповедавшего нам прощать друг другу согрешения, если хотим и сами получить прощение от Отца Небесного, Которого мы часто огорчаем!

Господь требует от нас простоты и непамятозлобия. «Спасение твое в твоих руках, в твоей власти, человек. Будешь прощать другим обиды, погрешности… и тебе прощены будут твои грехи» (2: 47). Но как злопамятны бывают люди! Как часто этот порок обладает ими. Господь требует немного от нас – прощения и забвения обид – сердце же наше «крайне самолюбиво, нетерпеливо, своенравно, зло и злопамятно: оно готово сердиться на ближнего не только за прямое зло, но и за мнимое, не только за обидное слово, но и за неприятное или правдивое, резкое, даже – за взгляд, показавшийся недобрым или двусмысленным, лукавым, гордым, едва не сердится даже за самые помышления ближнего, которые оно воображает в ближнем» (2: 52). Против сильного недуга есть и сильное средство. Великой человеческой злобе противостоит бесконечная, всесильная благость Божия, с помощью которой легко «побеждать всякое зло и в себе и в других» (2: 53).

Злобе непримиримой угрожает праведный Божий суд. И святой Иоанн рассказывает одну повесть, в которой показано, как Бог карает ещё здесь, на земле, людей, не желающих помириться. В древние времена в Киево-Печерской Лавре были два инока – священник Тит и диакон Евагрий. Прожили они несколько лет дружелюбно, но из-за чего-то поссорились и после сего, не попросив прощения друг у друга, продолжали стоять у престола Божия. Братия умоляли их отложить гнев и вернуть согласие, но безуспешно. И вот священник Тит опасно разболелся. Готовясь перейти в Мир Иной, он послал к недругу слёзную просьбу о прощении. Но Евагрий отверг её. Тогда братия насильно привели его к умирающему. Тит, невзирая на свою крайнюю слабость, пал на колени пред ним в покаянии. Что же он услышал в ответ? Злобный крик: «Ни в сей, ни в будущей жизни не хочу примириться с ним!» И тут же рухнул мёртвым. Более того, сразу стал холодным, как будто смерть его настигла давно. А покаявшийся священник Тит встал с одра болезни совершенно здоровым, «как бы никогда и не был болен» (2: 53-54).

Итак, «будем в простоте сердца прощать обиды, причиняемые ближними… Никто да не мыслит зла друг на друга; никто да не увлекается злой подозрительностью касательно ближнего… будем

помнить заповедь Спасителя: "*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга*" ***(Ин. 13, 34)***» (2: 48).

Дальше: Господь учит нас также нелицемерному посту и призывает вступать «на поприще поста не с унылыми, а с добрыми лицами, как истинные и верные воины Христовы» (2: 48)… Если кто хочет наследовать блаженную вечность, то должен, непременно должен, поститься, ибо *плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут* ***(1 Кор. 15, 50)***. «Говорить ли о Святых Божиих Человеках, перешедших с тленной земли в вечные обители Неба? Это земные Ангелы, которые – то пощением и бдением, то подвигами мученичества и разными добродетелями – возвысились над своей плотью, соделали свою природу столь досточтимой, что тела многих из них, причастившиеся Божественной благодати, стали выше общей участи всего вещественного, то есть тления» (2: 40-41)… А «нужен ли пост как воздержание от беспорядочных мыслей и движений сердца и неодобрительных поступков? Если ты согласен, что Бог есть Законодатель твой и праведный Судия… если совесть твоя говорит тебе, что душа твоя… выходила из повиновения законам Творца, то ты необходимо должен согласиться, что тебе надобно восстановить порядок твоей нравственной жизни» (2: 42).

И ещё: Господь учит отрешению от земных сокровищ, от земных пристрастий и побуждает к исканию сокровищ небесных – "*не собирайте себе сокровищ на земле…*" ***(Мф. 6, 19)***. «Кто из людей не грешен против этого завещания нашего любвеобильнейшего Господа?.. У кого сокровище – один Бог и Его святые законы? – вопрошает Батюшка и отвечает: – Так, мы должны сознаться, братия и сёстры возлюбленные о Господе, что мы собираем сокровища на земле, в этом временном приюте нашем, который должен прейти и исчезнуть» (2: 57). Вселенский учитель святой Иоанн Златоуст о сем так говорит: «Большой для тебя вред, если ты прилепишься к земному, будешь рабом вместо свободного, отпадёшь от Небесного, не в состоянии будешь помыслить о горнем, а только о деньгах, о процентах, о долгах, о прибытках и гнусных кормчествах. Что может быть бедственнее сего? Такой человек впадает в рабство, тягчайшее рабство всякого раба, и, что всего гибельнее, произвольно отвергает благородство

и свободу, свойственные человеку… Но если положишь сокровище посредством милостыни – на Небе, то не только сподобишься за это небесных почестей, но ещё и здесь получишь награду» (2: 49, 50).

«Итак, приложим к сердцу учение нашего Спасителя, предложенное нам в нынешнем Евангелии касательно прощения обид, касательно Богоугодного поста и отрешения сердца нашего от земных сокровищ» во имя Небесного, Нетленного (2: 50).

1-я неделя Великого поста (Ин. 1, 43-51)

"Се, воистину израильтянин, в немже льсти несть" (Ин. 1, 47) – человек, у которого нет лукавства. «Но почему, – ставится сразу вопрос, – в воскресенье, называемое неделей Православия, читается святое Евангелие, в котором говорится о беседе Спасителя с Нафанаилом? Потому, что в словах Господа Нафанаилу показан характер истинного или православного христианина и характер, вообще, истинной Православной Церкви Христовой… Вот человек, который право и прямо, твёрдо мыслит, рассуждает, верует, уповает, говорит и действует, – так как Нафанаил прямо, сразу уверовал в Иисуса Христа, как Сына Божия, и уже никогда не колебался в вере и уповании, не изменял своих мыслей касательно Божественного Лица Его. Не таков ли должен быть и истинный христианин? Не таково ли должно быть всё Божественное общество христиан православных? Не такова ли должна быть, как и есть, Православная Церковь?» (2: 78). Именно таковы все наши Святые; именно такова от начала Православная Церковь, о чём «свидетельствует беспристрастная история» (2: 79).

А таковы ли мы, чада Единой Святой Соборной и Апостольской Православной Церкви? «К стыду нашему мы должны сознаться, что у многих, из христиан православных, не только нет в сердце и в жизни веры православной, а нет даже и на языке, и она у них… обратилась в совершенное безразличие относительно какой бы то ни было веры: католической, лютеранской, иудейской, магометанской, даже языческой. Слышим от многих, что во всякой вере можно угождать Богу, т.е. будто бы всякая вера угодна Богу, и как будто ложь и истина,

правда и неправда для Бога безразличны» (2: 80). Как бы в этом безразличии не настигла нас кончина! «Посмотрите, сколько людей из среды нашей восхищено смертью в короткое время, – и смерть постоянно уносит свои жертвы» (2: 74). Христианину, как члену Святой Церкви, подобает и знать свою веру, и стараться жить по ней, спасаться ею. В этой вере многие, многие люди – всякого звания, состояния, пола – жили и спасались. «Следует и то сказать к славе веры православной, что ни одна религия, кроме веры православной, не может привести человека к нравственному совершенству или святости и совершенному угождению Богу, что показывают… дивные подвиги Святых Православной Церкви» (2: 80-81). Только православная вера очищает, обновляет и освящает осквернённое грехом человеческое естество, особенно чрез святые Таинства Крещения, Покаяния и Причащения. Чрез Покаяние и святое Причащение нам отворяется Небо, «по Писанию: "*Отселе узрите Небо отверсто. Какая чудная милость! Грехами нашими оно было заключено, как крепчайшими затворами и замками, а покаянием открыто*"» (2: 82, 76).

Чтобы быть нам настоящими православными христианами, требуется, прежде всего, «иметь живое, постоянное общение с Православной Церковью», и тогда Господь речет и о нас так, как некогда о Нафанаиле: «*Се воистину новый израильтянин, в нем же льсти несть*» (2: 83, 84).

2-я неделя Великого поста (Мк. 2, 1-12)

Во второе воскресенье Великого поста читается святое Евангелие о прощении Спасителем грехов расслабленному, которого спустили чрез кровлю дома к Его ногам: "*Чадо, отпущаются тебе греси твои*" ***(Мк. 2, 5)***, – сказал Господь расслабленному.

Вызывает жалость тот человек, который, при полном сохранении сознания, не может сам ходить и вынужден постоянно пользоваться услугами других. Таков был упоминаемый ныне больной… Но есть расслабление духовное – от грехов. Оно несравненно опаснее, чем расслабление тела, потому что может повлечь за собой вечную смерть. И всякий грешник в какой-то мере есть расслабленный…

Как исцелиться от сего? Чрез искреннее покаяние. Потому-то Спаситель, исцеляя расслабленного, наперёд даровал ему прощение грехов (2: 93). «Божественный Чудотворец, – свидетельствует Батюшка, – телесное расслабление исцеляет посредством прощения грехов» (2: 98). Врачует сперва душу, а потом тело. «Что значит такой способ врачевания? – вопрошает святой Иоанн и отвечает: – Значит то, что постигающие нас болезни суть следствия грехов наших и что невозможно совершенно избавиться от болезней, не очистившись прежде от грехов, как нельзя уничтожить следствия, не уничтоживши причины». Между грехами и телесными болезнями существует тесная связь: грех – гибель для души, разрушение и для тела. «Смерть есть необходимая дань наша греху, а смерти предшествуют почти всегда болезни, более или менее продолжительные… Когда не будет греха, тогда не будет болезни и смерти» (2: 84-85).

Люди часто прельщаются временной сладостью греха и падают, но Бог, по Своей бесконечной благости, не хочет нашей вечной погибели и для всех открывает врата блаженства. И потому посылает болезни, страдания как самое лучшее в этом случае средство одуматься, придти «в самого себя» (2: 86).

Но почему святая Церковь установила читать сегодня Евангельскую повесть о расслабленном? Потому, что во всех нас видит состояние душевного, греховного расслабления и хочет, чтобы мы поспешили исцелиться. «И точно, – замечает Батюшка, – все мы – расслабленные. Что ни грех у нас, то – расслабление… Грех есть действительно расслабление… Мы – расслабленные. И одни из нас, побуждаемые совестью, сами сознают свою болезнь и идут ко Христу лечиться от своего расслабления греховного, а другим – увы! – нужна… помощь, чтобы они искренно сознали свою болезнь и от всего сердца пожелали себе исцеления от Иисуса Христа» (2: 98-99).

«Братия мои! – взывает святой Пастырь, – когда вы бываете больны, то прежде всего, приносите Богу покаяние во грехах, прибегайте к Врачу всемогущему – вкушайте Его Животворящее Тело и Животворящую Кровь» (2: 93). Прощать грехи имеет власть один Бог – Творец и Законодатель. И как бывает легко, покойно, радостно «на

душе, когда покаешься от всего сердца во грехах своих пред Господом и услышишь слово прощения: *Чадо, прощаются тебе грехи твои.* Как весело на душе, когда с верой и любовью вкусишь Божественного Брашна Его – Пречистого Тела и Крови Его!» (2: 95).

«Теперь время душевной цельбы» (2: 87).

3-я неделя Великого поста. Крестопоклонная (Мк. 8, 34-9, 1)

Для облегчения подвига поста в самой середине его износится Животворящий Крест Господень. Кто истинно постится, тот нуждается в утешении. «Да не лишатся утешений его, – учит Батюшка, – и все непостящиеся истинным постом, и вовсе непостящиеся; да притекает каждый с верой и любовью и да лобызает на нём Спасителя. Да научит всех с Креста Своего Божественный Страдалец важной обязанности христианина – посту и умерщвлению грехолюбивой плоти нашей» (2: 106-107).

Так как Крест есть Знамение нашего спасения и выражение любви Божией, то Батюшка говорит о силе Креста и о величии к нам любви Божией, явленной на Кресте, чтобы таким образом вызвать в сердцах христиан преданность Богу и подвигнуть к достойной жизни (2: 107).

Сила Креста Господня действовала в жизни святых подвижников – они «в смирении сердца, боясь, чтобы такая сила не оставила их... молились: "Непобедимая, непостижимая, Божественная сило Честнаго и Житворящаго Креста, не остави нас грешных". С полной уверенностью в его чудотворности и в удивлении его силе – прогонять невидимых врагов, радуясь сердцем, взывали они ко Кресту: "Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа"... и без всякого сомненья говорили к нему, как к живому: "О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Пресвятою Госпожею Девою Богородицею и со всеми Святыми во веки"» (2: 114).

На Кресте выразилась бездна любви Бога Творца к Своей твари, к человеку. Творец Неба и земли, Единородный Сын Божий терпит на Кресте самые мучительные страдания и самую поносную смерть, чтобы «преданное Ему верой и любовью человечество избавилось от

вечных мучений... и от смерти второй». Беспредельна любовь Божия (2: 107).

Но чем же отзываются многие на такую любовь Божию? Бесчувственностью, распинанием Сына Божия всевозможными пороками и, таким образом, живут не для Неба, а для земли. Господь же повелевает всем отречься от себя, от греха, действующего в нас, и взять свой крест – «терпеть неизбежные, тяжкие лишения, болезни, страдания и скорби, посылаемые нам для нашего очищения, вразумления, укрепления в добродетели, и – искушения, причиняемые нам демонами и людьми. Мы крайне пристрастны к жизни плотской; мы сжились с грехами, привыкли к ним и боимся объявить им решительную войну, разорвать с ними всякий союз; мы принимаем против них только полумеры... и потому всегда остаёмся с ними, и они в нас укореняются больше и больше. Борьба с ними делается труднее и упорнее... Мы... ежедневно умираем духовно, и о! если бы ежедневно же восставали, оживали для Бога» (2: 123).

«Скорее – за Крест, пока Распятый на Кресте ещё продолжает к нам Свои милости!» (2: 108). Приступайте с дерзновением к Престолу Благодати – «к сидящему на Престоле Господу Иисусу Христу, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» (2: 109). Приступайте к Богу «чрез земных священников, из человеков, избираемых для вас на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи; прибегайте к их посредствующей между вами и Богом молитве и к совершаемой ими Жертве, ибо они носят на себе сан вечного Первосвященника Иисуса Христа и совершают Его дело для вас» (2: 110).

4-я неделя Великого поста (Мк. 9, 17-31)

В сегодняшнем евангельском чтении повествуется об исцелении Господом нашим Иисусом Христом бесноватого глухого и немого отрока по вере отца.

«Видите, – учит святой Иоанн, – какую силу Господь приписывает вере и верующему: "*Всё возможно верующему*", – говорит Он. Верующий может и бесов изгонять, и всякие болезни исцелять. А как бессилен и

жалок неверующий! Он и с собой совладать не может и грехов своих одолеть не может, но, как раб, служит им и мучится ими» (2: 127).

Господь тогда же сказал: "*Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста*". «Вот, – утверждает Батюшка, – и похвала от Господа посту и молитве. Вот Евангельская основа поста» (2: 127).

«Пост и молитва с усердием, со смирением, с верой и любовью – сильное оружие… против всех страстей» (2: 129).

5-я неделя Великого поста (Мк. 10, 32-45)

В нынешний воскресный день читается святое Евангелие, в котором Господь наш Иисус Христос предсказывает будущие Свои страдания.

Вся жизнь Спасителя есть любвеобильное Его служение спасению человеческого рода. Но и по вознесении Его на Небеса служение сие не прекратилось. При каждой молитве Он невидимо присутствует с нами, согласно Его собственному обетованию: "*Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*" ***(Мф. 18, 20)***, «и принимает наше служение» (2: 134-135). А с какой Божественной любовью «служит Господь всем истинно постящимся! Он их просвещает, очищает, обновляет, укрепляет в борьбе со страстями и с невидимыми врагами… научает всякой добродетели и возводит к совершенству, к нетлению и горнему блаженству» (2: 135). Ярко выразилось это на примере воспоминаемой ныне святой Марии Египетской. Первоначально она была погружена в бездну грехов, «но покаяние, вера и любовь, подвиги поста и молитвы, причащение Святых Таин Христовых очистили ее, сделали её святой и равноангельной» (2: 132). Но вот приближаются и дни самих страданий Спасителя – «последняя совершительная жертва» за грехи человечества, последнее Его служение нам на земле (2: 135). Ныне же служение Господа продолжается особенно явно в Божественной Литургии – «о всех и за вся. Он Сам служит для нас и с нами в Литургии, совершая Таинство Тела и Крови Своей» (2: 136).

Христос Господь оставил нам образ любви, чтобы и мы подобно служили друг другу. И каждый из нас должен сему подражать – «служить друг другу своими талантами, способностями, силами,

своим служебным положением, имуществом, образованием» (2: 136-137). Это служение весьма требуется «теперь, ввиду столь многих и великих невзгод и бед нашего народа… – свободного, но ещё не научившегося понимать и ценить истинной свободы» (2: 138).

Неделя святого апостола Фомы (Ин. 20, 19-31)

Святой апостол Фома своим неверием и последующим исповеданием искренней веры в воскресшего Господа нашего Иисуса Христа учит сомневающихся, боящихся поверить тому, чего, может быть, и не было. Господь, как Всеведущий, намеренно допустил усомниться апостолу Фоме в Своём воскресении из мёртвых, ибо «видел в будущем времени множество неверующих, которых нужно было уверить в Божестве Его примером подобного им по неверию человека» (2: 179).

Неверующий Апостол хочет вложить свою руку в Господни язвы и прободенное ребро. Жизнодавец снисходит желанию усомнившегося. *"Господь мой и Бог мой!"* – воскликнул святой Фома. То есть: «Ты победитель ада; Ты отверз снова двери рая падшему и восстановленному Тобой человеческому роду!» (2: 181). После этого Спаситель сказал Апостолу: *"Ты поверил, когда уже увидел Меня; блаженны те, которые, не видевши, уверовали"* (2: 179).

Вспоминаем первенствующую Церковь… «Чем сильно было первое небольшое общество христиан? Сильно своей верой в Господа Иисуса Христа, своим единодушием и любовью, духом правды, святыни, милосердия и единодушным стремлением к одной высокой цели – к почести небесного звания» (2: 184). У всех было одно сердце, одна душа, не было голодных, ибо каждому давалось всё необходимое (2: 185).

К подобному должно стремиться всякое христианское общество и более того, «всякое христианское государство, в особенности же наше православное Отечество, от начала принявшее православную христианскую веру» (2: 185). Чем ревностнее бывает какое-либо общество в последовании святому Евангелию, тем становится оно крепче. «Проследите, – учит святой Пастырь, – историю какого угод-

но народа и вы сейчас увидите, что он тогда особенно был и велик, богат, силён и непобедим, когда он был благочестив во главе со своим царём, и никогда не упадал так низко, не доходил до такой бедности и политического бессилия, не падал в глубину всяких зол, как когда забывал Бога и впадал в пропасть неверия и пороков. Так было, так… должно быть» (2: 186)… А каково наше время? «Грехи и беззакония растут и умножаются в Русской земле» (2: 186). Многие сомневаются, подобно апостолу Фоме. «Мы веруем в Господа Иисуса Христа больше только тогда, когда видим Его, т.е. когда мы пользуемся Его явными милостями к нам, когда получаем от Него разрешение грехов наших, когда на душе нашей бывает благое и лёгкое иго Христово; когда дела наши идут хорошо, когда мы здоровы, во всём благополучны. Но когда страсти терзают нашу душу, когда скорби сердечные, болезни телесные, неуспехи по службе и вообще в делах делают тягостной жизнь нашу, тогда мы весьма часто теряем веру в Господа… Между тем как истина Господня пребывает во веки неизменной» (2: 180).

И святой Пастырь взывает: «Будем всеми мерами заботиться о постоянстве и неизменности своей веры» (2: 180).

Неделя святых жен-мироносиц (Мк. 15, 43-16,8)

В нынешний воскресный день вспоминаются – святые жёны, пришедшие рано утром на третий день после крестной смерти Господа на Его гроб помазать Его Живоносное Тело благовонной мастию; благообразный Иосиф, снявший с Креста Тело Спасителя, и праведный Никодим, принесший состав из смирны и алоя.

Святые мироносицы учились у Господа вере, святой жизни, искренне были преданы Ему и считали своей высшей обязанностью и величайшим счастьем служение Ему. Спаситель об одной из них – сестре четверодневного Лазаря Марии, возлившей на Его главу драгоценное миро, – сказал: *"Где ни будет проповедано Евангелие сие во всем мире, будет сказано и о том, что она сделала, в память ея"* ***(Мк. 14, 9)***. И другие святые жёны-мироносицы прославляются во всех церквах; также и благообразный Иосиф «ублажается Божественными песнями и будет ублажаться до скончания века по всей земле» (2: 198).

Своим примером святые жёны-мироносицы учат нас искренней вере и соединённым с ней добродетелям «во всяком состоянии, среди всех превратностей мирских, в счастии и несчастии, в скорби и радости, в богатстве и бедности, в здравии и болезни, в тишине и в буре душевной» (2: 189-190). Христианская вера, живая, православная – есть для Господа истинное миро. «Приноси Ему всякий день в дар это миро веры, исповедуя грехи свои, – учит Батюшка, – и вера с покаянием оправдает тебя и покажет тебя причастником вечной славы… И блажен будешь своей верой. С верой соединяй упование на милосердие Божие… С упованием соединяй любовь и добрые дела… удаляйся от всякого греха и твори святыню в страхе Божием… И Господь даст тебе Духа благодати Своей… увенчает тебя за непорочность, как Иосифа целомудренного… и твои грехи и неправды покроет правдой Своей… благословит тебя за твою честность и милостыню» (2: 191, 192, 193, 195).

К сказанному святой Пастырь ещё добавляет «утешительное для благочестивых»: «Те из вас, которые погребают умерших в бедности и благочестии и молятся об упокоении душ их, – те, как бы Самого Христа снимают со Креста вместе с Иосифом, как бы Его Пречистое Тело погребают, и им будет награда на Небесах, и скажет им Господь: "…Вы погребли на своё иждивение… вы Мне это сделали: *Придите… наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира" **(Мф. 25, 34)***» (2: 200).

Такова и слава, и сила добродетели! «Она вечно живёт и вечно прославляется, тогда как порок и беззаконие предаётся вечному мучению и вечному бесславию и проклятию. Пример – Иуда предатель» и сами иудейские первосвященники и старейшины. «О, нелепое сребролюбие, развратившее и погубившее душу бывшего ученика Христова!.. О, слепая зависть и ненависть начальников и учёных иудейских!.. О, любезные, сострадательные и признательные души Иосифа и Никодима и святых жён!» (2: 202).

Вот какое утешение и назидание «приносит нам… неделя мироносиц и праведного Иосифа! Подражайте же мироносицам и праведному Иосифу! (2: 200).

Неделя о расслабленном (Ин. 5, 1-15)

В настоящий день во святом Евангелии читалось повествование об исцелении Господом расслабленного, находившегося в Иерусалиме при Овчей купальне тридцать восемь лет. А в Апостольском чтении говорилось об исцелении святым апостолом Петром расслабленного Энея, восемь лет не имевшего движения, и о воскрешении из мёртвых им же добродетельной женщины Тавифы ***(см.: Деян. 9, 32-42)***. Что в этом чтении примечательно? Крепкая вера Апостола во Христа Спасителя и Животворящая, Божественная сила Господа. «Что, – вопрошает святой Пастырь, – скажут на это некоторые из нынешних людей, именующихся христианами, которые стыдятся имени Христова и спасительного знамения Его и смеют приравнивать Его только к необыкновенному человеку, не веруя в Него, как в Бога?» (2: 208-209).

Не менее поучительно и святое Евангелие… Купальня, или купель, чудотворная изображает христианскую благодатную купель святого Крещения, данную нам для возрождения, очищения и освящения Господом нашим Иисусом Христом. «Без этой купели мы были бы вечно непотребны, недостойны не только усыновления Богу, но – и воззрения Божия; ибо Господь Бог есть Дух чистейший и гнушается всякой нечистоты греха» (2: 204-205). А «расслабленный изображает собой всё недугующее грехом человечество, столько тысяч лет страдающее расслаблением греховным. Один Христос Бог, един праведный и святый, принесший Себя Самого в жертву за нас Богу Отцу для избавления нашего от греха, – может исцелить нас от греховных слабостей, этих предтечей вечной смерти» (2: 205).

«Будем же все, – призывает добрый святой Пастырь, – тщательно хранить духовную одежду Крещения, одежду чистоты и нетления и обручения Духа Святого, коих мы удостоились при Крещении; а если осквернили уже эту одежду грехами и страстями различными, то позаботимся очиститься искренним покаянием» (2: 205). «Расслабленные и удручённые грехами грешники, будем приносить Богу полное, искреннее покаяние, доказываемое и оправдываемое делами благими, – да сподобимся от Христа Бога

здравия душевного и телесного, а главное дело – вечного благополучия и блаженства в будущей жизни» (2: 206).

Неделя о самаряныне (Ин. 4, 5-42)

Дивную картину представляет сегодня Евангельское чтение: Всемогущий, Безначальный сидит у самарийского колодца и беседует с грешницей о живой воде или о благодати Божией, утоляющей жажду бессмертной души, также – о поклонении Богу духом и истиной, а затем – с учениками о духовной пище (2: 219, 211).

Придя в мир, чтобы призвать грешников к покаянию, Господь обращает Своё слово к грешнице – начинает с ней речь о живой воде; просто, мудро Он приводит её к осознанию своих грехов, к нужде покаяния и обновления жизни, к вере в Него, как обетованного Мессию. Постепенно, бережно Он пробуждает её совесть и понуждает её саму сознаться в грехах и таким образом возжаждать жизни непреходящей. Женщина уверовала во Христа Спасителя и получила впоследствии мученический венец. «Живая вода или благодать Божия, – учит святой Иоанн, – есть спасительная сила Божия, действующая в человеке во спасение чрез веру во Христа, – располагающая его к покаянию и умилению; сила, противоборствующая греху и побеждающая грех; сила милующая, врачующая, очищающая, освящающая, примиряющая и соединяющая человека с Богом, возбуждающая и воспламеняющая сердце человека любовью к Богу и ближнему; сила просвещающая, утешающая и духовно питающая… Обретший у Бога благодать человек проявляет её в себе разными добродетелями» (2: 213, 214-215). Источник же этой живой воды, её кладезь есть Сам Господь наш Иисус Христос «или Святая Церковь Православная, на которую Он излиял обильно Духа Святого» (2: 215).

Если же есть живая вода, то значит есть и мёртвая, умерщвляющая душу навечно. Мёртвая вода – это грех во всех его видах, особенно винопитие. «Если бы пьяница несомненно верил, что за пьянство он будет ввержен, как сухое дерево, в огонь вечный – и всегда помнил это, то он вскоре бы бросил свою страсть. Представление ужасов вечного огня заставило бы его гнушаться всяким видом невоздержания,

и он стал бы проливать всю жизнь слёзы о грехах своих, о своей животной жизни» (2: 222-223, 227).

Далее, в беседе с самарянкой, Господь говорит: «Истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине». Это значит: веровать, что Бог на всяком месте, везде видит и слышит обращающихся к Нему, «хотя, без сомненья, в храме ближе к нам Бог» (2: 217). «Кланяться в духе и истине значит – молиться Богу в общении с Церковью всем сердцем, всем помышлением, со всем усердием и благоговением» (2: 218); значит – не привязывать «своего благочестия к известным только, например, старым иконам, если кто имеет такую немощь; или к мнимо старинному крестному знамению, или ко кресту только восьмиконечному, или к такому-то именно храму. Вся сила в сердце, в духе, в истине» (2: 230-231).

Потом Господь говорит Своим ученикам, что Его пища «есть творить волю Пославшего Его Отца Небесного» и что они должны предпочесть всему исполнение Божией воли «относительно их и людей вообще, т.е. спасение душ человеческих и приведение их к животу вечному» (2: 234). И все христиане также первейшим делом своей жизни должны считать не суетные дела скоро проходящей жизни, а исполнение воли своего Создателя, неленостное посещение храма Божия, чтение дома Священного Писания, которое *"полезно к учению, к обличению, к наказанию в правде" **(2 Тим. 3, 16)*** (2: 231).

«Научимся все, – призывает святой Иоанн, – поклоняться Богу в духе и истине: молясь, будем приносить Богу плоды молитвы: покаяние нелицемерное, исправление сердца и всего жития, будем ревностны ко всякой добродетели» (2: 218).

Неделя о слепом (Ин. 9, 1-38)

В сегодняшнем Евангельском чтении повествуется об исцелении Господом слепорождённого. Примечательно, что этот слепец прозрел не только телесными очами, но и душевными – уверовал во Христа как Сына Божия и Спасителя мира. Учёные же фарисеи «оказались злонамеренными невеждами и зрячие – слепыми» (2: 245).

Страшна и достойна сожаления слепота человека, особенно слепорождённого, для которого от первого дня жизни до последнего – «одна непрерывная ночь» (2: 247). Но ещё страшнее и более достойна сожаления и даже слёз, чем телесная слепота, душевное неведение. «Человек, одарённый от Творца разумной душой, способной познавать истину, которая есть жизнь ея, и… не хотящий познать её, идущий наперекор своему разуму и совести, и Богу, и людям – не есть ли несчастнейший слепец… который сам добровольно употребляет во зло величайший дар Божий человеку – разум и свободную волю, отличающие его от всех животных бессловесных?» (2: 237). Слепотствующий духовно человек «есть самый несчастный, как верная добыча ада… Это-то вот и есть хула на Духа Святого, когда человек по гордости и упрямству не хочет верить явной истине, доказываемой явными чудесами. Такому человеку «нет прощения ни в сем, ни в будущем веке» не потому, чтобы грехи наши побеждали человеколюбие Божие, но потому, что сам человек в гордости, упорстве, злобе, лжи и нераскаянности погибает» (2: 238).

Что же рождает духовную слепоту? Откуда она? От крайних самолюбия, гордости, самомнения, «от всегдашней сытости» (2: 238).

Ныне духовная слепота «царит в мире, несмотря на его образование и цивилизацию. Где теперь не мудрствующая лукаво, простосердечная вера в Бога? Где праотеческая строгость и чистота нравов? Где честность, где верность долгу? Где искренняя доброжелательность? Где бескорыстие при служении правде и дорогому Отечеству? Где искренний взгляд на обязанности христианские? Ложный или лжеименуемый разум, ложно понимаемая свобода, неправда, обман, ложь на каждом шагу, корысть, чувственные удовольствия ослепили сердца» людей (2: 246).

«А мы зрячие или слепые душевно? – ставит вопрос Батюшка и отвечает: – Нельзя назвать нас слепыми совершенно: мы немного видим, поскольку веруем в Иисуса Христа и имеем смиренный образ мыслей и упражняемся в молитве и добрых делах; но и зрячими совершенно нас тоже нельзя назвать, так как грехи и страсти непрестанно, каждый день, ослепляют нас… – и гнев ослепляет душу гневливого; и

зависть – душу завистливого; и деньги – душу сребролюбивого; и вино – пьяницу; и чревоугодие – алчного до пищи; и гордость – гордеца; и сласть – сладострастного, – словом, всякого ослепляет всячески живущий в его сердце грех. И оттого слепых между нами, слепых душевно – бесчисленное множество» (2: 242). Одно нам врачевство: «Искренняя вера во Христа, Света истинного, просвещающего всякого человека, грядущего в мир» (2: 246), покаяние с добродетелями, «особенно милостыней и смирением» (2: 242).

«Братия! – взывает святой Проповедник жизни во Христе. – Бегите от… всякой слепоты, которая рождается от греховных страстей» (2: 239).

Неделя святых отец Никейского Собора (Ин. 17, 1-13)

Ныне Святая Православная Церковь вспоминает святых Отцов первого Вселенского Собора, бывшего во граде Никее и утвердившего истинное учение о Божестве, о единосущии Сына Божия с Богом Отцом, что искажалось ересью арианской. Святые Отцы исповедовали, что обновление растленного человеческого естества, спасение людей мог совершить только Единородный и Единосущный Сын Божий, воплотившийся и вочеловечившийся. «Как можно было допустить одну мысль, не только говорить и утверждать, что Иисус Христос не есть Бог превечный, всемогущий! – восклицает святой Поборник православной веры. – Все пророки Божии, Духом Святым движимые, возвестили о Нём, как об истинном Боге… Все слова и дела Иисуса Христа свидетельствовали о Нём, что Он истинный Бог; все чудеса… Его власть над Ангелами, над человеками, над Небом и землёй… Его собственное воскресение…» (2: 262). Прославили Его, как Сына Божия Единородного, как Единосущного Отцу, святые Ангелы, Мученики, Святители, Преподобные – все Святые (2: 266). «Если бы кто из неверующих Священному Писанию спросил меня: чем ты докажешь мне, что Иисус Христос есть Бог, – заявляет Батюшка, – то мне довольно было бы указать на одного какого-либо живого праведника, отрекшегося от всех мирских удовольствий, заменившего пышную одежду –

рубищем, различные сласти – чёрным, заплесневевшим хлебом с водой, всё богатство – необходимыми вещами, и то самыми простыми, проводящего время в слёзном покаянии о грехах, в молитве, непрестанном бодрствовании; на праведника, который из гордого сделался смиренным, из гневливого – кротким агнцем, из злого – добрым, из завистливого – доброжелательным, из скупого – щедрым, из чревоугодника – постником… и проч. А Иисус Христос именно и делает такие чудеса возрождения или нравственного претворения в тех, которые искренно веруют в Него» (2: 271-272).

Святая Церковь прославляет и благодарит Бога за то, что Он даровал нам Отцов – «разумные светила» – и чрез них наставил нас в истинной вере. В составленном ими Символе веры, потом дополненном на Втором Вселенском Соборе, изложено апостольское учение о Триедином Боге: «О Боге Отце, Творце мира и Вседержителе; о Господе Иисусе Христе, втором Лице Святыя Троицы – Сыне Божием Единородном, рождённом от Бога Отца прежде всех век, – как Свете от Света, Боге истинном от Бога истинного, несотворённом, единосущном Богу Отцу и Творце всего; воплотившемся, распятом, погребенном, воскресшем, вознесшемся на Небо и паки грядущем судить весь мир; и о Святом Духе, о Церкви, о Крещении едином, о воскресении мёртвых и жизни будущей» (2: 254-255, 250-251)… А в воскресном Евангельском чтении Святая Церковь предлагает Первосвященническую молитву Спасителя, из которой ясно видно, что Он имеет равное Божеское достоинство и славу «прежде мира не бысть» (2: 255).

Как бы нам познать Господа нашего Иисуса Христа так, чтобы достигнуть жизни вечной? «Для этого нужно быть членом Церкви Божией, в которую, как бы в богатую сокровищницу, Апостолы в полноте положили всё, что принадлежит истине, и которая есть дверь жизни» (2: 256). Должно стараться познать Бога не только умом, а всем сердцем и делами явить это. «Ты знаешь, – размышляет Кронштадтский святой Пастырь, – что Бог свят – старайся быть и сам святым; знаешь, что Бог благ и милосерд – и ты будь сострадателен, снисходителен и милосерд; знаешь, что Бог долготерпелив –

и ты долготерпи...» (2: 258-259). Именно такое познание Бога – Христа Бога и приведёт верно к вечности. «Хочешь познать Бога и быть познанным от Него – стань немедленно на путь деятельный, на путь добродетели, и немедленно оставь путь беззакония» (2: 259).

Да будем держаться «все неуклонно нашей спасительной веры, исполняя её святые заповеди и уставы, и да будет для нас Господь Иисус Христос и началом, и концом всех наших желаний, помышлений и всех наших деяний» (2: 252-253).

1-я Неделя по Пятидесятнице. Всех Святых (Мф. 10, 32-33, 37-38; 19, 27-30)

В сегодняшний воскресный день вспоминаются все освящённые Духом Святым – Праотцы, Пророки, Апостолы, Мученики, Святители, Преподобные, Праведные, во Христе Юродивые, святые Жёны, прочие Святые безымянные, наипаче Пресвятая Владычица наша и Приснодева Мария. Совершая празднование всем Святым вскоре по празднику сошествия Святого Духа, Церковь Христова показывает нам действие благодати Духа Святого, как она освятила подобных нам людей, умудрила их, возвела на ангелоподобную степень. Вспоминает Церковь всех Святых в один день, дабы показать, что все они подвизались силою одного Господа, «что все они составляют одну Церковь, обитают в одном Горнем мире, и таким образом побудить и нас подвизаться во всякой добродетели ради будущей жизни» (2: 277).

Нынешнее апостольское чтение возвещает, что Святые побеждали верой врагов видимых и невидимых, терпеливо переносили разнообразные беды, творили силой Божией бесчисленные чудеса, "*что их недостоин весь мир*" (2: 277) ***(См.: Евр. 11, 33-12, 2)***. А Евангельское чтение «свидетельствует, что все они суть истинные исповедники святой веры, они во имя Господа оставляли всё, что удаляло их от служения Богу и блаженного соединения с Ним; за то и Господь Иисус Христос исповедует» их пред Своим Небесным Отцом (2: 278).

Святые были людьми подобными нам, но своим усердием к Богу, покаянием, удалением от грехов и беззаконий, понуждением себя к добродетели «угодили Богу и достигли вечного покоя и блаженства;

и нас приглашают следовать за собой, молясь день и ночь Богу о спасении всех нас» (2: 281). И мы должны последовать им, стать исповедниками святой веры, смелыми проповедниками славы Спасителя, неленостными посетителями храмов Божиих. В храме же Божием подобает молиться с благоговением, «не стыдиться делать поклоны и коленопреклонения… чтобы и других утвердить в вере и уповании на Бога; заводить назидательные беседы в обществе»; воспитывать детей для Бога, для спасения, для вечности, а не для мира; не исполнять чьи бы то ни было приказания и прихоти противные воле Божией; «идти тесным и скорбным путём – непрестанной борьбы со страстями и похотями» (2: 280)… Каждому даётся свой крест – у всякого есть свои немощи и душевные, и телесные. «У кого нет скорби или болезни, или врагов видимых и невидимых, тайных и явных? – ставит вопрос Батюшка и советует: – Молись, переноси всё неприятное, горестное, тяжкое без ропота. Вот твой крест; но, взявши свой крест, иди вслед за Господом, т.е. неси его терпеливо, безропотно, постоянно, до конца; держись правды до конца и ненавидь неправду до конца, обличай неправду, борись за правду до конца» (2: 288).

Ежегодное празднование дня всех Святых есть «не иное что, как много раз повторяемое воззвание» их к нам «стремиться неленостно к будущему Царствию», не останавливаться никакими препятствиями. Они нам говорят: «Вот мы много боролись, много терпели и зато ныне покоимся покоем вечным и нерушимым… Последуйте также и вы: упокоит Он и вас на лоне Своей вечной любви». От земных удовольствий нет сердцу покоя. «После кратковременного плотского наслаждения сердце бывает пусто, уныло, томно, – и это оттого, что оно создано для жизни в Боге и для наслаждения чистыми, духовными радостями Царства Небесного, а не для земли и наслаждения земными, гибнущими благами» (2: 273-275).

Наконец, должно помнить: «Бог нелицеприятен – пред Ним царь и воин вкупе предстанут, священники и миряне, учёный и невежда, вельможа и простец, богатый и убогий, мужеский пол и женский – все в равном достоинстве; кийждо бо от своих дел или прославится, или постыдится» (2: 280).

2-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 4, 18-23)

В сегодняшнем Евангельском чтении говорится о призвании Господом к Апостольскому служению рыбарей братьев Петра и Андрея и ещё двух братьев Иакова и Иоанна. Затем рассказывается о хождении Спасителя по Галилейской области со словом благовестия и об исцелении от всяких болезней. Призванием сих святых Апостолов было положено начало апостольскому и священническому званию (2: 309-310).

В этом священном повествовании много предметов для размышления. Весьма поучителен сам поступок рыбарей, тотчас с простотой нрава и веры оставивших все по гласу Спасителя и последовавших за Ним. Обращает на себя внимание владычная сила Господа, сразу и навсегда покоряющая сердца. Назидательно также безмерное снисхождение к людям Всемогущего Творца и Промыслителя. Вечный Царь принимает зрак раба, ходит по градам и весям, благовествует спасение, исцеляет безнадёжно болящих, обращается со всеми кротко и терпеливо (2: 301, 302).

Важно и то, почему Спаситель призвал к Апостольскому служению людей простых. Батюшка рассуждает: «Господь призвал Апостолов из простых людей… для того, чтобы всем очевидно было, что христианская вера и спасение, ею подаваемое… есть сила Божия». Также потому, чтобы таким избранием «преподать всему человечеству урок простоты, смирения и умеренности во всём». И ещё: Господь избрал Апостолов из простого звания потому, что «богатство привязывает к себе сердца человеческие и отторгает их от Бога и подаёт повод ко многим, многим грехам», а бедность и простота удобнее принимают в сердце иное богатство – богатство благодати Божией, которая «не вмещается в сердцах гордых и надменных мнимой своей правдой» (2: 310-312). Святые Апостолы как возвестители духовной свободы во Христе, должны были и сами ею обладать через полное беспристрастие ко всему преходящему, ибо злая сила обыкновенно язвит через пристрастие к сему (2: 314-315). «Удивительно то, – размышляет Батюшка, – что простые, неучёные люди, но со здравым смыслом и добрым, простым сердцем, – оказываются гораздо умнее

века сего и угодными Богу, потому что в простоте сердца, не мудрствуя лукаво, верят… в слово Божие, принимая его добрым и простым сердцем, стараясь исполнять его по силам своим, с помощью благодати» (2: 292).

И апостольские сердца обильно приняли благодать Духа Святого в день святой Пятидесятницы, ею наполнили и наполняют весь мир. «Приметьте, – замечает святой Иоанн, – рыбари… поспешно и безвозвратно оставили и домы свои, и своё скудное имущество и последовали за Иисусом Христом; как они поступили просто и достолюбезно! Если бы они были богаты – не оставили бы они так просто свои домы и имущество». Конечно, нельзя забывать, что на святых Апостолов действовала всесильная благодать Божия. Она же стала причиной их горячей любви к Богу, к ближнему, к своему делу. А как пламенна была их любовь к людям! Они готовы были положить за них свою жизнь – и люди их любили». Апостолы ничего не имели, а всем обладали – были нищие, а многих обогащали благодатью Божией» (2: 312-313).

«Будем, – призывает Батюшка, – по силе своей, и мы подражать бесстрастию Апостольскому, чтобы служить Богу чистым сердцем» (2: 315-316).

3-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 6, 22-33)

Господь говорит: «Светильник телу есть око». Разумеются не телесные очи, а духовные: наше сердце, наша совесть, внутренний закон, определяющий что есть добро и что зло. «Сердце или совесть есть светильник человеку на пути его жизни, во всех помышлениях, желаниях, намерениях, словах, во всех делах его» (2: 317, 318). Каковы у него совесть, сердце, таковы и все его мысли, слова поступки и вся жизнь (2: 341). Если сердце, совесть у него просты, чисты, то и все помыслы, предприятия «будут светлы, правы, чисты» (2: 318). «Если ум и сердце просвещены, очищены, укреплены в вере, надежде и любви, в добре, то и вся душа, вся жизнь человека сияет светом знания, веры, правоты и добрых дел» (2: 330). Но если сердце по нерадению сделалось тьмой, то какова же станет

жизнь, все дела? На них ляжет «печать неправды, обмана, лицемерия, хитрости, коварства, обид другого» (2: 318). Если духовные очи худы и лукавы, «если ум и сердце не просвещены, не очищены от суеверий, предрассудков, страстей – не свободны от маловерия, неверия и религиозного невежества, то и вся душа, и вся жизнь человека будет худа и мрачна, полна преткновений, ошибок, страстей и безобразий» (2: 330-331). На вопрос: «Чем помрачается наше сердечное око?», святой Иоанн отвечает: «Оно помрачается самолюбием, самомнением и гордостью, сластолюбием, плотоугодием и корыстолюбием, – ложью и неправдой, любовещностью, – вообще, усиленной любовью к земной жизни, с забвением о вечности» (2: 331). На другой вопрос: «Отчего же в человеке, созданном по образу Божию, совесть и сердце бывают лукавые, вместо того, чтобы быть непорочными и праведными?» он отвечает так: «От первоначального нашего повреждения в прародителях… И сами мы произвольными и непроизвольными грехами умножаем в себе эту природную порчу, особенно, вследствие общения с порочными людьми или от недостатка порядочного воспитания, от чтения дурных книг, от соблазнов и других примеров… От лукавства сердца человеческого происходит то, что вся жизнь идёт как-то превратно, наизнанку, вопреки заповедям Божиим» (2: 342).

"Никто не может служить двум господам". Невозможно одновременно работать для Бога и для удовлетворения греховных наклонностей плоти, «именно потому, что Бог требует от нас святости, неуклонного и точного исполнения воли Своей, а плоть непрестанно подстрекает ко греху». Чрезмерная забота о пище, питье, одежде много вредит христианской жизни, – «она-то и есть то, что назвал Господь… служением мамоне». Вместо того, чтобы заботиться о главном – о душе, об её очищении, исправлении, короче – о спасении, «мы печёмся ежедневно об угождении своему алчному чреву, да о том, во что одеться, а душу… оставляем в пренебрежении» (2: 320, 321). «Не о пустом ли вы заботитесь, оставляя самонужнейшее, единое на потребу?» – спрашивает Божественных Таин благоговейный Служитель (2: 322). Однако он же паки напоминает: «Господь

запрещает лишь неумеренную заботу о земном, пристрастие к нему, но не запрещает обыкновенное, благоразумное попечение о заготовлении пищи и одежды; не запрещает благоразумную заботу о благоприличии в одежде и домашнем убранстве». К прискорбию, мы же, «по грехам нашим, по пристрастию к земной жизни и к телу своему, извратили и извращаем порядок жизни, установленный Богом» (2: 337-338).

Непрестанные заботы о нарядах – противны Евангельскому духу, делают человека суетным, мелочным, во многих порождают «нецеломудрие и гордость. Если бы красивая одежда была необходима для нас, как для какого-либо злака цветок его, то Отец Небесный не оставил бы нарядить нас в тысячу раз лучше роз и лилий или павлинов; но известно, что одежда наша есть временное покрывало или временная повязка на ране, потому что одежда появилась вследствие греха, когда люди узнали свою наготу; а стоит ли украшать повязки на ране? Не о том ли надо заботиться, как бы поскорее рану вылечить, т.е. как бы скорее от грехов очиститься?.. Припомним, что в Крещении все мы получили одежду нетления, одежду правды Христовой. Вот об этой одежде правды будем заботиться» (2: 323-324).

По слову Господа, все заботящиеся только о том, что им есть, пить, во что одеться, а о делах Божиих не помышляющие, суть не христиане, а язычники. «Христиане призваны к вечной, нетленной жизни, а язычники помрачены смыслом, им не открыто то, что нам, они не знают любвеобильного Отца Небесного и Сына Его Единородного, Господа нашего Иисуса Христа, и Духа Святого; не знают… верных обетований Божиих, которые даны нам, и потому так действуют… «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, – говорит Господь, – и это всѐ приложится вам». Вот чего прежде всего должны мы искать, домогаться всеми силами: чтобы воцарился Господь в наших сердцах Своей вечной правдой, чтобы управлял нашими помышлениями, желаниями, намерениями, действиями, всей нашей жизнью» (2: 334).

«По смерти нам не нужно будет ничто земное: ни пища, ни одежда, ни деньги, ни домы, а нужна будет одна любовь и дела любви» (2: 328).

4-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 8, 5-13)

Сегодня святой евангелист Матфей повествует о великой вере римского сотника во всемогущество Христа Спасителя. Сотник просто и уверенно просит Господа исцелить своего слугу. «Приметьте, – останавливает наше внимание Батюшка, – какой он был добрый господин для своих подчинённых, простой, любящий их, как отец детей своих; какая в нём твёрдая вера с упованием и смирением! Заболел слуга: и он обращается за помощью ко Господу, в Которого уверовал» (2: 354). Господь наградил сотника за его немудрствующую лукаво веру – на просьбу сотника Он отвечает, что лично придёт в дом его и исцелит слугу. Что же сотник? «Я недостоин, – в глубочайшем смирении сказал он, – чтобы Ты вошёл в дом мой; но скажи только слово, Своё всемогущее слово, и слуга мой выздоровеет» (2: 345-346). «Я, Господи, – как бы так говорит он Господу, – лицо начальственное; но моё начальство – ничтожное подобие Твоего всемирного начальства; и уже если я, ничтожный начальник, велю тому или другому подчинённому сделать то или другое, и они делают; то от Твоего ли слова не сделается всё, что Тебе угодно? Ты Творец и Владыка всего, Твоему слову повинуется вся тварь» (2: 350-351). Господь удивился крепкой вере сотника и во вразумление идущему за Ним народу сказал: *"И в Израиле не нашёл я такой веры"*, а сотнику: *"Иди, и как ты веровал, да будет тебе"*. И выздоровел слуга его в тот час (2: 346, 347).

Размышляя над сим, Батюшка заключает: «Такова сила веры! Такова она была тогда, такова и теперь; за простоту веры, как всегда, так и ныне – Господь творит чудеса и в самих верующих и, по вере их, – чудодействует и в других людях» (2: 347). «Нужно ли тебе очищение грехов? Получишь. Исцеление от болезни? Исцелеешь. Нужна ли тебе помощь в делах твоих? Получишь». Только надо иметь твёрдую веру, без малейшего сомненья, быть совершенно уверенным, что для безначального Царя Славы ничего нет невозможного (2: 351).

Такая ли наша вера, как у римского сотника? Такая ли сердечная простота, любовь к ближним? Увы! Многие не только не имеют веры, но «поносят и веру, и Церковь, и верующих, зачем они веруют,

зачем не живут так, как живут они… зачем… не идут в погибель, как они?» (2: 355). Но есть и добрые примеры. И святой Иоанн сообщает следующее: один добрый пастырь чистосердечно рассказывал, что «молитвой веры, в простоте сердца» он многим испросил у Жителей Неба чудесных Божиих благодеяний и в доказательство сего готов был представить лично всех, удостоившихся милости. «Я, – говорил он о себе, – обыкновенный смертный… не отличаюсь от других людей никакими подвигами… но имею только веру в Господа, живу во всегдашнем покаянии, за всё благодарю Господа, что ни получаю от Его щедрот: и не остаюсь в стыде. Я каждый день получаю спасение от живоначальной десницы Божией, каждый день Господь окружает меня радостями избавления. Если кто просит меня помолиться с ним о нём, я не отрицаюсь, если только примечаю в просящем искреннюю веру и искреннее желание спасения: и вера и упование не посрамляют» (2: 361-362).

«Итак, – завершает свои наставления Поборник православной веры, – учитесь, братия, вере у сотника, учитесь так просить Господа о всём, как он просил его о выздоровлении своего слуги; учитесь и жить в такой простоте, в таком смирении, в такой кротости и любви, в какой жил он. Господь и ныне тот же… Всемогущий Чудотворец, Врач, Спаситель, Помощник, как и тогда» (2: 355-356).

5-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 8, 28-9,1)

Сегодня святое Евангелие повествует об изгнании Господом бесов из двух бесноватых, весьма свирепых. С дозволения Господа изгнанные бесы вселились в стадо свиней, которые тут же бросились в море. Жители, узнав о потере, попросили Спасителя удалиться от их пределов.

Чему это повествование учит? Тому, что Господь наш Иисус Христос есть Всемогущий Творец и Владыка всей твари – видимой и невидимой; что без Божией воли бесы не могут кому-либо причинить зло; что будет всеобщее воскресение и Страшный Суд над всем – и людьми, и злыми духами (2: 367-368).

«Обратим внимание, – учит святой Иоанн, – на дерзость бесов и на признание ими вечных мук, уготованных им. Когда бесноватые

повстречались с Иисусом Христом, то бесы, бывшие в них, возопили: "*Что Тебе до нас Иисус, Сын Божий? Пришёл Ты сюда прежде времени мучить нас*". Смотрите, какая диавольская гордость и дерзость! "*Что Тебе до нас!*" – говорят; как будто они не подлежат державе Божией, которая простирается и на всё сатанинское царство! Однако же вскоре, чувствуя нестерпимую муку от присутствия Иисуса Христа и – Его непобедимую силу, они понизили тон и говорят: «Если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней»; достойная просьба – нечистые просятся войти в нечистых; видно и бесноватые за нечистую жизнь подверглись беснованию» (2: 365-366). «Видите, – наставляет Батюшка, – и бесы веруют в Него, как в Сына Божия и как будущего грозного и праведного Судию своего, уготовавшего им вечную муку, но нынешние нигилисты превосходят в своём безумстве и бесов, потому что не веруют» ни в Иисуса Христа, ни в Его Святую Церковь, «ни в бессмертие души» (2: 368).

Наконец, святое Евангелие учит, что всякое дыхание, вся жизнь находится в руках Божиих – Господь и дарует жизнь, и отнимает. Бесноватые могли мгновенно погибнуть от бесовской злобы, но Господь не допустил сего, а только попустил «мучить их для их вразумления и исправления, – свиней же допустил погубить», может быть, для вразумления неверовавших, «как ныне... попускает падёж скота» (2: 368).

«Запомним же, братия, – призывает отец Иоанн, – урок, предлагаемый нынешним Евангелием, и приложим его к жизни, ибо для того и читается Евангелие, чтобы мы поучались и исправлялись, доколе имеем время поучаться и исправляться» (2: 369).

6-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 9, 1-8)

В прошлое воскресенье святое Евангелие повествовало об исцелении Господом бесноватых, много страдавших от злой силы, а ныне оно говорит об исцелении расслабленного. Там причиной страданий были грехи, и здесь тоже. Врач душ и телес говорит расслабленному: «Чадо! Прощаются тебе грехи твои».

Главной причиной почти всех бед бывает грех. Это – «восстание против Бога, Его величия, святыни и правды, неповиновение Ему… восстание… грешника против себя самого, против души и тела своего, против своей совести, этого стража души и тела». Это – «искажение, извращение, осквернение в нас образа Божия». Это – «прелесть вражия, постыдный плен и добровольные узы души… – вольный недуг» (2: 375).

Грехи, страсти порабощают душу, оскверняют её, удаляют от Бога и доводят до гибели и временной, и вечной. «Посмотрите на пьяницу: он вечно расслаблен по душе и по телу, в нем нет веры и страха Божия; он не молится; все основы нравственные в нём расшатаны; он готов на всё худое: он сердится, бранится, дерётся, сквернится и ничто у него не спорится; всякая работа из рук валится» (2: 371). Грехи расслабляют всё человеческое существо, целые общества и даже государства. Расслабляют они и Россию. «Какие грехи наводнили Россию? Безверие, пьянство, плутовство, ложь и обман, страсть к наживе, частые убийства из-за страсти к наживе или из-за неудовлетворённой плотской любви, страсть к игре, хищение, мздоимство, себялюбие, которое желает исключительно, чтобы только ему было хорошо, богато и весело, а другие хоть с голоду умирай… А вследствие расслабления нравов возрастают общественные бедствия» (2: 372).

Что же делать? В наших болезнях «мы должны смиренно и глубоко сознавать грехи свои и искренно каяться в них и просить у Господа прощения их, с намерением впредь не согрешать» (2: 371).

И святой Иоанн призывает: «Будем укреплять души и сердца благодатью Божией». Будем утверждать их искренней молитвой; чтением, слушанием слова Божия и святоотеческих творений, «усердным чтением или слушанием житий Святых Божиих Угодников… также – беседами духовными и в особенности чистосердечной исповедью и частым причащением Святых Таин… доколе есть время» (2: 372-373).

7-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 9, 27-35)

Сегодня святой Евангелист Матфей повествует об исцелении Господом нашим Иисусом Христом двух слепых за их веру и немого бесноватого, а также о клевете на него фарисеев, затем – о путешествии Господа по городам и весям с благовестием Царства Небесного.

Для нас поучительна вера слепцов и их усердная, неотступная просьба об исцелении. Примечательно, что Господь прежде, чем даровать им зрение, спрашивает их: веруют ли они в то, что Он властен это сделать. Этот вопрос нужен был для того, чтобы открыть слепцам не только телесные очи, но и, более ценное, – очи душевные, чтобы они узрели обещанного Мессию как истинного Сына Божия и чрез сие сподобились вечной жизни. Господь спросил их как бы так: «Веруете ли, что Я не только Сын Давидов по плоти, но вместе и истинный Сын Божий по Божеству, пришедший в мир… исцелить от слепоты греховной… открыть свет Богопознания». И когда они исповедали веру во всемогущего Творца и Спасителя мира, тогда и совершил чудо (2: 396). «Какая сила веры! – восклицает Батюшка. – Какое драгоценное сокровище – искренняя, твёрдая и несомненная вера во Христа, если чрез неё можно получить всякие блага от Источника приснотекущего всех благ – Господа Бога… Вера служит как бы руками или устами к принятию Божиих даров: что руки или уста в теле человека, то – вера в душе; вера – орудие и средство к принятию Божиих милостей. Вера – уста души: открой уста молитвой и покаянием, и наполнится душа благодати… В самом деле, кто из нас не получал от Господа, если только он приступал к Нему с искренней верой и искренним покаянием, – всякие блага душевные и телесные, – и притом в один день многократно?» (2: 378, 380). «О вера, святый дар небес, сколько ты творишь чудес!» (2: 391).

Но если вера такое великое благо для человека, то почему не все стараются его стяжать? Многие не имеют веры или по невежеству, непониманию её важности; или от гордости кичливого ума; или «не очищают сердца искренним покаянием» (2: 379). Это духовно слепые, «которые в премудром устройстве мира не видят перста Божия, всё

создавшего и всем управляющего, и почитают его произведением случая, как и самих себя, и делают из своей жизни как бы игрушку и забаву и, когда эта игрушка надоест им почему-либо, они беспощадно её ломают, т.е. налагают на себя руки; или же они делают её рядом злодеяний над другими и потешаются бедствиями человеческими. Эта слепота тем гибельнее для них самих и для обществ, что люди этого рода считают себя зрячими, умными и едва не добрыми людьми, а всех прочих людей, – не из их шайки, – …подлыми!» (2: 383-384).

В повествовании об исцелении бесноватого привлекает внимание, с одной стороны, – удивление народа, услышавшего речь бывшего немого; с другой – клевета фарисеев, дерзавших приписать чудеса, совершаемые Спасителем, силе бесовского князя. «Отчего в фарисеях происходила такая… клевета на Господа? – вопрошает святой Иоанн и отвечает: – От их гордости и зависти, от злобы, ибо страсти ослепляют сердечные очи: если око твоё сердечное просто, то ты просто смотришь и на людей, и на дела их, как они есть, без лукавства, без кривотолков, а если лукаво и нечисто, то и люди, и слова и дела их будут тебе представляться лукавыми, нечистыми, грязными, или, как говорится, всё будет представляться наизнанку. Чистому всё чисто, а для нечистого всё нечисто» (2: 393, 388).

От прошлого Батюшка переходит к настоящему: «Так и ныне простой народ в простоте сердца смотрит на чудесные дела Божии и видит в них то, что они есть, и прославляет Бога; а многие учёные или недоучёные наши умники – и чудеса Христовы и Святых Божиих отвергают». Пока немой дух жил в человеке – человек не мог говорить, но как только Господь изгнал его – человек заговорил. «И ныне бывает дух немоты… в тех людях, кои должны были бы говорить правду людям, и не говорят… когда должны были бы проповедовать слово Божие благовременно и безвременно – не проповедуют». А правду надо говорить смело, «хотя бы она была и горька, и неприятна для слушающих её» (2: 393). Наконец, в святом Евангелии говорится о том, что Господь наш Иисус Христос – Царь Неба и земли – ходил со словом благовестия по городам, весям и исцелял всякую болезнь. И святой Пастырь ставит вопрос: «Нам ли не трудиться для своего спасения вечного?» (2: 394).

«Итак, будем, – призывает святой Печальник Российской земли, – возводить сердечные очи горе́ – на Небо!» Будем обращаться к Нему в наших недугах и душевных, и телесных, ибо Он единый всесильный Избавитель! (2: 394).

«Господи! Приложи и нам веру и исцели нашу сердечную слепоту, слепоту грехов и страстей наших, которые в нынешнее растленное время особенно усилились» (2: 381).

8-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 14, 14-22)

Сегодня читалось святое Евангелие о чудесном насыщении Господом нашим Иисусом Христом пятью хлебами и двумя рыбами более пяти тысяч человек… "*Во едину от суббот*" Господь удалился в пустынное место для молитвы. Но народ пришёл к Нему и сюда. Господь сжалился над ним и исцелил больных. Когда же наступил вечер, ученики обратились к Божественному Наставнику с просьбой, чтобы Он отпустил пришедших для покупки пищи. «Как? – вопрошает отец Иоанн. – Что вы говорите, Апостолы Христовы? Чтобы народ ради пищи и питья оставил Господа своего и лишил себя сладчайшей паче мёда беседы Его?.. О, нет, народ не оставит Господа: что ему до пищи и питья? Пища и питьё всегда с нами, а Господь во плоти – не всегда, да Он и Сам для них есть пища и питьё; смотрите, как они жадно вслушиваются в каждое слово Его… и они забыли о пище и питии». Да Он и Сам чудесно устроит им трапезу (2: 399-400).

Чему учит святое Евангелие? Тому, что Господь наш Иисус Христос есть неисследимое величие милосердия бедствующим или согрешающим, но кающимся; напоминает, что Спаситель есть Творец и Питатель всех; наставляет принимать пищу всегда с молитвой, ибо Он, прежде совершения чуда умножения хлебов, воззрел на Небо и благословил их; также: вразумляет, что слушание слова Божия, просвещение бессмертной души дороже всего для человека. Душа есть образ Божий. «О чём же всем нам более нужно заботиться в этом временном странствовании на земле?.. О спасении души, о приближении к Богу, от Которого мы удалились чрез грех», а о пище, питии, одежде – потом, к тому же – умеренно, беспристрастно. Пища и

питие – второстепенны; человеку, ищущему правды и Царствия Божия они приложатся. Так и Господь чудесно напитал в пустыне «за труд слушания слова Его» (2: 413, 414, 400, 401).

И ещё: святое Евангелие учит делиться с ближними последним нашим имуществом, добром – «и малое Господь силен умножить, так что *"дающий нищему не обеднеет"* ***(Притч. 28, 27)***. Апостолы имели только пять хлебов и две рыбы и думали, что не стоит делить такую малость на столь великое множество народа. А эта малость сделалась великим множеством: все ели и насытились, да ещё осталось в сорок раз больше того, сколько было» (2: 418). И святой Иоанн приводит примеры из истории Христовой Церкви, когда Святые, не сомневаясь, делились своим малым достоянием, а Господь умножал их хлебы. Так, святой Тихон, впоследствии Амафунтский епископ и известный поборник Православия († 425), в юности помогал своему отцу пекарю продавать хлебы. Благочестивый отрок, видя нищету, раздавал их безденежно. Раздражённый отец наказал его за это. Тогда святой Тихон спокойно сказал ему: «Родитель мой! Ты огорчаешься напрасно: я отдаю хлебы твои взаймы Богу и имею от Него рукописание в священных книгах, где именно говорится: даяй Богу, *"сторицею приимет"* ***(Мф. 19, 29)***. Если тому не веришь, пойдём в житницу: там увидишь, как Бог возвращает заимодавцам долг Свой». Отец пошёл и увидел наполненную житницу лучшей пшеницей; пал на колени, благодарил Бога «и с того времени не запрещал сыну своему раздавать милостыню по его воле» (2: 403-404). Великий пример сострадания явил Сам Господь – *"Я показал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я"* ***(Ин. 13, 15)***. «Конечно, в пределах возможного. Вы не можете исцелить! Но можете сочувствовать больному, навестить его, утешить его своей любовью, помочь ему, чем и как можете; или можете накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого или купить ему какую-либо одежду и обувь, и проч.» (2: 417-418).

«Братия и сёстры! – обращается ко всем дерзновенный о людях Молитвенник, – не будем извращать Божия порядка; будем пещись более о душевном просвещении, насыщении, утешении, спасении, а потом уже и о земных, так называемых, "благах"» (2: 401).

9-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 14, 22-34)

Сегодня в святом Евангелии читали об уединённой молитве Спасителя, о затруднительном – опасном плавании святых Апостолов при противном ветре, о хождении по морю Господа, о смелой просьбе святого апостола Петра придти к Нему по воде и утопании его после испуга, о поданной ему Сыном Божиим руке помощи…

Чему учит сие святое Евангелие? Прежде всего, пользе и необходимости уединённой молитвы – именно в уединении, где нет внешних препятствий, человек может всем сердцем предаться молитве. А молитва есть та великая духовная сила, которая «освежает и укрепляет душу… соединяет с Богом» (2: 429).

Дальше: святое Евангелие учит нас неустрашимости при любых обстоятельствах жизни «в той уверенности, что Господь всегда с нами и не допустит безвременно погибнуть уповающим на Него и любящим Его» (2: 424).

И ещё: святое Евангелие свидетельствует о том, что святой Пётр, пока имел крепкую веру, шёл по воде, но как только вера его стала слабеть – он начал утопать. «Так и с нами бывает, – учит святой Иоанн. – Возьмём в пример молитву. Когда мы молимся с верой, упованием и усердием, – смотри, как молитва твоя бывает горяча, легка, полезна; а как усумнимся или забудем о присутствии Божием, или если будем развлекаться посторонними мыслями, мечтаниями, и молитва погаснет» (2: 425-426). «Господи! Спаси мя», – воскликнул святой апостол Пётр, когда стал тонуть. «Мы все тонем во грехах, как в море; потому и нам, как Петру, надобно обращаться к Спасителю с крепким воплем покаяния: “Господи! Спаси мя…” И Господь никогда не оставит погибнуть» (2: 426)… Господь обличил святого апостола Петра за его маловерие, которое и было причиной утопания. И мы, если бы «веровали всем сердцем, то шли бы твёрдо ко Господу» (2: 427). «Только воззри ты к Нему, брат, сердечными очами с верой, упованием… – и спасёт тебя» (2: 422).

Как только Господь вошёл в лодку, тотчас ветер утих. «Так и в нас утихает немедленно буря греховная, когда мы с искренним покаянием

обратимся ко Христу», падём пред Ним и скажем, как святые Апостолы в лодке: «Воистину Ты Сын Божий!» (2: 427).

10-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 17, 14-23)

В сегодняшнем святом Евангелии повествуется об исцелении Господом нашим Иисусом Христом бесноватого лунатика.

Кто такой бесноватый лунатик? Это больной, «подверженный действию злого духа, мучившего в новолуния, – с коварным умыслом, чтобы люди приписывали это зло не ему, злому духу, а неповинному ни в чём созданию Божию – луне, и тем произносили хулу на Творца луны… Злые духи, причиняя многообразное зло людям, хотят утаить от людей свои пагубные действия, чтобы люди не возненавидели их и не отвратились от них» (2: 433).

Обращаясь к текущему времени, Батюшка свидетельствует: «И сколько в наш век, век неверия и разврата, людей, подверженных коварству, посмеянию и злобе злых духов!.. Эти несчастные, заблудшие люди, запутавшиеся в сетях вражиих, нередко, подобно упоминаемому в Евангелии бесноватому, прибегают также… к огню… к воде… к огнестрельному оружию, чтобы застрелиться, или к утоплению, или к удавлению» (2: 433-434).

Есть ли средство против злых мучителей? Есть, это – «вера во Христа… пост и молитва» (2: 434). «Действительно, все истинно веровавшие, все Святые верой творили многие чудеса, верой невозможное делали возможным. Читайте описание их жизни – и увидите сами, сколько сильна вера!» (2: 435). А пост и молитва «очищают, просвещают и укрепляют душу… Пост и молитва – духовное оружие против диавола, потому и говорит Господь в нынешнем Евангелии, что род бесовский исходит только молитвой и постом. Святая Церковь, зная силу этого духовного оружия, призывает нас на каждой седмице дважды к посту… и в году – многократно… а Великий пост соединяет с особенными умилительными покаянными молитвами» (2: 434-435).

«Братия и сёстры, дорожите своей верой! – призывает святой Поборник её. – Берегите свою веру. Без веры нет спасения; без веры человек погибнет навеки» (2: 436).

11-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 18, 23-35)

В нынешний день была прочитана Евангельская притча, в которой Спаситель уподобил Царство Небесное или праведный суд царю, захотевшему сосчитаться со своими рабами. К нему приведён был некто, который должен был ему весьма большую сумму. Но так как раб, кланяясь, умолял: «Государь! Потерпи на мне и все тебе заплачу», государь не только отпустил его, а и простил долг. Однако сам раб не простил малого долга своему товарищу. Тогда государь, разгневавшись, отдал его истязателям, пока не вернёт долг. "*Так и Отец Мой Небесный поступит с вами*, – заключил Господь речь Свою, – *если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его*" (2: 437-438).

«Не к чести нашей, – замечает святой Иоанн, – История Библейская и гражданская и дневники нашего времени полны примеров злобы и жестокосердия людей из-за корысти… Мы бываем иногда чрезвычайно круты в расправе с нашими ближними, чем-либо нам должными, если есть к тому возможность! (2: 438-439). Но мы ведь христиане, мы рождены в Крещении Духом Святым, усыновлены Богу, получили от Него благодать или помощь небесную к деланию добра – с нами сего не должно быть… Уже одно чувство благодарности к Богу за Его бесчисленные к нам милости обязывает нас быть снисходительными и милостивыми к нашим ближним» (2: 439-440).

«Итак, – завершает своё слово святой Пастырь, – будем прощать от души ближним погрешности их против нас, памятуя общую нашу слабость, немощь, греховность и бесконечное к нам милосердие Божие» (2: 441).

12-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 19, 16-26)

В двенадцатое воскресенье по Пятидесятнице Святая Церковь предлагает Евангельское повествование о богатом юноше. Некий богатый юноша спросил Христа Спасителя, что надо делать, чтобы иметь вечную жизнь. Господь велел соблюдать заповеди. Когда же юноша ответил, что он их сохранил, Господь

сказал: "*Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим*". Услышав это, юноша отошёл с печалью (2: 442).

Несомненно, для наследования вечной жизни необходимо соблюдение заповедей Божий. Это: «Не убей» – не только не лишай никого жизни, «но и никого не обижай, не унижай, не осуждай, не злословь, ни на кого не гневайся напрасно… Дорожи спокойствием и благосостоянием каждого, как своим собственным» (2: 444-445). «Не прелюбодействуй», т.е. «брось всякое блудное мечтание и воображение», не преступай указанных Богом пределов любви (2: 451, 445). «Не укради» – довольствуйся необходимым (2: 445). «Не лжесвидетельствуй» – «не клевещи на ближнего, ибо от клеветы, осуждения, пересудов, насмешек и лжесвидетельства люди весьма сильно страдают» (2: 452). «Почитай отца и матерь». Родителям мы обязаны многим – самой жизнью, большей частью воспитанием и, казалось бы, нет ничего естественнее почитания их. А в самом деле бывает иное: дети тяготятся ими, грубят им, не слушаются, не поддерживают родителей. «Но горе им, если не образумятся» (2: 452). И: «Люби ближнего своего, как самого себя» – «чего себе желаешь, того желай и другим» (2: 445).

Погубило, «сбило с толку юношу» богатство. С ним он крепко сросся (2: 446). «О, это корыстолюбие! – восклицает праведный Иоанн. – Какое сильное препятствие представляет оно нашему истинному благу!.. Оно – идол, которому богатый поклоняется… Богатый надеется на своё богатство… жестокосерд и смотрит с удовольствием на своё злато и сребро и тогда, когда бедные умирают с голода» (2; 456)… «Такова бездушная мамона… вот вам и любовь к ближним, как к самому себе, которой юноша только лишь похвалился, сказав Господу: "*Всё сие сохранил я от юности моей*". Лишь только коснулось дело до раздачи денег бедным: уж и сердце заболело, и живот вечный не мил стал, и с Учителем Благим неприятно стало быть вместе и беседовать» (2: 446).

Обращаясь, как обычно, к текущему времени, святой Пастырь рассуждает: «Подобное тому, на чём споткнулся богатый юноша, бывает и ныне со многими из нас» (2: 446).

Но отчего трудно богатому войти в Царство Небесное? «Оттого, что богатство для богатого есть идол, коему он кланяется, на коего он надеется… а не на Бога; оттого, что оно ожесточает его сердце, его душу, делая её рабой тления, неспособной к любви Божией». Однако и богатым, как и бедным, не должно отчаиваться в своём спасении, «только надо во благо себе и ближним употреблять своё богатство, считая его не своим, а Божиим добром, которое дано нам не для нас одних, а для других, для тех, которые сами по болезни или по чему другому не в состоянии достать себе необходимого пропитания, также необходимой одежды или крова» (2: 448).

И добрый Пастырь зовёт: «Будем же все, по силам своим, делиться своим добром» (2: 448).

13-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 21, 33-42)

В святом Евангелии предлагается ныне притча о хозяине – Домовладыке, насадившем виноградник, и о злых виноградарях, которым был поручен уход за ним.

Под Домовладыкой разумеется Бог Отец, а под виноградником можно разуметь христианскую душу; под оградой – закон Божий; под точилом или тисками в винограднике – наше сердце или утробу, принимающие Пречистую Кровь Христа Спасителя; под столпом или башней – Церковь Христову и действующую в ней, возвышающую нас к Небу благодать Святого Духа (2: 466).

Конечно, Господь печётся не о земных скоропреходящих виноградных садах, а о человеческом роде – о нас; «печётся и болезнует Господь Бог, всячески заботясь о нашем спасении, исправлении, ожидая от нас плодов покаяния, дел благих, взаимной любви и праведной жизни» (7 В: 52). И каких благодатных пособий ни дал Он нам, чтобы мы приносили как можно больше плодов правды. Он дал нам пастырей, которые как сами должны приносить обильные плоды, так и служить примером для вверенных им пасомых – учить их также «закону Божию и добродетелям христианским, чтобы и они приносили Богу плоды добродетелей и жили Богоугодно, со страхом

содевая своё спасение и ожидая исполнения обетования Христова о втором Его пришествии, воскресении мёртвых, Страшном Суде и о вечной жизни» (2: 460).

«Дорогие братья и сёстры, – обращается ко всем нам святой Иоанн, – вы – виноградник Божий. Старайтесь же приносить плоды Небесному Виноградарю» (7 В: 53).

14-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 22, 1-14)

В прочитанном ныне святом Евангелии Господь наш Иисус Христос уподобляет Царство Небесное царю, который сделал для сына своего брачный пир и послал рабов звать на него, но званные не захотели придти. Тогда царь велел звать всех, кого найдут. Из пришедших один оказался не в брачной одежде, потому царь велел бросить его «во тьму внешнюю» (2: 478-479).

Царь, сделавший брачный пир, есть Творец Неба и земли. Царский сын – Единородный Сын Божий; невеста Его – Святая Церковь; брачный пир – Царство Небесное, где все истинно верующие навсегда соединятся со своим Спасителем. На этот брак – в Царство Небесное – приглашались прежде всех «иудеи, но они отказались от приглашения». Тогда Господь через святых Апостолов и равноапостолов призвал на брак «языческие народы, в том числе и нас, русских. Но и христиане из язычников и последующие за ними роды также не всё войдут в Царство Христово» (2 : 479-480). Увы! И у нас часто нет брачной одежды – «благоговейных помышлений и мыслей сердечных», а есть нередко нечистое «рубище страстей» (2: 481).

«Поспешим все, – призывает Батюшка, – покаяться и убелить одежды душ наших слезами покаяния и делами правды, особенно милостыней, которая очищает грехи. «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь; просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя» (2: 481).

15-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 22, 35-46)

В сегодняшнем святом Евангелии Господь наш Иисус Христос в ответ на вопрос фарисея-законника предлагает к исполнению две важнейшие заповеди – любовь к Богу и любовь к ближнему.

«Сколь кратко содержание всего закона Божия для человека! – восклицает святой Поборник жизни во Христе. – Весь закон – в любви к Богу и ближнему… Бог Сам есть весь Любовь». И в истинной любви к Нему, «с делами любви – всё блаженство человека» (7 Е: 51).

Бога возлюбить надо так, «чтобы ни в сердце, ни в мыслях, ни в словах, ни в поступках, ни во всей жизни… не было места греху и неправде». А ближнего подобает так любить, «как себя, без различия звания, состояния, пола, лица; желать ему всякого добра, как себе, поступать с ним так, как желаешь, чтобы поступали с тобой, – жалеть его, молиться за него, помогать ему, чем можешь» (2: 483).

Теперь трудно найти такую любовь даже среди живущих в Церкви, «а в отделившихся от Церкви ея совсем нет. Это происходит оттого, что люди избирают себе учителем любви не Евангелие, не Церковь Божию, не здравый человеческий разум и не христианскую совесть, а людей подобных себе» (7 Е: 52).

«Поспешим, – паки и паки зовёт Батюшка, – исправиться и заповеди Божии будем крепко помнить и наблюдать» (2: 487).

16-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 25, 14-30)

Ныне православные люди слышали в храме Божием притчу Спасителя о талантах.

Некий господин, отправляясь в дальнюю сторону, поручил имение своё рабам: одному дал пять талантов, другому два, третьему один – «каждому по его силам». Первые два, получившие от господина таланты, стали трудиться и приобрели новые таланты, а получивший один закопал его в землю, т.е. провёл всё время в «непростительной лености», не думая и не заботясь о жизни иной (2: 494-495).

Господин, о котором говорится в притче, есть наш Господь Иисус Христос; рабы – люди, все мы. По смыслу притчи: кто больше получил

от Бога даров, тот должен и больше потрудиться, «больше сделать добра… С обыкновенного человека потребуют: добросовестно ли он трудился и вёл дела свои»; с богатого спросят «не составил ли себе богатства обманом, хитростью… подавал ли милостыню?.. Со священника потребуют отчёт в служении, учении и жизни: научил ли он вере и доброй жизни своих пасомых, воспитал ли он их для вечной жизни?» (2: 495). «Честь рабам, получившим пять и два таланта и умножившим имение господина; позор, крайний позор получившему один талант и по лености и упрямству зарывшему его в землю» (2: 496).

«Страх, братия, обнимает душу, – завершает свои наставления Батюшка, – когда помыслишь, что между христианами есть множество ленивых рабов, которые живут беспечно, в удовольствиях, и вовсе не помышляют о страшной, вечной тьме внешней, где их ожидает непрестающий плач… Господи! Твори волю Твою с нами! Молимся Тебе, да обратятся все ленивые рабы к Тебе в покаянии и добродетели» (2: 498).

17-я неделя по Пятидесятнице (Мф. 15, 21-28)

Сегодня святой Евангелист Матфей повествует об исцелении Спасителем бесноватой девицы по просьбе её матери – хананеянки, идолопоклонницы.

Для нас поучительна сила веры, упования и терпения хананеянки. Любовь к больной дочери побудила её искать помощи у всемогущего Благодетеля, и она не отступила от Него, пока не получила просимого. Сначала Всеведущий Господь не отвечал ей на её просьбу, чтобы таким образом возбудить в ней сильнейшую веру, крепчайшую надежду, пламеннейшую молитву. И действительно, мать стала ещё сильнее просить, ещё громче кричать. Будучи язычницей, она исповедует Его Господом и, как дщерь Отцу, говорит смело: «Господи! Помоги мне». «Подлинно, – размышляет отец Иоанн, – трогательно было зрелище видеть… мать, умоляющую о своей дочери… жестоко страдающей: она не смела привести беснующуюся к Учителю, но, оставив её дома на одре, умоляет Его и объявляет только болезнь» (2: 505). Спаситель не только услышал её мольбу, но и похвалил за

великую веру, сказав: "*О, женщина! Велика вера твоя, да будет тебе по желанию твоему*" (2: 499-501).

«После этого я, – заключает святой Пастырь, – скажу всем вам, братия и сёстры: научитесь так веровать, так надеяться и так просить Господа или Божию Матерь, с такой смелостью и неотступностью, как просила хананеянка за дочь свою… и получите по желанию, если оно угодно Богу и вам на пользу» (2: 501).

18-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 5, 1-11)

Величественное зрелище представляет сегодняшнее Евангельское повествование… Вездесущий Бог сидит в рыбачьей лодке и учит многочисленный народ, стоящий на берегу Геннисаретского озера.

Всё в данном повествовании поучительно для нас… Господь велит святому апостолу Петру отплыть на глубину и закинуть сети, а Апостол отвечает: «Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть». Господь знал о тщетном труде святых Апостолов Петра и Андрея с товарищами, но Божественной властью повелевает ещё раз закинуть сеть – и тотчас она наполняется. Рыбари видят явное чудо. Пётр, да и прочие – Иаков, Иоанн, Андрей – немедленно оставляют своё прежнее ремесло, становятся благовестниками учения Божественного Наставника и самоотверженно исполняют спасительное дело, «уловив из глубины греховной прелести и суеты род человеческий» (2: 524, 509). «Приметьте, – учит Батюшка, – высокое звание Апостольское и звание преемников Апостольских: архиереев, священников и диаконов. Они пастыри и учители… сотрудники у Бога; главное дело их – спасать от греха и вечной погибели души человеческие, просвещать их светом Евангелия Христова, наставлять на путь добродетели, руководить к вечному Отечеству». Их должно почитать, за них надо молиться, «да право правят слово истины, да облечёт их Господь в правду и святыню» (2: 512). «Не могу и я, – говорит о себе Батюшка, – здесь удержаться, чтобы не воскликнуть: "Господи! Как всюду под смиренным покровом человечества Твоего сияет и восхищает

меня Твоё пресияющее Божество! Всякое слово Твоё Божественно, властно, животворно, чудно, как и дело Твоё" (2: 525).

Сказав о себе, святой Праведник обращает своё пастырское слово и к каждому из нас: «А ты как ценишь снисхождение» Создателя «и – своё спасение? – О, ты, кажется, забыл, кто ты и для чего явился на свет сей? Забыл, что ты существо – по образу Божию, что ты бессмертен по душе и будешь некогда бессмертен и по телу преображённому, духовному; ты забыл, что ты призван творить правду и святыню и исполнять заповеди Божии, которые "*не суть тяжки*" ***(1 Ин. 5, 3)***, по слову Апостола» (2: 520). Будем же «и мы подражать, в чём можем, Апостолам. Они оставили всё и последовали за Господом. Оставим и мы, не говорю всё – это не требуется от всех; а оставим грех, свои страсти… всё… что вредит нам, что бесчестит нас… что удаляет нас от Бога, от святыни и правды Его, что лишает нас жизни вечной» (2: 522).

«Молитвами святых Апостолов Твоих, Господи, помилуй и спаси всех нас» (2: 513).

19-я неделя по Пятидесятнице (Ак. 6, 31-36)

Ныне Господь учит нас поступать со всеми так, как хотелось бы нам, чтобы и с нами поступали: «Просто, любовно, искренно, чистосердечно и свято, почтительно, снисходительно, терпеливо, доброжелательно, непринуждённо и охотно» (2: 529). «Какие премудрые, возвышенные, спасительные, истинно Божественные наставления и заповеди! – восторгается Кронштадтский святой Проповедник. – Мудрое и простое правило даёт нам Господь и к исполнению удобное для всех, ибо в душе каждого есть мера, по которой он может определить, хорошо ли с ним обращаются или худо. Такую же меру должно наблюдать и по отношению к другим» (2: 534, 529, 530).

«Великое дело, – учит святой Пастырь, – не давать в душе своей места никакому злу, ни даже на одну минуту, но непрестанно побеждать зло добром и всякий грех… – покаянием и молитвой, ибо безрассудно и гибельно усиливать зло злом… Зло… надобно искоренять… добром… или праведным наказанием и, в крайнем случае –

извержением злого человека из среды своей» (2: 530-531). Но в жизни нашей часто бывает иное – отношения друг к другу нередко бывают превратными, не отличающимися духом искренности и простоты. Слова у иных бывают елейны, а в самом деле – «стрелы язвительные» (2: 535-536). Любим мы только тех, которые и нас любят, «которые льстят нам, или бывают общниками в грехах наших, а между тем имеем вражду и неприязнь к тем, кои правдивы относительно нас, обличают или наказывают нас, не соглашаются грешить вместе… Такое поведение наше есть грех, эгоизм, самолюбие» (2: 531-532). А от чад Божиих, – какими и являются православные христиане, – «справедливо требуются и дела, достойные чад» (2: 532).

«Будем же, – призывает святой Иоанн, – умудряться жить по Божиему» (2: 533).

20-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 7, 11-16)

В сегодняшнем святом Евангелии видим Всемогущего Господа, воскрешающего при входе в город Наин единственного сына у матери, несомого на погребение.

Мёртвый поднялся – и всех охватил страх, и восславили Бога. «Какая Божественная сила, препобеждающая смерть, столь крепко державшую в своих страшных узах человечество чрез много тысяч лет! Какое Божественное милосердие, возвратившее материнской любви нежно любимое дитя! Это чудо воскрешения юноши… совершено во образ будущего воскресения всех мёртвых и для утверждения нашей веры и нашего чаяния общего воскресения» (2: 541). «Я, – свидетельствует Батюшка, – слышу, многие из христиан говорят иногда: „Ах! как бы хотелось и нам видеть Господа, прикоснуться к Нему, слышать Его, получить от Него исцеление! А мы, – говорят, – лишены Его лицезрения! Он не творит теперь между нами таких чудес, какие творил тогда!“ На это отвечу им и вам скажу: „Успокойтесь, Господь и теперь с нами и творит великие чудеса, хотя, впрочем, не в том видимом образе, как при Апостолах, а в другом – в виде Пречистого Тела и Крови Своей, или в виде таинственного хлеба и вина, также в святых Своих иконах и во святом Кресте или

невидимо – посредством молитвы веры. Впрочем, Сам Господь более ублажает тех, которые не видели Его и уверовали“» (2: 544).

Мы ежедневно – и по несколько раз – духовно умираем чрез свои грехи, но и воскресаем чрез веру, чрез искреннее покаяние перед Богом Сердцеведцем. Грех, губящий наши души, живуч, завлекает нас в плен. Но хотя он бывает и сладок – умирать душой никто не хочет. Так зачем же нам умирать духовно, когда Источник жизни близок к нам? «Зачем мы коснеем во грехах? Вот у каждого из нас, как у той матери, упоминаемой в Евангелии, о которой ныне слышали, – у нас, говорю, как бы единственное чадо, душа наша – погибает во грехах… Зачем нам умирать? Вот Сам Господь и Спаситель наш всегда с нами. И здесь и во всяком храме течёт изобильный, чистый и светлый источник воды живой» (2: 545).

«Вкушайте же, пейте от источника бессмертия, живите и не умирайте духовной смертью» (2: 546).

21-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 8, 5-15)

В нынешнем Евангельском повествовании предлагается притча Господа нашего Иисуса Христа о сеятеле и семени, о разной почве, на которую упало семя и о том, что сталось с ним. Под сеятелем Господь разумеет Себя, под семенем – Своё слово, под землёй – сердца человеческие, их различное состояние.

Посеянное Христом Спасителем слово прекрасно взошло, принесло на множестве духовных нив зрелые плоды во сто крат, в шестьдесят и тридцать. «Слава Богу, были во все времена… такие слушатели, которые слушают слово Божие добрым и благим сердцем, преданы совершенно Богу и Его святому слову, которые живут, не привязываясь сердцем к земному, не подавляясь житейскими заботами… Эти-то слушатели, выслушав со вниманием слово Божие, держат его в сердце и терпеливо подвизаются в жизни» (2: 562). Конечно, для спасения необходим подвиг. «Да ужели без труда хотите вы получить вечную жизнь, в блаженном соединении с Богом, с Богоматерью, с Ангелами, со всеми Святыми? – спрашивает и размышляет святой Иоанн. – Ужели без труда самоочищения – при

помощи благодати – без труда молитвы, бдения, без милостыни, без кротости, без смирения, без воздержания! Для приобретения земных благ трудиться не считаем лишним – и трудимся часто всеми своими силами, а для получения вечного блаженства опускаем руки» (2: 555).

«К крайнему сожалению, – скорбит святой Пастырь, – добрые плоды в последнее время стали редкими по причине распространения ересей, сект и расколов и сокращения истинного, внутреннего христианства в людях… по причине множества плевел на духовной почве, злых пороков и страстей человеческих, и по причине несоразмерного распространения собственно человеческого, мирского, часто нечистого и гнилого слова, заглушающего слово Божие, или совсем не дающего ему места» (7 А: 33). «А сколько принесли вреда учение Дарвина, Толстого, не говоря о многих других!» – свидетельствует святой Проповедник жизни во Христе и знакомит с содержанием горько-покаянного письма «одной учёной девицы», откровенно признающейся «в гибельности дарвинского и толстовского учения». «Она, – говорит святой Иоанн, – умирает и душой, и телом вследствие безрелигиозной, полной сомнений, жизни». Отсюда следует для всех жизненно важный урок: «Никогда не пренебрегать живым семенем и источником слова Божия, питающим, напояющим и укрепляющим души человеческие и сообщающим человеку истинную жизнерадостность, и свет, и спасение, и оружие для победы над всеми страстями, и обильный источник утешения во всех скорбях, печалях и невзгодах житейских» (7 А: 34).

Должно также помнить, что Божественная Благодать может изменить к лучшему всякого человека – сотворить с ним «чудо спасения, только бы сам человек веровал, хотел спастись, искал спасения… покорялся спасающей его Благодати Божией» (2: 556).

«Христианин! – взывает Батюшка. – Брось же свою гибельную рассеянность, своё неверие, невнимание, нерадение, свою леность ко спасению; не топчи чудных даров Благодати; читай или слушай усердно слово Божие, открывающее тебе путь ко спасению; исполняй его… Ты не можешь, говоришь, но Благодать Божия всесильна: она поможет тебе совершить легко всё дело твоего спасения» (2: 557).

22-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 16, 19-31)

В прочитанном сегодня святом Евангелии изображена судьба после смерти богатого весельчака и нищего больного Лазаря – видимое неравенство жизни в здешнем временном мире и, соответственно – неравенство участи в ином – вечном Мире. Особенно примечателен разговор богатого с праотцем Авраамом, которого он увидел издали – из ада – в селениях рая вместе с нищим Лазарем.

В святом Евангелии, словно в зеркале, изображены грешные люди, особенно богатые, знатные. «Но что же тут худо?» – спросят нас. Есть средства, есть весёлые друзья, с которыми можно провести приятно время. Так говорят и так поступают многие. Погоня за весёлой жизнью – в большом ходу. Ради удовольствий «не пренебрегают никакими средствами» (2: 564-565). Несомненно, не богатство было причиной мучений, которые постигли богача – праотец Авраам тоже был очень богатым человеком, но богатство ему не повредило – был другом Божиим, потому что был странноприимен, гостеприимен, «был во всём верен и послушен Богу» (2: 571-572). «Братия! – учит святой Иоанн. – Богач осуждён за своё жестокосердие к бедному Лазарю, которого ему было бы так легко приютить, приласкать, успокоить» (2: 565). Но занятый собой богач «как бы не видит его и не оказывает ему ни малейшего сострадания: он занят своими пирами; псы сострадательнее его, они приходят и облизывают гной Лазаря» (2: 573). Как же «богатство надмевает и ожесточает сердце человека, неблагоразумно и неблагодарно пользующегося им!» «Он презирает... во всём подобного ему, не узнаёт в нём своего брата, считает его едва не хуже животных, потому что животных он ласкает и кормит, а человеком бедным гнушается и отказывает ему даже в своих крохах. И... при всей надменности и жестокосердии богатого», он как будто «пользуется уважением многих – конечно, не искренним, ему льстят» (2: 583). Но Батюшка делает и весьма важную оговорку: «Есть, конечно, исключение и между богатыми: есть добрые, сострадательные, милостивые – но таковые составляют малое исключение; очень, очень немного таковых» (2: 588).

Скончался нищий, и святые Ангелы отнесли его на лоно Авраамово. Умер и богач, и, оказавшись в адских муках, поднял глаза, увидел вдали Авраама и Лазаря и возопил: "*Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем*". Один после кончины отнесён святыми Ангелами в Царство Небесное, а другой низвержен в адскую пропасть. Вот венец здешних безропотных страданий и конец здешних грешных радостей! (2: 566-567).

Но что ответил богатому Авраам? «Ты на земле наслаждался без меры, забыв Бога и добро, презирал ближних – и за это тебе справедливое воздаяние, а Лазарь за терпение своё, за страдания свои, теперь вечно утешается». К тому же «между нами и вами утверждена великая пропасть». «Вот ужасное несчастье! Нераскаянному грешнику нет никакой надежды на переход из ада в рай, да и праведники не могут помогать нераскаянным: всякое общение, всякая помощь прекращается!» (2: 567-568). «Да памятуют все, – взывает святой Иоанн, – какое строгое, неумолимое правосудие Божие ожидает нас за жестокосердие к бедным; – если не исправимся… и нас бросят в огонь, и нам не будет ни малейшей отрады в геенском огне» (2: 583-584).

Но иногда в оправдание своего жестокосердия к бедным поставляют «на вид себе и другим их слабости, провинности действительные или мнимые», называют их ленивыми, тунеядцами (2: 584). «Я не говорю, – замечает святой Иоанн, – что нужно подавать всякому бедному: иные невольно отталкивают от себя самым поведением своим, но в числе недостойных есть много и достойных; да впрочем, и не наше дело строго разбирать их, лучше судить себя» (2: 589). «В семье, правда, не без урода: но несправедливо всех подводить под один разряд и всем отказывать. Приглядитесь к ним, поговорите с ними и увидите. Многие из них заслуживают полного участия и сострадания нашего… Ведь они не из железа и камня сотворены, а, как и мы, грешные» (2: 584-585).

У бывшего богача является, наконец, жалость к братьям своим, подобным ему, опасение, чтобы и они не были ввержены в те же мучения, и он просит Авраама послать к ним Лазаря для их вразум-

ления. Но Авраам отвечает: «У них есть Моисей и пророки (т.е. Писания их), пусть слушают их». А богатый говорит: «Нет, отче Аврааме, но если кто из мёртвых придёт к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мёртвых воскрес, не поверят». Ныне тоже: многие желали бы, чтобы кто-либо восстал из мёртвых и засвидетельствовал об имеющих быть страшных мучениях грешников. Но это бесполезно: и воскресшего они сочтут за призрак, мечту, воображение и не поверят (2: 569). «Как, что ты говоришь, безумный? – вопрошает Батюшка. – Мертвецу – воскресшему ты поверил бы, а Господу, Самому Господу, глаголющему в Евангелии о том, что будет по смерти – грешным и праведным, – не веришь? Да за это одно ты стоишь геенны, если не раскаешься в своей дерзости, в своём неверии. Если Самому Господу не веришь, если Евангелистам, Апостолам, говорящим тебе истину Духом Святым, не веришь, то, конечно, не поверишь никакому воскресшему мертвецу» (2: 590).

Изображение богатого и бедного даёт нам поучительный урок: «Богатство и бедность, здравие и болезни, веселье и скорби – всё здешнее скоро проходит и исчезает, но дела людей, их пороки и добродетели – не умирают, но переходят вместе с ними в вечность, и там или оправдают, или осудят их пред Судьей всех помышлений и дел человеческих и – или введут их в рай, или повергнут в бездны ада». А потому «читайте, братия, слово Божие, слушайте, умудряйтесь и спасайтесь» (2: 573, 569).

23-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 8, 26-39)

Сегодня во время совершения Божественной Литургии слуху православных христиан предлагается Евангельское повествование об исцелении Господом нашим Иисусом Христом бесноватого в Гадаринской стране. Следует сразу отметить, что бесы могут действовать в людях только по попущению Божию. Даже над животными они имеют власть настолько, насколько попустит им Господь. Видно это уже из того, что они не могли войти в стадо свиное без позволения Спасителя, и лишь только получили

его и вошли в свиней, как всё стадо бросилось в море. «Если бы такая власть дана была от Бога бесам над людьми, – они… в несколько минут погубили бы весь род человеческий, по свойственной им злобе на него» (2: 601).

Бесноватые были не только во время спасительного служения Господа. Они есть и ныне. К ним святой Иоанн относит: пьяниц, терзающих и мучащих самих себя, своих жён, детей; людей злых, раздражительных, гневливых, сверкающих злобой и яростью. Есть молчаливое или злоречивое беснование людей завистливых, «которых снедает чужое счастье»; скупых, жадных до денег, ожесточённых до того, что «не трогаются никаким – ни частным, ни общественным бедствием». «Есть бешенство плотской страсти: одержимые им впадают в тоску и отчаяние, если не удовлетворяются их страсти, или решаются на самые позорные действия ради её удовлетворения, или нередко – и на самоубийство». Есть ещё мании: картёжная, когда убивают дорогое время, а на дела Божии не смотрят; страсть к зрелищам, когда бредят театром; мания страха, когда человек боится всего окружающего; брезгливости, когда всех считают нечистыми. Есть мания, или беснование, когда боятся или отвращаются от храма, Богослужения, вообще святыни (2: 592-595). «Все те, которые хулят Святых Божиих, Церковь Божию и сильно отвращаются от неё и от Божиего слова, которые хулят святые иконы, святые мощи, сан священный и лиц, посвящённых в этот сан, те, которые почитают ненужными святые посты, говение по уставу Святой Церкви» – есть бесноватые (2: 598-599). Беснование присуще и срамословию, сквернящему сердце и душу. И это не всё, «ибо греховное беснование имеет бесчисленные виды» (2: 595). Если и мы внимательно и беспристрастно всмотримся в своё поведение, в наши «помыслы, чувства, привычки, страсти, слабости, вообще, во всё течение своей внутренней и внешней жизни, то все найдём, что в нас живут и действуют множество страстей, а следовательно, и бесов» (2: 603).

Чем же врачеваться от этой нравственной болезни? Смиренной верой в Господа нашего Иисуса Христа, покаянием, молитвой и постом (2: 596)… Да, бороться с грехом трудно. «Но, – учит Праведник, –

с помощью Божией, всё лёгко и удобно. Только возьми твёрдую решимость не делать греха. Святая Церковь, обладающая всякой благодатью, всякими силами благодатными, готова к тебе всегда на помощь и – верно поможет тебе, если прибегнешь к ней. На то Господь и дал ей всю власть Свою, все полномочие Своё… Горе только… презирающим Церковь, а верующим и кающимся – благо. Они не погибнут и рано ли, поздно ли избавятся от занимающих и мучающих их грехов» (2: 606-607).

24-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 8, 41-56)

В нынешнем святом Евангелии говорилось о двух чудесных благодеяниях Господа нашего Иисуса Христа – об исцелении кровоточивой женщины и о воскрешении двенадцатилетней единственной дочери начальника еврейской синагоги Иаира.

В данном повествовании для нас поучительна, прежде всего, вера Иаира. У него при смерти дочь – и он обращается к Спасителю с полной уверенностью, что помощь будет оказана. Так подобает поступать и нам – при болезни обращаться к Небесному Врачу душ и телес наших. «Приглашайте, – учит святой Иоанн, – в дом духовного отца с Божественными Таинами Тела и Крови Господней и верьте, что, как Иаир, не будете посрамлены в вашем уповании» (2: 618). О себе Батюшка говорит: «Вот я прикасаюсь к святому престолу Его: и чудное дело! Тотчас ощущаю животворную, спасительную силу, исходящую от Седящего невидимо на престоле; я исцеляюсь от всех уязвлений невидимых змиев, избавляюсь от всех скорбей, от всякой тесноты греховной – и приемлю мир, свободу, дерзновение, силу душевную. Он – тут, Господь мой и Бог мой» (2: 613).

Поучительна и вера женщины, страдавшей двенадцать лет кровотечением. Прежде прикосновения к одежде Спасителя, она думала: «Если я только прикоснусь к одежде Его, то я исцелюсь, и с такой верой прикоснулась… и тотчас исцелилась; между тем как прежде лечившись у врачей… не получила пользы, а, напротив, пришла ещё в худшее состояние». Обращаясь к текущим дням, Святой размышляет: «Как много есть и ныне таких из христиан, которые… раздадут

врачам едва не всё имение своё... между тем, как если бы вскоре по заболевании они обратились к Спасителю и пригласили к себе служителя Его с Животворящими Таинами – и вкусили Животворящей Пищи, – вскоре получили бы исцеление и прославили бы Господа за силу и благость Его... Наши души тотчас исцеляются, когда мы с верой, в покаянии призовём всеспасительное имя Иисуса Христа, или когда мы вкусим Пречистого Тела и Крови Спасителя: какая вдруг жизнь, сладость, тишина разольются в душе и теле по причащении Святых Таин» (2: 618-619).

Обращает внимание также, что Господь, увидев плакавших родных и знакомых умершей девицы, сказал: "*Не плачьте: она не умерла, но спит*". «Жизнодавец Господь называет смерть нашу сном. Почему? Потому, что будет общее воскресение мёртвых, как общее пробуждение от сна, и это – в силу Его смерти и воскресения» (2: 620). Нравственный вывод тот, что должно «бодренным сердцем и трезвенной мыслью проходить всё время настоящей жизни, в ожидании общего воскресения мёртвых... Другое учение... есть то, что прежде смерти телесной все мы умираем ежедневно... душами своими, впадая в неисчётные согрешения, – значит умираем духовно, – и что для умирающих духовной смертью есть и духовное воскресение» – покаяние, живая вера, упование на милость Божию согрешающих (2: 608). «Господь чрез веру нашу и нелицемерное покаяние ежедневно воскрешает наши души, умерщвляемые грехами; Он касается Своей невидимой живоначальной десницей кающейся, сокрушённой души и дивно оживотворяет её, воздвигая ее от рова страстей, сообщает ей жизнь, оправдание, мир, свободу, свет, силу» (2: 625).

Итак, мы должны помнить, что будет воскресение, а значит – и жить «по-христиански, чтобы достигнуть блаженного воскресения» (2: 621).

25-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 10, 25-37)

В сегодняшнем святом Евангелии решается Спасителем весьма важный для всех нас вопрос, поставленный неким законником: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» – Господь указал ему на Закон,

которым заповедуется любить Бога и ближнего. Тогда законник снова вопросил: «А кто мой ближний?» Притчей о милосердном самарянине, принявшем сердечное участие в израненном разбойниками человеке, Господь показал, что ближним надо считать всякого.

Прежде всего, надо возлюбить Бога всем существом, всеми силами – не делить себя между Богом и миром. «Это значит, – поясняет святой Иоанн примерами, – положим, что ты молишься Богу. Если ты любишь Бога всем сердцем, то и будешь молиться Ему всегда всем сердцем», не будешь рассеян, ленив, небрежен; ты отложишь всякое житейское попечение и «всю печаль возверзешь на Господа», будешь искренно каяться ему в своих грехах, приносить Ему полную исповедь… Любить Бога всем сердцем – значит любить «всей силой правду Его, закон Его… и всем сердцем, всей силой удаляться зла». И ещё пример: «Положим, что вас гонят за благочестие, за правду, за добродетель. Если вы любите Бога, то вы ни на минуту не отступите от благочестия, от правды, от добродетели» (2: 628-630).

Теперь: любить ближнего как самого себя – «значит почитать другого так, как желаешь, чтобы почитали тебя, не считать никого чужим, а своим, своим братом, своим членом, а христианина – и членом Христовым; его благо, его спасение – считать своим благом, своим спасением; радоваться его благополучию, как своему, скорбеть о его несчастии, как о своём» (2: 630)… «И я спрашиваю вас, – обращается к пастве Батюшка, – имеете ли вы усердие к исполнению заповеди Господа нашего Иисуса Христа о милосердии к ближнему?.. Не отвращайте лица своего от нуждающегося в помощи. Возлюбите христианскую умеренность и простоту во всём, чтобы иметь чем помочь нуждающимся; бросьте скупость… крадущую собственность ближних, ибо избытки даны нам от щедрого Бога для вспоможения бедным, а не для удовлетворения нашей жадности и роскоши; бросьте, говорю, чтобы и вам самим быть покойными, ибо нет там истинного спокойствия души, где непрестанное нарушение заповедей Божиих» (2: 634-635). «Если я не люблю ближнего, то это верный знак, что не люблю Бога… А если мы не любим ни Бога, ни ближних, то за что нам давать жизнь

вечную? Что нам делать в ней? Жизнь вечная есть Царство Любви, потому что Сам Господь Бог есть Любовь» (2: 640).

Так понимая и так стараясь исполнить две главные заповеди закона Божия, «мы наследуем Благодатью Христа Бога живот вечный» (2: 632).

26-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 12, 16-21)

В нынешнем Евангельском чтении предлагается притча о безумном богаче, получившем множество земных плодов и не желавшем поделиться ими с нуждающимися ближними, а мечтавшему в роскоши прожить в этом изменчивом мире многие лета.

Спаситель, сказав эту притчу, посоветовал слушающим не заботиться слишком о земном.

Безумный богач, получив хороший урожай, был обеспокоен, что ему делать с плодами, некуда собрать. «Вот безумная забота, – говорит Кронштадтский святой Пастырь. – Зачем же тебе собирать их в хранилища, скоплять и, может быть, гноить их? Разве Господь уродил их для того, чтобы они лежали в закромах и гнили? Или разве для того только, чтобы ты один ими наслаждался? Не для того ли, чтобы ты дары благости разделял с сердечной благостью бедным своим братьям? Или чтобы из даров милосердия ты сделал дела милосердия?.. Разве ты не видишь голодных, полунагих… больных, увечных, хромых, изуродованных болезнью, кои все нуждаются в твоём пособии? Что ты безумствуешь?» (2: 644).

Чего же хочет от нас Христос Спаситель, когда предлагает эту притчу? Хочет и требует, «чтобы мы не сами только лично пользовались дарами Божиими к своему лишь удовольствию, для удовлетворения своих только животных потребностей, привычек, страстей и похотей, а делились, непременно делились, своим добром, по средствам, с неимущими и нуждающимися, которых так много везде» (2: 649). «Преподай дары благости Божией, данные для многих – многим бедным и получи за это от Господа прощение грехов и велию милость… Ты обрадуешь, осчастливишь многих; соберёшь себе

прекрасный запас благодарности и благословений» (2: 645). «Но так ли есть в нашей жизни? Не причастны ли многие к греху упоминаемого богача? – вопрошает Батюшка и содрогается: – Боюсь, ужасаюсь за тебя, что будет с тобой по смерти, когда ты не в состоянии будешь ничего взять с собой и когда потребует от тебя Судья дел любви и милосердия?» (2: 645-646).

А что, как решает богач? «И сказал он: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой… и скажу душе моей: „Покойся, ешь, пей, веселись“… Злая и зломудрствующая душа! Всё занятие в жизни поставляет в том лишь, чтобы покоиться, есть, пить и веселиться!.. Это – язычество, идолопоклонство, тут нет ничего христианского!» Христианину не следует слишком беспокоиться о будущем: он имеет Небесного Попечителя, Который знает его нужды (2: 646-647). «Ведь истинное богатство человека, его достоинство, покой, сама жизнь, – размышляет святой Иоанн, – заключаются в любви к Богу и ближнему, в добросердечии, милосердии и сочувствии к подобным себе. Доброго и щедрого человека и Господь любит и народ благословляет» (7 А: 59).

«Надо, – завершает свои наставления Батюшка, – искать Царствия Божия и правды Его, и всё прочее приложится» (2: 648).

27-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 13, 10-17)

В святом Евангелии нынешнего воскресного дня святой Лука повествует о чудесном исцелении Господом нашим Иисусом Христом скорченной женщины, страдавшей этим недугом восемнадцать лет. Исцеление совершил Господь словом и возложением на скорченную рук. Слово стало делом, возложение рук – исцелением… «Кто же здесь не видит Творца, Коего слову всё повинуется, у Коего никогда не изнеможет слово? – вопрошает святой праведный Иоанн и продолжает: – Я вижу бесчисленные чудеса Твои, подобные чуду над скорченной женщиной, – над верующими грешниками». Мы также есть или бываем скорченными многими грехами так, что «трудно и стыдно и на Небеса взирать» (2: 657-658). «Одного

покривили или кривят часто самолюбие и зависть; другого – самомнение и гордость; иного – корысть и скупость; другой совсем покривился душой и телом от невоздержания и пьянства, да притом же от блудодейства; этот – от лености и праздности. Но зачем упоминать о разных кривизнах человеческих? Совесть каждого подскажет, кто в чём покривился» (7 А: 67). Все мы нередко уподобляемся четвероногим – наклоняемся «к земле и смотрим только на землю, о земном помышляем, земного ищем, к земному прилепляемся» (2: 659). «Кто из нас не испытал, не испытывает ежедневно, что грехи наши и враг рода человеческого скорчивают души наши, если не тела наши, не дают душе свободно взирать к Горнему её Отечеству, но с силой клонят её к земле, прилепляют и даже как бы пригвождают её к земным благам и наслаждениям!» (2: 662). Даже в храме Божием мысли, заботы клонят нас «к земле, отвращают от Бога, от благодати и жизни Его, смущают, охлаждают, омрачают и уязвляют душу» (2: 666).

Но Господь всегда готов нас исцелить и исцеляет, «поставляет прямо», если мы усердно начинаем молиться и искренно каяться. «Кто из вас, братия, – спрашивает батюшка, – не свергал пред Его святой иконой в церкви на исповеди и по причащении Святых Таин, – бремени грехов своих и не уходил от Него облегчённым и успокоенным, выправившимся и бодрым?.. А пока оно – это бремя греховное – на тебе, пока не коснётся Спаситель твоего грешного сердца, чтобы снять с тебя это бремя, как бывает тяжело, какой ты бываешь внутренне скорченный; тоска у тебя, уныние, мрак на сердце и в уме – весь ты связан, точно на тебе цепи надеты» (2: 659-660).

В Евангельском чтении также обращает на себя внимание лицемерие старейшины синагоги, бывшего недовольным тем, что Господь исцелил скорченную в субботу, как будто бы в праздничный день грешно творить и добрые дела или дела житейской необходимости. «Так и ныне, – свидетельствует святой Иоанн, – многие христиане считают грехом сделать в праздник какую-нибудь нужную работу, а не считают грехом завидовать ближнему, враждовать, мстить или напиваться допьяна… проводить время в рассеянности… в чтении пустых книг, в сквернословии!.. Или считают грехом съесть, даже по немощи

телесной, в постный день что-либо скоромное и без зазрения совести… осуждают ближнего… обманывают, обвешивают, обмеривают… О, лицемерие! Лицемерие! О, непонимание духа Христова, духа веры христианской!.. Не внутреннее ли стекляницы и блюда надо очистить, чтобы и внешнее было чисто?.. Возненавидим лицемерие» (2: 664).

«Будем, – призывает святой Пастырь, – обращаться все, как можно чаще, к Спасителю, и мы всегда найдём в Нём Врача душ и телес своих» (2: 660).

28-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 14, 16-24)

Ныне читалось святое Евангелие о званных Домовладыкой на уготованную вечерю, о пренебрежении приглашения званными – все, как будто сговорившись, отказались, о приглашении на их место людей всякого рода и звания, и о грозном приговоре Хозяина отказавшимся.

Домовладыка – есть Сам Господь Бог, вечеря – Царство Небесное, а званные на вечерю – все мы. Нам остаётся только идти на неё. Но вот тут-то мы и начинаем упираться под разными предлогами. «Кто чему страстно предан в здешней жизни, тот тем и отговаривается от приглашения быть на вечери». Сидит иной над грудой собранного богатства, которого хватило бы избавить от голода и холода тысячи страдальцев. Ему говорят: «Царь Небесный зовёт тебя на вечный пир Своего Царства – употреби часть своего богатства на помощь бедным… оставь страстную привязанность к богатству… не медли, жизнь коротка». Но он не слышит. Завистливый, мучающийся чужим благополучием, также отказывается от Небесной Вечери. Отказываются: чревоугодники, хищники, грабители, лицемеры – всякие, живущие в мире и не думающие о том, какая последняя цель их пребывания на земле (2: 676-677). Иногда они узнают слово о покаянии и угрозу Господа, Суд Его над грешниками – и продолжают жить в неисправлении (2: 673).

Вечеря Господня есть удел, достояние «избранных, искренно возненавидевших грехи и по мере сил возлюбивших правду и Бога» (2: 669). Время опомниться и исправиться ещё есть, отверсты ещё и двери покаяния, «ещё можно оставить пристрастия к мирским

удовольствиям, хотя время от времени это всё будет становиться труднее и труднее» (2: 673).

А «что сказать о тех, которые, по призыву Церкви, даже в воскресные и праздничные дни не приходят в храм для участия в Божественной Вечери, устрояемой здесь Спасителем нашим, или не приходят и раз в году для причащения Божественной Вечери? – вопрошает святой Печальник Российской земли и отвечает: – Сердце их привязано к земному – к земной суете… Как там быть им с Господом Богом, когда они не хотели быть с Ним здесь?» (2: 674).

«Господи! Прежде даже до конца не погибнем, спаси нас!» (2: 674).

29-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 17, 12-19)

Сегодня было прочитано святое Евангелие об исцелении Господом нашим Иисусом Христом десяти прокажённых. Не смея подойти близко к Нему, они остановились и громко закричали: *"Иисусе Наставниче, помилуй нас!"* Господь велел им пойти и показаться священникам. Они послушались и на дороге очистились от болезни. И только один вернулся поблагодарить Спасителя за исцеление.

Проказа – страшная болезнь. У заражённых ею тело покрывалось как бы корой и ранами, глаза гноились, лицо и язык опухали, волосы выпадали, организм разваливался, и больной в тяжёлых страданиях умирал. По причине крайней заразительности этой болезни больные удалялись за пределы селений. Вот от такой болезни Господь и исцелил страдальцев. Но благодарным оказался только один.

«Удивительно неблагодарное существо человек, – рассуждает великий проповедник жизни во Христе святой Иоанн, – гордое, скоро-зазнающееся; доколе его гнёт болезнь, скорбь, беда, он принижается, просит о помощи, помиловании, но лишь прошла болезнь, скорбь, напасть, и настала лёгкость, улыбнулось счастье, пришло здоровье, – и вот он забыл и опять начинает грешить, впадать в нечувствие и окаменение. Таково большинство людей. И из прокажённых только один оказался почувствовавшим

великость благодеяния, и притом иноплеменник – самарянин, а девять остались бесчувственными к Благодетелю Богу» (7 А: 79).

Кроме телесной проказы есть и духовная проказа, не менее страшная – проказа греха. Эта болезнь поражает «каждого человека, ибо нет человека без греха. И если бы кто сказал, что он не имеет греха, то его должно считать находящимся в прелести… Для избавления людей от этой общей проказы потребовалось чрезвычайное средство – воплощение Сына Божия, житие Его на земле», избрание и наставление благовестников, их посольство в мир, «основание Новозаветной Церкви» (7 А : 79-80).

Основанная Господом нашим Иисусом Христом Святая Церковь постоянно «возносит глас от лица всех нас, болящих греховной проказой: „Господи, помилуй!“» Эту краткую молитву она «взяла от прокажённых и приложила к нам, душевно прокажённым… Эта молитва для всех нас необходима, как дыхание, как пища». И каждому из нас должно «радеть о своём спасении и не запускать своей духовной проказы, не откладывать своего покаяния на долгие дни… – каждый день каяться пред Богом, прося прощения, и, по крайней мере, раз в год показать всю свою проказу на исповеди священнику, которому дано от Бога полномочие разрешать и целить духовную проказу». Другая наша обязанность – быть благодарным Спасителю и впредь беречься грехов (2: 687).

«Воззовём к Нему с прокажёнными: *“Господи, если хочешь, Ты можешь нас очистить!”* и услышим от Него чрез священника в своей совести ответ Его: «Хочу, очистись» (7 А: 81).

30-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 18, 18-27)

“Учителю благий! Что сотворив живот вечный наследую?” Этот важнейший вопрос одного из иудейских начальников разрешён Христом Спасителем так: «Кто хочет наследовать жизнь вечную, должен соблюсти заповеди, которых существо есть любовь к Богу и ближнему». Начальник ответил, что он сохранил сие от юности. Услышав такой ответ, Господь продолжает: *“Ещё*

одного недостает тебе: всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на Небесах, и приходи, и следуй за Мной". И что же? – Начальник опечалился, ибо был весьма богатым. Видя его печаль, Спаситель сказал: *"Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!"* (2: 700-701).

«Кажется, – рассуждает святой праведный Иоанн Кронштадтский, – кому легче войти в Царство Небесное, как не богатому? Столько под руками у него средств, чтобы восхитить Небо и Жизнь вечно блаженную. Только твори он милостыню на всякий день... А милостивым обещано помилование на Страшном Суде Божием». Но нет, «у богатого сердце пригвождено к его богатству, и его сердце окаменелое делается чуждым милосердия к ближнему; из-за денег он непрестанно склонён обижать ближнего, отнимать у ближнего последнее достояние; он, видя не видит голодных, нагих, больных, требующих какой-либо помощи; он собирает только себе, а не в Бога богатеет: деньги, богатство есть идол его, которого он любит больше своей жизни» (7 А: 90-91).

Внешне человек, преданный любостяжанию, бывает благочестив, молится, соблюдает целомудрие, даже не прочь и подать милостыню, хотя по своему взгляду (ради тщеславия). Но когда от него потребуется жертва большая, соединённая с самоотвержением и некоторыми лишениями, тогда он оказывается весь во власти кумира (2: 701-702). Потому святой Иоанн взывает: «Раздавай свое богатство, пока оно в твоих руках, пока ты им владеешь, доколе ты жив, чтобы оно не лишило тебя возможности спасти душу твою, а ведь ты хочешь же спастись и, по-видимому, заботишься о спасении: и в церковь ходишь, и молишься, и, по-видимому, совсем ты набожный человек, но сердце, сердце твоё приковано к деньгам. Скорей разбей этого идола» (7 А: 92).

Когда богатый отошёл с печалью от Господа и Господь сказал, что трудно уповающему на богатство войти в Царство Небесное, Ученики спросили Его: *"Кто же может спастись?* – Он сказал: – *Невозможное человекам, возможно Богу"*. «Это значит, – поясняет святой Иоанн, – что Бог может благодатью Своей смягчить и уврачевать и сердце любостяжательного богатого, просветить очи сердечные, ослеплённые

корыстью, убедительно представить его уму и сердцу тленность и ничтожность земного богатства и вечность, несравненную красоту и сладость благ Небесного Царствия, которые он может получить взамен земных благ – и невозможное сделается для него возможным – он будет щедро подавать милостыню нищим, коих прежде пренебрегал, будет преуспевать во всякой добродетели, восходить от силы в силу, и таким образом удостоится жизни вечной» (2: 703).

Как бы продолжением нынешнего Евангельского повествования служит Апостольское чтение, излагающее перед нами целый лик христианских добродетелей (см.: ***Колос. 3, 12-16***).

«Стяжи Боголюбие и нищелюбие; стяжи друга Господа и внидешь в вечную радость Господа» (7 А: 92).

31-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 18, 35-43)

В нынешнем святом Евангелии рассказывается о чудесном исцелении Господом нашим Иисусом Христом одного слепого в городе Иерихоне. Слепец глубоко верил, что Сын Давидов, так он называл Господа, имеет силу сотворить чудо. И бесценный дар зрения был получен.

«Но почему люди знатные в еврейском народе – книжники, фарисеи, иудейские священники, – рассуждает Кронштадтский святой Пастырь, – не веровали в Иисуса Христа как в Мессию, как в Богочеловека, как в Спасителя человеков? Ведь они видели… чудеса Его… слышали Божественное слово его? Эти вопросы наводят нас на то, что кроме слепоты телесной, есть… слепота душевная» (2: 710). Эта слепота поражает всех. «Все мы слепы душевно, ибо что ни грех, что ни страсть, что ни порок, то слепота». Душевная слепота страшнее слепоты телесной, потому что ведёт душу к вечной гибели – «нечистые, ослеплённые страстями… не узрят Бога». И как много ныне таких людей! Появились такие «мудрецы века сего», которые считают бесполезным хождение в храм Божий, не считают нужным читать святое Евангелие с тем, чтобы познать волю Спасителя (2: 705-707). «Иногда очевидную историческую истину, принятую и Святой Церковью, выворачивают наизнанку и говорят вопреки

Церкви и самой истории; называют чёрное белым, белое чёрным» (2: 711). Слепота эта тем ужаснее, что одержимые ею не хотят и думать, что они слепы, а считают себя зрячими» – «так страсти ослепляют человеческий ум и сердце» (2: 707; 7 А: 93-94).

Есть и еще душевная слепота – злоба. «Злобный злится… едва не на всякого, кто ему не угождает, или кто невольно задевает какую-либо его страсть». Также есть слепота зависти, скупости, чревоугодия, пьянства, плотской нечистоты – «одержимые этими пороками не видят гнусности своих страстей и опасности… своей духовной смерти» (2: 707-708).

«Блажен, кто познает свою слепоту и немедленно всем сердцем, неотступно будет умолять Спасителя об исцелении» (2: 708).

32-я неделя по Пятидесятнице (Лк. 19, 1-10)

Сегодняшнее Евангельское повествование на примере начальника мытарей Закхея учит весьма важному: подавать милостыню нищим и каяться не только словом, а и делом.

Закхей был сборщиком податей, а такие лица старались взять с народа значительно больше и, насколько возможно, обогатиться. Но этот мытарь очнулся и искренно покаялся в своих неправдах. "*Господи*, – сказал он, – *половину имения моего я отдам нищим, и если кого чем обидел, воздам вчетверо*". «О, – восклицает святой праведный Иоанн Кронштадтский, – блаженный глас кающегося мытаря, почувствовавшего всё блаженство своё от посещения его дома первой Благостью и Источником блаженства разумных тварей! Как переродился вдруг мытарь. Тот, который пред сим знал только искусство наживать и богатеть, теперь вдруг узнал добрую науку подавать и раздавать» (2: 713-714).

Обращаясь к современности, святой Иоанн свидетельствует: «Много и ныне, братия мои, между нами русскими… есть мытарей жестоких, льстящихся на лёгкую наживу и неправедное обогащение, только, крайне жаль, не подобных Евангельскому мытарю» (2: 714).

Сегодня же в Апостольском чтении возвещается для всех людей то отрадное, что Господь наш Иисус Христос пришёл в мир для того, чтобы спасти грешников ***(см.: 1 Тим. 1, 15-17. – Недели 31-й)***.

Спасает Господь и нас и спасает каждый день, постоянно, «когда мы, согрешая по человеческой немощи и страстности своей, искренно каемся пред Ним», имеем общение со Святой Православной Церковью (2: 718-719).

***

Господь наш Иисус Христос, воссиявый миру от Духа Свята и Девы Марии, просвещающий души верующих в Него Светом Своего славного Воскресения, призывает всех и каждого озаботиться приобретением Света Евангельского учения и жизни по нему. Для души нашей нет другого света, кроме Света Христова.

«Итак, все, возлюбленные, – завершает свои наставления святой праведный Иоанн Кронштадтский призывом, – покаемся всем сердцем, чтобы Солнце Правды – Христос воссиял в сердцах наших, чтобы приблизилось к самому сердцу нашему Царство Небесное… Аминь» (2: 723-725).

IV. ДНИ ПАМЯТИ СВЯТЫХ, ХРАМОВЫЕ ПРАЗДНИКИ, ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ И РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ

А. ДНИ ПАМЯТИ СВЯТЫХ

«Будем с благодарностью пользоваться благими плодами веры и благочестия и назидаться великими примерами наших доблестных предков, в особенности же, как христиане, вписанные в число небесных граждан, будем назидаться примерами свято поживших отцов и угодников Божиих, их жизнью, добродетелями, их нетленными чудотворными мощами»

(3: 24)

1. Кто такие Святые

Христианские Святые – это истинно любомудрые и великие служители «на пользу и спасение своим душам и всем христианам». Они поняли и понимают, что человеческая жизнь – «в Боге и в исполнении Его святой воли и святых Его заповедей», а потому заботились «всеми силами прилежать о воспитании и усовершенствовании во всякой добродетели души бессмертной… обучали себя… кротости, смирению, послушанию, терпению, воздержанию, нестяжанию, целомудрию, совершенной любви к Богу и ближнему. И не напрасна была их созерцательная и деятельная жизнь: они достигли… вечной жизни и получили свидетельство о своей Богоугодной жизни от Самого Бога, почивая и по смерти нетленно своими труженическими телами и источая всякие чудеса с верой приходящим к ним» (7 А: 39-40).

2. В день святого апостола Андрея Первозванного

Господь наш Иисус Христос после Своего сорокадневного поста и искушения в пустыне пришёл в Галилею, благовествуя Царствие Божие. Здесь, у озера, Он увидел двух братьев – Симона Петра и Андрея, закидывающих сети, ибо они были рыбари. И сказал им: "*Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков…*" – они тотчас, оставив сети, пошли за Ним. Вот образ полного доверия к Божественному Учителю и скорого, беспрекословного, без всяких колебаний послушания (3: 1-2). Достаточно было нескольких слов Господа, чтобы оставить сети, доставлявшие пропитание, покинуть своё занятие и последовать за Ним, не рассуждая, куда и зачем. «Какой лёгкий доступ слова Спасителя к простым сердцам! Сказано – сделано» (3: 38-39).

Святой апостол Андрей Первозванный любезен и дорог нам, русским людям, как благовестник слова Божия в нашем Отечестве. Россия свято чтит его имя – во славу его освящено много храмов, установлен и орден его имени. Святой Андрей «сеял слезами и словом любви, и вот земля русская принесла обильные плоды» (3: 23-24).

Трудное и великое дело предстояло совершить святым Апостолам: им надо было научить людей христианской вере и христианскому Богопочтению. От святых проповедников требовался живой пример их самих, пример благочестия, ими проповедуемого, «требовалось полное их самоотвержение, и только при этом условии они могли насадить в новых учениках своих добродетели, прежде малоизвестные и необходимо требуемые новой верой». Им надо было, по духу христианской веры, научить людей любить всех и всем прощать обиды. «А легко ли было научить этому иудея и язычника, которые считали месть врагам непременной обязанностью? Ибо иудеи законом постановили – ненавидеть врагов – "*возлюбиши искренняго твоего и возненавидь врага твоего*" ***(Втор. 20, 1-20)***; а у язычников часто переходила месть из рода в род. Апостолы сами были живым примером кротости и незлобия; были агнцами среди волков, и своей неизменной кротостью и незлобием, своим терпением претворили зверские нравы людей в овчую кротость, и доселе всему человечеству служат примером кротости и незлобия» (3: 47-50).

Мир встретил святых Апостолов враждебно, ибо был прелюбодеен, грешен и растлен до того, что зло считал добром, «а добродетель – нечестием, и всех, кто посягал на исправление, обновление его, почитал дерзкими, нечестивыми, возмутителями общественного спокойствия. Мир спал во грехах и не думал пробуждаться. И вот, когда явились люди, которые начали будить его от сладкой дремоты греха… вооружился всей силой злобы» (3: 14-15). Сами себя святые Апостолы называли безумными. Почему? Потому что ради Христа Спасителя «отвергли мудрость земную, суетную, которая есть безумие пред Богом, и последовали мудрости Божией, которая в очах мира есть как безумие. В этом смысле назывались безумными и юродивые Христа ради, например Андрей Христа ради юродивый: по наружности они были как бы безумные, а в сущности – великие мудрецы Христовы…» (3: 16). Святые Апостолы много терпели, не прельщались земным и не привязывались к нему, чтобы ничто не отвлекло их внимания, «которое долженствовало быть устремлено на спасение душ человеческих». Они и пропитание добывали трудом, работая своими руками, чтобы никого не отягощать – и победили мир (3: 17-18).

Как же нам достойно праздновать святую память Первозванного Апостола? Какую мы могли бы принести ему жертву? Жертву нашего подражания. Благовременно нам ныне спросить себя: живём ли мы, как подобает христианам? Проводим ли свою веру в нашу жизнь? «Занимаемся ли делом самопознания, покаяния, возрождения и обновления всех сил душевных? Растём ли и зреем ли духовно, как пшеница в поле?.. Мы должны знать себя, свою душу, её силы и способности, её назначение для вечной жизни в Боге… Это существенно-необходимый предмет заботы для каждого христианина… Мы – нива Божия. Дай Бог, чтобы на этой ниве росли и зрели только колосья пшеницы, имеющей быть собранной в житницу Господню, а не плевелы, не сорная трава, которая брошена будет в печь вечного огня». Мы – жатва. «И серп Божий пожинает около нас каждый день свои жертвы. Дойдет скоро этот серп и до нас. Приготовимся же, чтобы он не пожал нас неготовыми» (3: 2, 25, 26, 28).

Необходимо оставить леность и нерадение. Многие из нас в состоянии расслабления – в воскресные и праздничные дни, когда святая Церковь зовет к Богослужению, к молитве, прохлаждаются на своих ложах. Те, которые получили довольство и которые, казалось бы, должны прежде других поспешить в храм, чтобы возблагодарить Бога, почти не бывают в храме и пренебрегают нуждами ближних. Надо оставить пристрастие к земному, отбросить скупость и жестокосердие к бедным. «Если вы богаты, то не забывайте, что есть наготующие, нуждающиеся в вашем милосердии и малом пожертвовании... Не забывайте, что есть алчущие и жаждущие, нуждающиеся в ваших крупицах... одевайте и питайте нищую братию вашу... доставляйте, по крайней мере, работу ищущим её... будьте немощны для греха и сильны на добро» (3: 3, 4, 20, 21). Оставьте нескромность и изысканность «в одеянии вашем, неприличном для христиан» (3: 8). Загляните каждый в своё сердце и спросите свою совесть: «Чем бывают больше заняты наши сердца? Не страсти ли, братия, не грехи ли вольные и невольные – обыкновенные и всегдашние обитатели наших сердец?» Где живешь Ты, Господи? «В чистых сердцах... в сокрушённых и смиренных сердцах... Там Он живёт... покоит, услаждает, радует эти добрые сердца, и как блаженны Им эти сердца, предвкушающие на земле Небесное блаженство. Без Него – кто утешит скорбящие души? Кто поможет в искушении? Кто управит безбедно корабль нашей жизни и введёт в тихую пристань? "*Аз есмь воскресение и живот*", – говорит Господь ***(Ин. 11, 25)***. И найти Иисуса Христа – дело нетрудное, так как Он везде и всё – весь мир наполняет Собой: стоит у самого сердца нашего грешного и стучит в него, чтобы мы отворили его верой и любовью» (3: 31-33).

Мы опутали себя плотскими сетями – страстями, а чтоб идти за Спасителем, жить по Его святым законам, нужно отвергнуться, отказаться угождать человеку ветхому, исполненному лжи и различных похотей. «Трудно отвергнуться себя – и самоотвержение составляет для нас крест, в иное время, быть может, очень, очень тяжкий, орошаемый потом и кровью, или слагающийся из лютых скорбей и

болезней: за то велика награда на Небесах». Все мы много трудимся для временного благополучия – как же не потрудиться для вечного, нескончаемого, нестареющего? И «имеющему крепкую заботу о своём спасении, всегда взирающему сердечными очами ко Господу и от Него всегда помощи ищущему» отвергнуться нетрудно. "*Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть*", – говорит Господь ***(Мф. 11, 30)*** (3: 39-41).

«Ещё, братия возлюбленные, – учит и учит святой Кронштадтский Пастырь, – хочу обратить ваше внимание на весьма важные пороки… губящие множество душ, именно на праздность и рассеянность… на нерадение к чтению слова Божия и книг святоотеческих. Надобно, непременно надобно оставить и эти пороки». Святой Апостол повелевает всем нам дорожить временем, употреблять его на дела спасения, а не убивать как самую пустую вещь «на самые пустые дела» (3: 9). Наше время измерено, исчислено «и каждый бой часов напоминает нам искать Того, Кто сотворил время и Сам стоит выше всякой меры времени, и нас может исхитить из его всеразрушающего потока… Внимайте! Вам осталось меньше одним часом до жизни загробной… Не прельщайтесь временной сладостью греха: она пройдёт, как сон, оставит душу пустой… Не тратьте времени напрасно и в бездействии» (3: 36-37).

«Пока есть время будем, братия, – призывает Батюшка, – отсекать свои прихоти и недобрые навыки… Не станем забывать, что мы ученики Небесного Учителя Иисуса Христа и духоносных Его Апостолов» (3: 53).

3. В день святых апостолов Петра и Павла

Святые апостолы Пётр и Павел достойно ублажаются Вселенной, ибо ради Господа нашего Иисуса Христа и ради спасения человеческих душ они отверглись себя и весь мир просветили своим учением. Оба они завершили свою жизнь мученической кончиной: святой апостол Пётр был распят на кресте вниз головой, а святой апостол Павел – усечён мечом (3: 69-70).

Что послужило причиной к повсеместному прославлению этой святой Двоицы? Какие приобрели они душевные качества после

принятия ими даров Святого Духа? Какие «имели свойства и добродетели, возвеличившие их пред Богом, пред Ангелами и человеками? Эти качества суть: святая простота нрава… кротость и смирение», соединённые с уважением ко всем, всегдашняя доступность каждому человеку, Ангельское терпение, «горячая ревность о спасении всех людей, всегдашнее воздержание, полное самоотречение», живая вера в Спасителя, непоколебимое упование на Бога, пламенная любовь к Нему и погибающему человечеству (3: 84). На вопрос: «Что подвигло и подвигало их на славные дела?» святой Иоанн Кронштадтский отвечает: «Их живая вера и любовь ко Христу, вера, при которой они считали всё земное за сор… и бесконечно дорого ценили всё Небесное, бесконечно ценили каждое слово Господа Иисуса Христа, всякое слово Его крепко держали в сердце, всякую заповедь Его старались исполнить во всей силе» (3: 70).

Обращаясь к пастве, святой Пастырь вопрошает: «Нам ли не веровать во Христа, когда мы сердцем своим чувствуем, что Он живёт в нас, действует в нас, непрестанно спасает, животворит, укрепляет нас?.. Нам ли, русским, христианам православным, не любить Христа, когда вера Христова нас просветила, укрепила, возвысила, соделала счастливыми?» Не любить Христа Спасителя – значит не любить самих себя, быть себе врагом (3: 71-72).

К особому служению призваны удостоенные апостольского сана и звания. «Наше дело, – говорит Батюшка, – как и их, состоит в том, чтобы учить и просвещать людей, вверенных нашему руководству, чтобы они жили достойно звания христианского, со страхом и трепетом содевали своё спасение, исправляли сердца и нравы, огребались от похотей, воюющих на душу, жили благоговейно, честно и свято, ожидая Господа с небес, грядущего судить весь мир». Люди мира гоняются за корыстью, а наше дело иное – не за корыстью гнаться, не за богатством, а заботиться о спасении человеческих душ. «И горе, горе нам, если мы погонимся за корыстью, как Иуда искариотский. Тогда мы и себя погубим и души нам вручённые от Бога, ибо может ли, захочет ли спасать души священник, которого сердце увлечено корыстью?» (3: 73-74).

«О, братия, – взывает святой Пастырь, – будем тверды в вере и любви ко Христу до последнего нашего издыхания» (3: 72).

4. В день святого великомученика Пантелеимона

Святой великомученик и целитель Пантелеимон прославился милосердием, которое чудесно являет и доныне всем с верою и любовию к нему притекающим.

Сам Господь наш Иисус Христос показал, что милосердие должно быть присуще всякому Его последователю, как преимущественная добродетель и обязанность. Вся Его жизнь «была непрерывным сцеплением величайших благодеяний страждущему человечеству: Он исцелял всякие болезни, изгонял из людей злых духов, подавал зрение слепым, слух – глухим, язык – немым, хождение – хромым, прямое положение – сгорбленным». Благодать творить дела милосердия Спаситель даровал и Своим святым Апостолам. После них этот дар получили и многие христиане.

Поминаемый ныне святой великомученик со дня своего Крещения «стал олицетворением милосердия». Первое явленное им милосердие – «чудесное воскрешение ребёнка, ужаленного ядовитой ехидной». Вскоре после сего он сделался известным врачом, к которому шли за помощью со всех сторон. Сам святой Пантелеимон имел обыкновение ежедневно посещать заключённых, больных, несчастных и безвозмездно помогать им. «Господь дал ему силу целить всякий недуг именем Своим».

Подобное милосердие должен являть каждый христианин. «Возьмём в пример… пожары… Разорение ужасное: люди остаются без крова и без хлеба. Что было бы с этими несчастными, если бы не поспешило к ним на помощь христианское милосердие; если бы братская любовь не несла свои посильные приношения деньгами или другим чем в пользу погорельцев?»… Побуждением к милосердию ближним служат также наши собственные немощи, беды и «желание, столь нам сродное, чтобы ближние наши не были к нам бесчувственно холодны во время наших бед и напастей, а относились к нам с сочувствием. Если мы сами будем сочувствовать и помогать людям

в их несчастных обстоятельствах то, по закону Божеского и человеческого возмездия, и люди будут нам сочувствовать и помогать в нашем горе» (3: 263-268).

5. В день святой великомученицы Варвары

Сегодня святая Церковь вспоминает великомученицу Варвару, усечённую мечом за веру во Христа Спасителя своим жестоким отцом. Перед кончиной она мужественно претерпела ряд мучений – «лютые раны на всём теле, исторжение власов главы, заключение в темницу, привязание к дереву и опаление горящими свечами, удары по голове молотом… вождение с бесчестием по городу для посмеяния народа и, наконец, усечение мечом от родного отца». Пытавшемуся прельстить её нечестивому мучителю она решительно сказала: «Скорее можешь ты твёрдый адамант (алмаз) в мягкий воск превратить, нежели меня отвратить от Христа Бога моего» (7 Д: 106).

Какая же сила укрепляла святую мученицу в её страданиях? «Надежда истинной жизни, нетленной, премирной, вечной, – любовь к истинному Богу». Познавшие и возлюбившие Бога имели такое стремление к Нему, что никакие скорби, страхи, мучения не могли отвлечь их от Него. Святой апостол Павел говорит: "*Кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч, якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения*" ***(Рим. 8, 35-37)***… «О, если бы и мы хотя некоторую долю такой любви имели к Богу!» (7 Г: 86-87). Но на деле видим иное. Из повседневного опыта знаем, «что люди не любят Бога всесердечно… а любят чрезмерно себя… или разные видимые, временные, скоропреходящие блага – богатство, роскошь, красоту, честь и славу земную, земные наслаждения, удовольствия, здоровье и покой, – ложно понимаемую свободу – делать, что хотят, а не то, что угодно Богу и полезно и нужно для души бессмертной… Излишняя и неразумная любовь к себе и к здешней только жизни вытесняет из сердца человеческого любовь к Богу Творцу и… препятствует нам жить для Него, для исполнения Его святой, праведной воли» (7 Д: 105).

Да научит нас, да вразумит святая великомученица Варвара своей непобедимой, дивной любовью к Богу «отринуть плотские страсти и суетную любовь к преходящим, мнимым благам мира – и возлюбить Господа всем сердцем» (7 Г: 88).

6. В день святителя Николая Чудотворца

Господь наш Иисус Христос украсил Умное Небо множеством пресветлых звёзд – подвижников веры и благочестия. Среди них сияет святитель Николай Чудотворец, Архиепископ Мир Ликийских.

Жил он во второй половине третьего века и первой половине четвёртого – в конце гонений на христианскую веру и в начале её торжества, в самый разгар арианской ереси, отвергавшей Божество Христа Спасителя. Участвуя в деяниях первого Вселенского Собора, Святитель ревностно защищал православное исповедание Божественного достоинства Сына Божия (7 Е: 104).

Великий Чудотворец имел великие добродетели – крепкую веру со святой кротостью и незлобием – воздержание во всём – милосердие к бедным. «Началом и концом его жизни в пресвитерстве и святительстве была мысль, желание и стремление: всецело жить для Бога и для ближнего, а не для себя… Он был весь самоотверженная любовь к Богу и вверенной ему обширной пастве, готовый положить во всякое время жизнь свою за правоту и чистоту веры и за благо и спасение христианских душ. Зато и Бог возвеличил его – …нет народа на земле, который не знал бы о великом Чудотворце христианском» (7 Г: 89-90).

Но отчего ныне у многих христиан вера слабая? От неправильной жизни, «оттого, что заботятся лишь о том, что есть да пить, как прибыль получить, или как и чем одеваться, не заботясь о душе своей». Ныне нередко жалуются на распространение гордости, злобы, нетерпения, раздражительности, заносчивости… А это отчего? Оттого, что нет Христова духа в людях. Они не знают, «что должно духом кротости вразумлять противных». А «как усилилось в наше время невоздержание! Какое пьянство и происходящие оттуда буйства, драки, сквернословие, кражи!.. О, рождения ехиднова, которых ожидает огонь геенский, если не решатся немедленно исправиться!» (3: 271-273).

О целомудрии святителя Николая предание свидетельствует, что он остерегался даже взгляда на женщину и чистым умом взирал на Бога. «Да слышат это блудники и прелюбодеи», – взывает Кронштадтский святой Пастырь (3: 273-274).

Ещё: угодник Божий святитель Николай был питатель бедных – милосерд к людям. «В наш век презирают нищих, называют их бродягами, тунеядцами и лучше предпочитают деньги свои истратить на многоразличные прихоти» (3: 274).

Как бы обобщая всё то, чем был украшен великий Святитель и Чудотворец, святой Иоанн Кронштадтский свидетельствует: «Был он муж веры правой, или православной, добродетелей превысоких: кротости, смирения, незлобия, простоты, доступности ко всем, правды, милосердия, сострадания ко всем, ревности о слове Божием... мужества неодолимого... целомудрия непоколебимого, духа всегда возвышенного, не связанного никакими житейскими пристрастиями. Вот пример величия человеческой природы в её благодатном состоянии. И это величие, данное Богом святителю Николаю, признаётся всеми, даже неверными народами, не христианами... оно чувствуется всеми благочестивыми христианами, ибо чудесами своими благотворными Святитель наполнил все концы земли, являясь на помощь всем, призывающим его усердно. Это – воистину скорый помощник и молитвенник» (7 A: 83).

«Святителю отче Николае! Добрый, сострадательный Архипастырь, тёплый и скорый на помощь, – исторгни, ими же веси судьбами, данной тебе от Бога благодатью, стадо Христово из пасти мысленного волка и помоги всем нам подражать твоей вере, кротости, смирению, воздержанию, милосердию – святости!» (3: 273; 7 E: 108).

7. В день святителя Спиридона Тримифунтского

Совершаем память славного Тримифунтского святителя Спиридона Чудотворца, современника святителя Мир Ликийских Николая. И первый, и второй были великими угодниками Божиими, великими чудотворцами. Оба были непоколебимыми защитниками православной веры от еретиков, оба участвовали в деяниях Первого

Вселенского Собора в 325 году. Святой Спиридон когда-то был пастухом.

Сегодня многие отвергают чудеса. Впрочем, как ожидать веры от тех, которые «по слепоте ума своего» не верят в своё происхождение от Бога по Его образу, «а верят только в своё сродство с материей?»

Святой Иоанн Кронштадтский перечисляет некоторые чудеса, совершённые святым Спиридоном. «Он воскрешал мёртвых; змею превратил в злато – для бедного человека, который не мог найти сострадания в крайней своей нужде у богатых и пришёл искать помощи у бессребреника Спиридона; отвратил быстрое стремление реки, угрожавшее потоплением; исцелил лютую болезнь царя, прикоснувшись к сердцу его… Но что всего чудеснее – сам Спиридон душой был беззлобив, прав, прост, кроток и милостив, незлопамятлив, любовен, страннолюбец, мудростью православия украшенный».

Чем были сильны и дивны Святые? Несомненной верой в Бога и жизнью по вере; также – единением с Господом, а сие давало им силу совершать множество чудес, самых благотворных для людей… «Скажите, – рассуждает святой Иоанн, – что истинного, благотворного или чудесного для народа сделали нынешние… сектанты и раскольники?.. Между ними могут быть только ложные пророки, бредящие от чрева своего, а не от Бога, говорящие не по Его вдохновению».

«Народ православный! – взывает святой Батюшка. – Берегись этих учителей, подкапывающих учение веры, законы Церкви и Отечества! Они вдохновляются пришельцами из иных стран и племён, людей не русских или врагов России, но кто бы они ни были, русские или нерусские, а ты, народ православный, держись крепко святой веры и будь предан всецело Церкви… и Отечеству» (7 Е: 109-112).

8. В день равноапостольных Кирилла и Мефодия

Ныне вся Православная Церковь, особенно славянская, творит память святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветивших славян и приведших их ко Христу.

Нет другого более ценного сокровища, как истинная вера, ибо она даёт познание об истинном Боге и соединяет с Ним, а в сем –

блаженство. И это сокровище принесли нам на родном языке святые братья Кирилл и Мефодий.

Много потрудились новые Апостолы, немало перенесли скорбей, но изобрели славянские письмена, славянскую грамоту, а вслед за сим перевели для славян Священные и Богослужебные Книги, построили церкви, поставили священнослужителей – «и началось служение истинному Богу в земле, которая до тех пор осквернялась идолопоклонством» (3: 89-91).

Святые братья пробудили у славянских народов «ясное и могущественное сознание своего взаимного родства, необходимости духовного взаимного общения и образования одного общеславянского языка… духовного единства славянских племён»; стали их молитвенниками, ходатаями перед Богом (3: 95).

Как понимать стремление к единению? «В духе веры, для успехов истинного христианского просвещения, одним словом – для славы Божией и для существенного блага человечества». «Стремясь к соединению с однородными племенами, мы не должны затаивать в душе ненависти к племенам инородным, в особенности во множестве населяющих наше Отечество. Это противно духу Евангелия» (3: 95-97).

«Пользуйтесь же, братия мои, – учит святой Иоанн Кронштадтский, – бесценным сокровищем веры православной… Усердно читайте и слушайте слово Божие и исполняйте его» (3: 91, 92).

9. В день преподобного Иоанна Рыльского

В этот день церковной памяти преподобного Иоанна Рыльского и день рождения, также тезоименитства Кронштадтского святого Пастыря, Батюшка знакомит со своей жизнью и говорит о высоте Священства.

«Сегодня мне (19 октября 1899 г. – *К.С.*), – рассказывает отец Иоанн, – Божией милостью, исполнилось семьдесят лет жизни, а благодати Священства… почти сорок четыре года. Почитаю справедливым… оглянуться на прожитое время и воспомянуть милости Божии ко мне. Велика милость Божия, что я дожил до таких лет… Кто из знавших меня в младенчестве мог думать, что я

доживу до восьмого десятка лет, который по Пророку составляет крайний предел жизни человека?.. Рос я болезненным, слабым и в самом младенчестве тяжкая болезнь, оспа, едва не свела меня в могилу… Господь сохранил мне жизнь… Приспело время учиться – я отведён был в школу; наука была темна для меня, я не был подготовлен дома; самому надо было доходить до разумения и познания; сознавал и чувствовал я свою беспомощность, ревниво смотрел на успехи товарищей – и стал просить помощи и разумения у Бога… и открыл мне Господь разум, но и тогда, во время учения, сколько я перенёс тяжких болезней».

- «При слабых физических силах прошёл я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую… Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной Академии, имела на меня особенно благотворное влияние… Пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа... Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его… Вскоре по окончании высшей школы я возведён был на высоту священнического сана».
- «И вот сорок четвёртый год прохожу это звание, принося почти ежедневно бескровную Жертву… Благодарю Господа, подавшего мне возможность, чрез частое совершение Богослужения, изучить весь круг наших Богослужебных книг, познать их мудрый состав и богатство содержания…»
- «Дорогие братия, иереи и сопастыри словесного стада Христова! Нам вверено от Бога величайшее… служение. Мы… уполномочены благодатью… Духа Божия совершать величайшие Тайны Божии в Церкви – возрождения и освящения грешного человечества; мы предстоим престолу Вседержителя лицом к Лицу, беседуем с Ним, умоляем Его, прославляем и благодарим Его… Какая

требуется от нас вера, какое благоговение, какое внимание к себе непрестанное, какая чистота сердца, какое бесстрастие, какое упование на Бога, какая любовь к Богу и ближнему, какое дерзновение, какая мудрость и простота, какое отрешение от всякого зла, какое милосердие и сострадание к людям!.. Священник, живя на земле, должен быть Небесным... Спасёмся и мы сами, и других спасём, если будем ревнительны...» (7 Г: 58-62) [1].

10. В день святого благоверного князя Александра Невского

Ныне, творя память святого благоверного князя Александра Невского, мы благоговеем пред его верой и благочестием, пред его умом, дерзновенным обличением лжеверия, мужеством и громкими победами над врагами Отечества, нападавшими отовсюду. Это истинный столп и святой Церкви, и своего Отечества... Святой князь собрал русских в города, сёла, «ободрял их, строил церкви... созывал народ на молитву... утешал скорбящих... для всех был всем... – зато и сподобился славной кончины и вечного Царствия на Небе».

«Вот, – указует святой праведный Иоанн Кронштадтский, – блаженный наставник всем нам – как веровать, как служить Богу и Отечеству... как жить и спасаться и – держать себя непорабощённым никакими страстями и побеждать мужеством и силой Божией всех врагов, оставаясь сам непоборимым».

«Крепко подвизайтесь, братия и сёстры, за свою веру... испытывайте сами себя – в вере ли вы, живёте ли по вере... Читайте и слушайте жития Святых...» (7 Е: 90-92)

---

[1] 1 Краткое житие преподобного Иоанна Рыльского 7 Д: 71-75.
2. Что такое именины, или тезоименитство. 7Е · 58-61

Б. ХРАМОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

«Напрасно было бы обновление и освящение храмов без обновления душ христианских: храм для человека, а не человек для храма»

(3: 62)

1. В Кронштадте, при обновлении храма святого апостола Андрея Первозванного

Да будут благословенны возобновители сего святого храма! Да будет он полон во все праздники верующими, «ибо храм – для молящихся, и он украшается собранием благочестивых христиан, славящих и благодарящих в нём Господа» (3: 56). Чистота и красота обновлённого «рукотворённого храма должна напоминать нам о чистоте и благолепии нашего внутреннего, нерукотворённого храма – нашей души, нашего сердца, а также – и нашего тела» (3: 64).

В каждом из нас есть нерукотворённый храм Божий, Богообразная скиния – душа. Эта душа, дражайшая всего видимого мира, «бедственно ниспала в Адаме в тление и скверну греха», стала как бы чуждой Самому своему Создателю (3: 56-57). Человек сильно изменился, лишился первоначального благообразия и красоты, помрачил в себе образ Божий. Ныне видим только «остатки, некоторые черты в людях прежнего благолепия образа Божия, по которым отчасти можем судить о прежнем его благообразии; особенно – можем видеть это благолепие… в святых угодниках Божиих и во всех живущих в преподобии и правде». Потеряв внутреннюю красоту, человек стал заботиться о внешнем украшении, пленился скоропреходящими земными благами – «страстью любостяжания и корысти ожесточил сердце своё, сделал его бесчувственным к горю и бедствию своих ближних; выше всего поставил земные наслаждения» (3: 65-66).

Воплотившийся Сын Божий восстановил род человеческий, искупил, освятил, обновил, усыновил Небесному Отцу, «обетовал

воскресение из мёртвых и будущее Небесное Царство» (3: 57). Своим примером Он показал, как мы должны жить, и в Своей святой Церкви дал нам «все силы и средства к очищению, обновлению и украшению нашего внутреннего храма» (3: 66-67). Но и у обновлённого человека остаётся свободная воля, потому он может снова падать и падает в грех – «ему, как свободному и разумному существу, предоставлено самому – борьбой с остатками греха – избавляться от него с помощью благодати Божией» (3: 57). Средствами к сему служат покаяние, молитва веры и упования; «возможно частое причащение Пречистого Тела и Крови» Господа нашего Иисуса Христа, – «и добродетели, указанные в Евангельских заповедях о блаженстве» (3: 67). Всем нам необходимо как можно чаще заглядывать в свою совесть – «входить в себя», накладывать крепкую узду на страсти, предаваться Богомыслию, читать слово Божие, жития Святых, и особенно – неопустительно посещать Божий храм, «ибо во время Богослужения, когда Сам Господь обещал присутствовать преимущественно среди молящихся, особенно совершается благодатное возрождение и обновление верующих» (3: 58-59). В храме – преддверие Горнего Мира, предвкушение Вечности, наша Небесная слава. «Тут преподаётся мир душам нашим… тут изливается Божественный свет в души благочестивые; тут наипаче нисходит помощь от Господа» (3: 61).

Итак, «украсьте свой внутренний чертог, – учит святой Иоанн Кронштадтский, – свой храм душевный: смирением, незлобием, воздержанием, чистотой, миролюбивым настроением духа нашего, любовью к правде и отвращением от неправды, милосердием, терпением, мужеством в скорбях, болезнях, гонениях, страданиях, и вы будете благоукрашенным храмом Божиим». Взирайте на превосходнейший пример – нашего Господа Иисуса Христа, а если этот образ слишком высок, то воззрите на святых Апостолов и угодников Божиих, бывших подобными нам и просиявших святостью (3: 67, 68).

Храм Божий, «дом молитвы открыт снова, распространён, очищен, украшен. Собирайтесь в нём для молитвы, славословия и благодарения Господа, для исцеления и утешения скорбящих душ, для

очищения и обновления Таинствами, и дай Бог нам всем торжествовать ежедневно своё собственное обновление духовное, свою свободу от греховной тли, своё освящение благодатью Святого Духа, ибо напрасно было бы обновление и освящение храмов без обновления душ христианских» (3: 62).

2. В Суре при освящении храма святителя Николая Чудотворца

Слава Богу за все Его милости. Благодарение Ему за то, «что Он помог мне, – благовествует святой Иоанн Кронштадтский, уроженец села Суры, – воздвигнуть храм сей одним усердием благочестивых христиан, пребывающих в обеих столицах России и в других городах».

«Господи! Люблю я дом Твой и место селения славы Твоей, как любящий и возлюбленный сын любит любящих отца и мать, и дом их, и наставления их, и сожитие с ними и домочадцами и охотно исполняет волю и благие предначертания их. И как не любить храм Божий – это Небо земное, в котором престол Божий, в котором Господь столь дивно, таинственно, ощутительно, осязательно приближается к человекам верующим, соединяясь, сраствояясь с ними в Житворящих Своих Таинах, очищая, освящая, обновляя и утверждая с верой и любовью причащающихся!..»

«Теперь к вам, прихожане храма сего, обращаю своё слово. Для вас я создал храм сей прекрасный, небеси подобный: будьте достойны его, ходите неленостно к службам Божиим в воскресные и праздничные дни, стойте и молитесь в нём разумно и сердечно – со страхом Божиим, просите у Господа милости, мира, здравия, спасения и во всём благого поспешения» (3: 364-366).

3. В Веркольской обители (в 40 верстах от с. Суры) по освящении храма

Сегодня совершилось освящение вновь сооружённого храма в обители, где почивают святые мощи праведного отрока Артемия. Отныне здесь будет приноситься всеспасительная Жертва Богу Отцу. Ещё добавилось одно место на земле для спасительного жертвоприношения.

«Но всѐ ли тут… готово для Небесного Царя? – вопрошает святой Иоанн Кронштадтский и отвечает: – Нет – не всё. Здесь недостаёт нашей внутренней душевной чистоты и благолепия, недостаёт нашего духовного, сердечного, святого соответствия святыне храма и – Господа и Святых, здесь благодатно пребывающих… Мы здесь присутствуем телом, но всегда ли присутствуем всем помышлением, всем сердцем, всем добрым произволением; всегда ли сердца наши горят верой и любовью ко Господу; всегда ли души наши благоухают смирением, кротостью, чистотой, целомудрием, милостью и правдой? Храмы рукотворённые созидаются и освящаются для нас, чтобы мы, "*как живые камни, устрояли из себя дом духовный…*" ***(1 Петр. 2, 5)***».

«Поспешим же уготовить для Господа свои нерукотворённые храмы верой, горячей молитвой, покаянием, вниманием к себе, страхом Божиим, всегдашним хождением в присутствии Божием, постоянным духовным бодрствованием над помыслами, чувствами, вожделениями, борьбой с находящими страстями, осторожностью в словах и делах, взаимной любовью» (7 Б: 38, 40, 41, 42).

4. В Устюжне при освящении придельного престола Преполовенской церкви

Как совершается освящение храма? Молитвами, священнодействиями, торжественным положением святого антиминса со святыми мощами на святом престоле, который предварительно омывается и напоевается благоуханиями. Святой антиминс со святыми мощами мучеников полагается на святом престоле в ознаменование присутствия Господа на престоле и ещё по примеру первых христиан, совершавших Божественную Литургию на гробах мучеников. Освящение здания храма и его главнейших принадлежностей нужно потому, «что земля и дела человеческие заражены скверной греха и, для отъятия скверны и очищения ея, эти вещи должны освящаться».

Храм – это дом Божий, это «грань Неба и земли… И потому для христианина нет выше блага на земле, как храм Божий». Любите же его, усердно посещайте, «молитесь, кайтесь, просвещайтесь, укрепляйтесь и спасайтесь» (7 А: 11-13).

В. ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ

«Добрым сочувствием бьётся сердце (русского человека) к своему царю и царице, милостиво обратившим своё внимание в сторону обездоленных людей, и молится он (Господу), и мы все молимся… – да согревает сердца их к нуждам и скорбям вручённого им народа Русского»

(7 А: 6)

1. В честь императора Александра II

Царь земной есть образ Царя Небесного. Восходит он на престол по воле Божией и восседает для того, чтобы праведно судить, защищать от обид, заботиться о спокойствии и благоденствии подданных, чтобы каждый мог в своём звании мирно исполнять дело, чтобы Церковь и государство находились в тесном взаимообщении, помогая друг другу, одно – молитвами, другое – властью, достоянием (3: 206-207). Процветает государство и крепко стоит дотоле, доколе есть в нём «достаточное для милосердия и правды Божией число людей праведных, которые, живя в страхе Божием, служат Ему святостью и непорочностью своих нравов» (3: 156). Величие народа, могущество, благосостояние – именно в страхе Божием, в живой вере, в благочестии. Унижает же народ, повергает в нравственное и политическое бессилие грех, чувственная жизнь. Эта истина «засвидетельствована прошедшим временем каждого народа» (3: 170-171) Чем были сильны первохристианские общины? Евангельской правдой, крепкой верой в Господа нашего Иисуса и такими же надеждой и любовью к Нему, также взаимной любовью и единодушием. А «что всегда было причиной величия нашего православного Русского народа? Что в продолжение тысячелетия вознесло Россию на верх величия и могущества?» Та же «верность Евангельской правде: крепкая вера в Бога и с любовью надежда на Него и на Пречистую

Матерь Божию; преданность святой матери Церкви и её уставам; любовь к царю и Отечеству, равно как и любовь царей наших к своим подданным, взаимная любовь и уважение; христианское правосудие и милосердие, умеренность в образе жизни и, в случае нужды, единодушное, с упованием на Бога, восстание против врагов веры и Отечества. Так правда всегда возвышала и возвышает язык» (3: 172-173). «Пусть же знают все царства и народы, все цари и подданные, – заявляет святой праведный Иоанн Кронштадтский, – что они… дотоле стоят твёрдо, доколе тверды в народе вера и благочестие; а коль скоро одолели людей безверие и безнравственность, тогда неизбежно падают царства и народы» (3: 248-249). Значит: благочестие народа – основание благосостояния государства. То же относится и к семье (3: 157-158).

Но почему люди благочестивые, праведные служат опорой для государства и вообще для всего мира? Потому, «что мир этот, и в частности – каждое царство на земле имеет целью – умножение сынов для Царства Славы или Царства Небесного, возвращение людей для Неба. А люди благочестивые и суть будущие члены Царства Славы». Другая причина в том, «что люди, живущие в страхе Божием, как чада Божии, чада Царствия Небесного, которое есть правда и мир, суть самые верные и усердные слуги царя земного, самые ревностные исполнители общественных обязанностей» (3: 158-159).

Святой Иоанн в памятный день благочестивейшего государя посвящает несколько минут также слову о самоотвержении… Без самоотвержения нельзя обойтись: польза Отечества требует трудов, которые нередко соединяются с самоотвержением. В обществе оно «так необходимо, как необходимо в порядке природы солнцу светить земле, а облакам кропить на землю дождём» (3: 165-166). Великий пример необходимости жертвовать своими выгодами, спокойствием и даже жизнью ради блага общества явил святой благоверный князь Александр Невский. «Не раз в продолжение своего многотрудного служения был он поставляем в необходимость – выбирать одно из двух: благо Отечества или жизнь – и никогда не колебался в выборе… „Какое необыкновенное

самоотвержение!“ – думаем мы, но оно должно быть и в каждом сыне Церкви и Отечества!» (3: 168-169).

«О, как сильно Отечество нуждается в людях благородных, исполненных чувств самоотвержения для блага общественного! – восклицает святой Пастырь. – Как глубоко справедливо слово Апостола, что “*сильнии должни немощи немощных носити, и не себе* только *угождати*” ***(Рим. 15, 1)***. Иначе, будет много погибающих немощных всякого рода оттого именно, что некому было понести их немощей» (3: 166-167).

«Слушатели благочестивые! Не оставим наследственной добродетели, переданной нам предками вместе с нашей жизнью – благочестия и преданности престолу. Не забудем, что только истинные служители Царя Небесного могут быть вполне добросовестными слугами царя земного» (3: 160).

2. В честь императрицы Марии Александровны

Господь насаждает на престолах царств людей, великих добродетелями. Ими украшена и наша государыня – верой и благочестием, состраданием к несчастным, истинно материнской заботой о воспитании девиц в духе веры и преданности Православной Церкви, в духе семейном, попечением о вдовах, сиротах, горячим желанием всякого блага, преспеяния Русскому народу. «Не излишне вспомнить и о всегдашней простоте ея в одежде, в пример всем русским женщинам» (3: 233-234). А её высокие подвиги в «войну за освобождение славян от невыносимого турецкого ига. Не пользуясь сама прочным здоровьем, она, как покровительница общества попечения о раненых и больных воинах, принимала живейшее и непрекращающееся во всё время войны участие в их печальном положении: сама многих из них, по представлении их в столицу, навещала, со многими матерински беседовала, сочувствуя их страданиям; принимала все зависящие от неё меры к облегчению постигшего их бедствия» (3: 261-262).

«Посмотрите на царя и царицу, преукрашенных земной славой, – обращает внимание паствы Кронштадтский святой Пастырь. – Не дальновиден был бы тот, кто остановился бы на одном их внешнем

величии, не простирая взоров ума своего внутрь их. Эти высокие отличия, эти почести – только знаки отличия величайших подвигов, соединённых с величайшими трудами и самопожертвованиями, какие переносят они для спокойствия, безопасности и славы подданных» (3: 235).

Долг православного русского человека быть добрым христианином и гражданином; неуклонно и нераздельно исполнить «по совести пред Богом обязанности христианина и гражданина» (3: 252).

3. В честь императора Александра III

Император Александр III прославляется святым Иоанном Кронштадтским как царь-миролюбец, строитель и народоводитель державы Российской (7 Б: 65), как борец за веру и правду, за целостность и благоденствие России. Ему «уготовано Царство Вечное, непоколебимое во веки, – и он получил от Царя царствующих нетленный венец вечной Жизни и диадему бессмертной, неразрушимой красоты… Он даровал ему силу с мужеством и мудрой твёрдостью понести тяжёлое иго народоправления и – призвал его от трудов земного, временного царствования на вечный покой и в Вечное Царство» (7 А: 63-64).

4. В честь императрицы Марии Феодоровны

С самого начала своей жизни благочестивейшая государыня императрица предназначена была Творцом к исполнению Его великих судеб – «быть кроткой и мудрой супругой почившего… императора Александра III и… – попечительной матерью русского народа» (7 В: 73).

По учению Христа Спасителя, истинная жизнь «состоит в исполнении заповедей Божиих, и особенно в милосердии к ближнему. Всё пройдёт, всё минует… но одна добродетель будет жить вовеки, одно слово Божие и исполняющие его пребудут вовеки» (7 В: 76). И благочестивейшая государыня всё своё внимание «обратила на существенное дело в жизни земной: на заповедь о любви к Богу и ближнему», на заботу о воспитании сирот-девиц. По её начинанию, «усердию,

повелению явилось в России Благотворительное общество спасения на водах – и сколько жизней сохранило оно и возвратило семье и обществу полезных членов! Да даст же ей Господь мир душевный... преспеяние в благих делах на благо России... и после временного – Царство Вечное» (7 В: 73, 76).

5. В честь императора Николая II

Священное Миропомазание и венчание на царство есть особый знак «милости, силы и власти, сообщаемой Вседержителем Богом царям земным, и что особа царя есть и должна быть священна и неприкосновенна, пред которой должно благоговеть всем. *"Не прикасайтеся к помазанным Моим"*, – говорит Господь чрез царя и пророка Своего Давида ***(Пс. 104, 15)***» (7 Е: 25). Потому-то святой Иоанн Кронштадтский молиться: «Да пребывает неизгладимо и всегда действенно благодать Священного Миропомазания на государе нашем и да почивает на нём всегда Дух Святый, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух мужества и силы» (7 Б: 19).

В собственном смысле слова «держава и самодержавие принадлежит Единому Богу» как Безначальному Творцу и Премудрому Вседержителю. Но часть Своей державы Господь уделяет земным царям, «как долженствующим управлять подобными им людьми – и по собственному опыту знающим их немощи, силы и способности, и могущим снисходить им и миловать их, или праведно и грозно наказывать ожесточённых и неисправимых, в страх прочим» (7 Е: 22-24).

С давних пор наши цари и императоры именуются самодержавными и единодержавными – «в их самодержавии и единодержавии, вместе с Православием, заключается мощь, ширь и слава России, ибо с тех пор, как благоверные цари наши собрали и сплотили Отечество наше в одно целое политическое тело, – оно быстро стало укрепляться и распространяться во все концы» (7 Б: 20). Благодаря наследственному преемству государей из одного дома, рода, «проникнутых одинаковым духом, одинаково возвышенными и мудрыми намерениями касательно управления Россией, она постепенно шла вперёд, постепенно развивалась, расширялась, укреплялась внутри и

уважалась соседями извне» (7 В: 26). И это происходило, это уверенно продвигалось несмотря на то, что её со всех сторон теснили враги! А сколько их было во все века! Сколько их «посягало на чистоту нашей Веры и покушалось отторгнуть нас от воспитавшей нас Матери нашей Церкви? Но мы стояли с царями нашими в исповедании её твёрдо. И теперь вся настоящая Россия тверда в своём Православии. Много, впрочем, и теперь у нас врагов вне и внутри России, ненавидящих нас больше всего за наше Православие – потому, что оно для них как бельмо на глазу, – и усиливающихся сбить нас с этого твёрдого оплота, – но Бог сохранит нас в чудной, непорочной, святой и спасительной нашей Вере до скончания века» (7 Г: 27).

По слову святого Кронштадтского Пастыря и Печальника Российской Земли, «единодержавие есть самая естественная, разумная и самая полезная для земных царств форма правления; самая надёжная власть, так как она происходит непосредственно от Бога». Единый Творец всего сущего подчинил всё бытие единым законам – всех людей – закону любви и взаимного повиновения; всякую тварь – одинаковым инстинктам и привычкам. Во всех действиях людей – действиях разумных – присутствует какая-нибудь одна объединяющая мысль. В каждом обществе, заботящемся о благоустройстве, существует один для всех устав, как и одно ответственное, правящее лицо (7 Б: 20-22).

«Таким образом, – заключает святой Батюшка – единодержавие и самодержавие в государстве есть самая естественная и Богом указанная и узаконенная форма правления, всего более споспешествующая благоденствию и успехам государства и благу подданных, да и благу мира прочих государств. Одно державное слово могущественного монарха может остановить военное кровопролитие и установить мир между воюющими державами... Вспомним междоусобную рознь наших древних Русских князей, воевавших друг с другом и ослаблявших Россию. К чему она, эта рознь, привела? К татарскому порабощению. А объединение одним самодержавным царем Иоанном III Руси к чему привело? К совершенному освобождению от татарского ига. А следующей затем политикой и

монархической властью царей и императоров России она приведена к нынешнему величию и славе» (7 Б: 22-23).

(К сему хотелось бы кое-что добавить, но оно выходит за пределы творений святого Проповедника Покаяния и жизни во Христе Спасителе)[1].

6. В честь императрицы Александры Феодоровны

«Мы, – говорит святой Кронштадтский Пастырь, – имеем счастье видеть у себя, в России, добрую, сострадательную и милостивую царицу Александру… которая с христианским сочувствием и любовью относится ко всем Русским, так, в особенности, к бедному Русскому народу – и приняла под своё высокое покровительство особый, учреждённый ею Комитет или попечительное учреждение по делам об устройстве в России Домов Трудолюбия, в котором сама благоволит председательствовать» (7 В: 15). Как же нам не благодарить и не славить Промыслителя, столь благостно покрывающего Россию чрез избранную Им верную рабу? Как не благодарить и её за милосердие, за «благотворные дела в России? Могло ли что подобное быть без её милостивого начинания! Надо было именно царственному лицу на царском престоле начать великое дело милосердия, чтобы оно так широко пошло и укоренилось» (7 В: 39-40). И Святая Церковь ныне, в день её рождения, возносит сугубые благодарственные Богу молитвы за благочестивейшую государыню, советницу и помощницу в царственных трудах и заботах (7 Б: 24-25).

День рождения каждого человека должен быть днём хвалы Богу, днём благодарения и торжества. Является человек на земле прекрасным венцом всех творений окружающего мира, «с бессмертной душой, предназначенной… к бесконечному усовершенствованию». А чтобы стать на этот путь и достигнуть цели – он в Таинстве Крещения очищается «от скверны первородного греха», усыновляется Богу – духовно рождается (7 Б: 25). «По каким признакам

---

[1] Отдельное слово св. Иоанн посвящает раскрытию темы: «О необходимости и благотворности царского единодержавия, или самодержавия». (См.: 7 А: 35-38)

можно узнать, что мы действительно родились от Бога? – вопрошает святой Иоанн и отвечает: – Эти признаки: живая вера в Бога и соответственная вере жизнь, укрощение порывов всякой страсти, покаяние искреннее, упование, молитва – усиленное стремление ко всякой добродетели...» (7 Г: 37)... В Таинстве Миропомазания крещённый человек получает благодать освящения всех душевных и телесных сил для совершения добродетелей, а в Таинстве Святого Причащения – духовно питается. С возрастом же он постепенно напояется Евангельским Законом и науками мирскими. «Церковь и государство... образуют человека» (7 Б: 25-26).

«Как же за всё это не благодарить Бога, Виновника всего благоустройства церковного и гражданского, благами которого пользуется всякий из нас?» (7 Б: 26).

Г. РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ

«Не станем дремать и спать
и проводить жизнь в суете»
(3: 435)

I. СЛОВО К УЧАЩИМ И УЧАЩИМСЯ

«Богом и с Богом начинаем снова наше учение… Богом, потому что Он есть начало и конец всего» (3: 308).

Святой Иоанн Кронштадтский прежде всего обращается со словом к господам наставникам: «Мы… будем трудиться в винограднике Божием» и должны будем представить приятные – зрелые плоды, а за свой труд дать некогда отчёт на последнем – Страшном Суде; должны «трудиться усердно и согласно, друг друга поощряя, друг друга поддерживая» (3: 289). «Если один преподаватель говорит то, а другой утверждает противное об одном и том же предмете, тогда в головах учащихся происходит умственный хаос, бесполезное и вредное умничанье, совопросничество, в сердцах разрушается вера во всё святое, в самое Откровение Божие, в Церковь и в весь строй ея, в нравах является деморализация и труд самого блестящего образования нередко разбивается вдребезги. Наблюдение и опыт подтверждают эти слова» (3: 309-310). Главное – позаботиться «о возможной простоте и немногосложности преподавания. Душа человеческая по природе проста и всё простое легко усвояет… а всё хитросплетённое отталкивает… как бесполезный сор. Мы все учились. Что же осталось в нашей душе из всех наук? Что врезалось неизгладимо в сердце и память? Не с детской ли простотой преподанная истина? Не сором ли оказалось всё, что было преподано искусственно, безжизненно? Не напрасно ли потрачено время на слишком мудрые уроки? Так, это всякий из нас испытал на себе.

Значит, тем осязательнее должен всякий убедиться в необходимости простого преподавания? Для учеников учитель – светильник. Если его око, его взгляд «на свой предмет, метод его преподавания будет прост, то все ученики его, хорошо его понимая, будут просвещаться от его преподавания: в их умах всё будет светло». Просто – значит немногосложно, доступно. Сила не в том, «чтобы преподать много, а в том, чтобы преподать немногое, но существенно нужное для ученика в его положении. Область знаний безгранична. Но область полезных и существенно необходимых знаний ограниченна. Из множества достаточно выбрать самое необходимое и привести это в стройную систему, соображённую с количеством других предметов» (3: 289-291). Нужно образовать, подготовить не просто «учёных людей, но и, – что всего важнее и нужнее, – добрых, Богобоязненных христиан. Это мы и стараемся делать» (3: 315). Учебный процесс должен быть, кроме «разумной и проникнутой религиозным характером научности… – охранительно воспитательным» (3: 321). Разум – «в истине веры и благочестия» (3: 325).

Учить других – дело великое и многотрудное, «потому что при обучении надо и вложить в их сердца единое на потребу – истины веры, любовь Богу и ближнему и несомненное ожидание Господа с Небес для суда живых и мёртвых и праведного воздаяния по делам каждого, и вместе преподавать им, хотя весьма полезные, но довольно многосложные в нынешнее время, познания светских наук – так, чтобы все эти познания, верования и чаяния дружно улеглись в их умах и сердцах и не вытесняли одни других». Преподаватели – соработники у Бога, споспешницы у Него, а учащиеся – Божия нива, ими возделываемая, Божие строение, ими возводимое (3: 297).

Сказав своё слово наставникам, святой Иоанн с истинно пастырской теплотой и любовью наставляет учащихся: «А вы, дети, занимайтесь науками усердно и с крайним прилежанием». Во имя Бога занимайтесь «с особенным старанием Законом Божиим» (3: 292). «Радуйте нас своим трудолюбием и успехами. Не унывайте от однообразия и, по временам, (от) трудности ученической жизни. „Корень учения горек, но плоды его сладки“, – говорит русская послови-

ца» (3: 297-298). Слагайте в своих сердцах всё, что будут вам говорить; слушайте всё прилежно, да живите благонравно, скромно, «безропотно подчиняясь поставленным над вами надзирателям, наставникам и начальникам». Конечная цель, к которой будут вас вести – это сделать вас «благочестивыми христианами и приготовить из вас наследников Царства Небесного, добрых и полезных слуг Отечеству, подпору и утешение родителям, и утешение для вас самих. Учитесь, с Божией помощью, да молитесь чаще премудрому и единственному Учителю Христу Богу. Он Духом Своим Святым научит вас всему доброму; научит вас и тому, как хорошо учиться» (3: 292, 298, 293). А посему неленостно ходите в храм Божий, не опуская ни одного воскресного, праздничного дня. «И никто и ничто да не препятствует вам в этом. В храме особенно Бог принимает наши молитвы; молитесь с сердечным вниманием и дома, и в классе; молитва есть беседа детей с Отцом Небесным» (3: 318). Знания без молитвы, без веры в Бога, без любви к Нему и людям – «это солома»; а знания, одушевлённые верой и любовью – «это пшеница, славная, вкусная, питательная» (3: 302). И ещё: вы учитесь разным языкам – «дело хорошее, но – смотрите, больше всего учитесь языку любви, самому живому, выразительному, сильному языку. Без него – знание языков не принесёт никакой существенной пользы… Старайтесь успевать наиболее в этой внутренней, сердечной науке – в науке любви, веры, молитвы, кротости…» (3: 302-303). Уважайте самих себя – «не доводите себя до поступков, унижающих и бесчестящих вас» (3: 319. – Одна латинская пословица гласит: "*Qui proficit in litteris, sed deficit in vita, plus deficit, quam proficit*" (кто успевает в науках, но не успевает в жизни, тот более не успевает, чем успевает) (3: 303).

Любезные дети! Трудитесь «над образованием своего ума и сердца; развивайте и укрепляйте свои душевные силы правильно, согласно, чтобы все они дружно направлялись… во славу Божию, на утешение родителям и на пользу общества, членами которого вы будете. Семена доброго учения да принесут сторичный плод в последующей жизни… да будете вы истинными детьми Божиими и наследниками Небесного Царствия, о котором так часто упоминает в Евангелии Господь наш

Иисус Христос» (3: 306-307). «Доселе вы утешали нас… надеемся на вас и вперёд» (3: 310). «Вы наши цветы» (3: 312).

В одном из своих слов учащим и учащимся святой Иоанн знакомит будущих слушателей с направлением своего преподавания: «Я, как священник, буду учить вас Божиему, христианскому закону, и прежде всего – как молиться Богу с понятием, с разумом, как в церкви стоять; как к исповеди и святому Причастию приступать; скажу, как вам велит Бог на этом свете жить, чтобы жизнь ваша была угодна Ему, нашему Господу, чтоб вам, как добрым детям Отца Небесного, в небесных обителях Его навеки успокоиться… и многое другое скажу, что вам знать надобно неотменно» (3: 395). И Батюшка молится: «Господи! Призри на нас ныне с высоты святыя Твоея и осени всех благодатию Святого Твоего Духа в час сей, и подай всем нам ревность и силу к продолжению учения. Ты – единственный Учитель всех, Господи!.. Сам поучай чрез нас любезных Тебе отроков сих… просвети их умы и сердца обильным светом Твоей премудрости…» (3: 297).

II. В ПУТЬ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

1. При отпевании иерея

Кончина иерея была внезапной. Что теперь испытывает его бессмертная душа? Что открылось перед ней? «Ангел Хранитель в 3-й день возводит её на поклонение Триипостасному Богу и потом руководит её по мытарствам и знакомит её с селениями праведных душ в продолжение шести дней, и возводит её в 9-й день опять на поклонение Богу Творцу, а потом показывает ей мрачные и страшные селения ада, где мучатся безумно проводившие жизнь свою и не покаявшиеся грешники. Наконец, в 40-й день, опять возводится на поклонение Богу в Троице и затем определяется от Творца и Праведного Судии участь её до общего воскресения». В это сорокадневное время святая Церковь возносит сугубые молитвы об усопшем, в чём он сильно нуждается (7 Б: 87-88).

В речи выражается скорбь, но скорбь эта истинно христианская. «Зачем ты скоро разлучился с нами?» Зачем оставил юную жену и детей малюток? «Но что я говорю?.. Единая минута не зависит от нас, а от Отца Небесного, положившего лета в Своей власти… Да не скорбит дух твой: у них остался *"Отец щедрот и Бог всякого утешения" (2 Кор. 1, 3)*, Который знает кому вверить сохранение их судьбы!» (3: 419).

А мы, продолжающие жизненный путь, спросим себя: «В вере ли мы и по вере ли живём? Ибо от веры или неверия зависит жизнь наша, благочестивая или грешная, равно и будущая участь наша – по смерти». Ныне многие заражены неверием. А от сего происходят всевозможные пороки – необузданность жизни, непочтение к родителям, к старшим, к властям… Помоги нам, Господи, иметь в разуме и сердце истину всеобщего воскресения «и жить достойно сынов воскресения» (7 Б: 88-89).

Батюшка просит прощение у почившего и сам прощает его. «Меня, любезный брат, прости, в чем я тебя огорчил, как человек, по моему нетерпению… Прости, прости, брат… и да не сетует на меня душа твоя!.. Прощаю тебя и я во всём, в чём, казалось, ты оскорблял меня» (3: 420).

2. При отпевании благочестивого христианина

«Какова наша жизнь! – воскликнем вместе со святым Иоанном Дамаскиным. – Цвет, и дым, и роса утренняя!» (3: 446-447).

При виде смерти и тления жизнь наша земная представляется суетной, но сколь вожделенна должна быть для каждого из нас «жизнь загробная, вечная, в которую перешли миллионы добре поживших здесь праотец, отец и братий наших!.. Не поднимай высоко бровь свою, красота плотская – ты скоро увянешь и воссмердишь; не надмевайся, богатство земное – в час кончины ты превратишься в бедность, ибо наги мы вышли из чрева матери своей, наги и отъидем в землю; не величайтесь – благородство, знатность, учёность, искусство, слава, могущество – земные! Ибо всё это вселится в прах!.. Приди, торжествуй и ликуй здесь чистая, нелицемерная, непристающая, твёрдая добродетель, ибо смерть для

тебя есть конец подвигов и покой твой, и после смерти начнётся для тебя вечное воздаяние от Праведного Судии и Мздовоздаятеля». Только ты не умрёшь и возрадуешься за гробом; и блажен тот, кто старается приобрести тебя – «он приобретает себе временными борениями и трудами бесконечное блаженство вечной жизни». Блажен тот, кто щедро творил милостыню – она искупает грехи, «и чем больше кому Господь даровал земных благ, тем больше щедрот от него ожидает в пользу нищих и убогих» (3: 447-448).

«Ты, – обращается святой Пастырь к почившему, – был счастлив, когда видел счастье ближнего; ты торжествовал духом, когда видел торжественно воздаваемую признательность к чьим-либо заслугам, потому что ты был сам честный слуга престолу, Церкви и Отечеству; ты был добр и благороден в высокой степени, и всё доброе, прямое, честное находило чистый и громкий отзвук в твоей душе… Ты любил благолепие православного Богослужения, и оно восторгало тебя „горé“… Ты был всегда готов к отшествию в Иной Мир; ты всегда стремился к Богу, к добродетели… Господь и праведный Судья не оставит без награды твоих праведных забот, твоих трудов и попечений…» (3: 429-430).

«А вы… сродники, почитатели, друзья, знаемые усопшего, – не терзайтесь его, как бы преждевременной, кончиной; он после трудов отошёл на покой… не умер, но спит: он восстанет после долгого сна – много потрудившемуся нужен и сон не краткий… Молитесь за него, одно теперь ему нужно: тёплая молитва о упокоении его души» (3: 430, 454, 431).

3. При отпевании благочестивой христианки

Мы верим, что Господь примет усопшую в свои Небесные Обители. Веруем потому, «что она была добрая, благочестивая христианка, горевшая любовью ко Господу, готовая любить и действительно любившая всех и каждого… Можно было… подумать, не с родной ли сестрой беседуешь в часы досуга…» Веруем потому, «что она с честью, свято исполнила обязанности супруги и матери… Супруг был счастлив ею… находя покой в её…

постоянной безграничной доброте и простосердечии и имел в ней умную и деятельную помощницу в важном и трудном деле воспитания детей. Она была нежнейшей, благопопечительной матерью: не оставляла детей своих добрыми внушениями о Боге, об обязанностях их к Нему, об уважении и любви ко всем людям». И ещё веруем потому, «что Господь сподобил её утешиться перед кончиной принятием Пречистых и Животворящих Таин Своих, приняв от неё предсмертное покаяние» (3: 426-428). Она никого не осуждала, а у всех примечала более добрые стороны и оценивала их. Как же она радовалась, «когда слышала ясное, живое и сильное слово проповеди или стройное пение певчих, или внятное, осмысленное чтение Евангелия, псалмов и молитв! Она тогда была вся – слух, вся – внимание. Да, любила она Божию службу… и горела перед Богом душой, как свеча. Поэтому дерзаем думать, что она не неготовой отошла из этой жизни, и не без доброго ответа предстанет на суд Божий» (3: 444, 436).

Не будем же много *"скорбеть об умерших, якоже и прочии не имущии упования" **(1 Сол. 4, 13)***, а станем усерднее молиться о них и «сами готовиться в Страну живых», собирая запас «добрых дел, на которые мы и созданы» (3: 426, 428).

III. РАЗНОЕ

а) В Великий Пяток Опять мы мысленно на Голгофе и переживаем часы смертельных страданий Богочеловека.

Но «одни ли иудеи распяли Иисуса Христа? – вопрошает святой Иоанн Кронштадтский и отвечает: – Нет! И мы с вами, братия мои: каждый из нас влил в ужасную чашу Его страданий много горькой желчи» (3: 353). И доныне грешный мир причиняет боль Голгофскому Страдальцу, уже воскресшему, вознесшемуся на Небеса и седящему одесную Бога Отца. «И у нас – свои Иуды, рядящиеся в одежду самозваных учителей и как бы апостолов, только желающих

не утвердить, а превратить Благовествование Христово» (7 Д: 19). Разница только во времени, да в обстоятельствах места и личностей (3: 354).

«Грешники и грешницы! – взывает святой Пастырь. – Когда мы перестанем… грешить?.. Доколе маловерие, неверие, нерадение, охлаждение ко Христу и к Его Церкви? Помыслите – какая любовь пламенеет к нам в сердце Распятого Богочеловека!.. Какое благословение превожделенное, жизненное, премирное Он исходатайствовал нам у Отца Небесного Своими страданиями и смертью за нас!» (7 Д: 20).

Приди же «каждый из нас сюда, к этому гробу Господа и Спасителя и плачь над этими язвами… Агнца Божия, вземлющего грехи всех. Язвы эти – наше дело» (3: 354).

Да возгорятся «наши сердца огнём веры и любви. Обратимся ко Христу со слезами покаяния, возлюбим Его всем сердцем, всей душой и всей крепостью и пребудем с Ним вовеки» (7 Д: 20).

б) на Новый год

Все мы любим новости и при встрече с знакомыми часто спрашиваем: что у вас новенького? Видно, что у всех нас есть что-то старенькое, очень надоевшее нам, гнетущее и давящее нас – потомков Адамовых – и возбуждающее жажду чего-то нового. «Что же это старенькое, что всем нам надоело? – ставит вопрос святой праведный Иоанн Кронштадтский и вот как отвечает: – Это старенькое, ветхое – мы сами, братия мои, суета наша, грехи да страсти наши, эта старая нелепость, старая пакость, старая прелесть, глубоко насажденная в нас древним человекоубийцей, древним пакостником и прелестником – диаволом… Вот что в нас старое, ветхое, что нам ужасно надоедает, при всей своей прелести; вот что повергает нас в нравственную дряхлость, немощь, апатию и что сильно возбуждает в нас такую сильную жажду нового». Новость же, и подлинная «новость есть благодать Божия… благодать обновления… прощения грехов… освящения… Вот наша истинная, животворная, вечная новость – благодать Господа нашего Иисуса Христа и обновление наших душ Божией благодатью. Мы должны возродиться,

обновиться, обожиться, отбросить от себя с отвращением всякую прелестную нелепость и ветхость греховную и жить в новости христианской жизни, свято, непорочно» (3: 101-102). Если же «я ощущаю в себе каждый день поползновение к гневу или к зависти, гордости, или действительно гневаюсь, сержусь, завидую, горжусь, или имею страсть к деньгам, к яствам и напиткам, и тому подобное, то я не новый, а ветхий человек... и только тогда делаюсь новым человеком и чадом Божиим, когда искренно покаюсь, оплачу свой грех и совсем переменюсь в своих мыслях, чувствах, расположениях и склонностях в добрую сторону» (3: 104-105).

Но так как мы состоим не только из души, а из тела, не только духовны, а и телесны, то пожелаем также «друг другу и земных благ... во всём благопоспешения... здравия и довольства в житии... всякого преуспеяния на благо Отечества» и личного благосостояния (7 Д: 2).

Итак, «с нового года будем непременно трудиться, с Божией помощью, над обновлением самих себя... Займёмся хорошенько своими душами, своим вечным спасением, своей вечной судьбой, и – своим обновлением» (3: 103).

в) Разное

1. Чтение слова Божия

Чтобы слово Божие «имело для тебя привлекательность – гляди на него... оком очищенного от всякой нечистоты сердца, и тогда ты увидишь его в сиянии солнца Божия, сияющего животворными лучами... При чтении его ты опытно узнаешь, что оно есть свет для твоего ума, с которым не только без боязни, но и с радостью ты можешь идти путём самой сени смертной; при котором увидишь, что в прекрасном светозарном мире Божием нет смерти, что смертное безобразие в телесной природе человека есть следствие греха и вместе следствие всеобщего закона земного, по которому всё вещественное подвержено тлению и разрушению, но так, впрочем, что из этого тления восстанет новая жизнь; что этот

порядок не слишком продолжителен, и с течением времени, которое уже самым течением своим свидетельствует о своей конечности, кончится, уступив место вечной жизни, всегда юной, нестареющейся» (3: 384-385).

«Когда будешь надлежащим образом смотреть на слово Божие и читать его, то увидишь как закипит в душе твоей святое стремление ко всему истинному, прекрасному и доброму» (3: 388).

2. При вступлении на пастырское служение

«Дошло и до моего сердечного слуха слово Господа: "*Паси овцы Моя*", повелевающее мне пасти вас, словесных овец Его», – начинает святой Иоанн свою речь в первое священнодействие Божественной Литургии в Кронштадтском Андреевском соборе, – и продолжает: «Сознаю высоту сана и соединённых с ним обязанностей; чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению высочайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию… Знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание. Это любовь ко Христу и к вам».

Звание священника высоко, ибо это «сан Христов». И какой смертный человек может в полной мере соответствовать этой «высоте и святости сана священнического? Если взять во внимание то одно, что священник, предстоя самому престолу Божию в земном храме, должен так часто совершать Животворящие и страшные Таины Христовы… А проповедование слова Божия?.. Какая это высокая и трудная обязанность!»

«Примите меня в любовь вашу и воспоминайте меня пред Господом в молитвах ваших» (3: 331-334).

3. На юбилеи священнической хиротонии

В день двадцатипятилетнего юбилея священства святой праведный Иоанн Кронштадтский вместе с паствой прославляет великого Бога и Спасителя нашего Господа Иисуса Христа.

«Кто, – восклицает святой Пастырь, – исчислит за всё это время бездну спасения Божия, совершавшегося во мне благодатью Христовой всякий день и – многократно!» Кто «изочтёт все тайные дары Божии душе моей!» Кто назовёт бесчисленное множество благодатных врачеваний! Спаситель «видит, что я неложно воссылаю Ему славу. Только Им и о имени Его я славен, а без Него – бесчестен; только Им силен, а без Него – немощен; с Ним – свят, без Него – исполнен грехов; с Ним – дерзаю, без Него – малодушествую; с Ним – кроток и смирен, без Него – раздражителен и не благ. *"Возвеличите же Господа со мною и вознесем имя Его вкупе"* ***(Пс. 33, 4)***. Да пребудут незабвенными для меня эти милости Господни во век, да укрепляют они веру и надежду на будущее время, да утверждают стопы мои в делании заповедей Божиих, в непреткновенном прохождении высокого звания священнического» (3: 356-357).

Всё величие смирения Батюшки выявилось в его ответе прихожанам, поднесшим ему в дар драгоценный крест:

«Вы приносите мне в дар, как выражение вашей веры и благочестия, этот драгоценный крест. Но как я возложу его на перси, когда Пастыреначальник наш Господь Иисус нёс деревянный крест на раменах Своих для принятия неправедной казни за нас, изнемогая под тяжестью его? Как я буду носить его, когда я не научился ещё у Него полагать душу свою за овцы стада Его; когда я не научился ещё распинать плоти своей с её страстями и похотями; когда не научился ещё «жить не себе, а Ему, ради нас умершему и воскресшему»; когда ещё богопротивное самолюбие в разных видах живёт во мне и нередко омрачает душу мою? Разве для обличения себе буду носить его на своих персех, в которых ещё не горит постоянным пламенем любовь к Распятому и к тем, за кого он распят? Простите мне моё недоумение и моё колебание. Мы готовы на получение наград, но не всегда готовы на самоотвержение» (3: 358).

Подобные мысли выразил Батюшка и спустя ещё ровно десять лет – в день празднования тридцатипятилетнего юбилея священства:

«Я, по слову и наставлению Христову, есмь "раб непотребный, сделавший только то, что должно было сделать" ***(Лк. 17, 10)***, при

пособии благодати, данной мне Господом. Да и сделал ли я всё, что должен был сделать? По совести скажу – нет! Много недоставало в моём служении по внутреннему человеку, и вообще служение мое было не без недостатков. Мой долг сознавать это и просить снисхождения к моим недостаткам и милости у Господа, да и у вас снисхождения к моим немощам. Но желаю всем сердцем святыни и совершенства и буду всеми силами, с помощью Божией, стремиться к исправлению и совершенству, ибо нам сказано: "*Будите убо совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть*" ***(Мф. 5, 48)***» (3: 361-362).

4. Во время бедствий

При постигавших страшных бедствиях – засухе, пожаре, губительной болезни холеры – святой праведный Иоанн призывал паству обратить свой взор горé и старался всеми доступными ему мерами облегчить участь страдальцев.

«Что навлекло на нас бедствие? – ставит вопрос Батюшка и сам отвечает: – Грехи и беззакония наши. Ибо что ни воскресный или праздничный день, то у нас в городе пьянство, распутство, сквернословие, бесчинные крики, драки, разбои, истый Содом и Гоморра» (3: 123). А для чего? «Чтобы мы истрезвились душевно, очнулись от своего греховного усыпления» (3: 127). И святой Иоанн призывает: «Обратимся с горячей молитвой к Божией Матери, да Она Своим всемощным предстательством испросит нам прощение согрешений, да содействует нашему покаянию и исправлению… Когда пророк Иеремия умолял Господа преклониться на милость к народу Израильскому, Он сказал ему: "*Хотя бы предстали пред Меня Моисей и Самуил, и тогда душа Моя не преклонится к народу сему: отгоню их от лица Моего: пусть отойдут*" ***(Иереем. 25, 1)***. Но если предстанет пред Ним с ходатайством Своим за нас Пречистая Матерь Его, показуя Ему руки, на которых носила Его, то не преклонит ли Его, как Чадо Своё, на мольбу Матери? Так, без сомненья преклонит. Но восхощет ли Владычица молиться за нас? Ведь и Она тоже прогневляется нашими беззакониями, как и Сын Её; ибо и Она, как Всесвятая,

Пренепорочная, безмерно гнушается великой греховной нечистотой» (3: 121).

Пожары – это страшное знамение гнева Божия, это образ вечного огня! Придёт праведный Судья – «и всех нас повлечёт пред судилище Его ужасная река огненная… Покаемся же, доколе есть время, от злых дел и начинаний наших» (3: 125).

Святой Иоанн, призывая к покаянию, оказывал и практическую необходимую помощь: устраивал приюты для пострадавших, дома для бедных, в Кронштадте «Дом Трудолюбия» для занятости неимущих, «для воспитания бедных детей, – для облегчения бедных матерей, чрез принятие малолетних детей их в дневное пристанище – для умственного и нравственного образования народа в праздничные дни, посредством назидательных и общеполезных чтений», для бесплатного лечения бедных больных, для питания голодных, снабжения их одеждой (3: 133, 147, 134).

«Сам Господь, облекшийся в образ человеческий, – исповедует Батюшка, – принимает благотворения наши… и готовит богатое воздаяние всем благотворителям» (3: 135).

5. В помощь славянам при Освободительной войне

Святой праведный Иоанн с душевной болью свидетельствует о том, что наши братья-славяне переносят ужасные страдания за «святую веру, за Христа Господа нашего, потому что туркам ненавистно самое имя христианина», и во имя единой святой православной веры приглашает всех к посильным пожертвованиям (3: 407). «Нашей первой и прямой обязанностью, братия, – говорит он, – должны быть благочестивая, со страхом Божиим жизнь, молитва, милостыня и, в случае нужды, жертва своим достоянием на потребности военные, по силе и возможности каждого» (3: 409).

«Братия наши, воины христолюбивые, – продолжает он, – пошли полагать за нас животы свои, проливать дорогую христианскую кровь свою, а мы будем возносить к Богу, как жертву всесожжения, пламенные молитвы за них, да победоносными их сотворит,

а павшим на войне за веру, царя и Отечество, да подаст венцы нетленные и со святыми упокоение». И молится: «Оружие креста да соделает бессильными все оружия бранные, да будут они как трости переломленные» (3: 413).

Молитву Праведника Господь услышал!

6. Новобрачным

Брачный союз мужа и жены есть образ святейшего союза Господа нашего Иисуса Христа со Святой Церковью, с верующими в Него, потому-то сожитие должно быть чистым, святым, мирным, неразрывным, проникнутым взаимопреданной любовью.

«Отныне вы, – говорит святой Иоанн, – делаетесь одушевлёнными орудиями Божественной благости и всемогущества, ибо чрез мужа и жену Всеблагий Творец призывает к бытию и жизни разумные создания, будущих чад и наследников Царствия Божия; и вы… должны будете воспитать их в правилах православной веры и жизни христианской, служа для них, прежде всего, сами примером веры, благочестия и страха Божия… Берегите друг друга, снисходите один другому, покрывая немощи друг друга любовью… имейте всегда веру и страх Божий в сердце… И Бог вселится в вас, и увенчает все начинания и дела ваши благословенным успехом» (3: 398, 399, 401).

7. Против пьянства

Одолело народ пьянство. На каждом шагу и во всякое время встречаются заражённые этой болезнью. Гибнут души, расстраивается здоровье. Принятое не в меру вино – яд человекоубийственный, а торгорцы вином – «человекоубийцы, особенно те, кои дурное вино продают». А кто погибающие? Дети Триединого Бога.

«Что нам делать? Что говорить? – вопрошает святой Кронштадтский Пастырь и отвечает: – Время перестать играть вином и губить души и тела бедного народа. А вы, людие Господни, немедленно перестаньте пьянствовать и разорять себя и свои семейства, да

губить свои души и тела… Братия! От лица Господа нашего Иисуса Христа, пострадавшего за нас на Кресте, от лица Господа, почивающего здесь – в алтаре на святом Жертвеннике, умоляю всех вас – перестаньте пьянствовать… Всех здесь предстоящих прошу: вразумляйте, просите, умоляйте друг друга – не предаваться пьянству! Угрожайте пьяницам судом Божиим здесь и на том свете. Стыдите их; удерживайте их от пьянства: и Господь вас благословит здравием и миром и в делах ваших благопоспешением… Живите как христиане, позванные к Небесному Царствию, в которое не может внити ничто скверное или нечистое. Трезвитесь, бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь» (3: 106-110).

8. Вышедшим из тюрьмы

Святой праведный Иоанн Кронштадтский не преминул явить своё доброе участие и в судьбах тех людей, которые поскользнулись в своей жизни и упали. Это говорит о том, что он ни на кого не смотрел как на отверженного, но во всяком человеке видел искру добра и старался её воспламенить – вернуть его в нормальное человеческое общество, чтобы всё содеянное плохое ушло в небытие и никогда больше не возвращалось.

«Мы, – говорил Батюшка, – пришли вместе с вами помолиться о благополучном вам пути… Желаем вам, чтобы все вы, по окончании вашей гражданской епитимии, возвратились или в недра своих семейств, от которых вы отторгнуты случайно, или на места службы, которую прежде исполняли, одним словом, чтобы вы получили, по окончании исправительного срока, дорогую всем нам свободу, и вступили в исполнение новых своих обязанностей… Старайтесь сделаться и добрыми христианами, и честными гражданами» (3: 415-416).

Заключение

Завершая свой труд по изложению содержания наставлений святого праведного Иоанна Кронштадтского, считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность иеродиакону Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Зотику (Плачинта) и студенту Московской Духовной Академии Харламову Алексею, подарившим мне «Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева» и таким образом повлиявшим на ускорение решения – приступить к изучению богатейшего духовного наследия нашей Святой Православной Церкви. По молитвам святого Пастыря да подаст Господь им и нам всем спасительное житие, а потом – и блаженное воскресение!

«Отче праведный Иоанне,
моли Всеблагого Бога умирити мир
и спасти души наша».

Перед Вами - **3-й том** собрания сочинений
Константина Ефимовича СКУРАТА
«РУССКИЕ СВЯТЫЕ – ИХ НАСТАВЛЕНИЯ».

Мы рады предложить Вашему вниманию также
1-й и 2-й тома собрания сочинений
Константина Ефимовича СКУРАТА :
1 том. «ВОСПОМИНАНИЯ И ТРУДЫ ПО ПАТРОЛОГИИ (I-V ВЕКА)»
2 том. «НАСТАВЛЕНИЯ ВЕЛИКИХ УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ».

В настоящее время издательством готовится к выпуску
4-й том собрания сочинений
Константина Ефимовича СКУРАТА
«СВЯТОСТЬ РУСИ».

Автор и издатели искренне благодарят
добрых христиан Владимира, Людмилу, Сергия
и просят читателей помолиться о них.

Главный редактор. *Иерей Максим Брусов*
Выпускающий редактор *Ольга Дмитриева*
Компьютерная вёрстка· *Мария Иванова*
Корректоры *Галина Гантковская, Наталия Фрицлер, Лидия Чаева*

Подписано в печать 30.11.2009 Формат 70x100 1/16
Печать офсетная Гарнитура «Minion Pro»
Бумага офсетная Усл п/л 52
Тираж 3000 экз. Заказ № 0917310

Адрес редакции 141840, Московская обл , Дмитровский р-н,
г Яхрома, ул Конярова, 12, Троицкий собор

ЯПК arvato
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул Свободы, 97